This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

WIDENER LIBRARY
HX 74PL L

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

WIA - LC
QS
709
.P92x
1875
v. 1

Digitized by Google

МОНГОЛІЯ

и

СТРАНА ТАНГУТОВЪ

ТРЕХЛѢТНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ВОСТОЧНОЙ НАГОРНОЙ АЗІИ

Н. ПРЖЕВАЛЬСКАГО,

Подполковника Генеральнаго Штаба, Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ I.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

(Переводъ безъ согласія автора не допускается.)

Digitized by Google

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе.

Глава I. — **Отъ Кяхты до Пекина.**
Канунъ путешествія. — Почтовое сообщеніе черезъ Монголію. — Выѣздъ изъ Кяхты. — Мѣстность до Урги. — Описаніе этого города. — Гоби. — Ея характеръ. — Птицы и звѣри пустыни. — Земля цахаровъ. — Окраинній хребетъ Монгольскаго нагорья. — Городъ Калганъ. — Чайные караваны. — Великая стѣна. — Первое знакомство съ китайцами. — Переѣздъ до Пекина 1

Глава II. — **Монголы.**
Наружность, одежда и жилище монголовъ. — Ихъ обыденная жизнь, характеръ, языкъ и обычаи. — Религія и суевѣріе. — Административное раздѣленіе и управленіе Монголіи. 32

Глава III. — **Юго-восточная окраина Монгольскаго нагорья.**
Снаряженіе экспедиціи въ Пекинѣ. — Скудость нашихъ денежныхъ средствъ. — Затрудненія съ китайскими деньгами. — Характеръ Монгольской горной окраины къ сѣверу отъ Пекина. — Городъ Долонъ-норъ. — Песчаные холмы Гучинъ-гурбу. — Травяной пожаръ. — Озеро Далай-норъ. — Производство съемки. — Путь отъ Долонъ-нора въ Калганъ. — Богдоханскія пастбища. — Климатъ весны. — Описаніе верблюда 63

Глава IV. — **Юго-восточная окраина Монгольскаго нагорья** (продолженіе).
Слѣдованіе изъ Калгана на Желтую рѣку. — Миссіонерская станція Си-низа. — Хребты Шара-хада и Сума-хада. — Каменный баранъ или аргали. — Аймаки уротовъ и западныхъ тумытовъ. — Навязчивость монголовъ. — Наша торговля прекращается. — Недружелюбіе и плутовство китайцевъ. — Хребетъ Инъ-шань. — Кумирня Батгаръ-шейлунъ. — Горная антилопа. — Горы Муни-ула. — Ихъ лѣсная и альпійская область. — Преданіе о происхожденіи этихъ горъ. — Наше двухнедѣльное пребываніе въ нихъ. — Посѣщеніе города Бауту. — Переправа черезъ Хуанъ-хэ въ Ордосъ 93

Глава V. — **Ордосъ.**
Географическое положеніе Ордоса и его административное раздѣленіе. — Описаніе сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ. — Характеръ ея долины. — Пески Кузупчи. — Пребываніе на озерѣ Цайдеминъ-норъ. — Монгольскія преданія о Чингисъ-ханѣ. — Дальнѣйшій путь. — Антилопа харасульта. — Кумирня Шара-дзу. — Одичавшій рогатый скотъ. — Обычный порядокъ нашихъ вьючныхъ хожденій. — Горы Арбусъ-ула. — Приключеніе въ городѣ Дынъ-ху 126

Глава VI. — **Ала-шань.**
Общій характеръ Ала-шаньской пустыни. — Мѣстные монголы. — Наше слѣдованіе по Сѣверному Ала-шаню. — Городъ Дынь-юань-инъ. — Ала-шаньскій князь и его сыновья. — Лама Балдынъ-сорджи. — Продажа нашихъ товаровъ. — Нынѣшній Далай-лама. — Предсказаніе о странѣ Шамбалынъ. — Парадное свиданіе съ Ала-шаньскимъ княземъ. — Ала-шаньскій хребетъ. — Охота за куку-яманами. — Причины возвращенія въ Калганъ 156

Digitized by Google

стран.

Глава VII. — **Возвращеніе въ Калганъ.**
Болѣзнь моего товарища.—Озеро осадочной соли Джаратай-дабасу.— Хребетъ Хара-наринъ-ула. — Характеристика дунганъ. — Долина лѣваго берега Желтой рѣки. — Трудности зимняго путешествія. — Пропажа нашихъ верблюдовъ.— Невольная стоянка возлѣ кумирни Шыреты-дзу. — Прибытіе въ Калганъ 180

Глава VIII. — **Обратное слѣдованіе въ Ала-шань.**
Снараженіе во вторичную экспедицію. — Новые казаки. — Мартъ и апрѣль въ юго-восточной Монголіи. — Ала-шань весною. — Противодѣйствіе Ала-шаньскаго князя нашему дальнѣйшему путешествію. — Караванъ тангутовъ, съ которымъ мы отправляемся въ провинцію Гань-су. — Характеръ южнаго Ала-шаня. — Великая стѣна и городъ Даджинъ. 194

Глава IX. — **Провинція Гань-су.**
Переходъ отъ Даджина до кумирни Чейбсенъ. — Описаніе этой кумирни. — Народъ далды. — Горы Гань-су. — Очеркъ ихъ климата, флоры и фауны. — Наше лѣтнее пребываніе въ этихъ горахъ. — Горы Соди-Соруксумъ и Гаджуръ. — Озеро Демчукъ. — Опасная стоянка возлѣ Чейбсена.—Сборы на Куку-норъ.—Слѣдованіе къ Муръ-засаку.— Характеръ бассейна верхняго теченія р. Тэтунгъ-гола. — Мы на берегахъ Куку-нора 218

Глава X. — **Тангуты и дунганы.**
Наружность, языкъ, одежда и жилище тангутовъ. — Ихъ занятія, пища и характеръ.—Магометанское возстаніе въ Западномъ Китаѣ.— Дѣйствія инсургентовъ въ Гань-су. — Мѣры китайцевъ. — Деморализація китайскихъ войскъ. — Взятіе ими г. Синина 256

Глава XI. — **Куку-норъ и Цайдамъ.**
Описаніе озера Куку-нора.—Легенда о его происхожденіи.—Окрестныя степи. — Дикій оселъ или хуланъ. — Мѣстные монголы и хара-тангуты. — Административное раздѣленіе. — Наше свиданіе съ тибетскимъ посланникомъ. — Разсказы о кумирнѣ Гумбумъ. — Рѣка Бухайнъ-голъ. — Южно-куку-норскій хребетъ. — Соляное озеро Далай-дабасу. — Меня принимаютъ за святаго и доктора. — Страна Цайдамъ. — Свѣдѣнія о дикихъ верблюдахъ и лошадяхъ. — Переходъ до границы Тибета 278

Глава XII. — **Сѣверный Тибетъ.**
Горные хребты Бурханъ-Будда, Шуга и Баянъ-хара-ула. — Характеръ пустынь Сѣвернаго Тибета. — Обычный путь каравановъ. — Баснословное обиліе звѣрей: дикій якъ, бѣлогрудый аргали, антилопы оронго и ада, волкъ и корсакъ. — Бѣдность птицъ. — Наша зимняя жизнь. — Пыльныя бури. — Монголъ Чутунъ-дзамба, нашъ проводникъ. — Рѣка Муръ-усу. — Возвращеніе въ Цайдамъ 302

Глава XIII. — **Весна на озерѣ Куку-норѣ и въ горахъ Гань-су.**
Раннее наступленіе весны въ Цайдамѣ.—Зимній видъ оз. Куку-нора.— Поразительно бѣдный пролетъ птицъ. — Быстрое вскрытіе озера. — Переходъ отъ Куку-нора до Чейбсена. — Климатъ апрѣля. — Хайлыки и снѣжные грифы. — Роскошная жизнь горъ въ маѣ. — Ушастый фазанъ. — Сурокъ.—Медвѣдь. — Примѣняемость горныхъ растеній къ непостоянству климата 339

Глава XIV. — **Возвращеніе въ Ала-шань.— Путь на Ургу срединою Гоби.**
Переходъ по южному Ала-шаню. — Встрѣча съ караваномъ богомольцевъ. — Прибытіе въ Дынь-юань-инъ. — Лѣтній характеръ Ала-шаньскихъ горъ. — Неожиданное въ нихъ наводненіе. — Слѣдованіе на Ургу. — Гибель нашего Фауста. — Характеръ пустыни отъ Ала-шаня до хребта Хурху.—Описаніе этихъ горъ.—Гоби къ сѣверу отъ нихъ.— Дороги изъ Куку-хото въ Улясутай. — Пустыня превращается въ степь. — Прибытіе въ Ургу. — Окончаніе экспедиціи. 361

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Четыре года тому назадъ, благодаря иниціативѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и просвѣщенному содѣйствію Военнаго Министерства дѣлу науки, я получилъ назначеніе совершить экспедицію въ Сѣверный Китай, въ тѣ застѣнныя владѣнія Небесной Имперіи, о которыхъ мы имѣемъ самыя неполныя и отрывочныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ китайскихъ книгъ, изъ описаній знаменитаго путешественника XIII вѣка Марка Поло, или, наконецъ, отъ тѣхъ немногихъ миссіонеровъ, которымъ, кой-когда и кой-гдѣ, удавалось проникать въ эти страны. Однако данныя, добытыя изъ всѣхъ этихъ источниковъ до того поверхностны и неточны, что вся Восточная Нагорная Азія, отъ горъ Сибирскихъ на сѣверѣ до Гималайскихъ на югѣ и отъ Памира до Собственнаго Китая, до сихъ поръ также мало извѣстна, какъ Центральная Африка, или внутренность острова Новой Голландіи. Даже объ орографическомъ строеніи всей этой громадной площади мы имѣемъ большею частію лишь гадательныя данныя; о природѣ же этихъ странъ, т. е. объ ихъ геологическомъ образованіи, климатѣ, флорѣ и фаунѣ, мы не знаемъ почти что ничего.

Между тѣмъ эта terra incognita, по величинѣ превосходящая всю Восточную Европу, помѣщенная въ срединѣ наибольшаго изъ всѣхъ континентовъ, поднятая такъ высоко надъ уровнемъ моря, какъ ни одна изъ другихъ странъ земнаго шара, наконецъ, то прорѣзанная громадными хребтами горъ, то раскинувшаяся необозримою гладью пустыни, представляетъ высокій и всесторонній научный интересъ. Для натуралиста и для географа поприще здѣсь самое широкое; но на сколько

Digitized by Google

описываемыя мѣстности манятъ къ себѣ путешественника своею неизвѣданностію, на столько же онѣ и страшатъ его всевозможными невзгодами. Съ одной стороны является пустыня со всѣми ужасами своихъ урагановъ, безводія, жаровъ, морозовъ; а съ другой—подозрительное и варварское населеніе, обыкновенно недовѣрчиво, или враждебно, встрѣчаетъ европейца.

Три года сряду выносили мы борьбу со всѣми трудностями странствованія въ дикихъ странахъ Азіи, и только благодаря необыкновенному счастію могли достигнуть своей цѣли: пробраться на оз. Куку-норъ и даже въ Сѣверный Тибетъ, на верховья Голубой рѣки.

Счастіе, повторяю, было моимъ неразлучнымъ спутникомъ во все время путешествія, съ перваго до послѣдняго шага. Въ лицѣ своего молодаго товарища, подпоручика *Михаила Александровича Пыльцова*, я нашелъ дѣятельнаго и усерднаго помощника, энергія котораго не падала ни передъ какими невзгодами; два забайкальскихъ казака—*Панфилъ Чебоевъ* и *Дондокъ Иршчиновъ*, сопровождавшіе насъ во второй и третій годъ путешествія, оказались смѣлыми и усердными людьми, служившими вѣрою и правдою дѣлу экспедиціи [1]).

Съ другой стороны, съ неменьшею благодарностію, я долженъ упомянуть имя бывшаго нашего посланника въ Пекинѣ генералъ-маіора *Александра Егоровича Влангали*. По его, главнымъ образомъ, иниціативѣ возникла моя экспедиція, и отъ начала до конца онъ былъ самымъ горячимъ ея покровителемъ.

Но за то, если я былъ счастливъ нравственною, такъ сказать, обстановкою дѣла, то съ другой стороны матеріальныя средства нашей экспедиціи были крайне ничтожны, а это какъ нельзя болѣе отражалось на самомъ ходѣ путешествія. Не говоря уже про различныя лишенія, которыя мы испытывали въ пути, исключительно по неимѣнію денегъ, мы не могли даже запастись въ достаточной мѣрѣ хорошими инструментами для производства наблюденій. Такъ напр., имѣя всего одинъ гип-

[1]) Въ первый годъ своего путешествія мы также имѣли двухъ казаковъ, но они оказались людьми ненадежными.

Digitized by Google

сометръ, который вскорѣ разбился, я принужденъ былъ употреблять, при опредѣленіи абсолютныхъ высотъ точкою кипѣнія воды [1]), обыкновенный термометръ Reaumur'a, что, конечно, давало результаты менѣе точные; для производства магнитныхъ наблюденій у насъ была простая бусоль, приспособленная къ такой цѣли на Пекинской обсерваторіи. Словомъ, снаряженіе нашей экспедиціи было крайне скудное, даже предметами самыми необходимыми для научныхъ изслѣдованій.

Въ теченіи почти трехъ лѣтъ [2]), мы прошли по Монголіи, Гань-су, Куку-нору и Сѣверному Тибету 11,100 верстъ. изъ которыхъ 5,300, т. е. весь передній путь, сняты глазомѣрно бусолью. Карта эта, приложенная въ уменьшенномъ (40-верстномъ) масштабѣ къ настоящей книгѣ, опирается на 18 пунктовъ широты, опредѣленныхъ мною посредствомъ небольшаго универсальнаго инструмента [3]). Въ 9 пунктахъ сдѣлано опредѣленіе магнитнаго склоненія, а въ 7 — горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. Ежедневно 4 раза производились метеорологическія наблюденія, часто наблюдалась температура почвы и воды, а психрометромъ, по временамъ, измѣрялась сухость воздуха; анероидомъ и точкою кипѣнія воды опредѣлялись абсолютныя высоты мѣстности.

Физико-географическія, а также спеціальныя зоологическія изслѣдованія надъ млекопитающими и птицами, были главнымъ предметомъ нашихъ занятій; этнографическія изысканія производились по мѣрѣ возможности.

Сверхъ того, нами собраны и привезены слѣдующія коллекціи: 238 видовъ птицъ, въ числѣ около тысячи экземпляровъ; 130 шкуръ и шкурокъ млекопитающихъ, принадлежащихъ 42 видамъ; съ десятокъ видовъ пресмыкающихся, въ числѣ около 70 экземпляровъ; 11 видовъ рыбъ; болѣе трехъ тысячъ экземпляровъ насѣкомыхъ.

[1]) Барометръ Паррота, взятый мною изъ Петербурга для опредѣленія высотъ, разбился еще по дорогѣ въ Сибири; впрочемъ, съ этимъ барометромъ, въ путешествіи, подобномъ нашему, возня слишкомъ велика и самый инструментъ почти невозможно уберечь отъ ломки.

[2]) Съ 17-го ноября 1870 г. по 19-е сентября 1873 года, считая со дня отправленія изъ Кяхты и до дня возвращенія туда обратно.

[3]) Долгота тѣхъ же самыхъ пунктовъ, которая, къ сожалѣнію, не могла быть наблюдаема, найдена приблизительно, прокладкою моей маршрутно-глазомѣрной съемки, между опредѣленными пунктами широты, принимая въ то же время во вниманіе магнитное склоненіе.

Digitized by Google

Ботаническая наша коллекція[1]) заключаетъ въ себѣ флору всѣхъ посѣщенныхъ мѣстностей, отъ 5—600 видовъ растеній, въ числѣ, приблизительно, до четырехъ тысячъ экземпляровъ. Въ небольшомъ минералогическомъ сборѣ находятся образчики горныхъ породъ, со всѣхъ посѣщенныхъ нами хребтовъ горъ.

Таковы научные результаты совершеннаго нами путешествія. Горячее сочувствіе встрѣтило оно не только со стороны Географическаго Общества, но и отъ разныхъ ученыхъ, великодушно предложившихъ свои услуги для спеціальной разработки привезенныхъ нами матеріаловъ.

Академикъ *К. И. Максимовичъ* обязательно принялъ на себя описаніе собранной нами флоры, что составитъ 3-й томъ настоящаго изданія нашего путешествія. Второй томъ будетъ заключать въ себѣ спеціальное изслѣдованіе о климатѣ, посѣщенныхъ нами мѣстностей Внутренней Азіи[2]) и спеціальныя зоологическія, частію также минералогическія описанія, въ которыхъ примутъ участіе: профессора С.-Петербургскаго университета *А. А. Иностранцевъ* и *К. Ѳ. Кесслеръ*, энтомологъ *А. Ѳ. Моравицъ*, зоологи *Н. А. Сѣверцовъ*, *В. К. Тачановскій* и академикъ *А. А. Штраухъ*. Всѣ эти ученые, самымъ радушнымъ образомъ, помогли мнѣ въ опредѣленіи тѣхъ видовъ животныхъ, растеній и камней, о которыхъ упоминается на различныхъ страницахъ настоящей книги.

Наконецъ, я долженъ выразить искреннюю благодарность полковникамъ: Генеральнаго Штаба *О. Э. Штубендорфу* и корпуса топографовъ *А. А. Большеву*, принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ составленіи карты изъ моихъ маршрутовъ, и директору Пекинской обсерваторіи *Г. А. Фритше*, снабжавшему меня своими совѣтами, относительно астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій и обязательно вычислившему всѣ эти наблюденія.

Первый томъ нашего путешествія, т. е. настоящая книга, заключаетъ въ себѣ физико-географическія и этнографическія

---

[1]) Эта коллекція поступила въ Императорскій Ботаническій садъ, а зоологическая въ Музей Академіи Наукъ.

[2]) Къ этому тому будутъ приложены всѣ таблицы метеорологическихъ, гипсометрическихъ, психрометрическихъ, астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій.

Digitized by Google

описанія посѣщенныхъ нами мѣстностей, а также разсказъ о самомъ ходѣ экспедиціи. Слѣдующіе два тома, какъ сказано выше, будутъ трактовать о спеціальныхъ предметахъ и эти томы предполагается выпустить: второй — въ декабрѣ настоящаго года, а третій — еще черезъ годъ, т. е. въ концѣ 1876 года.

Н. Пржевальскій.

1-го января 1875 года.
С.-Петербургъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ Кяхты до Пекина.

Канунъ путешествія. —Почтовое сообщеніе черезъ Монголію.—Выѣздъ изъ Кяхты.— Мѣстность до Урги. — Описаніе этого города. — Гоби. — Ея характеръ. — Птицы и звѣри пустыни. — Земля Цахаровъ. — Окрайній хребетъ Монгольскаго нагорья.— Городъ Калганъ. — Чайные караваны. — Великая стѣна. — Первое знакомство съ китайцами. — Переѣздъ до Пекина.

Въ началѣ ноября 1870 года, прокативъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, я и мой молодой спутникъ, Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, прибыли въ Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ внутренней Азіи. Близость чужихъ краевъ почуялась для насъ въ Кяхтѣ съ перваго же раза. Вереницы верблюдовъ на улицахъ города, загорѣлыя, скуластыя лица Монголовъ, длиннокосые Китайцы, чуждая, непонятная рѣчь — все это ясно говорило, что мы стоимъ теперь наканунѣ того шага, который долженъ надолго разлучить насъ съ родиною и всѣмъ, что только есть тамъ дорогаго. Тяжело было мириться съ такою мыслію, но ея суровый гнетъ смягчался радостнымъ ожиданіемъ близкаго начала путешествія, о которомъ я мечталъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей юности...

Будучи совершенно незнакомы съ условіями предстоящаго странствованія, мы рѣшили прежде всего ѣхать въ Пекинъ, чтобы получить тамъ паспортъ отъ китайскаго правительства и уже затѣмъ отправиться въ застѣнныя владѣнія Небесной имперіи. Такой совѣтъ данъ былъ намъ тогдашнимъ нашимъ посланникомъ въ Китаѣ, генераломъ Влангали, который, отъ начала до конца экспедиціи, помогалъ ей всѣми зависѣвшими отъ него средствами, и своею великодушною заботливостію, какъ нельзя болѣе, подготовилъ самый успѣхъ путешествія. Въ послѣдствіи, съ перваго своего шага изъ Пекина, мы увидѣли всю пользу имѣть паспортъ прямо отъ китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, а не отъ пограничнаго кяхтинскаго коммиссара. Подобный паспортъ придавалъ намъ болѣе значенія въ

Digitized by Google

глазахъ мѣстнаго населенія, что очень важно для путешествія въ Китаѣ, да, откровенно говоря, и не въ немъ одномъ.

Переѣзды изъ Кяхты до Пекина производятся европейцами двумя способами: на почтовыхъ лошадяхъ, или на проходныхъ монгольскихъ верблюдахъ, по уговору съ ихъ хозяиномъ

Устройство почтоваго сообщенія черезъ Монголію опредѣлено трактатами: Тянь-дзинскимъ (1858 г.) и Пекинскимъ (1860 г.). По этимъ договорамъ, русское правительство получило право завести, на свой счетъ, срочную перевозку почтъ, какъ легкихъ, такъ и тяжелыхъ, отъ Кяхты до Пекина и Тянь-дзина. Подрядчиками служатъ Монголы до Калгана, далѣе же Китайцы. Почтовыя отдѣленія открыты нами въ четырехъ мѣстахъ: Ургѣ, Калганѣ, Пекинѣ и Тянь-дзинѣ. Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ состоитъ русскій чиновникъ, завѣдывающій отдѣленіемъ и наблюдающій за исправною перевозкою почты. Легкія почты отходятъ изъ Кяхты и Тянь-дзина три раза въ мѣсяцъ; тяжелыя же одинъ разъ ежемѣсячно. При тяжелыхъ почтахъ, которыя перевозятся на верблюдахъ, всегда слѣдуютъ два казака, наряжаемые изъ Кяхты; легкія почты сопровождаются только Монголами и возятся на лошадяхъ. Онѣ обыкновенно доставляются изъ Кяхты въ Пекинъ въ двѣ недѣли; тяжелыя же слѣдуютъ туда же отъ 20 — 24 дней. Содержаніе почты черезъ Монголію стоитъ нашему правительству около 17,000 руб.; сборъ же во всѣхъ четырехъ почтовыхъ отдѣленіяхъ не превышаетъ 3.000 [1]).

Кромѣ того, китайское правительство обязалось для нуждъ нашей Пекинской миссіи, какъ духовной, такъ и дипломатической, черезъ каждые три мѣсяца, возить, на свой счетъ, изъ Кяхты въ Пекинъ и обратно, тяжелую почту, вѣсомъ не болѣе 80 пудъ за одинъ разъ.

Въ экстренныхъ случаяхъ, для передачи бумагъ особенной важности нашему посланнику въ Пекинѣ, или для препровожденія имъ таковыхъ же въ Россію, могутъ быть отправляемы курьерами русскіе чиновники. О выѣздѣ такого курьера необходимо увѣдомить, за сутки впередъ, въ Кяхтѣ китайскаго дзаргучея, а въ Пекинѣ Военную палату. Тогда дѣлается распоряженіе, о заготовленіи на всѣхъ китайскихъ и монгольскихъ станціяхъ лошадей, и курьеръ, ѣдущій въ двухколесной китайской казенной телѣгѣ, при спѣшномъ слѣдованіи, можетъ пріѣхать изъ Кяхты до Пекина, гдѣ разстояніе

---

[1]) Между Ургою и Калганомъ существуетъ еще почтовое сообщеніе, устроенное Китайцами собственно для себя. Отъ этой почтовой дороги, на границѣ Халхасскихъ владѣній, именно возлѣ станціи Сапръ-усу, отдѣляется другой почтовый путь, ведущій въ г. Улясутай.

Digitized by Google

около 1,500 верстъ, въ девять или десять сутокъ. Платы за такой провозъ не полагается, но, по заведенному обычаю, русскій чиновникъ на каждой станціи даетъ, въ видѣ подарка, три серебряныхъ рубля.

Другой способъ сообщенія черезъ Монголію состоитъ въ томъ, что въ Кяхтѣ или въ Калганѣ, смотря по тому, куда необходимо ѣхать, нанимаютъ Монгола, который обязывается протащить путешественника черезъ Гоби на проходныхъ верблюдахъ. Такимъ порядкомъ ѣздятъ всѣ наши купцы, отправляющіеся по торговымъ дѣламъ въ Китай, или изъ Китая въ Россію. Самъ путешественникъ обыкновенно помѣщается въ китайской телѣгѣ, представляющей собою большой квадратный ящикъ, уставленный на двухъ колесахъ и закрытый со всѣхъ сторонъ. Въ переднемъ концѣ такого кузова дѣлаются съ боковъ отверстія, закрываемыя небольшими дверцами. Эти лазейки служатъ проѣзжающему входомъ и выходомъ въ его дорожный экипажъ, въ которомъ необходимо помѣщаться въ лежачемъ положеніи и притомъ задомъ къ переду, чтобы ноги не были выше головы. Тряска въ такой телѣгѣ невообразимая, даже при ѣздѣ шагомъ. Малѣйшій камушекъ или кочка, на которыя попадаетъ одно изъ колесъ, заставляютъ сильно тряхнуться всю эту посудину, а вмѣстѣ съ нею, конечно, и пассажира. Можно себѣ представить, какіе толчки испытываетъ этотъ послѣдній, при ѣздѣ рысью на почтовыхъ!

Въ подобномъ экипажѣ, взятомъ на прокатъ у одного изъ кяхтинскихъ купцовъ, рѣшили мы двинуться, на наемныхъ верблюдахъ, черезъ Монголію въ Калганъ. Подрядчикомъ явился Монголъ, доставившій въ Кяхту транспортъ чая, и теперь возвращавшійся обратно за новымъ грузомъ. Послѣ долгихъ разсужденій, мы, наконецъ, уговорились съ нимъ, перевести насъ, съ однимъ казакомъ и всею кладью, въ Калганъ за 70 ланъ[1]). Срокъ переѣзда былъ назначенъ сорокъ сутокъ — сравнительно очень длинный, такъ какъ Монголы доставляютъ проѣзжающихъ, изъ Кяхты въ Калганъ, даже въ двадцать пять сутокъ, но за то плата за провозъ, при такой скорости, значительно увеличивается. Мнѣ же хотѣлось возможно подробнѣе познакомиться со страною, по которой буду проѣзжать, такъ что медленность движенія оказывалась еще и на руку.

Переводчикомъ монгольскаго языка съ нами былъ командированъ изъ Забайкальскаго казачьяго войска казакъ, родомъ Бурятъ. Онъ оказался хорошимъ драгоманомъ, но, будучи сыномъ богатаго отца

[1]) Китайскій ланъ, среднимъ числомъ, равняется двумъ нашимъ серебрянымъ рублямъ.

Digitized by Google

и столкнувшись съ трудностями путешествія, вскорѣ началъ такъ сильно тосковать по родинѣ, что я принужденъ былъ, весною слѣдующаго года, отправить его въ Кяхту, откуда взамѣнъ того, получилъ двухъ новыхъ казаковъ.

Наконецъ, передъ вечеромъ 17 ноября [1]), мы двинулись въ путь. Зашагалъ верблюдъ, запряженный въ телѣгу, въ которой помѣстились мы съ товарищемъ и общимъ нашимъ другомъ лягавымъ сеттеромъ «Фаустомъ», привезеннымъ изъ Россіи. Немного спустя осталась позади Кяхта и мы ступили на монгольскую землю. Прощай родина! прощай надолго! придется ли еще тебя увидѣть? или намъ суждено не вернуться изъ чужой, далекой стороны....

На всемъ протяженіи отъ Кяхты до Урги, гдѣ разстояніе около 300 верстъ, мѣстность несетъ вполнѣ характеръ лучшихъ частей нашего Забайкалья; здѣсь тоже обиліе лѣса и воды, тѣ же превосходные луга на пологихъ горныхъ скатахъ, словомъ, путнику еще ничто не возвѣщаетъ о близости пустыни. Абсолютная высота этого пространства, отъ Кяхты до р. Хара-голъ [2]), вертится около 2,500 футовъ; затѣмъ мѣстность повышается и въ г. Ургѣ поднятіе надъ уровнемъ моря достигаетъ уже 4,200 футъ. Такой подъемъ составляетъ сѣверную окраину обширнаго плоскогорья Гоби.

Въ общемъ, пространство между Кяхтою и Ургою несетъ гористый характеръ, но горы здѣсь достигаютъ лишь средней высоты и притомъ, большею частію, имѣютъ мягкія формы. Отсутствіе рѣзко очерченныхъ вершинъ и большихъ дикихъ скалъ, невысокіе перевалы и пологіе скаты—вотъ общій топографическій характеръ здѣшнихъ горныхъ хребтовъ, которые всѣ имѣютъ направленіе отъ запада къ востоку. Изъ этихъ хребтовъ, по Ургинской дорогѣ, болѣе другихъ отличаются по величинѣ три: одинъ на сѣверномъ берегу р. Иро, другой—*Манхадай* въ срединѣ и третій—*Мухург* уже возлѣ Урги. Перевалъ крутъ и высокъ только черезъ Манхадай, но его можно обойдти окольнымъ, болѣе восточнымъ, путемъ.

Орошеніе описываемаго пространства богато и изъ рѣкъ наибольшія суть *Иро* и *Хара-голг*, впадающія въ *Орхонг*, притокъ *Селенги*. Почва вездѣ черноземная или суглинистая, весьма удобная для обработки; но культура еще не коснулась этой мѣстности и только, въ верстахъ полутораста отъ Кяхты, распахано нѣсколько десятинъ, поселившимися здѣсь Китайцами.

---

[1]) Всѣ числа въ настоящей книгѣ будутъ показаны по старому стилю.

[2]) Слово «*голъ*» по монгольски означаетъ «рѣка» и всегда прикладывается къ собственному имени рѣки, равно какъ и слово «*норъ*» (правильнѣе «*нуръ*» «озеро») къ названію озера, «*дабанъ*» (хребетъ) или «*ула*» (гора), къ имени хребта или горы.

Digitized by Google

Гористая полоса, залегшая между Кяхтою и Ургою, довольно богата и лѣсами. Впрочемъ, лѣса эти, растущіе, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ склонахъ горъ, въ своихъ размѣрахъ, формѣ и смѣшеніи породъ, далеко не представляютъ того богатства, какъ наши Сибирскіе. Изъ деревьевъ здѣсь преобладаютъ сосна, лиственница и бѣлая береза; въ меньшемъ числѣ къ нимъ примѣшиваются кедръ, осина и черная береза; иногда горные скаты одѣты рѣдкими кустами дикаго персика и золотарника. Затѣмъ вездѣ, по долинамъ и отрытымъ склонамъ горъ, растетъ превосходная густая трава, доставляющая пищу монгольскому скоту, который круглый годъ пасется на подножномъ кормѣ.

Въ животномъ царствѣ зимою было не много разнообразія. Всего чаще встрѣчались *сѣрыя куропатки* (Perdix barbata), *зайцы* (Lepus tolai) и *пищухи* (Lagomys ogotono); зимующіе *жаворонки* (Otocoris albigula) и *чечетки* (Fringilla linaria) большими стадами держались на дорогѣ. Красивыя красноносыя *клушицы* (Fregilus graculus) попадались все чаще и чаще, по мѣрѣ приближенія къ Ургѣ, гдѣ онѣ гнѣздятся даже въ домѣ нашего консульства. Въ лѣсахъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, водятся въ большомъ числѣ козули, а также изюбри, кабаны и медвѣди. Словомъ, фауна здѣшней мѣстности, также какъ и остальная ея природа, несутъ еще вполнѣ Сибирскій характеръ.

Черезъ недѣлю по выѣздѣ изъ Кяхты, мы добрались до г. *Урги*, гдѣ провели четыре дня въ радушномъ семействѣ нашего консула Я П. Шишмарева.

Городъ Урга, главный пунктъ сѣверной Монголіи, лежитъ на р. *Тола*, притокѣ Орхона, и извѣстенъ всѣмъ номадамъ, исключительно, подъ именемъ «*Богдо-Курень*» или «*Да-Курень*», т. е. священное стойбище; именемъ же Урга, происходящемъ отъ слова «Урго» (дворецъ) окрестили его только Русскіе.

Этотъ городъ состоитъ изъ двухъ частей: Монгольской и Китайской. Первая собственно и называется Богдо-Курень, а вторая, лежащая отъ нея въ четырехъ верстахъ къ востоку, носитъ имя *Май-май-чень*, т. е. торговое мѣсто. Въ срединѣ между обѣими половинами Урги помѣщается, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, недалеко отъ берега Толы, двух-этажный домъ русскаго консульства, съ флигелями и другими пристройками.

Жителей во всей Ургѣ считается до 30,000. Населеніе китайскаго города, выстроеннаго изъ глиняныхъ фанзъ, состоитъ исключительно изъ Китайцевъ—чиновниковъ и торговцевъ. Тѣ и другіе, по закону, не могутъ имѣть при себѣ семействъ и вообще заводиться

Digitized by Google

прочною осѣдлостію. Но, обходя такой законъ, Китайцы обыкновенно держатъ наложницъ изъ Монголокъ; манчжурскіе же чиновники привозятъ съ собою и семейства.

Въ Монгольскомъ городѣ на первомъ планѣ являются кумирни, съ своими позолоченными куполами и дворецъ *Кутухты*—земнаго представителя божества. Впрочемъ, этотъ дворецъ, по своей наружности, почти не отличается отъ кумирень, между которыми самая замѣчательная по величинѣ и архитектурѣ храмъ *Майдари*, будущаго правителя міра. Это высокое, квадратное зданіе съ плоскою крышею и зубчатыми стѣнами; внутри его, на возвышеніи, помѣщается статуя Майдари въ образѣ сидящаго и улыбающагося человѣка. Эта статуя имѣетъ до пяти сажень вышины и вѣситъ, какъ говорятъ, около 8,000 пудъ; она сдѣлана изъ вызолоченной мѣди, въ городѣ Долонъ-норѣ [1]), а затѣмъ по частямъ перевезена въ Ургу.

Передъ статуею Майдари находится столъ съ различными приношеніями, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ стеклянная пробка отъ нашего обыкновеннаго графина; кругомъ же стѣнъ зданія размѣщено множество другихъ мелкихъ божковъ (бурхановъ), а также различныхъ священныхъ картинъ.

Кромѣ кумирень и небольшаго числа китайскихъ фанзъ, остальныя обиталища монгольскаго города состоятъ изъ войлочныхъ юртъ и маленькихъ китайскихъ мазанокъ; тѣ и другія помѣщаются всегда внутри ограды, сдѣланной изъ частокола. Подобные дворы, то вытянуты въ одну линію, такъ что образуютъ улицы, то разбросаны кучами безъ всякаго порядка. Въ срединѣ города находится базарная площадь и здѣсь есть четыре, или пять лавокъ нашихъ купцовъ, которые занимаются мелочною продажею русскихъ товаровъ, а также транспортировкою чая въ Кяхту.

Самою употребительною единицею цѣнности, какъ въ Ургѣ, такъ и во всей сѣверной Монголіи, служитъ кирпичный чай, который, для подобной цѣли, часто распиливается на болѣе мелкіе кусочки. Цѣна продаваемаго товара, не только на рынкѣ, но даже и въ лавкахъ, здѣсь опредѣляется числомъ чайныхъ кирпичей; такъ напр., баранъ стоитъ отъ 12 — 15 кирпичей, верблюдъ отъ 120 — 150, китайская трубка 2 — 5 и т. д Наши деньги, какъ кредитные, такъ и серебряные рубли, также принимаются ургинскими и вообще сѣверными Монголами, которые еще охотнѣе берутъ китайскіе ланы; однако кирпичный чай несравненно болѣе въ употребленіи, въ особенности между простолюдинами, такъ что желающіе купить что-либо на

[1]) Этотъ городъ лежитъ въ юго-восточной окраинѣ Монголіи и составляетъ главное мѣсто фабрикаціи всѣхъ монгольскихъ идоловъ.

Digitized by Google

базарѣ; непремѣнно должны тащить съ собою цѣлый мѣшокъ, а иногда даже возъ, тяжелыхъ чайныхъ кирпичей.

Населеніе монгольской части Урги состоитъ, главнымъ образомъ, изъ *ламъ*, т. е. изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію; число ихъ въ Богдо-курени простирается до 10,000. Такая цифра можетъ показаться преувеличенною, но читатель помирится съ нею, когда узнаетъ, что изъ всего мужскаго населенія Монголіи, по крайней мѣрѣ, одна треть принадлежитъ ламскому сословію. Для обученія мальчиковъ, предназначенныхъ быть ламами, въ Ургѣ находится большая школа съ подраздѣленіемъ на факультеты: богословскій, медицинскій и астрологическій.

Для монголовъ, Урга, по своему религіозному значенію, составляетъ второй городъ послѣ Лассы [1]) въ Тибетѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь пребываютъ главныя святыни Буддайскаго міра: въ Лассѣ—*Далай-лама*, съ своимъ помощникомъ *Бань-цинь-эрдэни* [2]), а въ Ургѣ *Кутухта*, третье лицо послѣ тибетскаго патріарха. По ламайскому ученію, эти святые, составляя земное воплощеніе божества, никогда не умираютъ, но только обновляются смертію. Душа ихъ, по смерти тѣла, въ которомъ она имѣла мѣстопребываніе, переходитъ въ другаго новорожденнаго мальчика и, черезъ это, является людямъ въ болѣе свѣжемъ и юномъ образѣ. Вновь возродившійся Далай-лама отыскивается въ Тибетѣ, по указанію своего умершаго предшественника; ургинскій же кутухта находится пророчествомъ Далай-ламы и также большею частію въ Тибетѣ. Тогда изъ Урги отправляется туда огромный караванъ, чтобы привезти въ Богдо-курень новорожденнаго святаго, за отысканіе котораго Далай-ламѣ везется подарокъ деньгами въ тридцать тысячь ланъ, иногда и болѣе.

Во время нашего пребыванія въ Ургѣ, престолъ кутухты оставался не занятымъ, такъ какъ великій святой, за годъ или два передъ этимъ, умеръ и хотя его намѣстникъ, отыскался въ Тибетѣ, но монгольское посольство не могло туда пробраться, вслѣдствіе магометанскаго (Дунганскаго) возстанія, охватившаго Ганьсу, черезъ которую лежитъ путь изъ Урги въ Лассу.

Кромѣ ургинскаго кутухты, въ монголіи во многихъ кумирняхъ, и въ самомъ Пекинѣ, живутъ другіе кутухты или *гыгены*, но они, по святости, считаются ниже своего Богдо-Куреньскаго собрата; являясь къ нему, они обязаны падать ницъ, какъ и прочіе смертные.

---

[1]) Столица Тибета—*Лаcса* (или правильнѣе *Лхаcса*, съ легкимъ придыханіемъ х, какъ французскаго h) называется монголами *Мунху-дзу* (вѣчно святилище).

[2]) *Бань-цинь-эрдыни* обитаетъ не въ Лассѣ, а въ монастырѣ *Чжеcи-Лумбо*.

Digitized by Google

Китайское правительство, хорошо понимая, какое громадное вліяніе имѣютъ гыгены и ламы надъ невѣжественными номадами, широко покровительствуетъ всей духовной іерархіи въ Монголіи. Такимъ способомъ китайцы упрочиваютъ здѣсь свою власть и, хотя немного, парализируютъ общую ненависть монголовъ къ своимъ угнетателямъ.

Сами по себѣ гыгены, за весьма немногими исключеніями, люди весьма ограниченные въ умственномъ отношеніи. Окруженные съ самого дѣтства крайнею опекою приближенныхъ ламъ, они лишены возможности развить свой умъ хотя практически, вращаясь въ кругу житейской обстановки. Въ изученіи тибетской грамоты и ламайскихъ книгъ, да и то часто въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, заключается все образованіе, даже самыхъ важныхъ изъ этихъ святыхъ. Пріученные съ дѣтства смотрѣть на самихъ себя, какъ на живыхъ боговъ, они искренно вѣрятъ въ свое божеское происхожденіе и въ новое перерожденіе послѣ смерти [1]). Умственная недальновидность гыгеновъ, обезпечивая собою господство приближенныхъ ламъ, до того ревнуется этими послѣдними, что способные мальчики, попавшіе въ такое званіе, иногда отравливаются своими же блюстителями. Такой участи, говорятъ, особенно часто подвергаются ургинскіе кутухты, по наущенію китайскаго правительства, опасающагося видѣть хотя сколько нибудь самостоятельную личность во главѣ духовной іерархіи монголовъ.

Ургинскій кутухта обладаетъ большими богатствами, такъ какъ независимо отъ приношеній усердныхъ вѣрующихъ [2]), ему принадлежатъ до полутораста тысячъ подданныхъ, живущихъ вокругъ Урги и въ другихъ частяхъ сѣверной Монголіи. Всѣ эти крѣпостные кутухты находятся въ его непосредственномъ управленіи и образуютъ, такъ называемое, *Шабинское* вѣдомство.

Наружный видъ монгольской части Урги грязенъ до отвращенія. Всѣ нечистоты выбрасываются на улицы, на которыхъ не только ночью, но даже днемъ, жители отправляютъ свои естественныя надобности. На базарной площади, ко всему этому, прибавляются еще толпы голодныхъ нищихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно убогія старухи, поселяются здѣсь даже на постоянное жительство. Трудно представить что либо отвратительнѣе подобной картины. Дряхлая или увѣчная женщина ложится на землю посреди базара, и на

[1]) Гыгены, съ которыми намъ случилось видѣться во время путешествія, никогда не говорили: «когда я умру», а всегда: «когда я перерожусь».

[2]) Къ новому году (въ февралѣ) и къ празднику Майдари (въ іюлѣ) въ Ургѣ собирается до ста тысячъ богомольцевъ.

Digitized by Google

нее, въ видѣ подаянія, набрасываютъ старые войлоки, изъ которыхъ страдалица устроиваетъ себѣ конуру. Лишенная силъ, она здѣсь же отправляетъ свои потребности и, покрытая тучами паразитовъ, молитъ проходящихъ о милостынѣ. Зимою бури навѣваютъ на такое логовище сугробъ снѣга, подъ которымъ страдалица спасаетъ свое жалкое существованіе. Сама смерть является къ ней въ ужасномъ образѣ. Очевидцы разсказывали намъ, что когда наступаютъ послѣднія минуты несчастной, то вокругъ нея собирается куча голодныхъ собакъ, которыя садятся кругомъ умирающей и лишь только она затихнетъ въ своей агоніи, какъ тотчасъ бросаются обнюхивать лицо или тѣло, чтобы узнать жива или нѣтъ злощастная старуха. Но вотъ послѣдняя начинаетъ снова вздыхать, или шевелиться—собаки снова отходятъ на прежнее мѣсто и терпѣливо ждутъ своей жертвы. Лишь только замолкнетъ послѣднее дыханіе ея жизни, трупъ съѣдается голодными собаками, а опорожненное логовище вскорѣ занимается другою такою же старухою. Въ холодныя зимнія ночи, болѣе здоровые нищіе вытаскиваютъ этихъ старухъ на снѣгъ, гдѣ онѣ замерзаютъ, а сами залѣзаютъ въ ихъ нору и спасаются отъ гибели.

Но это еще не всѣ картины внутренней жизни священнаго города. Путешественникъ встрѣчаетъ болѣе отвратительныя сцены на кладбищѣ, которое лежитъ возлѣ самой Урги. Здѣсь трупы умершихъ не зарываются въ землю, но прямо выбрасываются на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ. Потрясающее впечатлѣніе производитъ подобное мѣсто, усѣянное грудами костей, по которымъ, какъ тѣни, бродятъ стаи собакъ, исключительно питающихся человѣческимъ мясомъ. Не успѣютъ бросить сюда свѣжій трупъ, какъ его уже начинаютъ терзать эти собаки, вмѣстѣ съ воронами и коршунами, такъ что черезъ часъ, или много два, ничего не остается отъ мертвеца. Буддисты считаютъ даже хорошимъ признакомъ, если трупъ будетъ скоро съѣденъ—иначе человѣкъ, по ихъ понятіямъ, не былъ при жизни угоденъ Богу. Ургинскія собаки до того привыкли къ подобной поживѣ, что въ то время, когда трупъ несутъна кладбище по улицамъ города, то, вмѣстѣ съ родственниками, за покойникомъ неминуемо слѣдуютъ собаки, часто изъ его собственной юрты.

Управленіе Ургою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и двумя восточными аймаками (ханствами) *Халхи*, т. е. Сѣверной Монголіи—*Тушэту-хана* и *Цыцэнъ-хана*—находится въ рукахъ двухъ амбаней, или губернаторовъ. Одинъ изъ нихъ всегда Манчжуръ, присылаемый изъ Пекина, а другой изъ мѣстныхъ монгольскихъ князей. Два другіе аймака халхи—*Джасакту-хана и Сайнъ-ноина*—находятся въ зависимости отъ Улясутайскаго дзянъ-дзюня (главнокомандующаго).

Digitized by Google

Хотя монгольскіе ханы, владѣтели этихъ аймаковъ, завѣдываютъ всѣми внутренними дѣлами своихъ ханствъ, на правахъ владѣтельныхъ князей, но подчиняются китайскимъ управителямъ, которые зорко блюдутъ шаткую власть Срединнаго государства надъ номадами.

Во время нашего пребыванія въ Богдо-курени, вездѣ ходили страшные слухи о Дунганахъ, т. е. магометанскихъ инсургентахъ, которые только что разграбили Улясутай и грозили тѣмъ же самымъ Ургѣ. Опасеніе за участь этого города, столь важнаго въ глазахъ номадовъ, заставило китайцевъ привести сюда двѣ тысячи собственныхъ солдатъ и собрать тысячу монгольскихъ войскъ. Однако, при извѣстной трусости тѣхъ и другихъ воиновъ, они служили слишкомъ малою гарантіею для безопасности Урги. Такое обстоятельство вынудило наше правительство ввести туда значительный отрядъ (до шести сотъ человѣкъ пѣхоты и казаковъ съ двумя орудіями), для охраненія консульства и для гарантированія нашей чайной торговли. Отрядъ этотъ пробылъ въ Ургѣ болѣе года и, только благодаря ему, инсургенты не посмѣли напасть на Богдо-курень.

Съ Ургою оканчивается сибирскій характеръ мѣстности, каковой имѣетъ сѣверная окраина Монголіи. Переѣзжая р. Толу, путешественникъ оставляетъ за собою послѣднюю текучую воду и тутъ же на горѣ *Хань-ула*, которая считается священною, съ тѣхъ поръ, какъ на ней охотился императоръ Канъ-хи [1]), путникъ долженъ распроститься съ послѣднимъ лѣсомъ. Далѣе къ югу, до окраины собственнаго Китая, тянется та самая пустыня *Гоби* [2]), которая залегла громадною полосою поперегъ восточно-азіатскаго нагорья, отъ западныхъ подножій Куэнъ-Люна до Хинганскихъ горъ, раздѣляющихъ Монголію отъ Манчжуріи.

Западная часть этой пустыни, въ особенности та, которая лежитъ между Тянъ-Шаномъ и Куэнъ-Люномъ, совершенно неизвѣстна даже до настоящаго времени. Восточная же половина Гоби всего лучше изслѣдована по кяхтинско-калганской дорогѣ, которая прорѣзываетъ ее въ діагональномъ направленіи. Здѣсь барометрическая нивеллировка Фусса и Бунге въ 1832 году, далѣе путешествія Тимковскаго, Ковалевскаго у другихъ ученыхъ, обыкновенно сопровождавшихъ наши духовныя миссіи, слѣдовавшія въ Китай, выяснили намъ, какъ топографическое строеніе, такъ и природу этой части Азіи. Наконецъ, недавнее путешествіе астронома Фритше по восточной окраинѣ Гоби

[1]) Современникъ Петра Великаго; лучшій изъ императоровъ манчжурскаго дома, энергичный, любознательный и весьма уважавшій европейцевъ.

[2]) Слово «Гоби» по монгольски означаетъ равнину безводную и безплодную, или мало травянистую. Собственно степь называется «Тала».

Digitized by Google

и мои собственныя изслѣдованія въ ея юго-восточной, южной и средней части дали намъ уже не гадательныя, но точныя, основанныя на наблюденіяхъ, данныя, относительно топографическаго строенія, климата, флоры и фауны восточной половины великой среднеазіатской пустыни.

Барометрическая нивеллировка Фусса и Бунге впервые разрушила, господствовавшее до того времени у географовъ предположеніе, о громадномъ (до 8,000 ф.) абсолютномъ поднятіи всей вообще Гоби и низвела ея уровень до 4000 футъ. Далѣе, изслѣдованія тѣхъ же самыхъ ученыхъ показали, что въ направленіи кяхтинско-калганской караванной дороги абсолютная высота Гоби, около ея средины, спускается до 2400 футъ, а по вычисленію г. Фритше даже до 2000 футъ [1]). Подобное углубленіе, занимающее, по наблюденіямъ Фусса и Бунге, верстъ сто въ ширину, не простирается далеко къ западу или востоку, такъ какъ оно не было встрѣчено ни г. Фритше въ восточной части Гоби, ни нами, во время перехода изъ Ала-шаня на Ургу, срединою пустыни. При этомъ слѣдуетъ еще упомянуть, что восточная половина Гоби гораздо менѣе пустынна, нежели южная и западная ея части, достигающія наибольшей дикости и безплодія въ Ала-шанѣ и въ равнинахъ озера Лобъ-нора.

Какъ сказано выше, сибирскій характеръ мѣстности, съ ея горами, лѣсами и обильнымъ орошеніемъ, оканчивается возлѣ Урги и отсюда къ югу является уже чисто монгольская природа. Черезъ день пути путешественникъ встрѣчаетъ совсѣмъ иную обстановку. Безграничная степь, то слегка волнистая, то прорѣзанная грядами скалистыхъ холмовъ, убѣгаетъ въ синѣющую, неясную даль горизонта и нигдѣ не нарушаетъ своего однообразнаго характера. То тамъ, то здѣсь пасутся многочисленныя стада монголовъ, юрты которыхъ встрѣчаются довольно часто, особенно вблизи дороги. Послѣдняя такъ хороша, что по ней можно удобно ѣхать даже въ тарантасѣ. Собственно Гоби еще не началась и переходомъ къ ней служитъ описываемая степная полоса, съ почвою глинисто-песчанною, покрытою прекрасною травою. Эта полоса тянется отъ Урги къ юго-западу, по калганской дорогѣ, верстъ на двѣсти, и затѣмъ, незамѣтно, переходитъ въ безплодныя равнины собственной Гоби.

Впрочемъ и въ этой послѣдней мѣстность несетъ болѣе волнистый, нежели равнинный характеръ, хотя совершенно гладкія площади разстилаются иногда на цѣлые десятки верстъ. Подобныя мѣста особенно часто попадаются около средины Гоби, тогда какъ

[1]) У почтовой станціи *Эцэнъ-хошу*. См. Метеорологическій сборникъ Академіи наукъ 1874 г. Т. IV № 3 стр. 41.

Digitized by Google

въ сѣверной и южной ея части встрѣчается довольно много невысокихъ горъ, или правильнѣе, холмовъ, стоящихъ то отдѣльными островками, то вытянувшихся въ продольные хребты. Эти горы возвышаются лишь на нѣсколько сотъ футъ надъ окрестными равнинами и изобилуютъ голыми скалами. Ихъ ущелья и долины всегда заняты сухими руслами потоковъ, въ которыхъ вода бываетъ только во время сильнаго дождя, да и то лишь на нѣсколько часовъ. По такимъ сухимъ русламъ расположены колодцы, доставляющіе воду мѣстному населенію. Текучей воды не встрѣчается нигдѣ на всемъ протяженіи отъ р. Толы до окраины собственнаго Китая, т. е. почти на 900 верстъ. Только лѣтомъ, во время дождей, здѣсь образуются на глинистыхъ площадяхъ временныя озера, которыя за тѣмъ высыхаютъ въ періодъ жаровъ.

Почва въ собственной Гоби состоитъ изъ крупно-зернистаго красноватаго гравія и мелкой гальки, къ которой примѣшаны различные камни, какъ напр. иногда агаты. Мѣстами встрѣчаются полосы желтаго сыпучаго песку, впрочемъ далеко не столь обширныя какъ въ южной части той же самой пустыни.

Подобная почва, конечно, не способна производить хорошую растительность, а потому Гоби очень бѣдна даже травою. Правда, по калганской дорогѣ совершенно оголенныя пространства встрѣчаются довольно рѣдко, но за то вездѣ трава едва достигаетъ фута вышины и почти не прикрываетъ красновато-сѣраго грунта. Только иногда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глина смѣняетъ гравій, или по горнымъ долинамъ, гдѣ лѣтняя влага болѣе задерживается почвою, является злакъ, называемый монголами *дырису* (Lasiagrostis splendens), растущій всегда кустами отъ 4—5 фут. вышиною и твердый какъ проволока. Здѣсь же иногда пріютится какой нибудь одинокій цвѣтокъ, а если почва солонцевата, то является *бударана* (Kalidium gracile), любимый кормъ верблюдовъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ лукъ, мелкая полынь, нѣсколько другихъ сложно-цвѣтныхъ и злаковъ, составляютъ преобладающую растительность пустыни. Деревьевъ и кустарниковъ нѣтъ вовсе, да и возможно ли имъ развиться, когда, помимо всѣхъ другихъ неблагопріятныхъ физическихъ условій, зимніе и весенніе вѣтры бушуютъ здѣсь, изо дня въ день, съ такою силою, что даже вырываютъ съ корнемъ низкорослую полынь и, скручивая ее въ большіе снопы, катаютъ ихъ по пустыннымъ равнинамъ.

Населеніе въ собственной Гоби попадается несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествовавшей ей степной полосѣ. Дѣйствительно, развѣ только монголъ, да его вѣчный спутникъ — верблюдъ, могутъ сво-

Digitized by Google

бодно обитать въ этихъ мѣстностяхъ, лишенныхъ воды и лѣса, накаляемыхъ лѣтомъ до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть не до полярной стужи.

Вообще Гоби, своею пустынностію и однообразіемъ, производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ его глазами являются одни и тѣ же образы: то неоглядныя равнины, отливающія (зимою) желтоватымъ цвѣтомъ изсохшей прошлогодней травы, то черноватыя, изборожденныя гряды скалъ, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена (Antilope guttorosa). Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, по прежнему, угрюмой и непривѣтливой..... Закатится солнце, ляжетъ темный пологъ ночи, безоблачное небо заискрится милліонами звѣздъ, и караванъ пройдя еще не много, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись изъ подъ тяжелыхъ вьюковъ и тотчасъ же улягутся вокругъ палатки погоньщиковъ, которые, тѣмъ временемъ, варятъ свой неприхотливый ужинъ. Прошелъ еще часъ, заснули люди и животныя, и кругомъ опять воцарилась мертвая тишина пустыни, какъ будто въ ней вовсе нѣтъ живаго существа..... Поперегъ всей Гоби, изъ Урги въ Калганъ, кромѣ почтоваго тракта, содержимаго монголами, существуетъ еще нѣсколько караванныхъ путей, гдѣ обыкновенно слѣдуютъ караваны съ чаемъ. На почтовомъ трактѣ, черезъ извѣстное разстояніе [1]), выкопаны колодцы и поставлены юрты, замѣняющія наши станціи; по караванному же пути, монгольскія стойбища сообразуются съ качествомъ и количествомъ подножнаго корма. Впрочемъ, на такіе пути прикочевываетъ обыкновенно лишь бѣдное населеніе, заработывающее отъ проходящихъ каравановъ, то милостынею, то пастьбою верблюдовъ, то продажею сушенаго скотскаго помета, такъ называемаго *аргала*. Послѣдній имѣетъ громадную цѣнность, какъ въ домашнемъ быту номада, такъ и для путешественника, потому что составляетъ единственное топливо во всей Гоби.

Однообразно потянулись дни нашего путешествія. Направившись среднимъ караваннымъ путемъ, мы обыкновенно выходили въ полдень и шли до полуночи, такъ что дѣлали, среднимъ числомъ, ежедневно 40—50 верстъ. Днемъ, мы съ товарищемъ большею частію шли пѣшкомъ, впереди каравана и стрѣляли попадавшихся птицъ. Между послѣдними *вдрсны* (Corvus corax) вскорѣ сдѣлались нашими

[1]) Всего отъ Урги до Калгана 47 почтовыхъ станцій, на разстояніи около тысячи верстъ.

Digitized by Google

отъявленными врагами, за свое нестерпимое нахальство. Еще вскорѣ послѣ выѣзда изъ Кяхты, я замѣтилъ, что нѣсколько этихъ птицъ подлетали къ вьючнымъ верблюдамъ, шедшимъ позади нашей телѣги, садились на вьюкъ и за тѣмъ что то тащили въ клювѣ, улетая въ сторону. Подробное изслѣдованіе показало, что нахальныя птицы расклевали одинъ изъ нашихъ мѣшковъ съ провизіею и таскали оттуда сухари. Спрятавъ добычу въ сторонѣ, вороны снова являлись за поживою. Когда дѣло разъяснилось, то всѣ воры были перестрѣлены, но черезъ нѣсколько времени явились новые похитители и подверглись той же участи. Подобная исторія повторялась почти каждый день, во все время нашего переѣзда изъ Кяхты въ Калганъ.

Вообще нахальство вороновъ въ Монголіи превосходитъ всякое вѣроятіе. Эти, столь осторожныя у насъ птицы, здѣсь до того смѣлы, что воруютъ у монголовъ провизію чуть не изъ палатки. Мало того, они садятся на спины верблюдовъ, пущенныхъ пастись, и расклевываютъ имъ горбы. Глупое, трусливое животное только кричитъ во все горло, да плюетъ на своего мучителя, который, то взлетая, то снова опускаясь на спину верблюда, пробиваетъ сильнымъ клювомъ часто большую рану. Монголы, считающіе грѣхомъ убивать птицъ, не могутъ ничѣмъ отдѣлаться отъ воронов, которые всегда сопутствуютъ каждому каравану. Положить что либо съѣдомое внѣ палатки невозможно; оно тотчасъ же будетъ уворовано назойливыми птицами, которыя, за неимѣніемъ лучшей поживы, обдираютъ даже невыдѣланную шкуру на ящикахъ съ чаемъ.

Вороны, а лѣтомъ коршуны, были нашими заклятыми врагами во все время экспедиціи. Сколько разъ они воровали у насъ даже препарированныя шкурки, не только что мясо, но за то и сколько же сотъ этихъ птицъ поплатилось жизнію за свое нецеремонное нахальство.

Изъ другихъ пернатыхъ въ Гоби намъ встрѣчались часто лишь пустынники и монгольскіе жаворонки. Оба эти вида составляютъ характерную принадлежность Монголіи.

Пустынникъ (Syrrhaptes paradoxus), открытый и описанный, въ концѣ прошлаго столѣтія, знаменитымъ Палласомъ, распространяется чрезъ всю среднюю Азію до Каспійскаго моря, а на югъ встрѣчается до Тибета. Эта птица, называемая монголами *Больдуру* и китайцами *Саджи*, держится исключительно въ пустынѣ, гдѣ питается сѣмянами нѣсколькихъ видовъ травъ (мелкой полыни, сульхира и др.). Большій или меньшій урожай этихъ травъ обусловливаетъ количество зимующихъ пустынниковъ, которые въ огромномъ

Digitized by Google

числѣ скопляются зимою въ пустыняхъ Ала-шаня, будучи привлекаемы туда вкусными сѣмянами сульхира (Agriophyllum gobicum). Лѣтомъ часть этихъ птицъ является въ наше Забайкалье и выводятъ тамъ дѣтей. Яйца, числомъ три, кладутся прямо на землю, безъ всякой подстилки; самка сидитъ на нихъ довольно крѣпко, не смотря на то, что эти птицы вообще осторожны. Зимою, въ томъ случаѣ, когда на Монгольскомъ нагорьѣ выпадетъ большой снѣгъ, пустынники, гонимые голодомъ, спускаются въ равнины Сѣвернаго Китая и держатся здѣсь большими стадами; но лишь только погода нѣсколько измѣнится къ лучшему, онѣ тотчасъ же улетаютъ въ свои родныя пустыни. Полетъ описываемой птицы замѣчательно быстрый, такъ что когда несется цѣлая стая, то еще издали слышенъ особый дребезжащій звукъ, какъ бы отъ сильнаго вихря; при этомъ птицы издаютъ короткій, довольно тихій звукъ. По землѣ пустынникъ бѣгаетъ очень плохо, вѣроятно вслѣдствіе особаго устройства своихъ ногъ, пальцы которыхъ срослись между собою, а подошва подбита бородавчатою кожею, отчасти напоминающею пятку верблюда.

Послѣ утренней покормки, пустынники всегда летятъ на водопой, къ какому нибудь ключу, колодцу или соленому озерку. Здѣсь вся стая предварительно описываетъ нѣсколько круговъ, чтобы удостовѣриться въ безопасности, а за тѣмъ опускается къ водѣ и, быстро напившись, улетаетъ прочь. Мѣста водопоевъ аккуратно посѣщаются описываемыми птицами, которыя прилетаютъ сюда иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, если ближе того нѣтъ воды.

Монгольскій жаворонокъ (Melanocorypha mongolica), одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей своего рода, держится только въ тѣхъ мѣстахъ Гоби, гдѣ она превращается въ луговую степь. Поэтому описываемый видъ встрѣчается въ пустынѣ лишь спорадически, но за то зимою скопляется большими стадами, въ нѣсколько сотъ, иногда тысячъ, экземпляровъ. Всего чаще мы видали этихъ жаворонковъ на южной окраинѣ Гоби; въ собственномъ Китаѣ они также не рѣдки, по-крайней-мѣрѣ зимою.

Монгольскій жаворонокъ есть лучшій пѣвунъ Средне-Азіатской пустыни. Въ этомъ искусствѣ онъ почти не уступаетъ своему европейскому собрату. Кромѣ того, онъ обладаетъ замѣчательною способностію передразнивать голоса другихъ птицъ и часто вклеиваетъ ихъ въ строфы своей собственной пѣсни. Поетъ, поднимаясь вверхъ, подобно нашему жаворонку, а также часто сидя на какомъ нибудь выдающемся предметѣ, напр. камнѣ или кочкѣ. Китайцы называютъ описываемаго жаворонка *бай-линъ*, очень любятъ его пѣніе и часто держатъ въ клѣткахъ.

Digitized by Google

Подобно пустынникамъ, весною монгольскіе жаворонки подвигаются на сѣверъ въ Забайкалье и выводятъ тамъ дѣтей; впрочемъ большая часть ихъ остается въ Монголіи. Гнѣздо устраивается, какъ у европейскаго вида, на землѣ, въ небольшомъ углубленіи, и въ немъ бываетъ отъ 3 — 4 яицъ. Въ Монгольской пустынѣ, гдѣ холода перемежаются всю весну, описываемые жаворонки гнѣздятся очень поздно, такъ что мы находили, въ юговосточной окраинѣ Монголіи, совершенно свѣжія яица въ началѣ и даже въ половинѣ іюня. На зимовку описываемый видъ отлетаетъ въ тѣ части Гоби, гдѣ нѣтъ, или очень мало, снѣга. Не смотря на холода, достигающіе здѣсь иногда до—37,0 С. [1]), жаворонки удобно зимуютъ и держатся обыкновенно по зарослямъ травы дырисунъ, мелкія сѣмяна которой составляютъ въ это время ихъ главную пищу. Въ подобномъ фактѣ, замѣчаемомъ и на нѣкоторыхъ другихъ видахъ птицъ, мы видимъ прямое указаніе на то, что многихъ изъ нашихъ пернатыхъ на зиму угоняетъ къ югу не холодъ, а безкормица.

Монгольскій жаворонокъ распространяется къ югу до сѣвернаго изгиба Желтой рѣки, а затѣмъ, минуя Ордосъ, Ала-шань и гористую область Гань-су, вновь появляется въ степяхъ озера Куку-нора. Вмѣстѣ съ описаннымъ видомъ въ Гоби зимуютъ, также въ очень большомъ количествѣ, два другихъ вида *жаворонковъ* (Otocoris albigula, Alauda pispoletta?) и *Лапландскія пупочки* (Plectrophanes lapponica); послѣднія, впрочемъ, встрѣчались большими стадами только въ землѣ Цахаровъ, т. е. на Юго-Восточной окраинѣ Гоби.

Изъ млекопитающихъ, свойственныхъ этой пустынѣ, можно назвать пока только два характерныхъ вида: пищуху и дзерена.

Пищуха (Lagomys Ogotono), или, какъ Монголы ея называютъ, *Оготоно* [2]), принадлежитъ къ тому роду грызуновъ, который, по устройству своихъ зубовъ, считается близкимъ родственникомъ зайца. Самый звѣрекъ достигаетъ величины обыкновенной крысы и живетъ въ норахъ, выкапываемыхъ имъ въ землѣ. Мѣстомъ такого жительства пищухи выбираютъ исключительно луговыя степи, преимущественно всхолмленныя, а также долины въ горахъ Забайкалья и сѣверной окраины Монголіи. Въ безплодной пустынѣ этотъ звѣрекъ не встрѣчается, поэтому его нѣтъ вовсе въ средней и южной части Гоби [3]).

Оготоно вообще замѣчательное животное. Норы свои эти звѣрьки обыкновенно устроиваютъ обществомъ, такъ что гдѣ встрѣтится одна

---

[1]) И даже болѣе по наблюденіямъ, производимымъ въ Ургѣ.

[2]) Т. е. «куцый».

[3]) Но оготоно очень много въ юго-восточной луговой окраинѣ Монголіи.

Digitized by Google

такая нора, тамъ, навѣрное, найдутся ихъ десятки, сотни, иногда даже тысячи. Зимою, въ сильные холода, оготоно не показываются изъ своихъ подземныхъ жилищъ [1]), но лишь только холодъ немного спадетъ, онѣ вылѣзаютъ изъ норъ и, сидя у входа ихъ, грѣются на солнцѣ, или торопливо перебѣгаютъ изъ одной норы въ другую. Въ это время слышится ихъ голосъ, много похожій на писк обыкновенной мыши, только гораздо громче. У бѣднаго оготоно столько враговъ, что ему постоянно приходится быть на сторожѣ. Ради этого, онъ часто только до половины высовывается изъ норы и держитъ голову къ верху, чтобы не прозѣвать опасность. Лисицы, корсаки, волки, а всего болѣе сарычи, ястреба, соколы и даже орлы ежедневно уничтожаютъ безчисленное множество описываемыхъ пищуръ. Проворство крылатыхъ разбойниковъ на такихъ охотахъ изумительно. Я самъ много разъ видалъ, какъ сарычь бросался сверху на оготоно такъ быстро, что звѣрекъ даже не успѣвалъ юркнуть въ свою нору. Однажды, на нашихъ глазахъ, подобную исторію продѣлалъ даже орелъ, бросившись на пищуху, сидѣвшую у входа норы, съ высоты, по крайней мѣрѣ, тридцати, или сорока сажень. Сарычи (Buteo ferox) до того исключительно питаются пищухами, что даже мѣста своей зимовки въ Гоби сообразуютъ, главнымъ образомъ, съ количествомъ онисываемыхъ грызуновъ. При извѣстной плодливости этихъ послѣднихъ, только подобное истребленіе препятствуетъ ихъ чрезмѣрному размноженію.

Въ характерѣ пищухи сильно преобладаетъ любопытство. Завидя подходящаго человѣка или собаку, этотъ звѣрекъ подпускаетъ къ себѣ шаговъ на десять и затѣмъ мгновенно скрывается въ норѣ. Но любопытство беретъ верхъ надъ страхомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, изъ той же самой норы, снова показывается головка звѣрька и если предметъ страха удаляется, то оготоно тотчасъ же вылѣзаетъ и снова занимаетъ свое прежнее мѣсто.

Еще замѣчательность оготоно, свойственная и нѣкоторымъ другимъ видамъ пищухъ, состоитъ въ томъ, что они на зиму заготовляютъ себѣ запасы сѣна, которое складываютъ у входа въ норы. Сѣно это припасается звѣрьками обыкновенно въ концѣ лѣта, тщательно просушивается и складывается въ стожки, вѣсомъ отъ 4—5, а иногда даже до 10 фунтовъ. Такое сѣно служитъ пищухѣ какъ для подстилки логовища въ норѣ, такъ и для пищи зимою; но очень часто труды оготоно пропадаютъ даромъ и монгольскій скотъ поѣдаетъ его запасы. Въ такомъ случаѣ, бѣдный звѣрекъ долженъ всю

[1]) Зимней спячкѣ эти звѣрьки не подвержены.

Digitized by Google

зиму перебиваться изсохшею травою, которую находитъ вблизи своей норы.

Замѣчательно, какъ долго оготоно можетъ оставаться безъ воды. Положимъ, зимою онъ довольствуется кой когда выпадающимъ снѣгомъ, а лѣтомъ дождемъ; за неимѣніемъ послѣдняго является роса, хотя, впрочемъ, довольно здѣсь рѣдкая. Но, спрашивается, что пьетъ оготоно въ теченіи всей весны и осени, когда водяныхъ осадковъ на монгольскомъ нагорьѣ часто не бываетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а сухость воздуха достигаетъ крайнихъ предѣловъ.

Распространеніе описываемаго звѣрька къ югу доходитъ до сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ; далѣе же онъ замѣняется иными видами.

Дзерень (Antilope gutturosa) есть видъ антилопы, достигающей величины обыкновенной косули и свойственной гобійскому нагорью, притомъ восточной менѣе пустынной его части. Впрочемъ, дзерены встрѣчаются и въ западной Монголіи [1]), а также на озерѣ Кукунорѣ, гдѣ проходитъ южная граница ихъ распространенія.

Описываемыя антилопы всегда держатся стадами, въ которыя собираются иногда нѣсколько сотъ, даже до тысячи экземпляровъ. Но подобныя скопленія бываютъ лишь въ мѣстахъ, особенно обильныхъ кормомъ; всего же чаще дзерены встрѣчаются обществами отъ 15 — 30, или до 40 экземпляровъ. Избѣгая, по возможности, близкаго сосѣдства человѣка, они все таки живутъ на лучшихъ пастбищахъ пустыни и, подобно Монголамъ, кочуютъ съ одного мѣста на другое, соображаясь съ количествомъ подножнаго корма. Подобныя перекочевки иногда производятся очень далеко, въ особенности лѣтомъ, когда засуха гонитъ дзереновъ на привольныя пастбища сѣверной Монголіи и даже въ южныя части нашего Забайкалья. Зимою, глубокій снѣгъ принуждаетъ ихъ кочевать часто за нѣсколько сотъ верстъ, на мѣста малоснѣжныя, или вовсе безснѣжныя.

Описываемый звѣрь принадлежитъ исключительно степной равнинѣ и тщательно избѣгаетъ гористыхъ мѣстностей. Впрочемъ, дзерены держатся и въ холмистыхъ степяхъ, въ особенности весною, когда ихъ привлекаетъ туда молодая зелень, скорѣе развивающаяся на солнечномъ пригрѣвѣ. Кустарниковъ и высокихъ зарослей травы дырисунъ они тщательно избѣгаютъ и только въ періодъ рожденія дѣтей, что происходитъ въ маѣ, самки являются въ подобныя мѣстности, чтобы укрыть въ нихъ новорожденныхъ. Впрочемъ, эти по-

---

[1]) Въ Ала-шанѣ дзереновъ нѣтъ вовсе; здѣсь пустыня для нихъ слишкомъ уже дика и безплодна.

Digitized by Google

слѣдніе, уже черезъ нѣсколько дней послѣ появленія на свѣтъ, вездѣ слѣдуютъ за матерью и бѣгаютъ также быстро, какъ и взрослые.

Голосъ описываемой антилопы можно услыхать очень рѣдко; онъ состоитъ у самцовъ [1]) изъ отрывистаго, довольно громкаго рявканья. Внѣшнія чувства дзерена развиты превосходно. Онъ одаренъ отличнымъ зрѣніемъ, слухомъ и превосходнымъ обоняніемъ; быстрота его бѣга удивительная; умственныя способности также стоятъ на значительной степени совершенства. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, описываемыя антилопы не такъ легко даются своимъ врагамъ — человѣку и волку.

Охота за дзеренами очень трудна, разъ по осторожности самого звѣря, а во вторыхъ, по чрезвычайной его крѣпости на рану. Въ открытой степи дзерены не подпускаютъ охотника ближе пяти сотъ шаговъ, а если напуганы преслѣдованіемъ, то бѣгутъ на разстояніе вдвое большее. Подкрасться на равнинѣ изъ-за какихъ нибудь закрытій, также весьма мудрено, потому что описываемыя животныя тщательно избѣгаютъ подобныхъ мѣстностей. Только въ холмистыхъ степяхъ удается подойдти шаговъ на триста и, въ рѣдкихъ случаяхъ, даже на двѣсти, или того менѣе, но и тогда невозможно навѣрное разсчитывать на добычу. Положимъ, на разстояніи двухъ сотъ шаговъ, изъ хорошаго штуцера въ дзерена можно попасть навѣрное, но пуля убиваетъ звѣря на повалъ лишь тогда, если поразитъ сердце, голову, или позвоночный столбъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, дзеренъ убѣгаетъ даже съ смертельною раною и очень часто пропадаетъ для охотника; съ перебитою ногою онъ бѣжитъ еще такъ быстро, что его невозможно поймать даже на хорошей лошади. Для охоты необходимъ штуцеръ, съ большою настильностію полета пули. Это условіе чрезвычайно важно, такъ какъ при стрѣльбѣ на большія разстоянія, нѣтъ возможности вѣрно опредѣлить дистанцію и пуля, то не долетаетъ, то перелетаетъ черезъ звѣря. Къ штуцеру также необходимы сошки, которыя въ такомъ употребленіи у всѣхъ сибирскихъ охотниковъ, и безъ которыхъ невозможно мѣтко стрѣлять на большія разстоянія, при долгой и скорой ходьбѣ, когда, вслѣдствіе усиленнаго обращенія крови, руки держатъ ружье далеко не такъ твердо, какъ при спокойномъ стояніи. Словомъ, съ первымъ шагомъ въ азіатскія пустыни, охотникъ долженъ позабыть свою европейскую практику, и поучиться многому у мѣстныхъ звѣропромышленниковъ.

Монголы, съ своими плохими фитильными ружьями, охотятся за дзеренами слѣдующимъ образомъ. Въ степи, гдѣ много антилопъ,

[1]) Голоса самки я не слыхалъ ни разу.

Digitized by Google

охотники выкапываютъ небольшія ямки, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, и не показываются сюда въ теченіи нѣсколькихъ недѣль для того, чтобы дзерены попривыкли къ этимъ ямкамъ, съ перваго раза всегда возбуждающимъ сильное подозрѣніе осторожныхъ животныхъ. Затѣмъ охотники ѣдутъ къ приготовленному мѣсту и залегаютъ въ ямки, а другіе ихъ товарищи, соображаясь съ направленіемъ вѣтра, гонятъ антилопъ къ засадкамъ, изъ которыхъ звѣрей убиваютъ шаговъ на пятьдесятъ, иногда и того менѣе. Загоньщикамъ необходима большая сноровка и полное знаніе характера дзерена, иначе все дѣло пропадетъ даромъ. Такъ напр., никогда не слѣдуетъ скакать на захватъ стада, потому что, въ подобномъ случаѣ, антилопы всегда бросаются сами наперерѣзъ всаднику и часто убѣгаютъ въ противоположную сторону. Обыкновенно, загоньщики, заѣхавъ далеко вокругъ дзереновъ, направляются къ нимъ тихонько, какъ будто не обращая на звѣрей никакого вниманія, часто останавливаются, ѣдутъ шагомъ въ сторону и, подвигая мало-по-мало стадо впереди себя, нагоняютъ его наконецъ на залегшихъ охотниковъ.

Другой способъ охоты номадовъ за дзеренами состоитъ въ томъ, что монголъ, ѣдетъ въ степь на смирномъ и пріученномъ къ дѣлу верблюдѣ. Замѣтивъ антилопъ, охотникъ слѣзаетъ съ своего животнаго и, ведя его въ поводу, подвигается потихоньку къ звѣрямъ, стараясь спрятаться за туловищемъ верблюда такъ аккуратно, чтобы шаги приходились въ тактъ шагамъ животнаго. Дзерены сначала настораживаются, но видя одного только верблюда, который монотонно ступаетъ, пощипывая траву, подпускаютъ къ себѣ укрытаго охотника на сотню шаговъ и даже ближе.

Къ концу лѣта, къ періоду течки, дзерены бываютъ очень жирны и усердно преслѣдуются монголами изъ-за своего вкуснаго мяса, а также изъ-за шкуръ, употребляемыхъ для зимней одежды. Впрочемъ, такія шубы, шерстью вверхъ, номады носятъ рѣдко, и сбываютъ ихъ нашимъ купцамъ въ Ургѣ, или Кяхтѣ. Кромѣ охоты съ ружьемъ, монголы добываютъ дзереновъ особыми ловушками, сдѣланными изъ крѣпкой травы дырисунъ и имѣющими форму башмака. Когда животное попадетъ въ такой башмакъ ногою, онъ до того рѣжетъ и колетъ, что дзеренъ дѣлается сильно хромъ, а иногда даже и вовсе не можетъ ходить.

Кромѣ человѣка, волки сильно истребляютъ дзереновъ, дѣлая на нихъ, по словамъ монголовъ, облавы цѣлымъ обществомъ. Наконецъ, между этими антилопами бываютъ, по временамъ, сильные падежи, чему я самъ былъ свидѣтелемъ зимою 1871 года.

Digitized by Google

При слѣдованіи въ Калганъ, мы встрѣтили дзереновъ въ первый разъ въ 350 верстахъ за Ургою. Нечего и говорить, какое впечатлѣніе производили на меня и моего товарища эти стада, еще невиданныхъ нами звѣрей. Цѣлые дни гонялись мы за ними, къ крайнему огорченію нашихъ монголовъ, принужденныхъ, волею-неволею, иногда ждать насъ съ караваномъ по цѣлымъ часамъ. Ропотъ нашихъ подводчиковъ достигнулъ крайней степени и утишился лишь тогда, когда мы подарили имъ одну изъ убитыхъ антилопъ.

Не смотря на все безплодіе и пустынность Гоби, дорога, по которой мы шли въ Калганъ, была сильно оживлена чайными караванами, которые встрѣчались намъ ежедневно по нѣсколько десятковъ разъ. Немного ниже я сдѣлаю описаніе этихъ оригинальныхъ каравановъ, а теперь буду продолжать о монгольскомъ нагорьѣ.

Миновавъ, послѣ Халхи, аймакъ монголовъ *сунитовъ*, а вмѣстѣ съ нимъ и самую безплодную часть Гоби, мы вступили снова въ болѣе плодородную степную полосу, которая на юго-востокѣ, подобно тому какъ на сѣверѣ, окаймляетъ собою дикую и пустынную средину монгольскаго нагорья. Почва снова дѣлается шероховатѣе и покрыта превосходною травою, на которой пасутся многочисленныя стада монголовъ *цахаровъ*. Эти послѣдніе считаются пограничною стражею собственнаго Китая, состоятъ поочередно на государственной службѣ и раздѣлены на восемь знаменъ. Раіонъ цахаровъ занимаетъ въ ширину верстъ двѣсти, но вдоль нагорья, т. е. съ востока къ западу, онъ раскинулся на протяженіе почти втрое большее.

Находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ китайцами, цахары утратили, въ настоящее время, не только характеръ, но даже и типъ чисто-кровныхъ монголовъ. Оставивъ отъ своего прошлаго всю монгольскую лѣнь, они переняли отъ китайцевъ одни лишь дурныя черты ихъ характера, а потому являются выродками, въ которыхъ нѣтъ ни монгольскаго простодушія, ни китайскаго трудолюбія. Одежда у цахаровъ чисто китайская и, по наружности, они ближе подходятъ къ китайцамъ, имѣя всего чаще вытянутую или дугообразную, но не плоскую, округленную физіономію. Причиною такого измѣненія роднаго типа служатъ частые браки между цахарами и китаянками; отъ такого смѣшенія рождаются здѣсь, такъ называемые, *эрлидзы*, т. е. двуутробные. Прочіе монголы, въ особенности халхасцы, ненавидятъ цахаровъ не менѣе чѣмъ китайцевъ, и наши подводчики по ночамъ постоянно держали въ цахарской землѣ караулъ, говоря что всѣ здѣшніе люди самые отъявленные воры.

Хотя орошеніе цахарской земли все еще очень бѣдное, но здѣсь уже начинаютъ кой гдѣ попадаться озеры, между которыми *Ангули-*

Digitized by Google

норъ достигаетъ значительной величины. Ближе къ окраинѣ нагорья изрѣдка встрѣчаются даже небольшія рѣчки, и здѣсь впервые является культура и осѣдлая жизнь. Китайскія деревни и обработанныя поля ясно говорятъ путешественнику, что онъ оставилъ уже за собою дикую пустыню, и вступаетъ въ страну болѣе привѣтную для человѣка.

Наконецъ, далеко впереди на горизонтѣ, показываются неясныя очертанія того хребта, который служитъ рѣзкою границею между высокимъ, холоднымъ нагорьемъ Монголіи и теплыми равнинами собственнаго Китая. Этотъ хребетъ несетъ вполнѣ альпійскій характеръ. Крутые боковые скаты, глубокія ущелья и пропасти, остроконечныя вершины, иногда увѣнчанныя отвѣсными скалами, наконецъ, видъ безплодія и дикости—вотъ общій характеръ этихъ горъ, по главному гребню которыхъ тянется знаменитая Великая стѣна. Въ тоже время, описываемый хребетъ, подобно многимъ другимъ горамъ внутренней Азіи, окаймляющимъ съ одной стороны высокое плато, а съ другой болѣе низкія равнины, вовсе не имѣетъ подъема со стороны нагорья. До послѣдняго шага путешественникъ идетъ между холмами волнистаго плато, а затѣмъ, передъ его глазами, вдругъ раскрывается удивительнѣйшая панорама. Внизу, подъ ногами очарованнаго зрителя, встаютъ, словно въ причудливомъ снѣ, цѣлыя гряды высокихъ горъ, отвѣсныхъ скалъ, пропастей и ущелій, прихотливо перепутанныхъ между собою,—а за ними разстилаются густо населенныя долины, по которымъ, серебристою змѣею, вьются многочисленныя рѣчки. Контрастъ между тѣмъ, что осталось позади и тѣмъ, что лежитъ впереди, поразительный. Не менѣе велика и перемѣна климата. До сихъ поръ, во все время нашего перехода черезъ монгольское нагорье, день въ день стояли морозы, доходившіе до — 37° С. и постоянно сопровождаемые сильными сѣверо-западными вѣтрами, хотя снѣгу было вообще очень мало, а мѣстами онъ и вовсе не покрывалъ землю. Теперь, съ каждымъ шагомъ спуска черезъ окрайній хребетъ, мы чувствовали какъ дѣлалось теплѣе и наконецъ, прибывъ въ г. Калганъ, встрѣтили, не смотря на конецъ декабря, совершенно весеннюю погоду. Такова климатическая перемѣна на разстояніи всего 25 верстъ, лежа щихъ между названнымъ городомъ и высшею точкою спуска съ нагорья. Эта послѣдняя имѣетъ 5400 фут. абсолютной высоты, между тѣмъ какъ г. Калганъ, расположенный при выходѣ изъ окрайняго хребта въ равнину, поднимается лишь на 2800 футъ надъ морскимъ уровнемъ.

Этотъ городъ, называемый китайцами *Чжанъ-цзя-кэу* [1]), запи-

[1]) Названіе «*Калганъ*» происходитъ отъ монгольскаго слова «*Халга*», т. е. застава.

Digitized by Google

раетъ собою проходъ черезъ Великую стѣну и составляетъ важный пунктъ торговли Китая съ Монголіею [1]). Въ Калганѣ считается до семидесяти тысячъ жителей, исключительно китайцевъ, между которыми много магометанъ, извѣстныхъ въ Китаѣ подъ общимъ именемъ «*Хой-хой*». Здѣсь же живутъ два протестантскихъ миссіонера и нѣсколько нашихъ купцовъ, занимающихся транспортировкою чая черезъ Монголію въ Кяхту.

Хотя въ послѣднее время, вслѣдствіе усиленія морской перевозки, сухопутный транзитъ чая черезъ Монголію значительно уменьшился, но, по словамъ нашихъ купцовъ, ежегодно еще отправляется изъ Калгана въ Ургу и Кяхту до двухъ сотъ тысячъ ящиковъ, каждый вѣсомъ около трехъ пудовъ. Чай этотъ доставляется въ Калганъ изъ плантацій возлѣ города Хань-коу [2]) частію сухопутно, частію на европейскихъ пароходахъ до Тянь-дзина; затѣмъ половина его передается на руки нашимъ купцамъ, для дальнѣйшей отправки, а другая препровождается въ Кяхту, или Ургу самими же китайцами. Подводчиками служатъ Монголы, которые отъ подобной перевозки зарабатываютъ большія деньги. Извозъ производится только осенью, зимою и самою раннею весною (до Апрѣля), лѣтомъ же всѣ верблюды отпускаются въ степь на поправку, линяютъ и запасаются силами для новой работы.

Чайные караваны составляютъ весьма характерное явленіе восточной Монголіи. Раннею осенью, т. е. въ началѣ сентября, со всѣхъ концовъ этой страны направляются въ Калганъ длинныя вереницы верблюдовъ, отгулявшихся лѣтомъ на свободѣ степи и теперь снова осѣдланныхъ для того, чтобы тащить, каждому на своей спинѣ, черезъ пустыню, по четыре чайныхъ ящика, т. е. цѣлыхъ двѣнадцать пудовъ. Это вьюкъ обыкновенный для монгольскаго верблюда, но на болѣе сильныхъ изъ нихъ прибавляется еще пятый ящикъ. Монголы подряжаются везти чай или прямо въ Кяхту, или только до Урги [3]), такъ какъ далѣе горы и часто глубокіе снѣга страшно затрудняютъ верблюдовъ. Въ послѣднемъ случаѣ чай доставляется изъ Урги въ Кяхту на двухколесныхъ подводахъ, запряженныхъ волами [4]).

Средняя цѣна за провозъ одного ящика изъ Калгана до Кяхты равняется тремъ ланамъ, такъ что каждый верблюдъ заработываетъ

---

[1]) Сюда идутъ также наши сукна, плисъ и пушные товары.

[2]) Этотъ городъ лежитъ на нижнемъ теченіи Янъ-цзы-цзяна или Голубой рѣки. Здѣсь находятся чайныя фабрики русскихъ и другихъ европейцевъ.

[3]) Часть чая здѣсь и остается для потребленія монголовъ.

[4]) Лѣтомъ, когда имѣется достаточно подножнаго корма, сообщеніе между Калганомъ и Ургою производится также на быкахъ.

Digitized by Google

въ одинъ курсъ двѣнадцать ланъ, т. е. двадцать пять рублей на нашу звонкую монету [1]). Обыкновенно же, въ теченіи зимы, караванъ успѣетъ сходить изъ Калгана въ Кяхту два раза [2]), слѣдовательно хозяинъ верблюдовъ получаетъ по пятидесяти рублей за каждаго изъ нихъ. Погоньщиковъ, для ухода и вьюченья, полагается по два человѣка на двадцать пять животныхъ, такъ что расходы перевозки, въ сущности, очень невелики и подрядчикъ пользуется огромнымъ чистымъ барышемъ, даже въ томъ случаѣ, если въ теченіи зимы, у него пропадетъ нѣсколько верблюдовъ отъ усталости, или отъ худаго корма. Караванные верблюды въ особенности часто приходятъ въ негодность вслѣдствіе того, что протираютъ себѣ пятки и дѣлаются хромыми, или сбиваютъ спину отъ небрежнаго вьюченья. Въ первомъ случаѣ, монголы связываютъ животное, валятъ его на землю и подшиваютъ на рану кусокъ кожи, замѣняющій подошву, такъ что хромота большею частію проходитъ; верблюдъ же съ сбитою спиною дѣлается уже негоденъ къ извозу въ этомъ году, и отпускается въ степь на поправку. Принимая во вниманіе даже извѣстный процентъ потерянныхъ и испорченныхъ верблюдовъ, все таки монголъ, владѣющій хотя бы только нѣсколькими десятками этихъ животныхъ, получаетъ на нихъ очень большіе заработки. Между тѣмъ есть не мало подводчиковъ, которые владѣютъ нѣсколькими стами верблюдовъ, частію собственныхъ, частію взятыхъ въ наемъ у бѣдныхъ монголовъ, которымъ самимъ не стоитъ отправляться въ извозъ съ нѣсколькими животными. Повидимому, подобные заработки должны сдѣлать монголовъ богатыми, но на дѣлѣ этого не бываетъ, и рѣдкій изъ нихъ увозитъ къ себѣ домой нѣсколько сотъ рублей; всѣ остальныя деньги переходятъ въ руки китайцевъ.

Послѣдніе эксплуатируютъ простодушныхъ монголовъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. На встрѣчу каждому каравану, приходящему осенью за чаемъ, выѣзжаетъ нѣсколько китайцевъ и приглашаютъ хозяина остановиться у нихъ. Квартира отводится даровая; вниманіе и услуга оказываются полныя. Грязный монголъ, съ которымъ въ другое время китаецъ не станетъ говорить, валяется теперь на нарахъ фанзы богатаго купца, который самъ, или его приказщики, подаютъ трубку своему гостю и исполняютъ малѣйшія его желанія. Монголъ принимаетъ все это за чистую монету, и поручаетъ своему хозяину разсчитаться за него съ тѣмъ купцомъ, у

---

[1]) Средняя цѣна китайскаго лана въ Калганѣ равняется 2 руб. 8 коп. на наши серебряные рубли.

[2]) Обратно изъ Кяхты въ Калганъ караваны идутъ большею частію пустыми; рѣже везутъ кой-какіе товары, или дерево, сушеные грибы, соль, волосъ и шерсть.

Digitized by Google

котораго онъ береть чай на извозъ. Этого только и нужно китайцу. Получивъ деньги, которыя платятся всегда впередъ, онъ обсчитываетъ своего довѣрителя самымъ безсовѣстнымъ образомъ, а затѣмъ предлагаетъ ему то тѣхъ, то другихъ товаровъ, на которыя накладываетъ двойныя цѣны. Далѣе, часть денегъ идетъ на уплату податей, на взятки чиновникамъ, еще часть прокучивается и, въ концѣ концовъ, монголъ уѣзжаетъ изъ Калгана въ путь съ самымъ ничтожнымъ остаткомъ своего огромнаго заработка. Часть этого послѣдняго онъ неминуемо долженъ отдать въ кумирни, такъ что номадъ возвращается весною домой почти съ пустыми руками.

Сухопутная транспортировка чая изъ Хань-коу въ Кяхту такъ дорога [1]), что цѣна кирпичнаго чая, потребляемаго исключительно монголами и сибирскимъ населеніемъ, увеличивается одною доставкою втрое, противъ его стоимости на фабрикахъ. Время, потребное на переходъ каравана отъ Калгана до Кяхты, простирается отъ 30—40 дней, смотря по уговору съ подрядчикомъ монголомъ. При перевозкѣ чая изъ Хань-коу въ Кяхту, каждый ящикъ обернутъ въ толстую шерстяную попону; въ Кяхтѣ эти попоны сбрасываются, чайные ящики обшиваются невыдѣланною кожею и отправляются въ Европейскую Россію на телѣгахъ или саняхъ, смотря по времени года.

Калганъ, какъ упомянуто выше, запираетъ собою одинъ изъ проходовъ чрезъ Великую стѣну, которую мы увидѣли здѣсь въ первый разъ. Она сложена изъ большихъ камней, связанныхъ известковымъ цементомъ. Впрочемъ, величина каждаго камня не превосходитъ нѣсколькихъ пудовъ, такъ какъ, по всему вѣроятію, работники собирали ихъ въ тѣхъ же самыхъ горахъ и таскали сюда на своихъ рукахъ. Сама стѣна въ разрѣзѣ имѣетъ пирамидальную форму, при вышинѣ до трехъ саженъ и около четырехъ въ основаніи. На болѣе выдающихся пунктахъ, иногда даже не далѣе версты одна отъ другой, выстроены квадратныя башни. Онѣ сдѣланы изъ глиняныхъ кирпичей, наложенныхъ въ перемежку по длинѣ и ширинѣ и проклеенныхъ известью. Величина башень различна; наибольшія изъ нихъ имѣютъ по шести сажень въ основаніи боковъ и столько же въ вышину.

Описываемая стѣна извивается по гребню окрайняго хребта и, спускаясь въ поперечныя его ущелья, запираетъ ихъ укрѣпленіями. Въ подобныхъ проходахъ только и годится къ чемулибо вся эта постройка. Въ горахъ же самый характеръ мѣстности дѣлаетъ ихъ недоступными для непріятеля; между тѣмъ здѣсь также сложена

[1]) Перевозка каждаго ящика чая изъ Ханькоу въ Калганъ обходится также по три лана.

Digitized by Google

стѣна и все въ одинаковыхъ размѣрахъ. Мнѣ случалось даже видѣть, какъ эта постройка, примыкая къ совершенно отвѣсной скалѣ, недовольствовалась такою естественною преградою, но, оставляя узкій проходъ, обходила скалу по всей ея длинѣ, иногда весьма значительной. И къ чему творилась вся эта гигантская работа? Сколько милліоновъ рукъ работало надъ нею! Сколько народныхъ силъ потрачено задаромъ! Исторія гласитъ намъ, что описываемую стѣну выстроили, за два слишкомъ вѣка до Р. Х., китайскіе владыки, съ цѣлію оградить государство отъ вторженія сосѣднихъ номадовъ. Но таже самая исторія говоритъ, что періодическіе напоры варваровъ никогда неразбивались объ эту искусственную преграду, за которой китайскому государству недоставало и недостаетъ другой, болѣе прочной защиты — нравственной силы самого народа.

Впрочемъ, Великая стѣна, длину которой китайцы считаютъ въ пять тысячъ верстъ, и которая протянулась, съ одной стороны, въ глубь Манчжуріи, а съ другой, далеко за верхнее теченіе Желтой рѣки [1]), вовсе не такова въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ Пекина. Здѣсь она строилась на глазахъ богдохана и его важнѣйшихъ сановниковъ, и потому представляетъ дѣйствительно гигантскую работу; въ мѣстахъ же, удаленныхъ отъ надзора высшей администраціи, знаменитая Великая стѣна, которую европейцы привыкли считать характерною принадлежностію Китая, представляетъ не болѣе, какъ разрушеный временемъ глиняный валъ, сажени три вышиною. Объ этомъ упоминаютъ миссіонеры Гюкъ и Габе въ описаніи своего путешествія по Монголіи и Тибету [2]), да и намъ самимъ привелось, въ 1872 году, видѣть подобную же стѣну на границѣ Ала-шаня и Гань-су.

Пять дней провели мы въ Калганѣ, окруженные самымъ радушнымъ гостепріимствомъ г. Матреницкаго и нѣсколькихъ другихъ соотечественниковъ, купцовъ-коммиссіонеровъ, занимающихся транспортировкою въ Кяхту чая, принадлежащаго нашимъ же владѣльцамъ фабрикъ въ г. Хань-коу. Мѣсто жительства русскихъ купцовъ въ Калганѣ находится за городомъ, при выходѣ изъ того живописнаго ущелья, которымъ спускаются черезъ окрайній хребетъ [3]). Выгода загороднаго помѣщенія тѣмъ велика, что здѣсь нѣтъ той грязи и вони, которыя составляютъ самую характерную принадлежность всѣхъ городовъ Небесной Имперіи.

Подобно всѣмъ другимъ иностранцамъ въ Китаѣ, наши купцы

---

[1]) До крѣпости *Цзя-юй-гуань* въ провинціи Ганьсу.

[2]) Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II p. 29.

[3]) Кромѣ этого прохода къ Калгану ведетъ еще другое ущелье со стороны г. *Долонъ-нора*.

Digitized by Google

ведутъ свои дѣла черезъ компрадоровъ, т. е. китайцевъ, которымъ довѣряются торговыя сдѣлки съ своими соотечественниками. Впрочемъ, наши калганскіе купцы, изъ которыхъ иные знаютъ китайскій языкъ, еще достаточно самостоятельны въ торговыхъ операціяхъ, тѣмъ болѣе, что имъ часто приходится имѣть дѣло прямо съ подрядчиками монголами. Въ Тянь-дзинѣ же и во всѣхъ другихъ портахъ Китая, открытыхъ европейцамъ, компрадоры составляютъ необходимую принадлежность каждаго торговаго дома. Черезъ нихъ ведутся всѣ дѣла, и такой довѣренный грабитъ своего довѣрителя самымъ незастѣнчивымъ образомъ, такъ что, черезъ нѣсколько лѣтъ, обыкновенно открываетъ свою собственную торговлю.

Компрадоры китайцы, живущіе у иностранцевъ, выучиваются говорить на томъ или другомъ языкѣ, смотря потому, къ какой націи принадлежитъ ихъ хозяинъ. Русская рѣчь дается китайцамъ всего труднѣе [1]); не говоря уже про выговоръ и коверканіе словъ, самая постройка фразы всегда дѣлается самымъ невѣроятнымъ образомъ. «*Шибко твоя мастеръ стрѣляй еси*», говорилъ мнѣ одинъ изъ калганскихъ компрадоровъ, видя какъ я стрѣлялъ въ летъ каменныхъ голубей. «*Твоя кушея буду не буду*», спрашивалъ тотъ же самый китаецъ, предлагая что-либо съѣдомое. Въ Ургѣ мы также видѣли нѣсколько подобныхъ грамматниковъ. Одинъ изъ нихъ, какъ гласила злая молва, нѣкогда занимался поддѣлкою русскихъ ассигнацій и сбывалъ ихъ монголамъ. На нашъ вопросъ—промышляетъ ли онъ теперь такимъ дѣломъ, китаецъ отвѣчалъ: «*како можно, таперь твоя бумажка худо еси; пиши, пиши* (т. е. текстъ на ассигнаціи), *мало, мало наши люди дѣлай можно, а лицо* (т. е. портретъ), *шибко мудрено еси*». Впрочемъ, для монголовъ не требуется особенно художественной отдѣлки ассигнацій, и мы видѣли въ Ургѣ нѣсколько фальшивыхъ бумажекъ, на которыхъ портреты были нарисованы прямо отъ руки.

Объ иностранцахъ, живущихъ въ Китаѣ, калганскій компрадоръ высказалъ намъ такое мнѣніе: «*Твоя люди все равно Пэ-линъ, Фа-гуа* [2]) *нѣту; твоя люди, наши люди одали* [3]), *хорошъ еси; Пэ-линъ, Фа-гуа худо еси*». Нечего сказать, пріятно было слушать подобную похвалу китайца, который увѣрялъ, что «мы вовсе не походимъ на французовъ и англичанъ, но все равно что китайцы, хороши еси».

[1]) Русскому языку китайцы обыкновенно выучиваются въ Кяхтѣ; между монголами мы не видѣли ни одного, который хотя бы сколько нибудь говорилъ по русски.

[2]) Именемъ «*Пэ-линъ*», китайцы называютъ—англичанъ; «*Фа-гуа*»—французовъ.

[3]) «*Одали*» значитъ «все равно»; это одно изъ словъ нашего забайкальскаго нарѣчія.

Digitized by Google

Однако такое мнѣніе, можетъ быть принадлежащее и лично калганскому компрадору, не избавляетъ русскихъ отъ общей ненависти китайцевъ ко всѣмъ европейцамъ, и общей для всѣхъ насъ клички «*янъ-гуйза*», т. е. заморскій чертъ.

Другаго имени европеецъ здѣсь не услышитъ и мы, съ перваго шага въ собственный Китай, на опытѣ восчувствовали, до чего безотрадно тяжело положеніе европейскаго путешественника въ предѣлахъ Небесной Имперіи. Но объ этомъ рѣчь еще впереди, а теперь будемъ продолжать по порядку.

Благодаря содѣйствію калганскихъ земляковъ, мы наняли у китайцевъ, для переѣзда въ Пекинъ, двѣ верховыя лошади и нѣсколько мулловъ подъ багажъ. Европейцы обыкновенно ѣздятъ здѣсь въ носилкахъ, которыя везутся двумя муллами, но мы взяли верховыхъ лошадей потому, что при верховой ѣздѣ удобнѣе могли познакомиться съ страною, нежели изъ закрытыхъ носилокъ.

Разстояніе отъ Калгана до Пекина около 210 верстъ, и его обыкновенно проѣзжаютъ въ четверо сутокъ. Дорогою останавливаются въ гостинницахъ, содержимыхъ большею частію магометанами, переселившимися сюда изъ Восточнаго Туркестана. Для янъ-гуйзы, т. е. для европейца, входъ въ хорошія гостинницы чрезвычайно затруднителенъ, а потому путешественника везутъ въ самые плохіе постоялые дворы, не смотря на то, что за все берутъ двойную, тройную, а иногда и десятерную плату. Но тутъ уже рѣчь не о деньгахъ; радъ-радехонекъ, чтобы пустили хотя въ какой нибудь сарай, послѣ того, какъ шесть, семь часовъ сряду просидишь на лошади и продрогнешь на ночномъ морозѣ. Не смотря на то, что европейцы въ Китаѣ обыкновенно платятъ за все щедрою рукою, общая ненависть къ заморскимъ чертямъ до того велика, что насъ иногда не хотѣли пускать на ночлегъ, не смотря на посредничество нашихъ подводчиковъ китайцевъ. Это случилось именно въ городѣ *Ша-чанъ*, гдѣ мы принуждены были ѣздить цѣлый часъ отъ одной гостинницы къ другой и предлагать десятерную цѣну, за право переночевать въ грязной, холодной фанзѣ.

Незнаніе языка также служило намъ великою помѣхою, въ особенности на станціяхъ, гдѣ приходилось спрашивать чего нибудь съѣстнаго. Хорошо еще, что въ Калганѣ я записалъ нѣкоторыя названія китайскихъ кушаньевъ и съ этимъ меню мы проѣхали до Пекина. Не знаю, какъ другимъ по вкусу приходится китайская кухня, въ которой кунжутное масло [1]) и чеснокъ играютъ первую

[1]) Китайцы, какъ извѣстно, не ѣдятъ ни молока, ни масла и вовсе не держатъ рогатаго скота.

Digitized by Google

роль, но для насъ китайскія явства въ гостинницахъ казались отвратительными. Тѣмъ болѣе, что видя въ мясныхъ лавкахъ ослиныя ляжки, продаваемыя для ѣды, мы всегда имѣли справедливое подозрѣніе, что и насъ кормятъ тою же самою ослятиною. Сами китайцы не брезгуютъ никакою гадостію и нѣкоторые изъ нихъ ѣдятъ даже собакъ. При вторичномъ посѣщеніи Калгана мы видѣли, какъ китайскіе мясники купили монгольскаго верблюда, больного чесоткою на столько, что все тѣло было покрыто язвами, зарѣзали его и тутъ же продавали мясо. Дохлая скотина обыкновенно съѣдается, и конечно ослы, продаваемые въ мясныхъ лавкахъ, попали сюда не насильственною смертію, такъ какъ китаецъ, при своей скаредности, ни за что не согласится убить на мясо вьючное животное, если оно хотя сколько нибудь еще способно къ работѣ. Теперь можно себѣ представить, съ какимъ аппетитомъ кушаетъ европеецъ предлагаемыя ему въ китайскихъ гостинницахъ блюда, зная всю неразборчивость гастрономическаго вкуса своихъ хозяевъ.

Съ выходомъ изъ Калгана, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ окрайняго хребта монгольскаго нагорья, передъ глазами путешественника раскрывается широкая равнина, густо заселенная и превосходно обработанная. Деревни имѣютъ опрятный видъ, совершенно противоположно городамъ. Дорога сильно оживлена: по ней тянутся вереницы ословъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ, телѣги, запряженныя муллами, пѣшеходные носильщики и наконецъ собиратели помета, который такъ дорого цѣнится въ Китаѣ. Здѣсь вездѣ, не исключая и городовъ, можно видѣть взрослыхъ мужчинъ, съ корзинкою на лѣвой рукѣ и лопаткою въ правой, съ утра до вечера бродящихъ по улицамъ, или дорогамъ и собирающихъ пометъ, брошенный животными, или людьми. Подобныя сцены иногда доходятъ до смѣшнаго, когда видишь, какъ китаецъ стоитъ возлѣ испражняющагося верблюда, и старательно держитъ свою корзинку подъ извѣстною частію животнаго. Собираемый пометъ употребляется на удобреніе полей, или какъ топливо.

Въ разстояніи тридцати верстъ отъ Калгана, на окраинѣ вышеупомянутой равнины, которая имѣетъ почву глинисто-песчаную и частію каменистую, стоитъ большой городъ *Сюань-ха-фу*, обнесенный, какъ и всѣ китайскіе города, глиняною зубчатою стѣною, совершенно похожею на нашъ московскій Китай-городъ. Далѣе отсюда дорога ведетъ черезъ скалистый хребетъ, ущельемъ, по которому течетъ быстрая и довольно широкая рѣчька *Янъ-хэ*. Въ болѣе узкихъ и сжатыхъ мѣстахъ ущелья, путь пробитъ въ скалахъ и вообще дорога хороша для колесной ѣзды. Затѣмъ, минуя городъ

Digitized by Google

Дзи-минъ, путешественникъ снова выходитъ на равнину, которая достигаетъ отъ 10—12 верстъ ширины и тянется къ западу между двумя хребтами горъ. Одинъ изъ нихъ тотъ самый, черезъ который только что лежалъ путь, а другой, гораздо болѣе высокій и величественный, составляетъ наружную ограду втораго уступа, которымъ Восточно-Азіятское нагорье спускается къ равнинѣ, раскинувшейся по берегу Желтаго моря. Дѣйствительно, начиная отъ Калгана вплоть до г. *Ча-доу*, который лежитъ при входѣ въ вышеупомянутый хребетъ, абсолютная высота мѣстности уменьшается довольно равномѣрно и путешественникъ все еще пребываетъ на плато, высоко поднятомъ надъ уровнемъ моря [1]). Затѣмъ, отъ Ча-доу начинается спускъ черезъ второй окрайній хребетъ, который называется у китайцевъ *Си-ша-ъ* и, подобно калганскимъ горамъ, развивается вполнѣ лишь на наружной сторонѣ плато, къ равнинѣ своего подножія.

Дорога черезъ описываемый хребетъ проходитъ ущельемъ *Гуань-гоу*, которое начинается близъ Ча-доу, и тянется до города *Нанькэу*, лежащаго при выходѣ изъ горъ въ Пекинскую равнину. Ущелье Гуань-гоу въ верхнихъ своихъ частяхъ имѣетъ лишь отъ 10—15 сажень ширины и со всѣхъ сторонъ замыкается громадными отвѣсными скалами гранита, порфира, сѣраго мрамора и глинистаго сланца. Дорога, нѣкогда вымощенная каменными плитами, теперь находится въ полномъ запущеніи, такъ что ѣхать по ней даже верхомъ крайне затруднительно. Тѣмъ не менѣе здѣсь проходятъ, конечно съ очень большимъ трудомъ, китайскіе двухколесныя телѣги и даже иногда караваны верблюдовъ съ чаемъ изъ Пекина.

По гребню описываемаго хребта тянется вторая, такъ называемая, внутренняя Великая стѣна, по своимъ размѣрамъ и постройкѣ много превосходящая калганскую. Здѣшняя стѣна сложена изъ большихъ плитъ гранита, а на вершинѣ убрана кирпичными зубцами; на болѣе высокихъ пунктахъ расположены сторожевыя башни. Сверхъ того, за главною стѣною, къ сторонѣ Пекина, выстроено еще три добавочныхъ стѣны, которыя лежатъ въ разстояніи трехъ или четырехъ верстъ одна отъ другой и боками своими, вѣроятно, примыкаютъ къ главной постройкѣ. Всѣ эти стѣны запираютъ ущелье Гуань-гоу парными воротами, но въ послѣдней изъ нихъ къ Пекину устроено трое воротъ. Здѣсь же валяются двѣ старинныя чугунныя пушки, сдѣланныя, какъ говорятъ, для китайцевъ іезуитами.

Тотчасъ за стѣнами ущелье Гуань-гоу нѣсколько расширяется,

[1]) Абсолютная высота Калгана 2,800 фут., а г. Ча-доу — 1,600 фут.

Digitized by Google

хотя все еще несетъ дикій, но въ то же время очаровательный характеръ. Горные ручьи съ шумомъ и водопадами бьются здѣсь по камнямъ, а подъ нависшими скалами вездѣ виднѣются китайскія фанзы, виноградники и небольшія сады фруктовыхъ деревьевъ. Наконецъ путешественникъ достигаетъ города *Нань-кэу*, который лежитъ на тысячу футъ ниже Ча-доу, не смотря на то, что разстояніе между этими городами только 23 версты.

Такимъ образомъ вся ширина горной окраины Восточно-Азіятскаго нагорья, отъ высшей точки спуска съ Калганскаго хребта до выхода въ Пекинскую равнину при Нань-кэу, составляетъ около двухъ сотъ верстъ. Къ западу эта окраина, вѣроятно, расширяется, прорѣзывается нѣсколькими параллельными цѣпями горъ и частію упирается въ сѣверный изгибъ Хуань-хэ; къ востоку же, раздѣленныя горныя цѣпи соединяются въ одинъ широкій горный массивъ, который протянулся къ Печилійскому заливу Желтаго моря [1]).

Отъ Нань-кэу остается только одинъ день пути до Пекина, т. е. не болѣе пятидесяти верстъ. Мѣстность здѣсь совершенная равнина, очень немного поднятая надъ уровнемъ моря [2]). Наносная почва этой равнины, состоящая изъ глины и песку, вездѣ превосходно обработана. Деревни встрѣчаются на каждомъ шагу; многочисленныя рощи кипариса, древовиднаго можжевельника, сосны, тополя и другихъ деревьевъ, указывающія обыкновенно мѣста кладбищъ, придаютъ много разнообразія и красоты равнинному ландшафту. Климатъ дѣлается еще теплѣе, такъ что здѣсь, въ періодъ нашихъ крещенскихъ морозовъ, термометръ въ полдень иногда поднимается въ тѣни выше нуля. О снѣгѣ нѣтъ и помину; если онъ изрѣдка и выпадаетъ ночью, то обыкновенно стаиваетъ въ слѣдующій же день. Вездѣ встрѣчаются зимующія птицы: дрозды, вьюрки, дубоносы, стренатки, грачи, коршуны, голуби, дрофы и утки.

Съ приближеніемъ къ столицѣ Небесной Имперіи густота населенія увеличивается все болѣе и болѣе. Сплошныя деревни образуютъ цѣлый городъ, такъ что путешественникъ, совершенно незамѣтно, подъѣзжаетъ къ Пекинской стѣнѣ и вступаетъ въ знаменитую столицу востока.

---

[1]) Вся эта цѣпь горъ извѣстна у китайцевъ подъ общимъ именемъ *Тхай-хань;* она тянется на юго-западъ къ верхнему теченію Желтой рѣки въ губернію Хэ-нань, на востокъ до Корейскаго залива. Іоакинфъ, Стат. опис. Китайской имперіи, ч. I, стр. 5.

[2]) Городъ Пекинъ имѣетъ лишь 120 фут. абс. высоты.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Монголы.

Наружность, одежда и жилище монголовъ. — Ихъ обыденная жизнь, характеръ, языкъ и обычаи. — Религія и суевѣріе. — Административное раздѣленіе и управленіе Монголіи.

Настоящая глава посвящается этнографическому описанію Монголіи въ тѣхъ видахъ, что при дальнѣйшемъ повѣствованіи о ходѣ путешествія, разсказы, касающіеся населенія, могли быть вставлены лишь отрывочными частями, не всегда рельефными. При описаніи физико-географическаго характера и природы посѣщенныхъ мѣстностей, равно какъ различныхъ приключеній нашего странствованія, можно было бы удѣлять для населенія лишь соотвѣтствующіе уголки, которые, будучи разбросаны по различнымъ главамъ, легко могли не обратить на себя вниманіе читателя. Для избѣжанія такого неудобства, я рѣшился сгруппировать разсказъ о населеніи Монголіи въ одну главу, изложить въ ней характерныя черты быта номадовъ, а затѣмъ пополнять ихъ мелкими подробностями уже при историческомъ изложеніи путешествія.

Если начать съ описанія наружности, то за образецъ кореннаго монгола, безспорно, слѣдуетъ взять обитателя Халхи, гдѣ всего болѣе сохранилась чистокровная монгольская порода. Широкое плоское лицо съ выдающимися скулами, приплюснутый носъ, небольшіе, узко-прорѣзанные глаза, угловатый черепъ, большія, оттопыренныя уши, черные, жесткіе волосы, весьма рѣдкіе на усахъ и бородѣ, смуглый, загорѣлый цвѣтъ кожи, наконецъ, плотное, коренастое сложеніе, при среднемъ, или даже большомъ, ростѣ — вотъ характерныя черты наружности каждаго халхасца.

Въ другихъ частяхъ своей родины монголы далеко не вездѣ удержали столь чистокровный типъ. Внѣшнее, иноземное вліяніе всего сильнѣе проявилось на юго-восточной окраинѣ монголіи, издавна сосѣдней владѣніямъ собственнаго Китая. И хотя кочевая жизнь номада трудно мирится съ условіями культуры осѣдлаго пле-

Digitized by Google

мени, но все таки, въ теченіи столѣтій, китайцы успѣли, тѣмъ или другимъ путемъ, настолько упрочить свое вліяніе на дикихъ сосѣдей, что, въ настоящее время, эти послѣдніе на половину уже окитаились въ мѣстностяхъ, лежащихъ непосредственно за Великою стѣною. Правда, кромѣ немногихъ исключеній, монголъ здѣсь все еще живетъ въ войлочной юртѣ и пасетъ свое стадо, но какъ по наружности, такъ еще болѣе по характеру, онъ уже слишкомъ рѣзко отличается отъ своего сѣвернаго собрата, и гораздо болѣе подходитъ къ китайцу. Грубое плоское лицо замѣнилось у него, вслѣдствіе частыхъ браковъ съ китаянками, болѣе правильною физіономіею китайца, а въ одеждѣ и домашней обстановкѣ номадъ считаетъ щегольствомъ и достоинствомъ поддѣлываться подъ китайскій тонъ. Самый характеръ кочевника измѣнился здѣсь чрезвычайно сильно: его уже не такъ манитъ дикая пустыня, какъ города густо-населеннаго Китая, въ которыхъ онъ успѣлъ познакомиться съ выгодами и наслажденіями болѣе цивилизованной жизни.. Но разставаясь мало-по-малу съ прошлымъ, окитаивающіеся монголы перенимаютъ отъ своихъ сосѣдей однѣ лишь дурныя черты ихъ характера, сохраняя тоже самое и отъ своей прошлой жизни. Въ концѣ-концевъ, они дѣлаются выродками, которыхъ китайское вліяніе только развратило, но вовсе не подняло на лучшую, противъ прежняго, ступень общественной жизни.

Подобно китайцамъ, монголы брѣютъ голову, оставляя только небольшой пучекъ волосъ на затылкѣ и сплетая ихъ въ длинную косу; ламы же брѣются до чиста [1]). Усовъ и бороды ни тѣ, ни другіе не носятъ, да они и растутъ крайне плохо. Обычай носить косу введенъ въ Китаѣ манчжурами, послѣ того, какъ они, въ половинѣ семнадцатаго вѣка, овладѣли Небесною Имперіею. Съ тѣхъ поръ коса считается внѣшнимъ признакомъ подчиненности царствующей *Да-циньской* династіи, и такое украшеніе должны носить всѣ народы подвластные Китаю.

Монголки не брѣютъ волосъ, но сплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыя украшаютъ лентами, кораллами, или бисеромъ, и носятъ спереди, по обѣимъ сторонамъ груди; замужнія женщины часто носятъ одну косу сзади. Сверху волосъ накладываются серебрянныя бляхи, съ красными кораллами, которые въ Монголіи цѣнятся очень дорого; бѣдные замѣняютъ кораллы простыми бусами, но сами бляхи обыкновенно дѣлаются изъ серебра, или, какъ рѣдкое исключеніе, изъ мѣди. Подобный нарядъ надвигается на верхнюю часть лба;

[1]) Для бритья употребляются китайскіе ножи, а волосы смачиваются теплою водою.

Digitized by Google

кромѣ того въ уши вдѣваются большія серебряныя серьги, а на рукахъ носятся кольцы и браслеты.

Одежда монголовъ состоитъ изъ кафтана въ родѣ халата, сдѣланнаго обыкновенно изъ синей китайской дабы, китайскихъ сапоговъ и плоской шляпы съ отвороченными вверхъ полями; рубашекъ, равно какъ и нижняго платья, номады большею частію не носятъ. Зимою они надѣваютъ теплыя панталоны, бараньи шубы и теплыя шапки. Для щегольства, лѣтній халатъ дѣлается очень часто изъ шелковой китайской матеріи; сверхъ того, чиновники носятъ китайскія курмы. Какъ халатъ, такъ и шуба всегда подвязаны поясомъ, за которымъ повѣшены, на спинѣ или съ боку, неизмѣнныя принадлежности каждаго монгола: кисетъ съ табакомъ, трубка и огниво. Кромѣ того, у халхасцевъ за пазухой всегда имѣется табакерка съ нюхательнымъ табакомъ, угощеніе которымъ составляетъ первое привѣтствіе при встрѣчѣ. Но главное щегольство номада заключается въ верховой сбруѣ, которая часто украшается серебромъ.

Женщины носятъ халатъ нѣсколько отличный отъ мужскаго и при томъ безъ пояса; сверху же обыкновенно надѣваютъ родъ фуфайки безъ рукавовъ. Впрочемъ, покрой платья, равно какъ и прическа прекраснаго пола, значительно измѣняются въ различныхъ мѣстностяхъ Монголіи.

Универсальное жилище монгола составляетъ войлочная юрта (*гырз*), которая одна и та же во всѣхъ закоулкахъ его родины. Каждая такая юрта имѣетъ круглую форму съ коническою вершиною, гдѣ находится отверстіе для выхода дыма и для свѣта. Бока юрты дѣлаются изъ деревянныхъ палокъ [1]), скрѣпленныхъ такимъ образомъ, что, будучи раздвинуты, онѣ образуютъ квадратныя клѣтки, около фута въ поперечникѣ. Такая рѣшетка состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, которыя, при установкѣ жилья, связываются между собою веревками, оставляя, съ одной стороны, мѣсто для деревянной двери, имѣющей фута три вышины, при нѣсколько меньшей ширинѣ и служащей лазейкою во внутренность юрты. Послѣдняя бываетъ различна по величинѣ, но, всего чаще, имѣетъ отъ 12—15 футовъ въ діаметрѣ и около 10 отъ земли до верхняго отверстія.

Сверху боковъ и двери накладываются палки, которыя прикрѣпляются петлями къ тонкимъ верхушкамъ клѣтчатыхъ боковъ, а свободными концами вставляются въ дырки круга, сдѣланнаго изъ обручей. Этотъ кругъ помѣщается надъ срединою юрты, имѣетъ фута три или четыре въ діаметрѣ, и служитъ верхнимъ отверстіемъ.

[1]) Дерево, необходимое для юртъ, монголы получаютъ, главнымъ образомъ, изъ той части Халхи, которая обильна лѣсами.

Digitized by Google

Когда бока, дверь, верхнія палки, словомъ весь остовъ юрты, установленъ и закрѣпленъ веревками, тогда онъ обтягивается со всѣхъ сторонъ войлоками, зимою обыкновенно двойными, на дверь и трубу накладываются войлочныя покрышки — и жилище готово. Внутри его, по срединѣ, помѣщается очагъ; на сторонѣ, противоположной входу, ставятся бурханы (боги), а по бокамъ различный домашній скарбъ. Вокругъ очага, на которомъ цѣлый день горитъ огонь, раскладываются войлоки, а въ зажиточныхъ юртахъ, даже ковры, для сидѣнія и спанья. Кромѣ того, у богатыхъ, всего чаще у князей, бока юрты внутри обвѣшиваются бумажными, а иногда даже шелковыми матеріями, и дѣлается деревянный полъ. Для неприхотливаго быта номада, юрта составляетъ незамѣнимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить на другое мѣсто; въ то же время она служитъ достаточною защитою отъ холода, зноя и непогоды. Дѣйствительно, въ юртѣ, въ то время, когда горитъ огонь, довольно тепло, даже въ самый сильный морозъ. На ночь труба закрывается войлочною покрышкою и огонь гасится; тогда температура въ юртѣ не особенно высока, но все таки здѣсь гораздо теплѣе, нежели въ палаткѣ. Лѣтомъ войлочная оболочка такого жилища отлично защищаетъ отъ жаровъ и дождей, хотя бы самыхъ проливныхъ.

Въ обыденной жизни монголовъ путешественнику, прежде всего, бросается въ глаза ихъ страшная нечистоплотность. Въ теченіи всей жизни номадъ ни разу не моетъ свое тѣло; очень рѣдко, и то какъ исключеніе, нѣкоторые изъ нихъ умываютъ кой-когда лицо или руки. Отъ постоянной грязи одежда кочевниковъ кишитъ тучами паразитовъ, которыхъ они истребляютъ, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ. Постоянно случается видѣть, какъ монголъ, иногда даже чиновникъ или знатный лама, въ кругу большаго общества, разворачиваетъ свою шубу или халатъ, ловитъ назойливое насѣкомое и тутъ же казнитъ его на переднихъ зубахъ.

Нечистоплотность и грязь, въ которой живутъ номады, обусловливается отчасти ихъ отвращеніемъ, даже боязнію воды или сырости. Не говоря уже про то, что номадъ, ни за что въ свѣтѣ, не перейдетъ пѣшкомъ черезъ самую ничтожную лужу, гдѣ едва можно замочить ноги, онъ, самымъ старательнымъ образомъ, избѣгаетъ ставить свою юрту близко сыраго мѣста, наприм. ключа, ручья или болота. Сырость на него дѣйствуетъ также пагубно, какъ и на верблюда, что конечно объясняется привычкою организма жить постоянно въ сухомъ климатѣ. Монголъ даже никогда не пьетъ сы-

Digitized by Google

рой, холодной воды, но всегда замѣняетъ ее кирпичнымъ чаемъ, составляющимъ въ то же время универсальную пищу номадовъ.

Этотъ продуктъ монголы получаютъ отъ китайцевъ и до того пристрастились къ нему, что безъ чаю ни одинъ номадъ, ни мужчина, ни женщина, не могутъ существовать и нѣсколькихъ сутокъ. Цѣлый день, съ утра до вечера, въ каждой юртѣ на очагѣ стоитъ котелъ съ чаемъ, который безпрестанно пьютъ всѣ члены семьи; этотъ же чай составляетъ первое угощеніе каждаго гостя.

Приготовленіе его производится отвратительнѣйшимъ образомъ. Начать съ того, что посуда [1]), въ которой варится подобный нектаръ, никогда не чистится и только изрѣдка вытирается внутри сухимъ аргаломъ, т. е. лошадинымъ или коровьимъ пометомъ. Вода употребляется обыкновенно соленая, а если таковой нѣтъ, то въ кипятокъ нарочно прибавляется соль. Затѣмъ, крошится ножемъ, или толчется въ ступѣ, кирпичный чай и горсть его бросается въ кипящую воду, куда прибавляется также нѣсколько чашекъ молока. Для того, чтобы размягчить твердый какъ камень кирпичъ чаю, его предварительно кладутъ, на нѣсколько минутъ, въ горящій аргалъ, что конечно придаетъ еще болѣе аромату и вкусу всему напитку. На первый разъ угощеніе готово. Но въ такомъ видѣ оно служитъ только для питья, въ родѣ нашего шоколада и кофе, или прохладительныхъ напитковъ. Для болѣе же существенной ѣды, монголъ сыплетъ въ свою чашку съ чаемъ сухое жареное просо и наконецъ, въ довершеніе всей прелести, кладетъ туда масло, или сырой курдючный жиръ. Теперь можно себѣ вообразить, какую отвратительную мерзость представляетъ подобное явство, которое монголы истребляютъ въ неимовѣрномъ количествѣ. Выпить въ теченіи дня десять, или пятнадцать, чашекъ, вмѣстимостію равныхъ нашему стакану — это порція самая обыкновенная даже для монгольской дѣвицы; взрослые же мужчины пьютъ вдвое болѣе [2]). При этомъ нужно замѣтить, что чашки, изъ которыхъ ѣдятъ номады, составляютъ исключительную собственность каждаго лица. Онѣ никогда не моются, и только послѣ ѣды вылизываются языкомъ, а затѣмъ носятся за пазухою, гдѣ кишатъ насѣкомыя всякаго рода. Чашки состав-

---

[1]) Домашняя посуда у монголовъ далеко не разнообразна. Ее составляютъ: чугунный котелъ для варки пищи, чайникъ, чашки, уполовникъ, кожаный мѣхъ или деревянная кадка для воды и молока, деревянные корытца для подачи мяса; сюда еще слѣдуетъ отнести: желѣзный таганъ, щипцы для подкладки аргала и изрѣдка китайскій топоръ.

[2]) Опредѣленнаго времени для обѣда у монголовъ нѣтъ; они ѣдятъ и пьютъ чай цѣлый день, когда захочется, или случится.

Digitized by Google

ляютъ извѣстнаго рода щегольство, и у богатыхъ встрѣчаются изъ чистаго серебра китайской работы; ламы иногда дѣлаютъ ихъ изъ человѣческихъ череповъ, которые разрѣзываются пополамъ и оправляются въ серебро.

Рядомъ съ чаемъ, молоко, въ различныхъ видахъ, составляетъ постоянную пищу монголовъ. Изъ него приготовляются: масло, пѣнки, арека и кумысъ. Пѣнки дѣлаются изъ неснятаго молока, которое кипятятъ на медленномъ огнѣ, потомъ даютъ отстояться и, снявъ сгустившіяся сливки, сушатъ ихъ; для вкуса сюда подбавляютъ иногда жареное просо. Арека приготовляется изъ кислаго снятаго молока; изъ него же дѣлается «арелъ», на подобіе сухихъ и мелкихъ кусочковъ сыра. Наконецъ, кумысъ (*тарасунъ*) приготовляется изъ кобыльяго, или овечьяго молока. Въ теченіи всего лѣта онъ составляетъ самое лучшее угощеніе, такъ что монголы постоянно ѣздятъ другъ къ другу, чтобы попробовать тарасуна, которымъ обыкновенно услаждаются до пьяна. Всѣ вообще номады чрезвычайно склонны къ спиртнымъ напиткамъ, хотя пьянство у нихъ далеко не такой поголовный порокъ, какъ въ иныхъ болѣе цивилизованныхъ странахъ. Водку монголы достаютъ отъ китайцевъ, закупая ея въ самомъ Китаѣ, во время пребыванія тамъ съ караванами, или пріобрѣтая отъ китайскихъ торговцевъ, которые лѣтомъ ѣздятъ по всей Монголіи съ различными мелкими товарами, вымѣнивая ихъ на шерсть, шкуры и скотъ. Отъ такой торговли китайцы получаютъ большіе барыши, такъ какъ даютъ обыкновенно товары въ долгъ, налагая за это громадный процентъ, а съ другой стороны, принимаютъ по самой низкой цѣнѣ предметы, служащіе уплатою вмѣсто денегъ.

Хотя чай и молоко составляютъ, въ теченіе круглаго года, главную пищу монголовъ, но весьма важнымъ подспорьемъ къ ней, въ особенности зимою, служитъ баранье мясо. Это такое лакомое кушанье для каждаго номада, что желая похвалить что либо съѣдомое, онъ всегда говоритъ: «такъ вкусно, какъ баранина». Баранъ даже считается, какъ и верблюдъ, священнымъ животнымъ. Впрочемъ, весь домашній скотъ у номадовъ служитъ эмблемою достоинства, такъ что именами «бараній, лошадиный, или верблюжій», окрещиваются даже нѣкоторые виды растительнаго и животнаго царства [1]). Самою лакомою частію барана считается курдюкъ, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ чистаго жира. Монгольскіе бараны къ осени до того отъѣдаются, иногда на самомъ плохомъ,

[1]) Напр. именемъ *Хони-арца*, т. е. баранья арца, называютъ древовидный можжевельникъ; *яма-арца* (козлиная арца) — тую; *хони-шулюсунъ* — рысь и т. д.

Digitized by Google

повидимому, кормѣ, что кругомъ бываютъ покрыты слоемъ сала въ дюймъ толщиною. Но чѣмъ жирнѣе это животное, тѣмъ оно лучше для монгольскаго вкуса [1]). Изъ убитаго барана не пропадаетъ рѣшительно ничего, даже кишки идутъ въ дѣло; изъ нихъ выжимаютъ содержимое, а за тѣмъ, не вымывши, наливаютъ кровью и варятъ полученныя такимъ образомъ колбасы.

Обжорство монголовъ бараниною превосходитъ всякое вѣроятіе. За одинъ присѣстъ номадъ можетъ съѣсть болѣе десяти фунтовъ мяса, но выдаются и такіе гастрономы, которые, въ теченіе сутокъ, съѣдаютъ цѣлаго барана средней величины! Во время пути, баранья ляшка составляетъ обыкновенную ежедневную порцію одного человѣка, при экономическомъ расходованіи запасовъ. За то монголъ можетъ пробыть цѣлыя сутки безъ пищи, но разъ онъ добрался до нея, то ѣстъ, въ буквальномъ смыслѣ, «одинъ за семерыхъ».

Для ѣды баранину всегда варятъ; жарится же на вертѣлѣ, какъ лакомство, только одна грудина. Зимою во время дороги, когда замерзшее мясо требуетъ долгаго времени, чтобы свариться какъ слѣдуетъ, монголы ѣдятъ его полусырымъ, обрѣзывая сверху обварившійся немного кусокъ, и снова опуская его въ чашу, когда дѣло дойдетъ до совершенно сыраго мяса. Въ случаѣ спѣшности, номадъ прячетъ себѣ кусокъ баранины на дорогу и кладетъ его на спину верблюда, подъ сѣдло, чтобы сохранить отъ мороза. Отсюда, во время пути, вытаскивается спрятанная закуска, облѣпленная шерстью, и провонявшая верблюжьимъ потомъ, но это нисколько не нарушаетъ аппетитъ монгола. Бараній отваръ номады пьютъ какъ чай, а иногда прибавляютъ въ него просо или кусочки тѣста, въ родѣ нашей лапши, и получаютъ такимъ образомъ супъ. Передъ ѣдою, обыкновенно уже наливши себѣ чашку, ламы и нѣкоторые набожные изъ простыхъ людей бросаютъ частичку, въ видѣ жертвоприношенія на огонь, а если его нѣтъ, то просто въ сторону. Для жертвоприношенія отъ жидкой пищи, въ нее обмакиваютъ средній палецъ правой руки, съ котораго уже стряхиваютъ куда нужно приставшія частицы.

Ѣдятъ монголы всегда руками, обыкновенно грязными до отвращенія. Мясо подносятъ ко рту большимъ кускомъ, захватываютъ, сколько возможно, зубами и затѣмъ ножемъ отрѣзаютъ забранное въ ротъ возлѣ самыхъ губъ. Кости объѣдаются до безукоризненной чистоты и нѣкоторыя изъ нихъ еще разбиваются, чтобы добыть внут-

[1]) Замѣчателенъ способъ, которымъ монголы убиваютъ барана для ѣды: они распарываютъ животному брюхо, всовываютъ туда руку, и доставши сердце, жмутъ его, пока баранъ не издохнетъ.

Digitized by Google

ренній мозгъ. Бараньи лопатки всегда разламываются и потомъ уже бросаются; оставить лопаточную кость цѣлою считается за грѣхъ.

Кромѣ баранины, какъ спеціальнаго кушанья, монголы ѣдятъ также козловъ, лошадей, въ меньшемъ количествѣ рогатый скотъ, и еще рѣже верблюдовъ. Ламы не употребляютъ конины и верблюжины, но они, какъ и всѣ вообще монголы, не брезгаютъ падалью, въ особенности, если издохшая скотина хотя немного жирна. Хлѣба монголы не знаютъ, хотя не отказываются ѣсть китайскія булки, а иногда дома приготовляютъ лепешки и лапшу изъ пшеничной муки. Вблизи нашей границы номады даже ѣдятъ черный хлѣбъ, но подальше, внутрь Монголіи, его не знаютъ, и тѣ монголы, которымъ мы давали черные сухари, попробовавъ ихъ, обыкновенно говорили, что «въ такой ѣдѣ нѣтъ ничего пріятнаго, только зубами стукаешь».

Птицъ и рыбы монголы, за весьма немногими исключеніями, вовсе не ѣдятъ и считаютъ такую пищу поганою. Отвращеніе ихъ въ этомъ случаѣ до того велико, что однажды на озерѣ Куку-норѣ съ нашимъ проводникомъ сдѣлалась рвота, въ то время, когда онъ смотрѣлъ, какъ мы ѣли вареную утку. Этотъ случай показываетъ, до чего относительны понятія людей даже о такихъ предметахъ, которые, повидимому, повѣряются только однимъ чувствомъ. Тотъ самый монголъ, который родился и выросъ въ страшной грязи, кушалъ равнодушно дохлятину и невымытыя бараньи кишки, не могъ видѣть, безъ крайняго потрясенія своего нравственнаго чувства, какъ чужіе люди ѣли чисто приготовленную утку!

Исключительное занятіе монголовъ и единственный источникъ ихъ благосостоянія составляетъ скотоводство; количествомъ домашнихъ животныхъ здѣсь мѣряется богатство человѣка. Изъ этихъ животныхъ номады разводятъ всего болѣе барановъ, лошадей, верблюдовъ, рогатый скотъ и въ меньшемъ числѣ держатъ козъ [1]). Впрочемъ, преобладаніе того или другаго вида домашнихъ животныхъ различно въ различныхъ мѣстностяхъ Монголіи. Такъ, наилучшихъ верблюдовъ и наибольшее ихъ количество можно встрѣтить только въ Халхѣ; земля Цахаровъ изобилуетъ лошадьми; въ Ала-шанѣ разводятся преимущественно козы; на Куку-норѣ обыкновенная корова замѣняется якомъ.

---

[1]) Цѣна скота различна въ различныхъ мѣстностяхъ Монголіи, а именно:

	въ Халхѣ	въ землѣ Цахаровъ	на Куку-норѣ.	
баранъ	2— 3	2—3	1—1½	Китайскихъ лянъ.
быкъ	12—15	15	7—10	
верблюдъ	30—35	40	25	
лошадь	12—15	15	25	

Digitized by Google

По богатству и обилію домашнихъ животныхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Халха, жители которой вообще весьма зажиточны. Не смотря на недавній падежъ, истребившій безчисленное множество рогатаго скота и овецъ, здѣсь все еще можно видѣть огромныя стада, принадлежащія одному хозяину; рѣдкій халхасецъ не владѣетъ нѣсколькими стами барановъ. Послѣдніе всѣ безъ исключенія курдючные; только въ южной Монголіи, именно въ Ордосѣ и Ала-шанѣ, курдючная овца замѣняется широкохвостою, а на Куку-норѣ особымъ видомъ съ длинными (до 1½ фут.), винтообразно закрученными рогами.

Получая отъ домашнихъ животныхъ все необходимое: молоко и мясо для пищи, шкуры для одежды, шерсть для войлоковъ и веревокъ, притомъ еще заработывая большія деньги, какъ отъ продажи этихъ животныхъ, такъ равно и отъ перевозки на верблюдахъ различныхъ тяжестей по пустынѣ, номадъ живетъ исключительно для своего скота, оставляя на второмъ планѣ заботу о себѣ самомъ и о своемъ семействѣ. Перекочевки съ мѣста на мѣсто соображаются исключительно съ выгодами стоянки для домашнихъ животныхъ. Если для послѣднихъ хорошо, т. е кормъ имѣется въ изобиліи и есть водопой, то монголъ не претендуетъ ни на что остальное. Умѣнье номада обращаться съ своими животными и его терпѣніе въ этомъ случаѣ, достойны удивленія. Упрямый верблюдъ дѣлается въ рукахъ этого человѣка покорнымъ носильщикомъ, а полудикій степной конь послушною и смирною верховою лошадью. Кромѣ того номадъ любитъ и жалѣетъ своихъ животныхъ. Онъ ни за что въ свѣтѣ не засѣдлаетъ верблюда или лошадь ранѣе извѣстнаго возраста, ни за какія деньги не продастъ барашка или теленка, считая грѣхомъ убивать ихъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Скотоводство составляетъ единственное и исключительное занятіе монголовъ. Промышленность у нихъ самая ничтожная и ограничивается только выдѣлкою нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту, какъ-то: кожъ, войлоковъ, сѣделъ, уздъ, луковъ; изрѣдка приготовляются огнивы и ножи. Всѣ же прочіе предметы домашней обстановки и одежды монголы пріобрѣтаютъ отъ китайцевъ и, въ самомъ небольшомъ числѣ, отъ русскихъ торговцевъ въ Кяхтѣ и Ургѣ. Горнаго промысла у номадовъ не существуетъ. Внутренняя торговля въ Монголіи почти исключительно мѣновая; внѣшняя—ограничивается Пекиномъ и сосѣдними городами Китая. Сюда монголы гонятъ на продажу скотъ, везутъ соль, кожи и шерсть, а взамѣнъ того берутъ мануфактурные товары.

Самую крупную черту характера номада составляетъ лѣнь; вся жизнь этого человѣка проходитъ въ праздности, поддерживаемой

Digitized by Google

вполнѣ условіями кочеваго, пастушескаго быта. Уходъ за скотомъ — единственная забота монгола, но это дѣло далеко не требуетъ усиленнаго труда. Верблюды и лошади бродятъ въ степи безъ всякаго присмотра, и только лѣтомъ, разъ въ сутки, приходятъ на водопой къ колодцу; пастьба же рогатаго скота и овецъ обыкновенно лежитъ на женщинахъ, или небольшихъ подросткахъ семьи. У богатыхъ монголовъ, владѣющихъ тысячами домашнихъ животныхъ, должность пастуховъ исполняютъ нанятые работники, въ которые идутъ, только по крайней нуждѣ, самые бѣдные и бездомовные люди. Затѣмъ доеніе скота, сборъ молока и масла, приготовленіе пищи, рядомъ съ другими работами по хозяйству,—все это лежитъ, почти исключительно, на женщинахъ. Мужчины обыкновенно ничего не дѣлаютъ и только, съ утра до вечера, скачутъ изъ одной юрты въ другую, чтобы напиться чаю, или кумысу, и поболтать съ сосѣдомъ. Охота, до которой номады вообще очень страстны, служитъ до извѣстной степени, развлеченіемъ скучной, однообразной жизни кочевника. Однако монголы, за весьма немногими исключеніями, плохіе охотники; притомъ же они не имѣютъ хорошаго оружія. Даже фитильное ружье встрѣчается у нихъ не вездѣ, но иногда замѣняется лукомъ и стрѣлами. Кромѣ охоты, не малымъ развлеченіемъ номадовъ служатъ путешествія къ различнымъ кумирнямъ для богомоленія, или на конскія скачки.

Съ наступленіемъ осени нѣсколько измѣняется лѣнивая жизнь монголовъ. Они собираютъ своихъ, отгулявшихся въ теченіе лѣта, верблюдовъ и ведутъ ихъ въ Калганъ или въ Куку-хото, чтобы взять въ подрядъ на извозъ: въ первомъ мѣстѣ чай до Кяхты, а во второмъ, т. е. въ Куку-хото, продовольствіе китайскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Улясутаѣ и Кобдо, или купеческіе товары, назначенные въ тѣ же самые города. Третья, несравненно меньшая, часть верблюдовъ употребляется на извозъ соли, изъ ея мѣсторожденій въ осадочныхъ озерахъ Монголіи, въ ближайшіе города собственнаго Китая. Такимъ образомъ, въ теченіи осени и зимы, всѣ верблюды сѣверной и восточной Монголіи находятся въ работѣ и приносятъ своимъ хозяевамъ огромные барыши. Затѣмъ, съ наступленіемъ апрѣля, извозы прекращаются, истомленныя животныя отпускаются въ степь, а ихъ хозяева предаются отдыху и полной лѣни въ теченіи пяти, шести мѣсяцевъ.

Лѣнивый характеръ номада заставляетъ его всегда ѣздить верхомъ и тщательно избѣгать пѣшей ходьбы. Самыя ничтожныя разстоянія, хотя бы только въ нѣсколько сотъ шаговъ, монголъ ни-

Digitized by Google

когда не пройдетъ пѣшкомъ, но непремѣнно усядется на лошадь, которая для этого постоянно привязана возлѣ юрты. Стадо свое номадъ также пасетъ сидя на конѣ, а во время путешествія съ караваномъ, развѣ только въ страшный холодъ слѣзетъ съ верблюда, чтобы пройдти версту, или много двѣ, и разогрѣть окоченѣвшіе члены. Отъ постояннаго пребыванія на конѣ, даже ноги номада немного выгнуты наружу и онъ охватываетъ ими сѣдло такъ крѣпко, какъ будто приросъ къ лошади. Самый дикій степной конь ничего не подѣлаетъ съ такимъ наѣздникомъ, каковъ каждый монголъ. Верхомъ на скакунѣ, номадъ дѣйствительно въ своей сферѣ; онъ никогда не ѣздитъ шагомъ, рѣдко даже рысью, но всегда какъ вѣтеръ мчится по пустынѣ. За то монголъ любитъ и знаетъ своихъ лошадей; хорошій скакунъ, или иноходецъ, составляютъ его главное щегольство и онъ не продастъ такаго коня даже въ самой крайней нуждѣ. Пѣшая ходьба до того во всеобщемъ презрѣніи у номадовъ, что каждый изъ нихъ считаетъ стыдомъ пройдти пѣшкомъ даже въ юрту близкаго сосѣда.

Одаренные отъ природы сильнымъ тѣлосложеніемъ, и пріученные съ измальства ко всѣмъ невзгодамъ своей родины, монголы пользуются вообще отличнымъ здоровьемъ. Они необыкновенно выносчивы ко всѣмъ трудностямъ пустыни. Цѣлый мѣсяцъ сряду, безъ отдыха, идетъ монголъ, въ самую глубокую зиму, съ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ чаемъ. День въ день стоятъ тридцати-градусные морозы, при постоянныхъ сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, еще болѣе увеличивающихъ стужу, и дѣлающихъ ее нестерпимою. А между тѣмъ номадъ, слѣдуя изъ Калгана въ Кяхту, постоянно имѣетъ вѣтеръ встрѣчу, и по пятнадцати часовъ въ сутки сидитъ, не слѣзая съ своего верблюда. Нужно быть дѣйствительно желѣзнымъ человѣкомъ, чтобы вынести такой переходъ; монголъ же дѣлаетъ въ продолженіи зимы, взадъ и впередъ, четыре конца, которые, въ общей сложности, составляютъ пять тысячъ верстъ. Но натолкните того же самого монгола на другія, несравненно меньшія, но невѣдомыя для него, трудности и посмотрите, что будетъ. Этотъ человѣкъ, съ здоровьемъ, закаленнымъ какъ желѣзо, не сможетъ пройти пѣшкомъ, безъ крайняго истомленія, двадцать, тридцать верстъ; переночуя на сырой почвѣ, простудится какъ какой-нибудь избалованный баринъ; лишенный два, три дня кирпичнаго чаю, будетъ роптать во все горло на свою несчастную судьбу.

Дѣло пассивной привычки у монгола стоитъ на первомъ планѣ. Энергія духа не воскресаетъ въ немъ, при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть

Digitized by Google

ихъ, но не поборотъ. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣняться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ. Нѣтъ, передъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ, разъ-заурочennымъ невзгодамъ, и совершенно чуждый всякой активной энергіи...

Рядомъ съ лѣнью, трусость составляетъ рельефную черту характера номада. Не говоря уже про сосѣднихъ Китаю монголовъ, гдѣ непосредственное, развращающее вліяніе китайцевъ въ конецъ истребило всякую воинственность и энергію духа, даже сами халхасцы теперь далеко не походятъ на своихъ предковъ временъ Чингиса и Угэдэя. Находясь въ теченіи почти двухъ вѣковъ [1]) подъ игомъ Китая, методически усыпляющаго воинственныя склонности номадовъ, среди однообразія и скуки кочевой жизни, настоящіе монголы совершенно утратили свою прежнюю удаль и отвагу. Недавнія вторженія дунганскихъ шаекъ въ предѣлы Монголіи показали, на сколько трусливы теперь ея обитатели, обыкновенно бѣжавшіе при одномъ имяни «Хой-хой», и ни разу непредставившіе своимъ врагамъ серьознаго сопротивленія. А между тѣмъ, на сторонѣ монголовъ были, повидимому, всѣ шансы успѣха: они дѣйствовали въ своей странѣ, слѣдовательно, имѣли за собою знаніе мѣстности, что чрезвычайно важно, въ особенности, въ такой безводной пустынѣ, какова Гоби; притомъ же монголы могли всегда явиться передъ дунганами въ гораздо большемъ числѣ; да, наконецъ, самыя шайки ихъ враговъ состояли изъ трусливаго, на половину безоружнаго, сброда. Не смотря однако на это, дунганы разграбили Ордосъ и Ала-шань, взяли Улясутай и Кобдо, защищаемые регулярными китайскими войсками, нѣсколько разъ вторгались въ Халху и если не рѣшили участь Урги, то именно потому, что тамъ находился отрядъ нашихъ войскъ.

Въ умственномъ отношеніи, у монголовъ нельзя отнять большой смѣтливости, рядомъ съ которою идутъ хитрость, лицемѣріе и обманъ; впрочемъ, послѣднія качества развиты, преимущественно, у жителей окраинъ Монголіи, сосѣднихъ Китаю. Среди же чистаго монгольскаго населенія нравственная испорченность, принадлежитъ, главнымъ образомъ, ламамъ. Простые монголы, или какъ они называются *«хара-хунъ»*, т. е. черные люди, неиспорченные ни китайскимъ сосѣдствомъ, ни ламскими нравоученіями, большею частію добрые, простодушные люди.

[1]) Считая со времени подчиненія Китаю Халхи въ 1691 году при императорѣ Канъ-хи; западная Монголія, или, такъ называемая, Чжунгарія, покорена китайцами въ 1756 году.

Digitized by Google

Но если съ одной стороны, въ умственномъ отношеніи, монголу нельзя отказать въ смѣтливости, то опять таки эта смѣтливость, какъ и другія черты характера номада, направлена въ исключительную сторону. Монголъ знаетъ отлично родную пустыню и съумѣетъ найтись здѣсь въ самомъ безвыходномъ положеніи, предскажетъ напередъ дождь, бурю и другія измѣненія въ атмосферѣ, отыщетъ, по самымъ ничтожнымъ примѣтамъ, своего заблудившагося коня, или верблюда, чутьемъ угадаетъ колодецъ и т. д. Но попробуйте растолковать номаду что-либо, выходящее изъ круга его обычной дѣятельности. Онъ будетъ слушать васъ съ вытаращенными глазами, нѣсколько разъ сряду спроситъ объ одномъ и томъ же, и все-таки не пойметъ часто самой простой вещи. Тупоуміе монгола въ подобномъ случаѣ выводитъ изъ терпѣнія. Передъ вами сразу является уже не тотъ человѣкъ, какимъ вы знали его въ родной обстановкѣ. Нѣтъ, теперь вы видите ребенка, дѣтски любопытнаго, но въ тоже время неспособнаго усвоить самыхъ простыхъ и обыденныхъ понятій.

Вообще любопытство, часто доходящее до крайности, весьма присуще монголамъ. Во время хода каравана по мѣстностямъ населеннымъ, они безпрестанно подъѣзжаютъ справа и слѣва, часто скачутъ къ вамъ за нѣсколько верстъ и послѣ обычнаго «менду», т. е. здравствуй, начинаетъ разспрашивать: куда и зачѣмъ ѣдите? что везете? нѣтъ ли продажныхъ товаровъ? гдѣ и почемъ покупали верблюдовъ? и т. д. Одинъ пріѣзжій смѣняетъ другого, иногда является цѣлая куча и всѣ лѣзутъ съ одними и тѣми же распросами. На мѣстѣ остановки еще хуже. Не успѣешь бывало развьючить верблюдовъ, какъ монголы являются уже со всѣхъ сторонъ, смотрятъ, щупаютъ вещи, и цѣлымъ кагаломъ лѣзутъ въ палатку. Не только оружіе, но даже самыя ничтожныя вещи, напр. сапоги, ножницы, висячій замокъ на сундукѣ, словомъ, все до мельчайшихъ подробностей, возбуждаетъ любопытство гостей, которые при этомъ непремѣнно лѣзутъ съ просьбою подарить имъ то то, то другое. Распросамъ нѣтъ конца. Каждый новопріѣзжій начинаетъ сызнова и теперь прежніе посѣтители объясняютъ и показываютъ ему ваши вещи, причемъ, если только будетъ возможно, то непремѣнно украдутъ что нибудь, словно на память.

Изъ обычаевъ монголовъ путешественнику рѣзко бросается въ глаза ихъ обыкновеніе всегда оріентироваться по странамъ свѣта, никогда не употребляя словъ «право или лѣво», словно эти понятія не существуютъ для номадовъ. Даже въ юртѣ монголъ никогда не скажетъ: съ правой, или съ лѣвой руки, а всегда на востокъ, или

Digitized by Google

на западъ отъ него лежитъ какая-либо вещь. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что лицевою стороною у номадовъ считается югъ, но не сѣверъ, какъ у европейцевъ, такъ что востокъ приходится лѣвою, а не правою стороною горизонта.

Всѣ разстоянія у монголовъ мѣряются временемъ ѣзды на верблюдахъ, или лошадяхъ; о другой, болѣе точной, мѣрѣ номады не имѣютъ понятія. При вопросѣ: далеко ли до такого мѣста? Монголъ всегда отвѣчаетъ: столько-то сутокъ ходу на верблюдахъ, столько-то на верховомъ конѣ. Но какъ скорость ѣзды, равно какъ и количество времени, употребляемаго для нея въ теченіи однихъ сутокъ, могутъ быть различны, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по личной волѣ ѣздока, то номадъ никогда не преминетъ добавить: «если хорошо будешь ѣхать», или «если тихо поѣдешь». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Халхѣ средній переѣздъ въ сутки на вьючныхъ верблюдахъ, можно принимать въ 40 верстъ, а на верховыхъ лошадяхъ отъ 60—70. На Куку-норѣ же монголы ходятъ съ верблюдами нѣсколько тише, такъ что здѣсь 30 верстъ можно принять за среднюю величину передвиженія въ однѣ сутки. Скорость хода хорошаго верблюда простирается отъ 4—$4^1/_2$ верстъ въ часъ, если животное навьючено; безъ вьюка же верблюдъ проходитъ отъ 5—6 верстъ въ продолженіи часа.

Единицею измѣренія времени у монголовъ служатъ сутки; болѣе дробной мѣры, наприм. нашихъ часовъ, номады не знаютъ. Календарь монголовъ тотъ же самый, что у китайцевъ, и печатается въ Пекинѣ на монгольскомъ языкѣ. Счетъ мѣсяцевъ производится по фазамъ луны; но одни изъ этихъ мѣсяцевъ имѣютъ по 29, другіе по 30 дней. Черезъ это отъ каждаго луннаго года, остается недѣля до полнаго обращенія земли вокругъ солнца. Изъ такого остатка, черезъ три года въ четвертый, накопляется лишній мѣсяцъ, который, по гаданію пекинскихъ астрологовъ, прикладывается то къ зимѣ, то къ лѣту, то къ другимъ временамъ года. Этотъ мѣсяцъ не имѣетъ особеннаго названія, а служитъ двойникомъ какому-либо изъ извѣстныхъ мѣсяцевъ, такъ что въ високосномъ годѣ бываютъ два января, или два іюля и т. д. Новый годъ считается съ перваго дня *Цаганъ-сара*, т. е. бѣлаго мѣсяца, и приходится обыкновенно во второй половинѣ нашего января, или въ первыхъ числахъ февраля. Съ Цаганъ-сара принимается начало весны и этотъ мѣсяцъ празднуется во всѣхъ буддайскихъ земляхъ. Кромѣ того, у монголовъ считаются праздниками и носятъ имя «*Цэртынъ*», 1-е, 8-е и 15-е числа каждаго мѣсяца.

Для болѣе крупнаго измѣренія времени, служитъ періодъ двѣ-

Digitized by Google

надцати лѣтъ. Каждый годъ въ этомъ циклѣ носитъ названіе какого-либо животнаго, а именно:

1-й годъ . .	*Хулугуна* (мышь),	7-й » . .	*Мори* (лошадь),
2-й » . .	*Укыръ* (корова),	8-й » . .	*Хони* (овца),
3-й » . .	*Барѳ* (тигръ),	9-й » . .	*Мэчитѳ* (обезьяна),
4-й » . .	*Толай* (заяцъ),	10-й » . .	*Таха* (курица),
5-й » . .	*Лу* (драконъ),	11-й » . .	*Нохой* (собака),
6-й » . .	*Мого* (змѣя),	12-й » . .	*Гахай* (свинья).

Далѣе, двѣнадцатилѣтній періодъ, повторенный пять разъ, образуетъ новый циклъ, который служитъ мѣрою времени въ родѣ нашихъ вѣковъ. Возрастъ человѣка считается всегда по первому циклу и если монголъ, имѣющій, положимъ, 28 лѣтъ, говоритъ, что теперь его годъ «Заяцъ», то это значитъ, что, послѣ двухъ полныхъ двѣнадцатилѣтнихъ періодовъ, ему наступилъ четвертый годъ.

Обращаясь къ языку монголовъ, я считаю долгомъ прежде всего оговорить, что при многочисленности другихъ работъ экспедиціи и при неимѣніи хорошаго переводчика, намъ невозможно было заняться подробнымъ изученіемъ этого языка и его отличій въ различныхъ мѣстностяхъ Монголіи. Это пробѣлъ очень большой въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, но онъ прежде всего зависѣлъ отъ ничтожности матеріальныхъ средствъ, которыми располагала экспедиція; при достаточности этихъ средствъ, я могъ бы нанять хорошаго переводчика, который спеціально зналъ бы только свое дѣло. При томъ же положеніи, въ которомъ мы находились, единственный переводчикъ, который былъ съ нами, не могъ, часто въ теченіи цѣлаго дня, улучить свободной минуты, для исполненія своей прямой обязанности. Да кромѣ того, при своей умственной ограниченности, онъ вовсе не могъ быть полезнымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна была смѣтливость и тактъ.

Во всей Монголіи господствуетъ одинъ монгольскій языкъ, который вообще обиленъ словами, но въ различныхъ частяхъ описываемой страны различается, хотя и не особенно рѣзко, нарѣчіями и выговоромъ словъ. Подобное различіе въ особенности замѣтно между сѣверными и южными монголами; у послѣднихъ нѣкоторыя слова совершенно непонятны халхасцамъ [1]). Кромѣ того, южные мон-

[1]) Такъ напр.:

	Въ Халхѣ.	Въ Ала-шанѣ.		Въ Халхѣ.	Въ Ала-шанѣ.
Ночь	*Шуни*	*Су*	Халатъ	*Зунса*	*Лабышикъ*
Баранъ.	*Хони*	*Хой*	Чаша	*Имбу*	*Хайса*
Вечеръ.	*Удыши*	*Асхынъ*	Сукно.	*Цымбу*	*Дахаръ*
Чайникъ. . . .	*Шаху*	*Дебыръ*	Порохъ	*Дари*	*Шорой*
Сапоги.	*Гутулъ*	*Гудусу*	Молоко.	*Су*	*Юсу*
Мясо.	*Махань*	*Идэ*	Сюда	*Наша*	*Наранъ*
Шуба	*Дэль*	*Дыбыль*	Туда	*Инь-ши*	*Тыгэй.*

Digitized by Google

голы отличаются болѣе мягкимъ выговоромъ нѣкоторыхъ буквъ и произносятъ *к*, *ц*, *з*, какъ *х*, *ч* и *ь*; напр. *Цагаж* (бѣлый) превращается въ *Чагань*, *Куку-хото* въ *Хуху-хото* и т. д.

Въ самой постройкѣ фразъ, вѣроятно, существуютъ у южныхъ монголовъ измѣненія, такъ какъ нашъ переводчикъ иногда не понималъ цѣлаго выраженія, но въ то же время никакъ не могъ объяснить, въ чемъ именно заключается затрудненіе. «Безтолково говорятъ», обыкновенно выражался онъ въ подобномъ случаѣ — и только.

Мнѣ кажется, что китайскія слова очень мало проникли въ испорченный монгольскій языкъ, но къ нему значительно примѣшались слова тангутскія у монголовъ Куку-нора и Цайдама. Китайское же вліяніе на юго-восточной и южной окраинахъ Монголіи, сильно измѣнивъ характеръ монголовъ, отразилось на ихъ языкѣ, не столько наплывомъ чужеземныхъ словъ, сколько измѣненіемъ общаго характера говора, который здѣсь является болѣе монотоннымъ и флегматичнымъ, нежели въ Халхѣ, гдѣ чисто-кровный монголъ всегда говоритъ громко и отрывисто.

Письмена монгольскія, подобно китайскимъ, располагаются въ вертикальныхъ строкахъ, которыя читаются отъ лѣвой руки къ правой [1]). Печатныхъ книгъ на родномъ языкѣ у монголовъ довольно много, такъ какъ, по распоряженію китайскаго правительства, въ концѣ прошлаго вѣка, особою коммиссіею въ Пекинѣ сдѣланы были переводы на монгольскій языкъ разныхъ сочиненій историческихъ, учебныхъ и священныхъ. Монгольское уложеніе также на монгольскомъ языкѣ и онъ, наравнѣ съ манчжурскимъ, употребляется во всѣхъ дѣлахъ. Въ Пекинѣ и Калганѣ находятся училища для обученія монгольской грамотѣ, а календарь и нѣкоторыя книги постоянно печатаются на монгольскомъ языкѣ. Грамотность у монголовъ принадлежитъ князьямъ, дворянамъ и ламамъ; послѣдніе обучаются также по тибетски; князья же и дворяне по монгольски и манчжурски. Простолюдины обыкновенно безграмотны.

Всѣ вообще монголы, не исключая и женщинъ, чрезвычайно словоохотливы. Потолковать съ кѣмъ-нибудь за чашкою чая составляетъ первое удовольствіе номада. При встрѣчѣ, онъ тотчасъ-же спрашиваетъ: «что новаго?» и не полѣнится съѣздить сообщить какую-нибудь новость своему пріятелю, живущему за двадцать или тридцать верстъ. Черезъ это различныя вѣсти и слухи разносятся по Монголіи, съ непонятною для европейца быстротою, словно по телеграфу. При нашемъ путешествіи, мѣстные жители, за нѣсколько

[1]) Нынѣшнія монгольскія буквы изобрѣтены въ XIII вѣкѣ по Р. Х., при ханѣ Хубилаѣ.

Digitized by Google

сотъ верстъ впереди, обыкновенно уже знали о насъ, часто съ мелкими подробностями и еще чаще съ безконечными преувеличеніями.

Въ разговорѣ монголовъ, рѣзко бросается въ глаза безпрестанное употребленіе словъ «*дзэ*» и «*сэ*»; оба онѣ значатъ «хорошо» и приклеиваются чуть не къ каждой фразѣ. Кромѣ того, эти слова служатъ какъ знакъ утвержденія, въ родѣ нашего: «да, такъ». Слушая какое-нибудь приказаніе или разсказъ чиновника, монголъ, послѣ извѣстныхъ промежутковъ, обыкновенно поддакиваетъ своимъ неразлучнымъ «дзэ» или «сэ». Для обозначенія хорошаго или худаго качества какого-либо предмета, и вообще желая похвалить или осудить что-либо, монголъ вмѣстѣ съ «дзэ» и «сэ», а иногда и безъ нихъ, показываетъ большой палецъ, или мизинецъ своей правой руки. Первый знакъ выражаетъ похвалу, второй — дурное качество, или вообще отрицаніе хорошаго. Къ каждому равному себѣ монголъ всегда обращается со словомъ «*нохорэ*», т. е. товарищъ; этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ нашему «Милостивый Государь», или французскому «Monsieur».

Пѣсни монголовъ всегда заунывныя; предметомъ ихъ служатъ разсказы о прежней жизни и подвигахъ номадовъ [1]). Монголъ поетъ всего чаще дорогою, когда онъ идетъ съ караваномъ; впрочемъ, и въ юртѣ можно услыхать пѣніе, но женщины вообще поютъ гораздо рѣже, нежели мужчины. Особые пѣвцы, которые иногда странствуютъ по Монголіи, всегда съ удовольствіемъ слушаются кочевниками. Изъ музыкальныхъ инструментовъ у монголовъ существуютъ только флейта и балалайка; пляски у номадовъ мы не видали ни разу, да они, кажется, не знаютъ ея вовсе.

Судьба женщины у монголовъ незавидная. Узкій горизонтъ жизни номада для нея смыкается еще болѣе. Находясь въ полномъ подчиненіи своему мужу, монголка весь вѣкъ проводитъ въ юртѣ, занимаясь уходомъ за дѣтьми и различными работами по хозяйству. Въ свободное время она садится за шитье одежды, или какого-нибудь наряда, для чего во всей Халхѣ употребляется китайскій шелкъ. Ручныя работы монгольскихъ женщинъ часто оказываются замѣчательно хороши, по вкусу и отчетливости исполненія.

Законная жена у монгола бываетъ только одна, но сверхъ того, дозволяется имѣть наложницъ [2]), которые живутъ вмѣстѣ съ истинною супругою. Послѣдняя считается старшею и заправляетъ хо-

---

[1]) Самая обыденная пѣсня, которую можно услышать во всей Монголіи, есть «*дагнь-хара*», т. е. «о ворономъ жеребенкѣ».

[2]) Наложницы поступаютъ во владѣніе мужчины безъ всякихъ брачныхъ обрядовъ.

Digitized by Google

зяйствомъ; дѣти, отъ нея рожденныя, пользуются всѣми правами отца, тогда какъ сыновья отъ наложницъ не считаются законными и не имѣютъ права на наслѣдство. Только съ дозволенія правительства, монголъ можетъ вполнѣ усыновить побочное дитя.

При бракахъ, важнымъ считается родство съ мужской стороны и при томъ даже въ далекомъ колѣнѣ; родство же съ женской стороны не принимается въ уваженіе. Кромѣ того, для счастія молодыхъ необходимо благопріятное сочетаніе астрологическихъ знаковъ [1]), подъ которыми родились женихъ и невѣста; иногда невыгодное расположеніе такихъ знаковъ разстраиваетъ бракъ.

Женихъ за свою невѣсту долженъ заплатить ея родителямъ, по предварительному уговору, часто значительный выкупъ (калымъ) скотомъ, платьемъ, а иногда и деньгами; жена съ своей стороны приноситъ юрту со всею обстановкою [2]). При несогласіяхъ въ семейной жизни, или просто изъ прихоти, мужъ можетъ прогнать свою жену, но и жена имѣетъ также право оставить нелюбимаго мужа. Въ первомъ случаѣ монголъ не можетъ требовать уплаченный за жену выкупъ, и оставляетъ у себя только часть приданаго; если же жена сама расходится съ мужемъ, то должна возвратить часть скота, отданнаго за нея передъ свадьбою. Затѣмъ, послѣ развода, монгольская женщина считается свободною и можетъ выйдти за другаго. Подобный обычай часто порождаетъ различныя любовныя исторіи, которыя разыгрываются въ глуши пустыни и никогда не попадутъ ни въ одинъ романъ.

По своимъ нравственнымъ качествамъ, монгольскія женщины добрыя матери и хорошія хозяйки, но далеко не безукоризненно-вѣрныя жены. Нравственная распущенность здѣсь самая обыкновенная вещь, не только между замужними женщинами, но даже и между дѣвушками. Подобныя дѣла въ Монголіи не составляютъ секрета и не считаются порокомъ.

Въ домашней жизни жена почти равноправна съ мужемъ, но за то во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ, касающихся, напр. перекочевки на иное мѣсто, уплаты долга, покупки чего-нибудь и т. д. мужчины кладутъ приговоръ, не спрашивая согласія своихъ женъ. Однако, какъ исключеніе изъ общаго правила, намъ случалось видѣть монголокъ, которыя заправляли не только хозяйствомъ, но даже всѣми

---

[1]) По знакамъ зодіака Монголы считаютъ свой двѣнадцати-лѣтній періодъ времяни.

[2]) Подробное описаніе монгольской свадьбы находится у Тимковскаго: Путешествіе въ Китай, ч. III, стр. 311—321 и у Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet T. I, p. 298 - 303.

Digitized by Google

другими дѣлами и, въ буквальномъ смыслѣ, держали подъ башмакомъ своихъ мужей.

Относительно наружности монгольскихъ женщинъ, европейцу трудно высказать похвалу. Коренной типъ расы—главнымъ образомъ, плоское лицо и выдающіяся скулы, сразу портятъ каждую физіономію. При томъ же, грубая жизнь въ юртѣ, вліяніе суроваго климата и нечистоплотность обусловливаютъ полное отсутствіе нѣжности, а съ нею и привлекательности, въ нашемъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, какъ рѣдкое исключеніе, въ Монголіи, всего скорѣе въ княжескихъ семействахъ, попадаются иногда очень хорошенькія дѣвушки. Къ такимъ счастливицамъ толпою являются поклонники, такъ какъ номады вообще падки на прекрасный полъ. Количество женщинъ въ Монголіи гораздо менѣе числа мужчинъ, чему причиною служитъ, главнымъ образомъ, безбрачіе ламъ.

Въ домашней жизни монголъ отличный семьянинъ, горячо любящій своихъ дѣтей. Всегда, когда намъ случалось что-либо давать номаду, онъ дѣлилъ полученное по ровну, между всѣми членами семьи, хотя бы отъ такого дѣлежа, напр. кусочка сахара, каждому пришлось получить лишь по небольшому зернышку. Старшіе члены семьи у монголовъ пользуются большимъ уваженіемъ, въ особенности старики, совѣты, или даже приказанія которыхъ всегда свято исполняются. Рядомъ съ этимъ, монголъ чрезвычайно гостепріимный человѣкъ. Каждый можетъ смѣло войдти въ любую юрту и его навѣрное тотчасъ же угостятъ чаемъ или молокомъ; для хорошаго же знакомаго номадъ не откажется добыть водки, или кумысу и даже заколоть барана.

Встрѣтившись дорогою съ кѣмъ бы то ни было, знакомымъ или незнакомымъ, монголъ тотчасъ же привѣтствуетъ его словами: «*менду, менду-сэ-бэйна*», соотвѣтствующими нашему «здравствуй». Затѣмъ начинается взаимное угощеніе нюхательнымъ табакомъ, для чего каждый подаетъ свою табакерку другому и при этомъ обыкновенно спрашиваетъ: «*малъ-сэ-бейна*», «*та-сэ-бейна*», т. е. здоровъ ли ты и твой скотъ? Вопросъ о скотѣ ставится на первомъ планѣ, такъ что о здоровьѣ своего гостя монголъ освѣдомляется уже послѣ того, когда узнаетъ здоровы и жирны ли его бараны, верблюды и лошади. Въ Ордосѣ и Ала-шанѣ привѣтствіе при встрѣчѣ выражается словами: «*амуръ-сэ*», здоровъ ли ты? а на Куку-норѣ всего чаще тангутскимъ «*тэму*», т. е. здравствуй. Взаимное нюханіе табаку въ южной Монголіи производится гораздо рѣже; на Куку-норѣ же и вовсе не встрѣчается.

По поводу вопроса о здоровьи скота, съ европейцами нович-

Digitized by Google

ками, ѣдущими изъ Кяхты въ Пекинъ, иногда случаются забавныя исторіи. Такъ, однажды какой-то юный офицеръ, недавно прибывшій изъ Петербурга въ Сибирь, ѣхалъ курьеромъ въ Пекинъ. На монгольской станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, монголы тотчасъ же начали лѣзть къ нему съ самымъ почетнымъ, по ихъ мнѣнію, привѣтствіемъ, съ вопросомъ о здоровьи скота. Получивъ, черезъ переводчика казака, освѣдомленіе своихъ хозяевъ о томъ, жирны ли его бараны и верблюды, юный путешественникъ началъ отрицательно трясти головою и увѣрять, что у него нѣтъ никакого скота. Монголы же съ своей стороны ни за что не хотѣли вѣрить, чтобы состоятельный человѣкъ, да еще при томъ чиновникъ, могъ существовать безъ барановъ, коровъ, лошадей, или верблюдовъ. Намъ лично въ путешествіи много разъ приходилось слушать самые подробные распросы о томъ: кому мы оставили свой скотъ, отправляясь въ такую даль, сколько вѣситъ курдюкъ нашего барана, часто ли мы ѣдимъ дома такое лакомство, сколько у насъ хорошихъ скакуновъ или иноходцевъ, много ли жирныхъ верблюдовъ и т. д.

Въ южной монголіи, для выраженія взаимнаго расположенія, служатъ *«хадаки»* т. е. небольшіе, въ видѣ полотенца, куски шелковой матеріи, которыми обмѣниваются гость и хозяинъ. Эти хадаки покупаются у китайцевъ и бываютъ различнаго качества, которымъ, до извѣстной степени, опредѣляется расположеніе встрѣчающихся личностей [1]).

Тотчасъ послѣ привѣтствія у Монголовъ начинается угощеніе чаемъ, при чемъ особенною учтивостію считается подать гостю раскуренную трубку. Уходя изъ гостей, монголы обыкновенно не прощаются, но прямо встаютъ и выходятъ изъ юрты. Проводить гостя до его коня, привязаннаго въ нѣсколькихъ шагахъ, считается особымъ расположеніемъ хозяина; такимъ почетомъ всегда пользуются чиновники и важные ламы.

Хотя раболѣпіе и деспотизмъ развиты у монголовъ въ высшей степени, такъ что произволъ начальника обыкновенно замѣняетъ всякіе законы, но рядомъ съ такимъ рабствомъ, является, какъ аномалія, большая свобода отношеній между начальниками и подчиненными. Увидѣвъ чиновника, монголъ становится передъ нимъ на колѣни и дѣлаетъ привѣтствіе, но послѣ такого униженнаго выраженія своей покорности, садится рядомъ съ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, разговариваетъ съ нимъ и куритъ трубку. Привыкши съ дѣтства ничѣмъ не стѣснять самаго себя, онъ и въ данномъ

[1]) Въ Халхѣ хадаки служатъ вмѣсто монеты, но мало употребляются для взаимныхъ подарковъ.

Digitized by Google

случаѣ не терпитъ долго стѣсненія, но тотчасъ же даетъ просторъ своимъ привычкамъ. Для путешественника новичка такое явленіе можетъ показаться знаменательнымъ фактомъ свободы и равенства монголовъ, но вникнувъ глубже въ сущность дѣла, легко замѣтить, что здѣсь проявляется только дикая необузданная натура номада, который требуетъ простора лишь своимъ дѣтскимъ привычкамъ и совершенно апатиченъ къ страшной деспотіи въ соціальной жизни. Тотъ самый чиновникъ, рядомъ съ которымъ монголъ куритъ трубку и бесѣдуетъ за пани-брата, можетъ наказать своего собесѣдника, отобрать у него нѣсколько барановъ и, вообще, безапелляціонно совершить какую угодно несправедливость.

Взяточничество и подкупъ въ Монголіи, также какъ и въ Китаѣ, развиты до крайней степени; за взятку здѣсь можно сдѣлать все и безъ взятки ровно ничего. Самое вопіющее преступленіе останется безнаказаннымъ, если только преступникъ сунетъ изрядный кушъ подлежащимъ властямъ; наоборотъ, совершенно справедливое дѣло ничего не значитъ безъ извѣстнаго приложенія. И эта гниль идетъ черезъ весь строй администраціи, начиная отъ хошуннаго писаря и кончая владѣтельнымъ княземъ!

Если затѣмъ обратимся къ религіознымъ вѣрованіямъ номадовъ, то увидимъ, что ламайское ученіе пустило здѣсь такіе глубокіе корни, какъ, быть можетъ, ни въ одной другой странѣ буддайскаго міра [1]). Поставляя своимъ высшимъ идеаломъ созерцаніе, оно, какъ нельзя болѣе, пришлось къ лѣнивому характеру монгола и породило тотъ страшный аскетизмъ, который заставляетъ номада отрѣшаться отъ всякаго стремленія къ прогрессу, а взамѣнъ того искать, въ туманныхъ и отвлеченныхъ идеяхъ о божествѣ и загробной жизни, конечную цѣль земнаго существованія человѣка [2]).

Богослуженіе монголовъ отправляется на тибетскомъ языкѣ [3]); священныя ихъ книги также тибетскія [4]). Изъ нихъ знаменитѣйшая есть *Ганчжуръ*; она состоитъ изъ 108 томовъ и заключаетъ въ себѣ, кромѣ предметовъ религіозныхъ, исторію, математику, астрономію

[1]) Время распространенія буддизма въ Монголіи въ точности неизвѣстно; рядомъ съ нимъ у монголовъ еще существуютъ кой-какіе остатки шаманства, одной изъ древнѣйшихъ религій Азіи.

[2]) Мы не коснемся здѣсь, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, философіи буддизма, подробное изслѣдованіе котораго можно найти на русскомъ языкѣ въ сочиненіи профессора Васильева «Буддизмъ».

[3]) Котораго, иногда, не понимаютъ сами ламы. Тибетскія письмена, противоположно китайскимъ и монгольскимъ, располагаются не въ вертикальныхъ, но въ горизонтальныхъ строкахъ и читаются отъ лѣвой руки къ правой.

[4]) Какъ упомянуто выше, эти книги переведены на монгольскій языкъ.

Digitized by Google

и пр. Въ кумирняхъ служеніе обыкновенно совершается три раза въ теченіи дня: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Зовъ къ молитвѣ производится трубеніемъ въ большія морскія раковины. Собравшись въ кумирню, ламы садятся на полу, или на лавкахъ, и читаютъ, на распѣвъ, священныя книги. По временамъ къ такому монотонному чтенію присоединяются возгласы, которые дѣлаетъ старшій изъ присутствующихъ, а за нимъ повторяютъ и всѣ остальные. Затѣмъ, при извѣстныхъ разстановкахъ, бьютъ въ бубны, или въ мѣдныя тарелки, что еще болѣе усиливаетъ общій шумъ. Такое моленіе производится иногда нѣсколько часовъ сряду и дѣлается болѣе торжественнымъ когда въ кумирнѣ присутствуетъ Кутухта. Послѣдній всегда сидитъ на престолѣ въ особомъ облаченіи, имѣя лицо, обращенное къ кумирамъ; служащіе же ламы стоятъ впереди святаго, съ кадилами въ рукахъ, и читаютъ молитвы.

Употребительнѣйшая молитва, которая не сходитъ съ языка каждаго ламы, а часто и простаго монгола, состоитъ всего изъ четырехъ словъ: «*Омъ мани падме хумъ*». Мы напрасно старались добиться перевода этого изрѣченія [1]). По увѣренію ламъ, въ немъ заключается вся буддайская мудрость и это четыресловіе, пишется не только въ кумирняхъ, но вездѣ и всюду.

Кромѣ обыкновенныхъ кумирень [2]), въ мѣстностяхъ, отъ нихъ удаленныхъ, въ Монголіи устраиваются *дугуны*, т. е. молельни внутри юртъ. Наконецъ, вездѣ на перевалахъ и на вершинахъ высокихъ горъ складываются изъ камней, въ честь духа горы, иногда большія кучи, называемыя «*обо*». Къ такимъ «обо» монголы питаютъ суевѣрное уваженіе и, проходя мимо, всегда бросаютъ въ общую кучу, въ видѣ жертвоприношенія, камень, какую нибудь тряпку, или клочекъ шерсти съ верблюда. При болѣе важныхъ изъ этихъ «обо» лѣтомъ ламами совершаются богослуженія, и народъ собирается на празднества.

Во главѣ всей іерархіи буддизма стоитъ, какъ извѣстно, тибетскій *Далай-лама*, который имѣетъ свое пребываніе въ Лассѣ и владѣетъ Тибетомъ на правахъ государя, считающагося вассаломъ Китая. Въ сущности же подчиненіе Далай-ламы китайскому императору только номинальное и выражается въ подаркахъ, которые онъ посылаетъ Богдо-хану однажды въ три года [3]).

[1]) Объясненіе, впрочемъ довольно запутанное, вышеприведенной молитвы, находится у Тимковскаго. «Путешествіе въ Китай» ч. III, приложеніе въ концѣ книги стр. 7—37.

[2]) Которыя въ Монголіи называются *сумо*, рѣже *китъ*, или *дацанъ*.

[3]) Китайское правительство содержитъ въ Лассѣ отрядъ войска и своего полномочнаго посланника.

Digitized by Google

Равноправнымъ Далай-ламѣ по своей святости (но не по политическому значенію) считается другой тибетскій святой — *Бань-цинь-Эрдэни;* затѣмъ третье лицо буддайскаго міра есть ургинскій *Кутухта.* Далѣе слѣдуютъ остальные кутухты, или гыгены, которые живутъ по различнымъ кумирнямъ Монголіи, или въ самомъ Пекинѣ; такихъ гыгеновъ считается въ Монголіи болѣе сотни [1]). Всѣ они составляютъ земное воплощеніе святыхъ, до высшей степени усовершенствовавшихъ свою нравственную природу, никогда не умираютъ, но только переходятъ изъ одного тѣла въ другое. Вновь возродившійся гыгенъ отыскивается ламами той кумирни, гдѣ жилъ его предшественникъ и утверждается въ своемъ званіи Далай-ламою. Этотъ послѣдній, въ большинствѣ случаевъ, долженъ самъ указать себѣ пріемника, но при такомъ назначеніи, секретно, всегда играетъ главную роль китайское правительство, подъ вліяніемъ котораго, намѣстникъ великаго святаго, всего чаще, выбирается изъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ фамилій. Личное ничтожество Далай-ламы, при отсутствіи родственныхъ связей съ сильными фамиліями страны, служитъ для китайцевъ лучшимъ ручательствомъ, если не подчиненія Тибета, то, по крайней мѣрѣ, безопасности со стороны непокорнаго сосѣда. И, дѣйствительно, Китаю есть изъ за чего похлопотать! Явись на Далай-ламскомъ престолѣ талантливая, энергичная личность, то по одному слову этого человѣка, какъ по голосу самого Бога, номады возстали бы отъ Гималаи до Сибири. Одушевленные религіознымъ фанатизмомъ и ненавистію къ своимъ угнетателямъ, дикія орды явились бы въ предѣлы Собственнаго Китая и легко могли натворить ему великихъ бѣдъ.

Вліяніе всѣхъ вообще гыгеновъ на невѣжественныхъ номадовъ безгранично. Помолиться святому, коснуться его платья, или получить благословеніе, считается великимъ счастіемъ, которое, впрочемъ, обходится не дешево, такъ какъ всякій вѣрующій долженъ непремѣнно сдѣлать при этомъ извѣстное приношеніе, иногда довольно значительное. Вообще въ кумирняхъ Монголіи, въ особенности большихъ, или чѣмъ либо прославившихся, стекаются значительныя богатства, приносимыя сюда богомольцами, приходящими часто изъ далекихъ мѣстностей.

Однако, подобныя пилигримства, такъ сказать, только частныя. Главная святыня всѣхъ номадовъ—Ласса, и туда ежегодно отправляются огромные караваны поклонниковъ, которые, не смотря на

[1]) Всего 103. Стат. опис. китайской имперіи Іоакинфа ч. II стр. 60.

Digitized by Google

тысячи различныхъ трудностей далекаго пути, считаютъ величайшимъ счастіемъ и особенною заслугою передъ Богомъ совершить подобное путешествіе. Дунганское возстаніе прекратило, на цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, странствованія монгольскихъ богомольцевъ въ Тибетъ, но теперь, съ занятіемъ восточной части Гань-су китайскими войсками, подобныя путешествія возобновились по прежнему. Ихъ предпринимаютъ иногда даже и женщины, къ чести которыхъ слѣдуетъ сказать, что онѣ вообще менѣе ханжи, нежели мужчины. Подобное явленіе происходитъ, быть можетъ, потому, что на женщинахъ въ Монголіи лежатъ всѣ домашнія работы, такъ что онѣ мало имѣютъ времени заниматься религіозными вопросами. Притомъ, на окраинахъ Монголіи, сосѣднихъ Китаю, религіозность населенія далеко меньше, нежели во внутреннихъ частяхъ описываемой страны.

Сословіе духовныхъ, или такъ называемыхъ *ламъ* [1]), въ Монголіи чрезвычайно многочисленно. Къ нему принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, одна треть, если только не болѣе, всего мужскаго населенія, избавленнаго по этому случаю отъ всякихъ податей и повинностей [2]). Сдѣлаться ламою очень не трудно. Родители, по собственному желанію, еще въ дѣтствѣ назначаютъ своего сына на подобное поприще, брѣютъ ему всю голову и одѣваютъ въ красную или желтую одежду. Это составляетъ внѣшній знакъ будущаго назначенія ребенка, котораго затѣмъ отдаютъ въ кумирню, гдѣ онъ учится грамотѣ и буддайской мудрости у старыхъ ламъ [3]). Въ нѣкоторыхъ первокласныхъ кумирняхъ, какъ напр. въ Ургѣ и Гумбумѣ [4]), устроены, для этой цѣли, особыя школы, съ подраздѣленіемъ ихъ на факультеты. По окончаніи курса въ такой школѣ, лама поступаетъ въ штатъ какой либо кумирни, или занимается леченіемъ, какъ докторъ.

Для полученія высшихъ духовныхъ степеней, каждый лама долженъ выдержать опредѣленный экзаменъ въ познаніи Буддайскихъ книгъ и строгихъ правилъ иночества. Духовныя степени посвяще-

---

[1]) Собственно ламами называется у монголовъ высшее духовенство; вообще же духовное лицо носитъ имя *Хувараквъ*. Однако первое названіе употребляется гораздо чаще, нежели послѣднее.

[2]) Штатные ламы, т. е. состоящіе при извѣстныхъ должностяхъ въ кумирняхъ совершенно освобождены отъ всякихъ повинностей; за нештатныхъ платятъ ихъ семейства.

[3]) Иногда такіе ученики поступаютъ къ ламамъ, живущимъ не въ кумирняхъ, но у себя въ юртахъ.

[4]) Кумирня Гумбумъ находится въ провинціи Гань-су, недалеко отъ города Синина.

Digitized by Google

нія ламъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Камба*, *Гэлунъ*, *Гэцул* и *Баньди*. Каждой изъ этихъ степеней присвоено отличіе въ одеждѣ [1]), особыя мѣста при богослуженіи и особыя правила строгой жизни. Самый важный духовный чинъ есть Камба или Кяньбу; онъ получаетъ посвященіе прямо отъ Кутухты и самъ посвящаетъ въ низшія должности. Впрочемъ, Кутухты также обязаны проходить всѣ степени посвященія, но они достигаютъ ихъ гораздо скорѣе, нежели простые смертные.

Сообразно степенямъ посвященія, ламы при кумирняхъ занимаютъ опредѣленныя должности, а именно: *Цябарци* — прислужникъ при священнодѣйствіи; *Пярби* — экономъ; *Кэсуй* — благочинный; *Умзатъ* — дирижеръ пѣнія; *Дэнци* — казначей; *Сорджи* — настоятель кумирни.

Сверхъ должностныхъ лицъ, при каждой кумирнѣ состоитъ множество (часто нѣсколько сотъ, а иногда тысяча и болѣе) другихъ ламъ, которые не знаютъ никакой работы, кромѣ моленій, и живутъ исключительно на счетъ приношеній усердныхъ вѣрующихъ. Наконецъ, есть такіе ламы, которые вовсе не были отдаваемы своими родителями въ науку, такъ что остались безграмотными; тѣмъ не менѣе они носятъ красную ламскую одежду и титулъ ламы, который считается весьма почетнымъ у номадовъ

Всѣ ламы обязаны вести безбрачную жизнь; вслѣдствіе такого ненормальнаго положенія, между ними процвѣтаетъ развратъ въ различныхъ формахъ.

Женщины, по достиженіи опредѣленнаго возраста, могутъ также поступать въ духовное сословіе. Для этого онѣ принимаютъ посвященіе, брѣютъ голову и обязываются исполнять правила строгой жизни. Подобно ламамъ, онѣ могутъ также носить желтую одежду. Такія монахини называются *Шабганцза* и встрѣчаются довольно часто, преимущественно между вдовыми старухами.

Ламское сословіе составляетъ самую страшную язву Монголіи, такъ какъ занимаетъ лучшую часть мужскаго населенія, живетъ паразитомъ на счетъ остальныхъ собратій и, своимъ безграничнымъ на нихъ вліяніемъ, тормозитъ народу всякую возможность выйдти изъ того глубокаго невѣжества, въ которое онъ погруженъ.

Но если, съ одной стороны, религіозныя вѣрованія пустили столь глубокіе корни среди номадовъ, то съ другой, въ неменьшей сте-

---

[1]) Одежда ламъ всегда желтая съ краснымъ поясомъ, или красною перевязью черезъ лѣвое плечо. При богослуженіи, смотря по степенямъ посвященія, употребляются особыя желтыя мантіи и высокія, также желтыя, шапки.

Digitized by Google

пени здѣсь развито и суевѣріе. Различные черти и колдовство грезятся монголу на всякомъ шагу. Въ каждомъ неблагопріятномъ явленіи природы онъ видитъ дѣйствіе злаго духа, въ каждой болѣзни его же попущеніе. Обыденная жизнь номада исполнена самыхъ суевѣрныхъ примѣтъ. Такъ, въ облачную погоду и послѣ заката солнца нельзя ни давать, ни продавать молока,—иначе скотъ передохнетъ; тоже самое произойдетъ, если сидѣть на порогѣ юрты; ѣсть сидя на корточкахъ грѣхъ — черезъ это что нибудь дурное приключится въ пути; впередъ про дорогу говорить нельзя—застигнетъ ненастье, или мятель. Имя отца и матери говорить также нельзя — грѣхъ; послѣ леченія какой либо скотины, въ теченіе трехъ дней, нельзя ничего ни дать, ни продать и т. п.

Однако эти и другія примѣты еще малая доля монгольскаго суевѣрія; нужно видѣть, на сколько здѣсь распространено гаданіе и различное колдовство. Въ этомъ искусствѣ упражняются не только всѣ шаманы и большая часть ламъ, но часто даже и простые смертные, кромѣ женщинъ. Гаданія производятся, главнымъ образомъ, на ламскихъ четкахъ и на китайскихъ чохахъ, конечно съ приговоромъ различныхъ заклинаній. Пропала ли у монгола скотина, потерялась ли трубка или огниво — онъ тотчасъ же бѣжитъ къ гадальщику, чтобы узнать, гдѣ искать потерянное. Нужно номаду ѣхать въ дорогу — онъ непремѣнно гадаетъ о благополучіи пути; наступитъ засуха — цѣлый хошунъ зоветъ къ себѣ шамана и платитъ большія деньги, чтобы онъ заставилъ небо бросить на землю благотворную влагу; схватитъ вдругъ монгола какая нибудь крутая болѣзнь — вмѣсто медицинской помощи, къ нему является лама отчитывать чертей, будто бы забравшихся въ грѣшное тѣло больнаго.

Десятки, сотни разъ убѣждается номадъ въ обманѣ своихъ гадальщиковъ и колдовниковъ, но его дѣтская вѣра въ ихъ могущество не колеблется. Одинъ удачный случай—и всѣ предшествовавшія ошибки предсказателя забыты; онъ по прежнему слыветъ пророкомъ. При томъ же мудрецы этого рода, обыкновенно, такіе выжиги, что легко умѣютъ заранѣе выпытать все, что имъ нужно знать для своей профессіи. Многіе изъ нихъ такъ часто обманываютъ другихъ, что наконецъ начинаютъ сами искренно вѣрить въ свою сверхъестественную силу.

По смерти монгола трупъ его обыкновенно выбрасывается въ поле, на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Ламы опредѣляютъ при этомъ въ какую сторону свѣта покойникъ долженъ быть положенъ головою. Трупы князей, гыгеновъ и важныхъ ламъ закапываются въ землю, закладываются камнями, или наконецъ, сожигаются. Поминовеніе

Digitized by Google

умершаго производится ламами, за извѣстное вознагражденіе, въ теченіи 40 дней. Бѣдные, неимѣющіе возможности заплатить ламѣ, лишаются подобной чести, но за то богатые отдаютъ иногда большое количество скота по разнымъ кумирнямъ, и тамъ поминовеніе ихъ умершаго родственника продолжается два, три года.

Строгій исполнитель религіозныхъ обрядовъ и человѣкъ въ сущности добрый, хотя въ то же время умственно и нравственно ограниченный, монголъ является варваромъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ даетъ полный просторъ своимъ дикимъ страстямъ. Стоитъ только видѣть какъ звѣрствуютъ номады съ дунганами. Тотъ самый монголъ, который наканунѣ боится заколоть ягненка, считая это за великій грѣхъ, теперь совершенно спокойно рѣжетъ головы своимъ врагамъ, попавшимся въ плѣнъ. Ни полъ, ни возрастъ не принимаются въ уваженіе, и истребленіе плѣнныхъ идетъ поголовное. Правда, тѣмъ же самымъ платятъ и дунганы, но я привелъ этотъ примѣръ, какъ доказательство того, что одна религія, безъ другихъ пособій цивилизаціи, не можетъ смягчить и передѣлать варварскіе инстинкты народа. Буддайское ученіе провѣдуетъ, какъ извѣстно, самыя высокія нравственныя начала, но оно все-таки не научило монгола признавать въ каждомъ человѣкѣ своего брата, и обращаться милосердно даже съ врагомъ.

Далѣе, возьмемъ обычай не погребать мертвыхъ, а выбрасывать ихъ на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Вѣдь зрѣлище, подобное тому, какое каждый путешественникъ встрѣчаетъ возлѣ Урги, гдѣ ежегодно сотни труповъ съѣдаются воронами и собаками, способно возмутить самаго грубаго человѣка, а между тѣмъ монголъ, совершенно спокойно, тащитъ на подобное кладбище близкихъ и дорогихъ для себя людей. На глазахъ этого человѣка собаки начинаютъ терзать трупъ его отца, матери или брата, а онъ, какъ безсмысленное животное, невозмутимо смотритъ на подобную исторію...

И это великій примѣръ для всѣхъ будущихъ проповѣдниковъ христіанства между номадами! Не въ одной внѣшней формѣ обрядности должна явиться сюда новая пропаганда, но рядомъ съ нею, рука объ руку, должно идти и цивилизующее вліяніе культуры болѣе высшей расы. Научите прежде всего монгола жить не въ такой грязи, въ какой онъ пребываетъ въ настоящее время, заставьте его понять, что обжорство и абсолютная лѣнь составляютъ порокъ, но не наслажденіе жизни, что заслуга каждаго человѣка передъ Богомъ заключается въ добрыхъ дѣлахъ, а не въ извѣстномъ числѣ молитвъ, прочитанныхъ ежедневно—и тогда уже толкуйте ему объ обрядахъ христіанской вѣры. Новое ученіе должно привести номада, не только

Digitized by Google

въ новый міръ умственной и нравственной жизни, но оно должно также измѣнить въ корнѣ его домашній и общественный бытъ. Тогда только христіанство явится здѣсь плодотворнымъ, обновляющимъ началомъ, и сѣмяна, имъ брошенныя, пустятъ прочные корни среди грубаго и невѣжественнаго населенія Монголіи.....

Подчинивъ своей власти почти всю Монголію [1]), въ концѣ XVII вѣка, китайцы оставили въ ней прежнее удѣльное устройство, но организовали его въ болѣе правильную систему и, сохранивъ полную самостоятельность князей въ дѣлахъ внутренняго управленія, поставили ихъ, въ тоже время, подъ строгій надзоръ пекинскаго правительства. Здѣсь, въ министерствѣ внѣшнихъ сношеній (Ли-фань-юань), сосредоточиваются всѣ дѣла, касающіяся описываемой страны и важнѣйшія изъ нихъ идутъ на рѣшеніе богдохана. Въ административномъ отношеніи Монголія имѣетъ военно-территоріальное устройство и раздѣляется на удѣлы или княжества, называемые *аймаками* [2]). Каждый аймакъ состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ *хошуновъ*, т. е. знаменъ, которыя дѣлятся также на полки, эскадроны и десятки. Какъ аймаки, такъ и хошуны управляются наслѣдственными князьями, которые признаютъ себя вассалами китайскаго богдохана, и лишены права вступать въ какія-либо внѣшнія сношенія помимо Пекина.

Ближайшими помощниками хошуннаго князя въ дѣлахъ внутренняго управленія служатъ *тосалакчи*, званіе которыхъ наслѣдственно; такихъ тосалакчи въ хошунѣ бываетъ одинъ, два или четыре. Хошунный князь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ войскъ

---

[1]) По географическому своему положенію, нынѣшняя Монголія занимаетъ пространство, отъ верховьевъ Иртыша на западѣ, до Манчжуріи на востокѣ и отъ Сибирской границы на сѣверѣ, до Великой стѣны и магометанскихъ земель по Тянъ-Шаню, на югѣ. Впрочемъ, южная граница переходитъ Великую стѣну, и въ бассейнѣ оз. Куку-нора, глубокою излучиною, вдается къ югу.

[2]) *Сѣверная Монголія*, т. е. Халха, состоитъ изъ 4 аймаковъ, въ которыхъ 86 хошуновъ; *Внутренняя и Восточная Монголія* съ *Ордосомъ*, содержатъ 25 аймаковъ, раздѣленныхъ на 51 хошунъ; земля *Цахаровъ* раздѣляется на 8 знаменъ; *Ала-шанъ* образуетъ одинъ аймакъ съ 3 хошунами; *Куку-норъ* съ *Цайдамомъ* заключаютъ 5 аймаковъ съ 29 хошунами. Западная Монголія, или такъ называемая *Чжунгарія*, содержитъ 4 аймака съ 32 хошунами, но такъ какъ монголовъ здѣсь немного, сравнительно съ китайскими переселенцами, то эта страна была, до Дунганскаго возстанія, раздѣлена на семь военныхъ округовъ. Аймакъ *Урянховъ* дѣлится на 17 хошуновъ. Подробныя свѣдѣнія объ административномъ раздѣленіи Монголіи можно найдти у Іоакинфа. «Статистическое описаніе Китайской имперіи», ч. II, стр. 88—112 и у Тимковскаго «Путешествіе въ Китай», ч. III, стр. 228—287. Изъ этихъ двухъ источниковъ почерпнуты мною свѣдѣнія относительно раздѣленія и управленія Монголіи; разузнать объ этомъ самому, во время путешествія, было не возможно.

Digitized by Google

своего знамени; при немъ находятся два помощника (*мэйренъ-чжангинъ*), а въ каждомъ полку — полковникъ (*чжаланъ-чжангинъ*) и эскадронные командиры (*сомунъ-чжангинъ*) [1]). Войсками всѣхъ хошуновъ одного аймака завѣдуетъ особый *дзянь-дзюнь* изъ монгольскихъ князей.

Хошунные князья обязаны ежегодно собираться на сеймъ (*чулхань*) [2]). Предсѣдателемъ такого сейма назначается, по выбору, который либо изъ князей и утверждается въ своемъ званіи богдоханомъ. На подобныхъ сеймахъ рѣшаются лишь дѣла внутренняго управленія; сеймы подчинены вѣденію губернаторовъ ближайшихъ провинцій Китая [3]).

Нѣкоторыя мѣстности Монголіи, сосѣднія къ Собственному Китаю, преобразованы совершенно на китайскій образецъ. Таковы суть: область *Ченъ-ду-фу*, за Великою стѣною, къ сѣверу отъ Пекина; аймакъ *Цахаръ* къ сѣверо-западу отъ Калгана и область *Гуй-хуачень* (Куку-хото), лежащая еще западнѣе къ сѣверному повороту Желтой рѣки. Кромѣ того западная Монголія (*Чжунгарія*), до Дунганскаго возстанія, раздѣлялась на семь военныхъ округовъ [4]), управлявшихся по особому положенію.

Княжескія достоинства въ Монголіи раздѣляются на шесть степеней, въ слѣдующемъ порядкѣ: *Ханъ*, *Цинь-ванъ*, *Цзюнь-ванъ*, *Бэйлэ*, *Бэйзэ* и *Гунъ*. Кромѣ того существуютъ владѣтельные *Цзасакъ-тайцзи* [5]). Большая часть владѣтельныхъ князей ведетъ свой родъ отъ Чингисъ-хана. Княжескій титулъ наслѣдуетъ только старшій сынъ отъ законнаго брака, по достиженіи 19 лѣтъ и съ утвержденія богдохана. При неимѣніи законныхъ сыновей, князь можетъ передать свой титулъ одному изъ побочныхъ дѣтей, или ближайшему родственнику; на это также испрашивается разрѣшеніе императора. Остальныя дѣти князей поступаютъ въ сословіе дворянъ — *тайцзи*, раздѣленныхъ на четыре класса. Такимъ образомъ число князей въ Монголіи не увеличивается (всѣхъ ихъ около двухъ сотъ), но за то число дворянъ растетъ съ каждымъ годомъ.

Князья, какъ сказано выше, не имѣютъ никакихъ политическихъ

---

[1]) Въ каждомъ эскадронѣ полагается два офицера, шесть урядниковъ и 150 рядовыхъ.

[2]) Сверхъ того сеймы созываются въ экстренныхъ случаяхъ.

[3]) Такъ напр., губернаторъ въ Куку-хото завѣдуетъ Ордосомъ, западнымъ Тумытомъ и другими ближайшими аймаками Монголіи; губернатору г. Синина (въ провинціи Гань-су) подчиненъ весь Куку-норъ съ Цайдамомъ; два западныя аймака Халхи, подвѣдомственные Улясутайскому дзянъ-дзюну и т. д.

[4]) Изъ нихъ два (Урумцы и Баркюль) относились къ провинціи Гань-су.

[5]) Названіе «Цзасакъ» означаетъ въ Монголіи каждаго владѣтельнаго князя.

Digitized by Google

правъ, и состоятъ въ полномъ подчиненіи пекинскому правительству, которое зорко блюдетъ за всѣми ихъ дѣйствіями. Всѣ эти князья состоятъ на жалованьи богдохана [1]), отъ котораго также зависитъ повышеніе ихъ изъ одной степени въ другую. Кромѣ того, за нѣкоторыхъ изъ монгольскихъ князей выдаютъ принцессъ императорскаго двора [2]) для того, чтобы родственными узами болѣе укрѣпить подчиненіе номадовъ власти Небесной имперіи. Каждый князь, однажды въ три, или четыре года, обязанъ являться въ Пекинъ къ новому году, для поздравленія богдохана. При этомъ князь долженъ представить въ видѣ дани, подарки, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ верблюдахъ и лошадяхъ. Въ отвѣтъ на это, онъ получаетъ подарки (серебро, шелковыя матеріи, одежды, шапки съ павлиньими перьями и пр.), всегда гораздо болѣе цѣнные. Вообще, владѣніе Монголіею требуетъ ежегодно значительныхъ затратъ со стороны Китая [3]), но за то оно обезпечиваетъ Срединное Государство отъ возможныхъ вторженій безпокойныхъ номадовъ.

Число жителей въ Монголіи не опредѣлено съ точностію: Іоакинфъ полагаетъ его въ три милліона, Тимковскій только въ два. Во всякомъ случаѣ населеніе крайне незначительно, въ сравненіи съ обширностію самой страны, но иначе и быть не можетъ, принимая во вниманіе условія кочеваго быта и безплодіе большей части монгольскихъ пустынь. Приращеніе населенія, по всему вѣроятію, также идетъ чрезвычайно туго, чему причиною безбрачіе ламъ и различные болѣзни (сифилисъ, оспа, тифъ), иногда свирѣпствующія между номадами.

Сословія монгольскаго народа составляютъ: князья, дворяне (тайцзи), духовенство и простолюдины. Первые три класса пользуются всѣми правами; простолюдины суть полусвободные военные поселяне, которые отбываютъ земскія повинности и военную службу.

Монгольскіе законы заключаются въ особомъ *Уложеніи*, изданномъ китайскимъ правительствомъ. Этимъ уложеніемъ должны руко-

---

[1]) Князь 1-й степени получаетъ ежегодно 2,000 л. сер. и 25 куск. шелк. матерій,
» 2-й » » » 1,200 » » 15 » » »
» 3-й » » » 800 » » 13 » » »
» 4-й » » » 500 » » 10 » » »
» 5-й » » » 300 » » 9 » » »
» 6-й » » » 200 » » 7 » » »
Цзасакъ-тайцзи » » 100 » » 4 » » »

[2]) Эти царевны, также получаютъ опредѣленное жалованье отъ Пекинскаго двора; имъ дозволяется пріѣзжать въ Пекинъ только однажды въ десять лѣтъ.

[3]) Одно жалованье князей стоитъ ежегодно 120,000 ланъ серебра и 3,500 кусковъ шелковыхъ тканей.

Digitized by Google

водствоваться всѣ князья въ дѣлахъ своего управленія; маловажныя дѣла рѣшаются согласно обычаямъ, существующимъ издревле. Система наказаній основана на денежныхъ штрафахъ, далѣе слѣдуетъ ссылка; уголовныя преступленія и крупное воровство иногда наказываются смертью; тѣлесное наказаніе существуетъ для простолюдиновъ, а также для разжалованныхъ по суду дворянъ и чиновниковъ. Подкупъ, взяточничество и другія злоупотребленія, какъ въ администраціи, такъ и въ судопроизводствѣ, развиты до крайней степени.

Подати народъ платитъ только своимъ князьямъ со скота; въ экстренныхъ случаяхъ (напр. при поѣздкѣ князя въ Пекинъ, или на сеймъ, женитьбѣ его дѣтей, переноскѣ стойбища и пр.), дѣлаются особые сборы. Китаю монголы не платятъ никакихъ податей и только отбываютъ военную повинность, отъ которой духовенство освобождено. Войско состоитъ исключительно изъ кавалеріи. Каждыя 150 семействъ образуютъ эскадронъ [1]); шесть такихъ эскадроновъ составляютъ полкъ; полки одного хошуна образуютъ знамя. Снаряженіе воины должны дѣлать на свой счетъ, но оружіе получаютъ отъ казны [2]). При полномъ призывѣ людей на службу, Монголія должна выставить 284,000 человѣкъ, но въ сущности едва-ли соберется скоро и десятая часть. Аймачные дзянъ-дзюни обязаны дѣлать смотры и повѣрять исправность оружія, но все это замѣняется обыкновенно взятками съ каждаго хошуна. Лѣнивый монголъ охотнѣе согласится дать откупъ, нежели идти на службу. Китайскому правительству подобное явленіе отчасти и на руку, такъ какъ оно показываетъ, что прежній воинственный духъ номадовъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе дряхлѣетъ.

---

[1]) Воинская повинность обязательна для мужчинъ отъ 18—60 лѣтняго возраста; изъ трехъ мужчинъ въ семьѣ, одинъ увольняется отъ военной службы.

[2]) Вооруженіе до крайности плохо. Оно состоитъ изъ длинныхъ пикъ, сабель, луковъ и фитильныхъ ружей.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Юго-восточная окраина Монгольскаго нагорья.

Снаряженіе экспедиціи въ Пекинѣ. — Скудость нашихъ денежныхъ средствъ. — Затрудненія съ китайскими деньгами. — Характеръ Монгольской горной окраины къ сѣверу отъ Пекина. — Городъ Долонъ-норъ. — Песчаные холмы Гучинъ-гурбу. — Травяной пожаръ. — Озеро Далай-норъ. — Производство съемки. — Путь отъ Долонъ-нора въ Калганъ. — Богдоханскія пастбища. — Климатъ весны. — Описаніе верблюда.

Пекинъ, или какъ его называютъ китайцы *Бэй-цзинъ* [1]), былъ исходнымъ пунктомъ нашего путешествія. Здѣсь мы нашли самое радушное гостепріимство со стороны нашихъ соотечественниковъ, членовъ дипломатической и духовной миссій, и прожили почти два мѣсяца, снаряжаясь въ предстоящую экспедицію. Знакомство мое съ Пекиномъ очень не велико. Обширность города, чуждый европейцу и оригинальный бытъ китайцевъ, наконецъ, незнаніе ихъ языка — все это было причиною того, что я не могъ познакомиться, въ подробности, со всѣми замѣчательностями столицы Небесной имперіи. Скажу откровенно, что на меня лично она произвела крайне непріятное впечатлѣніе. Да и едва ли можетъ понравиться свѣжему человѣку городъ, въ которомъ помойныя ямы и толпы голыхъ нищихъ [2]) составляютъ необходимую принадлежность самыхъ лучшихъ улицъ. Прибавьте къ этому нахальную назойливость китайцевъ и кличку «янъ-гуйза», съ приложеніемъ часто другихъ ругательствъ, и вы можете себѣ представить, насколько пріятны для европейца прогулки по улицамъ богдоханской столицы. Къ довершенію прелестей, здѣсь, сплошь и къ ряду, можно видѣть китайцевъ, занятыхъ необходимымъ дѣломъ, и собирателей помета, рас-

[1]) Слово «*Бэй-цзинъ*» по китайски означаетъ «Сѣверная столица». По южно-китайскому произношенію, оно выговаривается «*Бэ-цинъ*»; отсюда, вѣроятно, европейцы и передѣлали «Пекинъ».

[2]) Говорятъ, число нищихъ въ Пекинѣ простирается до 40,000; они имѣютъ своего главнаго начальника (короля), который облагаетъ извѣстными поборами всѣ лавки въ городѣ.

Digitized by Google

хаживающихъ съ корзинками въ рукахъ. Вонь въ городѣ невообразимая; улицы, если иногда и поливаются, то обыкновенно изъ помойныхъ ямъ, куда стекаютъ всѣ нечистоты.

Глинянныя стѣны, за которыми помѣщаются жилыя фанзы, да ряды лавокъ, разукрашенныхъ всевозможнымъ образомъ,—вотъ что составляетъ наружную обстановку пекинскихъ улицъ; главнѣйшія изъ нихъ довольно широки и проведены прямою линіею. Освѣщеніе города производится бумажными фонарями, которые поставлены на деревянныхъ треножникахъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ одинъ отъ другаго; въ этихъ фонаряхъ изрѣдка зажигаются сальныя свѣчи. Впрочемъ, въ ночномъ освѣщеніи здѣсь нѣтъ особенной надобности, такъ какъ китайцы обыкновенно оканчиваютъ всѣ свои уличныя дѣла къ закату солнца, такъ что, съ наступленіемъ сумерекъ, почти никого не видно, даже въ самыхъ многолюдныхъ частяхъ города.

Весь Пекинъ состоитъ изъ двухъ частей: Внутренняго города (*Нэй-чэнъ*), гдѣ находится императорскій дворецъ и Внѣшняго (*Вай-чэнъ*), который по величинѣ гораздо менѣе перваго [1]). Каждая изъ этихъ частей богдоханской столицы обнесена глиняною зубчатою стѣною, которая во Внутреннемъ городѣ имѣетъ болѣе 20 верстъ въ окружности [2]), при вышинѣ въ 33 фута и толщинѣ около 60 футъ; въ ней сдѣлано девять воротъ, которыя запираются по закатѣ солнца и отворяются съ его восходомъ. Стѣна Внѣшняго города имѣетъ въ окружности только 15 верстъ и семь воротъ; въ ней, равно какъ и въ первой стѣнѣ, устроены башни на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой.

Помѣщенія пяти иностранныхъ посольствъ [3]), пребывающихъ въ Пекинѣ, лежатъ вмѣстѣ, въ одномъ кварталѣ южной части Внутренняго города, близъ воротъ *Цянь-мынь*. Наша духовная миссія помѣщается въ такъ называемомъ Сѣверномъ подворьѣ (*Бэй-гуанъ*) [4]),

---

[1]) Названія «Внутренній» и «Внѣшній» городъ, неправильны, такъ какъ оба они лежатъ рядомъ, но не заключаютъ въ себѣ одинъ другаго. Богдоханскій дворецъ находится, собственно въ императорскомъ городѣ (*Хуанъ-чэнъ*), который лежитъ въ срединѣ Внутренняго. Подробное описаніе столицы Небесной имперіи и всѣхъ ея достопримѣчательностей находится, въ переводномъ съ китайскаго, сочиненіи монаха Іоакинфа: «Описаніе Пекина», 1829 г.

[2]) Весь Пекинъ, не считая предмѣстій, имѣетъ въ окружности около 30 вер., (58 ли; каждая ли = 267¾ руск. саж.). Цифра его населенія неизвѣстна, но, по всему вѣроятію, не слишкомъ велика, такъ какъ въ самомъ городѣ много развалинъ и пусто-порожнихъ мѣстъ.

[3]) Русскаго, англійскаго, французскаго, германскаго и американскаго.

[4]) Южное наше подворье, гдѣ находится дипломатическая миссія, называется «*Нанъ-гуанъ*».

Digitized by Google

въ сѣверо-восточномъ углу городской стѣны. Сверхъ того, во Внутреннемъ городѣ находятся четыре католическихъ храма [1]), нѣсколько помѣщеній протестантскихъ миссіонеровъ и таможня. Вотъ и всѣ обиталища европейцевъ въ Пекинѣ; купцы какъ наши, такъ и иностранные, по трактату, не могутъ открывать здѣсь свою торговлю.

Не легко было намъ снаряжаться въ предстоящій путь. Воспользоваться чьимъ либо совѣтомъ, въ данномъ случаѣ, мы не могли, такъ какъ никто изъ наличныхъ европейцевъ, пребывавшихъ въ то время въ Пекинѣ, не переступалъ за Великую стѣну въ западномъ направленіи. Мы же стремились попасть на сѣверный изгибъ Желтой рѣки, въ Ордосъ и далѣе, къ озеру Куку-нору — словомъ въ страны, почти совершенно невѣдомыя для европейцевъ. При такихъ обстоятельствахъ, пришлось угадывать чутьемъ всю необходимую обстановку экспедиціи и самый способъ путешествія.

Зимній переѣздъ отъ Кяхты до Пекина, равно какъ дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ, убѣдили меня, что путешествіе, въ застѣнныхъ владѣніяхъ Китая, можетъ быть успѣшнымъ, только при полной независимости путешественника, относительно своихъ спутниковъ и вьючныхъ животныхъ, отъ мѣстнаго населенія, враждебно смотрящаго на всякія попытки европейцевъ, проникнуть во внутреннія области Небесной имперіи. Напрасно искали мы въ Пекинѣ монгола, или китайца, который согласился бы сопутствовать намъ въ предстоящемъ странствованіи. Большая денежная плата, обѣщаніе награды, въ случаѣ благополучнаго исхода пути, и другія приманки въ этомъ родѣ, не могли побѣдить подозрительности и трусости китайцевъ и монголовъ, иногда соглашавшихся идти за хорошія деньги, но потомъ, одинъ за другимъ, отказывавшихся отъ своего обѣщанія. Видя полную невозможность, при такомъ способѣ, отправиться въ далекую экспедицію, мы рѣшили купить верблюдовъ, и управляться съ ними самимъ съ двумя казаками, которые должны были сопутствовать намъ въ путешествіи.

На первый разъ мы пріобрѣли семь вьючныхъ верблюдовъ и двѣ верховыя лошади. Далѣе слѣдовало снарядить багажъ и запастись всѣмъ необходимымъ, хотя на одинъ годъ, такъ какъ мы не надѣялись попасть прямо на Куку-норъ, но разсчитывали, въ теченіи перваго года, изслѣдовать мѣстности по среднему теченію Желтой рѣки и затѣмъ возвратиться въ Пекинъ. Заготовленный багажъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ оружія и охотничьихъ снарядовъ. Тѣ и другіе вѣсили очень много, но эта была статья перво-

[1]) Бэй-танъ, Нань-танъ, Си-танъ и Думъ-танъ.

Digitized by Google

степенной важности, такъ какъ, независимо отъ стрѣльбы птицъ и звѣрей для препарированія изъ нихъ чучелъ, охота должна была служить — и дѣйствительно служила — единственнымъ источникомъ нашего пропитанія въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ дунганами, или въ тѣхъ, гдѣ китайское населеніе не хотѣло продавать намъ съѣстныхъ припасовъ, думая выпроводить отъ себя непрошенныхъ гостей голодомъ. Кромѣ того, оружіе служило намъ личною защитою отъ разбойниковъ, которыхъ, впрочемъ, мы ни разу не видали, въ теченіи всего перваго года путешествія. Весьма вѣроятно, это и случилось именно потому, что мы были хорошо вооружены; поговорка: «если желаешь жить въ мирѣ, то будь готовъ къ войнѣ» и здѣсь нашла свое правдивое примѣненіе.

Вторую половину нашего багажа составляли всѣ необходимыя принадлежности для препарированія чучелъ и сушенія растеній, какъ-то: пропускная бумага, доски для прессованія, пакля для набивки чучелъ, гипсъ, квасцы и пр., и пр. Все это было уложено въ четыре большихъ ящика, которые сильно давили спину верблюдамъ, но были крайне необходимы для укладки чучелъ и высушенныхъ растеній. Наконецъ, я купилъ рублей на триста различныхъ мелочныхъ товаровъ съ тѣмъ, чтобы разыгрывать роль купца. Однако, впослѣдствіи оказалось, что эти товары были только лишнею обузою; торговля ими сильно тормозила научныя изслѣдованія, и не могла служить достаточною ширмою нашихъ истинныхъ цѣлей. Личный нашъ запасъ продовольствія состоялъ изъ ящика коньяку, пуда сахару и двухъ мѣшковъ съ просомъ и рисомъ; мясо надѣялись добывать охотою.

Малое количество запасовъ для личнаго употребленія обусловливалось скудостію тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми располагала экспедиція. На первый годъ путешествія получалось отъ Военнаго Министерства, Географическаго Общества и Петербургскаго Ботаническаго сада, въ общей сложности 2,500 рублей, считая въ томъ числѣ и мое жалованье; на второй и третій годы была сдѣлана прибавка и на экспедицію отпускалось 3,500 рублей. Мой спутникъ, подпоручикъ Пыльцовъ, получалъ въ первый годъ 300 рублей, а во второй и третій по 600. Я говорю откровенно о денежныхъ средствахъ экспедиціи именно потому, что скудость этихъ средствъ, какъ нельзя болѣе, тормозила самый успѣхъ дѣла. Такъ напр., платя каждому изъ своихъ казаковъ по 200 рублей въ годъ звонкою монетою, на готовомъ содержаніи, я не могъ взять съ собою болѣе двухъ человѣкъ, и черезъ то долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, вьючить верблюдовъ, пасти ихъ, собирать на топливо ар-

Digitized by Google

галъ и т. д., словомъ, исполнять всѣ черныя работы экспедиціи; при лучшихъ условіяхъ, это время могло быть посвящено научнымъ изслѣдованіямъ. Далѣе, я не могъ взять переводчика монгольскаго языка, который бы спеціально зналъ только свое дѣло и былъ бы, конечно, крайне полезенъ во многихъ случаяхъ. Мой казакъ-переводчикъ былъ въ тоже время и работникъ, и пастухъ, и поваръ, словомъ, безпрестанно исполнялъ то ту, то другую работу, и только урывками могъ служить своему прямому назначенію. Наконецъ, наше нищенство было причиною того, что во время путешествія мы не одинъ разъ голодали, не имѣя возможности что-либо добыть охотою, или заплатить двойную цѣну за барана, котораго иначе намъ не хотѣли продавать. По возвращеніи въ Пекинъ, послѣ перваго года путешествія, я съ улыбкою слушалъ вопросъ одного изъ членовъ иностранныхъ посольствъ, когда онъ интересовался знать, какимъ образомъ мы перевозимъ съ собою въ экспедиціи большой грузъ серебра, такъ какъ золото вовсе не ходитъ въ Монголіи. Чтобы подумалъ этотъ самый господинъ, если бы онъ зналъ, что уходя изъ Пекина на цѣлый годъ, мы имѣли въ наличности только 230 ланъ, т. е. 460 рублей!

Къ довершенію затрудненій, даже тѣ деньги, которые слѣдовали на экспедицію, были выданы мнѣ не сполна, но должны были высылаться въ Пекинъ, по полугодіямъ отъ Военнаго Министерства и за годъ впередъ отъ Географическаго Общества и Ботаническаго сада. Обязательное содѣйствіе генерала Влангали вывело насъ изъ столь критическаго положенія, и я получилъ заимообразно, изъ суммъ миссіи, деньги за годъ впередъ, а при отправленіи во второе путешествіе даже болѣе.

Наши серебряные рубли въ Пекинѣ промѣниваются, среднимъ числомъ, по два на одинъланъ китайскаго серебра. Нужно замѣтить, что въ Китаѣ не существуетъ опредѣленной монеты, за исключеніемъ самой мелкой, такъ называемыхъ «*чохъ*», сдѣланныхъ изъ сплава мѣди съ цинкомъ; серебро же вездѣ принимается по вѣсу и качеству. Единицею вѣса служитъ *ланъ*, который, приблизительно, равняется 8,7 нашего золотника [1]); десятая доля лана называется *цянъ*, а десятая часть цяна — *фынъ*; 16 ланъ составляютъ *гинъ*. Вѣсъ лана бываетъ троякій: казенный, рыночный и малый. Лучшимъ серебромъ считается «ямбовое», т. е. то, изъ котораго отливаются ступко-образные слитки (ямбы), каждый вѣсомъ около пятидесяти ланъ. На такихъ слиткахъ выбивается

[1]) Среднимъ числомъ, 11 ланъ составляютъ нашъ фунтъ.

Digitized by Google

казенное клеймо, или клеймо той торговой фирмы, гдѣ отлита ямба. Въ ямбахъ всего рѣже можно встрѣтить свинецъ или чугунъ, которые иногда вкладываются въ болѣе мелкіе куски серебра. Для розничной платы, ямбы, или вообще серебро, разрубаются на куски большей или меньшей величины, смотря по надобности. Отвѣшиваніе серебра производится, въ большой торговлѣ, на вѣсахъ съ двумя чашками и коромысломъ; въ мелкой же продажѣ, или покупкѣ, серебро взвѣшивается на особыхъ вѣскахъ, имѣющихъ форму нашего безмѣна. При такихъ отвѣшиваніяхъ, напрактиковавшійся китаецъ непремѣнно обвѣситъ васъ, придавая коромыслу безмѣна извѣстное положеніе, смотря потому, приходится ли получать, или отдавать серебро. Качествомъ послѣдняго васъ также непремѣнно обманутъ, въ особенности, если серебро получается мелкими кусками, среди которыхъ всегда окажется нѣсколько кусочковъ плохаго металла.

При этомъ необходимо знать, что мелкія расплаты обыкновенно производятся чохами [1]), которые до того тяжелы, что на нашъ серебряный рубль этой монеты приходится, среднимъ числомъ, восемь фунтовъ. Понятно, что нѣтъ никакой возможности запастись такими деньгами въ достаточномъ количествѣ [2]), но всегда необходимо мѣнять по мелочамъ. Затрудненія еще болѣе увеличиваются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Китаѣ не только каждый городъ, но часто даже мѣстечко имѣютъ свой собственный счетъ денегъ. Такъ напр., есть мѣстности, гдѣ 30 чохъ считаются за сто, или 50, 78, 80, 92, 98 за сто; словомъ, нужно долго трудиться, чтобы выдумать подобную галиматью, которая можетъ существовать развѣ только въ Небесной Имперіи. Впрочемъ, подобный счетъ не исключаетъ и правильнаго, когда каждая монета считается одна за одну. Такой счетъ называется монголами *«манчанъ»*; другой же, т. е. уродованный— *«дзеленъ»*. При покупкѣ чего либо всегда необходимо знать, какимъ образомъ производится плата, т. е. манчаномъ или дзеленомъ, иначе разница стоимости вещи выходитъ очень значительная.

Если прибавить ко всему этому разницу мѣры и вѣса для различныхъ мѣстностей Китая, то можно себѣ представить, какимъ обманамъ и притѣсненіямъ подвергается путешественникъ, даже при самыхъ ничтожныхъ покупкахъ. Чтобы избѣгнуть непріятностей при отвѣшиваніи серебра, и притомъ соблюсти извѣстную эко-

---

[1]) Для удобства счета, чохи связываются, по 500 штукъ, на нитки, которыя продѣваются въ квадратныя отверстія, сдѣланныя въ каждой изъ этихъ монетокъ.

[2]) Вѣсъ чохъ, полученныхъ на сто рублей, равняется 20 пудамъ, слѣдовательно составляетъ грузъ на трехъ верблюдовъ, которые сами стоятъ 240 рублей, не считая необходимаго къ нимъ погонщика.

Digitized by Google

номію въ своихъ денежныхъ средствахъ, я купилъ среднія вѣсы (рыночныя), но онѣ почти всегда оказывались недостаточными, между тѣмъ какъ при полученіяхъ обыкновенно не хватало до истиннаго вѣса. Размѣнъ серебра на чохи также всегда приносилъ большіе убытки, такъ какъ часто невозможно было узнать истиннаго курса серебра, который мѣняется чуть не съ каждымъ десяткомъ верстъ [1]). Словомъ, съ перваго до послѣдняго рубля, истраченнаго нами въ теченіи экспедиціи, мы всегда платили не малый процентъ пронырству и плутовству мѣстнаго населенія и всегда были обсчитываемы, обвѣшиваемы и обманываемы до самыхъ безсовѣстныхъ размѣровъ.

Благодаря содѣйствію нашего посланника, мы получили отъ Китайскаго Правительства паспортъ на путешествіе по всей Юго-Восточной Монголіи до Гань-су и, окончивъ свои сборы, выступили 25-го февраля изъ Пекина. Горячими пожеланіями счастія и успѣха напутствовали насъ Пекинскіе соотечественники, среди которыхъ намъ такъ уютно жилось почти два мѣсяца. Теперь обстановка круто перемѣнялась: неотразимое настоящее сурово звало насъ къ себѣ и рисовало впереди, то радостную надежду успѣха, то робкое сомнѣніе въ возможности достигнуть желанной цѣли...

Кромѣ казака, привезеннаго изъ Кяхты, съ нами теперь былъ командированъ еще казакъ, изъ числа состоящихъ при нашемъ Пекинскомъ посольствѣ. Какъ тотъ, такъ и другой могли оставаться при насъ только временно, и должны были замѣниться двумя новыми казаками, назначенными въ нашу экспедицію, но еще не прибывшими изъ Кяхты. При такихъ обстоятельствахъ, мы не могли сразу пуститься въ глубь Монголіи, но предприняли сначала изслѣдованіе тѣхъ мѣстностей этой страны, которыя лежатъ на Сѣверъ отъ Пекина къ городу Долонъ-нору. Здѣсь мнѣ хотѣлось: во первыхъ, познакомиться съ характеромъ горной окраины, окаймляющей, какъ и у Калгана, Монгольское плато, а во вторыхъ, наблюдать весенній пролетъ птицъ. Для послѣдней цѣли, удобнымъ пунктомъ могло служить озеро Далай-норъ, лежащее на Монгольскомъ нагорьи въ 150 верстахъ къ сѣверу отъ г. Долонъ-нора. Съ береговъ этого озера мы предполагали спуститься опять на югъ до Калгана, замѣнить здѣсь своихъ казаковъ новыми, которые должны были прибыть въ непродолжительномъ времени, и за тѣмъ уже

[1]) Такъ напр., въ Пекинѣ на ланъ серебра даютъ 1500 чохъ, считая одна за одну; въ Долонъ-норѣ—1600; въ Калганѣ—1800; въ Даджинѣ (въ Гань-су)—2900, а въ Донкырѣ (также въ Гань-су) — 5000. Громадная разница въ двухъ послѣднихъ городахъ вѣроятно временная, и зависитъ отъ безмѣрнаго возвышенія цѣнъ на всѣ вообще предметы въ этихъ мѣстахъ, послѣ Дунганскаго разоренія.

Digitized by Google

двинуться, въ западномъ направленіи, къ сѣверному изгибу Хуанъ-хэ. Чтобы облегчить свой грузъ, мы отправили часть багажа прямо въ Калганъ, а съ собою взяли только самое необходимое на два мѣсяца. Проводника монгола, или китайца, не могли найдти даже на столь короткое время, а потому двинулись въ путь лишь въ четверомъ.

Первоначально мы направились на городъ *Гу-бей-кэу*, который замыкаетъ собою проходъ черезъ Великую стѣну [1]) и лежитъ въ 115 верстахъ къ сѣверу отъ столицы Небесной Имперіи. Мѣстность сначала несетъ прежній характеръ равнины, сплошь покрытой деревнями и орошаемой рѣкою *Бай-хэ*, а потомъ ея притокомъ *Чао-хэ*; по дорогѣ попадаются мѣстечки и небольшіе города.

На второй день пути, горы, до сихъ поръ виднѣвшіеся вдали на горизонтѣ, стали ближе подходить къ нашей дорогѣ и наконецъ, верстъ за двадцать отъ Гу-бей-кэу, начались предгорья окрайняго хребта. Этотъ послѣдній несетъ здѣсь нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у Калгана. Обѣ вѣтви западной горной окраины—Калганская и Нань-кэусская, направляясь къ Гу-бей-кэу, сливаются въ одинъ широкій горный массивъ, который служитъ, по прежнему, наружною оградою высокаго плато Монголіи къ равнинамъ Собственнаго Китая.

Гу-бей-кэу не великъ и обнесенъ съ трехъ сторонъ глинянымъ валомъ, а съ четвертой примыкаетъ къ Великой стѣнѣ. Не доходя двухъ верстъ до города выстроенъ глинянный фортъ, запирающій, къ сторонѣ Пекина, дорогу черезъ небольшое, но довольно узкое ущелье. Собственно горы, въ своемъ полномъ развитіи, начинаются по сѣверную сторону Гу-бей-кэу.

Не смотря на конецъ февраля, въ Пекинской равнинѣ уже стояла превосходная весенняя погода. Днемъ бывало даже жарко и термометръ въ полдень въ тѣни поднимался до +14,0° С. Рѣка Бай-хэ очистилась отъ льда и по ней плавали пролетныя стада *утокъ* (Anas rutilla, A. boschas) и *крахалей* (Mergus merganser и M. serrator). Эти птицы, вмѣстѣ съ другими водными и голенастыми, въ концѣ февраля и въ началѣ марта, появляются большими стадами не только возлѣ Пекина, но даже и возлѣ Калгана, гдѣ климатъ замѣтно суровѣе. Не рѣшаясь пуститься на сѣверъ, до котораго въ это время еще не коснулось благодатное дыханіе весны, пролетные гости держатся по заливнымъ полямъ, орошаемымъ тогда китайскими

[1]) Между Калганомъ и Гу-бей-кэу есть еще одинъ проходъ черезъ Великую стѣну; его запираетъ крѣпость (если только можно назвать этимъ именемъ квадратную глинянную стѣну) *Ду-ши-кэу*.

Digitized by Google

земледѣльцами. Въ хорошее, ясное утро нетерпѣливыя стада пробуютъ летать на нагорье, но, застигнутыя холодомъ и непогодою, онѣ снова возвращаются въ теплыя равнины, гдѣ съ каждымъ днемъ умножается число пернатыхъ переселенцевъ. Наконецъ желанный часъ наступаетъ. Согрѣлись немного пустыни Монголіи, начали таять льды Сибири — и стадо за стадомъ спѣшитъ бросить тѣсную чужбину и понестись на родной, далекій сѣверъ...

Отъ Гу-бей-кэу, по направленію къ г. Долонъ-нору, горная окраина имѣетъ въ ширину около 150 верстъ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ цѣпей, которыя тянутся съ запада на востокъ. Въ общемъ всѣ эти горы достигаютъ лишь средней высоты [1]), хотя часто принимаютъ альпійскій характеръ. Долины между ними обыкновенно узки (1/2—1 версты) и мѣстами превращаются въ ущелья, запертыя высокими скалами гнейса и гранулита. Небольшіе ручьи встрѣчаются довольно часто, но значительная рѣчка по нашему пути была только одна — *Шанду-голъ* или *Луанъ-хэ*. Она вытекаетъ изъ окрайняго хребта Монгольскаго нагорья на сѣверномъ его склонѣ, обтекаетъ кругомъ г. Долонъ-нора, а за тѣмъ прорываетъ всю горную окраину и выходитъ въ равнину Собственнаго Китая.

Крутые горные скаты вездѣ покрыты густою травою, а далѣе, во внутрь окраины,—кустарниками и лѣсами. Послѣдніе состоятъ изъ дуба, черной, или, рѣже, бѣлой березы, осины, сосны и изрѣдка ели [2]); по долинамъ ростутъ ильмы и тополи. Среди кустарныхъ породъ чаще всего встрѣчаются: дубъ съ неопадающими листьями, рододендръ, дикій персикъ, шиповникъ, изрѣдка леспедеца и грецкій орѣхъ.

Лѣса растутъ только по сѣверную сторону р. Луанъ-хэ и тянутся отсюда на востокъ къ городу *Жэ-хэ*, лѣтней резиденціи богдохана. Всѣ эти лѣса составляютъ заповѣдныя облавныя мѣста, въ которыхъ охотились прежніе китайскіе императоры; но эти охоты прекратились съ тѣхъ поръ, какъ въ 1820 году богдоханъ Кя-кинъ былъ убитъ во время облавы. Въ настоящее время, заповѣдныя лѣса сильно истребляются, не смотря на охранительную стражу. По крайней мѣрѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы проходили, лишь

---

[1]) Здѣсь нигдѣ нѣтъ особенно выдающихся вершинъ, а тѣмъ болѣе вѣчноснѣговой горы *Пе-ча*, о которой упоминаютъ миссіонеры Жербильонъ и Фербистъ, а за ними и Риттеръ. Впрочемъ опроверженіе существованія этой горы, достигающей, по словамъ вышеназванныхъ миссіонеровъ, 15,000 фут. абс. высоты, сдѣлано еще въ 1856 году, нашими учеными Васильевымъ и Семеновымъ. См. землевѣденіе Азіи, Риттера, перев. Семенова Ч. I стр. 292—295.

[2]) Еще рѣже встрѣчается низкорослая липа.

Digitized by Google

изрѣдка можно было увидать большое дерево, а множество пней свидѣтельствовали о недавнихъ и сильныхъ порубкахъ.

Изъ звѣрей мы видѣли только *косуль* (Cervus pygargus); хотя, по словамъ мѣстныхъ жителей, здѣсь водятся олени, изюбри и тигры. Изъ птицъ вездѣ множество *фазановъ* (Phasianus torquatus), *куропатокъ* (Perdix barbata, P. chukar) и *каменныхъ голубей* (Columba rupestris); рѣже встрѣчаются *дятлы* (Picus sp.), *стренатки* (Emberiza ciodes?) и *Pterorhinus Davidii*. Вообще, въ орнитологической фаунѣ мы нашли не особенное разнообразіе, но это быть можетъ потому, что многіе виды еще не прилетѣли въ то время.

Въ административномъ отношеніи, описываемая окраина составляетъ округъ *Чень-ду-фу* и причисляется къ губерніи *Чжи-ли*. Хотя эти мѣстности лежатъ за Великою стѣною, слѣдовательно, внѣ предѣловъ Собственнаго Китая, но китайское населеніе здѣсь исключительно преобладаетъ; монголовъ нѣтъ ни одного человѣка. Всѣ горныя долины покрыты деревнями, или отдѣльными фанзами [1]), среди которыхъ разстилаются обработанныя поля. Однако здѣшнія узкія долины не представляютъ удобнаго мѣстожительства, и среди населенія сильно распространенъ зобъ, такъ что очень часто можно встрѣтить обезображенныхъ этою болѣзнію.

По дорогѣ намъ часто попадались транспорты на подводахъ, ослахъ, а частію и верблюдахъ, которые везли въ Пекинъ рисъ и просо; кромѣ того, туда же гнали большія стада свиней — любимаго мяса Китайцевъ.

По мѣрѣ удаленія отъ равнинъ Китая, климатъ дѣлался замѣтно холоднѣе, такъ что на восходѣ солнца термометръ падалъ иногда до —14,0° С. Однако днемъ, въ тихую погоду, стояло довольно тепло и снѣгу уже нигдѣ не было, за исключеніемъ лишь сѣверныхъ склоновъ болѣе высокихъ горныхъ вершинъ.

Абсолютное поднятіе описываемой горной окраины идетъ постепенно и равномѣрно. Гу-бэй-кэу, расположенный на южной сторонѣ горъ, поднятъ надъ уровнемъ моря лишь на 700 футъ, а г. Долонъ-норъ имѣетъ 4,000 футъ абсолютной высоты. Послѣдній лежитъ уже на высокомъ плато Монголіи, которое тотчасъ же раскинулось передъ нами, лишь только мы вышли изъ горъ окраины. Рѣзкою каймою этой послѣдней, съ монгольской стороны, служитъ высокій альпійскій хребетъ, который по словамъ мѣстныхъ жителей, потя-

[1]) Городовъ, какъ въ Китаѣ, здѣсь нѣтъ, и намъ встрѣтились только два мѣстечка: *Пу-нинъ-ша* и *Гао-джи-тунъ*.

Digitized by Google

нулся отсюда далеко на сѣверъ. По всему вѣроятію, это и есть *Большой Хинганъ*, отдѣляющій Манчжурію отъ Монголіи. Тамъ, гдѣ мы перешли названный хребетъ, онъ вполнѣ развивается лишь въ горной окраинѣ, но къ сторонѣ Монголіи дикія горы вдругъ мѣняютъ свою физіономію и превращаются въ невысокія, куполообразные холмы. Также рѣзко измѣняется здѣсь и характеръ природы: деревья и кустарники вдругъ исчезаютъ; не видно уже болѣе ни скалъ, ни высокихъ горныхъ вершинъ. Взамѣнъ всего этого раскидывается холмистая степь, и на ней являются характерныя животныя монгольскихъ равнинъ: пищуха, дзеренъ и монгольскій жаворонокъ.

17-го марта мы пришли въ г. Долонъ-норъ, который, по сдѣланному мною наблюденію высоты Полярной звѣзды, лежитъ подъ 42°16′ сѣв. шир. Сопровождаемые толпою любопытныхъ зѣвакъ, мы долго ходили по улицамъ города, отыскивая гостинницу, въ которой можно бы было остановиться; однако насъ нигдѣ не пустили, отговариваясь тѣмъ, что нѣтъ свободнаго мѣста. Истомленные большимъ переходомъ и промерзшіе до костей, мы рѣшились наконецъ воспользоваться совѣтомъ одного монгола, и отправились просить пристанища въ монгольской кумирнѣ. Здѣсь насъ приняли радушно и отвели намъ фанзу, въ которой мы могли наконецъ согрѣться и отдохнуть.

Долонъ-норъ, или какъ его называютъ китайцы *Лама-мяо*[1]), составляетъ, вмѣстѣ съ Калганомъ и Куку-хото, важный пунктъ торговли Китая съ Монголіею. Монголы гонятъ сюда на продажу скотъ, везутъ шерсть и шкуры, а китайцы привозятъ для тѣхъ же монголовъ кирпичный чай, табакъ, бумажныя и шелковыя матеріи. Описываемый городъ не имѣетъ стѣны, и расположенъ въ безплодной песчаной равнинѣ на берегу небольшой рѣчки Уртынъ-голъ, впадающей въ Шанду-голъ. Самъ городъ состоитъ изъ двухъ частей: Китайской и Монгольской, находящихся въ разстояніи версты одна отъ другой. Китайскій городъ имѣетъ версты двѣ въ длину и около одной въ ширину; населеніе его довольно значительно, но улицы узки и грязны. Монгольская часть Долонъ-нора состоитъ изъ двухъ большихъ кумирень, расположенныхъ не вдалекѣ одна отъ другой и обстроенныхъ кругомъ фанзами, въ которыхъ живутъ ламы — до двухъ тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, число это значительно увеличивается лѣтомъ, съ приходомъ различныхъ богомольцевъ. При ку-

[1]) Китайское названіе «Лама-мяо», означаетъ въ переводѣ «монастырь ламы», а монгольское имя «Долонъ-норъ» означаетъ «семь озеръ», которые дѣйствительно находились когда-то возлѣ города; теперь онѣ засыпаны пескомъ.

Digitized by Google

мирняхъ находится училище для мальчиковъ, предназначаемыхъ впослѣдствіи быть ламами.

Наибольшую достопримѣчательность Долонъ-нора составляетъ отливка различныхъ боговъ и другихъ принадлежностей кумирень, не только для всей Монголіи, но даже отчасти и для Тибета. Статуи идоловъ, приготовляемыя изъ бронзы или чугуна, бываютъ различной величины и формы. Отдѣлка ихъ большею частію замѣчательно хороша по исполненію, въ особенности если принять во вниманіе, что вся работа производится руками и при томъ одиночными мастеровыми, или въ отдѣльныхъ фанзахъ.

Проведя въ Долонъ-норѣ однѣ сутки, мы отправились на оз. *Далай-норъ*, лежащее отсюда въ 150 верстахъ къ сѣверу. Дорога вскорѣ переходитъ р. Шанду-голъ, недалеко отъ которой намъ встрѣтились развалины стариннаго города, извѣстныя у монголовъ подъ именемъ *Цаганъ-балгасу*, что въ переводѣ означаетъ «бѣлыя стѣны». Отъ прежнихъ построекъ здѣсь уцѣлѣла только одна невысокая ($1^1/_2$—2 сажень вышины), кирпичная стѣна, сильно разрушенная временемъ. Эта стѣна имѣетъ форму квадрата и ею обпесена площадь около полуверсты въ длину и сажень сто въ ширину; внутреннее пространство представляетъ собою лугъ, безъ всякихъ слѣдовъ бывшаго жилья. Мѣстные монголы ничего не умѣли разсказать намъ объ этомъ памятникѣ прошлаго.

Верстахъ въ 40 отъ Долонъ-нора, мы вступили въ предѣлы аймака *Кэшиктэнъ* [1]). Начиная отсюда, вплоть до озера Далай-норъ, тянутся песчаные холмы, извѣстные у монголовъ подъ именемъ *Гучинъ-гурбу*, т. е. тридцать три. Такое названіе имѣетъ, вѣроятно, цѣлію охарактеризовать безчисленное множество этихъ холмовъ, которые достигаютъ вышины футовъ 30, 50, иногда даже 100 и, безъ всякаго порядка, насажены одинъ возлѣ другаго. Описываемые холмы большею частію состоятъ изъ песка, мѣстами совершенно оголеннаго, чаще же покрытаго травою или тальникомъ; изрѣдка попадается здѣсь дубъ, липа, черная и бѣлая береза. Въ зарослях этихъ деревьевъ водится множество лисицъ и куропатокъ; въ меньшемъ числѣ встрѣчаются косули и волки. Мѣстами выдаются небольшія долины, удобныя для обработки, но по причинѣ безводія этой мѣстности, монгольскія кочевки попадаются очень рѣдко, хотя кой-гдѣ есть даже китайскія деревни. Множество дорогъ, проложенныхъ китайцами, пріѣзжающими сюда изъ Долонъ-нора за дровами, пересѣкаются

[1]) Слово «Кэшиктэнъ», по монгольски означаетъ «счастливый». Монголы объясняли намъ, что ихъ княжество получило такое названіе потому, что осталось послѣднимъ при раздѣленіи Восточной Монголіи на нынѣшніе аймаки.

Digitized by Google

во всевозможныхъ направленіяхъ, такъ что безъ проводника очень легко сбиться съ истиннаго пути. Это удовольствіе испытали и мы въ первый же день своего путешествія въ холмахъ Гучинъ-гурбу. Ориентироваться здѣсь невозможно, такъ какъ вовсе нѣтъ рѣзкихъ контуровъ мѣстности: взберешся на одинъ холмъ, передъ глазами торчатъ новые десятки такихъ же горокъ, сдѣланныхъ какъ будто по одной мѣркѣ. По словамъ монголовъ, пески Гучинъ-Гурбу начинаются у верховьевъ р. Шара-Мурени и тянутся верстъ на 80 западнѣе оз. Далай-нора.

Лишь только, 25-го марта, мы пришли на берега этого озера, какъ въ ту же ночь передъ нами явилось великолѣпное зрѣлище травянаго пожара. Хотя въ горахъ окраины мы часто встрѣчали подобные пожары, производимые въ это время мѣстными жителями, для очистки сухой прошлогодней травы, но та картина, которую мы видѣли на Далай-норѣ, далеко превосходила всѣ прежнія своею грандіозностію.

Еще съ вечера замелькалъ огонекъ далеко на горизонтѣ, но спустя часа два, три, онъ разросся громадною огненною линіею, быстро подвигавшеюся по широкой степной равнинѣ. Небольшая гора, пришедшаяся какъ разъ въ срединѣ пожара, вся залилась огнемъ, словно громадное освѣщенное зданіе, выдвигающееся изъ общей иллюминаціи. Затѣмъ представьте себѣ небо, окутанное облаками, но освѣщенное багровымъ заревомъ, бросающимъ вдаль свой красноватый полусвѣтъ. Столбы дыма, извиваясь прихотливыми зигзагами и также освѣщенные пожаромъ, высоко поднимаются къ верху и теряются тамъ въ неясныхъ очертаніяхъ... Широкое пространство впереди горящей полосы освѣщено довольно полно, а далѣе ночной мракъ кажется еще гуще и непроницаемѣе... На озерѣ слышатся громкіе крики птицъ, встревоженныхъ пожаромъ, но на горящей равнинѣ все тихо и спокойно...

Озеро *Далай-норъ* [1]) лежитъ на сѣверной окраинѣ холмовъ Гучинъ-гурбу и, по своей величинѣ, занимаетъ первое мѣсто среди другихъ озеръ юго-восточной Монголіи. Формою оно приближается къ сплюснутому эллипсису, вытянутому большею осью отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Западный берегъ имѣетъ нѣсколько вдающихся заливовъ; очертаніе же другихъ береговъ почти совершенно ровное. Вода описываемаго озера соленая и, по словамъ мѣстныхъ жителей, оно очень глубоко, но этому едва ли можно вѣрить. такъ такъ на разстояніи сотни и болѣе шаговъ отъ берега глуби-

[1]) Т. е. «озеро-море» въ переводѣ своего монгольскаго названія.

Digitized by Google

на не превосходитъ двухъ, трехъ футовъ. Окружность Далай-нора простирается до шестидесяти верстъ и въ него впадаютъ четыре небольшія рѣчки: *Шара-голъ* [1]) и *Гунгырѣ-голъ* съ востока; *Холэ-голъ* и *Шурга-голъ* съ запада. Въ озерѣ водится много рыбы, изъ которой мы поймали только три вида: *губача* (Diplophysa sp.), *головля* (Squalius sp.) и *колюшку* (Gasterosteus sp.) [2]). Лѣтомъ рыба въ значительномъ количествѣ заходитъ въ береговыя рѣчки, и для ея ловли на берега Далай-нора являются, съ ранней весны, нѣсколько сотъ китайцевъ, большею частію бездомныхъ бродягъ, которые живутъ здѣсь до глубокой осени.

Окрестности описываемаго озера представляютъ солонцеватыя равнины на востокѣ и сѣверѣ и холмистыя степи на западѣ; къ южному берегу подходятъ холмы Гучинъ-гурбу и здѣсь же лежитъ небольшая группа горъ, у подошвы которой расположена кумирня *Дархань-ула* и китайская деревня Жители этой послѣдней занимаются исключительно торговлею съ монголами, которые лѣтомъ собираются сюда въ большомъ числѣ для богослуженія. Усердные вѣрующіе въ это время покупаютъ у китайцевъ, промышляющихъ рыболовствомъ, живую рыбу и отпускаютъ ее обратно въ озеро, думая заслужить этимъ прощеніе грѣховъ.

Абсолютная высота Далай-нора достигаетъ 4200 фут., а потому климатъ здѣсь столь же суровый, какъ и въ остальной Монголіи. Въ началѣ апрѣля едва показывались забереги и ледъ, достигающій трехъ футовъ толщины, растаиваетъ здѣсь окончательно лишь въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая.

Расположенное среди безводныхъ степей Монголіи, озеро Далай-норъ служитъ великою станціею для пролетныхъ птицъ водяныхъ и голенастыхъ. Дѣйствительно, въ концѣ марта мы нашли здѣсь множество утокъ [3]), гусей [4]) и лебедей [5]). Крахали [6]), чайки [7]) и

---

[1]) По словамъ монголовъ, эта рѣчка вытекаетъ изъ озера *Ганга-норъ*, которое лежитъ верстахъ въ 20 къ востоку отъ Далай-нора; при устьѣ Шара-голъ находится порядочное болото, единственное на Далай-норѣ.

[2]) Болѣе поймать намъ не удалось, такъ какъ озеро стояло еще замерзши, а въ рѣчкахъ рыбы было очень мало.

[3]) Изъ утокъ преобладали *Anas boschas*, *A. crecca*, *A. glocitans*, *A. aquta*, *A. falcata*; въ меньшемъ числѣ встрѣчались: *Anas rutilla*, *A. tadorna*, *A. clypeata*, *A. poecilorhyncha*, *A. strepera* и *Fuligula clangula*.

[4]) Преобладалъ *Anser segetum*; въ достаточномъ числѣ былъ *A. cinereus*, рѣдко *A. cygnoides* и *A. grandis*.

[5]) *Cygnus musicus* и *C.olor*. Первый видъ преобладалъ, хотя и второй являлся въ достаточномъ числѣ.

[6]) *Mergus merganser*, *M. albellus*, *M. serrator* — вообще немного.

[7]) *Larus ridibundus* и *L. occidentalis*?

Digitized by Google

бакланы [1]) встрѣчались въ меньшемъ числѣ, равно какъ журавли [2]), цапли [3]), колпицы [4]) и шилоклювки [5]). Два послѣднихъ вида, вмѣстѣ съ другими голенастыми, стали появляться лишь съ начала апрѣля; хищныхъ птицъ было вообще мало [6]), равно какъ и мелкихъ пташекъ.

Отлагая подробный разсказъ о пролетѣ и образѣ жизни этихъ птицъ до спеціальнаго орнитологическаго описанія, которое будетъ помѣщено во второмъ томѣ настоящаго сочиненія, я скажу теперь только, что всѣ вообще пролетныя птицы сильно спѣшатъ перенестись черезъ пустыни Монголіи. Такъ, на Далай-норѣ, въ холодные бурные дни, скоплялись огромнѣйшія стада гусей и утокъ, но лишь только выпадала хорошая погода, какъ озеро видимо пустѣло, до новаго наплыва пернатыхъ странниковъ.

Сильные и холодные вѣтры, постоянно господствующіе на Далай-норѣ, много мѣшали нашимъ охотничьимъ экскурсіямъ, но однако, не смотря на это, мы столько били утокъ и гусей, что исключительно продовольствовались этими птицами. Иногда даже запасъ переполнялся черезъ край и мы стрѣляли уже изъ одной охотничьей жадности; лебеди давались не такъ легко и мы били ихъ почти исключительно пулями изъ штуцеровъ.

Послѣ 13-ти дневнаго пребыванія на берегахъ Далай-нора, мы направились прежнимъ путемъ въ г. Долонъ-норъ, чтобы слѣдовать отсюда въ Калганъ. Холмы Гучинъ-гурбу, черезъ которыя нужно было вновь проходить, смотрѣли также уныло, какъ и прежде, но ихъ тишина теперь изрѣдка нарушалась великолѣпнымъ пѣніемъ бланжеваго *чеккана* (Saxicola isabellina). Этотъ пѣвунъ, свойственный всей средней Азіи, не только исполняетъ строфы своей собственной пѣсни, но многое заимствуетъ отъ другихъ птицъ и очень мило ихъ передразниваетъ. Намъ случалось слышать, какъ упомянутый чеккань пищалъ коршуномъ, трещалъ сорокою, свисталъ куликомъ, пѣлъ жаворонкомъ и даже пытался подражать ржанію лошади.

Производство глазомѣрной съемки, вслѣдствіе однообразія мѣстности, было крайне затруднительно; впрочемъ, эта работа представляла не мало трудностей и въ теченіи всей экспедиціи.

---

[1]) *Phalacrocorax carbo.*

[2]) *Grus monachus* и *Gr. leucauchen;* послѣдній рѣдокъ.

[3]) *Ardea cinerea.*

[4]) *Platalea leucorodia.*

[5]) *Recurvirostra avocetta.*

[6]) Изъ хищниковъ чаще другихъ встрѣчались: *Milvus Govinda* и *Circus rufus.*

Digitized by Google

При исполненіи съемки во время путешествія, необходимо было всегда соблюдать, во первыхъ, точность самой работы, а во вторыхъ, держать это въ секретѣ отъ мѣстнаго населенія. Оба условія были одинаково важны. Знай мѣстный людъ, въ особенности китайцы, что я снимаю на карту ихъ страну, затрудненія нашего путешествія увеличились бы вдвое, и едва ли бы мы могли свободно пройти по густо-населеннымъ мѣстностямъ. Къ великому счастію, въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ экспедиціи, я ни разу не былъ пойманъ съ поличнымъ, т. е. съ картою, и никто не зналъ, что я снимаю свой путь.

Для производства съемки, я имѣлъ бусоль Шмакальдера, которую, какъ извѣстно, всегда ставятъ на воткнутый въ землю колъ, при визированіи на данный предметъ. При моихъ условіяхъ, дѣлать это было невозможно, не возбудивъ подозрѣнія, и потому, жертвуя меньшимъ большему, я рѣшился вовсе не брать кола. Взамѣнъ его, при визированіи, я всегда держалъ бусоль обѣими руками передъ своими глазами до тѣхъ поръ, пока магнитная стрѣлка не устанавливалась какъ слѣдуетъ. Въ случаѣ же, если эта стрѣлка продолжала долго колебаться въ обѣ стороны, то я бралъ среднее число градусовъ между крайними величинами такого колебанія. Разстоянія всегда измѣрялись по часамъ, скоростію шага верблюда; масштабъ работы былъ принятъ десять верстъ въ англійскомъ дюймѣ [1]).

Съемка производилась мною во время пути и заносилась въ небольшую записную книжку, которую я всегда носилъ въ карманѣ и въ нее записывалъ все замѣченное въ виду самого предмета. Такая аккуратность крайне необходима для всякаго путешественника, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя полагаться на память. Все записанное въ карманной книжкѣ въ тотъ же день переносилось въ дневники, а съемка — на разграфленные листы бумаги, тщательно прятавшіеся въ одинъ изъ сундуковъ.

Самый порядокъ работы былъ слѣдующій: сдѣлавъ визированіе по направленію своего пути и замѣтивъ показаніе часовъ, я проводилъ въ карманной книжкѣ линію, приблизительно въ томъ же направленіи, записывалъ въ концѣ этой линіи число показанныхъ градусовъ и ставилъ здѣсь цыфру, обозначавшую номеръ засѣчки по порядку. За тѣмъ я слѣдовалъ вмѣстѣ съ караваномъ, рисуя по бокамъ мѣстность на глазъ и засѣкая бусолью лишь наиболѣе

[1]) Прилагаемая при настоящей книгѣ, маршрутно-глазомѣрная карта моего пути уменьшена въ четыре раза противъ оригинала.

Digitized by Google

важные предметы. Наконецъ, направленіе первоначальнаго пути измѣнялось. Тогда я высчитывалъ, по часамъ, число пройденныхъ верстъ [1]), отмѣчалъ ихъ въ книжкѣ, противъ номера засѣчки и опять визировалъ по новому направленію. Послѣднее иногда трудно было правильно опредѣлить, въ особенности, когда мы ходили безъ проводника. Въ такомъ случаѣ, я бралъ бусолью нѣсколько направленій, записывалъ ихъ градусы и отмѣчалъ впослѣдствіи, подъ номеромъ засѣчки, тотъ изъ нихъ, по которому мы дѣйствительно шли.

Часто случалось, что я не могъ сдѣлать засѣчку въ данномъ мѣстѣ, такъ какъ на насъ смотрѣли въ это время китайцы, или монголы; тогда я откладывалъ эту засѣчку до болѣе удобнаго случая и дѣлалъ ее назадъ, уже по пройденному пути. Иногда же въ теченіи цѣлаго дня, по мѣстностямъ населеннымъ, насъ сопровождалъ то тотъ, то другой изъ жителей; въ такомъ случаѣ я уѣзжалъ впередъ, или оставался позади и дѣлалъ свои засѣчки. Съ проводникомъ, когда онъ бывалъ у насъ, приходилось еще хуже [2]). Нужно было по пословицѣ «втереть ему очки въ глаза» и мы, дѣйствительно, всегда удачно исполняли такую задачу. Для этой цѣли, съ перваго же знакомства съ нашимъ будущимъ спутникомъ, я показывалъ ему бинокль, говоря что дорогою постоянно смотрю въ эту машинку, для того, чтобы знать нѣтъ ли по близости звѣрей, или птицъ, за которыми можно бы было поохотиться. Въ простотѣ душевной, монголъ не различалъ бинокль отъ бусоли и такъ какъ мы, дѣйствительно, часто стрѣляли дорогою антилопъ и птицъ, то нашъ проводникъ искренно вѣрилъ, что мое смотрѣніе въ хитрую машинку ведетъ къ разглядыванію звѣрей. Нѣсколько разъ мнѣ удалось подобнымъ же образомъ обмануть китайскихъ и монгольскихъ чиновниковъ, когда тѣ лѣзли съ распросами, для чего я ношу бусоль; вмѣсто ея тотчасъ же подсовывался бинокль, который также находился при мнѣ во время пути.

Случалось, что иногда было крайне необходимо сдѣлать засѣчку, а между тѣмъ возлѣ насъ находилось нѣсколько монголовъ, пріѣхавшихъ поглазѣть на невиданныхъ людей. Въ такомъ случаѣ, мой товарищъ старался занять ихъ чѣмъ нибудь интереснымъ, а между

[1]) Средняя скорость шага вьючнаго верблюда составляетъ отъ 4—4 1/2 верстъ въ часъ, смотря по мѣстности. Въ горахъ такая правильность хода сильно измѣняется, и тамъ часто приходится прибѣгать къ глазомѣру, для опредѣленія пройденныхъ разстояній.

[2]) Каждый нашъ проводникъ, конечно, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шпіонъ, котораго необходимо было опасаться болѣе, нежели кого либо другаго изъ мѣстныхъ жителей.

Digitized by Google

тѣмъ я, оставшись, какъ будто по нуждѣ, дѣлалъ свое дѣло. Словомъ, приходилось подниматься на тысячи хитростей и прибѣгать ко всевозможнымъ притворствамъ, чтобы выполнить свою задачу, среди того недружелюбія, которымъ вездѣ встрѣчало насъ мѣстное, въ особенности китайское, населеніе.

По приходѣ на мѣсто, послѣ развьюченія верблюдовъ, установки палатки, сбора аргала и другихъ необходимыхъ работъ, которыя мы исполняли вмѣстѣ съ своими казаками, я тотчасъ же переносилъ всю съемку того дня на разграфленный листъ бумаги. При этомъ никогда не упускалась и осторожность. Обыкновенно я самъ затворялся въ палаткѣ, а для караула ставилъ, у входа въ нее, или своего товарища, или одного изъ казаковъ. Часто случалось прерывать занятіе, по случаю пріѣзда какихъ нибудь зѣвакъ — чиновниковъ, или простыхъ монголовъ. Избавившись отъ этихъ посѣтителей, я оканчивалъ свою работу и пряталъ ее до слѣдующаго перехода.

При дѣланіи карты я наносилъ на нее: направленіе нашего пути, жилые осѣдлые пункты (города, деревни, фанзы, кумирни, но не переносныя юрты), колодцы, озеры, рѣки и ручьи, хотя бы самыя незначительные, наконецъ горы, холмы и общую конфигурацію мѣстности, на сколько можно было ее видѣть по сторонамъ. Важныя данныя, добытыя путемъ распросовъ, наносились пунктиромъ или съ оговоркою, что онѣ не были лично провѣрены. Для болѣе правильной постановки дѣлаемой карты, мною опредѣлена была въ теченіи экспедиціи, посредствомъ небольшаго универсальнаго инструмента, географическая широта 18 пунктовъ наиболѣе важныхъ [1]). Производство съемки, какъ оно ни кажется просто, являлось одною изъ самыхъ трудныхъ работъ экспедиціи, такъ какъ, не говоря уже о всевозможныхъ уловкахъ, для отвода глазъ мѣстному населенію, частое слѣзаніе съ лошади, при дѣланіи засѣчекъ, сильно утомляло, въ особенности во время лѣтнихъ жаровъ. Да, наконецъ, ради той же съемки мы очень часто не могли пользоваться прохладною ночью для перехода, но должны были тащиться днемъ, иногда въ самый сильный жаръ. Подобныя хожденія, нетолько портили нашихъ верблюдовъ, но часто въ конецъ истомляли и насъ самихъ.

Миновавъ г. Долонъ-норъ, куда я заѣхалъ съ однимъ изъ казаковъ, чтобы сдѣлать необходимыя покупки, мы пошли далѣе по дорогѣ, ведущей въ Калганъ. До этого города отъ Долонъ-нора

[1]) Къ сожалѣнію, я не могъ опредѣлить долготу тѣхъ же самыхъ пунктовъ, хотя бы разницею показаній хронометровъ, если бы таковые имѣлись у насъ въ экспедиціи

Digitized by Google

230 верстъ, и дорога очень хорошая, колесная. Движеніе по ней весьма значительно и намъ часто попадались китайскія двухколесныя телѣги, запряженныя быками и нагруженныя различными товарами. Кромѣ того, по этой же дорогѣ возятъ въ Калганъ соль, добываемую, по словамъ монголовъ, изъ самоосадочнаго озера, верстахъ въ двухстахъ сѣвернѣе оз. Далай-нора. Для проѣзжихъ, на описываемой дорогѣ, выстроены постоялые дворы, въ которые мы ни разу не заходили, предпочитая чистую палатку и свѣжій воздухъ, той грязи и вони, какая всегда господствуетъ въ китайскихъ гостинницахъ. При этомъ, въ своей палаткѣ мы могли легче отдѣлаться отъ нахальной назойливости монголовъ, или китайцевъ, обыкновенно являвшихся толпами, лишь только мы останавливались вблизи жилаго мѣста.

Кромѣ постоялыхъ дворовъ, на Долонъ-норской дорогѣ встрѣчаются и китайскія деревни, особенно ближе къ Калгану; монгольскихъ юртъ также много, и вездѣ бродятъ многочисленныя стада барановъ, коровъ и лошадей.

Въ топографическомъ отношеніи, описываемая мѣстность представляетъ обширныя холмистыя степи, съ почвою изъ супеси и частію солонцеватою, но вездѣ покрытою превосходною густою травою. Деревьевъ и кустарниковъ нигдѣ нѣтъ, но за то, чаще чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Монголіи, здѣсь встрѣчаются ручьи и небольшія озера. Вода въ послѣднихъ гадка до отвращенія. Если желаете имѣть понятіе о ея свойствахъ, то возьмите стаканъ чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли для вкуса, извести для цвѣта, а гусинаго помета для запаха — и вы какъ разъ получите ту жидкость, которая наполняетъ большую часть монгольскихъ озеръ. Однако монголы нисколько не гнушаются подобнымъ нектаромъ и круглый годъ варятъ на немъ свой чай; мы сами, въ теченіи экспедиціи, не одинъ десятокъ разъ пивали подобную воду, за неимѣніемъ лучшей.

Обширныя и привольныя степи, по которымъ мы проходили отъ Долонъ-нора, служатъ пастбищами для табуновъ богдохана. Каждый такой табунъ, называемый у монголовъ *даргу*, состоитъ изъ пяти сотъ лошадей и находится въ завѣдываніи особаго чиновника; всѣми же ими завѣдуетъ одинъ главный начальникъ. Изъ этихъ стадъ выбираются лошади для войска во время войны.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о монгольскихъ лошадяхъ. Характерныя ихъ признаки составляютъ: средній, или даже малый ростъ, толстыя ноги и шея, большая голова и густая, довольно длинная шерсть, а изъ нравственныхъ качествъ—необыкновенная

Digitized by Google

выносливость. На самыхъ сильныхъ холодахъ, монгольскія лошади остаются на подножномъ кормѣ и довольствуются скудною травою, за неимѣніемъ же ея, ѣдятъ, подобно верблюдамъ, бударгану и кустарники; снѣгъ зимою обыкновенно замѣняетъ имъ воду. Словомъ, наша лошадь не прожила бы и мѣсяца при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ монгольская можетъ существовать безъ горя.

Почти безъ всякаго присмотра, бродятъ огромные табуны лошадей на привольныхъ пастбищахъ сѣверной Халхи и земли цахаровъ. Эти табуны обыкновенно разбиваются на косяки, въ которыхъ бываетъ отъ 10—30 кобылъ, подъ охраною жеребца. Послѣдній ревниво блюдетъ своихъ наложницъ и, ни въ какомъ случаѣ, не позволяетъ имъ отлучаться отъ стада; между предводителями косяковъ часто происходятъ драки, въ особенности весною. Монголы, какъ извѣстно, страстные любители лошадей и отличные ихъ знатоки; по одному взгляду на лошадь, номадъ вѣрно оцѣнитъ ея качества. Конскія скачки также весьма любимы монголами и обыкновенно устраиваются лѣтомъ, при большихъ кумирняхъ. Самыя знаменитыя скачки бываютъ въ Ургѣ, куда соревнователи приходятъ за многія сотни верстъ. Отъ кутухты назначаются призы, и выигравшій первую награду получаетъ значительное количество скота, одежды и денегъ.

Богдоханскія пастбища находятся, главнымъ образомъ, въ раіонѣ аймака цахаровъ [1]), земля которыхъ тянется отъ Кэшиктэна болѣе чѣмъ на пять сотъ верстъ къ западу, до аймака дурбутовъ. Цахары преобразованы на китайскій образецъ, раздѣлены на восемь знаменъ и состоятъ, по очередно, на государственной службѣ. Подъ близкимъ вліяніемъ китайцевъ, они совершенно утратили характеръ и даже наружность чисто-кровныхъ монголовъ, о чемъ уже было говорено въ 1-й главѣ.

Мы сами на опытѣ познали всю испорченность характера цахарскихъ монголовъ. Отъ перваго до послѣдняго человѣка всѣ они отъявленные плуты и негодяи. По счастію, мы мало нуждались въ услугахъ мѣстнаго населенія, такъ какъ палатка замѣняла намъ комнату, а охота доставляла продовольствіе. По степямъ вездѣ было такое множество дзереновъ, что мы всегда могли добыть себѣ мясо и не нуждались покупкою барановъ, которыхъ часто намъ не хотѣли продавать, или запрашивали непомѣрную цѣну. Отъ воровъ же мы были гарантированы тѣмъ страхомъ, который наводили на весь мѣстный людъ наши ружья и револьверы. Стрѣльба въ летъ птицъ, или изъ штуцеровъ антилопъ, иногда на большія разстоянія,

[1]) Эти пастбища тянутся и далѣе, почти до г. Куку-хото.

Digitized by Google

производила крайне сильное впечатлѣніе на мѣстное населеніе и каждый воръ хорошо зналъ, что поплатится своею головою, если будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія.

Что касается весенняго климата, посѣщенныхъ нами теперь мѣстностей Юго-Восточной Монголіи, то главную его характеристику составляли: холода, вѣтры и сухость воздуха.

Ночные морозы продолжались здѣсь, не только въ мартѣ, но даже и въ апрѣлѣ; 20-го числа этого мѣсяца, вода небольшаго озера, возлѣ котораго мы ночевали, замерзла къ восходу солнца на дюймъ толщины, такъ что ледъ держалъ человѣка. Подобные сюрпризы, какъ увидимъ впослѣдствіи, перепадаютъ на монгольскомъ плато, даже и въ маѣ.

Въ подспорье къ морозамъ, вѣтры, преимущественно сѣверо-западные, господствовали на нагорьи въ теченіи всей весны, почти безъ перерыва. Тихая погода выпадала рѣдко и то обыкновенно лишь на нѣсколько часовъ. При вѣтрѣ всегда становилось холодно, и много разъ эти вѣтры превращались въ сильную бурю. Тогда давала себя знать Монгольская степь! Тучи песку, пыли, а на солончакахъ—мелкой соли, поднятыя ураганомъ въ воздухъ, затемняли солнце, которое начинало свѣтить тускло, какъ сквозь дымъ, а затѣмъ становилось и вовсе не видно, такъ что въ полдень иногда дѣлалось не свѣтлѣе, чѣмъ въ сумерки. На разстояніи версты не видно было горъ, а вѣтеръ съ такою силою билъ крупнымъ пескомъ, что даже верблюды, привычные ко всѣмъ трудностямъ пустыни, и тѣ нерѣдко останавливались, поворачивались задомъ къ урагану и ожидали, пока пронесется его порывъ. Воздухъ до того наполнялся пескомъ и пылью, что часто противъ вѣтра невозможно было открыть глаза, а въ головѣ происходили боль и шумъ, какъ отъ угара. Въ палаткѣ, на всѣхъ вещахъ ложился толстый слой пыли, и если буря случалась ночью, то утромъ едва можно было продрать глаза, совсѣмъ засыпанные грязью. Иногда, за страшнымъ порывомъ бури, слѣдовалъ градъ или дождь, какъ изъ ведра, но дождевыя капли разбивались вѣтромъ въ мелкую пыль. Однако ливень обыкновенно продолжался лишь нѣсколько минутъ; затѣмъ вдругъ становилось совершенно тихо, но черезъ четверть часа, или менѣе, вѣтеръ задувалъ съ прежнею силою и вновь оканчивался минутнымъ дождемъ. Напоръ бури иногда бывалъ до того силенъ, что наша палатка, укрѣпленная двѣнадцатью желѣзными кольями, каждый длиною въ полъ-аршина, ежеминутно готова была слетѣть, и мы принуждены были привязывать ее еще къ вьюкамъ всѣми наличными веревками.

Digitized by Google

Количество атмосферныхъ осадковъ было не велико: дожди, или снѣга, какъ въ мартѣ, такъ и въ апрѣлѣ, перепадали лишь изрѣдка, и то обыкновенно въ небольшомъ количествѣ.

Постоянные холода и вѣтры, господствующіе весною на Монгольскомъ нагорьи, служатъ большою помѣхою для пролета птицъ и сильно тормозятъ развитіе растительности. Правда, со второй половины апрѣля, на солнечномъ пригрѣвѣ начинала пробиваться зеленая трава и изрѣдка выглядывалъ даже цвѣтокъ прострѣла, или лапчатки, но общее оживленіе природы здѣсь было еще незамѣтно. Степь несла тотъ же самый характеръ, какъ и зимою, съ тою лишь разницею, что желтый фонъ сухой травы замѣнился теперь черною пеленою, послѣ весеннихъ пожаровъ. Вообще здѣшняя весна не имѣетъ и тѣни той прелести, какъ въ другихъ странахъ умѣреннаго пояса. Пролетныя птицы бѣжатъ безъ оглядки этихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ имъ ни пищи, ни питья, ни крова. Изрѣдка, на берегахъ соленаго озерка степи, присядетъ пролетное стадо, отдохнетъ немного, и тотчасъ же пускается далѣе на сѣверъ, въ страны болѣе привольныя...

Въ заключеніе настоящей главы помѣщается разсказъ о самомъ характерномъ и замѣчательномъ животномъ Монголіи — верблюдѣ. Онъ вѣчный спутникъ номада, часто главный источникъ его благосостоянія и незамѣнимое животное въ путешествіи по пустынѣ. Въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ экспедиціи мы не разлучались съ верблюдами, видѣли ихъ во всевозможной обстановкѣ, а потому имѣли много случаевъ изучать это животное.

Монголіи свойственъ исключительно *двугорбый верблюдъ* (Camellus Bactrianus); одногорбый его собратъ, обыкновенный въ Туркестанскихъ степяхъ, здѣсь вовсе неизвѣстенъ. Монголы называютъ свое любимое животное общимъ именемъ «*Тымэ*»; затѣмъ, самецъ называется — *Бурунъ*, меринъ — *Атанъ*, а самка — *Инга*. Наружные признаки хорошаго верблюда составляютъ: плотное сложеніе, широкія лапы, широкій, не срѣзанный косо, задъ и высокіе, прямостоячіе горбы [1]), съ большимъ промежуткомъ между собою. Первые три качества рекомендуютъ силу животнаго, послѣднее, т. е. прямо-стоячіе большіе горбы, свидѣтельствуютъ еще, что верблюдъ жиренъ и, слѣдовательно, долго можетъ выносить всѣ невзгоды караваннаго путешествія въ пустынѣ. Большой ростъ далеко не гарантируетъ хорошихъ достоинствъ описываемаго животнаго, и сред-

[1]) Случается иногда, что у верблюда горбъ бываетъ сломанъ, а потому не стоитъ прямо; въ такомъ случаѣ достаточно, если онъ большой и твердый.

Digitized by Google

ней величины верблюдъ, съ выше-приведенными признаками, гораздо лучше высокаго, но узколапаго, и жидкаго по сложенію. Впрочемъ, при одинаковости возраста и другихъ физическихъ условій, болѣе крупное животное, конечно, предпочитается малорослому.

Во всей Монголіи наилучшіе верблюды разводятся въ Халхѣ; здѣсь они велики ростомъ, сильны, выносчивы. Въ Ала-шанѣ и на Куку-норѣ, верблюды гораздо меньше ростомъ, и менѣе сильны; сверхъ того, на Куку-норѣ, они имѣютъ болѣе короткую, тупую морду, а въ Ала-шанѣ болѣе темную шерсть. Эти признаки, сколько мы замѣтили, сохраняются постоянно, и весьма вѣроятно, что верблюды южной Монголіи составляютъ особую породу, отличную отъ сѣверной.

Степь или пустыня, съ своимъ безграничнымъ просторомъ, составляютъ коренное мѣстожительство верблюда; здѣсь онъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ, подобно своему хозяину—монголу. Тотъ и другой бѣгутъ осѣдлой жизни, какъ величайшаго врага, и верблюдъ до того любитъ широкую свободу, что, поставленный въ загонъ, хотя бы на самую лучшую пищу, онъ быстро худѣетъ и, наконецъ, издыхаетъ. Исключеніе составляютъ развѣ тѣ верблюды, которыхъ содержатъ иногда китайцы для перевозки каменнаго угля, хлѣба и другихъ тяжестей. За то всѣ эти верблюды представляются какими то жалкими заморышами, сравнительно съ своими степными собратьями. Впрочемъ, и китайскіе верблюды не выносятъ круглый годъ неволи, а на лѣто всегда отсылаются, для поправки, въ ближайшія мѣстности Монголіи.

Вообще верблюдъ весьма своеобразное животное. Относительно неразборчивости пищи и умѣренности онъ можетъ служить образцомъ, но это вѣрно только для пустыни. Приведите верблюда на хорошія пастбища, какія мы привыкли видѣть въ своихъ странахъ, и онъ, вмѣсто того, чтобы отъѣдаться и жирѣть, станетъ худѣть съ каждымъ днемъ. Это мы испытали, когда пришли съ своими верблюдами на превосходныя альпійскіе луга горъ Гань-су; то же самое говорили намъ кяхтинскіе купцы, пробовавшіе было завести собственныхъ верблюдовъ для перевозки чая. Въ томъ и другомъ случаѣ верблюды портились, будучи лишены пищи, которую они имѣли въ пустынѣ. Здѣсь любимыми кушаньями описываемаго животнаго служатъ: лукъ и бударгана (Kalidium gracile), далѣе слѣдуетъ дырисунъ, низкая полынь, закъ или саксаулъ (Haloxylon sp.) въ Ала-шанѣ, и хармыкъ (Nitraria Shoberi), въ особенности, когда поспѣютъ его сладко-соленыя ягоды. Вообще соль безусловно необходима для верблюдовъ и они, съ величайшимъ удовольствіемъ, ѣдятъ

Digitized by Google

бѣлый соляной налетъ, или такъ называемый *гуджиръ*, обильно покрывающій всѣ солончаки и часто выступающій изъ почвы, даже на травяныхъ степяхъ Монголіи. При отсутствіи гуджира верблюды ѣдятъ, хотя съ меньшею для себя пользою, чистую соль, которую имъ необходимо давать раза два, или три въ мѣсяцъ. Въ случаѣ, если описываемыя животныя долго не имѣли соли, то они начинаютъ худѣть, хотя бы пища была въ изобиліи. Тогда верблюды часто берутъ въ ротъ и жуютъ бѣлые камни, принимая ихъ за куски соли. Послѣдняя, въ особенности если верблюды долго ея не ѣли, дѣйствуетъ на нихъ какъ слабительное. Отсутствіемъ гуджиру и солонцеватыхъ растеній, вѣроятно, можно объяснить и то обстоятельство, что верблюды не могутъ жить на хорошихъ пастбищахъ горныхъ странъ. Кромѣ того, для нихъ здѣсь нѣтъ широкаго простора пустыни, по которой наше животное бродитъ на свободѣ цѣлое лѣто.

Продолжая о пищѣ верблюдовъ, слѣдуетъ сказать, что многіе изъ нихъ ѣдятъ рѣшительно все: старыя побѣлѣвшія кости, собственныя сѣдла набитыя соломою, ремни, кожу и т. п. У нашихъ казаковъ верблюды съѣли рукавицы и кожанное сѣдло, а монголы однажды увѣряли насъ, что ихъ караванные верблюды, долго голодовавшіе, съѣли тихомолкомъ старую палатку своихъ хозяевъ. Нѣкоторые верблюды ѣдятъ даже мясо и рыбу; мы сами имѣли нѣсколько такихъ экземпляровъ, которые воровали у насъ повѣшенную для просушки говядину. Одинъ изъ этихъ обжоръ подбиралъ даже ободранныхъ на чучела птицъ, воровалъ сушеную рыбу и доѣдалъ остатки собачьяго супа; впрочемъ, подобный гастрономъ составлялъ рѣдкое исключеніе изъ своихъ собратій.

На пастбищѣ верблюды наѣдаются вообще скоро, часа въ два, три, а за тѣмъ или ложатся отдыхать, или бродятъ по степи. Безъ пищи монгольскій верблюдъ можетъ пробыть дней восемь или десять, а безъ питья осенью и весною дней семь; лѣтомъ же, въ жары, мнѣ кажется, верблюдъ не выдержитъ безъ воды болѣе трехъ, или четырехъ сутокъ. Впрочемъ, способность быть больше или меньше безъ пищи и питья зависитъ отъ личныхъ качествъ животнаго; чѣмъ моложе оно и жирнѣе, тѣмъ конечно выносливѣе. Намъ лично, въ теченіи всей экспедиціи, только однажды, именно въ ноябрѣ 1870 года, пришлось не поить своихъ верблюдовъ шесть сутокъ сряду и они все таки шли бодро. Во время же лѣтнихъ переходовъ, намъ никогда не приходилось оставлять верблюдовъ безъ воды долѣе двухъ сутокъ. Собственно, ихъ слѣдуетъ тогда поить каждый день, а осенью и весною можно давать воду

Digitized by Google

черезъ день, или два, безъ всякой порчи животнаго. Зимою верблюды довольствуются снѣгомъ и ихъ никогда не поятъ.

Нравственныя качества верблюда стоятъ на весьма низкой степени; это животное глупое, и въ высшей степени трусливое. Иногда достаточно выскочить изъ подъ ногъ зайцу, и цѣлый караванъ бросается въ сторону, словно Богъ знаетъ отъ какой опасности. Большой черный камень, или куча костей часто также наводятъ не малое смущеніе на описываемыхъ животныхъ. Свалившееся сѣдло, или вьюкъ, до того пугаютъ верблюда, что онъ, какъ сумасшедшій, бѣжитъ куда глаза глядятъ, а за нимъ часто слѣдуютъ и остальные товарищи. При нападеніи волка, верблюдъ не думаетъ о защитѣ, хотя однимъ ударомъ лапы могъ бы убить своего врага; онъ только плюетъ на него и кричитъ во все горло. Даже вороны и сороки обижаютъ глупое животное. Они садятся ему на спину и расклевываютъ ссадины отъ сѣдла, а иногда прямо клюютъ горбы; верблюдъ и въ этомъ случаѣ только кричитъ да плюетъ. Плеваніе всегда производится пережованною пищею, и составляетъ признакъ раздраженнаго состоянія животнаго. Кромѣ того, разсерженный верблюдъ бьетъ лапою въ землю и загибаетъ крючкомъ свой безобразный хвостъ. Впрочемъ, злость не въ характерѣ этого животнаго, вѣроятно потому, что оно ко всему на свѣтѣ относится апатично. Исключеніе составляютъ только самцы въ періодъ течки, которая происходитъ въ февралѣ. Тогда они дѣлаются очень злы и нападаютъ не только на другихъ верблюдовъ, но иногда даже и на людей. Совокупленіе не можетъ производиться безъ помощи человѣка. Самка носитъ тринадцать мѣсяцевъ и производитъ на свѣтъ одного дѣтеныша, или, какъ рѣдкое исключеніе, двухъ [1]); при рожденіи животному также помогаютъ люди. Молодой верблюженокъ, въ первые дни своего существованія, самое безпомощное животное, такъ что его даже подкладываютъ къ матери для сосанія молока. За тѣмъ, когда новорожденный начнетъ ходить, онъ вездѣ слѣдуетъ за матерью, которая горячо любитъ свое дѣтище и, разлучившись съ нимъ, тотчасъ начинаетъ глухо, но громко ревѣть.

Не долго продолжается свободная жизнь новорожденнаго верблюда. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его начинаютъ привязывать возлѣ юрты, чтобы отдѣлить отъ матери, которую монголы сами доятъ какъ корову. На второмъ году верблюженку протыкаютъ носъ и вкладываютъ туда небольшую деревянную палочку, за

[1]) Самка верблюда, послѣ рожденія дѣтеныша, цѣлый годъ остается свободною, такъ что дѣтей приноситъ только черезъ два года.

Digitized by Google

которую впослѣдствіи привязывается веревка (бурундукъ), служащая вмѣсто узды. Далѣе, его пріучаютъ по командѣ ложиться, для чего монголы обыкновенно дергаютъ за бурундукъ, приговаривая: сокъ, сокъ, сокъ... Черезъ два года послѣ рожденія, верблюда уже берутъ съ караваномъ, чтобы пріучить къ путешествію по пустынѣ; въ три года на немъ начинаютъ ѣздить верхомъ; въ четыре вьючатъ небольшимъ вьюкомъ, а въ пять лѣтъ животное уже вполнѣ готово для работы.

Подъ вьюкомъ верблюдъ можетъ ходить до глубокой старости, т. е. лѣтъ до двадцати пяти, а иногда и болѣе; лучшимъ временемъ считается періодъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ. Живетъ верблюдъ болѣе тридцати лѣтъ, а при хорошихъ условіяхъ даже до сорока.

Для переноски тяжестей, верблюда предварительно сѣдлаютъ, а за тѣмъ уже кладутъ на него вьюкъ. Въ Халхѣ для каждаго сѣдла употребляется шесть или даже восемь войлоковъ, которыми обвертываютъ горбы и спину животнаго; затѣмъ на войлоки кладутся особыя деревянныя палки, на которыя давитъ вьюкъ [1]). Въ южной Монголіи вмѣсто войлоковъ чаще употребляются, набитые соломою мѣшки (бамбаи), къ которымъ уже прикрѣпляются палки. Хорошее вьюченье – вопросъ первостепенной важности для караванной ѣзды, такъ какъ плохо завьюченный верблюдъ скоро сбиваетъ себѣ спину и дѣлается негоднымъ къ службѣ, пока рана не заживетъ. Для скорѣйшаго леченія такой ссадины, монголы каждый день обливаютъ ея своею мочею, или промываютъ соленою водою; иногда же даютъ собакамъ сгрызать струпъ и зализывать рану. Подобныя сбоины всего труднѣе залечиваются лѣтомъ, когда мухи кладутъ въ нихъ свои яйцы.

Осенью, передъ отправленіемъ въ караванъ, монголы предварительно выдерживаютъ безъ пищи своихъ, откормившихся лѣтомъ, верблюдовъ, въ теченіи десяти и болѣе дней [2]). Всѣ это время верблюды стоятъ возлѣ юрты, привязанными за бурундуки къ длинной веревкѣ, протянутой по землѣ и прикрѣпленной къ кольямъ, вбитымъ въ почву. Пищи имъ не даютъ вовсе и только, черезъ два дня въ третій, водятъ на водопой. Подобное постничество передъ работою необходимо для верблюда, у котораго черезъ это, по сло-

[1]) Вьюкъ всегда крѣпко привязывается къ сѣдлу веревками; исключеніе составляютъ чайные ящики, которые только пристягиваются одинъ къ другому поверхъ сѣдла.

[2]) Одинъ изъ нашихъ калганскихъ купцовъ увѣрялъ меня, что онъ выдерживалъ такимъ образомъ своихъ верблюдовъ безъ пищи (но только съ водопоемъ черезъ два дня) въ теченіи семнадцати сутокъ.

Digitized by Google

вамъ монголовъ, опадаетъ брюхо и дѣлается прочнѣе запасенный лѣтомъ жиръ.

Средняя величина вьюка, который можетъ нести верблюдъ безъ отягощенія, равняется двѣнадцати пудамъ. Столько обыкновенно кладутъ въ чайныхъ караванахъ, гдѣ на каждое животное вьючатъ четыре ящика чаю, каждый вѣсомъ въ три пуда. Нелегченые самцы (буруны) могутъ поднимать пятнадцать пудовъ и имъ прибавляется пятый ящикъ чаю. Впрочемъ количество буруновъ у монголовъ не велико; ихъ держатъ только для приплода. Ко вьючной же ѣздѣ они менѣе пригодны, чѣмъ атаны, или даже самки, такъ какъ въ періодъ течки дѣлаются очень злы и безпокойны.

Кромѣ вѣса вьюка важенъ и его объемъ. Слишкомъ громоздкій вьюкъ неудобенъ, такъ какъ вѣтеръ, напирая на него, мѣшаетъ свободно идти животному; равно и слишкомъ тяжелая, при маломъ объемѣ, кладь скоро портитъ спину верблюда, такъ какъ давленіе въ этомъ случаѣ производится только на небольшую поверхность сѣдла. Монголы, при перевозкѣ серебра, никогда не вьючатъ болѣе семи пудовъ на того же самаго верблюда, на котораго свободно кладутъ двѣнадцать пудовъ чаю. Съ обыкновеннымъ вьюкомъ верблюдъ легко проходитъ верстъ сорокъ въ сутки, и можетъ идти такъ безъ перерыва цѣлый мѣсяцъ. Затѣмъ, отдохнувъ дней десять, или недѣли двѣ, онъ опять готовъ въ подобное путешествіе, и работаетъ такимъ образомъ цѣлую зиму, т. е. мѣсяцевъ шесть или семь. За то къ концу подобнаго сезона верблюдъ страшно худѣетъ, и монголъ отпускаетъ его на цѣлое лѣто въ степь для поправки. Подобный отпускъ крайне необходимъ для описываемаго животнаго, которое, въ противномъ случаѣ, не можетъ прослужить болѣе года. Мы въ экспедиціи, главнымъ образомъ, оттого много и теряли верблюдовъ, что ходили на нихъ круглый годъ и при томъ цѣлое лѣто безъ отдыха.

На лѣтнемъ кормѣ и на свободѣ верблюдъ снова жиреетъ къ осени и обростаетъ новою шерстью. Собственно линяніе начинается въ мартѣ и къ концу іюня шерсть вся вылѣзаетъ, такъ что верблюды становятся совершенно голыми. Въ это время они очень чувствительны къ дождю, холоду и вообще ко всемъ измѣненіямъ атмосферы. Тѣло ихъ слабо и даже небольшой вьюкъ скоро сбиваетъ спину; словомъ, это періодъ болѣзни верблюда. Затѣмъ его тѣло начинаетъ покрываться мелкою, какъ бы мышиною, шерстью, которая окончательно выростаетъ лишь къ концу сентября. Тогда самцы, въ особенности буруны, довольно красивы, съ своими длинными гривами подъ низомъ шеи и на голеняхъ переднихъ ногъ.

Digitized by Google

Во время пути съ караваномъ зимою, верблюдовъ никогда не разсѣдлываютъ и, по приходѣ на мѣсто, тотчасъ же пускаютъ на покормку; лѣтомъ же, въ жары, ихъ необходимо разсѣдлывать каждый день, иначе вспотѣвшая спина скоро сбивается. Такое разсѣдлываніе лѣтомъ производится не тотчасъ, лишь снимутся вьюки, но спустя часъ или два, пока верблюды не много остынутъ. Тогда ихъ можно уже пускать и на покормку, или поить, но въ сильный жаръ необходимо покрывать спину войлокомъ, иначе солнце такъ нажжетъ это мѣсто, что оно скоро собьется подъ вьюкомъ. Словомъ, лѣтомъ съ верблюдами въ караванѣ множество возни и все таки невозможно избѣгнуть, чтобы большая часть ихъ не испортилась. Монголы, полные знатоки такого дѣла, ни за какія блага не ходятъ лѣтомъ въ караванѣ на верблюдахъ; мы же, конечно, преслѣдовали другія цѣли, а потому и портили много своихъ животныхъ.

Верблюдъ чрезвычайно любитъ общество себѣ подобныхъ и въ караванѣ идетъ до послѣднихъ силъ. Если онъ остановился отъ истомленія и легъ, то ни какіе побои [1]) не заставятъ подняться бѣдное животное, которое мы обыкновенно бросали на произволъ судьбы. Монголы, въ подобныхъ случаяхъ, ѣдутъ въ ближайшую юрту и поручаютъ тамошнимъ хозяевамъ своего уставшаго верблюда, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обыкновенно выхаживается, если только имѣетъ пищу и питье.

Верблюдъ, увязшій въ грязи, также всегда портится и начинаетъ быстро худѣть; впрочемъ, такіе случаи бываютъ рѣдки, такъ какъ въ Монголіи вовсе нѣтъ болотъ. Послѣ дождя описываемое животное не можетъ ходить по глинистой почвѣ; оно скользитъ на своихъ гладкихъ подошвахъ и падаетъ. Однако съ верблюдами возможно ходить по горамъ, даже самымъ высокимъ. Мы сами испытали это, пройдя два раза по пяти сотъ верстъ черезъ Гань-су и переваливъ здѣсь, въ каждый изъ концевъ, по восьми перевалоъ не ниже 12 т. ф. надъ уровнемъ моря. Правда, наши верблюды сильно попортились въ этихъ горахъ, но все таки показали, что съ ними возможно идти черезъ любыя альпы. При слѣдованіи въ Лассу черезъ сѣверный Тибетъ, верблюды поднимаются на перевалы въ шестнадцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и даже болѣе, хотя часто гибнутъ здѣсь отъ разрѣженія воздуха. Правда, верблюды побывавшіе на подобныхъ высотахъ считаются на всегда испорченными и, по словамъ монголовъ, никогда уже не поправляются на пастбищахъ болѣе

[1]) Верблюды весьма чувствительны къ побоямъ, такъ что сильный ударъ плетью заставляетъ тѣло въ этомъ мѣстѣ распухнуть.

Digitized by Google

низкой Халхи. Наоборотъ, Халхаскіе верблюды, приведенные на Куку-норъ, имѣющій вдвое большую абсолютную высоту, чувствуютъ себя здѣсь хорошо, и скоро отъѣдаются на солонцеватыхъ лугахъ по берегамъ названнаго озера.

Лѣтомъ верблюды цѣлый день бродятъ по степи безъ всякаго присмотра, и только разъ въ сутки приходитъ къ колодцу своего хозяина для водопоя. Во время же пути съ караваномъ ихъ укладываютъ на ночь возлѣ палатки, рядомъ одинъ возлѣ другого, и привязываютъ бурундуками ко вьюкамъ, или къ протянутой веревкѣ. Въ сильные холода зимою погоньщики-монголы часто сами ложатся между верблюдами, чтобы потеплѣе провести ночь. Во время пути въ караванѣ, верблюды привязываются одинъ къ другому за бурундуки, которые не должны прикрѣпляться на глухо, иначе животное прорветъ себѣ носъ, въ случаѣ если сильно рванется въ сторону, или попятится назадъ.

Кромѣ переноски вьюковъ, верблюдъ годится для верховой ѣзды и даже можетъ быть запряженъ въ телѣгу. Подъ верхъ верблюда сѣдлаютъ тѣмъ же сѣдломъ, что и лошадь; затѣмъ садится всадникъ и заставляетъ животное встать. Для слѣзанія обыкновенно кладутъ верблюда, хотя, при поспѣшности, можно и прямо спрыгнуть со стремени. Подъ верхомъ верблюдъ идетъ шагомъ или бѣжитъ рысью; голопомъ, или вскачь, онъ не пускается. За то рысь у нашего животнаго такова, что его догонитъ развѣ только отличный скаковой конь. Въ сутки на верховомъ верблюдѣ можно сдѣлать верстъ сто, и ѣхать такимъ образомъ на одномъ и томъ же животномъ цѣлую недѣлю.

Кромѣ пользы, какъ отъ вьючнаго и отъ верховаго животнаго, монголы получаютъ отъ верблюда шерсть и молоко. Послѣднее густо какъ сливки, но сладко и непріятно на вкусъ; масло, приготовляемое изъ этого молока, также далеко хуже коровьяго и много походитъ на перетопленное сало. Изъ верблюжьей шерсти монголы вьютъ веревки, но большею частію продаютъ ея китайцамъ; для сбора этой шерсти животное стригутъ въ то время, когда оно начинаетъ линять, т. е. въ мартѣ.

Не смотря на свое желѣзное здоровье, верблюдъ, привыкшій жить постоянно въ сухомъ воздухѣ пустыни, чрезвычайно боится сырости. Когда наши верблюды пролежали нѣсколько ночей на сырой почвѣ горъ Гань-су, то всѣ они простудились и начали кашлять, а на тѣлѣ у нихъ стали появляться какіе то гнойные нарывы. И если бы мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не ушли на Куку-норъ, то всѣ наши животныя непремѣнно бы передохли, какъ то дѣй-

Digitized by Google

ствительно случилось съ верблюдами одного ламы, пришедшаго въ Гань-су вмѣстѣ съ нами.

Изъ болѣзней, верблюдовъ всего чаще поражаетъ чесотка, *хомунъ* по монгольски. У заболѣвшаго животнаго все тѣло покрывается мало-по-малу гнойными язвами, шерсть вылѣзаетъ и, въ конецъ концовъ, верблюдъ издыхаетъ. Кромѣ чесотки, у верблюдовъ иногда бываетъ сапъ. Отъ первой болѣзни монголы лечатъ козлинымъ супомъ, который льютъ въ горло животнаго, а самыя язвы присыпаютъ жженымъ купоросомъ, нюхательнымъ табакомъ, или выжигаютъ порохомъ. На Куку-норѣ всѣ болѣзни верблюдовъ и другихъ домашнихъ животныхъ лечатся ревенемъ, но вездѣ монголы держатъ въ строгомъ секретѣ способы своего леченія. Въ сырую погоду верблюды часто заболѣваютъ кашлемъ; тогда для нихъ самое лучшее лекарство ѣсть кусты тамарикса, который въ изобиліи растетъ по долинѣ Хуанъ-хэ, и изрѣдка встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ южной Монголіи.

Во время караванныхъ хожденій, въ особенности по тѣмъ мѣстамъ Гоби, гдѣ много мелкой гальки, верблюды часто протираютъ себѣ подошвы ногъ, начинаютъ хромать и затѣмъ вовсе не могутъ идти. Тогда монголы связываютъ ноги хромому верблюду, валятъ его на землю и подшиваютъ къ протертой подошвѣ кусокъ толстой шкуры. Операція эта весьма мучительна, такъ какъ для подшивки служитъ широкое шило, которымъ протыкаются дырки прямо въ подошвѣ животнаго; за то, послѣ починки лапы, верблюдъ скоро перестаетъ хромать и по прежнему несетъ вьюкъ.

....24-го апрѣля утромъ мы вновь стояли въ той точкѣ окрайняго монгольскаго хребта, откуда начинается спускъ къ Калгану. Опять подъ нашими ногами раскинулась величественная панорама горъ, за которыми виднѣлись зеленыя, какъ изумрудъ, равнины Китая. Тамъ царила уже полная весна, между тѣмъ какъ сзади, на нагорьи, природа только что начинала просыпаться отъ зимняго оцѣпененія. По мѣрѣ спуска по ущелью, сильно ощущалось близкое вліяніе теплыхъ равнинъ; въ самомъ же Калганѣ мы нашли деревья уже покрытыя листьями, а въ окрестныхъ горахъ собрали до тридцати видовъ цвѣтущихъ растеній.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Юго-восточная окраина Монгольскаго нагорья.

(Продолженіе).

Слѣдованіе изъ Калгана на Желтую рѣку. — Миссіонерская станція Си-инза. — Хребты Шара-хада и Сума-хада. — Каменный баранъ или аргали. — Аймаки Уротовъ и западныхъ Тумытовъ. — Навязчивость монголовъ. — Недружелюбіе и плутовство китайцевъ. — Хребетъ Инъ-Шань. — Кумирня Батгаръ-Шейлунъ. — Горная антилопа. — Горы Муни-ула. — Ихъ лѣсная и альпійская область. — Преданіе о происхожденіи этихъ горъ. — Наше двухнедѣльное пребываніе въ нихъ. — Посѣщеніе города Бауту. — Переправа черезъ Хуанъ-хэ въ Ордосъ.

Двухмѣсячное хожденіе въ юго-восточномъ углу Монголіи дало намъ возможность ознакомиться съ характеромъ предстоящаго путешествія и оцѣнить, до нѣкоторой степени, ту обстановку, которая насъ ожидаетъ въ дальнѣйшемъ странствованіи. Недружелюбіе населенія, не разъ высказывавшееся то въ той, то въ другой формѣ, ясно показывало, что намъ не найдти друзей впереди, и что, слѣдовательно, во всемъ безъ исключенія, мы должны полагаться лишь на самихъ себя. Обаяніе впечатлѣнія, какое производитъ имя европейца на трусливый мѣстный людъ, надежда на счастіе, наконецъ, увѣренность въ томъ, что смѣлостію можно творить чудеса — вотъ тѣ данныя, на которыхъ мы основали свою рѣшимость пуститься впередъ, очертя голову, безъ разсужденія о томъ, что будетъ, или что можетъ быть...

Въ Калганѣ караванъ нашъ переформировался. Сюда прибыли теперь изъ Кяхты два новыхъ казака, назначенные въ нашу экспедицію, а бывшіе мои спутники должны были возвратиться домой. Одинъ изъ новыхъ казаковъ былъ бурятъ, а другой русскій; первый долженъ былъ служить переводчикомъ, а второй заправлять хозяйствомъ. Въ то же время эти казаки, вмѣстѣ съ нами, должны были исполнять всѣ работы экспедиціи, какъ-то: вьючить и пасти верблюдовъ, сѣдлать лошадей, устанавливать палатку, собирать на топливо аргалъ и пр., и пр. Все это вмѣстѣ составляло безпрерыв-

Digitized by Google

ную работу, которая тѣмъ чувствительнѣе оказывалась для насъ, что отрывала много времени отъ научныхъ занятій. Однако, иначе устроиться не было возможности, такъ какъ, при скудныхъ средствахъ экспедиціи, я не могъ взять съ собою болѣе двухъ казаковъ; нанять же въ подмогу имъ монгола, или китайца, нельзя было ни за какія деньги.

Число нашихъ вьючныхъ животныхъ увеличилось теперь покупкою новаго верблюда, такъ что всего состояло на лицо восемь верблюдовъ и двѣ лошади. На послѣднихъ ѣхали мы съ М. А. Пыльцовымъ; два верблюда были подъ верхомъ у казаковъ, а остальные шесть тащили вьюки, всего вѣсомъ, я думаю, пудовъ до пятидесяти; лягавая собака, Фаустъ, довершала собою составъ нашего небольшаго каравана.

Когда всѣ сборы были окончены, мы съ товарищемъ написали, въ послѣдній разъ, нѣсколько писемъ на родину, и 3-го мая вновь поднялись на Монгольское нагорье. На слѣдующій же день мы свернули съ Кяхтинскаго пути влѣво, и направились къ западу по почтовой дорогѣ, ведущей въ г. Куку-хото. Въ продолженіи трехъ дней, путь нашъ лежалъ по холмистой степи, занятой кочевьями монголовъ, а затѣмъ явилось китайское населеніе, которое спорадически встрѣчается по всей юго-восточной окраинѣ Монголіи. Китайцы селятся здѣсь пріобрѣтая у монголовъ годныя къ обработкѣ земли, покупкою или арендным содержаніемъ. Съ каждымъ годомъ число такихъ землепашцевъ увеличивается, такъ что культура распространяется здѣсь болѣе и болѣе, оттѣсняя къ сѣверу коренныхъ обитателей степи — монгола съ его стадами и быстроногаго дзерена.

Проходя китайскими деревнями, мы неожиданно встрѣтили въ одной изъ нихъ, именно въ *Си-инза*, католическихъ миссіонеровъ, которые учредили здѣсь свою станцію. Всѣхъ миссіонеровъ трое — два бельгійца и одинъ голландецъ [1]). Впрочемъ, въ это время въ Синзѣ находился только одинъ проповѣдникъ, а два другихъ его товарища жили, верстахъ въ сорока отсюда южнѣе, въ деревнѣ *Ел-ши-сань-фу*. Мы встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны патера находившагося въ Си-инза и, по его предложенію, на слѣдующій день поѣхали вмѣстѣ къ другимъ его товарищамъ, гдѣ нашли не меньшее гостепріимство. Въ разговорахъ съ нами миссіонеры жаловались на то, что христіанская пропаганда весьма туго распространяется между монголами, столь приверженными къ буд-

[1]) Въ концѣ 1871 года въ эту станцію прибылъ еще одинъ миссіонеръ изъ Европы.

Digitized by Google

дизму. Среди же индиферентныхъ въ дѣлѣ религіи китайцевъ проповѣдь идетъ успѣшнѣе, хотя и здѣсь крещеніе принимаютъ большею частію изъ матеріальныхъ выгодъ. Продажность и безнравственность мѣстнаго люда, по словамъ миссіонеровъ, превосходитъ всякое описаніе. Для большаго успѣха своего дѣла, миссіонеры устроили училище для китайскихъ мальчиковъ. Послѣднихъ проповѣдники содержатъ на свой счетъ, и только подобная приманка заставляетъ китайцевъ отдавать сюда дѣтей на воспитаніе. Основавшись еще недавно въ Си-инза, миссіонеры намѣрены были выстроить здѣсь церковь и европейскій домъ. Дѣйствительно, когда, спустя десять мѣсяцевъ, мы снова проходили черезъ эти мѣста, двухэтажный довольно большой домъ былъ уже готовъ, и въ немъ жили всѣ три проповѣдника.

Кромѣ Си-инза, въ юго-восточной Монголіи еще четыре пункта заняты католическими миссіонерами (іезуитами), именно: деревня Си-ванза, верстахъ въ пятидесяти къ сѣверо-востоку отъ Калгана; потомъ, одинъ проповѣдникъ обитаетъ возлѣ г. Жэ-хэ; другой къ сѣверу отъ г. Ню-чжуана и, наконецъ, еще одинъ въ верховьяхъ р. Шара-мурени, возлѣ «Черныхъ водъ», откуда Гюкъ и Габе начали, въ 1844 году, свое путешествіе въ Тибетъ.

Въ Ель-ши-санъ-фу мы видѣли бывшаго спутника Гюка — *Самдашембу*. Этотъ человѣкъ, настоящее имя котораго *Сэнъ-тэнъ-чимба*, родомъ полу-монголъ, полу-тангутъ, имѣетъ пятьдесятъ пять лѣтъ отъ роду, и пользуется еще очень хорошимъ здоровьемъ. Самдашемба много разсказывалъ намъ о различныхъ приключеніяхъ своего путешествія, равно какъ и о мѣстностяхъ, по которымъ лежалъ путь; но на предложеніе отправиться вновь въ Тибетъ съ нами отказался, говоря, что уже старъ для подобнаго путешествія.

По рекомендаціи миссіонеровъ, мы наняли въ Си-инза, за пять ланъ въ мѣсяцъ, одного крещеннаго монгола, для присмотра за верблюдами и какъ работника въ помощь къ нашимъ казакамъ. Кромѣ того, этотъ монголъ зналъ хорошо по китайски, такъ что, въ случаѣ нужды, мы надѣялись имѣть въ немъ и переводчика. Однако всѣ эти надежды разрушились очень скоро. На первомъ же переходѣ нашъ новый спутникъ убѣжалъ, укравши у насъ ножъ и револьверъ. Все это онъ сотворилъ ночью и, вѣроятно, заранѣе обдумалъ свой планъ, такъ какъ съ вечера легъ съ нашими казаками не раздѣваясь.

Чтобы предупредить миссіонеровъ о подобномъ поступкѣ ихъ крестника, я съѣздилъ въ Си-инза и разсказалъ какъ было дѣло. Миссіонеры обѣщали мнѣ принять всѣ мѣры къ отысканію вора,

Digitized by Google

мать котораго пасла у нихъ коровъ и, дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, когда мы ушли уже довольно далеко, насъ догналъ посланный китаецъ и принесъ револьверъ; послѣдній былъ отобранъ миссіонерами у самого вора, который разсчитывая, что мы ушли, вернулся, черезъ нѣсколько дней, въ свою юрту.

Вышеприведенный случай послужилъ намъ хорошимъ урокомъ и еще разъ убѣдилъ ни въ чемъ не довѣрять мѣстному люду. Во избѣжаніе ночнаго воровства, рѣшено было съ этихъ поръ по очередно караулить ночью. Мы съ товарищемъ дежурили, каждый по два часа, до полуночи, а затѣмъ до разсвѣта караулили казаки. Правда, подобныя дежурства были чрезвычайно утомительны послѣ всѣхъ трудовъ дня, но они являлись необходимостію, по-крайней-мѣрѣ на первое время пути, среди враждебнаго населенія. Въ бдительности заключалась вся наша сила, такъ какъ можно было ручаться, что, трусливый до безобразія, мѣстный людъ никогда не рѣшится сдѣлать открытое нападеніе на четырехъ хорошо вооруженныхъ «заморскихъ чертей».

Ночные караулы продолжались у насъ недѣли двѣ, но потомъ мы ихъ прекратили и удовольствовались тѣмъ, что всегда спали съ ружьями и револьверами подъ изголовьемъ.

Послѣ распросовъ, сдѣланныхъ съ помощію миссіонеровъ въ деревнѣ Си-инза, мы рѣшили нѣсколько измѣнить свой путь и, минуя Куку-хото, направиться сѣвернѣе этого города, прямо на большія лѣсныя горы, которыя, по словамъ китайцевъ, стоятъ на самомъ берегу Желтой рѣки. Для насъ подобное измѣненіе маршрута было очень радостно, такъ какъ мы прямо попадали въ такія мѣста, которыя, по всему вѣроятію, могли доставить большую научную добычу; во-вторыхъ, мы избавлялись отъ посѣщенія китайскаго города, гдѣ всѣ непріятности отъ мѣстнаго люда, обыкновенно, увеличиваются до крайности.

Миновавъ небольшую кумирню *Тшортши*, которую описываетъ въ своемъ путешествіи Гюкъ [1]), мы вышли къ озеру *Кыры-норъ* [2]), и свернули здѣсь вправо съ Куку-хотосской почтовой дороги [3]). На противоположной сторонѣ обширной равнины, раскинувшейся теперь передъ нами, ясно виднѣлся горный кряжъ, извѣстный у монголовъ подъ

[1]) Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. I, p. 127.

[2]) Озеро *Кыры-норъ* лѣтомъ высыхаетъ. Въ десяти верстахъ къ сѣверо-вост. отъ этого озера видны остатки какихъ-то старинныхъ валовъ; другой валъ, вѣроятно бывшій пограничнымъ, мы видѣли въ той же равнинѣ Кыры-нора, недалеко отъ хребта Шара-хада.

[3]) Почтовыя станціи на этой дорогѣ содержатся монголами.

Digitized by Google

именемъ *Шара-хада*, т. е. Желтый хребетъ. Такое названіе присвоено этимъ горамъ, вѣроятно, по обилію желтоватыхъ известковыхъ скалъ, которыми онѣ обрываются къ долинѣ Кыры-нора. Возвышеніе описываемаго хребта надъ упомянутою долиною не превосходитъ тысячи футъ, но особенность его заключается въ томъ, что, поднимаясь отвѣсными обрывами съ долины Кыры-нора, горы представляютъ далѣе, на всю свою ширину, холмистое плато съ превосходными степными пастбищами, на которыхъ даже держатся дзерены. На противоположной, т. е. западной сторонѣ, Шара-хада менѣе обрывистъ, хотя и здѣсь склонъ его обозначенъ рѣзкою полосою крутыхъ скатовъ. Ширина описываемаго хребта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы его перешли, около двадцати-семи верстъ, а общее направленіе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку.

На юго-восточной окраинѣ Шара-хада, въ неширокой скалистой полосѣ, появляются кустарники, среди которыхъ преобладаютъ: *лещина* (Ostryopsis Davidiana), *желтый шиповникъ* (Rosa pimpinellifolia), *дикій персикъ* (Prunus sp.) и *таволга* (Spiraea sp.). Нѣсколько рѣже встрѣчаются: *барбарисъ* (Berberis sp.), *таранушка* (Ribes pulchellum), *кизильникъ* (Cotoneaster sp.), *жимолость* (Lonicera sp.) и *можжевельникъ* (Juniperus communis). Въ этихъ кустарникахъ мы встрѣтили въ первый разъ въ Монголіи довольно много насѣкомыхъ, такъ что мой товарищъ, собиравшій энтомологическую коллекцію, нашелъ здѣсь хорошую поживу.

Параллельно горамъ Шара-хада, въ разстояніи отъ нихъ около пятидесяти верстъ, тянется другой хребетъ *Сума-хада* [1]), который несетъ болѣе дикій характеръ. Впрочемъ скалы и альпійскія формы здѣсь также развиты лишь на окраинахъ хребта, который за тѣмъ внутри представляетъ мягкія очертанія и довольно пологіе скаты, покрытые превосходною травою, мѣстами даже обработанные китайцами.

Абсолютная высота описываемыхъ горъ болѣе, нежели Шара-хада [2]), но возвышеніе надъ окрестными равнинами у обоихъ хребтовъ почти одинаково. Характерное же отличіе Сума-хада заключается въ томъ, что всѣ скалы, которыя состоятъ здѣсь почти исключительно изъ гранита, имѣютъ округленныя бока и обтертыя, сглаженныя поверхности, такъ что носятъ несомнѣнные слѣды дѣйствія ледниковъ.

Въ скалистой полосѣ описываемыхъ горъ также растутъ ку-

---

[1]) Шара-хада и Сума-хада, вѣроятно, составляютъ отроги окрайняго хребта монгольскаго нагорья, но не продолжаются далеко къ сѣверу.

[2]) Абсолютная высота подошвы Сума-хада, въ юго-восточной его окраинѣ составляетъ 5,600 фут.

Digitized by Google

старники, тѣхъ же самыхъ породъ, что и въ Шара-хада; кромѣ того, изъ деревьевъ мы нашли здѣсь: *ильмъ* (Ulmus sp.) *ольху* (Alnus sp.) и *клена* (Acer Ginnala); послѣдній, впрочемъ, довольно рѣдокъ. Замѣчательно, что какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ горахъ Монголіи, безъ изъятія, кустарная и древесная растительность развивается исключительно на сѣверныхъ склонахъ горъ и ущелій; даже въ невысокихъ холмахъ Гучинъ-гурбу и тамъ кустарники растутъ преимущественно на сѣверной сторонѣ каждаго холма.

Въ горахъ Сума-хада мы въ первый разъ встрѣтили самое замѣчательное животное высокихъ нагорій Средней Азіи, именно горнаго барана или *аргали* (Ovis Argali)[1]). Этотъ звѣрь, достигающій величины лани, держится въ описываемыхъ горахъ тамъ, гдѣ въ изобиліи находятся скалы; впрочемъ весною, когда молодая зелень лучше на луговыхъ скатахъ горъ, аргали иногда встрѣчаются здѣсь вмѣстѣ съ дзеренами.

Аргали держатся постоянно разъ избраннаго мѣста, и часто одна какая нибудь гора служитъ жилищемъ для цѣлаго стада, въ теченіи многихъ лѣтъ. Конечно, это возможно только въ томъ случаѣ, если звѣрь не преслѣдуется человѣкомъ, что дѣйствительно происходитъ въ горахъ Сума-хада. Живущіе здѣсь монголы и китайцы почти вовсе не имѣютъ оружія и притомъ такіе плохіе охотники, что не могутъ убить аргали, конечно не изъ состраданія къ этому животному, а просто по неумѣнію. Звѣри, съ своей стороны, до того привыкли къ людямъ, что часто пасутся вмѣстѣ съ монгольскимъ скотомъ и приходятъ на водопой къ самымъ монгольскимъ юртамъ. Съ перваго раза мы не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, когда увидѣли, не далѣе полуверсты отъ нашей палатки, стадо красивыхъ животныхъ, которыя спокойно паслись по зеленому скату горы. Ясно было, что аргали еще не знаютъ въ человѣкѣ своего заклятаго врага и не знакомы съ страшнымъ оружіемъ европейца.

Проклятая буря, свирѣпствовавшая тогда цѣлыя сутки, не давала намъ возможности тотчасъ же отправиться на охоту за такими чудными звѣрями и, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, мы съ товарищемъ ожидали, пока уймется вѣтеръ. Однако на первой охотѣ мы не убили ничего, именно потому, что еще не были знакомы съ характеромъ аргали, и притомъ до того горячились, видя красиваго звѣря, что сдѣлали нѣсколько промаховъ на близкомъ разстояніи. Слѣдующая охота поправила эту неудачу и мы убили двухъ старыхъ самокъ.

[1]) Именемъ «*аргали*» монголы называютъ самку этого барана; самецъ же называется *угольдзе;* китайское имя аргали — *пань-янъ*.

Digitized by Google

Аргали превосходно видитъ, слышитъ и чуетъ по вѣтру. Если бы это животное не было такъ довѣрчиво къ человѣку въ горахъ Сума-хада, то охота за нимъ представляла бы великія трудности. Здѣсь же аргали до того привыкли къ людямъ, что спокойно смотрятъ на охотника, когда тотъ находится въ разстояніи пятисотъ шаговъ.

Самое лучшее время для охоты—утро и вечеръ. Съ разсвѣтомъ, аргали выходятъ пастись на горныя лужайки, всего чаще на вершинахъ горъ, а въ сильно вѣтряную погоду — между скалами. Обыкновенно они ходятъ небольшими обществами отъ 5—15 экземпляровъ, и очень рѣдко въ одиночку. Во время покормки, то одинъ, то другой звѣрь поднимаются на ближайшую скалу, осмотрѣть окрестности; постоявъ тамъ нѣсколько минутъ, а иногда полчаса, сторожъ сходитъ къ своимъ и принимается за ѣду. Впрочемъ, въ Сума-хада аргали до того увѣрены въ своей безопасности, что часто не высылаютъ сторожей и пасутся въ ложбинахъ между скалами, гдѣ подкраться къ нимъ, на близкое разстояніе, очень легко. Послѣ утренней покормки, описываемые звѣри ложатся отдыхать, всего чаще въ скалахъ, и проводятъ здѣсь время до вечера.

Выстрѣлъ поражаетъ стадо ужасомъ; оно со всѣхъ ногъ бросается въ противоположную сторону, но отбѣжавъ немного, останавливается разсмотрѣть, въ чемъ опасность. Иногда аргали продолжаютъ стоять такъ долго, что спрятавшемуся охотнику, можно успѣть вновь зарядить даже и не скорострѣльное ружье. Монголы говорили намъ, что если повѣсить какой нибудь предметъ (напр. одежду), который обратитъ на себя вниманіе аргали, то звѣри долго будутъ стоять на одномъ мѣстѣ, разсматривая диковинку, а охотникъ, тѣмъ временемъ, можетъ подкраться къ нимъ съ удобной стороны. Самъ я только однажды испыталъ подобный способъ, повѣсивъ, на воткнутый въ землю шомполъ, свою красную рубашку и привлекши этимъ, на четверть часа, вниманіе убѣгавшаго стада.

Убить на повалъ аргали чрезвычайно трудно, такъ какъ онъ удивительно крѣпокъ на рану. Случалось, что пробитый пулею насквозь въ грудь, съ разорванными внутренностями, звѣрь еще пробѣгалъ нѣсколько сотъ шаговъ и только тамъ падалъ мертвымъ. Если одинъ изъ стада убитъ и упалъ, то остальные его товарищи обыкновенно останавливаются, отбѣжавъ немного, и смотрятъ на своего собрата; въ это время они дѣлаются еще смѣлѣе, относительно охотника. Голоса аргали я никогда не слыхалъ.

Періодъ течки описываемыхъ животныхъ происходитъ, по словамъ монголовъ, въ августѣ, но долго ли продолжается—не знаю. Въ это

Digitized by Google

время самцы часто дерутся между собою, и можно себѣ представить каковы бываютъ удары роговъ, пара которыхъ у взрослаго животнаго вѣситъ болѣе пуда. Самка ходитъ беременною около семи мѣсяцевъ, и въ мартѣ родитъ одного, рѣдко двухъ, дѣтенышей. Маленькій аргали вскорѣ всюду слѣдуетъ за матерью и не отстаетъ отъ нея въ прыганьи по скаламъ. Если самка убита, то молодой прячется по близости, лежитъ очень туго и вскакиваетъ лишь въ крайнемъ случаѣ. Съ молодыми самки ходятъ всего чаще по двѣ вмѣстѣ, или небольшими стадами, въ которыхъ бываютъ также и самцы; послѣдніе никогда не обижаютъ маленькихъ собратій и, за исключеніемъ времени течки, живутъ между собою въ мирѣ и согласіи.

Вообще аргали очень добрый звѣрь. Кромѣ человѣка, онъ подвергается преслѣдованію со стороны волковъ, которые иногда ловятъ неопытныхъ молодыхъ. Впрочемъ, это едва ли удается часто, такъ какъ аргали даже на ровномъ мѣстѣ бѣгаетъ очень быстро, а въ скалахъ, въ нѣсколько прыжковъ, далеко оставляетъ за собою своего преслѣдователя.

Разсказы о томъ, что самецъ, въ случаѣ опасности, бросается въ глубокія пропасти на свои рога, чтобы не разбиться, — чистѣйшая выдумка. Я лично нѣсколько разъ видѣлъ, какъ самецъ прыгалъ съ высоты отъ трехъ до пяти сажень, но онъ всегда падалъ на ноги и даже старался скользнутъ по скалѣ, чтобы уменьшить силу удара.

Кромѣ Сума-хада, въ юго-восточной Монголіи аргали водятся въ горахъ, окаймляющихъ сѣверный изгибъ Хуанъ-хэ и въ Алашаньскомъ хребтѣ; далѣе, въ горахъ Гань-су и въ Тибетѣ, этотъ звѣрь замѣняется другимъ, близко сроднымъ видомъ.

Прошелъ май, лучшій изъ весеннихъ мѣсяцевъ, но далеко не таковымъ былъ онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Постоянные вѣтры, преимущественно сѣверо-западные и юго-западные, продолжали господствовать съ такою же силою, какъ и въ апрѣлѣ; утренніе морозы стояли до половины описываемаго мѣсяца, а 24 и 25 числа были еще порядочныя мятели. Но рядомъ съ холодами выпадали, хотя и рѣдко, сильные жары, дававшіе чувствовать, что мы находились подъ 41° сѣв. шир. Притомъ, хотя погода по большей части стояла облачная, но дожди шли рѣдко, а это обстоятельство, вмѣстѣ съ перемежающимися холодами, сильно задерживало развитіе растительности. Даже въ концѣ мая трава только что поднималась отъ земли и, разсаженная рѣдкими кустиками, почти вовсе не прикрывала грязно-желтаго фона песчано-глинистой почвы здѣшнихъ сте-

Digitized by Google

пей. Правда, кустарники, изрѣдка растущіе по горамъ, большею частію были въ цвѣту, но эти кустарники, низкіе, корявые, усаженные колючками, притомъ же разбросанные небольшими кучами между камнями, мало оживляли общую картину горнаго ландшафта. Поля, обработываемыя китайцами, также еще не зеленѣли, такъ какъ, вслѣдствіе позднихъ морозовъ, хлѣба здѣсь сѣютъ обыкновенно въ концѣ мая, или въ началѣ іюня. Словомъ, на всей здѣшней природѣ виднѣлась печать апатіи и полнаго отсутствія энергичной жизни; все гармонировало между собою, хотя и въ отрицательную сторону. Даже пѣвчихъ птицъ было очень немного, да и тѣмъ некогда пѣть, при постоянныхъ буряхъ. Идешь бывало по долинамъ, или горамъ—и только изрѣдка запоетъ чекканъ, стренатка, или жаворонокъ, закаркаетъ воронъ, отрывисто свиснетъ пищуха и громко закричитъ клушица; затѣмъ все тихо, уныло, безжизненно...

Вблизи восточной окраины Сума-хада оканчивается земля цахаровъ и далѣе слѣдуетъ аймакъ *уротовъ*, который потянулся далеко къ западу до Ала-шаня. Къ югу уроты граничатъ съ Куку-хотоскими тумытами и Ордосомъ, къ сѣверу — съ сунитами и Халхою. Въ административномъ отношеніи описываемый аймакъ раздѣляется на шесть хошуновъ: *Дурбутъ*, *Минганъ*, *Барунъ-гунъ*, *Дунду-гунъ*, *Дзунъ-гунъ и Дарханъ-былъ*. Главное управленіе всѣхъ этихъ частей, т. е. стойбище аймачнаго князя, находится въ мѣстности *Уланъ-сабо* въ хошунѣ дурбутовъ.

Уроты, по наружности, много отличаются отъ Цахаровъ и гораздо болѣе напоминаютъ чисто-кровныхъ монголовъ; впрочемъ, нравственныя сторона ихъ также испорчена китайскимъ вліяніемъ.

Ближайшіе сосѣди уротовъ западные, или Куку-хотоскіе *тумыты*, главное управленіе которыхъ находится въ Куку-хото, сильно окитаились и, подобно цахарамъ, иногда живутъ въ однѣхъ деревняхъ съ китайцами, то въ юртахъ, то, рѣже, въ фанзахъ. Кой гдѣ у нихъ заводится земледѣліе, перенятое отъ китайцевъ, но оно, большею частію, находится въ самомъ жалкомъ состояніи.

Общее качество описываемыхъ монголовъ, присущее впрочемъ всѣмъ номадамъ—это страшная жадность къ деньгамъ. Въ подобномъ отношеніи монголы ни сколько не уступаютъ китайцамъ. За кусокъ серебра номадъ готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, и такая продажность съ пользою можетъ служить путешественнику, располагающему хорошими матеріальными средствами. Но нужно имѣть ангельское терпѣніе, чтобы входить въ какія нибудь денежныя сдѣлки съ монголами; въ самыхъ простыхъ случаяхъ непремѣнно явится множество затрудненій. Положимъ, необходимо купить барана — вещь,

Digitized by Google

кажется, сама по себѣ весьма не многотрудная; однако на дѣлѣ выходитъ иначе. Если вы вздумаете прямо прійти къ монголу, спросить о продажномъ баранѣ и предложить за него свою цѣну, то изъ десяти разъ девять не купите животное. Встрѣчая быструю сговорчивость, номадъ тотчасъ заподозрѣваетъ что его желаютъ надуть и, въ большей части случаевъ, вовсе отказывается отъ продажи.

Для того же, чтобы вести дѣло по общепринятому порядку, необходимо усѣсться сначала рядомъ съ продавцемъ, пить чай, распросить о здоровьѣ его скота и выслушать длинный разсказъ о томъ, какъ нынче все худо и какъ, въ особенности, дороги теперь бараны. Далѣе слѣдуетъ осмотръ, или правильнѣе ощупываніе продаваемаго животнаго, которое, по монгольскимъ понятіямъ, чѣмъ жирнѣе, тѣмъ вкуснѣе и слѣдовательно дороже. Возвратясь снова въ юрту, продавецъ и покупатель опять усаживаются пить чай и начинаютъ торговаться. При этомъ всегда запрашивается гораздо болѣе, а дается гораздо менѣе; въ антрактахъ идутъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, а также похвалы животнаго со стороны хозяина и охулѣніе со стороны покупщика.

Договоръ въ цѣнѣ дѣлается не на словахъ, а особеннымъ условнымъ пожиманіемъ пальцевъ, для чего одинъ изъ торгующихся спускаетъ пониже рукавъ, а другой всовываетъ туда свою руку, такъ что вся операція производится секретно. Подобная процедура существуетъ и въ Китаѣ, при многихъ торговыхъ сдѣлкахъ. Наконецъ, послѣ долгихъ рукожатій и взаимныхъ комплиментовъ, баранъ купленъ; затѣмъ начинается разсматриваніе серебра и вѣсовъ. Послѣдніе обыкновенно признаются малыми и продавецъ предлагаетъ свои, конечно далеко не безупречнаго качества. Поднимается споръ, который наконецъ кое-какъ улаживается, и серебро отвѣшено. Тогда, желая стянуть хотя что нибудь, хозяинъ проситъ отдать ему внутренности проданнаго барана, но обыкновенно получаетъ рѣшительный отказъ.

Вся вышеописанная процедура занимаетъ часа два времени, и мы не могли инымъ способомъ купить ни одного барана, во все время своего трехлѣтняго путешествія. Средняя цѣна барана въ юго-восточной Монголіи отъ 2—3 ланъ, т. е. отъ четырехъ до шести рублей на нашу звонкую монету. За то бараны у монголовъ дѣйствительно великолѣпные, въ особенности въ Халхѣ. Здѣсь взрослый жирный самецъ (*ыргынг*, т. е. легченый) даетъ отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ мяса, а иногда и болѣе; одинъ курдюкъ такого барана вѣситъ отъ 8—12 фунтовъ.

При покупкѣ молока встрѣчаются также не малыя затрудненія

Digitized by Google

и, въ облачную погоду, его вовсе не хотѣли намъ продавать. Впрочемъ, иногда монголка рѣшалась нарушить подобный обычай, соблазнившись иголками или красными бусами, которыя мы ей предлагали; въ такомъ случаѣ она просила вынести изъ юрты молоко подъ полою, чтобы небо не видало содѣяннаго прегрѣшенія. При этомъ нужно замѣтить, что молоко у монголовъ содержится крайне неопрятно. Случалось нѣсколько разъ, что монголъ, пріѣхавшій верхомъ и привезшій кувшинъ молока на продажу, замазывалъ крышку и носикъ этого кувшина свѣжимъ коровьимъ пометомъ, чтобы жидкость не расплескалась дорогою. Вымя коровы, при доеніи, никогда не моется, равно какъ и посуда, въ которую сливается молоко. Послѣднее довольно дорого, такъ что, покупая на деньги, мы обыкновенно платили на нашу монету отъ 5—10 копѣекъ за бутылку; масло же продавалось, среднимъ числомъ, отъ 40—60 копѣекъ за фунтъ.

Возня съ монголами не ограничивалась только покупкою у нихъ барановъ, что случалось довольно рѣдко, такъ какъ мы не могли широко расходовать свои ничтожныя деньги, а во-вторыхъ, намъ иногда и вовсе не хотѣли продавать. Послѣднее, впрочемъ, гораздо чаще мы встрѣчали отъ китайцевъ, вѣроятно желавшихъ выпроводить отъ себя непрошенныхъ гостей голодомъ. Тогда мы добывали продовольствіе охотою; зайцевъ и куропатокъ встрѣчалось такъ много, что мы били ихъ даже съ излишкомъ. Къ сожалѣнію, въ сильные жары нельзя было сохранить мясо долѣе сутокъ, такъ что, ради этого, мы иногда постничали въ мѣстностяхъ, не богатыхъ дичью.

Хотя по принятому нами рѣшенію, мы держали себя какъ можно дальше отъ мѣстнаго населенія, но все таки должны были, большею частію, разбивать свою палатку вблизи жилыхъ мѣстъ, такъ какъ только здѣсь можно было найдти воду. Въ подобныхъ случаяхъ мы выбирали изъ двухъ золъ меньшее, и старались присосѣдиться къ монголамъ. Послѣдніе обыкновенно тотчасъ же являлись въ нашу палатку съ распросами о томъ: кто мы такіе, куда ѣдемъ, что продаемъ и т. д. Разыгрывая роль купца, я, волею не волею, долженъ былъ принимать подобныхъ гостей, которые всегда просили показать товары, пересматривали ихъ и затѣмъ начинали торговаться. При этомъ курьезнымъ вопросамъ не было конца. Такъ напр., одинъ покупатель спрашивалъ продажнаго магнита, другой медвѣжьей желчи, третій дѣтскихъ игрушекъ, четвертый мѣдныхъ бурхановъ и т. д. Очень часто, послѣ часовой бесѣды, посѣтители уходили ничего не купивъ, говоря что очень дорого.

Digitized by Google

Торговля полностію была поручена казаку-буряту, весьма смышленному въ дѣлахъ подобнаго рода; однако продажа товаровъ очень туго подвигалась впередъ [1]), отнимая при томъ много времени у казака переводчика. При томъ же мѣстное населеніе, весьма опытное въ торговыхъ сдѣлкахъ, сразу понимало, что грошевая торговля не составляетъ истинной цѣли нашего путешествія, такъ какъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ, она не можетъ окупить издержекъ на вьючныхъ животныхъ. Наконецъ, мы никакимъ образомъ не могли избавиться отъ постоянныхъ посѣтителей, которые являлись подъ предлогомъ покупки товаровъ, и своею назойливостію до крайности мѣшали нашимъ научнымъ работамъ. Сообразивъ всѣ эти условія, я рѣшилъ, въ одинъ прекрасный день, прекратить свою торговую профессію; всѣ товары были сложены во вьюки, покупатели прогнаны и лавочка закрыта [2]). Самъ же я объявилъ себя съ этихъ поръ чиновникомъ (*ноіономъ*), путешествующимъ безъ всякой опредѣленной цѣли, просто для того, чтобы видѣть неизвѣстныя страны. Правда, въ подобное объясненіе мѣстные жители мало вѣрили, но мы обыкновенно говорили, что имъ до нашихъ цѣлей нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ объ этомъ знаетъ ихъ царь, который выдалъ билетъ на безпрепятственное путешествіе въ его землѣ.

За то какими свободными чувствовали мы теперь себя, когда дѣло пошло на чистоту и не нужно было притворствовать. Съ этихъ этихъ поръ всѣ лишніе посѣтители обыкновенно прогонялись, и мы принимали только тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ имѣли какую-либо необходимость. При подобныхъ посѣщеніяхъ, конечно, прежде всего устраивалось чаепитіе и затѣмъ начинались обоюдные разспросы. Разговоры монголовъ, обыкновенно, вертятся около трехъ предметовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ ихъ интереса для номадовъ: скотъ, лекарство и религія.

Первый предметъ, т. е. скотъ, составляетъ самую важную суть для монгола, такъ какъ этимъ мѣряется все его благосостояніе; поэтому при встрѣчѣ и спрашивается всегда о здоровьѣ скота прежде, чѣмъ о здоровьѣ хозяина, или его семьи.

Лекарства составляютъ другой предметъ всегдашнихъ разговоровъ монголовъ, чрезвычайно падкихъ на всякія леченія. Видя передъ собою европейца, котораго номады признаютъ, если не полубогомъ, то по-крайней-мѣрѣ великимъ колдуномъ, монголъ тотчасъ же старается извлечь пользу изъ столь необыкновеннаго человѣка

[1]) Не смотря на то, что на всѣ товары купленныя въ Пекинѣ, мы положили только отъ 25—30% ихъ стоимости на мѣстѣ.

[2]) Впослѣдствіи эти товары были проданы всѣ разомъ въ Ала-шанѣ.

Digitized by Google

и выпытат у него какой-нибудь секретъ, относительно леченія болѣзней. Мое собираніе растен й еще болѣе убѣждало мѣстный людъ въ томъ, что я непремѣнно докторъ по профессіи, а впослѣдствіи я и дѣйствительно попалъ въ великіе врачи, вылечивъ нѣсколькихъ человѣкъ хининомъ отъ лихорадки.

Наконецъ, религіозныя вѣрованія, поглотившія весь внутренній міръ номада, но не разъяснимыя въ своей сущности, стоятъ самымъ очереднымъ вопросомъ его умственной жизни. Поэтому монголъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, заводитъ разговоръ о религіи, ея обрядахъ, чудесахъ гыгеновъ и т. п. При этомъ онъ всегда является фанатикомъ и никогда не рѣшится сомнѣваться въ истинахъ своего ученія.

Превращеніе мое изъ купца въ чиновника оказалось весьма благопріятнымъ для нашего путешествія, такъ какъ мы могли теперь держать себя болѣе самостоятельно относительно мѣстнаго населенія, что неудобно было дѣлать подъ фирмою торговца. При столкновеніи съ такими людьми, каковы китайцы или монголы, привыкшіе уважать только силу, слишкомъ доброе, ласковое обращеніе ни къ чему не ведетъ; оно принимается за слабость и трусость. Наоборотъ, дерзкій тонъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, магически вліяетъ на мѣстный людъ и путешественникъ, съ подобною снаровкою, гораздо скорѣе достигнетъ своей цѣли. Я не проповѣдую этимъ кулачнаго обращенія, но хочу сказать, что отправляясь въ далекія страны Азіи, путешественникъ долженъ, по неволѣ, замѣнить многія изъ своихъ прежнихъ воззрѣній другими, болѣе практичными, по отношенію къ той сферѣ, среди которой ему придется вращаться.

Направляясь къ Желтой рѣкѣ и не имѣя проводника, мы шли по разспросамъ. Тутъ то и являлись великія затрудненія, разъ по незнанію нами китайскаго языка, а во-вторыхъ, по подозрительности и недружелюбію населенія, въ особенности китайскаго. Случалось, что намъ вовсе не хотѣли показывать дорогу, или, что еще хуже, указывали ее совсѣмъ въ иную сторону. Мы блудили почти на каждомъ переходѣ и иногда дѣлали по напрасну десятокъ, или болѣе верстъ.

Какъ на зло, приходилось часто идти по густому китайскому населенію, гдѣ всякія затрудненія еще болѣе увеличивались. Обыкновенно, при нашемъ проходѣ черезъ деревню, поднималась большая суматоха; всѣ старые и малые выбѣгали на улицу, лѣзли на заборы, или на крыши и смотрѣли на насъ съ тупымъ любопытствомъ. Собаки лаяли цѣлымъ кагаломъ и бросались драться къ нашему Фаусту; испуганныя лошади брыкались, коровы мычали, свиньи виз-

Digitized by Google

жали, куры съ крикомъ уходили куда попало — словомъ, творился страшный шумъ и хаосъ. Пропустивъ верблюдовъ, одинъ изъ насъ оставался, чтобы распросить дорогу. Тутъ подходили къ нему китайцы, но вмѣсто прямаго отвѣта на вопросъ, они начинали осматривать и щупать сѣдло или сапоги, удивляться ружью, разспрашивать куда мы ѣдемъ, откуда, зачѣмъ и т. д. Разсказъ же о дорогѣ отлагался въ сторону и только въ лучшихъ случаяхъ, китаецъ указывалъ рукою направленіе пути. При множествѣ пересѣкающихся дорогъ между деревнями, такое указаніе, конечно, не могло служить достаточнымъ руководствомъ, такъ что мы шли на угадъ до другой деревни, гдѣ повторялась та же самая исторія.

Однажды китайцы вздумали спустить цѣпную собаку, чтобы затравить ею нашего Фауста. Къ счастію, послѣдній находился въ это время возлѣ меня, и лишь только китайскій песъ набросился на свою жертву, какъ я выхватилъ одинъ изъ револьверовъ, всегда возившихся у сѣдла, и положилъ его на мѣстѣ. Китайцы, видя подобную развязку, бросились по домамъ, а мы продолжали свой путь. Подобнымъ рѣшительнымъ образомъ всегда необходимо поступать въ здѣшнихъ странахъ. Позвольте затравить свою собаку, на другой день станутъ травить васъ самихъ, и тогда раздѣлка будетъ гораздо труднѣе. Разъ же мѣстный людъ видитъ, что путешественникъ не дается въ обиду, отношенія къ нему дѣлаются болѣе почтительными, хотя, конечно, ненависть къ чужеземцу остается прежняя; но это уже неизбѣжная доля каждаго европейца, при путешествіи въ далекихъ странахъ Азіи.

Въ одномъ изъ китайскихъ мѣстечекъ, встрѣченныхъ по пути, именно въ *Цаганъ-чулутаи* [1]), намъ пришлось промѣнять нѣсколько ланъ на чохи и сдѣлать кой-какія покупки. Зная, по прежнимъ опытамъ, какъ трудно извернуться въ подобномъ случаѣ, въ особенности не владѣя китайскимъ языкомъ, я нанялъ монгола пособить мнѣ въ столь премудромъ дѣлѣ. Дѣйствительно, преграды начались съ перваго шага. Какъ обыкновенно, по приходѣ въ Цаганъ-чулутай, насъ встрѣтили и проводили кагаломъ, а затѣмъ, когда караванъ прошелъ, я отправился въ лавки. Въ первой изъ нихъ сказали, что мое серебро не хорошо, между тѣмъ, какъ это было самое лучшее калганское серебро; во второй лавкѣ увѣряли, что внутри серебряныхъ слитковъ положенъ чугунъ; въ третьей вовсе отказались мѣнять и, наконецъ, только въ четвертой дѣло пошло на ладъ. Долго осматривалъ здѣсь лавочникъ серебряные куски, сту-

[1]) Собственно *Цаганъ-чулу*, что по монгольски означаетъ «бѣлые камни».

Digitized by Google

калъ ими, нюхалъ и, наконецъ, въ видѣ одолженія, предложилъ 1,400 чохъ за ланъ, тогда какъ мѣстные жители мѣняютъ тотъ же самый ланъ по 1,800 чохъ. Поднялся, какъ обыкновенно, споръ; мой монголъ оказался весьма ретивымъ, уговаривалъ лавочника, показывалъ ему съ причмокиваньемъ серебро, жалъ пальцы въ рукавѣ и наконецъ сотворилъ сдѣлку по 1,500 чохъ за ланъ. Такое количество выходило, считая манчаномъ, т. е. одну чоху за одну; дзеленомъ же въ Цаганъ-чулутаѣ считается по 60 чохъ за сто. Это было уже четвертое или пятое измѣненіе счета денегъ, начиная отъ Долонъ-нора.

Превосходныя пастбища, которыя мы вездѣ встрѣчали въ землѣ цахаровъ, кончились хребтомъ Сума-хада, такъ что далѣе наши лошади и верблюды начали быстро худѣть на плохомъ кормѣ. Кромѣ того, для верблюдовъ уже давно не было гуджиру, такъ какъ отъ самой кяхтинской дороги нигдѣ не попадались солончаки. Поэтому мы очень обрадовались, когда встрѣтили небольшое соленое озерко *Дабасунъ-норъ*, гдѣ наши вьючныя животныя могли вдоволь наѣсться своей любимой соли.

Абсолютная высота мѣстности къ западу отъ Сума-хада остается по прежнему весьма значительною, но орошеніе дѣлается здѣсь еще скуднѣе, въ особенности съ приближеніемъ къ тѣмъ горамъ, которыя стоятъ на берегу Желтой рѣки и извѣстны у географовъ подъ именемъ *Инъ-шаня* [1]).

Этотъ хребетъ возникаетъ на монгольскомъ нагорьѣ, возлѣ города Куку-хото [2]) и тянется отсюда высокою, отвѣсною стѣною по берегу сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ. Верстахъ въ 250 западнѣе своего начала, описываемыя горы рѣзко оканчиваются въ долинѣ Желтой рѣки скалистою грядою *Муни-ула* Впрочемъ, на всемъ своемъ протяженіи Инъ-шань несетъ одинъ и тотъ-же дикій альпійскій характеръ, и рѣзко отличается отъ другихъ горъ юго-восточной Монголіи обиліемъ лѣса и воды.

На продолженіи Инъ-Шаня, далѣе по сѣверному колѣну Хуанъ-хэ, стоятъ горы *Шейтенъ-ула*, а за ними — хребетъ *Хара-наринъ-ула*, который тянется отъ рѣчки *Халютай* въ сѣверные предѣлы Ала-шаня. Обѣ эти группы горъ отличаются отъ собственнаго Инъ-шаня по своему физическому характеру, да при томъ и

---

[1]) Мѣстные жители вовсе не знаютъ такого названія и различаютъ именами только отдѣльныя части описываемыхъ горъ.

[2]) Въ болѣе обширномъ смыслѣ, Инъ-Шанемъ называютъ всѣ горы отъ сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ, черезъ землю цахаровъ къ верховьямъ Шара-Мурени и далѣе въ предѣлы Манчжуріи. Стат. оп. Китая, Іоакинфа, ч. II, стр. 38.

Digitized by Google

соединяются съ нимъ не прямо, но посредствомъ другихъ горъ, иногда сильно мельчающихъ въ своихъ размѣрахъ; такой перерывъ въ особенности значителенъ между Шейтенъ-ула и Харанаринъ-ула [1]).

Кромѣ того, Шейтенъ-ула отличается отъ Инъ-шаня гораздо меньшею высотою, совершеннымъ отсутствіемъ лѣса и воды. Горы же за р. Халютай, хотя достигаютъ большой высоты и несутъ вполнѣ альпійскій характеръ, но также безлѣсны и при томъ составляютъ хребетъ окраины, т. е. развиваются вполнѣ лишь къ долинѣ Хуанъ-хэ, которую отдѣляютъ отъ высокаго плато, лежащаго по другую ихъ сторону.

Мы пришли въ Инь-Шань въ той его части, которая извѣстна у монголовъ подъ именемъ *Сыруна-булыкъ*. Послѣ унылыхъ и безлѣсныхъ степей, невыразимо отрадно было увидѣть горный лѣсъ и отдохнуть въ зеленой чащѣ деревьевъ. Въ тотъ же день мы отправились на охоту и, взобравшись на высокую вершину, въ первый разъ увидали отсюда Желтую рѣку, которая извивалась по обширнымъ равнинамъ Ордоса.

На слѣдующій день мы хотѣли послѣ полудня идти далѣе, чтобы болѣе углубиться въ горы, но неожиданный случай принудилъ насъ остаться на прежнемъ мѣстѣ. Часовъ въ десять утра поднялась сильная гроза, съ проливнымъ дождемъ и такъ какъ наша палатка, неосмотрительно, была поставлена на сухомъ руслѣ горнаго потока, выходившаго изъ двухъ ущелій, то черезъ нѣсколько минутъ отсюда хлынули ручьи, прямо на наше убогое жилище. Мигомъ оно было затоплено водою, которая начала уносить разныя мелкія вещи; ручей имѣлъ глубину менѣе фута, но все-таки надѣлалъ намъ много хлопотъ. Къ счастію, одна половина палатки пришлась на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, незатопленномъ сразу водою; сюда перетаскали мы свои измокшіе пожитки, а за тѣмъ устроили изъ войлоковъ плотину, которою оградили багажъ отъ напора воды. Положеніе было весьма непріятное, но оно продолжалось не болѣе

---

[1]) Въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.» (т. VIII, № 5, 1872 г., стр. 174), я сказалъ, что хребетъ, стоящій по лѣвому берегу долины Хуанъ-хэ отъ р. Халютай до предѣловъ Ала-шаня «не соединяется ни съ Инъ-шаньскими, ни съ Ала-шаньскими горами». При болѣе точномъ изслѣдованіи этихъ мѣстностей, весною 1872 г., оказалось, что между Хара-нариннъ-ула и Шейтенъ-ула существуетъ связь посредствомъ гряды холмовъ, иногда прерывающихся по словамъ монголовъ. Въ свою очередь Шейтенъ-ула, черезъ *Шохойнъ-дабанъ* (т. е. известковый хребетъ), связывается съ собственнымъ Инъ-Шанемъ. Относительно же отдѣльности всѣхъ этихъ группъ отъ Ала-шаньскихъ горъ не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія.

Digitized by Google

получаса. Лишь только кончилась гроза и дождь пересталъ, быстро родившійся ручей изсякъ, такъ что только наши мокрыя вещи, разложенныя теперь на просушку, свидѣтельствовали о постигшей насъ катастрофѣ.

На другой день мы сдѣлали небольшой переходъ въ 15 верстъ и остановились возлѣ кумирни *Батаръ-шейлунъ*, называемой китайцами *Удань-джоу*. Эта кумирня живописно расположена среди дикихъ скалистыхъ горъ и считается одною изъ важнѣйшихъ въ юго-восточной Монголіи. Великолѣпный храмъ выстроенъ здѣсь въ четыре этажа, а кругомъ его тѣснится куча домовъ, служащихъ жилищами ламъ. Число послѣднихъ простирается до двухъ тысячъ, но оно увеличивается лѣтомъ до семи тысячъ; кромѣ того въ Батаръ-шейлунъ приходятъ множество богомольцевъ, иногда изъ мѣстностей весьма отдаленныхъ. Мы сами встрѣтили весною возлѣ оз. Далайноръ монгольскаго князя, отправлявшагося молиться въ описываемую кумирню. Вмѣстѣ съ княземъ ѣхалъ цѣлый обозъ различныхъ пожитковъ и кромѣ того гналось сотенное стадо барановъ. На вопросъ: къ чему эти животныя? намъ отвѣчали, что онѣ служатъ для продовольствія, и что самъ князь ежедневно кушаетъ только жирный курдюкъ, а остальное мясо поѣдаетъ свита.

Приношеніями усердныхъ вѣрующихъ содержится вся орда ламъ въ Батаръ-шейлунѣ, гдѣ кромѣ того еще живутъ три гыгена. Сверхъ того, этой кумирнѣ принадлежитъ большая полоса земли, гдѣ не имѣютъ права селиться китайцы [1]); здѣсь только пасутся стада, отъ которыхъ молоко и масло идетъ на продовольствіе ламъ. Послѣдніе занимаются отчасти фабрикаціею глиняныхъ боговъ и продаютъ ихъ приходящимъ богомольцамъ. Въ описываемой кумирнѣ есть также училище для воспитанія мальчиковъ, предназначаемыхъ впослѣдствіи быть ламами.

Въ огромныхъ скалахъ окружающихъ кумирню Батаръ-шейлунъ водится много *горныхъ антилопъ* (Antilope caudata?), но охота здѣсь запрещена ламами, которые считаютъ грѣхомъ убивать животное вблизи святаго храма [2]). Однако соблазнъ добыть шкуру этого звѣря былъ такъ великъ, что на другой день вечеромъ я отправился въ горы и, переночевавъ тамъ, рано утромъ убилъ молодаго самца.

---

[1]) Такія земли находятся при всѣхъ большихъ кумирняхъ Монголіи.

[2]) Подобныя запрещенія охоты вблизи кумирнь встрѣчались намъ и въ другихъ частяхъ Монголіи.

Digitized by Google

Такъ какъ этотъ небольшой звѣрь [1]) не встрѣчался намъ нигдѣ, кромѣ Инъ-Шаня, то я скажу теперь нѣсколько словъ объ его привычкахъ и образѣ жизни.

Подобно другимъ горнымъ антилопамъ, описываемый видъ выбираетъ для жительства самыя дикія и неприступныя скалы альпійскихъ горъ. Здѣсь антилопы держатся въ одиночку, рѣже парами, и въ теченіи цѣлаго дня скрываются въ укромныхъ мѣстахъ. На такихъ лежбищахъ звѣрь подпускаетъ охотника очень близко, и вскакиваетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Передъ вечеромъ горныя антилопы выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, кормятся цѣлую ночь и продолжаютъ это часъ или два по восходѣ солнца, а затѣмъ укладываются на лежбища. Любимыми, даже исключительными, ихъ пастбищами служатъ альпійскіе луга и въ особенности небольшія лужайки между скалами. Передъ выходомъ сюда, равно какъ и во время самой покормки, описываемый звѣрь часто взбирается на вершину, или на выступъ скалы и стоитъ подолгу, чтобы осмотрѣть окрестности и увѣриться въ безопасности. При этомъ онъ часто посѣщаетъ одно и тоже мѣсто, такъ что здѣсь накопляется большая куча (иногда гарнца два) мелкаго помета, издали очень похожаго на зерна жженаго кофе. Во время остановки, равно какъ и на спокойномъ ходу, горная антилопа безпрестанно помахиваетъ своимъ черпымъ, довольно длиннымъ хвостомъ. На пастбищѣ можно изрѣдка услышать и голосъ описываемаго звѣря, состоящій изъ отрывистаго, не очень громкаго, рявканья.

По своему характеру горная антилопа чрезвычайно осторожное животное. Замѣтивъ опасность, оно бросается на уходъ очень быстро, скачками, а въ крайнемъ случаѣ спрыгиваетъ въ глубокія ущелья. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна такая антилопа, замѣтивъ меня очень близко, прыгнула со скалы въ сто футъ вышиною и преблагополучно ушла. Во время ея полета внизъ, гнѣздившіяся въ отвѣсѣ этой скалы горныя ласточки съ крикомъ бросились на звѣря.

Послѣ скачка обыкновенно слышится глухой ударъ о камни— это стукнули копыта ловкаго звѣря, у котораго, кстати сказать, ноги очень толсты, сравнительно съ небольшою величиною тѣла. Зимняя шкура горной антилопы употребляется мѣстными жителями на теплыя одежды и стоитъ около рубля на наши деньги.

На третій день нашего пребыванія возлѣ Батгаръ-Шейлуна,

[1]) Убитый мною молодой самецъ горной антилопы вѣсилъ около пуда; монголы увѣряли, что и старый самецъ тянетъ развѣ немного болѣе.

Digitized by Google

къ намъ неожиданно явился небольшой отрядъ китайскихъ солдатъ съ офицеромъ, который потребовалъ нашъ паспортъ. Оказалось, что ламы изъ кумирни, подозрѣвая что мы шпіоны дунганей, дали знать въ ближайшій китайскій городъ Бауту, откуда и были присланы солдаты. Послѣдніе явились къ намъ въ боевомъ порядкѣ, съ зажженными фитилями у своихъ ружей и съ обнаженными саблями. Но вся эта комедія разыгралась скоро. Мы пригласили офицера въ свою палатку, гдѣ показали ему Пекинскій паспортъ, который сразу произвелъ большое впечатлѣніе. Пока переписывался этотъ видъ, я угостилъ офицера чаемъ съ русскимъ сахаромъ, затѣмъ подарилъ ему перочинный ножикъ и мы разстались друзьями; только впослѣдствіи оказалось, что солдаты украли у насъ нѣсколько мелкихъ вещей.

Отъ кумирни Батгаръ-Шейлунъ мы направились въ горы Муни-ула, составляющія, какъ сказано выше, западную оконечность Инъ-Шаня. Послѣдній на всемъ своемъ протяженіи несетъ, вѣроятно, одинъ и тотъ же характеръ, а потому болѣе подробное описаніе западной гряды можетъ служить общею характеристикою всего хребта.

Протянувшись верстъ на 100 между двумя долинами—одной на сѣверѣ, а другой, прилегающей къ Хуанъ-хэ, на югѣ — Муни-ула стоитъ рѣзко-очерченною полосою, имѣющею въ ширину около двадцати пяти верстъ. Наивысшія точки этихъ горъ поднимаются болѣе, чѣмъ на 8,000 футъ абсолютной высоты [1]), быть можетъ даже до девяти тысячъ футъ, но нигдѣ не достигаютъ снѣговой линіи. Главная ось Муни-улы идетъ почти самою срединою хребта, спускающагося къ сѣверу и югу крутыми скатами, изборожденными скалистыми ущельями и узкими долинами. Вообще, весь описываемый хребетъ изобилуетъ скалами и несетъ дикій, альпійскій характеръ, который всего болѣе развивается на южномъ склонѣ горъ.

Горныя породы Муни-улы [2]) состоятъ изъ гранита, сіенитоваго гранита, обыкновеннаго гнейса и роговообманковаго, гранулита, порфира и породъ новѣйшаго вулканическаго образованія. Окраины

---

[1]) Высшею точкою Муни-ула считается гора *Шара-орой*, лежащая ближе къ западной оконечности хребта; ея высоту измѣрить намъ не удалось, такъ какъ мы не были въ той части горъ. Опредѣленныя же мною вершины въ средней части Муни-ула имѣли 7,400 фут. абс. высоты; гора Шара-орой, безъ сомнѣнія, превышаетъ ихъ футовъ на тысячу. Для устраненія недоразумѣній, слѣдуетъ сказать, что въ хребтѣ Муни-ула существуютъ двѣ вершины, называемыя Шара-орой; одна изъ нихъ лежала недалеко нашего пути, но опредѣлить ея высоту также не удалось.

[2]) Вмѣстѣ съ хребтомъ *Сырунъ-булыкъ*.

Digitized by Google

описываемаго хребта безлѣсны и покрыты лишь рѣдкими кустарниками дикаго персика, лещины и желтаго шиповника, тѣхъ же самыхъ породъ какія уже встрѣчались въ хребтахъ Шара-хада и Сума-хада. Затѣмъ, съ поднятіемъ въ горы, кустарники дѣлаются чаще и появляются отдѣльныя деревья: *сосна* (Pinus sylvestris) и низкорослый *вязъ* (Ulmus sp.). На разстояніи 8 — 10 верстъ отъ сѣверной окраины хребта (а на южной не далѣе двухъ верстъ отъ наружнаго края горъ) приблизительно съ высоты 5,300 фут. [1]), начинаются лѣса, которые, съ поднятіемъ вверхъ, дѣлаются больше и гуще. Опять и здѣсь, лѣса эти растутъ, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ ущельяхъ; при томъ въ этихъ ущельяхъ боковые скаты, обращенные къ югу, чаще бываютъ оголены, нежели покрыты деревьями. Даже на южномъ склонѣ Муни-ула, гдѣ, въ общемъ, лѣса встрѣчаются въ бо́льшемъ количествѣ, нежели на сѣверной сторонѣ и здѣсь они растутъ преимущественно въ ущельяхъ, обращенныхъ къ сѣверу.

Главныя преобладающія породы описываемыхъ лѣсовъ суть: *осина* (Populus tremula?), *черная береза* (Betula daurica) и *ива* (Salix sp.). Послѣдняя встрѣчается то въ видѣ кустарника, то дерева до 20 фут. вышины; осина достигаетъ нѣсколько бо́льшей высоты, а черная береза имѣетъ обыкновенно меньшіе размѣры. Изъ другихъ древесныхъ породъ въ лѣсахъ Муни-ула растутъ: *бѣлая береза* (Betula alba), *тополь* (Populus laurifolia), *ольха* (Alnus sp.), *рябина* (Sorbus Aucuparia) и *абрикосъ* (Prunus sp.) [2]). Изрѣдка попадается *дубъ* (Quercus mongolica), карликомъ въ 7 фут. вышины, *липа* (Tilia sp.) такихъ же размѣровъ, *можжевельникъ* (Iuniperus communis) и *туя* (Biota orientalis); послѣдняя встрѣчается исключительно на южномъ склонѣ горъ и при томъ лишь въ нижнемъ поясѣ лѣсовъ. Къ характеристикѣ этихъ послѣднихъ должно отнести то обстоятельство, что здѣсь вовсе нѣтъ ели.

Изъ кустарниковъ въ самомъ большомъ количествѣ ростетъ *лещина* (Ostryopsis Davidiana), достигающая 3—4 фут. вышины и образующая часто густой подлѣсокъ; иногда же сплошь заростающая горные скаты, лишенные деревьевъ. Изъ другихъ кустарныхъ видовъ въ меньшемъ числѣ попадаются: *розовый шиповникъ* (Rosa acicularis), *малина* (Rubus Idaeus), *таранушка* (Ribes pulchellum), *калина* (Viburnum Opulus), *деренъ* (Cornus sp.), *крушина* (Rhamnus arguta), *таволга* (Spiraea sp.) и *леспедеца* (Lespedeza bicolor), столь распространенная въ лѣсахъ южнаго Амура.

[1]) На южномъ же склонѣ горъ вѣроятно ниже.

[2]) Абрикосъ растетъ преимущественно на оголенныхъ скатахъ горъ.

Digitized by Google

Въ долинахъ, лежащихъ ближе къ окраинѣ горъ, сухія русла горныхъ потоковъ густо окаймлены *желтымъ шиповникомъ*, *дикимъ персикомъ*, *бояркою* (Crataegus sanguinea) и *барбарисомъ* (Berberis sp.). Здѣсь иногда вьется *ломонос* (Clematis sp.), покрывающій то тотъ, то другой кустъ красивою шапкою своихъ желтыхъ цвѣтовъ, а свободныя лужайки густо поросли *пустырникомъ* (Leonurus sibiricus) и двумя видами дикаго *лука* (Allium odorum, A. anisopodium).

Болѣе разнообразія, нежели деревья и кустарники, представляетъ травянистая растительность описываемыхъ горъ. По лѣсамъ здѣсь, какъ и въ Европѣ, красуются *ландыши* (Convallaria majalis), *майники* (Majanthemum bifolium) и *анемоны* (Anemone sylvestris, A. barbulata); старые знакомцы *костяника* (Rubus saxatilis) и *земляника* (Fragaria sp.) попадаются также нерѣдко; рядомъ съ ними цвѣтутъ: *недоспѣлка* (Cacalia hastata), *ежесьмянка* (Echinospermum sp.), нѣсколько видовъ *горошка* (Vicia), *Polygonatum officinale*, *Phlomis umbrosa*, *Agrimonia sp.*; *папоротникъ* (Asplenium sp.) мѣстами сплошь покрываетъ сырую лѣсную почву.

На лѣсныхъ лугахъ растутъ: *піоны* (Paeonia albiflora), *лилія желтая и красная* (Hemerocallis sp., Lilium tenuifolium), *герань* (Geranium sp.), *кипрей* (Epilobium angustifolium), *валеріана* (Valeriana officinalis) и *лапчатка* (Potentilla anserina).

Во влажныхъ лѣсныхъ ущельяхъ и возлѣ горныхъ ключей травы еще разнообразнѣе. Здѣсь вездѣ можно встрѣтить: *бузульникъ* (Ligularia sp.), *мытникъ* (Pedicularis resupinata), *водосборъ* (Aquilegia viridiflora), *золотушникъ* (Inula Britanica), *буркунчикъ* (Medicago lupulina), *веронику* (Veronica sibirica, Veronica sp.), три или четыре вида *лютика* (Ranunculus), *гравилатъ* (Geum strictum), *бубенчики* (Adenophora sp.), *тысячелистникъ* (Achillea mongolica), а по мусорнымъ мѣстамъ *пасленъ* (Solanum sp.) и *крапиву* (Urtica angustifolia).

Наконецъ, по открытымъ скатамъ горъ цвѣтутъ: *гвоздика* (Dianthus Seguieri), *ночная фіалка* (Hesperis trichosepala), *макъ* (Papaver alpinum), *очитокъ* (Sedum Aizoon), *мордовникъ* (Echinops dauricus), *лукъ* (Allium sp.), *Koeleria cristata*, *Statice sp.*, *Pardanthus sp.* и др.

Въ общемъ растительность горъ Муни-ула много напоминаетъ собою сибирскую флору; однако описываемые лѣса несутъ совершенно иной характеръ, нежели наши сибирскіе. Здѣсь невидно роскошной растительности, столь поражающей путешественника на берегахъ Амура и Уссури. Деревья обыкновенно не высоки и тонкоствольны, кустарники низки и корявы, а изсохшіе сучья ивъ, торчащіе на живыхъ экземплярахъ, выступаютъ крайне непривлекательно на общемъ

Digitized by Google

зеленомъ фонѣ. Горные ручьи, текущіе почти вездѣ по лѣснымъ ущельямъ, лишь только выходятъ въ болѣе широкія долины, или за окраину хребта, тотчасъ же исчезаютъ подъ землею, такъ что далѣе вьется сухое русло, въ которомъ вода бываетъ, на часъ или два, во время сильнаго ливня. При томъ, не смотря на охранительную стражу, лѣса Муни-улы нещадно истребляются окрестными китайцами; всѣ большія деревья повырублены и только пни свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда здѣсь были довольно крупные экземпляры.

Вслѣдъ за полосою лѣсовъ лежитъ область альпійскихъ луговъ, занимающихъ самыя верхнія части описываемаго хребта. Послѣ однообразнаго и бѣднаго нижняго пояса, гдѣ преобладаютъ лишь рѣдкіе, корявые кустарники, послѣ сырыхъ зарослей лиственныхъ лѣсовъ, одѣвшихъ собою всѣ средніе скаты горъ, взоръ съ отрадою останавливается на яркой зелени и пестромъ коврѣ цвѣтовъ роскошнаго горнаго луга. Невысокая густая трава покрываетъ здѣсь всѣ скаты и ложбины, оставляя голыми только скалы и отдѣльные камни, которые, своимъ желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ, рѣзко контрастируютъ съ очаровательною зеленью луговъ, испещренныхъ самыми разнообразными цвѣтами. Кусты *таволги* (Spiraea sp.) и *курильскаго чаю* (Potentilla fruticosa), *желтоголовника* (Trollius sp.), *кровохлебка* (Sanguisorba alpina), *синюха* (Polemonium coeruleum), различные *лютики* (Ranunculus) и многіе другіе виды, уже поименованные при описаніи лѣсной флоры, заливаютъ описываемые луга то желтымъ, то бѣлымъ, то коричнево-краснымъ, то синимъ колерами, частію перемѣшанными между собою, частію расположенными отдѣльными полосами. И еще восхитительнѣе становятся эти луга раннимъ утромъ, когда взошедшее солнце играетъ цвѣтами радуги въ капляхъ сильной ночной росы, а окрестная тишина нарушается только пѣніемъ чеккана или горной щеврицы; въ то же время отсюда открывается чудный видъ на Хуанъ-хэ и раскинувшіяся за нею равнины Ордоса.

Животная жизнь въ горахъ Муни-ула, противъ ожиданія, встрѣчается далеко не въ обиліи. Изъ крупныхъ млекопитающихъ здѣсь водятся только: *олень* (Cervus Elaphus?), *косуля* (Cervus Pygargus), *горная антилопа* (Antilope caudata?), *волкъ* (Canis lupus) и *лисица* (Canis vulpes), но нѣтъ ни одного вида кошачьяго семейства, хотя, по словамъ мѣстныхъ жителей, здѣсь прежде держались барсы и даже тигры [1]). Изъ грызуновъ, въ лѣсахъ, вѣроятно, живутъ мелкіе

[1]) Впрочемъ монголы увѣряли насъ, что барсы водятся и теперь въ Инъшанѣ, но только не на Муни-ула, а ближе къ г. Куку-хото.

Digitized by Google

виды мышей и полевокъ, а въ долинахъ окраины горъ встрѣчаются: *заяцъ* (Lepus Tolai), повсемѣстный въ Монголіи, и *сусликъ* (Spermophilus sp.); послѣдній величиною съ крысу. Замѣтивъ человѣка, или просто отъ скуки, онъ вытягивается, какъ свѣча, на заднихъ лапкахъ, возлѣ своей норы и громко, отрывисто пищитъ.

Среди птицъ болѣе разнообразія, но все таки орнитологическая фауна Муни-ула бѣдна, принимая во вниманіе обиліе лѣсовъ въ этихъ горахъ. Вѣроятно, крутые переходы отъ холода къ жарѣ, отъ затишья къ бурѣ, отъ чрезвычайной сухости къ сильной влажности, мѣшаютъ многимъ китайскимъ видамъ проникать даже въ лучшія мѣста монгольскаго нагорья. Въ самыхъ дикихъ и неприступныхъ скалахъ альпійской области описываемыхъ горъ гнѣздятся: *грифъ* (Vultur monachus?) и *ягнятникъ* (Gypaëtos barbatus), двѣ громадныя птицы, достигающія слишкомъ девяти футъ въ размахѣ крыльевъ. Рядомъ съ ними живутъ: *стрыжъ* (Cypselus leucopyga), крикливая *клушица* (Fregilus graculus) и *каменный голубь* (Columba rupestris), а по альпійскимъ лугамъ *горная щеврица* (Anthus rosaceus?). Въ лѣсной области являются мелкіе пѣвуны: *горихвостка* (Ruticilla aurorea), *стренатка* (Emberiza sp.), *поползень* (Sitta sinensis), *королекъ* (Troglodytes sp.), *синица* (Poecile cincta), *Phyllopneuste superciliosus*, *Phyllopneuste sp.*, *Pterorhinus Davidii*, *Drymoeca extensicauda*; по деревьямъ стучатъ *дятлы* (Picus sp., рѣдко Picus Martius); утромъ и вечеромъ отрывисто токуютъ *фазаны* (Phasianus torquatus). Наконецъ съ заходомъ солнца, вездѣ раздается однообразное постукиваніе *японскаго козодоя* (Caprymulgus Jotaca), котораго въ Сибири зовутъ «кузнецомъ».

Ниже предѣла лѣсовъ, въ сухихъ горныхъ долинахъ и въ скалахъ держатся: *каменный дроздъ* (Petrocincla saxatilis) *чеккань* (Saxicola isabellina), *удодъ* (Upupa Epops), *сѣрая и каменная куропатки* (Perdix barbata, P. chukar). Послѣдній видъ встрѣчается также въ скалахъ альпійской области, и всегда обращаетъ вниманіе охотника своимъ громкимъ, почти неумолкаемымъ клохтаньемъ.

Рѣзкое отличіе Муни-улы отъ другихъ хребтовъ юго-восточной Монголіи породило между монголами легенду о происхожденіи вышеописанныхъ горъ. Эта легенда гласитъ, что въ давнія времена, лѣтъ тысячу, или болѣе тому назадъ, въ Пекинѣ жилъ кутухта, который, несмотря на свое божеское происхожденіе, предавался такой непристойной жизни, что былъ арестованъ, по повелѣнію богдохана. Разгнѣванный подобнымъ насиліемъ, святой кутила сотворилъ огромную птицу и повелѣлъ ей перевернуть столицу своего государя. Тогда устрашенный богдоханъ освободилъ кутухту изъ подъ ареста и тотъ отмѣнилъ приказаніе, данное птицѣ;

Digitized by Google

послѣдняя успѣла только приподнять городъ съ однаго конца, отчего Пекинъ до сихъ поръ лежитъ немного покато.

Затѣмъ чудотворецъ рѣшилъ бросить негостепріимный городъ и переселиться въ Тибетъ. Двинувшись въ путь, онъ благополучно достигъ берега Хуанъ-хэ, но здѣсь китайцы не соглашались перевезти его на другую сторону рѣки. Вновь разгнѣванный святой рѣшился теперь отмстить не на шутку. Двинувшись въ сѣверную Монголію, онъ выбралъ, въ Алтайскихъ горахъ, огромный горный кряжъ, привязалъ его къ стремянамъ своей лошади и потащилъ на берегъ Хуанъ-хэ съ тѣмъ, чтобы перебросить привезенныя горы черезъ эту рѣку и, остановивъ ея теченіе, затопить всю окрестную страну. Тогда защитникомъ несчастныхъ жителей явился самъ Будда, который упросилъ кутухту смирить своей гнѣвъ и пощадить невинныхъ. Святой внялъ голосу бога и поставилъ горы на берегу рѣки въ память своего могущества; самъ же бросилъ въ Хуанъ-хэ поясъ, перешелъ по немъ, какъ по мосту, на противоположную сторону рѣки и отправился въ Тибетъ.

Оставивъ Муни-ула на берегу Хуанъ-хэ, кутухта повернулъ ея такъ, что прежняя сѣверная сторона стала южною и наоборотъ. Поэтому, говорятъ мѣстные монголы, и лѣсовъ болѣе на южномъ склонѣ этихъ горъ, тогда какъ, обыкновенно, вездѣ лѣса растутъ въ бо́льшемъ обиліи на сѣверныхъ сторонахъ горныхъ хребтовъ. Самъ же хребетъ оттого не похожъ на другія горы нашей страны, что онъ не здѣшній, но пришелецъ съ сѣвера.

Другое преданіе гласитъ, что въ горахъ Муни-ула нѣкогда жилъ Чингисъ-ханъ во время войны съ Китаемъ. Онъ обиталъ на горѣ Шара-орой [1]) и тамъ до сихъ поръ еще находится желѣзная чаша, въ которой великій завоеватель варилъ себѣ пищу; однако этой чаши никто не можетъ видѣть. Здѣсь только ежегодно лѣтомъ совершается служеніе ламами изъ ближайшей кумирни *Мыргынъ*. Самое названіе Муни-ула далъ описываемымъ горамъ также Чингисъ-ханъ, которому, какъ охотнику, весьма понравилось это мѣсто, своимъ обиліемъ звѣрей.

Монголы увѣряютъ, что на той же горѣ Шара-орой есть окаменѣлый слонъ, а еще гдѣ-то въ горахъ зарыта большая куча ямбоваго серебра, но что этотъ кладъ охраняется злыми духами и взять его невозможно. Разскащики объясняли, что завѣтное серебро лежитъ на вершинѣ горы въ огромной ямѣ, закрытой сверху

---

[1]) Ближайшей къ срединѣ хребта, а не на той, которая находится въ западной его части.

Digitized by Google

чугунною дверью, съ небольшимъ отверстіемъ, сквозь которое видѣнъ кладъ. Нѣкоторые смѣльчаки ухитрялись зимою опускать въ яму сырое мясо для того, чтобы къ нему примерзли ямбы. Но лишь только начинали тянуть за веревку и примерзшій слитокъ приближался къ отверстію, какъ тотчасъ отпадалъ назадъ и вытащить его изъ заколдованнаго мѣста было невозможно.

Цѣлыхъ три дня употребили мы на то, чтобы ощупью забраться въ горы Муни-ула, куда ни китайцы, ни монголы не хотѣли показать намъ истинной дороги. Мы сами пробовали идти то по той, то по другой долинѣ и сначала крайне неудачно, такъ какъ узкая долина вскорѣ превращалась въ ущелье, запиравшее дальнѣйшій путь; мы возвращались обратно, и повторяли тоже самое въ слѣдующей пади. Наконецъ, на третій день своихъ поисковъ, мы нашли рѣчку *Ара-мырынъ-гол*, по которой дошли почти до ея истока близь главнаго гребня горъ и здѣсь въ лѣсу, на небольшой лужайкѣ, разбили свою палатку.

Появленіе наше въ горахъ и остановка тамъ произвели переполохъ между окрестными монголами и китайцами, которые увидѣли европейцевъ въ первый разъ [1]) и не знали за кого именно принимать насъ. Толкамъ и догадкамъ о нашемъ прибытіи не было конца. Ламы прибѣгли даже къ гаданію и запретили всѣмъ монголамъ продавать намъ что либо съѣстное. Такой приказъ исходилъ отъ настоятеля кумирни *Гымпинъ*, и оказался для насъ весьма чувствительнымъ, такъ какъ наши запасы въ это время были на исходѣ. Мы надѣялись добыть мяса охотою, но, не зная горъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду не могли убить ни одного звѣря, а потому питались исключительно просяною кашею. Наконецъ, я убилъ косулю; тогда монголы, видя, что голодомъ насъ не выгонишь, стали продавать намъ масло и молоко.

Добыча птицъ на чучела была не велика, какъ и вообще отъ самаго Калгана; кромѣ бѣдности пернатыхъ вообще, теперь наступилъ періодъ ихъ линянія, слѣдовательно, большая часть экземпляровъ не годилась для препарированія. Гораздо болѣе поживы нашли мы среди насѣкомыхъ и еще болѣе среди растеній, такъ какъ теперь настала пора цвѣтенія многихъ видовъ травъ. Дожди, обыкновенно сопровождаемые грозами, въ теченіи всего іюня перепадали очень часто, и прежняя сухость воздуха смѣнилась теперь большою сыростію. Въ тоже время, совершенно противо-

[1]) За четыре года до нашего посѣщенія Муни-улы, здѣсь былъ французскій натуралистъ миссіонеръ *Armand David*, который проѣхалъ тогда изъ Пекина до Ордоса.

Digitized by Google

положно маю, кончились сильныя, почти постоянныя бури, а въ замѣнъ ихъ наступили затишья и жары. Благодаря всему этому, растительная жизнь въ іюнѣ начала развиваться съ большею энергіею, и уже въ первой половинѣ названнаго мѣсяца зазеленѣли, доселѣ желто-сѣрыя, степи и оголенные горные скаты. Цвѣты начали показываться въ значительномъ количествѣ и разнообразіи, хотя степи юго-восточной Монголіи [1]) далеко нельзя сравнить, по красотѣ, съ лугами нашихъ странъ. Здѣсь нигдѣ не встрѣтишь сплошнаго ковра цвѣтовъ, или мягкой, блестящей зелени нашего луговаго дерна. Наоборотъ, эти степи въ самую лучшую пору растительной жизни, несутъ унылый характеръ; въ нихъ все монотонно, все выкроено какъ будто по одной мѣркѣ. Трава, растущая кустиками, вездѣ одинаковой вышины и лишена яркой зелени, а цвѣты не имѣютъ блестящихъ колеровъ. Только возлѣ рѣдкихъ ключей измѣняется такой характеръ растительности и болѣе яркая зелень, а иногда полоса цвѣтущаго касатика, свидѣтельствуютъ о лучшихъ условіяхъ растительной жизни.

Въ продолженіи двухнедѣльнаго пребыванія въ горахъ Мунгула мы часто отправлялись на охотничьи экскурсіи, иногда даже ночевали въ горахъ, чтобы охотиться самымъ раннимъ утромъ. Однако, не смотря на это, мы не убили ни одного оленя, хотя ихъ здѣсь довольно много. Но теперь именно, эти звѣри всего усерднѣе преслѣдовались мѣстными охотниками-монголами, ради своихъ молодыхъ роговъ, которые, какъ извѣстно, очень дорого цѣнятся въ Китаѣ. Самыми лучшими считаются тѣ рога, которые имѣютъ третій отростокъ и которые, при своей значительной величинѣ, еще достаточно наполнены кровью. За такіе рога покупатели платятъ отъ 50—70 ланъ; болѣе старые рога уже негодятся, такъ какъ они начинаютъ твердѣть и превращаться въ кость

Спросъ на оленьи рога въ Китаѣ такъ великъ, что ихъ цѣлыми тысячами отправляютъ сюда изъ нашей Сибири чрезъ Кяхту, куда доставляютъ партіями на почтовыхъ, изъ мѣстностей иногда очень отдаленныхъ. Кромѣ того, множество такихъ роговъ скупается на Амурѣ китайцами и препровождается въ Пекинъ черезъ Манчжурію.

Во время своего пребыванія на Амурѣ и теперь, я часто распрашивалъ, для какой цѣли служатъ въ Китаѣ молодые оленьи

---

[1]) Собственно къ западу отъ хребта Сума-хада, тамъ гдѣ мы провели лѣто; въ землѣ цахаровъ степные луга, вѣроятно, представляютъ въ это время болѣе отрадный видъ.

Digitized by Google

рога[1]), но никогда не могъ узнать объ этомъ достовѣрно. Китайцы держатъ такое употребленіе въ строгомъ секретѣ. Впрочемъ, по слухамъ, эти рога, изготовленные особымъ образомъ, употребляются сынами Небесной имперіи, какъ сильно возбуждающее средство. Не знаю насколько это справедливо, но, во всякомъ случаѣ, молодые рога играютъ, вѣроятно, немаловажную роль въ китайской медицинѣ, иначе они не требовались бы ежегодно въ такомъ большомъ количествѣ и за нихъ не платили бы огромныя деньги.

Въ альпійскихъ горахъ Муни-ула намъ въ первый разъ пришлось познакомиться вполнѣ со всѣми трудностями горной охоты. Могу сказать по опыту, что для нея нуженъ человѣкъ закаленнаго здоровья и физически крѣпкій. Много разъ приходится быть на краю опасности, еще болѣе переносить трудностей, о которыхъ житель равнинъ не имѣетъ понятія. Не говоря уже про ходьбу по крутымъ, чуть не отвѣснымъ скатамъ, которые до того утомляютъ человѣка, что иногда не въ состояніи сдѣлать, не отдохнувъ, еще десятокъ шаговъ — огромные скалы съ узкими, часто вывѣтрившимися, выступами, глубокія, отвѣсныя ущелья, или каменныя розсыпи, мѣтко называемыя въ Сибири «чертовой каменкой», представляютъ цѣлый рядъ опасностей далеко не малыхъ. Иногда одинъ невѣрный шагъ, одинъ оборвавшійся подъ ногами камень—и поминай какъ звали охотника.

Притомъ же, сама охота въ горахъ крайне неблагодарна. Здѣсь все зависитъ отъ случая и никогда нельзя разсчитывать на вѣрняка; сплошь и къ ряду добыча уходитъ изъ самыхъ рукъ, не только звѣрь, но даже и птица. Случается, вдругъ увидишь какой-нибудь хорошій экземпляръ, но мгновеніе — и онъ скроется въ лѣсной чащѣ, поднимется на скалу, или перелетитъ на противоположную сторону ущелья.

Относительно звѣрей еще труднѣе, такъ какъ здѣсь само животное весьма осторожно, и при томъ почти всегда имѣетъ возможность заранѣе замѣтить, или почуять охотника. Иногда звѣрь выскочитъ или пробѣжитъ близко, но въ лѣсной чащѣ его нельзя видѣть; иногда мелькнетъ на скалѣ, но тотчасъ же скроется за ея выступомъ, такъ что охотнику слышенъ только стукъ копытъ, или грохотъ сброшенныхъ камней. Даже въ лучшемъ случаѣ, когда придется увидѣть животное, то и тогда часто невозможно вѣрно прицѣлиться, потому что руки не твердо держатъ ружье, послѣ долгаго лазанья по крутизнѣ. Наконецъ, случается, что смертельно раненные уходятъ,

---

[1]) *Панты* по сибирски.

Digitized by Google

а убитые падаютъ въ неприступныя пропасти; за то иногда одинъ удачный выстрѣлъ вознаграждаетъ охотника за всѣ перенесенныя имъ трудности.

Но горы доставляютъ много и отрадныхъ минутъ. Взобравшись на высокую вершину, съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамою, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья, или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка, раздастся воркованье каменнаго голубя и писклявый крикъ клушицы, проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а за тѣмъ, по прежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно....

Подъ конецъ своего пребыванія въ горахъ Муни-ула мы наняли въ услуженіе монгола, по имени *Джюльджига*, и вмѣстѣ съ нимъ направились въ китайскій городъ *Бауту*[1]), расположенный по южную сторону Инъ-шаня. Въ этомъ городѣ мы должны были сдѣлать закупки риса и проса, для дальнѣйшаго путешествія, а затѣмъ уже переправиться на другую сторону Хуанъ-хэ— въ Ордосъ.

Что бы попасть на противоположную сторону Муни-ула, необходимо было перевалить черезъ эти горы; мы пошли на перевалъ, неподалеку котораго стояли и чрезъ который обыкновенно ѣздятъ на муллахъ или ослахъ мѣстные жители. Перевалъ здѣсь не труденъ, тропинка очень хороша и дѣлается нѣсколько круче только на южномъ склонѣ; далѣе она направляется по ущелью, гдѣ течетъ рѣчка *Убырэ-мыргынэ-голэ* [2]) и, пройдя 16 верстъ внизъ по ней, выходитъ въ долину Хуанъ-хэ.

Здѣсь характеръ мѣстности и природы измѣнился чрезвычайно рѣзко. Горы круто спустились въ долину; лѣса, горные ручьи, цвѣтущіе луга — все сразу кончилось, а взамѣнъ того явилась степь песчаная, безводная и гладкая, какъ полъ. Исчезли звѣри и птицы,

[1]) Этотъ городъ собственно называется *Си-Бауту*, въ отличіе отъ мѣстечка *Ара-Бауту*, которое лежитъ неподалеку отъ него.

[2]) Эта рѣчка равно какъ и Ара-мыргынъ-голъ, выйдя изъ горъ, исчезаетъ подъ землею.

Digitized by Google

обитающіе въ горахъ; не стало слышно гуканья дикаго козла, клохтанья куропатокъ, стуканья дятла и пѣнія мелкихъ пташекъ. Взамѣнъ всего этого явились дзерены, жаворонки и миріады кузнечиковъ, которые, своею неумолкаемою трескотнею, наполняли дневную тишину во время сильнаго жара.

По выходѣ изъ горъ, мы направились къ востоку долиною, лежащею между Инъ-Шанемъ и лѣвымъ берегомъ Хуанъ-хэ. Эта долина большею частію густо населена китайцами, деревни которыхъ скучены ближе къ горамъ, вѣроятно во избѣжаніе сильныхъ разливовъ Желтой рѣки. Обширныя поля вездѣ превосходно обработаны и на нихъ засѣяны: просо, пшеница, ячмень, гречиха, овесъ, рисъ, кукуруза, картофель, конопля, горохъ, бобы; мѣстами тыквы, арбузы, дыни и макъ. Благодаря болѣе низкому положенію долины Хуанъ-хэ и защиты ея горами съ сѣвера, нѣкоторыя хлѣба начинали поспѣвать, а ячмень уже былъ совсѣмъ готовъ и его убирали съ полей.

На другой день пути, мы сдѣлали переходъ въ сорокъ верстъ и, послѣ полудня, пришли въ городъ *Бауту*, который лежитъ въ семи верстахъ отъ берега Желтой рѣки и верстахъ въ пятидесяти западнѣе города Цаганъ-куреня, описаннаго Гюкомъ [1]). Бауту довольно обширенъ и обнесенъ квадратною глиняною стѣною, каждая сторона которой имѣетъ въ длину три версты. Число жителей мы не могли узнать, но населеніе здѣсь довольно велико и Бауту ведетъ обширную торговлю съ сосѣдними частями Монголіи, т. е. съ Уротами, Ордосомъ и Ала-шанемъ. Здѣсь находится даже чугунный заводъ, для приготовленія большихъ чашъ, въ которыхъ китайцы и монголы варятъ свою пищу. Внѣшній видъ описываемаго города, какъ вообще въ Китаѣ, грязный и крайне непривлекательный для европейца.

Лишь только мы вошли въ городскія вороты, гдѣ стоитъ караулъ, какъ у насъ тотчасъ же спросили паспортъ и, получивъ его, одинъ изъ солдатъ повелъ насъ въ ямынъ, т. е. городское управленіе. Передъ воротами этого судилища мы простояли со всѣмъ своимъ караваномъ минутъ двадцать, окруженные толпою китайцевъ, сбѣжавшихся посмотрѣть на невиданныхъ еще «заморскихъ чертей». Наконецъ изъ ямына вышли нѣсколько полицейскихъ и объявили, что насъ желаетъ видѣть мандаринъ, начальникъ всѣхъ здѣшнихъ войскъ. Повернувъ въ сосѣднюю улицу, мы скоро подъѣхали къ жилищу китайскаго генерала, гдѣ намъ предложили слѣзть съ лошадей и войдти

[1]) Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet T. 1 p. 309.

Digitized by Google

во дворъ пѣшкомъ. Въ воротахъ у насъ отобрали ружья и затѣмъ повели къ мандарину, который, весь въ красномъ одѣяніи, ожидалъ въ дверяхъ своей фанзы. Нашъ монголъ, увидя такого важнаго начальника, тотчасъ же бросился передъ нимъ на колѣни; мы съ товарищемъ и казакъ-переводчикъ раскланялись по европейски. Пригласивъ насъ затѣмъ въ свою фанзу и посадивъ здѣсь меня и моего помощника (монголъ и казакъ стояли), мандаринъ приказалъ подать чаю. Затѣмъ онъ началъ спрашивать: откуда мы? зачѣмъ сюда пришли? куда ѣдемъ? и т. д. Когда я объявилъ о своемъ желаніи пройдти черезъ Ордосъ въ Ала-шань, то мандаринъ отвѣчалъ, что это очень опасно, такъ какъ по дорогѣ вездѣ шляются разбойники. Зная, что въ Китаѣ безъ взятки ничего нельзя сдѣлать, я уклонился отъ разсказа на счетъ дальнѣйшаго пути, и велѣлъ своему казаку передать, что желаю подарить мандарину на память хорошую русскую вещь, именно часы. Такое предложеніе произвело свое дѣйствіе. Мандаринъ, сначала какъ будто отказался отъ подарка, но потомъ поблагодарилъ за него и обѣщалъ дать намъ свободный пропускъ въ Ордосъ. Обрадовавшись такому удачному обороту дѣла, мы раскланялись съ китайскимъ генераломъ и просили его приказать помочь намъ отыскать квартиру.

Получивъ въ провожатые нѣсколькихъ полицейскихъ, въ сопровожденіи огромной толпы, ожидавшей насъ передъ воротами фанзы мандарина, мы отправились въ городъ искать помѣщенія. Нѣсколько разъ полицейскіе заходили то въ одну, то въ другую фанзу и получивъ отказъ, или, вѣрнѣе, содравъ съ хозяина взятку, вели насъ далѣе. Наконецъ, мы пришли къ одному купцу, у котораго стояли солдаты и здѣсь, послѣ долгихъ споровъ, намъ указали небольшую и невообразимо грязную фанзу. Напрасно мы увѣряли хозяина, что заплатимъ ему сколько угодно за лучшее помѣщеніе; таковаго не оказывалось и мы, по неволѣ, должны были довольствоваться отведенною конурою.

Развьючивъ верблюдовъ, мы стаскали въ свою фанзу всѣ вещи и думали отдохнуть, но толпа народа, запрудившая собою не только дворъ, но даже цѣлую улицу, не давала намъ ни минуты покою. Напрасно мы заперли окно и двери фанзы, въ которой остановились; то и другое было выломано, и насъ окружила куча нахаловъ, среди которыхъ всего болѣе замѣчалось грубыхъ и дерзкихъ солдатъ. Нѣкоторые изъ этихъ непрошенныхъ гостей позволяли себѣ даже ощупывать насъ, но получивъ пинька, со смѣхомъ отходили въ сторону и начинали ругаться. Полицейскіе, ктоорымъ я обѣщалъ заплатить за усердіе, старались всѣми силами удержать напоръ

Digitized by Google

толпы, и дѣло нѣсколько разъ доходило до драки. Наконецъ, заперли ворота дома; тогда любопытные начали лѣзть на крышу и оттуда спускались во дворъ. Такъ прошло до самаго вечера, когда наконецъ толпа разошлась и мы, утомленные всѣми тревогами дня, легли спать. Однако жара въ фанзѣ и безпрестанно шлявшіеся солдаты, жившіе по сосѣдству, не дали намъ отдохнуть, такъ что съ восходомъ солнца, мы встали съ сильною головною болью и рѣшили, сдѣлавъ необходимыя покупки, поскорѣе уходить изъ города.

Съ первымъ нашимъ шагомъ на улицу, повторилась вчерашняя исторія. Толпа тѣсною стѣною окружала насъ, не смотря на усердіе тѣхъ же самыхъ полицейскихъ, которые своими длинными косами, какъ плетью, стегали на обѣ стороны, чтобы очистить для насъ проходъ. Едва мы заходили въ лавку, какъ она была уже полна народу, такъ что хозяинъ, испугавшись подобнаго нашествія, ничего не хотѣлъ продавать и только просилъ, чтобы мы поскорѣе уходили отъ него. Наконецъ, по протекціи тѣхъ же полицейскихъ, мы зашли къ одному купцу во дворъ и тамъ, въ задней фанзѣ, купили, что было нужно.

По возвращеніи на квартиру, намъ предстояло испытать вчерашнюю участь, но теперь наши охранители-полицейскіе, получившіе уже отъ насъ кусокъ серебра, заперли ворота и начали пускать любопытныхъ за деньги. Признаюсь, не совсѣмъ пріятно было разыгрывать роль какихъ то невиданныхъ звѣрей, но это оказалось меньшимъ изъ двухъ золъ; по-крайней-мѣрѣ зрители являлись къ намъ теперь не сотнями, но десятками и вели себя гораздо благопристойнѣе.

Около полудня пришли сказать, что мандаринъ желаетъ опять насъ видѣть и мы отправились къ нему, захвативъ обѣщанные часы. Въ ожиданіи пріема, насъ привели въ солдатскую казарму, гдѣ мы пробыли съ полчаса и видѣли домашній бытъ китайскихъ воиновъ. Число ихъ въ городѣ Бауту простирается до пяти тысячъ человѣкъ, среди которыхъ всего болѣе южныхъ китайцевъ, называемыхъ здѣсь «хотанами»; кромѣ того, есть манчжуры и, въ небольшомъ числѣ, солоны. Всѣ эти войска вооружены фитильными и, изрѣдка, европейскими ружьями, саблями и длинными бамбуковыми пиками, съ огромнымъ краснымъ флагомъ на концѣ древка.

Деморализація и распущенность солдатъ превосходитъ всякое описаніе; для мирныхъ жителей, они чистые разбойники. Ко всему этому воины Небесной имперіи, почти поголовно, преданы куренію опіума. Въ казармахъ вездѣ виднѣлись зажженныя свѣтильни и

Digitized by Google

возлѣ нихъ курящіе, рядомъ съ окончившими такое занятіе и погруженными въ глубокій сонъ. Не зная чѣмъ отучить своихъ солдатъ отъ такой пагубной привычки, ихъ генералъ еще вчера спрашивалъ, не знаемъ ли мы какого нибудь лекарства отъ опіума и предлагалъ заплатить за это большія деньги.

Мандаринъ принялъ насъ сегодня въ той же самой фанзѣ и, получивъ часы, началъ распрашивать про Россію, далеко ли отсюда наша столица? какъ обработываютъ у насъ землю? и т. д. Въ то же время онъ разсматривалъ бывшее на насъ одѣяніе (статское) съ такою подробностію, что дѣло доходило даже до рубашки и сапоговъ. Во время обычнаго чаепитія, намъ поднесли отвѣтные подарки, заключавшіеся въ небольшихъ шелковыхъ мѣшечкахъ, въ которыхъ монголы носятъ за поясомъ свои табакерки. Поблагодаривъ за это мандарина, мы объявили ему, что желаемъ сегодня уходить изъ города и просили приказать не задерживать насъ на перевозѣ черезъ Хуанъ-хэ. Обѣщаніе было дано и мы разстались съ китайскимъ генераломъ. Немного спустя, намъ принесли отъ него пропускной билетъ и нашъ пекинскій паспортъ, такъ что мы могли свободно идти далѣе. Завьючивъ верблюдовъ, въ сопровожденіи огромной толпы, мы вышли наконецъ изъ города и вскорѣ достигли перевоза *Ланъ-хайза,* гдѣ должны были переправиться на другую сторону Желтой рѣки.

Для перевозки какъ людей, такъ и животныхъ, здѣсь служатъ плоскодонные баркасы, сажени четыре длиною и около двухъ въ ширину. Борты этихъ баркасовъ поднимаются фута три надъ водою, а такъ какъ сходней не имѣется, то черезъ подобный барьеръ должны лазить всѣ животныя, въ томъ числѣ и верблюды.

Въ Ланъ-хайзѣ прежде всего началась рѣчь о платѣ и, послѣ долгихъ споровъ, насъ согласились перевезти за четыре тысячи чохъ, что составляетъ четыре рубля нашей звонкой монеты. Затѣмъ развьючили верблюдовъ и стаскали на баркасъ всѣ вещи. Потомъ завели сюда лошадей и наконецъ принялись устанавливать верблюдовъ. Съ послѣдними было не мало возни, такъ какъ трусливыя животныя ни за что не хотѣли идти въ воду, а тѣмъ болѣе лѣзть въ барку. Тогда, съ десятокъ китайцевъ упирали доску, плашмя, въ задъ животнаго и пихали его къ баркасу; между тѣмъ нѣсколько человѣкъ старались втащить туда, веревками, переднія ноги верблюда, который при этомъ плевалъ и кричалъ во все горло, но наконецъ все таки попадалъ въ баркасъ. Здѣсь его тотчасъ же укладывали и привязывали такъ, чтобы нельзя было встать во время переѣзда.

Digitized by Google

Наконецъ, послѣ двухчасовой работы, укладка нашего каравана кончилась и насъ потащили, на веревкахъ, вверхъ по рѣкѣ. Заведя такимъ образомъ около версты, баркасъ пустили внизъ по теченію и на веслахъ пристали къ противоположному берегу. Здѣсь вскорѣ все было выгружено — и мы очутились въ Ордосѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ордосъ.

Географическое положеніе Ордоса и его административное раздѣленіе. Описаніе сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ. Характеръ ея долины. Пески Кузупчи. Пребываніе на озерѣ Цайдеминъ-норъ. Монгольскія преданія о Чингисъ-ханѣ. Дальнѣйшій путь. Антилопа хара-сульта. Кумирня Шара-дзу. Одичавшій рогатый скотъ. Обычный порядокъ нашихъ вьючныхъ хожденій. Горы Арбусъ-ула. Приключеніе въ городѣ Дынъ-ху.

Ордосомъ называется страна, лежащая въ сѣверномъ изгибѣ Хуанъ-хэ и ограниченная съ трехъ сторонъ—запада, сѣвера и востока—названною рѣкою, а съ юга прилегающая къ провинціямъ Шэнь-си и Гань-су. Южная граница обозначается тою же самою Великою стѣною, съ которою мы познакомились у Калгана. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, эта стѣна отдѣляетъ культуру и осѣдлую жизнь Собственнаго Китая отъ пустынь высокаго нагорья, гдѣ возможно только кочевое, пастушеское состояніе народа. Такое соприкосновеніе двухъ наибольшихъ контрастовъ физическаго строенія земной поверхности: съ одной стороны теплой, плодородной, богато орошенной и изрѣзанной горами китайской низменности, а съ другой высокаго, холоднаго и пустыннаго нагорья—обусловило собою и историческія судьбы народовъ здѣсь обитающихъ [1]). Непохожіе другъ на друга ни по образу жизни, ни по характеру, они, естественно, всегда должны были чуждаться и ненавидѣть одинъ другаго. Какъ для китайца непонятна и отвратительна казалась подвижная, исполненная лишеній, жизнь кочевника, такъ и номадъ, съ своей стороны, презрительно смотрѣлъ на копотливый трудъ сосѣда-земледѣльца и цѣнилъ свою дикую свободу выше всѣхъ благъ на свѣтѣ. Отсюда истекалъ и полный контрастъ характеровъ обоихъ народовъ: трудолюбивый китаецъ, достигшій въ незапамятныя времена сравнительно высокой, хотя и своеобразной цивилизаціи, всегда чуж-

[1]) Подробное развитіе такой идеи находится въ классическомъ твореніи Риттера «Землевѣденіе Азіи», ч. I. Пер. Семенова.

Digitized by Google

дался войны и считалъ ее величайшимъ бѣдствіемъ; наоборотъ, подвижной, дикій и закаленный въ физическихъ трудностяхъ обитатель холодныхъ пустынь нынѣшней Монголіи, всегда былъ готовъ для нашествія и грабежа. При неудачѣ онъ терялъ мало; въ случаѣ же успѣха, пріобрѣталъ достояніе, накопленное трудомъ многихъ поколѣній.

Изъ такихъ то условій истекало постоянное стремленіе номадовъ двинуться въ Китай, для чего удобнѣйшимъ мѣстомъ была окраина нагорья. Здѣсь могли соединяться цѣлыя орды и сразу очутиться въ предѣлахъ непріятельской земли. Завѣдомо для исторіи подобныя вторженія происходили нѣсколько разъ, какъ со стороны Монголіи, такъ и со стороны Манчжуріи, отъ лѣсныхъ племенъ этой послѣдней. Великая стѣна не могла удержать такіе приливы варваровъ, которые, въ свою очередь, не могли создать государства съ прочными задатками для внутренняго развитія. По истеченіи извѣстнаго періода владычества, варвары теряли, при соприкосновеніи съ чуждою имъ доселѣ цивилизаціею, единственную основу своей власти военную силу, изгонялись на нагорье и даже подчинялись на время Китаю. Послѣдній не столько силою, сколько хитрою политикою, часто умѣлъ предотвращать тѣ бѣды, которыя ему грозили со стороны номадовъ.

По своему физическому характеру, Ордосъ представляетъ степную равнину, прорѣзанную иногда, по окраинамъ, невысокими горами. Почва вездѣ песчаная, или глинисто-соленая, неудобная для воздѣлыванія. Исключеніе составляетъ только долина Хуанъ-хэ, гдѣ является осѣдлое китайское населеніе. Абсолютная высота описываемой страны, вѣроятно, заключается между тремя и тремя съ половиною тысячами футъ [1]), такъ что Ордосъ составляетъ переходный уступъ къ Китаю со стороны Гоби; отъ послѣдней онъ отдѣляется горами, стоящими по сѣверную и восточную сторону Желтой рѣки.

Въ древнія времена Ордосъ былъ добычею различныхъ завоевателей, попеременно смѣнявшихъ другъ друга. Въ половинѣ XV вѣка по Р. Х. здѣсь впервые явились монголы, а затѣмъ, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка, описываемая страна подпала власти цахаровъ [2]), которые вскорѣ признали надъ собою господство вновь

[1]) Такъ какъ долина Хуанъ-хэ имѣетъ недалеко отъ города Бауту 3200 фут. абс. выс., а въ 27 верстахъ западнѣе города Дынъ-ху, кипѣніе воды показало 3500 фут. абс. поднятія.

[2]) Съ этого времени Ордосъ получилъ свое настоящее имя; въ древности эта страна называлась *Хэ-нанъ*, а еще ранѣе—*Хэ-дао*.

Digitized by Google

возникшаго на китайскомъ престолѣ Манчжурскаго дома. Послѣ того Ордосъ получалъ устройство общее для всѣхъ номадовъ и, въ настоящее время, раздѣляется на семь хошуновъ, которые расположены слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ—*Далды* и *Хангинъ*; на западѣ—*Отокъ* и *Засакъ*; на югѣ—*Ушинъ*; на востокѣ—*Джунгаръ* и въ срединѣ—*Ванъ*; городовъ въ описываемой странѣ нѣтъ вовсе.

Какъ сказано выше, Ордосъ лежитъ полуостровомъ въ колѣнѣ, образуемомъ изгибами средняго теченія Хуанъ-хэ. Эта рѣка, одна изъ величайшихъ въ восточной Азіи, вытекаетъ изъ альпійской страны, къ югу отъ озера Куку-нора, долго извивается здѣсь между исполинскими цѣпями горъ и, наконецъ, при г. Хэ-чжеу, входитъ въ предѣлы собственнаго Китая. Отсюда, или правильнѣе отъ г. Ланъ-чжеу, Хуанъ-хэ течетъ прямо на сѣверъ, съ небольшимъ уклоненіемъ къ востоку, и сохраняетъ такое направленіе на протяженіи пяти градусовъ широты. Далѣе, остановленная въ своемъ стремленіи къ сѣверу вздутіемъ Гоби и горами Инъ-Шань, Желтая рѣка круто поворачиваетъ къ востоку, течетъ такимъ образомъ около 50 геогр. миль, а затѣмъ, вдругъ измѣняетъ это направленіе и стремится къ югу, даже за параллель своихъ истоковъ. Отсюда Хуанъ-хэ снова поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ востоку и, близъ г. Кайфынъ-фу, главное русло уходитъ въ Печилійскій заливъ, тогда какъ другая, засорившаяся вѣтвь направляется въ Желтое море. Подобное измѣненіе нижняго теченія Хуанъ-хэ произошло весьма недавно, именно въ 1855 году, когда описываемая рѣка, прорвавъ плотины около г. Кай-фынъ-фу, потекла новымъ русломъ въ Печилійскій заливъ, гдѣ впадаетъ болѣе чѣмъ на 400 верстъ выше своего прежняго устья. Капризные извороты Хуанъ-хэ и обиліе лѣтнихъ дождей въ гористой области ея верхняго теченія, обусливаютъ то обстоятельство, что эта рѣка подвержена частымъ и сильнымъ наводненіямъ, причиняющимъ иногда огромныя бѣдствія.

Переправившись въ Ордосъ, мы рѣшили двинуться далѣе не кратчайшимъ діогональнымъ путемъ, которымъ слѣдовали Гюкъ съ Габе и прежніе миссіонеры (Мартини, Жербильонъ), но по самой долинѣ Желтой рѣки. Путь этотъ представлялъ болѣе интереса для изысканій зоологическихъ и ботаническихъ, нежели пустынная внутность Ордоса; сверхъ того намъ хотѣлось разрѣшить вопросъ о развѣтвленіи Хуанъ-хэ на ея сѣверномъ изгибѣ.

Мы прошли по берегу Желтой рѣки 434 версты—отъ переправы противъ г. Бауту до города Дынъ-хуй [1]) — и результатомъ произве-

[1]) *Чаганъ-субаръ-ханъ* на картахъ Клапрота и Кипперта.

Digitized by Google

денныхъ изысканій явился тотъ фактъ, что развѣтвленій Хуанъ-хэ, при сѣверномъ ея изгибѣ, не существуетъ въ томъ видѣ, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ на картахъ, и рѣка, въ этомъ мѣстѣ, перемѣнила свое теченіе.

Чтобы излагать въ послѣдовательномъ порядкѣ, я сдѣлаю предварительно общій очеркъ характера изслѣдованной нами части Желтой рѣки, равно какъ и ея долины, а затѣмъ уже буду продолжать о самомъ ходѣ нашего путешествія въ Ордосѣ

Извиваясь довольно значительно для рѣки большихъ размѣровъ, Хуанъ-хэ течетъ, со скоростію до 300 фут. въ минуту [1]), по долинѣ, окаймленной съ сѣвера Инъ-Шанемъ и его западными продолженіями, а съ юга — полосою сыпучихъ песковъ, извѣстныхъ у монголовъ подъ именемъ *Кузупчи*. Берега рѣки, равно какъ и ея дно, состоятъ изъ липкой глины; вода чрезвычайно мутная, такъ что изслѣдуя ее въ отстоѣ, я нашелъ 1,3% грязи. Впрочемъ сильная мутность, придающая водѣ желтовато-сѣрый цвѣтъ, не вредна для здоровья, въ особенности если дать грязи хотя немного отстояться.

Ширина Хуанъ-хэ, во всемъ пройденномъ нами пространствѣ, почти одинакова и зависитъ отъ высокаго, или низкаго стоянія воды. Противъ города Дынъ-ху, я измѣрилъ бусолью ширину описываемой рѣки и нашелъ ея равною 203 саженямъ. Приблизительно столько же, или немного развѣ болѣе, Хуанъ-хэ имѣетъ (при среднемъ уровнѣ воды) и противъ г. Бауту, гдѣ мнѣ не удалось сдѣлать измѣренія, такъ какъ китайцы зорко слѣдили за нами во время переправы. Глубина Желтой рѣки весьма значительна и перейдти ея въ бродъ нигдѣ нельзя; рѣчнымъ пароходамъ ходить здѣсь, сколько кажется, весьма удобно. По крайней мѣрѣ, теперь по Хуанъ-хэ постоянно плаваютъ большія барки, которыя развозятъ продовольствіе китайскимъ войскамъ, расположеннымъ по лѣвому берегу рѣки. Говорятъ, что на проѣздъ отъ г. Бауту до г. Нинъ-ся нужно сорокъ дней, а внизъ по рѣкѣ, между тѣми же самыми пунктами, барки плывутъ только семь дней.

Во всемъ пройденномъ нами пространствѣ, Хуанъ-хэ не имѣетъ заливовъ, но течетъ въ ровныхъ, низкихъ берегахъ; глинистая почва и быстрое теченіе обусловливаютъ здѣсь то явленіе, что берега рѣки постоянно подмываются и обваливаются.

Отъ меридіана западнаго угла Муни-улы, какъ на правой,

[1]) Такую скорость теченія мы наблюдали вблизи берега во время нашей переправы возлѣ г. Бауту; посрединѣ рѣка текла, вѣроятно, еще быстрѣе; впрочемъ, быстрота теченія зависитъ отъ болѣе или менѣе низкаго стоянія воды, которая во время нашей переправы была на среднемъ уровнѣ.

Digitized by Google

такъ и на лѣвой сторонѣ Хуанъ-хэ, отдѣляются рукава, достигающіе отъ 25—40 сажень ширины. Эти рукава вскорѣ опять соединяются съ главною рѣкою и только одинъ изъ нихъ, именно *Бага-хатунъ*, тянется довольно далеко къ востоку. Что же касается до рукавовъ, обозначаемыхъ на правомъ берегу сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ (западнѣе Муни-улы), то здѣсь ихъ теперь вовсе не существуетъ, вслѣдствіе измѣненія теченія рѣчи. Послѣдняя оставила свое прежнее русло и направляется верстъ на пятьдесятъ южнѣе. Старое русло, называемое монголами *Уланъ-хатунъ*, сохранилось очень хорошо и мы видѣли его, во время обратнаго слѣдованія изъ Ала-шаня въ Пекинъ. Монголы единогласно говорили, что между старымъ русломъ и нынѣшнею Желтою рѣкою существуютъ два рукава, протянувшіеся до западнаго конца Муни-улы, гдѣ возникаютъ новыя вѣтви рѣки. По всему вѣроятію, эти два рукава и есть тѣ самые, которые обозначены на нѣкоторыхъ картахъ съ южной стороны Хуанъ-хэ, направляющейся теперь по третьему, т. е. самому южному изъ прежнихъ рукавовъ.

Подобное измѣненіе русла Желтой рѣки произошло, вѣроятно не особенно давно. Подтвержденіемъ этому служитъ то обстоятельство, что земля Ордосъ считается теперь не до нынѣшняго теченія рѣки, но переходитъ черезъ нее и тянется до стараго русла. Мѣстные монголы разсказывали намъ, по преданію, что когда Хуанъ-хэ, послѣ сильныхъ лѣтнихъ дождей, перемѣнила свое прежнее направленіе и потекла южнѣе, то между ордосцами и уротами возникла тяжба за пограничную черту. Для разбора этого дѣла, изъ Пекина пріѣзжала коммисія, которая рѣшила, что ордосская земля должна считаться по прежнему, т. е. до высохшаго русла рѣки. Дѣйствительно, теперь одни и тѣже хошуны Ордоса лежатъ по правой и по лѣвой сторонѣ Хуанъ-хэ; это опять-таки указываетъ, что Желтая рѣка измѣнила свое теченіе уже послѣ раздѣленія Ордосской земли на нынѣшніе хошуны.

Долина Хуанъ-хэ, въ описываемой части ея теченія, имѣетъ ширину отъ 30—60 верстъ, и наносную глинистую почву [1]). На сѣверной сторонѣ рѣки эта долина весьма расширяется западнѣе горъ Муни-ула, тогда какъ на южномъ берегу, въ тоже время, она сильно съуживается песками Кузупчи, близко подходящими къ самой Хуанъ-хэ.

[1]) Намъ нѣсколько разъ случалось, подъ слоемъ глины, въ два или три фута глубиною, встрѣчать голый песокъ; впрочемъ, толщина наноснаго глинистаго слоя вблизи рѣки, вѣроятно, гораздо больше, такъ какъ вышеприведенный результатъ мы находили возлѣ песковъ Кузупчи, слѣдовательно на окраинѣ долины Хуанъ-хэ.

Digitized by Google

Сѣверная долина, за исключеніемъ лишь небольшой части, прилегающей къ горамъ, гдѣ почва дѣлается песчаною и каменистою, вездѣ удобна для обработки и густо покрыта китайскими деревнями. Тоже самое можно сказать и про долину южнаго берега Желтой рѣки, отъ мѣста нашей переправы [1]), почти до меридіана западнаго угла Муни-улы. Здѣсь, эта долина вездѣ несетъ луговой характеръ, прорѣзана нѣсколькими рѣчками, а мѣстами, подальше отъ рѣки, образуетъ небольшія болота и озера. На заливныхъ лугахъ является травянистая флора: *Odontites rubra*, *Aster tataricus*, *Panicum mandshuricum*, *Calystegia acetosaefolia*, *Echinops Turczaninovii?*, *Sonchus brachyotus*, *Statice aurea*, *Sophora flavescens*, *Cynanchum acutum*, *Wincetoxicum sibiricum*, *Vincetoxicum sp.*; виды *Ranunculus*, *Tanacetum*, *Oxytropis*, *Plantago*, *Stachys*, *Spergularia*, *Adenophora* и др., такъ что мѣстами эти луга совершенно походятъ на наши европейскіе. Ближе къ рѣкѣ растутъ: густой *чернобыльникъ* (Artemisia sp.) и *колосникъ* (Elymus sp.), которые далѣе къ западу сплошь покрываютъ, вмѣстѣ *съ лозою* (Salix sp.), большія площади. Болота и ихъ окраины густо поросли *тростникомъ* (Phragmites communis); въ мѣстахъ же, непокрытыхъ имъ, являются: *водяной шильникъ* (Alisma Plantago), *водяная сосенка* (Hippuris vulgaris), виды *Scirpus*, *Elaeocharis*, *Cyperus*, *Juncus*, *Utricularia*, *Cicuta*, *Butomus*, *Monochoria*, *Pedicularis*, *Lactuca*.

Пески Кузупчи здѣсь не прямо подходятъ къ долинѣ Хуанъ-хэ, но отдѣляются отъ нея песчано-глинистою окраиною, которая вездѣ обрывается отвѣсною стѣною футовъ въ 50, иногда даже до 100 вышины и, по всему вѣроятію, нѣкогда составляла берегъ самой рѣки.

Вышеупомянутая окраина покрыта небольшими (7—10 фут. вышины) буграми, поросшими, главнымъ образомъ, *полевымъ чернобыльникомъ* (Artemisia campestris) и *золотарникомъ* (Caragana sp.). Здѣсь же встрѣчается въ большомъ количествѣ одно изъ характерныхъ растеній Ордоса, именно *лакричневый корень* (Glycyrrhiza uralensis), называемый монголами *чихирь-буя*, а китайцами—*со* или *сого*. Это растеніе, принадлежащее къ семейству бобовыхъ, имѣетъ корень длинною въ четыре фута, или болѣе, при толщинѣ до двухъ дюймовъ у основанія. Впрочемъ, такихъ размѣровъ корень достигаетъ въ полномъ возрастѣ; у молодыхъ же экземпляровъ онъ бываетъ не толще большаго пальца руки, хотя также имѣетъ въ длину фута три и даже четыре. Для выкапыванія описываемаго корня, упо-

[1]) Слѣдуетъ оговорить, что плодородная и обработанная долина южнаго берега Хуанъ-хэ тянется къ востоку, гораздо далѣе мѣста нашей переправы черезъ Желтую рѣку.

Digitized by Google

требляются желѣзныя лопаты съ деревянными ручками. Работа эта весьма тяжела, такъ какъ корень почти вертикально углубляется въ твердую глинистую почву; при томъ же онъ растетъ въ мѣстностяхъ безводныхъ, гдѣ приходится работать подъ жгучими лучами солнца.

Партіи промышленниковъ, всего чаще монголовъ и монголокъ, нанятыхъ китайцами, приходя на мѣсто сбора, устраиваетъ центральное депо, куда ежедневно сносятся всѣ добытые корни. Здѣсь ихъ кладутъ въ яму, чтобы предохранить отъ засыханія на солнцѣ; затѣмъ у каждаго отрѣзаютъ тонкій конецъ и боковые отпрыски. Далѣе, корни, въ видѣ палокъ, связываются въ пучки, каждый вѣсомъ въ сто гиновъ, грузятся на барки и отправляется внизъ по Хуанъ-хэ. Китайцы увѣряли насъ, что лакричневый корень идетъ въ южной Китай, гдѣ изъ него приготовляютъ особенное прохладительное питье.

Отъ меридіана западнаго угла Муни-улы характеръ долины южнаго берега Хуанъ-хэ (вверхъ по рѣкѣ) измѣняется довольно рѣзко. Къ прежней плодородной глинистой почвѣ здѣсь примѣшивается соль, иногда въ такомъ количествѣ, что покрываетъ землю бѣлымъ налетомъ; болотъ и рѣчекъ, изрѣдка попадавшихся въ предшествовавшей полосѣ, здѣсь нѣтъ вовсе, такъ что, за исключеніемъ Хуанъ-хэ, нельзя встрѣтить капли воды.

Вслѣдъ за измѣненіемъ характера почвы измѣняется характеръ и растительности. Прежніе луга, съ флорою, если не богатою, то все таки довольно разнообразною[1]), исчезаютъ, а взамѣнъ того описываемая долина вездѣ поросла *тростеполевицею* (Calamagrostis sp.) и *дырисуномъ* (Lasiagrostis splendens). Послѣдній злакъ достигаетъ сажени вышины и растетъ кустами; притомъ же онъ твердъ, какъ проволока, такъ что съ большимъ трудомъ можно сорвать хотя одну соломинку. Кустарныя заросли дѣлаются гораздо больше и часто покрываютъ обширныя площади по берегу Хуанъ-хэ[2]). Между этими кустарниками преобладаетъ почти исключительно одинъ видъ, именно *тамариск* (Tamarix sp.), достигающій иногда размѣра дерева въ 20 фут. вышиною, при толщинѣ отъ 3—4 дюймовъ.

Сыпучіе пески, которые въ предшествовавшей полосѣ находились въ разстояніи двадцати и болѣе верстъ отъ берега Хуанъ-хэ,

---

[1]) Въ долинѣ Хуанъ-хэ и въ оазисахъ песковъ Кузупчи мы собрали, съ половины іюля до конца августа, 137 видовъ цвѣтущихъ растеній; горы Муни-ула доставили, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, 163 вида; впрочемъ, нѣкоторые горные виды встрѣчались также и по долинѣ Желтой рѣки.

[2]) Эти кустарники растутъ и на противоположномъ берегу Хуанъ-хэ.

Digitized by Google

здѣсь придвигаются къ ней гораздо ближе и мѣстами посылаютъ къ самой рѣкѣ небольшіе рукава. Эти пески, какъ сказано выше, называются у монголовъ *Кузупчи*. Такое имя въ переводѣ значитъ «ошейникъ» и выбрано весьма удачно, такъ какъ описываемые пески стоятъ рѣзкою каймою долины Хуанъ-хэ—отъ меридіана г. Бауту верстъ на 300 вверхъ по теченію Желтой рѣки; затѣмъ, они переходятъ на лѣвую сторону Хуанъ-хэ и наполняютъ собою весь Алашань.

Пески Кузупчи состоятъ изъ невысокихъ (40—50 рѣдко 100 фут.) холмовъ, насаженныхъ одинъ возлѣ другаго, и образовавшихся изъ мелкаго желтаго песку. Верхній слой этого песку, будучи сдуваемъ вѣтромъ, то на одну, то на другую сторону холмовъ, образуетъ здѣсь рыхлыя насыпи, въ родѣ снѣжныхъ сугробовъ[1]).

Непріятное, подавляющее впечатлѣніе производятъ эти оголенные желтые холмы, когда заберешься въ ихъ средину, откуда не видно ничего, кромѣ неба и песка, гдѣ нѣтъ ни растенія, ни животнаго, за исключеніемъ лишь желто-сѣрыхъ *ящерицъ* (Phrynocephalus sp.), которыя, бродя по рыхлой почвѣ, изукрасили ея различными узорами своихъ слѣдовъ. Тяжело становится человѣку въ этомъ, въ полномъ смыслѣ, песчаномъ морѣ, лишенномъ всякой жизни. Не слышно здѣсь никакихъ звуковъ, ни даже трещанья кузнечика—кругомъ тишина могильная.... Не даромъ же мѣстные монголы сложили нѣсколько легендъ про эти ужасные пески. Они говорятъ, что здѣсь было главное мѣсто подвиговъ двухъ героевъ—Гэсэръ-хана и Чингисъ-хана, что, сражаясь съ китайцами, эти богатыри убили множество людей, трупы которыхъ, по волѣ Божіей, были засыпаны пескомъ, принесеннымъ вѣтромъ изъ пустыни. До сихъ поръ еще, говорили намъ съ суевѣрнымъ страхомъ монголы, въ пескахъ Кузупчи, даже днемъ, можно слышать стоны, крики и т. п. звуки, которые производятъ души покойниковъ. До сихъ поръ еще вѣтеръ, сдувающій песокъ, иногда оголяетъ различныя драгоцѣнныя вещи, какъ напр., серебряные сосуды, которые стоятъ совершенно наружу, но взять ихъ невозможно, такъ какъ подобнаго смѣльчака тотчасъ же постигнетъ смерть.

---

[1]) Подпочва песковъ Кузупчи состоитъ изъ твердой глины, такой же, какъ и въ долинѣ Хуанъ-хэ. Подобное явленіе служитъ сильнымъ подтвержденіемъ той гипотезы, что Ордосъ нѣкогда былъ дномъ озера, прорвавшаго себѣ выходъ къ океану нынѣшнимъ русломъ Хуанъ-хэ; бывшія мели этаго озера сдѣлались теперь сыпучими песками. Вѣроятіе такого явленія отчасти подтверждается и историческими преданіями китайцевъ о великихъ потопахъ, происходившихъ въ области нынѣшней Хуанъ-хэ, за 3100 и 2300 лѣтъ до Р. Х. Землев. Азіи Риттера. пер. Семенова т. I стр. 484.

Digitized by Google

Другое преданіе гласитъ, что Чингисъ-ханъ, тѣснимый своими врагами, поставилъ пески Кузупчи, какъ ограду съ одной стороны, а рѣку Хуанъ-хэ заворотилъ съ прежняго ея направленія къ сѣверу, и такимъ образомъ оградилъ себя отъ нападеній.

Однако въ пескахъ Кузупчи, ширина которыхъ простирается, по словамъ монголовъ, отъ 15—80 верстъ, не вездѣ царствуютъ смерть и запустѣніе. Мѣстами, ближе къ наружной окраинѣ, здѣсь попадаются небольшіе оазисы, покрытые довольно разнообразною растительностію, среди которой преобладаетъ красивый саженный кустарникъ *чагеранъ* (Hedysarum sp.), весь залитой въ августѣ своими розовыми цвѣтами; кромѣ того, здѣсь растутъ небольшія деревья *Calligonum sp.*, *Tragopyrum sp.* и знаменитое крестоцвѣтное *Pugionium cornutum*. До сихъ поръ растеніе это извѣстно было только по двумъ небольшимъ вѣточкамъ, добытымъ въ прошломъ столѣтіи естествоиспытателемъ Гмелинымъ, и сохранившимся въ музеяхъ Лондона и Штутгардта. Къ крайнему своему сожалѣнію, я не зналъ о рѣдкости Pugionium, а потому взялъ въ свой гербарій лишь нѣсколько экземпляровъ, наравнѣ съ другими видами. Описываемое растеніе попадается часто въ пескахъ Кузупчи и достигаетъ здѣсь формы куста въ 7 фут. вышины, при толщинѣ, у корня, отъ 1—1½ дюймовъ.

Верстахъ въ 300 къ западу отъ меридіана г. Бауту, пески Кузупчи переходятъ на лѣвую сторону Хуанъ-хэ, долина которой (на правой сторонѣ рѣки) еще разъ измѣняетъ свой характеръ и дѣлается совершенно безплодною. Къ глинисто-соленой почвѣ здѣсь примѣшивается песокъ, иногда довольно крупный, а сама долина, въ особенности ближе къ берегу Желтой рѣки, изборождена рытвинами, или высохшими руслами дождевыхъ потоковъ. Растительность дѣлается чрезвычайно бѣдною, такъ что почва большею частію совершенно обнажена и усажена, какъ кочками, невысокими (3—6 ф.) буграми, по которымъ растетъ низкій корявый *хармыкъ* (Nitraria Schoberi), *Zygophyllum sp.*, и еще какой-то кустарникъ изъ семейства бобовыхъ, съ кожистыми, неопадающими зимою, листьями.

Образованіе вышеупомянутыхъ бугровъ можно объяснить дѣйствіемъ вѣтровъ, поднимающихъ въ воздухъ песокъ и пыль. То и другое задерживается корявыми кустарниками и накопляясь, мало-помалу образуетъ небольшое возвышеніе, на которое поднимаются сами кустарники и скрѣпляютъ его своими корнями; затѣмъ дожди обмываютъ бока такого кургана и дѣлаютъ ихъ какъ бы скопанными лопатою.

Вмѣсто песковъ Кузупчи, теперь на окраинѣ долины Хуанъ-хэ, тянутся пологіе холмы, которые, повышаясь мало-по-малу, перехо-

Digitized by Google

дятъ въ высокій скалистый хребетъ, стоящій противъ г. Дынъ-ху и протянувшійся далѣе къ югу, параллельно теченію Желтой рѣки. Вышеупомянутые холмы, сколько можно видѣть издали, несутъ характеръ прилежащей къ нимъ долины, т. е. совершенно безплодны. По всѣму вѣроятію, такова же и внутренность всего Ордоса, который мѣстными жителями называется *Бюро тохой*, т. е. сѣрый (а не зеленый) лугъ.

Абсолютная высота долины Хуанъ-хэ, въ пройденномъ нами пространствѣ, измѣняется весьма мало, такъ что кипѣніе воды на озерѣ Цайдеминъ-норъ дало 3,200 фут., въ 27 верстахъ западнѣе г. Дынъ-ху—3,500 футовъ[1]), и почти въ срединѣ между этими пунктами, у подошвы окрайнихъ горъ лѣваго берега Желтой рѣки,— также 3,500 футъ.

Животная жизнь въ долинѣ Хуанъ-хэ не особенно богата. Изъ млекопитающихъ здѣсь водятся *чернохвостыя антилопы* (Antilope subgutturosa), *зайцы* (Lepus Tolai), *лисицы*, *волки и мелкіе грызуны*. Изъ птицъ всего чаще попадаются: *фазаны* (Phasianus torquatus), *жаворонки* (Alauda arvensis, A. pispoletta?, Galerita cristata?), *чеканы* (Saxicola deserti, S. oenanthe) и *удоды* (Upupa Epops). По болотамъ и озерамъ водятся: *гуси* (Anser cygnoides, A. cinereus), *утки* (Anas Boschas, A. aquta, A. rutila и др.), *луни* (Circus rufus, C. spilonotus), *крачки* (Sterna leucoptera, Sterna sp.), *ходулочники* (Hypsibates himantopus), *шилоклювки* (Recurvirostra Avocetta), *бекасы* (Scolopax Gallinago, S. megala?) и *мелкіе кулички* (Totanus ochropus, T. Glareola, Tringa subminuta). По самой рѣкѣ носятся *чайки* (Larus ridibundus, L. occidentalis?), а на обрывистыхъ берегахъ нерѣдко можно видѣть неподвижно сидящаго *орлана* (Haliaëtos Macei). Вообще Ордосъ, какъ и вся Монголія, не богатъ птицами, такъ что въ долинѣ Хуанъ-хэ и въ оазисахъ песковъ Кузупчи мы нашли только 104 вида пернатыхъ. Породы рыбъ въ Желтой рѣкѣ, вѣроятно, также не слишкомъ разнообразны. По крайней мѣрѣ, своею небольшою сѣтью мы поймали только шесть видовъ: *сома* (Silurus asotus), *карпа* (Cyprinus carpio), *карася* (Carassius vulgaris?), *головля* (Squalius chinensis) и два новыхъ вида, быть можетъ, даже два новыхъ рода изъ семейства Cyprinidae. Вмѣстѣ съ рыбою было добыто нѣсколько экземпляровъ *черепахъ* (Trionyx sp.), которыя въ значительномъ количествѣ водятся въ Хуанъ-хэ.

Что же касается до обитателей Ордоса, то послѣ дунганскаго разоренія въ 1869 г., населеніе по долинѣ Хуанъ-хэ, намъ встрѣ-

[1]) Это мѣсто собственно принадлежитъ уже Ала-шаньской равнинѣ.

Digitized by Google

чалось только верстъ на 90 къ западу отъ переправы Ланъ-хайза; далѣе нѣтъ ни кого и даже прежнія тропинки заросли травою, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда. Мѣстами попадается разоренная деревня, или, на половину растерзанный волками, скелетъ убитаго дунганами монгола. Тогда невольно приходятъ на память слова Гумбольдта, что «какъ историкъ, слѣдящій за вѣками, такъ и путешественникъ, странствующій по землѣ, всюду находятъ однообразную, безотрадную картину враждующаго человѣчества. ...»

Теперь перейдемъ къ продолженію разсказа о самомъ путешествіи.

На слѣдующій день, послѣ переправы черезъ Хуанъ-хэ, мы должны были еще переправляться черезъ ея рукавъ *Бага-хатунъ*, который имѣетъ сажень пятьдесятъ ширины и отстоитъ на десять верстъ отъ главной рѣки. Самый перевозъ, называемый *Ли-ванъ-ди*, содержатъ китайцы, содравшіе съ насъ порядочный кушъ за переправу. На другой сторонѣ перевоза, мы разбили свою палатку съ тѣмъ, чтобы идти далѣе на слѣдующій день раннимъ утромъ. Однако, совершенно неожиданно, мы должны были простоять здѣсь четверо сутокъ. Причиною этому былъ сначала сильный дождь, лившій цѣлый день, и до того растворившій глинистую почву долины Хуанъ-хэ, что верблюды совсѣмъ не могли идти; затѣмъ одинъ изъ нашихъ верблюдовъ, недавно купленный въ г. Бауту, ушелъ и его искали цѣлыхъ два дня казакъ съ монголомъ.

Между тѣмъ мы поневолѣ должны были сидѣть у самаго перевоза Ли-ванъ-ди, гдѣ нашу палатку безпрестанно посѣщали всѣ мимоѣзжіе китайцы и монголы, страшно надоѣдая своею назойливостію. Однажды, нѣсколько китайскихъ солдатъ даже требовали, чтобы мы подарили имъ ружье, или револьверъ и грозили, въ случаѣ отказа, придти гурьбою отнять эти вещи. Мы вытолкали негодаевъ изъ своей палатки и обѣщали стрѣлять, если они вздумаютъ явиться къ намъ съ цѣлію грабежа.

Наконецъ ушедшій верблюдъ былъ отысканъ, и мы двинулись къ озеру *Цайдеминъ-норъ*, про которое узнали отъ монголовъ. На берегахъ этого озера, обильнаго, какъ намъ говорили, дичью и хорошими пастбищами, мы надѣялись провести недѣли двѣ съ тѣмъ, чтобы дать отдохнуть нашимъ верблюдамъ, сильно изнуреннымъ постоянными переходами. Мы сами также нуждались въ отдыхѣ, и при томъ, живя на мѣстѣ, полнѣе могли изучить характеръ флоры и фауны долины Хуанъ-хэ. Наконецъ, въ теченіе всего іюля, день въ день, стояли такіе жары, что дѣлали почти невозможнымъ вьючныя хожденія, хотя бы небольшими переходами. Правда, въ тѣни

Digitized by Google

термометръ не показывалъ болѣе + 37° С., но за то солнце жгло невыносимо и иногда накаляло не только песокъ, но даже глину, на +70° С., такъ что верблюды не могли ступать своею голою подошвою и безпрестанно трясли ногами, обжигаемыми раскаленною почвою. Вода въ Желтой рѣкѣ нагрѣвалась до +24,5° С., а въ озерахъ и болотахъ ея температура доходила до +32,3° С. Хотя дожди, обыкновенно сопровождаемые грозами, падали часто, но они временно освѣжали атмосферу. Лишь только небо разъяснивало, солнце начинало жечь по прежнему и жара становилась тѣмъ чувствительнѣе, что въ это время стояло затишье, или дулъ слабый юго-восточный вѣтеръ.

Ожиданія наши, относительно озера Цайдеминъ-норъ, дѣйствительно исполнились. Это болотистое озеро [1]) биткомъ было набито утками и гусями, доставлявшими намъ продовольствіе; на окрестныхъ лугахъ удобно могли пастись верблюды, а у сосѣднихъ монголовъ мы могли доставать, сколько угодно, масла и молока. Къ довершенію благъ, мы разбили свою палатку на берегу свѣтлаго ручья *Тахыма*, впадающаго въ озеро, и такимъ образомъ имѣли подъ бокомъ превосходное мѣсто для купанья. Словомъ, теперь намъ выпала такая стоянка, какой ни прежде, ни послѣ, мы не находили во всей Монголіи.

По дорогѣ къ Цайдеминъ-нору, намъ встрѣтилось еще озеро *Ургунъ-норъ*, на берегу котораго, равно какъ и въ прилежащей части долины Хуанъ-хэ, разсыпано довольно густое китайское населеніе. Вмѣстѣ съ китайцами здѣсь живетъ много монголовъ, частію въ юртахъ, въ меньшемъ же числѣ въ китайскихъ фанзахъ. Эти монголы изрѣдка занимаются земледѣліемъ, но такая работа далеко не по нутру лѣнивому характеру номадовъ, а потому поля ихъ сразу можно отличить отъ китайскихъ. Въ одномъ только монголы не отстали здѣсь отъ китайцевъ, именно въ куреніи опіуму. Этотъ гибельный порокъ страшно распространенъ въ Китаѣ, куда опіумъ, какъ извѣстно, доставляется англичанами изъ Индіи. Кромѣ того, китайцы сами приготовляютъ себѣ одуряющее зелье, и для этой цѣли засѣваютъ макомъ большія поля. Такъ какъ подобное производство запрещено закономъ, то намъ случалось нѣсколько разъ видѣть въ долинѣ Хуанъ-хэ поля маку, засѣянныя среди густыхъ зарослей тростника и тростеполевицы для того, чтобы укрыть ихъ отъ глазъ чиновниковъ. Послѣдніе, конечно, не истребятъ запрещеннаго поля, но, тѣмъ не менѣе, не преминутъ содрать съ хозяина взятку за контрабандный посѣвъ.

[1]) Озеро Цайдеминъ-норъ, въ сущности, представляетъ болото, сплошь поросшее тростникомъ, толкачикомъ, ситникомъ и другими болотными травами.

Digitized by Google

Привычка курить опіумъ быстро проникаетъ отъ китайцевъ къ сосѣднимъ монголамъ, но въ глубь Монголіи этотъ порокъ еще не распространился. Курильщики опіума до того пристращаются къ своей отравѣ, что не могутъ пробыть безъ нея однихъ сутокъ. Пагубное дѣйствіе опіума отражается на всемъ организмѣ; каждаго курителя можно сразу узнать по его блѣдному, старческому лицу и исхудалому тѣлу. Я самъ попробовалъ однажды покурить немного опіумъ; дѣйствія онъ никакого на меня не произвелъ, а вкусомъ отчасти напоминаетъ жженыя перья.

Расположившись на берегу ручья Тахылга, мы каждодневно посвящали время экскурсіямъ и охотѣ, а въ сильный жаръ отдыхали и часто купались. Наши казаки отказывались отъ послѣдняго удовольствія, боясь черепахъ, [1]) которыя водятся въ ручьѣ. Монголы приписываютъ этому созданію особенную чародѣйственную силу и, въ доказательство своихъ словъ, находятъ какія-то тибетскія буквы, будто бы изображенныя подъ низомъ тѣла черепахи. Кромѣ того монголы запугали нашихъ казаковъ разсказами, что черепаха впивается въ тѣло купающихся людей, такъ что оторвать ея нѣтъ возможности. Единственное средство спасенія состоитъ въ томъ, чтобы привести бѣлаго верблюда или бѣлаго козла, которые, увидавъ впившуюся черепаху, начнутъ кричать и тогда она сама выпуститъ свою жертву. Монголы разсказывали намъ, что прежде въ ручьѣ Тахылга вовсе не было черепахъ, какъ вдругъ однажды появилось здѣсь это странное созданіе. Удивленные жители не знали что дѣлать, и обратились за совѣтомъ къ гыгену ближайшей кумирни, который объявилъ, что появившаяся черепаха будетъ хозяиномъ ручья и есть животное священное. Съ тѣхъ поръ, однажды въ мѣсяцъ, производится у истока Тахылга богослуженіе ламами изъ сосѣдней кумирни.

Для опредѣленія географической широты озера Цайдеминъ-норъ, я производилъ здѣсь однажды астрономическое наблюденіе. Собравшіеся монголы не знали какъ объяснить себѣ мое занятіе, и начали было подозрѣвать въ немъ колдовство. Къ счастію я вспомнилъ, что въ концѣ іюля, именно въ то время, когда дѣлалось наблюденіе, ночью появляется на небѣ много падающихъ звѣздъ и, по окончаніи своей работы, объявилъ собравшейся толпѣ, что сегодня по небу будутъ летать звѣзды. Въ другомъ случаѣ монголы не обратили бы на такое явленіе никакого вниманія, но теперь они всѣ желали повѣрить справедливость моего предсказанія и,

[1]) Здѣсь тотъ же самый видъ черепахъ, что и въ Хуанъ-хэ—*Trionyx sp.*

Digitized by Google

убѣдившись въ этомъ въ туже ночь, уже не смотрѣли подозрительно на мои наблюденія. Такъ иногда находчивость, даже въ самыхъ мелочныхъ случаяхъ, можетъ облегчить путешественнику достиженіе его цѣли. Напримѣръ, кипѣніе воды для опредѣленія абсолютной высоты мѣстности, мы производили открыто, часто въ присутствіи монголовъ и увѣряли ихъ, что это нашъ обрядъ при молитвѣ къ Богу.

Въ одинадцати верстахъ на сѣверо-востокъ отъ озера Цайдеминъ-норъ, недалеко отъ берега Хуанъ-хэ, стоитъ довольно высокій куполообразный холмъ, называемый монголами *Тумыръ-алху*, а китайцами *Джю-джинъ-фу*. Здѣсь, по словамъ монголовъ, погребена супруга Чингисъ-хана. Преданіе объ этомъ гласитъ слѣдующее: У одного изъ монгольскихъ князей, именно Гичинъ-хана, была красавица-жена, которая такъ понравилась великому завоевателю, что онъ грозилъ войною, въ случаѣ, если законный супругъ не уступитъ ему эту женщину. Устрашенный князь согласился на такое требованіе и Чингисъ-ханъ, вмѣстѣ съ новоприобрѣтенною супругою, отправился въ Пекинъ. При проѣздѣ черезъ землю нынѣшнихъ цахаровъ, прекрасная невольница ушла отъ своего обладателя и направилась къ Хуанъ-хэ; на противоположномъ берегу этой рѣки она насыпала холмъ и спряталась въ немъ. Когда же погоня, посланная Чингисъ-ханомъ, приближалась, то бѣдная женщина, не видя средства спасенія, утопилась въ Хуанъ-хэ, вслѣдствіе чего монголы называютъ эту рѣку *Хатунъ-голъ*, т. е. барыня-рѣка. Тѣло утопленницы было отыскано и, по повелѣнію Чингисъ-хана, похоронено, въ желѣзномъ склепѣ, въ томъ же самомъ холмѣ, который она насыпала для своего спасенія; этотъ холмъ и есть Тумыръ-алху.

Вообще въ Ордосѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ Монголіи, сохранилась память о Чингисъ-ханѣ; по крайней мѣрѣ, мы всего чаще слышали здѣсь разсказы о великомъ завоевателѣ. Наиболѣе интересныя изъ такихъ легендъ: преданіе о бѣломъ знамени и о будущемъ воскресеніи Чингисъ-хана.

Первая изъ этихъ исторій говоритъ, что Чингисъ-ханъ былъ великій охотникъ и бродя однажды въ горахъ Муни-ула, онъ встрѣтилъ тамъ также охотника русскаго, у котораго спросилъ: «давно ли онъ охотится и много ли убилъ звѣрей?» «Я охочусь», отвѣчалъ незнакомецъ, «уже нѣсколько лѣтъ, но убилъ только одного волка». «Какъ такъ», воскликнулъ завоеватель, «за это время я убилъ нѣсколько сотъ звѣрей». «Но мой волкъ былъ особенный», отвѣчалъ русскій; «этотъ звѣрь имѣлъ двѣ сажени длины и ежедневно съѣдалъ по десятку

Digitized by Google

другихъ животныхъ; убивши его, я сдѣлалъ болѣе пользы нежели ты». «Если такъ, то ты молодецъ», сказалъ Чингисъ-ханъ, «пойдемъ въ мою юрту, я подарю тебѣ, что хочешь».

Приглашенный охотникъ-русскій отправился въ юрту Чингисъ-хана. Здѣсь ему всего болѣе понравилась одна изъ наложницъ завоевателя и этотъ послѣдній, чтобы сдержать слово, долженъ былъ подарить своему гостю просимую имъ женщину. Но такъ какъ она была одна изъ любимыхъ женъ Чингисъ-хана, то, на прощаньй, онъ подарилъ ей, въ память привязанности, свое бѣлое знамя. Вмѣстѣ съ этимъ подаркомъ, русскій и его новая жена отправились въ Россію. Гдѣ они тамъ поселились—неизвѣстно, но только бѣлое знамя нашего великаго государя и до сихъ поръ еще въ вашей странѣ, говорили монголы.

Еще интереснѣе преданіе о будущемъ воскресеніи Чингисъ-хана. Прахъ этого послѣдняго, по словамъ монголовъ, покоится въ кумирнѣ, находящейся въ южномъ Ордосѣ, въ хошунѣ Ванъ, въ двухъ стахъ верстахъ къ югу отъ озера Дабасунъ-нора [1]). Здѣсь тѣло великаго завоевателя, уложенное въ два гроба, одинъ серебряный, а другой деревянный, поставлено въ желтой шелковой палаткѣ, помѣщенной въ срединѣ кумирни; вмѣстѣ съ гробомъ въ этой палаткѣ находится и оружіе Чингисъ-хана. Въ разстояніи десяти верстъ отъ главной кумирни, выстроена другая, меньшая, въ которой погребены двадцать ближайшихъ родственниковъ великаго завоевателя.

Самъ онъ, умирая, сказалъ своимъ приближеннымъ, что снова встанетъ, самое дальнее, черезъ тысячу, а самое ближнее черезъ восемь сотъ. Въ гробу Чингисъ-ханъ лежитъ, словно спящій человѣкъ, хотя этого никто не видѣлъ изъ простыхъ смертныхъ. Каждый вечеръ къ покойнику ставятъ жаренаго барана, или конину, и къ утру онъ все это съѣдаетъ.

Монголы считаютъ, что со дня смерти Чингисъ-хана прошло 650 лѣтъ, такъ что до ожидаемаго воскресенія осталось отъ 150—350 лѣтъ. По словамъ тѣхъ же монголовъ, ко дню такого чуда въ Китаѣ также воскреснетъ какой-то богатырь, съ которымъ будетъ сражаться Чингисъ ханъ, побѣдитъ его и выведетъ свой народъ изъ Ордоса въ Халху, коренную родину монголовъ.

Мы не могли узнать, какъ называется кумирня, гдѣ покоится

[1]) Такое преданіе не согласуется съ показаніемъ исторіи, по которой тѣло Чингисъ-хана, послѣ его смерти, въ 1227 г. по Р. Х., вблизи города Нинъ-ся, увезено на сѣверъ и похоронено недалеко отъ истоковъ Толы и Кэрулена. Землевѣденіе Азіи Риттера, пер. Семенова стр. 618 и 619.

Digitized by Google

тѣло Чингисъ-хана. Монголы, неизвѣстно почему, не хотѣли сказать названія этого святилища, къ которому, по ихъ словамъ, ежегодно стекаются толпы богомольцевъ.

Послѣ десяти-дневной стоянки возлѣ оз. Цайдеминъ-норъ, мы направились вверхъ по долинѣ Хуанъ-хэ. Первый переходъ былъ до рѣчки *Хурей-хунду*, а второй до другой такой же рѣчки *Хурай-хунды*, которая оказалась послѣднею, встрѣченною нами въ Ордосѣ. Обѣ выше названныя рѣчки приходятъ изнутри описываемой страны; онѣ не широки, мелки, имѣютъ быстрое теченіе и чрезвычайно мутную воду, которая послѣ дождя, размывающаго глинистую почву, дѣлается отъ грязи густою какъ патока. Монголы и тутъ придумали объясненіе такого явленія. Они говорятъ, что Хуанъ-хэ, имѣя сама мутныя волны, не хочетъ принимать чистой воды; поэтому, добавляли разскащики, и ручей Тахылга впадаетъ въ оз. Цайдеминъ-норъ, а не въ главную рѣку, которая не допускаетъ къ себѣ его свѣтлыя струи.

На р. Хурай-хунды мы пробыли три дня, посвятивъ все это время охотѣ за чернохвостыми антилопами, которыя встрѣтились намъ здѣсь въ первый разъ.

Чернохвостая антилопа, или, какъ ее называютъ монголы, *Хара-сульта*[1]) (Antilope subgutturosa) по своей величинѣ и наружному виду очень много походитъ на дзерена, но отличается отъ него небольшимъ чернымъ хвостомъ (7—8 дюймовъ длиною), который обыкновенно держитъ къ верху и часто имъ помахиваетъ. Эта антилопа обитаетъ въ Ордосѣ и въ Гобійской пустынѣ, распространяясь въ сѣверу приблизительно до 45° сѣв. шир.; къ югу хара-сульта идетъ черезъ весь Ала-шань до Гань-су, а затѣмъ, минуя эту провинцію, равно какъ и бассейнъ озера Куку-нора, вновь встрѣчается въ солено-болотистыхъ равнинахъ Цайдама.

Мѣстомъ своего жительства описываемый звѣрь выбираетъ самыя дикія, безплодныя части пустыни, или небольшіе оазисы въ голыхъ сыпучихъ пескахъ. Совершенно противоположно дзерену, хара-сульта избѣгаетъ хорошихъ пастбищъ, но довольствуется самымъ скуднымъ кормомъ, лишь бы только жить подальше отъ человѣка. Для насъ всегда было загадкою, что пьетъ въ такихъ мѣстахъ хара-сульта. Правда, судя по слѣдамъ, она не отказывается приходить ночью къ ключамъ и даже колодцамъ, но мы иногда встрѣчали этого звѣря въ такой пустынѣ, гдѣ на сотню верстъ нѣтъ капли воды. Вѣроятно, описываемая антилопа можетъ долго пробыть безъ пит

[1]) Слово «хара-сульта» въ переводѣ означаетъ «чернохвостая».

Digitized by Google

питаясь нѣкоторыми сочными растеніями изъ семейства солянковыхъ.

Хара-сульты держатся обыкновенно въ одиночку, парами, или небольшими обществами отъ 3—7 экземпляровъ; очень рѣдко случается встрѣтить, и то зимою, стадо въ пятнадцать или двадцать головъ, а большаго числа вмѣстѣ мы не видали ни разу. При томъ стадо всегда живетъ своимъ обществомъ и никогда не смѣшивается съ дзеренами, если даже бродитъ съ ними, что случается рѣдко, на однихъ и тѣхъ же пастбищахъ.

Вообще описываемый звѣрь гораздо осторожнѣе дзерена. Обладая превосходнымъ зрѣніемъ, слухомъ и обоняніемъ, онъ легко избѣгаетъ хитростей охотника. При томъ же хара-сульта, подобно другимъ антилопамъ, очень крѣпка на рану, слѣдовательно и это обстоятельство усиливаетъ трудность охоты.

Вечеромъ и раннимъ утромъ хара-сульты ходятъ на покормку, но днемъ обыкновенно лежатъ, для чего, въ мѣстностяхъ холмистыхъ, всегда выбираютъ подвѣтренную сторону холмовъ. Лежачаго звѣря чрезвычайно трудно замѣтить, такъ какъ цвѣтъ его мѣха совершенно подходитъ подъ цвѣтъ песка или желтой глины. Несравненно удобнѣе высмотрѣть хара-сульту на пастбищѣ, или на вершинѣ какого нибудь холма, гдѣ этотъ звѣрь любитъ иногда стоять по цѣлому часу. Тогда самый лучшій случай охотнику, который непремѣнно заранѣе долженъ увидѣть антилопу, иначе подкрасться къ ней будетъ невозможно.

Спугнутая хара-сульта пускается на уходъ скачками, но, отбѣжавъ нѣсколько сотъ шаговъ, останавливается, поворачивается въ сторону охотника, нѣсколько минутъ наблюдаетъ въ чемъ дѣло, и затѣмъ опять скачетъ далѣе. Преслѣдованіе по пятамъ ни къ чему не ведетъ; можно навѣрное сказать, что звѣрь уйдетъ далеко и при томъ будетъ держать себя еще осторожнѣе прежняго.

Много потратили мы съ товарищемъ времени и труда, чтобы убить первую хара-сульту. Цѣлыхъ два дня проходили мы даромъ, и только на третье утро мнѣ удалось убить великолѣпнаго самца, подкравшись къ нему довольно близко. По настоящему, одиночную хара-сульту, равно какъ и дзерена, не слѣдуетъ стрѣлять на разстояніи болѣе двухъ сотъ шаговъ—можно навѣрное сказать, что изъ десяти выстрѣловъ девять пропадутъ даромъ. Однако, подобное правило весьма трудно исполнять на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вы ходили уже часъ или два, безпрестанно взбираясь съ одного песчанаго холма на другой, ноги ваши вязли по колѣно въ сыпучій песокъ, потъ льетъ съ васъ градомъ—и вдругъ передъ вами

Digitized by Google

стоитъ желанный звѣрь, болѣе чѣмъ на двѣсти шаговъ. Вы очень хорошо знаете, что ближе подойдти невозможно, что, при малѣйшей оплошности, хара-сульта уйдетъ навсегда, что нужно дорожить каждымъ мгновеніемъ, наконецъ въ рукахъ у васъ штуцеръ, бьющій, на отмѣренное разстояніе, превосходно въ самую малую мишень—и сообразивъ все это, скажите, какъ не соблазниться выстрѣломъ. Поднимаете прицѣлъ, приложитесь, выцѣлите какъ можно лучше—грянулъ выстрѣлъ и пуля взрываетъ песокъ, недолетая или перелетая черезъ антилопу, которая мгновенно скрывается изъ глазъ. Сконфуженный и огорченный такою неудачею пойдешь, бывало, къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ звѣрь, отмѣряешь разстояніе и увидишь, что ошибся на сорокъ шаговъ, или даже болѣе. Ошибка грубая, но она неминуемо произойдетъ, когда нужно опредѣлить разстояніе вдругъ, часто лежа, или едва высунувъ изъ бугра голову и не имѣя возможности видѣть промежуточные предметы. Безъ сомнѣнія, штуцеръ съ большою настильностію полета пули, въ данномъ случаѣ, всего пригоднѣе, но такаго ружья у насъ не было въ первый годъ экспедиціи.

Выше упомянуто, что хара-сульта держится въ самой дикой пустынѣ, но какъ исключительный случай, мы встрѣтили въ ноябрѣ 1870 г., при возвращеніи изъ Ала-шаня въ Пекинъ, довольно много этихъ антилопъ въ долинѣ Хуанъ-хэ, возлѣ хребта Шейтенъ-ула, гдѣ онѣ держались вблизи китайскаго населенія и обработанныхъ полей. Здѣсь хара-сульты, вопреки своему нраву, были очень не пугливы, конечно потому, что присмотрѣлись къ людямъ и никогда не были преслѣдуемы ими. Періодъ течки у харасультъ бываетъ въ ноябрѣ; молодыхъ онѣ выводятъ въ маѣ. По своему числу, этотъ звѣрь обитаетъ въ Монголіи несравненно въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ дзеренъ.

По выходѣ отъ р. Хурай-хунды мы вскорѣ достигли монгольской кумирни *Харганты*, откуда дорога ведетъ черезъ пески Кузупчи къ соленому озеру *Дабасунъ-норъ*. Это озеро, описанное Гюкомъ [1]), лежитъ въ разстояніи около ста верстъ отъ берега Хуанъ-хэ и, по словамъ монголовъ, имѣетъ въ окружности около тридцати, или сорока верстъ. Добываемая здѣсь соль везется въ сосѣднія провинціи Китая.

Минуя Дабасунъ-норскую дорогу, мы направились по долинѣ Хуанъ-хэ и черезъ день пути встрѣтили еще одну, разоренную дунганами, кумирню, по имяни *Шара-дзу*. Въ этой кумирнѣ, одной

[1]) Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. 1 p. 330 — 334.

Digitized by Google

изъ обширнѣйшихъ во всемъ Ордосѣ, нѣкогда жило до двухъ тысячъ ламъ и два, или три гыгена, но теперь не было ни души человѣческой. Только стада каменныхъ голубей, клушицъ и ласточекъ гнѣздились въ опустошенныхъ храмахъ и фанзахъ. Эти послѣднія, т. е. фанзы, расположены вокругъ кумирни и большею частію сохранились въ цѣлости, но главный храмъ сожженъ, вмѣстѣ со всѣми своими пристройками, находившимися въ общей оградѣ. Глиняныя статуи боговъ разбиты, или разрублены на куски и валяются на землѣ; нѣкоторые изъ нихъ еще сидятъ на своихъ мѣстахъ, но изрублены саблями и исколоты пиками. Огромная статуя Будды, находившаяся въ главномъ храмѣ, стоитъ съ пробитою грудью, въ которой дунганы искали сокровищъ, часто сохраняемыхъ здѣсь ламами. Листы священной книги Ганчжуръ вездѣ разметаны по полу, вмѣстѣ съ другими обломками, покрытыми толстымъ слоемъ пыли.

А между тѣмъ еще такъ недавно сюда стекались тысячи и тысячи народа, чтобы поклониться воображаемой святынѣ! Какъ и въ другихъ кумирняхъ здѣсь все было разсчитано на то, чтобы завлечь и напугать дѣтское воображеніе монголовъ. Многіе боги изображены съ самыми свирѣпыми и страшными лицами; они сидятъ, то на львахъ, то на слонахъ, быкахъ, или лошадяхъ; то давятъ чертей, змѣй и т. п. Стѣны кумирни, тамъ гдѣ онѣ уцѣлѣли, разрисованы также картинами подобнаго рода.

Какъ же вы вѣруете въ глиняныхъ боговъ? спросилъ я у монгола, вмѣстѣ съ которымъ ходилъ по развалинамъ кумирни. «Боги наши», отвѣчалъ онъ, «только жили въ этихъ идолахъ, а теперь они улетѣли на небо».

Отъ кумирни Харганты, далѣе вверхъ по южной сторонѣ Хуанъхэ, мы уже не встрѣчали населенія, и только раза два-три намъ попались небольшія стойбища монголовъ, занимавшихся добываніемъ лакричневаго корня. Причиною такого опустѣнія было, какъ упомянуто выше, дунганское нашествіе, которому Ордосъ подвергся за два года до нашего посѣщенія. Впрочемъ, осѣдлое китайское населеніе на южномъ берегу Хуанъ-хэ, западнѣе меридіана Муни-улы, и прежде было незначительно, такъ какъ долина Желтой рѣки здѣсь сильно съуживается песками Кузупчи; при томъ почва дѣлается солонцеватою, и большею частію покрыта сплошными зарослями лозы или тамариска. Въ этихъ кустарникахъ мы нашли весьма замѣчательное явленіе, именно *одичавшій рогатый скотъ;* о немъ мы слышали еще ранѣе отъ монголовъ, которые объяснили намъ и происхожденіе такого скота.

Digitized by Google

Прежде, до дунганскаго разоренія, Ордосскіе монголы имѣли большія стада и иногда случалось, что быки или коровы отбивались отъ этихъ стадъ, бродили по степи и дѣлались до того дикими, что изловить ихъ было чрезвычайно трудно. Эти одичавшія животныя держались, тамъ и сямъ, по всему Ордосу. Когда же дунганы ворвались въ эту страну съ юго-запада и начали безпощадно истреблять все на своемъ пути, то многіе жители, застигнутые въ расплохъ, бросали имущество и убѣгали, думая только о собственномъ спасеніи. Оставленныя ими стада паслись безъ присмотра и вскорѣ такъ одичали, что грабители не могли ихъ поймать и забрать съ собою. Затѣмъ дунганы ушли изъ Ордоса, а одичавшія животныя продолжаютъ бродить на свободѣ и держатся, главнымъ образомъ, въ кустарникахъ долины Хуанъ-хэ, такъ какъ имѣютъ здѣсь подъ бокомъ воду и пастбища.

Одичавшій рогатый скотъ встрѣчается обыкновенно небольшими обществами отъ 5—15 экземпляровъ; только старые быки ходятъ въ одиночку. Замѣчательно, какъ быстро столь неуклюжія и отупѣвшія отъ долгаго рабства созданія пріобрѣли всѣ привычки дикихъ животныхъ. Цѣлый день коровы лежатъ въ кустахъ, видимо скрываясь отъ людей, но съ наступленіемъ сумерекъ, выходятъ на пастбища, гдѣ проводятъ ночь. Замѣтивъ человѣка, или почуявъ его по вѣтру, не только быки, но даже коровы тотчасъ же пускаются на уходъ и бѣгутъ далеко. Дикими свойствами и рѣзвостію въ особенности отличаются молодые экземпляры, родившіеся и выросшіе уже на волѣ.

Охота за одичавшимъ скотомъ довольно затруднительна, и мы, за все время пребыванія своего въ Ордосѣ, убили только четырехъ быковъ. Монголы совсѣмъ не предпринимаютъ подобныхъ охотъ, такъ какъ боятся еще идти въ Ордосъ, а съ другой стороны крѣпкое животное легко выноситъ ударъ фитильнаго гладкоствольнаго ружья, пуля котораго обыкновенно состоитъ изъ кусочка чугуна или камешка, облитаго свинцомъ. Устроивъ правильныя облавы, въ особенности зимою, въ кустахъ, гдѣ держится одичавшій скотъ, можно безъ труда перебить множество этихъ животныхъ, число которыхъ во всемъ Ордосѣ монголы полагаютъ, приблизительно, до двухъ тысячъ головъ. Безъ сомнѣнія, этотъ скотъ современемъ будетъ истребленъ, или переловленъ тѣми же самыми монголами, которые возвратятся въ Ордосъ. Здѣсь нѣтъ ни обширности, ни приволья травяныхъ равнинъ Южной Америки, гдѣ, какъ извѣстно, расплодились громаднѣйшія стада отъ немногихъ экземпляровъ, ушедшихъ изъ испанскихъ колоній.

Digitized by Google

По словамъ монголовъ, вскорѣ послѣ разоренія Ордоса, въ здѣшнихъ степяхъ водились также одичавшія овцы, но онѣ теперь всѣ истреблены волками; верблюды же еще бродятъ въ небольшомъ числѣ и намъ удалось поймать одного, впрочемъ молодаго.

Въ первый разъ мы встрѣтили одичавшій скотъ въ тридцати верстахъ западнѣе кумирни Шара-дзу. Такъ какъ мяса у насъ въ запасѣ не имѣлось, то мы рѣшились воспользоваться столь удобнымъ случаемъ, чтобы добыть себѣ продовольствіе. Однако сначала охота наша была неудачна, именно потому, что мы слишкомъ разсчитывали на тупоуміе коровъ; наконецъ на третій день, рано утромъ, я подкрался, очень близко, къ двумъ быкамъ, дравшимся между собою въ кустахъ и, двойнымъ выстрѣломъ изъ охотничьяго штуцера, положилъ обоихъ бойцовъ на мѣстѣ.

Такая удача была весьма радостнымъ для насъ событіемъ, такъ какъ теперь мы могли насушить себѣ въ дорогу нѣсколько пудовъ мяса. Перетащивъ лучшія части убитыхъ животныхъ къ своей палаткѣ, мы принялись рѣзать говядину тонкими пластами, для просушки ея на солнцѣ. Такая приманка привлекла множество коршуновъ, такъ что пришлось съ ружьемъ въ рукахъ караулить развѣшенное мясо; вмѣстѣ съ коршунами ярлялись орланы (Haliaëtos Macei) и попадали за это въ нашу коллекцію.

Пока сушилось мясо мы занимались рыбною ловлею въ пересохшемъ рукавѣ Хуанъ-хэ, возлѣ котораго стояли. Здѣсь, въ небольшихъ и неглубокихъ ямахъ, гдѣ сохранилась вода, держалось множество рыбы, такъ что мы своимъ небольшимъ бреднемъ, длиною всего въ три сажени, ловили, въ непродолжительное время, по два или по три пуда карповъ и сомовъ; послѣдній видъ очень часто попадается въ Хуанъ-хэ. Изъ пойманной рыбы мы выбирали для себя лучшую, а остальную отпускали обратно.

Охота за быками и просушка мяса принудили насъ пробыть восемь дней на одномъ и томъ же мѣстѣ. За то мы теперь были обезпечены продовольствіемъ на долгое время и могли быстро идти далѣе; тѣмъ болѣе, что обѣднѣвшая растительность и фауна долины Хуанъ-хэ уже не представляли особеннаго интереса.

19-го августа мы двинулись въ путь. Пески Кузупчи по прежнему потянулись слѣва, а справа наша дорога опредѣлялась теченіемъ Хуанъ-хэ. Мѣстами густые кустарники весьма затрудняли слѣдованіе, да, кромѣ того, множество комаровъ и мошекъ сильно надоѣдали какъ намъ, такъ и нашимъ верблюдамъ. Послѣдніе въ особенности не любятъ этихъ насѣкомыхъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ въ пустыняхъ Монгольскаго нагорья.

Digitized by Google

Въ первый день пути мы ночевали возлѣ перевоза *Гурбундуты* [1]) не далеко отъ котораго, въ окраинѣ песковъ Кузупчи, лежитъ небольшое соленое озеро того же имени. Мы сами не видали этого озера, но, по разсказамъ монголовъ, оно имѣетъ около четырехъ верстъ въ окружности. Слой осадочной соли здѣсь отъ ½—2 фут. толщины; разработкою ея занимаются китайцы и нанятые ими монголы; затѣмъ соль сплавляется на баркахъ внизъ по Хуанъ-хэ.

Другою замѣчательностію, которую мы встрѣтили нѣсколько дней спустя, были остатки стариннаго города временъ Чингисъ-хана. Эти историческія развалины находятся среди песковъ Кузупчи, въ разстояніи тридцати верстъ отъ берега Желтой рѣки, откуда онѣ видны довольно хорошо. По словамъ монголовъ, это былъ укрѣпленный и весьма обширный городъ. Его квадратная стѣна имѣла въ каждомъ фасѣ по пятнадцати ли (около 8 верстъ), при вышинѣ и толщинѣ въ семь сажень; внутри были выкопаны колодцы въ пятьдесятъ сажень глубиною. Теперь все занесено пескомъ и только однѣ стѣны мѣстами еще хорошо сохранились. Особыхъ легендъ объ этомъ мѣстѣ мы не слыхали никакихъ; монголы говорятъ только, что описываемый городъ былъ выстроенъ по повелѣнію Чингисъ-хана.

Лѣтніе жары, пріутихшіе было въ половинѣ августа, въ послѣдней трети этого мѣсяца возобновились съ прежнею силою и опять страшно истомляли насъ въ пути. Хотя мы всегда вставали съ разсвѣтомъ, но укладка вещей и вьюченье верблюдовъ, вмѣстѣ съ питьемъ чая — безъ чего ни монголъ, ни казаки, ни зачто въ свѣтѣ, не шли въ дорогу — отнимало часа два и даже болѣе времени, такъ что мы трогались въ путь, когда солнце уже порядочно поднималось на горизонтѣ. На послѣднемъ зачастую не видно было ни однаго облачка, не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка — и все это, обыкновенно, служило для насъ нерадостнымъ предзнаменованіемъ жаркаго дня.

Порядокъ нашихъ вьючныхъ хожденій всегда былъ одинъ и тотъ же. Мы съ товарищемъ ѣхали впереди своего каравана, дѣлали съемку, собирали растенія, или стрѣляли попадавшихся птицъ; вьючные же верблюды, привязанные за бурундуки одинъ къ другому, управлялись казаками. Одинъ изъ нихъ ѣхалъ впереди и велъ въ поводу перваго верблюда, а другой казакъ, вмѣстѣ съ проводникомъ-монголомъ если таковой былъ у насъ, замыкали шествіе.

Такъ идешь бывало часа два, три, по утренней прохладѣ; на-

[1]) Въ пространствѣ между городами Бауту и Дынъ-ху, на Хуанъ-хэ существуютъ три перевоза: *Джю-джинъ-фу*, *Гурбундуты* и *Мантинъ*.

Digitized by Google

конецъ солнце поднимается высоко и начинаетъ жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышетъ жаромъ, какъ изъ печи. Становится очень тяжело: голова болитъ и кружится, потъ ручьемъ льетъ съ лица и со всего тѣла, чувствуешь полное разслабленіе и сильную усталость. Животныя страдаютъ не менѣе насъ. Верблюды идутъ разинувъ рты и облитые потомъ, словно водою; даже нашъ неутомимый Фаустъ бредетъ шагомъ, понуривъ голову и опустивъ хвостъ. Казаки, которые обыкновенно поютъ пѣсни, теперь смолкли и весь караванъ тащится молча, шагъ за шагомъ, словно не рѣшаясь передавать другъ другу и безъ того тяжелыя впечатлѣнія.

Если, на счастіе, попадется дорогою монгольская юрта, или китайская фанза, то спѣшишь туда со всѣхъ ногъ, намочишь голову и фуражку, напьешься воды, а также напоишь лошадей и собаку; разгоряченнымъ же верблюдамъ воды давать нельзя. Однако такая отрада продолжается не долго; черезъ пол-часа, или менѣе, все сухо по прежнему и опять жжетъ тебя палящій зной.

Наконецъ, приближается полдень—надо подумать объ остановкѣ. «Далеко-ли до воды»? спрашиваешь у встрѣчнаго монгола и съ досадою услышишь, что нужно пройти еще пять или шесть верстъ. Добравшись наконецъ до колодца и выбравъ мѣсто для палатки, мы начинаемъ класть и развьючивать верблюдовъ. Привычныя животныя уже знаютъ въ чемъ дѣло и сами поскорѣе ложатся на землю[1]). За тѣмъ ставится палатка и стаскиваются въ нее необходимыя вещи, которыя раскладываются по бокамъ; въ срединѣ же разстилается войлокъ, служащій намъ постелью. Далѣе, собирается аргалъ и варится кирпичный чай, который зимою и лѣтомъ былъ нашимъ обычнымъ питьемъ, въ особенности тамъ, гдѣ вода оказывалась плохаго качества. Послѣ чая, въ ожиданіи обѣда, мы съ товарищемъ укладываемъ собранныя дорогою растенія, дѣлаемъ чучела птицъ, или, улучивъ удобную минуту, я переношу на планъ сдѣланную сегодня съемку. Такая работа, въ жилыхъ мѣстахъ, обыкновенно прерывается нѣсколько разъ, по случаю прихода монголовъ изъ ближайшихъ юртъ; эти гости, какъ обыкновенно, лѣзутъ со всевозможными распросами или просьбами и, въ концѣ-концовъ, такъ надоѣдаютъ, что мы ихъ прогоняемъ вонъ.

Между тѣмъ пустой желудокъ сильно напоминаетъ, что время обѣда уже наступило, но, не смотря на это, нужно ждать, пока сварится супъ изъ зайцевъ, или куропатокъ, убитыхъ дорогою, или

[1]) Послѣ развьюченья, верблюдовъ лѣтомъ нельзя тотчасъ же ни поить, ни пускать на пастбище, но предварительно необходимо продержать ихъ часа два на мѣстѣ, чтобы дать животнымъ остынуть.

Digitized by Google

изъ барана, купленнаго у монголовъ. Впрочемъ, послѣднее кушанье мы имѣли рѣдко, такъ какъ часто вовсе нельзя было купить барана, или нужно было платить очень дорого;поэтому охота составляла главный источникъ нашего продовольствія.

Часа черезъ два по приходѣ на мѣсто обѣдъ готовъ, и мы принимаемся за ѣду съ волчьимъ аппетитомъ. Сервировка у насъ самая простая, вполнѣ гармонирующая съ прочею обстановкою: крышка съ котла, гдѣ варится супъ, служитъ блюдомъ, деревянныя чашки, изъ которыхъ пьемъ чай—тарелками, а собственные пальцы замѣняютъ вилки; скатерти и салфетокъ вовсе не полагается. Обѣдъ оканчивается очень скоро; послѣ него мы снова пьемъ кирпичный чай; затѣмъ идемъ на экскурсію, или на охоту, а наши казаки и монголъ-проводникъ поочередно пасутъ верблюдовъ.

Наступаетъ вечеръ; потухшій огонь снова разводится, на немъ варится каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются къ палаткѣ и первыя привязываются, а послѣдніе сверхъ того укладываются возлѣ нашихъ вещей, или не подалеку въ сторонѣ. Ночь спускается на землю, дневной жаръ спалъ и замѣнился вечернею прохладою. Отрадно вдыхаешь въ себя освѣженный воздухъ и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойнымъ, богатырскимъ сномъ....

Во время одной изъ стоянокъ на берегу Хуанъ-хэ, верховая лошадь моего товарища оборвалась съ крутаго берега въ рѣку и утонула. Потеря эта была для насъ весьма чувствительна, такъ какъ другой лошади купить было негдѣ и г. Пыльцовъ принужденъ былъ временно ѣхать на верблюдѣ. Виновникомъ же гибели лошади оказался монголъ Джюльджига, которому тогда поручено было пасти нашихъ животныхъ и который, вмѣсто того, улегся спать въ кустахъ. Вообще этотъ окитаившійся монголъ дѣлалъ намъ множество непріятностей. Онъ нанятъ былъ нами въ горахъ Муни-ула, съ платою по пяти ланъ въ мѣсяцъ, на готовомъ содержаніи, и первое время держалъ себя довольно сносно; но лишь только мы переправились въ Ордосъ, какъ Джюльджига сдѣлался невыносимою дрянью. Не говоря уже про то, что ему всегда лѣнь было сдѣлать лишній шагъ, напримѣръ, принести воды, собрать аргалу, пригнать верблюдовъ и т. д., онъ постоянно бранился съ нашими казаками и даже пробовалъ дѣлать дерзости мнѣ съ товарищемъ; получивъ за это подобающее вразумленіе, Джюльджига началъ вести себя осторожнѣе, хотя по прежнему оставался лѣнивымъ до крайности.

Къ довершенію всѣхъ прелестей, онъ захватилъ гдѣ-то венери-

Digitized by Google

ческую болѣзнь и скрывалъ ее до тѣхъ поръ, пока мы шли населенными мѣстностями, хорошо зная, что я тотчасъ же прогоню его отъ себя. Когда же мы вступили въ тѣ части долины Хуанъ-хэ, гдѣ уже нѣтъ населенія, и гдѣ прогнать Джюль-джигу было невозможно, онъ однажды пришелъ ко мнѣ и объявилъ въ чемъ дѣло. Можно себя представить, насколько былъ пріятенъ для насъ подобный сюрпризъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь приняла уже страшные размѣры, лечить ее было нечѣмъ, а между тѣмъ мы всѣ ѣли изъ однихъ чашекъ и жили въ одной палаткѣ, слѣдовательно, очень легко могли заразиться. Да, эта штука была пострашнѣе всякихъ разбойниковъ, которыми насъ такъ часто пугало мѣстное населеніе!

Весь августъ мы пробыли вмѣстѣ съ зараженнымъ монголомъ, и только по прибытіи въ г. Дынъ-ху, могли избавиться отъ него.

Верстахъ въ восьмидесяти выше названнаго города, пески Кузупчи переходятъ на противоположную сторону Хуанъ-хэ, и ея долина (съ восточной стороны) дѣлается крайне безплодною. Взамѣнъ песчаной каймы, здѣсь являются пологіе холмы, которые, постепенно повышаясь, превращаются, противъ города Дынъ-ху, въ высокій и скалистый хребетъ называемый *Арбусъ-ула*. Этотъ хребетъ тянется вверхъ по Хуанъ-хэ, все приближаясь къ ней, и наконецъ упирается почти въ самый берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, на противоположной сторонѣ Желтой рѣки, возникаетъ громадная гряда Ала-шаньскихъ горъ[1]). По монгольскому преданію, одна изъ скалистыхъ вершинъ Арбусъ-улы, имѣющая столовидную форму, служила наковальнею кузнецу Чингисъ-хана. Этотъ кузнецъ былъ необыкновеннаго роста, такъ что, сидя на землѣ, далеко превышалъ гору и ковалъ на ней различное оружіе и лошадей великому завоевателю.

2-го сентября мы пришли къ городу *Дынъ-ху*, расположенному на западномъ берегу Хуанъ-хэ, куда мы также должны были переправляться, чтобы слѣдовать далѣе по Ала-шаню. Посѣщеніе Дынъ-ху не обошлось для насъ безъ приключеній, даже болѣе непріятныхъ, чѣмъ въ г. Бауту.

Еще за нѣсколько верстъ до города, китайцы замѣтили нашъ караванъ и толпою высыпали на городскую стѣну, откуда удобнѣе было видѣть вдаль. Затѣмъ, лишь только мы поравнялись съ городомъ, отъ него отвалила барка, въ которой сидѣло человѣкъ двадцать пять солдатъ; переплывъ на нашу сторону, они потребовали паспортъ.

[1]) По словамъ монголовъ Арбусъ-ула только пять верстъ не доходитъ до берега Хуанъ-хэ, на противоположной сторонѣ которой тотчасъ же возникаетъ Ала-шаньскій хребетъ.

Digitized by Google

Мы разбили свою палатку на берегу Хуанъ-хэ, какъ разъ противъ города, и я отправилъ съ своимъ паспортомъ къ китайскому начальнику монгола Джюльджига, вмѣстѣ съ которымъ уѣхали и солдаты. Черезъ полъ часа монголъ возвратился; съ нимъ пріѣхалъ чиновникъ, объявившій, что меня желаетъ видѣть мандаринъ и проситъ показать ему ружье и нашу собаку; про то и другое онъ, вѣроятно, узналъ отъ Джюльджига. Переодѣвшись, я отправился въ баркѣ на противоположную сторону Хуанъ-хэ, взявъ съ собою казака-бурята и монгола; послѣдній долженъ былъ служить переводчикомъ китайскаго языка, который онъ зналъ очень хорошо.

Лишь только барка пристала къ берегу, какъ насъ окружила огромная толпа, словомъ всѣ наличные обитатели Дынъ-ху. Этотъ послѣдній очень невеликъ и весь разоренъ дунганами; уцѣлѣла только одна глиняная стѣна, имѣющая не болѣе полуверсты въ окружности и до того нѣтхая, что, кажется, достаточно удара дубиною, чтобы сдѣлать брешь въ любомъ мѣстѣ. Жителей въ Дынъ-ху нѣтъ, исключая гарнизона, который состоялъ первоначально изъ тысячи человѣкъ, но теперь, вслѣдствіе побѣговъ, уменьшился на половину.

Въ сопровожденіи всей толпы мы направились внутрь стѣны, гдѣ меня встрѣтили нѣсколько офицеровъ и указали фанзу, въ которой нужно было ждать, пока насъ пригласитъ къ себѣ мандаринъ, командующій всѣмъ гарнизономъ. Отведенная фанза служила квартирою одного изъ офицеровъ, но какъ снаружи, такъ и въ особенности внутри, мало чѣмъ отличалась отъ обыкновеннаго хлѣва. Въ видѣ украшенія, по стѣнамъ въ ней висѣли длинныя связки чесноку, дополнявшаго, своимъ прекраснымъ запахомъ, общую гармонію всей обстановки.

Минутъ черезъ десять пришли сказать, что начальникъ насъ ожидаетъ, и мы отправились въ его фанзу. Мандаринъ сидѣлъ за столомъ въ желтой мантіи и преважно спросилъ: кто я такой и за чѣмъ пришелъ въ эти страны? На это я отвѣчалъ, что путешествую изъ любопытства; при томъ же собираю растенія на лекарства и дѣлаю чучела птицъ, чтобы показать ихъ у себя на родинѣ; кромѣ того, имѣю немного товаровъ для торговли съ монголами; наконецъ, мы съ товарищемъ оба чиновники, о чемъ значится и въ нашемъ пекинскомъ паспортѣ.

«Но вашъ паспортъ, вѣроятно, фальшивый, такъ какъ печать его и подпись мнѣ неизвѣстны», вдругъ возразилъ мандаринъ, не оставлявшій своей прежней надутой позы. Въ отвѣтъ на это, я сказалъ, что едва ли знаю по китайски нѣсколько десятковъ словъ, слѣдовательно не могу самъ написать себѣ паспортъ, а съ китай-

Digitized by Google

скими фабрикантами подобнаго дѣла также не знакомъ. «Какіе у васъ товары?» продолжалъ мандаринъ. По большей части пекинскіе, для простыхъ монголовъ, такъ какъ русскія вещи мы всѣ уже распродали — былъ мой отвѣтъ. «Но вы имѣете оружіе?» Оно не продажное, отвѣчалъ я, такъ какъ по трактату мы не имѣемъ право ввозить въ Китай товаръ подобнаго рода; ружья же и револьверы служатъ намъ защитою отъ нападеній разбойниковъ. «Покажите мнѣ свое ружье и выстрѣлите изъ него въ цѣль»; хорошо, отвѣчалъ я, пойдемте на улицу. Я имѣлъ съ собою двухстволъный штуцеръ Ланкастера, а казакъ дробовикъ; изъ послѣдняго я убилъ въ летѣ ласточку, а изъ штуцера разбилъ кирпичъ, поставленный вмѣсто мишени. Видя такіе результаты, китайскій начальникъ пожелалъ самъ выстрѣлить, но даже и близко не попалъ около цѣли.

Между тѣмъ принесли на показъ нѣсколько старыхъ англійскихъ солдатскихъ ружей и двухстволъныхъ пистолетовъ. Мандаринъ зарядилъ одно ружье и выстрѣлилъ изъ него въ камень шаговъ на двадцать, но и тутъ не попалъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ и наконецъ, кажется за пятымъ, разбилъ кирпичъ. Удовольствовавшись такимъ успѣхомъ, онъ пошелъ въ свою фанзу; насъ же повели въ квартиру одного офицера, куда принесли арбузъ, чай и какой-то супъ — видимо это было угощеніе.

Черезъ полъ часа насъ снова позвали къ китайскому начальнику. «Я долженъ осмотрѣть ваши вещи и переписать ихъ», сказалъ онъ; «объявите мнѣ сколько у васъ оружія и какое именно?». Хорошо, извольте, отвѣчалъ я. Пришелъ писарь и самымъ подробнымъ образомъ записалъ сколько у насъ штуцеровъ, гладкоствольныхъ ружей, револьверовъ, пороху, пуль и т. п. Между тѣмъ совершенно стемнѣло и фанзу мандарина освѣтили сальною свѣчею и ночникомъ, въ которомъ горѣло кунжутное масло.

Затѣмъ аудіенція продолжалась не долго. Мандаринъ попросилъ только продать ему штуцеръ и, получивъ отказъ, велѣлъ перевезти насъ обратно черезъ Хуанъ-хэ. Придя въ палатку, мы къ великой радости нашли здѣсь своего Фауста, который ѣздилъ съ нами и затерялся въ городѣ; оказалось, что соскучась ожиданіемъ и напуганный шумомъ толпы, онъ переплылъ обратно Желтую рѣку на глазахъ моего товарища.

На слѣдующій день, утромъ, къ намъ явился чиновникъ, сопровождаемый десяткомъ солдатъ въ форменныхъ красныхъ блузахъ и объявилъ, что онъ присланъ мандариномъ сдѣлать ревизію нашимъ вещамъ. Начался осмотръ, но онъ производился самымъ небрежнымъ образомъ,

Digitized by Google

такъ что съемочныя работы, которыя я запряталъ въ самую глубь одного изъ ящиковъ, благополучно пережили эту катастрофу. Впрочемъ, одною изъ благопріятствовавшихъ намъ причинъ было то обстоятельство, что въ это время у насъ варился супъ, изъ котораго солдаты вытаскали всю говядину и были заняты этимъ дѣломъ гораздо болѣе, нежели ревизіею вещей.

Послѣ осмотра чиновникъ объявилъ, что мандаринъ просилъ прислать ему посмотрѣть револьверъ и вчерашній штуцеръ. Сначала я не хотѣлъ давать этихъ вещей, но когда чиновникъ сказалъ, что начальникъ приказалъ ему не показываться безъ нихъ на глаза, то я отдалъ съ условіемъ, чтобы за нами тотчасъ же прислали барку, для перевозки на противоположную сторону Хуанъхэ. Дѣйствительно, черезъ часъ явилась барка, на которой мы уложили и перевезли черезъ рѣку всѣ наши вещи. За верблюдами же обѣщали пріѣхать вторично; при нихъ остались мой товарищъ съ однимъ изъ казаковъ.

Сложивъ всѣ перевезенныя вещи во дворѣ фанзы, стоявшей на берегу Хуанъ-хэ и служившей амбаромъ для храненія соли, я пошелъ къ мандарину съ просьбою приказать перевезти также нашихъ верблюдовъ и дать намъ билетъ для дальнѣйшаго слѣдованія по Ала-шаню. На это китайскій начальникъ отвѣчалъ, что онъ самъ лично желаетъ обревизовать наши вещи, и тотчасъ же отправился вмѣстѣ со мною туда, гдѣ онѣ были сложены. Осматривая наши пожитки, мандаринъ сталъ отбирать и передавать своему слугѣ то, что ему болѣе нравилось, подъ предлогомъ разсмотрѣть все это хорошенько дома и возвратить обратно. Взято было: два одноствольныхъ нарѣзныхъ пистолета, револьверъ въ ящикѣ, кинжалъ, двѣ пороховницы, фонарь и десть писчей бумаги. Видя, что ревизія превращается въ грабежъ, я приказалъ своему переводчику передать мандарину, что мы не затѣмъ пришли сюда, чтобы насъ грабили; тогда китайскій генералъ удовольствовался забранными вещами и отказался отъ дальнѣйшаго осмотра.

Между тѣмъ верблюдовъ все еще не перевозили, подъ предлогомъ, что поднялся вѣтеръ и они могутъ утонуть. Наконецъ, когда я пристalъ энергически къ мандарину, онъ велѣлъ перевезти нашихъ животныхъ, которыя не могли залѣзть въ барку съ высокими бортами, а потому ихъ привязали веревками, за головы, къ той же самой баркѣ и потащили черезъ быструю рѣку въ двѣсти сажень шириною. Нечего говорить, что подобная ванна была не особенно полезна для верблюдовъ, которые вообще сильно боятся воды.

Лишь только перевезли верблюдовъ, я отправился къ мандарину

Digitized by Google

за паспортомъ, но мнѣ сказали, что онъ спитъ и что я могу подождать до завтра. Выведенный изъ терпѣнія, я велѣлъ тогда передать китайскому генералу, что если онъ не отдастъ мнѣ паспорта, то мы пойдемъ и безъ него, но будемъ жаловаться въ Пекинѣ на подобныя притѣсненія.

Не знаю, какъ были переданы эти слова мандарину, но только черезъ четверть часа опять явился къ намъ чиновникъ, съ десяткомъ солдатъ и объявилъ, что мандаринъ вновь приказалъ переписать наши вещи и не отпускать насъ безъ билета. На этотъ разъ переписка ограничилась только счетомъ, сколько у насъ ящиковъ, кожаныхъ сумъ и мѣшковъ; солдаты остались, подъ предлогомъ охраненія этихъ вещей отъ воровъ, но въ сущности для того, чтобы караулить самихъ насъ.

Положеніе наше было крайне тягостное, тѣмъ болѣе, что насъ постоянно окружала толпа нахальныхъ солдатъ, позволявшихъ себѣ различныя дерзости; къ довершенію трудностей, одинъ изъ моихъ казаковъ заболѣлъ и не могъ тронуться съ мѣста.

Къ вечеру начался дождь, но мы не могли найти себѣ пріюта и должны были ночевать подъ открытымъ небомъ, такъ какъ палатку негдѣ было поставить въ узкомъ дворѣ, въ которомъ помѣщались и всѣ десять нашихъ верблюдовъ. Пришлось покориться необходимости; мы разчистили отъ верблюжьяго помета небольшую площадку, и улеглись здѣсь на войлокахъ. Къ счастію, дождь скоро пересталъ и ночь была ясная; солдаты поочереди сторожили въ воротахъ двора.

На слѣдующій день насъ заставили ждать до самого полудня, говоря, что мандаринъ еще спитъ; когда же я хотѣлъ идти лично удостовѣриться въ этомъ, то солдаты не пустили меня въ городъ. Между тѣмъ, нѣсколько разъ приходилъ довѣренный отъ мандарина, прося подарить его начальнику всѣ забранныя имъ вещи, въ томъ числѣ и штуцеръ Ланкастера. Я отказалъ на отрѣзъ, говоря, что не настолько богатъ, чтобы дарить каждому встрѣчному китайскому генералу оружіе, которое стоитъ нѣсколько сотъ рублей.

Послѣ полудня пришли сказать, что мандаринъ всталъ и принесли ящикъ со штуцеромъ, но въ немъ не оказалось пороховницы и коробки пистонъ. «Вашъ начальникъ укралъ отсюда двѣ вещи», сказалъ я пришедшему чиновнику, и послалъ своего переводчика объяснить тоже самое мандарину. Самъ я уже не хотѣлъ идти къ нему, считая неприличнымъ имѣть дѣло съ подобнымъ господиномъ.

Черезъ часъ казакъ вернулся и принесъ пустую пороховницу, но пистоновъ мандаринъ не отдалъ говоря, что онѣ нужны ему

Digitized by Google

самому. Вмѣстѣ съ тѣмъ казакъ передалъ, что генералъ все время просилъ его уговорить меня подарить ему остальныя забранныя вещи. Пришедшій вмѣстѣ съ казакомъ слуга ожидалъ отвѣта и еще разъ получилъ отказъ, съ которымъ отправился къ своему господину. Вскорѣ этотъ слуга возвратился и объяснилъ, что мандаринъ проситъ продать ему взятыя вещи. Я сначала отказалъ и въ продажѣ, но потомъ, по совѣту одного монгольскаго зангина, съ которымъ мы въ это время хорошо сошлись, согласился на подобную сдѣлку, съ тѣмъ только условіемъ, если намъ тотчасъ будетъ данъ паспортъ и проводникъ. То и другое явилось очень скоро, но только вмѣсто назначенныхъ за вещи 67 ланъ, мандаринъ прислалъ всего 50 ланъ, говоря, что остальныя деньги отдастъ мнѣ при слѣдующемъ свиданіи. Я не желалъ изъ за пустяковъ начинать новую исторію, велѣлъ вьючить верблюдовъ и, не смотря на наступавшій вечеръ, мы выступили изъ Дынъ-ху.

Дорогою къ намъ присоединился монгольскій зангинъ и разсказалъ, что когда мандаринъ узналъ о томъ, что я хочу уходить безъ его позволенія, то, разсердившись, закричалъ: «я отрублю ему за это голову» и велѣлъ приставить къ намъ караулъ. Вотъ какимъ уваженіемъ пользуются до сихъ поръ европейцы въ Китаѣ, гдѣ для насъ не существуетъ даже и другаго имени, какъ «заморскій чертъ».

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ала-шань.

Общій характеръ Ала-шаньской пустыни.—Мѣстные монголы.—Наше слѣдованіе по сѣверному Ала-шаню.—Городъ Дынь-юань-инъ.—Ала-шаньскій князь и его сыновья.—Лама Балдынъ-сорджи.—Продажа нашихъ товаровъ.—Нынѣшній Далай-лама.—Предсказаніе о странѣ Шамбалынъ.—Парадное свиданіе съ Ала-шаньскимъ княземъ.—Алашаньскій хребетъ.—Охота за куку-яманами.—Причины возвращенія въ Калганъ.

Южная часть высокаго нагорья Гоби, къ западу отъ средняго теченія Хуанъ-хэ, представляетъ собою дикую и безплодную пустыню, населенную монголами *олютами* и извѣстную подъ именемъ *Ала-шаня* или *За-Ордоса*. Страна эта наполнена голыми сыпучими песками, которые тянутся къ западу до р. Эцзинэ, на югѣ упираются въ высокія горы провинціи Гань-су, а на сѣверѣ сливаются съ безплодными глинистыми равнинами средней части Гобійской пустыни. Эти естественные предѣлы составляютъ и политическія границы Ала-шаня, прилегающаго на сѣверѣ къ Халхѣ и уротамъ, а въ остальныхъ частяхъ къ Гань-су и небольшой части Ордоса.

Въ топографическомъ отношеніи описываемая страна представляетъ совершенную равнину, по всему вѣроятію, нѣкогда бывшую, подобно Ордосу, дномъ обширнаго озера, или внутренняго моря. На такой фактъ указываютъ: равнинная площадь всей страны, твердая глинисто-соленая почва, сверху которой насыпанъ песокъ, и наконецъ, озера осадочной соли, образовавшіяся въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ скопились послѣдніе остатки прежнихъ водъ.

Ала-шаньская пустыня, на многіе десятки, даже сотни верстъ, представляетъ одни голые сыпучіе пески, всегда готовые задушить путника своимъ палящимъ жаромъ, или засыпать песчанымъ ураганомъ. Иногда эти пески такъ обширны, что называются монголами «*тынгери*», т. е. «небо». Въ нихъ нигдѣ нѣтъ капли воды; не видно ни птицы, ни звѣря, и мертвое запустѣніе наполняетъ невольнымъ ужасомъ душу забредшаго сюда человѣка.

Digitized by Google

Ордосскіе Кузупчи, въ сравненіи съ Ала-шаньскими песками кажутся миніатюрою; при томъ же тамъ, хотя изрѣдка, можно встрѣтить оазисы, покрытые свѣжею растительностію. Здѣсь нѣтъ даже и подобныхъ оазисовъ; желтый песокъ тянется на необозримое пространство, или смѣняется обширными площадями соленой глины, а ближе къ горамъ—голой гальки. Растительность, тамъ гдѣ она есть, крайне бѣдна, и заключаетъ въ себѣ лишь нѣсколько видовъ уродливыхъ кустарниковъ и нѣсколько десятковъ породъ травъ. Между тѣми и другими на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить *саксаулъ*, называемый монголами *зак* (Haloxylon sp.) и траву *сульхиръ* (Agriophyllum gobicum).

Въ Ала-шанѣ саксаулъ является деревомъ отъ 10—12 фут. вышины, при толщинѣ въ ½ фута [1]), и растетъ, рѣдкимъ насажденіемъ, всего чаще на голомъ пескѣ. На подѣлки описываемое дерево негодно, потому что крохко и дрябло; за то оно горитъ превосходно. Безлистныя, но сочныя и торчащія какъ щетка, вѣтви зака составляютъ главное питаніе Ала-шаньскихъ верблюдовъ. Кромѣ того, подъ защитою этихъ деревьевъ монголы ставятъ свои юрты и укрываются здѣсь лучше, нежели въ голой степи, отъ зимнихъ холодовъ; въ подобныхъ же мѣстахъ, т. е. тамъ, гдѣ растетъ закъ, говорятъ, можно скорѣе достать воду, посредствомъ колодцевъ.

Распространеніе зака въ Ала-шанѣ весьма ограничено; онъ встрѣчается только въ сѣверной части этой страны. Въ Гоби описываемое дерево растетъ приблизительно до 42° сѣв. шир.; впрочемъ здѣсь оно встрѣчается спорадически только тамъ, гдѣ залегаютъ голые пески [2]).

Трава сульхиръ для обитателей Ала-шаня еще важнѣе нежели закъ и, безъ преувеличенія, можетъ быть названа «даромъ пустыни». Она достигаетъ двухъ футъ вышины (рѣдко три фута) и растетъ на голомъ пескѣ, обыкновенно по окраинамъ лишенныхъ всякой растительности песчаныхъ площадей. Это колючее соляниковое растеніе цвѣтетъ въ августѣ, а мелкія его сѣмяна, доставляющія вкусную и питательную пищу, созрѣваютъ въ концѣ сентября. Урожай сульхира бываетъ хорошъ въ дождливое лѣто; въ засуху же онъ пропадаетъ, и тогда Ала-шаньскіе монголы голодуютъ круглый годъ.

Для добыванія сѣмянъ сульхира, монголы собираютъ эту траву и обмолачиваютъ ее на голыхъ глинистыхъ площадяхъ, какія часто

---

[1]) Изрѣдка попадаются экземпляры въ 18 фут. вышины, при толщинѣ ствола въ 1 футъ.

[2]) Кромѣ того закъ растетъ въ Ордосѣ и Цайдамѣ; это дерево черезъ всю среднюю Азію распространяется въ нашъ Туркестанъ.

Digitized by Google

попадаются среди песковъ. Самыя сѣмяна сначала поджариваютъ на медленномъ огнѣ, потомъ толкутъ въ ступѣ и получаютъ довольно вкусную муку, которую ѣдятъ, заваривая чаемъ. Мы сами питались сульхарною мукою въ Ала-шанѣ и даже взяли ея на обратный путь. Въ тоже время сульхиръ служитъ отличною пищею для домашнихъ животныхъ; его чрезвычайно любятъ не только верблюды, но даже лошади и овцы. Кромѣ Ала-шаня сульхиръ растетъ въ Ордосѣ и въ срединѣ Гоби, тамъ, гдѣ встрѣчается голый песокъ; мы нашли это растеніе также и въ Цайдамѣ. Изъ другихъ растеній въ Ала-шанѣ преобладаютъ большею частію виды, уже встрѣченные въ Ордосѣ. На глинистыхъ площадяхъ въ описываемой странѣ всего чаще растутъ: *бударана*, *хармыкъ*, часто образующій кочковидные бугры, *колючій вьюнокъ* (Convolvulus tragacanthoides) [1]), *полевой чернобыльникъ* и изрѣдка *золотарникъ*; изъ травъ здѣсь встрѣчаются: *Jnula atophila*, *Sophora flavescens*, *Convolvulus Ammani*, *Peganum sp.*, *Haplophyllum sp.*, *Astragalus sp.* и др. Но вообще растительность пустыни, крайне бѣдная, корявая, едва поднимающаяся надъ землею, производитъ впечатлѣніе чрезвычайно непріятное. Здѣсь нигдѣ нѣтъ энергичной жизни, но на всемъ лежитъ печать вялости и апатіи; все растетъ какъ будто нехотя, по принужденію, получая отъ бѣдной почвы лишь настолько, чтобы не погибнуть совершенно.

Какъ бѣдна флора Ала-шаня, такъ небогата и его фауна. Крупныхъ млекопитающихъ въ пустынѣ нѣтъ никакихъ, кромѣ хара-сульты; затѣмъ здѣсь встрѣчаются волкъ, лисица, заяцъ, а въ зарослях зака изрѣдка *ежъ* (Erinaceus auritus?). Изъ мелкихъ грызуновъ, въ обиліи попадаются только два вида *песчанокъ* (Meriones sp.); одинъ изъ нихъ живетъ исключительно въ зарослях зака и до того дырявитъ землю своими норами, что часто совершенно нельзя ѣхать верхомъ. Цѣлый день слышится писк этихъ звѣрьковъ, столь же скучный и однообразный, какъ вся вообще природа Ала-шаня.

Среди птицъ самою замѣчательною слѣдуетъ назвать *холо-джоро* [2]) (Podoces Hendersoni), которая величиною почти съ нашу сойку, а на лету напоминаетъ удода. Это, въ полномъ смыслѣ, птица пустыни и встрѣчается исключительно въ самыхъ дикихъ ея частяхъ. Чуть только мѣстность принимаетъ лучшій характеръ, холо-джоро исчезаетъ; поэтому она, вмѣстѣ съ хара-сультою, служитъ для путешествен-

---

[1]) Этотъ низкій и страшно колючій кустарникъ, растущій обыкновенно купинами, монголы называютъ *дзара*, т. е. ежъ.

[2]) Это монгольское имя въ переводѣ означаетъ, «саврасый иноходецъ» и дано названному виду за его быстрый бѣгъ, много напоминающій рысь иноходца.

Digitized by Google

ника всегда нерадостнымъ явленіемъ. По нашему пути, холо-джоро встрѣчалась до Гань-су, а затѣмъ вновь появилась въ Цайдамѣ; на сѣверъ она распространяется въ Гоби, приблизительно до 44½° сѣв. шир. [1]).

Изъ другихъ птицъ въ Ала-шанѣ чаще попадаются *пустынники* (Syrrhaptes paradoxus), прилетающіе сюда на зимовку огромными стадами, *жаворонки* (Alauda pispoletta?, Otocoris albigula, Galerita cristata?), *чекканы* (Saxicola deserti?), а въ заростяхъ зака *воробьи* (Passer sp.). Сверхъ того, лѣтомъ здѣсь держатся *малые журавли* (Grus Virgo), которые питаются ящерицами, въ безчисленномъ множествѣ водящимися въ пустынѣ. За неимѣніемъ болотъ журавли приходятъ пить къ колодцамъ и дѣлаются весьма довѣрчивы, такъ какъ никѣмъ не преслѣдуются.

Вотъ и всѣ почти птицы, которыхъ можно найдти въ Ала-шаньской пустынѣ. Пролетныя стада несутся здѣсь высоко, не останавливаясь. По крайней мѣрѣ мы, только по вечерамъ, видали здѣсь иногда стада журавлей, садившихся на песокъ, чтобы провести ночь и раннимъ утромъ летѣть далѣе. Даже сороки и вороны не встрѣчаются въ Ала-шаньской равнинѣ; только коршунъ изрѣдка пронесется надъ палаткою путешественника, надѣясь поживиться остаткомъ обѣда.

Изъ пресмыкающихся, въ пустынѣ безчисленное множество *ящерицъ* (Phrynocephalus sp., въ меньшемъ числѣ Eremias sp.), которыя попадаются здѣсь на каждомъ шагу. Эти ящерицы составляютъ почти исключительную пищу журавлей, сарычей и коршуновъ; даже чайки прилетаютъ сюда за подобною поживою съ Хуанъ-хэ; волки, лисицы и монгольскія собаки также питаются названными пресмыкающими, за неимѣніемъ чего лучшаго.

Населеніе Ала-шаня составляютъ монголы *олюты*, къ которымъ также принадлежитъ часть обитателей Куку-нора, тургуты и наши калмыки. По своему наружному виду Ала-шаньскіе монголы много отличаются отъ халхасцевъ, и представляютъ что-то среднее между ними и китайцами. Подъ вліяніемъ послѣднихъ, они передѣлали свой характеръ на китайскій ладъ, и даже не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей въ куреніи опіума. Однако китайское трудолюбіе здѣсь неизвѣстно, но въ полной силѣ сохранилась прежняя монгольская лѣнь. И таково вездѣ вліяніе китайцевъ на монголовъ! Его можно назвать скорѣе развращающимъ, нежели цивилизующимъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего противнѣе окитаившагося монгола, который

[1]) Между тѣмъ эта птица далеко идетъ къ западу, такъ какъ ее нашла, или лучше сказать, впервые открыла экспедиція Форсита, снаряженная, въ 1870 году, англійскимъ правительствомъ изъ Лагора въ Яркендъ.

Digitized by Google

всегда теряетъ свои прежнія добрыя качества, а вновь перенимаетъ однѣ лишь дурныя склонности, болѣе подходящія къ лѣнивой натурѣ номада. У такого урода нѣтъ ни монгольскаго простодушія, ни китайскаго трудолюбія, хотя онъ всегда съ высока смотритъ на своихъ прежнихъ собратій.

Языкъ ала-шаньскихъ монголовъ значительно отличается отъ халхаскаго и, сверхъ того, въ сравненіи съ послѣднимъ, характеризуется болѣе мягкимъ и скорымъ произношеніемъ словъ.

Ала-шаньскіе монголы вообще весьма бѣдны. Они занимаются, главнымъ образомъ, разведеніемъ верблюдовъ, которыхъ употребляютъ для перевозки соли и разныхъ китайскихъ товаровъ. Овцы, лошади, равно какъ и рогатый скотъ, здѣсь содержатся въ самомъ маломъ количествѣ, по неимѣнію для нихъ пастбищъ; въ большемъ числѣ встрѣчаются козы, а въ горахъ пасутся стада яковъ, принадлежащихъ владѣтельному князю и его сыновьямъ.

Въ административномъ отношеніи, Ала-шань раздѣляется на три хошуна, но вообще населеніе въ этой странѣ очень не велико. Оскудѣнію мѣстнаго населенія еще болѣе помогли дунганы, разорившіе Ала-шань въ одно время съ Ордосомъ [1]). Такой участи избѣгнулъ только городъ *Дынь-юань-инъ*, единственный въ описываемой странѣ; онъ составляетъ мѣстопребываніе владѣтельнаго князя, и лежитъ по западную сторону Ала-шаньскихъ горъ.

Сюда мы направились, выйдя изъ Дынъ-ху. Впрочемъ, сдѣлавъ одинъ переходъ, мы простояли три дня возлѣ юрты знакомаго монгольскаго зангина. У него мы купили верблюда и промѣняли двухъ своихъ, сбившихъ себѣ спины; кромѣ того, необходимо было дать покой больному казаку, который, къ счастію, началъ поправляться. Прежній нашъ проводникъ Джюльджига былъ оставленъ нами въ г. Дынъ-ху, а взамѣнъ его мы получили, все отъ того же зангина, другаго проводника, который хотя былъ монголъ, но исповѣдывалъ магометанство и оказался отличнымъ человѣкомъ. Съ нимъ мы пошли въ г. Дынь-юань-инъ, до котораго отъ Дынъ-ху считается 187 верстъ. Дорога состоитъ изъ тропинки, иногда совершенно теряющейся въ пескахъ, такъ что нужно отлично знать мѣстность, чтобы не заблудиться. Населенія мы не видали вовсе, но въ разстояніи двадцати пяти, или тридцати, верстъ здѣсь выкопаны колодцы и при нихъ стоятъ почтовыя юрты.

---

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ мѣстными монголами, въ Ала-шанѣ, послѣ дунганскаго разоренія, осталось около тысячи юртъ. Полагая среднимъ числомъ, на каждую юрту отъ 5—6 человѣкъ, мы получимъ все населеніе этой страны отъ 5—6 тысячъ душъ.

Digitized by Google

На второмъ переходѣ мы встрѣтили небольшое озерко *Цаганъ-норъ* и возлѣ него великую рѣдкость здѣшнихъ странъ — родникъ чистой холодной воды. Двѣ большія ивы осѣняли это мѣсто, которое считается святымъ у монголовъ. Мы несказанно обрадовались подобной находкѣ, такъ какъ уже болѣе мѣсяца не пили хорошей воды и, ради такого открытія, учинили дневку.

Свѣтлыя струйки родника бѣгутъ всего нѣсколько десятковъ саженъ, но орошаемая ими площадка представляетъ ярко-зеленый лугъ, покрытый травами, какія нигдѣ не встрѣчаются въ пустынѣ.

Пролетъ птицъ, начавшійся въ концѣ августа, много усилился въ сентябрѣ, такъ что въ первой трети этого мѣсяца считалось въ пролетѣ уже восемнадцать видовъ. Но пролетныя птицы слѣдуютъ, главнымъ образомъ, по долинѣ Хуанъ-хэ и только въ небольшомъ числѣ перелетаютъ Ала-шаньскую пустыню. Жутко иногда приходится здѣсь этимъ крылатымъ странникамъ. Многіе изъ нихъ, истомленные жаждою, или голодомъ, погибаютъ въ пустынѣ, и я нѣсколько разъ находилъ здѣсь мертвыхъ дроздовъ, у которыхъ, по вскрытіи, желудокъ оказывался совершенно пустымъ. Мой товарищъ однажды встрѣтилъ въ сухомъ ущельи, почти близъ самаго гребня высокихъ Ала-шаньскихъ горъ, кряковную утку, до того обезсилѣвшую, что ее можно было поймать руками.

Лѣтніе жары теперь кончились, такъ что мы безъ особеннаго утомленія дѣлали свои переходы. Сыпучіе пески, сложенные небольшими холмами, какъ и въ Ордосѣ, разстилались вокругъ насъ безграничною желтою площадью, убѣгавшею за горизонтъ. Тропинка вилась между ними по заростямъ зака и переходила менѣе узкіе рукава самыхъ песковъ, тамъ, гдѣ они становились поперегъ дороги. Бѣда заблудиться, гибель тогда путнику вѣрная, въ особенности лѣтомъ, когда пустыня накаляется словно печь.

Верстъ за семьдесятъ до г. Дынь-юань-инъ, голые пески уходятъ вправо отъ дороги, а взамѣнъ ихъ разстилается глинисто-песчаная равнина, покрытая главнымъ образомъ рѣдкими кустами полеваго чернобыльника, называемаго монголами *шаральджа* и употребляемаго ими на топливо. Равнина эта тянется до самыхъ Ала-шаньскихъ горъ, которыя стоятъ громадною стѣною и видны очень ясно за цѣлую сотню верстъ; на нѣкоторыхъ вершинахъ уже лежалъ въ это время снѣгъ, хотя вышеназванныя горы нигдѣ не достигаютъ снѣговой линіи.

14-го сентября мы пришли въ г. *Дынь-юань-инъ* и, въ первый разъ за все время экспедиціи, встрѣтили радушный пріемъ отъ мѣстнаго князя, по приказанію котораго, на встрѣчу намъ выѣхали трое чиновниковъ и проводили насъ въ заранѣе приготовленную

Digitized by Google

фанзу. Впрочемъ, еще за цѣлый переходъ до города, насъ также встрѣтили три чиновника, посланные княземъ узнать, кто мы такіе. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ этихъ посланцевъ было: «не миссіонеры ли мы?» и когда былъ данъ отрицательный отвѣтъ, то намъ начали жать руки и объяснять, что въ случаѣ, если бы мы оказались миссіонерами, князь не велѣлъ пускать насъ къ себѣ въ городъ. Вообще, въ числѣ причинъ, обусловившихъ успѣхъ нашего путешествія, на видномъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить то обстоятельство, что мы никому не навязывали своихъ религіозныхъ воззрѣній.

Городъ Дынь-юань-инъ, какъ сказано выше, составляетъ мѣстопребываніе Ала-шаньскаго владѣтельнаго князя. Онъ лежитъ въ пятнадцати верстахъ къ западу отъ средней части Ала-шаньскихъ горъ, и въ 80 верстахъ къ сѣверо-западу отъ большаго китайскаго города Нинъ-ся [1]), въ провинціи Ганъ-су. Китайцы называютъ описываемый городъ *Ва-янъ-фу*, а монголы *Алаша-ямынъ*, т. е. управленіе Ала-шаня.

Дынь-юань-инъ состоитъ изъ крѣпости, глиняная стѣна которой имѣетъ полторы версты въ окружности. Во время нашего посѣщенія, стѣна эта была приведена въ оборонительное положеніе и на ея зубцахъ вездѣ были сложены камни, или бревна, для отбитія непріятельскаго штурма. Впереди главной стѣны, съ сѣверной стороны, устроены, также изъ глины, три небольшія укрѣпленія, обнесенныя паллисадомъ.

Внутри крѣпости живетъ самъ князь; здѣсь также находятся китайскія лавки и помѣщены монгольскія войска. Внѣ главной ограды расположено было прежде нѣсколько сотъ фанзъ, но онѣ всѣ сожжены дунганами, которые однако не могли взять самую крѣпость. За то все, что находилось внѣ ея, подверглось разоренію, въ томъ числѣ и загородный дворецъ князя, устроенный въ одной верстѣ отъ города и окруженный небольшимъ паркомъ. Этотъ паркъ, въ которомъ прежде имѣлись даже пруды съ водою, представляетъ очаровательное мѣсто, въ сравненіи съ унылымъ видомъ окрестной пустыни.

Такова наружность города Дынь-юань-инъ. Обратимся теперь къ описанію его обитателей.

Среди ихъ самою замѣчательною личностію служитъ, конечно, владѣтельный князь, или какъ его называютъ здѣсь «амбань» [2]).

---

[1]) Монголы называютъ этотъ городъ *Иргай*.

[2]) Имени князя узнать мы не могли, такъ какъ монголы считаютъ грѣхомъ произносить имена своихъ начальниковъ, а тѣмъ болѣе передавать эти имена кому либо чужому.

Digitized by Google

Онъ состоитъ въ разрядѣ князей II-й степени и владѣетъ Алашанемъ на правахъ средне-вѣковаго феодала. По своему происхожденію этотъ князь монголъ, но совершенно окитаившійся, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ въ родственныхъ связяхъ съ богдоханскимъ домомъ, откуда получилъ въ замужество одну изъ принцессъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта жена умерла, и амбань теперь содержитъ наложницъ.

Самъ князь человѣкъ лѣтъ сорока, имѣетъ довольно благообразную физіономію, хотя всегда блѣденъ, такъ какъ сильно преданъ куренію опіума. По своему характеру онъ взяточникъ и деспотъ самаго перваго разбора. Пустая прихоть, порывъ страсти, или гнѣва, словомъ, личная воля, замѣняютъ всякіе законы и тотчасъ же приводятся въ исполненіе, безъ малѣйшаго возраженія съ чьей бы то ни было стороны. Впрочемъ, такой порядокъ существуетъ во всей Монголіи и во всемъ Китаѣ безъ исключеній. И только благодаря невѣжеству народа, держится подобная гниль общественнаго строя, которая, при другихъ условіяхъ, неминуемо привела бы государство къ полному разложенію.

Запершись внутри своей фанзы, Ала-шаньскій князь все время проводитъ въ куреніи опіума и никогда не показывается на улицѣ; въ прежнее время онъ часто ѣздилъ въ Пекинъ, но теперь возстаніе дунганъ прекратило подобныя поѣздки.

Амбань имѣетъ трехъ взрослыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій, со временемъ, будетъ его наслѣдникомъ; средній сынъ попалъ въ гыгены, а младшій, по имени *Сія* [1]), не имѣетъ никакой опредѣленной должности.

Гыгенъ, красивый юноша 21 года, съ живымъ и пылкимъ характеромъ, но совершенно испорченъ воспитаніемъ, не терпитъ ни малѣйшаго противорѣчія и считаетъ собственное мнѣніе непогрѣшимымъ. Притомъ, будучи весьма недалекимъ по уму и развитію, онъ блуждаетъ, какъ во мракѣ, среди всего сумбура, постоянно толкуемаго ему приближенными ламами, о его перерожденіяхъ, чудесахъ и святости. Не отдавая себѣ въ этомъ ни малѣйшаго отчета, Гыгенъ относится ко всему апатично и видитъ только въ своемъ званіи источникъ огромной власти и богатствъ, приносимыхъ ему усердными вѣрующими. Но въ тоже время молодая душа ищетъ чего-то лучшаго и не удовлетворяется жизнью,

[1]) Имя и титулъ этого князя, какъ онъ самъ написалъ въ моемъ дневникѣ: *Олосъ-онъ Тушіе гунъ дурбанъ дзыргэ Нэмэнсэнъ Балчинбандзаргучанъ*. Титулъ же и имя гыгена: *Алаша-инъ Цинъ-ванъ хошунъ-уонъ Саинъ Батаргулокчи сумэ Номъ-онъ ханъ джамцуванджилъ*.

Digitized by Google

заключенною въ узкія рамки ежедневныхъ молитвъ, предсказаній и благословеній. Чтобы найдти для себя хотя какой нибудь просторъ, Гыгенъ страстно преданъ охотѣ и по цѣлымъ днямъ ѣздитъ, съ ватагою ламъ, травить лисицъ въ окрестностяхъ города. Въ послѣдствіи, онъ купилъ у насъ охотничье ружье и постоянно стрѣлялъ птицъ въ своемъ загородномъ саду. Но и тутъ нѣтъ бѣдному Гыгену покоя отъ различныхъ поклоненій. Однажды, будучи на охотѣ съ моимъ товарищемъ, онъ просилъ его прогнать всѣхъ этихъ поклонниковъ, такъ какъ они ходили сзади гурьбою и пугали птицъ. Конечно буддайскому святому не подобаетъ заниматься охотою, но приближенные ламы не смѣютъ и намекнуть объ этомъ своему владыкѣ, который держитъ ихъ въ суровой дисциплинѣ. По случаю дунганскаго возстанія, Гыгенъ сформировалъ изъ всѣхъ лишнихъ ламъ отрядъ въ 200 человѣкъ, вооружилъ его англійскими гладкоствольными ружьями, привезенными изъ Пекина, и посылаетъ противъ разбойниковъ, которые еще часто грабятъ въ предѣлахъ Ала-шаня.

Младшій сынъ Ала-шаньскаго князя—*Сія*, по характеру, отчасти походитъ на Гыгена и чрезвычайно склоненъ къ разгульной жизни. Онъ самъ намъ говорилъ, что не терпитъ книгъ и вообще науки, но очень любитъ войну, охоту и верховыхъ лошадей. Дѣйствительно, на охотѣ, которую для насъ устроили оба брата, онъ показалъ себя такимъ отличнымъ наѣздникомъ, что, во время скачки за лисицей, далеко оставилъ за собою всѣхъ своихъ спутниковъ.

Старшаго сына мы видѣли только однажды и потому я не могу про него ничего сказать. Приближенные его говорятъ, что по своему характеру этотъ князь не походитъ на братьевъ, но держитъ себя уединенно и важно, какъ подобаетъ будущему правителю.

Кромѣ вышеописанныхъ личностей, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ ламѣ, по имени *Балдынъ-Сорджи*, который состоитъ при князѣ и его дѣтяхъ въ качествѣ довѣреннаго лица, исполняющаго разныя порученія. Этотъ самый Сорджи въ ранней юности бѣжалъ въ Тибетъ, пристроившись къ каравану богомольцевъ; проведя въ Лассѣ восемь лѣтъ, онъ изучилъ буддайскую мудрость и возвратился обратно въ Ала-шань уже ламою. Отъ природы хитрый и смѣтливый, Сорджи вскорѣ пріобрѣлъ расположеніе амбаня и сдѣлался его приближеннымъ. По порученію князя, онъ каждый годъ ѣздитъ въ Пекинъ за различными покупками и даже одинъ разъ былъ въ Кяхтѣ, а потому знаетъ русскихъ.

Для насъ Сорджи былъ чрезвычайно полезенъ своею услужливостію и тѣмъ значеніемъ, какимъ онъ пользовался въ городѣ. Безъ

Digitized by Google

него мы, быть можетъ, не встрѣтили бы столь радушнаго пріема со стороны князя и его сыновей. Сорджи находился также въ числѣ трехъ лицъ, высланныхъ княземъ впередъ, узнать кто мы такіе. Онъ потомъ объяснилъ Ала-шаньскому амбаню, что мы дѣйствительно русскіе, а не какіе либо другіе иностранцы. Впрочемъ, монголы всѣхъ европейцевъ крестятъ общимъ именемъ русскихъ, такъ что обыкновенно говорятъ: русскіе-французы, русскіе-англичане, разумѣя подъ этими именами французовъ и англичанъ; при томъ номады вездѣ думаютъ, что эти народы находятся въ вассальной зависимости отъ Цаганъ-хана, т. е. Бѣлаго-царя.

При вступленіи въ Дынь-юань-инъ, насъ еще за городомъ ожидала огромная толпа народа, которая затѣмъ направилась вслѣдъ за нами и биткомъ набилась во дворъ китайской гостинницы, гдѣ была отведена намъ квартира. Хозяинъ этой гостиницы, какъ видно, не особенно былъ доволенъ нашимъ постоемъ и долго не находилъ ключа, чтобы отпереть дверь фанзы, предназначенной для насъ. Наконецъ ключъ отыскался; мы развьючили верблюдовъ, стаскали въ фанзу свои вещи и, наскоро поѣвши, легли спать, такъ какъ наступилъ уже вечеръ, и мы сильно были утомлены большимъ переходомъ.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, намъ уже не давали покоя любопытные зѣваки, которые толпою стояли на дворѣ и лѣзли въ нашу фанзу, или прорывали бумагу, которою обыкновенно заклеиваются китайскія окна, и смотрѣли сквозь сдѣланныя отверстія. Напрасно, по распоряженію князя, къ намъ отрядили нѣсколько солдатъ, чтобы отгонять народъ, и въ тоже время, вѣроятно, наблюдать за нашими дѣйствіями. Выгоняли одну толпу, черезъ десять минутъ набиралась новая; такъ было ежедневно въ теченіи всего нашего пребыванія въ Дынь-юань-инѣ, въ особенности въ первое время. Не было возможности ничего рѣшительно дѣлать, потому что достаточно было высморкаться, чтобы возбудить общее вниманіе и привлечь новыхъ зѣвакъ. Поневолѣ приходилось сидѣть, сложа руки, въ грязной фанзѣ, въ то время, когда наступила пора самого горячаго пролета птицъ, а подъ бокомъ находились громадныя и при томъ лѣсныя Ала-шаньскія горы. Но путешественникъ, болѣе чѣмъ кто-либо, зависитъ отъ случайностей—и мы должны были покориться своей судьбѣ.

Черезъ два дня по приходѣ въ Ала-шаньскій городъ, мы имѣли свиданіе съ двумя младшими сыновьями князя—Гыгеномъ и Сія, черезъ пять дней со старшимъ ихъ братомъ и только черезъ восемь дней съ самимъ амбанемъ. Всѣмъ имъ необходимо было сдѣлать подарки,

Digitized by Google

о которыхъ насъ спрашивали еще высланные на встрѣчу чиновники. Не имѣя съ собою, для подобной цѣли, никакихъ особенныхъ вещей, я подарилъ самому князю карманные часы и испортившійся анероидъ; старшему сыну — бинокль; Гыгену и Сія — различныя мелочи, главнымъ образомъ, охотничьи принадлежности и порохъ. Въ отвѣтъ на это, мы получили отъ князя и его сыновей также подарки довольно цѣнные: пару лошадей, мѣшокъ ревеню и голову русскаго сахара, которая попала въ Ала-шань изъ Кяхты. Кромѣ того, наши пріятели Гыгенъ и Сія подарили на память о нихъ: мнѣ — серебряный браслетъ, а моему товарищу — золотое кольцо.

Вообще какъ самъ амбань, такъ въ особенности Гыгенъ и Сія, были очень расположены къ намъ и постоянно старались выказать это расположеніе. Они каждый день присылали намъ изъ своего сада цѣлые коробы арбузовъ, яблоковъ и грушъ, которыя мы истребляли черезъ мѣру, послѣ долгихъ лишеній въ пустынѣ; старый князь прислалъ намъ однажды обѣдъ изъ множества различныхъ китайскихъ кушаньевъ. Съ Гыгеномъ и Сія мы ѣздили нѣсколько разъ на охоту и довольно часто бывали у нихъ по вечерамъ, бесѣдуя иногда до глубокой ночи. Хотя трудно было объясняться черезъ переводчика, но все-таки мы проводили здѣсь время съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что освобождались отъ невольнаго ареста въ своей фанзѣ. Молодые князья вели себя совершенно непринужденно, смѣялись, шутили и дѣло иногда доходило даже до разныхъ игръ и гимнастическихъ упражненій.

Въ бесѣдахъ съ нами Гыгенъ и Сія, съ лихорадочнымъ любопытствомъ, распрашивали о Европѣ, тамошней жизни, людяхъ, машинахъ, желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и т. д. Наши разсказы казались для нихъ сказкою, и пробуждали желаніе видѣть все это собственными глазами; князья не шутя просили насъ свозить ихъ въ Россію. Иногда намъ приносили на показъ различныя европейскія вещи, купленныя въ Пекинѣ и Кяхтѣ, какъ напр. револьверы, трости съ кинжаломъ, машинки съ игрою, часы и даже флаконы съ одеколономъ.

Между тѣмъ свиданіе съ старымъ княземъ все откладывалось подъ различными предлогами, а до тѣхъ поръ насъ не хотѣли пустить въ горы. Лама Сорджи и другіе чиновники посѣщали насъ каждый день и мы продали имъ всѣ свои пекинскіе товары съ барышемъ отъ 30—40%. Несравненно выгоднѣе пошли русскіе товары (иголки, мыло, ножики, бусы, табакерки, зеркальца), которыхъ, правда, у насъ было очень немного, всего на нѣсколько десятковъ рублей, но которые дали намъ, среднимъ числомъ, 700% барыша. Конечно, по-

Digitized by Google

добный случай составляетъ исключеніе, но мнѣ кажется, что если завести правильную торговлю не только здѣсь, но вообще въ Монголіи, то можно имѣть барышъ въ весьма крупныхъ процентахъ. Конечно, нужно умѣть повести дѣло и знать какіе именно требуются товары. Мнѣ кажется, на первомъ планѣ должны стоять: плисъ, сукно, сафьянъ, которые и теперь ввозятся отъ насъ въ Китай въ значительномъ количествѣ. Но едва ли не большій сбытъ найдутъ здѣсь различныя желѣзныя вещи, какъ напр. ножницы, ножи, бритвы, а также мѣдные кувшины, чугунныя чаши и т. д. Все это предметы самые необходимые для домашняго обихода номадовъ, которые получаютъ теперь такой товаръ отъ китайцевъ, но чрезвычайно плохаго качества. Дальнѣйшимъ предметомъ ввоза могутъ служить: желтый и красный люстринъ, употребляемый ламами на одежду, кораллы, очень дорого цѣнимые въ Монголіи, парча, красныя бусы, иголки, карманные часы, табакерки, зеркальца, стереоскопы, бумага, карандаши и т. п. мелочи.

Однимъ изъ самыхъ усердныхъ нашихъ посѣтителей былъ лама Сорджи, который приходилъ къ намъ по нѣсколько разъ въ день и много разсказывалъ о Тибетѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что богомольцы, приходящіе въ Лассу, могутъ видѣть Далай-ламу не иначе, какъ заплативъ за это, на первый разъ, отъ трехъ до пяти лановъ; на второй и слѣдующіе разы за лицезрѣніе воплощеннаго божества взимается одинъ ланъ. Но подобная плата установлена только для бѣдныхъ, которые притомъ имѣютъ даровое помѣщеніе и продовольствіе на счетъ тибетскаго владыки. Богатые же и князья, приходящіе на поклоненіе, подносятъ Далай-ламѣ большіе, иногда даже громадные подарки.

Нынѣшній Далай-лама — мальчикъ восемнадцати лѣтъ и, по разсказамъ буддистовъ, попалъ на свой престолъ слѣдующимъ образомъ. Незадолго до смерти стараго Далай-ламы, къ нему пришла молиться одна тибетская женщина, въ которой святой прозрѣлъ мать своего будущаго намѣстника. Тогда онъ далъ ей хлѣбъ и какихъ то ягодъ, съѣвши которыхъ эта женщина получила зачатіе. Вскорѣ Далай-лама умеръ и указалъ на нее, какъ на мать своего преемника. Дѣйствительно, когда ребенокъ родился, то въ эту самую минуту изъ столба, которымъ была подперта юрта, потекло молоко, что и было знаменіемъ призванія и великой святости новорожденнаго.

Другой весьма интересный разсказъ, слышанный нами отъ Сорджи было предсказаніе о *Шамбалынѣ*, той обѣтованной землѣ буддистовъ, куда современемъ перейдутъ изъ Тибета всѣ послѣдователи этой религіи.

Digitized by Google

Вышеназванная страна есть островъ, лежащій гдѣ то далеко на Сѣверномъ морѣ. Въ немъ очень много золота, хлѣбъ родится необыкновенной величины, бѣдныхъ нѣтъ вовсе; словомъ, Шамбалынъ течетъ медомъ и млекомъ. Переходъ сюда буддистовъ долженъ произойти черезъ 2500 лѣтъ со дня предсказанія о такомъ событіи; съ тѣхъ поръ прошло 2050 лѣтъ, такъ что ожидать осталось сравнительно немного.

Самое дѣло произойдетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ западномъ Тибетѣ живетъ одинъ гыгенъ, который, какъ живое воплощеніе божества, никогда не умираетъ, но только перерождается изъ одного тѣла въ другое. Незадолго передъ наступленіемъ срока предсказаннаго событія, этотъ святой родится сыномъ у государя Шамбалына. Между тѣмъ дунганы взволнуются еще болѣе нежели теперь и разорятъ весь Тибетъ. Тогда тибетскій народъ, подъ предводительствомъ Далай-ламы, покинетъ свое отечество и отправится въ Шамбалынъ, гдѣ будетъ принятъ и поселенъ на хорошихъ земляхъ вышеупомянутымъ святымъ, занявшимъ, послѣ смерти отца, престолъ государства.

Между тѣмъ дунганы, ободренные успѣхами въ Тибетѣ, покорятъ всю Азію, потомъ Европу и нахлынутъ на Шамбалынъ. Тогда святой государь соберетъ войска, побѣдитъ дунганъ, прогонитъ ихъ въ свою страну и сдѣлаетъ буддайскую вѣру господствующею во всѣхъ подвластныхъ земляхъ.

Вышепомянутый гыгенъ и теперь секретно посѣщаетъ Шамбалынъ. Для этого онъ имѣетъ особеннаго коня, который стоитъ постоянно осѣданнымъ и возитъ своего господина, въ одну ночь изъ Тибета въ обѣтованную землю и обратно. О подобныхъ похожденіяхъ простые люди узнали совершенно случайно.

Именно, у гыгена былъ работникъ, который однажды ночью вздумалъ съѣздить къ себѣ домой и, ничего не подозрѣвая, взялъ тихомолкомъ священнаго коня. Тотъ взвился стрѣлою и понесся вдаль. Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды начали показываться лѣса, озера, рѣки, которыхъ вовсе нѣтъ на родинѣ работника, такъ что этотъ послѣдній, испугавшись, повернулъ коня обратно. При этомъ онъ отломилъ вѣтку дерева, что бы погонять лошадь, если она устанетъ; но этого не случилось и къ разсвѣту работникъ снова былъ возлѣ кумирни, обтеръ съ коня потъ, выводилъ его и поставилъ на прежнее мѣсто.

Между тѣмъ проснувшійся святой тотчасъ же узналъ о случившемся и, призвавъ къ себѣ работника, спросилъ куда онъ ѣздилъ нынѣшнею ночью. Уличенный такъ неожиданно, работникъ не сталъ

Digitized by Google

запираться, но объявилъ, что самъ не знаетъ, гдѣ былъ. Тогда святой сказалъ ему: «ты немного не доѣхалъ до счастливой земли Шамбалынъ, куда мой конь только и знаетъ дорогу. Покажи вѣтку, которую ты привезъ съ собою; смотри, такихъ деревьевъ нѣтъ въ Тибетѣ, они растутъ недалеко отъ Шамбалына».

Послѣ такого разсказа Сорджи спросилъ: не знаю ли я гдѣ находится Шамбалынъ? Тамъ, добавилъ лама, есть огромный городъ, въ которомъ живетъ теперь королева, правящая народомъ, по смерти своего мужа. Я назвалъ Англію. «Ну такъ вѣрно это и есть Шамбалынъ», воскликнулъ обрадованный Сорджи и просилъ меня показать ему названную страну на картѣ.

Наконецъ, на восьмой день нашего прибыванія въ Дынь-юаньинѣ, мы получили приглашеніе на свиданіе съ амбанемъ. Предварительно лама Сорджи, вѣроятно по наущенію самого князя, спрашивалъ у насъ: какимъ образомъ мы будемъ привѣтствовать ихъ повелителя, по своему ли обычаю, или по монгольскому, т. е. падать на колѣни. Получивъ, конечно, отвѣтъ, что мы будемъ кланяться князю по европейски, Сорджи началъ просить, чтобы передъ амбанемъ сталъ на колѣни, хотя нашъ казакъ-переводчикъ, но и въ этомъ было рѣшительно отказано.

Самое свиданіе происходило, въ восемь часовъ вечера, въ пріемной фанзѣ амбаня. Эта фанза очень хорошо убрана; въ ней даже стоитъ большое европейское зеркало, купленное за полтораста ланъ въ Пекинѣ. На столахъ, въ нейзильберныхъ подсвѣчникахъ, горѣли стеариновыя свѣчи и было приготовлено для насъ угощеніе изъ орѣховъ, пряниковъ, русскихъ леденцовъ со стихами на билетикахъ, яблокъ, грушъ и пр.

Когда мы вошли и поклонились князю, то онъ пригласилъ насъ сѣсть на приготовленныя мѣста; казакъ же сталъ у дверей. Кромѣ амбаня въ фанзѣ находился какой то китаецъ, богатый пекинскій купецъ, какъ я узналъ впослѣдствіи. Въ дверяхъ фанзы, и далѣе въ прихожей, стояли адъютанты князя и его сыновья, которые также должны были присутствовать при нашемъ пріемѣ.

Послѣ обычныхъ распросовъ о здоровьи и благополучіи пути, амбань сказалъ, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Ала-шань въ немъ не былъ еще ни одинъ русскій, что онъ самъ видитъ этихъ иностранцевъ въ первый разъ и очень радъ нашему посѣщенію.

Затѣмъ онъ началъ распрашивать про Россію: какая у насъ религія, какъ обработываютъ землю, какъ дѣлаютъ стеариновыя свѣчи, какъ ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ и, наконецъ, какимъ образомъ снимаютъ фотографическіе портреты. «Правда ли» спросилъ князь,

Digitized by Google

«что для этого въ машину кладутъ жидкость человѣческихъ глазъ». «Для такой цѣли», продолжалъ онъ, «миссіонеры въ Тянь-дзинѣ выкалывали глаза дѣтямъ, которыхъ брали къ себѣ на воспитаніе; за это народъ возмутился и умертвилъ всѣхъ этихъ миссіонеровъ». [1]). Получивъ отъ меня отрицательный отвѣтъ, князь началъ просить привезти ему машину для сниманія портретовъ, и я едва могъ отдѣлаться отъ подобнаго порученія, увѣривъ, что дорогою стекла машины непремѣнно разобьются.

Далѣе князь спросилъ: сколько подати платятъ намъ французы и англичане, думая, что они находятся въ вассальной зависимости отъ Россіи. Когда я отвѣчалъ амбаню, что на этотъ счетъ ничего не знаю, то онъ началъ сильно допытывать: съ нашего ли согласія, или самовольно вышеназванные народы воевали съ Китаемъ. «Во всякомъ случаѣ», продолжалъ князь, «нашъ богдоханъ, только по своей безконечной милости, отпустилъ этихъ варваровъ изъ подъ стѣнъ своей столицы, и не истребилъ ихъ до единаго человѣка; въ наказаніе же за дерзость, съ нихъ взята была большая контрибуція». [2]).

Между тѣмъ бывшіе въ пріемной сыновья князя, наши пріятели Гыгенъ и Сія, кивали намъ пальцами, смѣялись, толкали подъ бока казака-переводчика и школьничали различными манерами, пользуясь тѣмъ, что этого не видитъ ихъ отецъ. Вообще отношенія молодыхъ князей къ своему родителю самыя рабскія; дѣти боятся отца страшнымъ образомъ и безпрекословно исполняютъ всѣ его приказанія. При томъ князья постоянно дѣйствуютъ черезъ шпіонство; по-крайней-мѣрѣ они не стыдились, даже при насъ, шептаться съ приближенными ламами, что сказалъ отецъ, что дѣлаетъ братъ и т. д.; относительно же своихъ подчиненныхъ князья держатъ себя полными деспотами.

Наша аудіенція продолжалась около часа; на прощаніи князь

[1]) Дѣйствительно, въ Тянь-дзинѣ, въ іюлѣ 1870 года, возмутившаяся чернь вырѣзала 20 французовъ и 3 русскихъ; послѣдніе подвернулись случайно. Агитаторы этого возмущенія увѣрили народъ, что французскія сестры милосердія, которыя берутъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей, впослѣдствіи выкалываютъ имъ глаза, чтобы получить необходимую жидкость, для изготовленія фотографическихъ портретовъ. Слухъ этотъ, какъ видно, разнесся по всему Китаю и ему охотно повѣрили.

[2]) Мнѣніе о томъ, что во время послѣдней войны французовъ и англичанъ съ Китаемъ, были побѣждены не китайцы, но европейцы, существуетъ вездѣ во внутренней Азіи, гдѣ намъ приходилось путешествовать. Дѣйствительно, въ глазахъ азіатскихъ народовъ, не знающихъ истинныхъ подробностей этого дѣла, непріятель, стоявшій подъ городомъ своего противника и неразорившій его, считается не побѣдителемъ, но побѣжденнымъ. Китайское правительство, вѣроятно, ловко воспользовалось этимъ случаемъ, и распустило между своими вѣрноподданными слухъ о побѣдѣ надъ европейцами.

Digitized by Google

подарилъ казаку-переводчику двадцать ланъ, и разрѣшилъ намъ сходить поохотиться въ сосѣднія горы. Сюда мы отправились на слѣдующій день и разбили свою палатку въ вершинѣ ущелья, почти близъ гребня самаго хребта. Верблюды наши остались на попеченіи пріятеля Сорджи въ городѣ, равно какъ и казакъ, который опять заболѣлъ сильнѣе прежняго; причиною его болѣзни была, главнымъ образомъ, тоска по родинѣ. Отъ князя были посланы съ нами провожатые и еще одинъ лама, вѣроятно, въ качествѣ надсмотрщика.

Горы, въ которыхъ мы теперь поселились, находятся, какъ сказано выше, въ пятнадцати верстахъ къ востоку отъ города Дыньюань-инъ и составляютъ границу между Ала-шанемъ и провинціею Ганьсу. Весь хребетъ извѣстенъ подъ именемъ *Ала-шаньскаго*. Онъ поднимается отъ самаго берега Хуанъ-хэ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ противоположной стороны въ нее упирается Ордосскій Арбусъ-ула, т. е. верстахъ въ восьмидесяти, или девяносто, южнѣе города Дынъ-ху. Отсюда описываемый хребетъ тянется, съ сѣвера на югъ, вдоль лѣваго берега Желтой рѣки, но постепенно удаляется отъ нея. Общая длина всего хребта, по словамъ монголовъ, простирается отъ 200—250 верстъ, но ширина его крайне незначительна и, въ среднихъ частяхъ, не превосходитъ двадцати пяти верстъ. Между тѣмъ описываемыя горы со всѣхъ сторонъ круто поднимаются изъ долины и несутъ вполнѣ дикій, альпійскій характеръ. Этотъ послѣдній еще сильнѣе выражается на восточномъ ихъ склонѣ, изборожденномъ громадными (иногда 700—800 фут. по отвѣсу) скалами, глубокими ущельями и пропастями, словомъ, всѣми принадлежностями дикихъ альповъ. Отдѣльныя вершины нигдѣ не поднимаются рѣзко надъ гребнемъ хребта, наивысшія точки котораго, *Баянъ-Цумбуръ* и *Бугутуй*, находятся около его середины. Первая изъ этихъ горъ имѣетъ 10,600 фут. абс. высоты, послѣдняя поднимается приблизительно футовъ на тысячу выше. Но между обѣими названными горами описываемый хребетъ понижается на столько, что здѣсь лежитъ единственный черезъ него перевалъ, по которому дорога ведетъ въ большой китайскій городъ Нинъ-ся.

Не смотря на свою вышину, Ала-шаньскія горы нигдѣ не достигаютъ снѣговой линіи. Даже на самыхъ высшихъ точкахъ весною снѣгъ растаиваетъ совершенно, хотя здѣсь онъ иногда выпадаетъ еще въ маѣ и іюнѣ, въ то время, когда въ сосѣднихъ равнинахъ идетъ дождь[1]). Вообще количество водяныхъ осадковъ въ опи-

[1]) Въ сентябрѣ, когда мы въ первый разъ увидали Ала-шаньскія горы, на нѣкоторыхъ вершинамъ уже лежалъ снѣгъ, на сѣверныхъ склонахъ; съ конца этого мѣсяца, въ верхнемъ и среднемъ поясѣ горъ, всегда падалъ снѣгъ, вмѣсто дождя.

Digitized by Google

сываемыхъ горахъ довольно значительно, но онѣ все таки чрезвычайно бѣдны водою; даже ключи здѣсь встрѣчаются какъ рѣдкость, а значительныхъ ручьевъ, по словамъ монголовъ, во всемъ хребтѣ только два [1]). Причина такаго явленія заключается въ томъ, что Ала-шаньскія горы, при высокомъ своемъ поднятіи надъ окрестными равнинами, имѣютъ столь незначительную ширину, что стоятъ совершенно стѣною. Выпадающая влага не можетъ задерживаться на такихъ крутыхъ скатахъ и слѣдовательно не можетъ питать ручьи, или родники. Во время сильнаго ливня, здѣсь образуются цѣлыя рѣки, которыя стремительно несутся въ сосѣднюю пустыню и исчезаютъ тамъ въ пескахъ, или, расплываясь на глиняныхъ площадяхъ, образуютъ временныя озера; но какъ быстро появляются такіе потоки, такъ быстро и пропадаютъ, лишь только прекратится дождь.

Узкая, но очень высокая и скалистая гряда Ала-шаньскихъ горъ, выдвинутая подземными силами, словно стѣна, среди сосѣднихъ равнинъ, представляетъ своимъ положеніемъ весьма характерную особенность. Тѣмъ болѣе, что эти горы стоятъ совершенно обособленно и, сколько намъ удалось узнать, не соединяются съ хребтами верхней Хуанъ-хэ, но оканчиваются въ песчаныхъ пустыняхъ юго-восточнаго угла Ала-шаня. Изъ горныхъ породъ въ описываемомъ хребтѣ встрѣчаются: сланцы, известняки, фельзитъ, фельзитовый порфиръ, гранулитъ, гнейсъ, слюдяной песчаникъ и породы новѣйшаго вулканическаго происхожденія; на вершинѣ г. Бугутуй скалы иногда состоятъ изъ кварцеваго конгломерата. Кромѣ того, въ Ала-шаньскомъ хребтѣ находятся залежи превосходнаго каменнаго угля [2]).

Окраины Ала-шаньскихъ горъ, ближайшія къ равнинамъ, покрыты лишь травою и мелкимъ, рѣдкимъ кустарникомъ, но далѣе, приблизительно отъ 7,500 фут. абс. выс., на западномъ склонѣ растутъ лѣса, состоящіе изъ ели съ примѣсью осины и лозы. На восточной сторонѣ горъ, лѣса начинаются, вѣроятно, ниже, но тамъ преобладаетъ малорослая осина, къ которой, въ небольшомъ числѣ, примѣшивается бѣлая береза, сосна и древовидный можжевельникъ. Густой подлѣсокъ въ описываемыхъ лѣсахъ образуется преимущественно изъ таволги и лещины, а въ верхнемъ поясѣ изъ колючей

[1]) Оба эти ручья стекаютъ съ горы Бугутуй. Одинъ изъ нихъ—*Бугутуй-голъ*, течетъ на западномъ, а другой—*Кэшиктэ-мурень* на восточномъ склонѣ горъ; выйдя въ пустыню, оба эти ручья, какъ обыкновенно въ Монголіи, исчезаютъ.

[2]) Этотъ уголь, до дунганскаго раззоренія, разработывался въ небольшомъ количествѣ китайцами.

Digitized by Google

Караганы (Caragana jubata), называемой монголами «верблюжій хвостъ»; самыя верхнія части горъ заняты альпійскими лугами [1]).

Въ описываемыхъ горахъ прежде жило довольно монголовъ и находились три кумирни, но все это разорено дунганами.

Орнитологическая фауна Ала-шаньскаго хребта, вопреки нашему ожиданію, оказалось весьма бѣдною, чему главною причиною, мнѣ кажется, служитъ безводіе этихъ горъ. Правда, во время нашего здѣсь пребыванія, стояла уже глубокая осень и большая часть птицъ улетѣла на югъ, но такую же бѣдность пернатыхъ мы встрѣтили въ этихъ горахъ и лѣтомъ 1873 года.

Изъ осѣдлыхъ птицъ Ала-шаньскихъ горъ самая замѣчательная *ушастый фазанъ* (Crossoptilon auritum), называемый монголами *хара-такя*, т. е. черная курица. Онъ принадлежитъ къ особому роду, отличающемуся отъ прочихъ фазановъ присутствіемъ, на задней части головы, удлиненныхъ пучковъ перьевъ, въ родѣ ушей совы. Хара-такя ростомъ гораздо больше обыкновеннаго фазана, имѣетъ сильныя ноги и большой крышевидный хвостъ, въ которомъ четыре среднихъ пера удлинены и разсучены. Общій цвѣтъ перьевъ тѣла свинцово-голубой; перья хвоста имѣютъ стальной отливъ и бѣлое основаніе; удлиненыя ушныя перья и горло бѣлаго цвѣта; голыя щеки, равно какъ и ноги, красныя. Самка по оперенію совершенно походитъ на самца. Ушастые фазаны держатся осенью небольшими стадами, вѣроятно выводками (4—10 экз.), въ лѣсахъ хвойныхъ и лиственныхъ. По словамъ монголовъ, прежде этихъ птицъ было много въ Ала-шаньскихъ горахъ, но въ снѣжную зиму 1869—70 года большое количество погибло отъ голода и холода; впрочемъ, и теперь хара-такя встрѣчается здѣсь довольно часто.

Изъ другихъ птицъ мы нашли въ Ала-шаньскихъ горахъ осѣдлыми: *грифа* (Vultur monachus?), *ягнятника* (Gypaëtos barbatus), *стѣнолаза* (Tichodroma muraria), *синицу* (Poecile cincta), *поползня* (Sitta villosa), *дубоноса* (Hesperiphona speculigera), *Pterorhinus Davidii*, *клушицу*, и два вида *куропатокъ* (Perdix barbata, P. chukar). Пролетными или отлетающими, въ концѣ сентября здѣсь были только: *краснозобый дроздъ* (Turdus ruficollis), *Ruticilla erythrogastra*, *Accentor montanellus*, *Nemura cyanura*. Валовой пролетъ птицъ къ этому времени уже окончился, трава посохла, листья на деревьяхъ и кустарникахъ поблекли, или опали; вмѣсто дождя падалъ снѣгъ, по ночамъ стояли морозы, такъ что вообще въ горахъ пахло уже глубокою осенью.

[1]) Болѣе подробное описаніе флоры Ала-шаньскихъ горъ будетъ сдѣлано въ XIV главѣ.

Digitized by Google

Еще менѣе разнообразія, нежели среди птицъ, встрѣчается между млекопитающими Ала-шаньскихъ горъ; за то бѣдность видовъ вознаграждается здѣсь обиліемъ экземпляровъ, въ особенности крупныхъ животныхъ. За все время своего пребыванія въ описываемыхъ горахъ, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, мы нашли здѣсь только восемь видовъ млекопитающихъ, а именно: *оленя* (Cervus sp.), который держится преимущественно въ хвойныхъ лѣсахъ западнаго склона горъ; *кабаргу* (Moschus moschiferus?); *горнаго барана* (Ovis sp.), называемаго монголами *куку-яманъ*, т. е. голубой козелъ, во множествѣ обитающаго на восточной болѣе скалистой сторонѣ хребта. Изъ хищныхъ здѣсь водятся *волки*, *лисицы* и *хорьки* (Mustela sp.), а изъ грызуновъ *пищуха* (Lagomys sp.) и *мышь* (Mus sp.); кромѣ того, монголы увѣряли насъ, что въ сѣверныхъ безлѣсныхъ частяхъ хребта водятся аргали.

Олени въ Ала-шаньскихъ горахъ встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, благодаря тому обстоятельству, что охота за этими звѣрями запрещена княземъ. Однако, тихомолкомъ они все-таки убиваются, въ особенности лѣтомъ, въ періодъ выростанія, столь дорогихъ въ Китаѣ, молодыхъ роговъ. Во время нашего пребыванія въ горахъ, у оленей происходила течка, и громкій призывный голосъ самцовъ днемъ и ночью раздавался въ лѣсахъ. Нечего и говорить, какъ дѣйствовали эти звуки на меня и на моего товарища. Съ ранняго утра до поздней ночи лазили мы по горамъ, преслѣдуя осторожныхъ животныхъ и наконецъ убили стараго самца, шкура котораго была препарирована для коллекціи.

Еще интереснѣе были наши охоты за горными баранами, которые во множествѣ обитаютъ въ Ала-шаньскомъ хребтѣ, избирая мѣстомъ жительства самыя дикія скалы верхняго пояса горъ. Этотъ звѣрь ростомъ немного болѣе обыкновеннаго барана. Цвѣтъ шерсти буровато-сѣрый, или буровато-коричневый; верхъ морды, грудь, передняя сторона ногъ, полоса ограничивающая бока отъ брюха и самый кончикъ хвоста — черные; брюхо бѣлое; задняя сторона ногъ изжелта-бѣлая. Рога пропорціонально велики, подняты отъ основанія немного къ верху, а концами загнуты назадъ. Самка немного меньше самца; цвѣтъ черныхъ частей тѣла у ней не столь ярокъ; рога маленькіе плоскіе, почти прямо стоячіе.

Куку-яманы держатся въ одиночку, парами, или, наконецъ, небольшими стадами отъ 5—15 экз. Какъ исключеніе, они собираются иногда въ большія кучи и мой товарищъ встрѣтилъ однажды общество, приблизительно, въ сотню экземпляровъ. Въ стадѣ одинъ, или нѣсколько самцовъ, принимаютъ на себя должность вожаковъ и

Digitized by Google

охранителей. При опасности, они тотчасъ даютъ сигналъ громкимъ и отрывистымъ свистомъ, до того похожимъ на свистъ человѣка, что я въ первый разъ принялъ этотъ голосъ за сигналъ охотника; самки также свистятъ, но только гораздо рѣже самцовъ.

Испуганный баранъ бросается опрометью на уходъ по скаламъ, часто совершенно отвѣснымъ, такъ что, смотря на него, неудомѣваешь: какимъ образомъ это большое животное можетъ такъ ловко лазить по самымъ неприступнымъ мѣстамъ. Для куку-ямана достаточно самаго малаго выступа, что бы удержаться на немъ въ равновѣсіи на своихъ толстыхъ ногахъ. Иногда случается, что камень оборвется подъ тяжестію звѣря, и съ грохотомъ полетитъ внизъ; ну, думаешь, оборвался и баранъ—но онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, скачетъ далѣе по скалѣ. Замѣтивъ охотника, въ особенности, если тотъ появился неожиданно и близко, куку-яманъ свиснетъ раза два, три, и сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, останавливается разсмотрѣть въ чемъ опасность. Въ это время онъ представляетъ отличную цѣль для мѣткой пули; нужно только не мѣшкать, а то звѣрь, постоявъ нѣсколько секундъ, снова свиснетъ и пустится скакать далѣе. При спокойномъ состояніи, т. е. внѣ опасности, куку-яманъ ходитъ шагомъ, или тихимъ галопомъ, при чемъ иногда держитъ голову внизъ.

Куку-яманъ вообще очень остороженъ и не пропускаетъ, безъ вниманія, ничего подозрительнаго. Обоняніе, слухъ и зрѣніе развиты у него превосходно; по вѣтру невозможно подойти къ звѣрю и на двѣсти шаговъ. Передъ вечеромъ онъ выходитъ на пастбище, любимымъ мѣстомъ котораго служатъ альпійскіе луга, а утромъ, когда солнце поднимется уже довольно высоко, снова отправляется въ родныя скалы. Здѣсь куку-яманъ иногда по цѣлымъ часамъ стоитъ на какомъ нибудь выступѣ, неподвижно, какъ истуканъ, и только изрѣдка повертываетъ головою, то въ одну, то въ другую сторону. Мнѣ случалось видѣть, что, при подобномъ отдыхѣ, звѣрь помѣщавшійся на покатости камня, имѣлъ свой задъ выше головы, но такое положеніе, по видимому, нисколько для него незатруднительно. Въ полуденные часы горные бараны ложатся отдыхать обыкновенно на выступахъ скалъ, и лѣтомъ всего чаще на сѣверной ихъ сторонѣ, вѣроятно потому, что здѣсь прохладнѣе; иногда куку-яманъ здѣсь засыпаетъ и при этомъ ложится на бокъ, вытягивая ноги, какъ собака.

Течка описываемыхъ звѣрей происходитъ, по словамъ монголовъ, въ ноябрѣ и продолжается около мѣсяца. Тогда, днемъ и ночью, слышится призывной голосъ самцовъ, очень похожій, какъ говоритъ,

Digitized by Google

на блеяніе козы; въ это же время самцы сильно дерутся между собою. Впрочемъ, даже внѣ періода течки, они частенько бодаются, подпрыгивая при этомъ и ударяя другъ друга рогами, какъ наши домашніе козлы. Страсть къ дракамъ у куку-ямановъ такъ велика, что у взрослыхъ самцовъ концы роговъ бываютъ постоянно обломаны. Молодыхъ, которыхъ бываетъ одинъ, рѣже два, горные бараны выводятъ въ маѣ; дѣтенышъ ходитъ съ матерью до новой течки.

Охота за куку-яманами крайне затруднительна; однако ею занимаются нѣкоторые ала-шаньскіе монголы и бьютъ барановъ изъ своихъ фитильныхъ ружей. Впрочемъ, недостатокъ хорошаго оружія замѣняется у этихъ охотниковъ отличнымъ знаніемъ мѣстности и привычекъ звѣря. Взрослый самецъ даетъ около двухъ пудовъ мяса[1]); осенью эти звѣри дѣлаются очень жирны и чрезвычайно вкусны. Шкуры куку-ямановъ, выдѣланныя безъ шерсти, монголы употребляютъ для шитья мѣшковъ, охотничьихъ панталонъ и т. п.

Во время пребыванія въ Ала-шаньскихъ горахъ, мы съ товарищемъ по цѣлымъ днямъ охотились за описываемыми животными. Не зная мѣстности, я бралъ съ собою въ проводники охотника монгола, до тонкости изучившаго горы и характеръ куку-ямановъ. Раннею зарею выходили мы изъ палатки и поднимались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось изъ за горизонта. Въ ясное и тихое утро панорама, разстилавшаяся отсюда передъ нами, по обѣ стороны горъ, была очаровательная. На востокѣ узкою лентою блестѣла Хуанъ-хэ и, словно алмазы, сверкали многочисленныя озера, разсыпанныя возлѣ города Нинъ-ся; къ западу—широкою полосою уходили изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣли зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Вокругъ насъ царила полная тишина, изрѣдка нарушаемая голосомъ оленя, зовущаго свою самку.

Отдохнувъ немного, мы шли осторожно въ ближайшія скалы восточнаго склона горъ, болѣе обильнаго куку-яманами. Подойдя къ отвѣсному обрыву, мой проводникъ, а за нимъ и я, высовывали сначала одну лишь голову и смотрѣли внизъ. Оглядѣвъ, самымъ тщательнымъ образомъ, всѣ выступы и кусты, мы выползали впередъ на нѣсколько вершковъ, и продолжали осмотръ. Такъ происходило на каждой скалѣ, или, лучше сказать, съ каждаго отвѣснаго ея обрыва. Часто, не довольствуясь однимъ осмотромъ, мы выслушивали, нѣтъ ли шороха отъ шаговъ отыскиваемаго звѣря, или не скатился ли гдѣ сброшенный имъ камень. Иногда мы и сами спускали большіе камни въ лѣ-

[1]) Взрослый невыпотрошенный самецъ куку-ямана вѣситъ около трехъ пудовъ; самка на пудъ легче.

Digitized by Google

систыя ущелья, чтобы выгнать оттуда куку-ямановъ. Полетъ такого камня всегда бываетъ великолѣпный. Едва держась, лежитъ вывѣтрившаяся глыба, такъ что достаточно небольшаго усилія, чтобы столкнуть ее внизъ. Медленно отдѣляется она отъ родной скалы и медленно начинаетъ катиться, но съ каждою секундою скорость движенія возрастаетъ, такъ что наконецъ камень несется въ ущелье со свистомъ и быстротою ядра, ломая на пути порядочныя деревья. Вслѣдъ за главною глыбою, летятъ другіе меньшіе камни, сброшенные съ своего мѣста и, въ концѣ-концевъ, на дно ущелья прилетаетъ, съ глухимъ дребезжащимъ гуломъ, цѣлая куча обломковъ. Эхо долины вторитъ общему шуму, спугнутые звѣри и птицы несутся въ другія части ущелья, но черезъ нѣсколько минутъ, по прежнему, все станетъ тихо и спокойно.

Иногда цѣлыхъ полъ дня проводили мы, высматривая барановъ и все-таки не находили ихъ. Нужно имѣть соколиное зрѣніе, чтобы отличить на большое разстояніе сѣрую шкуру куку-ямана отъ такаго же цвѣта камней; или, что еще хуже, разглядѣть животное, лежащее въ кустахъ. Мой проводникъ видѣлъ удивительно далеко; случалось, что онъ, на нѣсколько сотъ шаговъ, замѣчалъ одни рога животнаго, которые я не скоро могъ разглядѣть даже въ бинокль.

Затѣмъ мы начинали подкрадываться къ замѣченному звѣрю. Для этого иногда нужно было обходить очень далеко, спускаться почти въ отвѣсныя пропасти, прыгать съ камня на камень, или черезъ широкія трещины, лѣпиться по карнизамъ утесовъ, словомъ, съ каждымъ шагомъ быть на краю опасности. Руки царапались въ кровь, сапоги и платье рвались немилосердно, но все это забывалось, въ надеждѣ выстрѣлить по желанному звѣрю. Но увы! эти надежды часто разрушались самымъ немилосерднымъ образомъ. Случалось, что, во время подкрадыванія, насъ замѣчалъ другой куку-яманъ и свистомъ давалъ знать объ опасности своему собрату, или оборвавшійся подъ ногами камень предупреждалъ осторожнаго звѣря — и онъ въ одно мгновеніе скрывался изъ глазъ. Обида въ подобныхъ случаяхъ была сильная; всѣ труды пропадали даромъ и снова начанали мы прежнюю исторію, т. е. высматривали и выслушивали другихъ куку-ямановъ.

Но когда дѣло поворачивало въ лучшую сторону, и намъ удавалось подкрасться къ барану шаговъ на двѣсти, или на полтораста, а иногда и того ближе, тогда, съ замирающимъ сердцемъ, высовывалъ я свой штуцеръ изъ-за обрыва скалы, прицѣливался—и черезъ мгновеніе выстрѣлъ уже гремѣлъ, отрывистыми перекатами, по ущельямъ дикихъ горъ, а прострѣленный куку-яманъ падалъ на ка-

Digitized by Google

мень, или катился внизъ, оставляя широкій кровавый слѣдъ. Иногда же, будучи только раненъ, баранъ бросался на уходъ; тогда пускался въ дѣло другой стволъ штуцера и вторая пуля укладывала звѣря. Вообще куку-яманъ чрезвычайно крѣпокъ на рану и часто уходитъ даже смертельно раненый. Мнѣ случилось однажды, пробить самку этого звѣря, разъ за разомъ, тремя пулями—въ бокъ, шею и задъ — и она все-таки еще бѣгала въ продолженіи четверти часа.

Спустившись къ убитому барану, мы потрошили его, при чемъ монголъ забиралъ всѣ внутренности и даже кишки, выжавъ изъ нихъ предварительно содержимое; затѣмъ онъ связывалъ ноги звѣря, забрасывалъ его на спину и съ этою тяжелою ношею мы шли къ своей палаткѣ [1]).

Когда весенняя засуха выжжетъ всю траву на горахъ, тогда куку-яманы питаются листьями и не отказываются для этого даже залѣзать на деревья. Конечно, такой случай можетъ быть исключеніе, но я самъ видѣлъ, въ маѣ 1871 года, въ окрайнемъ хребтѣ долины лѣваго берега Хуанъ-хэ, двухъ этихъ звѣрей на развѣсистомъ ильмѣ, сажени двѣ вышиною. Замѣтивъ барановъ на деревѣ, не далѣе шестидесяти шаговъ отъ себя, я сначала не повѣрилъ глазамъ и опомнился только тогда, когда животныя соскочили на землю и пустились на уходъ. Одинъ изъ нихъ тутъ же поплатился жизнью.

Вообще куку-яманы, какъ сказано выше, великіе мастера лазанья, но и они иногда попадаютъ въ безъисходное положеніе. Такъ, однажды въ горахъ озера Куку-нора, я засталъ на огромной скалѣ стадо изъ двѣнадцати экземпляровъ. Какимъ образомъ оно забралось туда, я до сихъ поръ не могу объяснить, потому что скала съ трехъ сторонъ была совершенно отвѣсна, а съ четвертой примыкала къ каменной розсыпи, по которой можно было пройти развѣ только мыши. Параллельно вышеописанной скалѣ тянулась, въ разстояніи сотни шаговъ отъ нея, другая, на которую доступъ былъ гораздо легче и откуда я вдругъ увидѣлъ куку-ямановъ. Старый самецъ стоялъ прямо противъ меня на такомъ узкомъ карнизѣ, гдѣ едва могъ умѣстить свои копыта. Я пустилъ въ него пулю, которая пробила звѣря позади груди. Нѣсколько мгновеній стоялъ онъ шатаясь, видя гибель неминуемую. Наконецъ силы измѣнили.... скользнуло одно копыто, потомъ другое и красивый звѣрь полетѣлъ въ пропасть сажень шестьдесятъ глубиною. Глухими перекатами раздалось эхо грохнувшейся тяжести.... Испуганное стадо не знало на что рѣшиться и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ вдоль

[1]) Охотники монголы, для облегченія тяжести при переноскѣ, обыкновенно отрубаютъ голову убитому куку-яману.

Digitized by Google

гребня скалы, оно опять остановилось. Раздался другой выстрѣлъ— и самка рухнулась въ тоже самое ущелье, куда передъ тѣмъ упалъ самецъ.

Зрѣлище было потрясающее. Я самъ не могъ удержаться отъ волненія, видя какъ два большихъ звѣря, кувыркаясь, полетѣли въ страшную глубину. Но страсть охотника превозмогла силу впечатлѣнія. Я снова зарядилъ свой штуцеръ и снова пустилъ двѣ пули въ куку-ямановъ, которые не знали куда дѣться отъ испуга. Такъ стрѣлялъ я съ одного мѣста семь разъ, пока наконецъ звѣри не рѣшились на отчаянное дѣло: они спустились внизъ по гребню скалы и спрыгнули здѣсь съ обрыва, сажень двѣнадцать вышиною.

Кромѣ Ала-шаньскихъ горъ, куку-яманы водятся въ большомъ числѣ въ хребтѣ, окаймляющемъ долину лѣваго берега Хуанъ-хэ, при сѣверномъ изгибѣ этой рѣки, но ихъ вовсе нѣтъ ни на Мунула, ни въ другихъ болѣе сѣверныхъ горахъ Монголіи. На югѣ этотъ звѣрь встрѣчается очень часто въ горахъ оз. Куку-нора и сѣвернаго Тибета, но замѣняется здѣсь разновидностію, быть можетъ даже особымъ видомъ.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Ала-шаньскихъ горахъ, мы вернулись въ Дынь-юань-инъ и рѣшили здѣсь идти обратно въ Пекинъ, чтобы запастись тамъ деньгами и всѣмъ необходимымъ для новаго путешествія. Дѣйствительно, какъ ни тяжело было отказаться отъ намѣренія идти на озеро Куку-норъ, до котораго оставалось только около шести сотъ верстъ, слѣдовательно, менѣе мѣсяца пути, но иначе поступить было невозможно. Не смотря на бережливость, доходившую до скряжничества, у насъ, по приходѣ въ Ала-шань, осталось менѣе ста рублей денегъ, такъ что только продажею товаровъ и двухъ ружей мы могли добыть средства на обратный путь. Кромѣ того, находившіеся при насъ казаки оказались ненадежными и лѣнивыми, а съ такими сподвижниками невозможно было предпринять новый путь, болѣе трудный и опасный, нежели пройденный. Наконецъ, паспортъ изъ Пекина у меня былъ только до Гань-су, такъ что, опираясь на это, насъ могли и не пустить въ названную провинцію.

Съ тяжелою грустію, понятною лишь для человѣка, достигшаго порога своихъ стремленій и не имѣющаго возможности переступить черезъ этотъ порогъ, я долженъ былъ покориться необходимости — и повернулъ въ обратный путь.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Возвращеніе въ г. Калганъ.

Болѣзнь моего товарища.—Озеро осадочной соли Джаратай-дабасу.—Хребетъ Харанаринъ-ула. — Характеристика дунганей. — Долина лѣваго берега Желтой рѣки. — Трудности зимняго путешествія.—Пропажа нашихъ верблюдовъ.—Невольная стоянка возлѣ кумирни Шыреты-дзу. — Прибытіе въ Калганъ.

Утромъ 15-го октября мы оставили г. Дынь-юань-инъ и направились обратно въ Калганъ. Наканунѣ выхода, мы провели вечеръ у своихъ пріятелей Гыгена и Сія, которые съ непритворною грустію разставались съ нами и просили прійдти обратно, какъ можно скорѣе. Мы подарили имъ свои фотографическія карточки и старались увѣрить, что никогда не забудемъ того радушнаго пріема, который нашли въ Ала-шанѣ. Въ самую минуту нашего выхода, явился лама Сорджи и еще чиновникъ, которые принесли послѣдній прощальный привѣтъ отъ сыновей князя и проводили насъ за городъ.

Теперь намъ предстоялъ далекій, трудный путь, такъ какъ отъ Дынь-юань-ина до Калгана, разстояніе (по Монголіи) около 1,200 верстъ, которыя мы должны были пройдти безъ остановокъ. Между тѣмъ приближалась зима съ сильными морозами и вѣтрами, столь обыкновенными въ Монголіи въ это время года. Наконецъ, къ довершенію золъ, мой спутникъ, Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, вскорѣ по выходѣ изъ Дынь-юань-ина, заболѣлъ тифозною горячкою такъ сильно, что мы принуждены были простоять девять дней возлѣ ключа *Хара-моритэ* въ сѣверныхъ предѣлахъ Ала-шаня.

Положеніе моего товарища становилось тѣмъ опаснѣе, что онъ вовсе былъ лишенъ медицинской помощи, и хотя мы имѣли съ собою нѣкоторыя лекарства, но могъ ли я удачно распоряжаться ими, не зная медицины. Къ счастію, молодая натура переломила и Михаилъ Александровичъ, все еще крайне слабый, могъ кое какъ сидѣть на лошади, хотя ему приходилось иногда такъ круто, что онъ падалъ въ обморокъ. Тѣмъ не менѣе мы должны были идти день въ день, отъ восхода до заката солнца.

Digitized by Google

Желая познакомиться съ характеромъ лѣваго берега Желтой рѣки и горъ, окаймляющихъ здѣсь ея долину, я предпринялъ путь черезъ землю уротовъ, которая граничитъ съ Ала-шанемъ. Въ сѣверной части этого послѣдняго, въ разстояніи 100 верстъ отъ г. Дынь-юань-инъ, мы встрѣтили огромное озеро осадочной соли, называемое монголами *Джаратай-дабасу*. Это озеро занимаетъ самое низкое мѣсто во всемъ Ала-шанѣ, и поднято надъ морскимъ уровнемъ лишь на 3100 футовъ. Въ окружности Джаратай-дабасу имѣетъ около пятидесяти верстъ, и превосходная осадочная соль лежитъ здѣсь прямо на поверхности земли, слоемъ отъ 2—6 фут. толщиною. Однако, разработка этого естественнаго богатства самая ничтожная; ею занимаются лишь нѣсколько десятковъ монголовъ, которые возятъ соль на верблюдахъ въ китайскіе города Нинъ-ся и Бауту.

Для добыванія соли, сначала счищаютъ тонкій слой наносной пыли, сверху бѣлой отъ солянаго налета, а затѣмъ разрыхляютъ соль [1]) желѣзными лопатами и моютъ ее въ водѣ, которая тотчасъ накопляется въ выкопанныхъ ямкахъ. Затѣмъ соль насыпаютъ въ мѣшки и вьючатъ на верблюдовъ, отъ семи до десяти пудовъ на каждаго. На мѣстѣ платится за соль, съ каждаго вьючнаго верблюда, по пятидесяти чохъ, т. е. по пяти копѣекъ на наши деньги; столько же дается работникамъ. Для надсмотра за разработкою соли, на берегу Джаратай-дабасу живетъ особый монгольскій чиновникъ, а весь сборъ поступаетъ въ казну князя. Этотъ послѣдній получаетъ сверхъ того большіе заработки отъ своихъ верблюдовъ, которыхъ отдаетъ въ наймы извощикамъ соли съ тѣмъ, чтобы они платили ему девять десятыхъ чистаго барыша, а одну десятую получали бы за свои труды. Монголы говорили намъ, что вьюкъ соли съ каждаго верблюда продается въ г. Бауту отъ $1^1/_2$—2 ланъ.

Окрестности описываемаго озера почти вовсе лишены растительности и представляютъ самый унылый видъ, въ особенности лѣтомъ, когда жара здѣсь до того нестерпима, что разработка соли прекращается.

Блестящая соленая поверхность Джаратай-дабасу издали кажется водою, вблизи же льдомъ. Обманъ до того великъ, что, на нашихъ глазахъ, стада пролетныхъ лебедей, видимо обрадованныя встрѣтить воду въ пустынѣ, опускались почти до самой поверхности мнимаго озера, но убѣдившись въ своей ошибкѣ, съ тревожнымъ крикомъ поднимались снова вверхъ и летѣли далѣе.

---

[1]) Соль лежитъ то совершенно чистая, то съ узкими прослойками грязи.

Digitized by Google

Въ сѣверной части Ала-шаня, недалеко отъ ключа Хара-моритэ, гдѣ мы стояли по случаю болѣзни г. Пыльцова, высится сравнительно небольшая, но дикая и скалистая горная группа *Ханъ-ула*, или *Халдзынъ-бургонту*, которая составляетъ послѣднее вздутіе хребта, окаймляющаго долину лѣваго берега Хуанъ-хэ. Этотъ хребетъ называется монголами *Хара-наринъ-ула* [1]). Онъ возникаетъ отъ р. Халютай и, протянувшись въ юго-западномъ направленіи около 300 верстъ [2]), оканчивается въ сѣверныхъ предѣлахъ Ала-шаня. Здѣсь описываемый хребетъ расплывается невысокими скалистыми холмами въ песчаныхъ равнинахъ, и только южныя его отрасли, поднявшись въ Ханъ-ула до значительной высоты, но потомъ вновь измельчавшія, тянутся немного далѣе озера Джаратай-дабасу. Къ востоку Хара-наринъ-ула соединяется грядами невысокихъ, иногда, быть можетъ, прерывающихся холмовъ, съ Шейтень-ула, слѣдовательно и съ Инъ-шанемъ. На югѣ описываемый хребетъ отдѣляется отъ Ала-шаньскихъ горъ песчаными пустынями, болѣе сотни верстъ шириною.

Подобно Калганскимъ горамъ, Хара-наринъ-ула составляетъ хребетъ окраины, т. е. окаймляетъ собою высокое поднятіе Гоби отъ болѣе низкой долины Хуанъ-хэ, такъ что разница мѣстностей, лежащихъ по восточную, или по западную сторону описываемаго хребта, доходитъ до 2,400 фут. Развиваясь вполнѣ только къ долинѣ Желтой рѣки, окрайній хребетъ стоитъ здѣсь вездѣ отвѣсною стѣною, изрѣдка прорѣзанною узкими ущельями. Наибольшей высоты онъ достигаетъ въ срединѣ [3]), но и на всемъ своемъ протяженіи несетъ характеръ дикости и безплодія. Огромнѣйшія скалы гранита, роговообманковаго гнейса, фельзитоваго порфира, сіенита, фельзита, известняка и глинистаго сланца бороздятъ бока описываемыхъ горъ и часто увѣнчиваютъ ихъ вершины, а обширныя розсыпи выдѣтрившихся горныхъ породъ иногда сбѣгаютъ до самого дна ущелій. Здѣсь, и кой гдѣ на свободныхъ склонахъ горъ, торчитъ кустикъ дикаго персика, или тощій ильмъ, а затѣмъ вездѣ мало даже травы. Тѣмъ не менѣе животная жизнь въ горахъ довольно обильна: по скаламъ водится очень много куку-яманов, а на западной сторонѣ, гдѣ горы представляютъ болѣе мягкія

[1]) Что въ переводѣ означаетъ «черныя острыя горы». Впрочемъ, такое названіе весьма мало извѣстно мѣстнымъ жителямъ и мы слышали его лишь отъ нѣсколькихъ ламъ.

[2]) Если же считать крайнею юго-западною оконечностію описываемыхъ горъ не группу Ханъ-ула, а ея холмистыя продолженія на западной сторонѣ озера Джаратай-дабасу, то общая длина описываемаго хребта будетъ около 370 верстъ.

[3]) Между горами *Хонръ-Богдо* и *Наринъ-Шороно*.

Digitized by Google

формы, живутъ аргали. Особенность описываемаго хребта состоитъ въ томъ, что въ немъ встрѣчается довольно воды, въ видѣ ключей и ручьевъ; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что сами горы совершенно безлѣсны.

Отъ Ханъ-ула передъ нами лежали два пути: одинъ въ долину Хуанъ-хэ, вдоль подошвы хребта, ее окаймляющаго, а другой — по западную сторону тѣхъ же самыхъ горъ, т. е. по высокому плато земли уротовъ. Я избралъ послѣдній путь для того, чтобы познакомиться въ этомъ мѣстѣ съ характеромъ Гобійскаго нагорья.

Мы поднялись на него исподволь, черезъ невысокіе скалистые холмы окрайняго хребта, который, какъ сказано выше, здѣсь сильно мельчаетъ въ своихъ размѣрахъ. На нагорьи мѣстность сначала напоминаетъ пустыни Ала-шаня, оставаясь, также какъ и тамъ, крайне безплодною и часто покрытую голыми сыпучими песками. Растительность чрезвычайно бѣдна; всего болѣе попадается полевой чернобыльникъ и колючій вьюнокъ. Но по мѣрѣ удаленія къ сѣверо-западу почва улучшается и наконецъ, верстахъ въ 120 далѣе границы Ала-шаня, дѣлается глинистою, или глинисто-хрящеватою и покрывается мелкою степною травою. Здѣсь тотчасъ же являются обитатели монгольскихъ степей—дзерены, которыхъ нѣтъ во всемъ Ала-шанѣ.

Съ поднятіемъ на нагорье климатъ быстро измѣнился. Въ равнинахъ Ала-шаня, въ теченіи всего октября, стояла прекрасная осенняя погода, на столько теплая, что даже во второй половинѣ этого мѣсяца температура въ полдень, въ тѣни, доходила до +12,5 С., а 25-го числа поверхность песка нагрѣлась до +43,5° С.; по ночамъ хотя и стояли морозы, но они были не велики и термометръ на восходѣ солнца не падалъ ниже —7,5° С.

Между тѣмъ, лишь только мы перешли за хребетъ Хара-наринъ-ула, какъ сразу наступили сильные холода и 3-го ноября насъ угостила здѣсь такая пурга, какую въ пору было бы видѣть въ Сибири, да и то цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе При сильнѣйшей бурѣ отъ сѣв. запада и при холодѣ въ—9,0° С. мятель не переставала цѣлый день; снѣгъ, разбиваемый вѣтромъ на мельчайшія частички, вмѣстѣ съ тучами песка, крутился сверху, снизу и со всѣхъ сторонъ. Въ десяти шагахъ не было видно большихъ предметовъ, а противъ вѣтра невозможно было открыть глаза, или перевести духъ. О выходѣ въ путь нечего было и думать, такъ что мы все время сидѣли въ своей палаткѣ, и лишь по временамъ выходили изъ нея, откопать наметенные сугробы, чтобы они не раздавили наше убогое жилище. Къ вечеру мятель еще болѣе усилилась, такъ что наши верблюды,

Digitized by Google

пущенные въ полдень на пастбище, поневолѣ оставлены были ночью на произволъ судьбы, и отыскались лишь на слѣдующій день.

Снѣгъ выпалъ на нѣсколько дюймовъ, вездѣ нанесло большіе сугробы и сильные морозы начали стоять день въ день. Все это еще болѣе усиливало трудность нашего пути, а моему больному товарищу приходилось очень жутко. Животныя также сильно страдали отъ безкормицы. Вскорѣ у насъ отказались идти два верблюда и одна лошадь; всѣ онѣ были брошены и замѣнены запасными животными, взятыми изъ Ала-шаня.

Такъ шли мы верстъ 150 по западную сторону Хара-наринъ-ула и, убѣдившись въ томъ, что этотъ хребетъ не пускаетъ здѣсь отраслей внутрь плато, имъ окаймляемаго, перерѣзали окрайнія горы по ущелью р. *Угынъ-голъ* и спустились, 11-го ноября, въ долину Желтой рѣки. Здѣсь изъ зимы мы опять попали въ теплую осеннюю погоду, какую оставили въ Ала-шанѣ. Снѣгу вовсе не было, и термометръ, постоянно стоявшій на нагорьи въ полдень ниже нуля, опять поднимался иногда выше точки замерзанія. Такая разница климата явилась всего на разстояніи двадцати верстъ, которыя занимаетъ въ ширину окрайній хребетъ.

Однако и въ долинѣ Хуанъ-хэ чувствовалось приближеніе зимы. Вода уже была покрыта льдомъ [1]), а утренніе морозы возрастали быстро и доходили на восходѣ солнца даже до—26,0° С. За то днемъ бывало тепло, въ особенности въ тихую погоду; небо почти всегда оставалось безоблачнымъ.

Во время нашего слѣдованія по западной сторонѣ Хара-наринъ-ула мы нигдѣ не встрѣчали населенія. Всѣ монголы ушли отсюда въ долину Хуанъ-хэ, испугавшись небольшой разбойничьей партіи, которая пришла изъ окрестностей оз. Куку-нора. Подобныя явленія далеко не рѣдкость въ тѣхъ частяхъ Монголіи, которыя сопредѣльны съ землями, объятыми дунганскимъ мятежомъ. Шайки грабителей, постоянно являющіяся изъ этихъ странъ, составлены изъ всевозможнаго сброда, вооруженнаго лишь пиками, или саблями и, въ небольшомъ числѣ, фитильными ружьями. Тѣмъ не менѣе они наводятъ великій страхъ на монголовъ и китайцевъ, для которыхъ достаточно услыхать одно имя дунганъ, чтобы бѣжать безъ оглядки. Когда мы находились въ Дынъ-юань-инѣ, то Ала-шаньскій князь, отправляя свое войско противъ вышеупомянутой разбойничьей партіи, прислалъ чиновника, попросить на время военныхъ дѣй-

[1]) Вѣроятно въ это время замерзла и Желтая рѣка. Монголы говорили намъ, что Хуанъ-хэ, близъ Муни-ула, замерзаетъ въ половинѣ ноября, а вскрывается въ половинѣ марта.

Digitized by Google

ствій нашихъ фуражекъ, чтобы ими пугать непріятелей. «Разбойники навѣрное знаютъ», говорилъ намъ посланный чиновникъ, «что вы находитесь здѣсь и увидя ваши фуражки, которыя мы надѣнемъ на свои головы, подумаютъ, что вы вмѣстѣ съ нами и тотчасъ же убѣгутъ». Этотъ случай достаточно показываетъ, насколько здѣсь странно имя европейцевъ и насколько азіатскіе народы, инстинктивно, признаютъ наше нравственное превосходство надъ ихъ растлѣвшею натурою.

Въ X главѣ настоящей книги я разскажу подробнѣе о военныхъ дѣйствіяхъ магометанскихъ инсургентовъ и китайскихъ войскъ, теперь же упомяну только, что дунганы ничуть не храбрѣе своихъ противниковъ, и если могутъ быть страшны, то развѣ только китайцамъ да монголамъ. Какъ ни кажется парадоксально, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что для насъ гораздо лучше и *безопаснѣе* было путешествовать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ бродятъ разбойничьи шайки и гдѣ, вслѣдствіе этого, нѣтъ населенія. Дѣйствительно, трудно допустить—и дальнѣйшія наши странствованія вполнѣ оправдали такое мнѣніе — чтобы здѣшніе трусы-мародеры осмѣлились напасть, хотя бы партіею въ сотню и болѣе человѣкъ, на четырехъ отлично вооруженныхъ европейцевъ, а если бы, паче чаянія, это и случилось, то наши штуцера и револьверы сослужили бы свою службу. Между тѣмъ, путешествуя въ мѣстностяхъ населенныхъ, мы постоянно подвергались различнымъ оскорбленіямъ, отъ которыхъ ничѣмъ не были гарантированы. Хотя въ паспортѣ, выданномъ намъ изъ Пекинскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, было сказано, чтобы въ случаѣ нужды оказывалось вспомоществованіе, но подобная фраза и оставалось только фразою; на дѣлѣ же мы вездѣ встрѣчали, со стороны китайцевъ, одну ненависть и мѣстныя китайскія власти всегда очень были рады каждой непріятности, намъ учиненной. Посѣщеніе городовъ Бауту и Дынъ-ху ознаменовалось такими крупными для насъ скандалами, какихъ конечно мы никогда бы не встрѣтили, при болѣе искреннемъ расположеніи китайской администраціи. Въ подтвержденіе своихъ словъ, я разскажу ниже случай, бывшій съ нами въ началѣ декабря, а теперь буду продолжать въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Начиная отъ сыпучихъ песковъ Ала-шаня, долина Хуанъ-хэ, на лѣвомъ берегу ея сѣвернаго изгиба, несетъ въ общемъ тотъ же самый луговой характеръ, какъ и на правой сторонѣ рѣки. Глинистая почва вездѣ покрыта густыми зарослями высокаго дырисуна, возлѣ самой рѣки являются кустарники, а ближе къ горамъ поверхность равнины дѣлается хрящеватою. Абсолютная высота мѣстности также какъ и въ Ордосѣ, не превышаетъ 3500 фут. Вездѣ встрѣ-

Digitized by Google

чается густое китайское населеніе, которое, впрочемъ, тѣснится ближе къ рѣкѣ, а подъ горами живутъ монголы, бѣжавшіе сюда съ нагорья и изъ Ордоса. По деревнямъ расположены китайскія войска, выставленныя противъ дунганъ. Въ пространствѣ между городами Нинъ-ся и Бауту этихъ войскъ считается до семидесяти тысячъ, хотя сильное дезертирство уменьшило, какъ говорятъ, такую армію на половину ея списочнаго состава. Въ конецъ деморализованныя, описываемыя войска исключительно занимаются грабежами и являются страшнымъ бичемъ мѣстнаго населенія. Монголы нѣсколько разъ намъ говорили, что «присутствіе защитниковъ, въ лицѣ китайскихъ войскъ, для нихъ хуже дунганскаго нашествія, такъ какъ дунганы грабятъ однажды, а солдаты постоянно».

Мы также не обошлись безъ непріятныхъ столкновеній съ китайскими солдатами. Однажды они хотѣли отобрать у насъ верблюдовъ подъ свои вьюки, а въ другой разъ двое солдатъ требовали, чтобы мы натаскали воды изъ колодца для ихъ лошадей. Въ обоихъ случаяхъ нахалы были вразумлены какъ слѣдуетъ и ушли поджавши хвостъ.

Подъ горами окраины мы встрѣтили старое русло Хуанъ-хэ, (*Улань-хатунъ*), которое имѣетъ 170 сажень ширины и сохранилось очень явственно, но совершенно сухо, такъ что вездѣ поросло травою. По словамъ монголовъ, это бывшее ложе рѣки отдѣляется отъ нынѣшней Хуанъ-хэ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сыпучіе пески Ордоса переходятъ въ Ала-шань; далѣе старое русло идетъ подъ горами окраины и, изгибаясь довольно круто, соединяется съ нынѣшнею рѣкою вблизи западнаго угла Муни-улы.

Между старымъ русломъ и настоящимъ теченіемъ Хуанъ-хэ существуютъ два нешироких рукава, въ которыхъ вода мѣстами пересыхаетъ во время жаровъ; когда же въ Желтой рѣкѣ вода высока, тогда и эти рукава наполнены ею. Кромѣ главной рѣки и ея рукавовъ въ долинѣ Хуанъ-хэ воды вовсе нѣтъ, за исключеніемъ колодцевъ, почти всегда очень глубокихъ. Ручьи, которые выбѣгаютъ изъ окрайняго хребта, тотчасъ же теряются въ почвѣ, и ни одинъ изъ нихъ не доходитъ до Хуанъ-хэ.

Въ долинѣ этой послѣдней мы нашли нѣсколько видовъ зимующихъ птицъ: *Falco tinnunculus*, *Circus sp?*, *Plectrophanes lapponica*, *Otis tarda*, *Coturnix muta*, *Anas rutila* и безчисленное множество *фазановъ* (Phasianus torquatus). Послѣдніе держатся по зарослямъ дырисуна и, за неимѣніемъ воды, постоянно приходятъ пить къ колодцамъ, такъ что изъ засадки здѣсь можно настрѣлять ихъ сколько угодно. Однако я предпочиталъ охоту съ лягавою и, съ помощію

Digitized by Google

Фауста, на первый же разъ убилъ двадцать двѣ штуки. При этомъ нужно замѣтить, что очень много подстрѣленныхъ птицъ пропадаетъ, спасаясь бѣгомъ. Собака конечно бросается по слѣду, но, черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ, встрѣчаетъ новыхъ, еще не спугнутыхъ фазановъ, дѣлаетъ по нимъ стойку и оставляетъ преслѣдованіе раненаго; бѣгаетъ же фазанъ такъ быстро, что на ровномъ мѣстѣ его не скоро догонитъ человѣкъ.

Тамъ гдѣ долина Хуанъ-хэ принимаетъ степной характеръ, появилось множество хара-сультъ и звереновъ, такъ что мы почти каждый день убивали этихъ звѣрей и были обезпечены продовольствіемъ на дальнѣйшій путь. Однако любимѣйшимъ яствомъ монгола, нанятаго нами въ Ала-шанѣ и нашихъ казаковъ, былъ кирпичный чай, котораго они истребляли невѣроятное количество. Въ особенности лакомымъ казался для моихъ спутниковъ этотъ напитокъ, когда удавалось доставать молока и чай, по выраженію казаковъ, являлся «бѣленымъ». Такаго нектара всегда выпивалось чуть не ведро за одинъ разъ. Для меня съ товарищемъ подобныя чаепитія были чистымъ наказаніемъ. Случалось, что иногда нужно было спѣшить, но монголъ и казаки непремѣнно сначала варили чай, и только напившись его были готовы къ выступленію. Большимъ или меньшимъ количествомъ выпитаго чая, въ особенности «бѣленаго», опредѣлялось даже расположеніе духа моихъ спутниковъ, такъ что я обыкновенно смотрѣлъ сквозь пальцы на эти проклятыя чаепитія.

Путь нашъ въ долинѣ Хуанъ-хэ лежалъ вдоль хребта окраины, который тянется непрерывною стѣною до р. Халютай. Отсюда горы вдругъ мельчаютъ, и невысокими холмами уходятъ въ сторону отъ той обрывистой каймы, которая далѣе обозначаетъ собою границу долины Желтой рѣки. Вышеупомянутые холмы служатъ связью между горами окраины и хребтомъ *Шейтенъ-ула*, протянувшемся къ востоку до р. *Кундулинъ-голъ*. Этотъ хребетъ невысокъ, но скалистъ, безлѣсенъ и, сколько кажется, очень бѣденъ водою.

Почти на меридіанѣ западной оконечности Шейтенъ-ула стоитъ и западный уголъ Муни-ула. Между этими двумя грядами горъ долина Хуанъ-хэ вдвигается широкимъ рукавомъ, густо заселеннымъ китайцами. Въ этомъ же самомъ рукавѣ лежитъ полоса сыпучихъ песковъ, которые служатъ для путешественника, идущаго съ востока, какъ бы преддверіемъ страшныхъ пустынь Ордоса и Ала-шаня.

На берегу Кундулинъ-гола мы вышли на старый путь и имѣли далѣе ту выгоду, что могли идти уже не ощупью, но по картѣ; при

Digitized by Google

томъ не надо было дѣлать съемки, такъ что однимъ трудомъ экспедиціи стало меньше. Для меня лично такое обстоятельство было великою радостію, такъ какъ я освобождался теперь отъ копотливой работы; при томъ, съемка зимою, въ особенности въ вѣтряные дни, до того затруднительна, что я отморозилъ себѣ, во время упражненій съ бусолью, по два пальца на каждой рукѣ.

Въ концѣ ноября мы оставили долину Желтой рѣки и поднялись, черезъ *Шохоинь-дабанъ*, на болѣе высокую окраину монгольскаго нагорья, гдѣ опять наступили сильные холода. Морозы, на восходѣ солнца, доходили до $+32{,}7^{\circ}$ С.; къ нимъ присоединялись часто сильные вѣтры и иногда мятели. Все это происходило почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтомъ насъ донимали $+37{,}0^{\circ}$ С. жары. Такимъ образомъ, путешественнику въ средне-азіатскихъ пустыняхъ приходится выносить, то палящій зной, то сибирскій холодъ и переходъ отъ одной крайности къ другой чрезвычайно крутъ.

Во время пути холодъ не такъ сильно чувствовался, потому что мы большею частію шли пѣшкомъ. Только мой товарищъ, все еще слабый и неоправившійся, долженъ былъ, закутавшись въ баранью шубу, сидѣть на лошади по цѣлымъ днямъ. За то на мѣстѣ ночлега зима давала себя знать. Какъ теперь помню я это багровое солнце, которое пряталось на западѣ и синюю полосу ночи, заходившую съ востока. Въ это время мы обыкновенно развьючивали верблюдовъ и ставили свою палатку, разчистивъ предварительно снѣгъ, правда не глубокій, но мелкій и сухой какъ песокъ. Затѣмъ являлся чрезвычайно важный вопросъ на счетъ топлива, и одинъ изъ казаковъ ѣхалъ въ ближайшую монгольскую юрту купить аргала, если онъ не былъ пріобрѣтенъ заранѣе дорогою. За аргалъ мы платили дорого [1]), но это все еще было меньшее зло; гораздо хуже становилось, когда намъ вовсе не хотѣли продать аргала, какъ то нѣсколько разъ дѣлали китайцы. Однажды пришлось такъ круто, что мы принуждены были разрубить сѣдло, чтобы вскипятить чай и удовольствоваться этимъ скромнымъ ужиномъ, послѣ перехода въ тридцать пять верстъ, на сильномъ морозѣ и мятели.

Когда въ палаткѣ разводился огонь, то становилось довольно тепло, по крайней мѣрѣ для той части тѣла, которая непосредственно была обращена къ очагу; только дымъ щипалъ глаза и дѣлался въ особенности несноснымъ при вѣтрѣ. Во время ужина, паръ изъ открытой чаши съ супомъ до того наполнялъ нашу палатку, что она напоминала въ это время баню, только конечно не температу-

[1]) За мѣшокъ аргала, вѣсомъ пуда въ два, мы часто платили по пятидесяти копѣекъ на наши деньги.

Digitized by Google

рою воздуха. Кусокъ варенаго мяса почти совсѣмъ застывалъ во время ѣды, а руки и губы покрывались слоемъ жира, который потомъ приходилось соскабливать ножемъ. Фитиль стеариновой свѣчи, зажигавшейся иногда на время ужина, вгоралъ такъ глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растаявали отъ огня.

На ночь мы обкладывали палатку всѣми вьюками и возможно плотнѣе закупоривали входъ, но все-таки холодъ въ нашемъ обиталищѣ былъ немногимъ меньше чѣмъ на дворѣ, такъ какъ огня не разводилось отъ ужина до утра. Спали мы всѣ подъ шубами, или подъ бараньими одѣялами и обыкновенно всегда раздѣвались, чтобы хорошенько отдохнуть. Собственно спать было довольно тепло, такъ какъ мы закутывались въ свои покрывала вмѣстѣ съ головою, а иногда накрывались сверху еще войлоками; мой товарищъ постоянно клалъ съ собою Фауста, который всегда былъ очень радъ подобному приглашенію.

Рѣдкая ночь проходила спокойно. Бродившіе кругомъ волки часто пугали верблюдовъ и лошадей, а монгольскія или китайскія собаки иногда приходили воровать мясо и, безъ церемоніи, забирались въ самую палатку. Такіе воры обыкновенно платились жизнію за свое нахальство. Тѣмъ не менѣе, послѣ всякаго подобнаго эпизода, не скоро согрѣвался тотъ, кому приходилось вставать, чтобы уложить вскочившихъ верблюдовъ, выстрѣлить въ волка, или въ воровку собаку.

Утромъ мы вскакивали разомъ и, дрожа отъ холода, поскорѣе варили кирпичный чай; затѣмъ складывали палатку, вьючили верблюдовъ и, съ восходомъ солнца, по трескучему морозу, отправлялись въ дальнѣйшій путь.

Казалось, что идя по старой знакомой дорогѣ, мы были гарантированы отъ многихъ случайностей, и могли заранѣе разсчитывать свои переходы, но на дѣлѣ вышло противное; намъ пришлось, словно на закуску, испытать еще одну невзгоду. Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Поздно вечеромъ, 30 ноября, остановились мы ночевать возлѣ кумирни *Шыреты-дзу*, лежащей въ восьмидесяти верстахъ сѣвернѣе Куку-хото, на большемъ трактѣ, ведущемъ изъ этого города въ Улясутай. Утромъ слѣдующаго дня всѣ наши верблюды, числомъ семь, за исключеніемъ одного больного, были пущены на пастьбу возлѣ палатки, не вдалекѣ которой ходили верблюды другихъ каравановъ, шедшихъ изъ Куку-хото. Такъ какъ трава въ степи въ этомъ мѣстѣ была выбита дочиста, то наши животныя перешли

Digitized by Google

черезъ горку, стоявшую не далеко впереди, чтобы поискать тамъ лучшаго корму и укрыться отъ вѣтра, сильно бушевавшаго пять сутокъ сряду. Спустя немного, казакъ и нашъ монголъ отправились пригнать къ палаткѣ ушедшихъ верблюдовъ, но ихъ уже не было за горкою и самый слѣдъ, заметаемый вѣтромъ, потерялся въ массѣ другихъ верблюжьихъ слѣдовъ. Узнавъ о такой пропажѣ, я тотчасъ отправилъ тѣхъ же самыхъ людей на поиски; они проходили цѣлый день, и осмотрѣли верблюдовъ всѣхъ каравановъ, стоявшихъ по близости, — нашихъ животныхъ не находилось, словно они провалились сквозь землю.

На другой день, рано утромъ, я послалъ казака-переводчика въ кумирню Шыреты-дзу, во владѣніи которой случилась эта пропажа, объявить о воровствѣ и просить содѣйствія для отысканія украденныхъ верблюдовъ. Когда посланный пришелъ въ кумирню, то его едва пустили туда, а потомъ, посмотрѣвъ нашъ пекинскій паспортъ, въ которомъ именно и говорилось о содѣйствіи въ необходимыхъ случаяхъ, мѣстные ламы преспокойно отвѣчали: «мы не пастухи вашихъ верблюдовъ, ищите сами какъ знаете». Такой же точно отвѣтъ былъ данъ и монгольскимъ чиновникомъ, къ которому мы обратились за помощію.

Въ тоже время окрестные китайцы не хотѣли продавать намъ соломы для корма уцѣлѣвшаго больнаго верблюда и двухъ нашихъ лошадей; трава въ степи была до того выбита верблюдами проходящихъ каравановъ, что о подножномъ кормѣ нечего было и думать. Наши бѣдныя животныя томились голодомъ и одна изъ лошадей замерзла ночью; больной верблюдъ издохъ черезъ два дня и лежалъ прямо противъ дверей нашей палатки, къ вящему украшенію всей обстановки. Такимъ образомъ мы остались съ одною лошадью, да и та едва волочила ноги. Лошадь эта была спасена отъ голодной смерти лишь тѣмъ, что китайцы сильно разлакомились на нашего издохшаго верблюда, довольно жирнаго и мы промѣняли его на двадцать пять сноповъ хорошаго сѣна.

Между тѣмъ отправленные вновь на поиски монголъ и казакъ вернулись черезъ нѣсколько дней и объявили, что они объѣздили большое пространство, вездѣ распрашивали, но ничего не могли узнать на счетъ пропавшихъ верблюдовъ. Отыскать ихъ, конечно, было невозможно, безъ содѣйствія мѣстныхъ властей, а потому я рѣшился нанять окрестныхъ китайцевъ, свезти насъ въ Куку-хото, откуда мы надѣялись достать подводы до Калгана. Однако китайцы, не смотря на свою корыстную натуру, не соблазнялись предложеніемъ большой денежной платы и ни зачто не соглашались наняться

Digitized by Google

къ намъ въ подводчики, боясь, конечно, отвѣтственности за это передъ своими властями.

Положеніе наше становилось безвыходнымъ. По счастію, у насъ въ это время было двѣсти ланъ денегъ, вырученныхъ за проданные въ Ала-шанѣ товары и ружья, такъ что я рѣшился послать казака съ монголомъ въ Куку-хото, чтобы купить тамъ новыхъ верблюдовъ. Но опять таки вопросъ: на чемъ отправить посланныхъ, когда у насъ теперь всего одна лошадь, да и та никуда не годна. Поэтому, предварительно, я отправился съ казакомъ-переводчикомъ по монгольскимъ юртамъ искать продажной лошади и, проходивъ цѣлый день, мы дѣйствительно купили лошадь, на которой, слѣдующимъ же утромъ, казакъ съ монголомъ отправились въ Куку-хото. Здѣсь они купили новыхъ, крайне плохихъ верблюдовъ; на нихъ мы двинулись далѣе, простоявъ возлѣ кумирни Шыреты-дзу 17 сутокъ. Такимъ образомъ, не говоря уже про потерю времени, намъ пришлось понести весьма чувствительную потерю и въ матеріальномъ отношеніи. Прежде этого у насъ также погибло достаточно животныхъ отъ безкормицы, безводія, жаровъ, морозовъ, словомъ отъ трудностей пути. Всего, въ теченіи перваго года экспедиціи, мы потеряли 12 верблюдовъ и 11 лошадей; впрочемъ, послѣднія большею частію промѣнивались монголамъ на лучшіе экземпляры, конечно съ немалою придачею.

Во время долгой стоянки, по случаю потери верблюдовъ, мы почти не имѣли занятій, такъ какъ птицъ не было никакихъ, кромѣ жаворонковъ и пустынниковъ. Писать также ничего не приходилось, тѣмъ болѣе, что эта процедура весьма трудная на дворѣ зимою; нужно предварительно разогрѣть замерзшія чернила и часто подносить къ огню обмокнутое въ нихъ перо, чтобы оно не застыло. Я же всегда предпочиталъ писать свои дневники чернилами, и только въ самомъ крайнемъ случаѣ бралъ карандашъ; послѣдній скоро стирается, такъ что потомъ трудно разобрать писанное.

Каждый день мимо насъ шли караваны, направлявшіеся изъ ВнутреннейМонголіи, а также отъ Улясутая, даже изъ Кобдо, въ Куку-хото. Они везли съ собою кожи и шерсть, которыя мѣняли китайцамъ на просо, чай, табакъ, муку, бумажныя ткани и другія предметы домашняго обихода. За исключеніемъ чая, все остальное монголы могли бы пріобрѣтать отъ русскихъ, будь у насъ только болѣе широкія торговыя сношенія съ Монголіею. Кобдо, Улясутай и Урга— главные пункты сѣверной и при томъ самой богатой части этой страны, лежатъ о бокъ нашей Сибирской границы, а между тѣмъ всѣ товары привозятся въ вышеназванные города изъ Китая, да и сами

Digitized by Google

жители ѣздятъ за покупками туда же, дѣлая тысячи верстъ по пустынѣ и оставаясь въ дорогѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ хорошіе, тихіе дни я отправлялся на охоту за дзеренами, которыхъ было довольно много, верстахъ въ пяти отъ нашей палатки. Въ это время у дзереновъ происходилъ повальный падежъ; болѣзнь состояла въ томъ, что звѣря начинало сильно слабить и онъ вскорѣ умиралъ. По степи вездѣ валялись издохшіе, которыхъ ѣли вороны, или волки и собирали, также для ѣды, китайцы, пріѣзжавшіе въ Монголію на подобную охоту, даже изъ Куку-хото.

Хотя мы вообще не слишкомъ дружились съ мѣстнымъ населеніемъ, зная всѣ его прекрасныя качества, но тѣмъ не менѣе къ намъ часто являлись посѣтители монголы. Во время одного изъ такихъ визитовъ, гости украли у насъ послѣдній топоръ и молотокъ, вещи сами по себѣ вздорныя, но крайне необходимыя въ путешествіи. Достать другихъ было негдѣ, а отыскать украденныя и подавно, такъ что мы замѣнили топоръ ручною пилою, а молотокъ большимъ булыжникомъ, который возили съ собою, и ежедневно забивали имъ въ мерзлую землю желѣзные шороны [1]) нашей палатки.

Получивъ новыхъ верблюдовъ, мы пошли въ Калганъ форсированными переходами, и только простояли два дня въ горахъ Сумахада, чтобы поохотиться на аргали; на этотъ разъ я убилъ здѣсь двухъ старыхъ самокъ. Дорогою опять случилась непріятная исторія. Лошадь моего товарища, испугавшись чего то, бросилась въ сторону и понесла; слабый еще здоровьемъ, Михаилъ Александровичъ не могъ удержаться въ сѣдлѣ и рухнулся, прямо головою, на мерзлую землю такъ сильно, что мы подняли его безъ памяти. Однако онъ вскорѣ пришелъ въ себя и отдѣлался только небольшимъ ушибомъ.

Вліяніе теплаго Китая на эту окраину Монголіи было очень замѣтно; въ тихіе дни, или при слабыхъ юго-западныхъ вѣтрахъ, днемъ было тепло, такъ что термометръ однажды, именно 10 декабря, показывалъ +2,5° С. въ тѣни. Но лишь только задувалъ западный или сѣверо-западный вѣтеръ, преобладающій въ Монголіи зимою, какъ становилось очень холодно. Ночные морозы стояли обыкновенно посредственные: термометръ на восходѣ солнца не спускался ниже — 29,7° С., но за то послѣ облачной ночи, онъ иногда показывалъ въ это время только — 6,5° С. Погода была большею частію ясная; снѣгъ въ теченіи всего декабря шелъ только три раза; мѣстами онъ покрывалъ землю на нѣсколько дюймовъ, но часто встрѣчались пространства и вовсе безснѣжныя.

[1]) Шоронами монголы называютъ желѣзные колышки, длиною въ футъ и болѣе, которыми прикрѣпляется къ землѣ низъ палатки.

Digitized by Google

Вообще на Монгольской окраинѣ, прилегающей къ Китаю, климатъ далеко не такъ суровъ, какъ въ другихъ, болѣе удаленныхъ отсюда, частяхъ Гобійскаго нагорья. Правда, высокое абсолютное поднятіе беретъ свое и въ описываемой полосѣ, но все таки здѣсь гораздо рѣже перепадаютъ тѣ страшные холода, которые такъ постоянны въ Гоби зимою. Ледяные вѣтры Сибири, почти всегда ясное небо, оголенная соленая почва, вмѣстѣ съ высокимъ поднятіемъ надъ уровнемъ моря—вотъ тѣ причины, которыя въ общей, постоянной совокупности, дѣлаютъ Монгольскую пустыню одною изъ суровѣйшихъ странъ всей Азіи.

День за днемъ уменьшалось разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ Калгана, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось наше нетерпѣніе поскорѣе попасть въ этотъ городъ. Наконецъ желанная минута наступила и мы, какъ разъ наканунѣ новаго 1872 года, поздно вечеромъ, явились къ своимъ калганскимъ соотечественникамъ, у которыхъ, по прежнему, встрѣтили самый радушный пріемъ.

Первый актъ экспедиціи былъ оконченъ. Результаты путешествія, копившіеся по немногу, теперь обрисовались яснѣе. Мы могли съ чистою совѣстію сказать, что выполнили свою первую задачу—и этотъ успѣхъ еще болѣе разжигалъ страстное желаніе пуститься вновь въ глубь Азіи, къ далекимъ берегамъ озера Куку-нора ....

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обратное слѣдованіе въ Ала-шань.

Снаряженіе во вторичную экспедицію. — Новые казаки. — Мартъ и апрѣль въ юго-восточной окраинѣ Монголіи. — Ала-шань весною. — Противодѣйствіе Ала-шаньскаго князя нашему дальнѣйшему путешествію. — Караванъ тангутовъ, съ которымъ мы отправляемся въ провинцію Гань-су. — Характеръ южнаго Ала-шаня. — Великая стѣна и городъ Дадзинъ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Калганъ, я отправился въ Пекинъ, чтобы запастись тамъ деньгами и всѣмъ необходимымъ для новаго путешествія. Мой товарищъ съ казаками остался въ Калганѣ, и заготовлялъ, исподоволь, различныя мелочныя вещи, необходимыя въ экспедиціи, а также покупалъ новыхъ верблюдовъ, такъ какъ пріобрѣтенные въ Куку-хото оказались никуда негодными.

Цѣлыхъ два мѣсяца, январь и февраль, незамѣтно прошли въ различныхъ хлопотахъ, сборахъ, упаковкѣ и отсылкѣ въ Кяхту собранныхъ коллекцій, наконецъ, въ писаніи отчетовъ объ изслѣдованіяхъ прошедшаго года. Какъ тогда, такъ и теперь, мы были поставлены въ крайне затруднительное положеніе, относительно матеріальныхъ средствъ, потому что деньги, слѣдуемыя на экспедицію 1872 года, не были сполна получены въ Пекинѣ. Но эта помѣха вскорѣ устранилась, благодаря опять предупредительности генерала Вланган, который вновь ссудилъ мнѣ необходимую сумму, даже превышавшую цыфру полученій въ текущемъ году. Въ тоже время Александръ Егоровичъ выхлопоталъ для насъ у китайскаго правительства паспортъ на путешествіе въ Гань-су, Куку-норъ и Тибетъ. Однако, при этомъ паспортѣ китайцы приложили оффиціальное увѣдомленіе, что въ вышеназванныхъ странахъ, объятыхъ въ настоящее время дунганскимъ мятежемъ и неурядицами всякаго рода, путешествовать весьма рискованно, и что поэтому китайское правительство не можетъ поручиться за нашу безопасность.

Digitized by Google

Въ видахъ такого обстоятельства, я рѣшилъ увеличить до крайности количество нашего оружія, которое, какъ мы уже видѣли изъ опыта предшествовавшаго путешествія, служитъ лучшимъ охранителемъ европейца, среди коварнаго и разбойничьяго, но въ тоже время до безобразія трусливаго азіатскаго люда. Вскорѣ я пріобрѣлъ, частію въ Пекинѣ, частію въ Тянь-дзинѣ, нѣсколько револьверовъ и скорострѣльныхъ штуцеровъ. Изъ новыхъ ружей, наилучшимъ по качеству былъ штуцеръ Бердана, который даетъ настильный выстрѣлъ болѣе чѣмъ на четыреста шаговъ, что чрезвычайно важно при стрѣльбѣ съ неотмѣренныхъ разстояній. Это ружье я взялъ для себя. Товарищъ и одинъ изъ казаковъ получили по штуцеру Снейдера, а другой казакъ былъ вооруженъ магазиннымъ (о 17 выстрѣлахъ) ружьемъ Henry Martini; наконецъ, пятый штуцеръ (Спенсера) былъ взятъ въ запасъ. На эти ружья мы имѣли около четырехъ тысячъ готовыхъ патроновъ. Кромѣ того, у насъ въ наличности считалось: тринадцать револьверовъ, два скорострѣльныхъ пистолета системы Remington, двухствольный штуцеръ Ланкастера и четыре охотничьихъ ружья; къ нимъ было взято восемь пудовъ дроби и два пуда пороху.

Таково было на этотъ разъ наше боевое и охотничье снаряженіе. Зато во всемъ остальномъ мы должны были выкраивать по узкой мѣркѣ, такъ какъ имѣли въ своемъ распоряженіи, сравнительно, небольшой кушъ денегъ. Чтобы покрыть немного расходы по снаряженію экспедиціи и имѣть средства на дальнѣйшій путь, я поѣхалъ въ Тянь-дзинъ [1]) и купилъ тамъ, въ европейскихъ лавкахъ, рублей на шестьсотъ разныхъ мелочныхъ товаровъ, которые надѣялся сбыть съ большимъ барышемъ въ Ала-шанѣ. Затѣмъ, въ минуту выступленія изъ Калгана въ экспедицію почти на два года, мы имѣли въ карманѣ всего 87 ланъ денегъ!

Личный составъ нашей экспедиціи теперь переформировался. Два казака, сопутствовавшіе намъ въ прошедшемъ году, оказались людьми ненадежными и кромѣ того тосковали по родинѣ, такъ что я рѣшился отправить ихъ домой, а взамѣнъ взять двухъ новыхъ спутниковъ изъ отряда, занимавшаго въ то время г. Ургу. На этотъ разъ выборъ былъ чрезвычайно удаченъ, и вновь прибывшіе казаки оказались самыми усердными и преданными людьми, во все время нашего долгаго путешествія. Одинъ изъ нихъ былъ русскій, девятнадцати-лѣтній юноша, по имени *Панфилъ Чебаевъ*, а другой, родомъ бурятъ, назывался

[1]) Тянь-дзинъ лежитъ въ ста верстахъ къ востоку отъ Пекина, недалеко отъ устья р. Бай-хэ, по которой до названнаго города поднимаются морскіе пароходы средней величины.

Digitized by Google

Дондокъ Иринчиновъ. Мы съ товарищемъ вскорѣ сблизились съ этими добрыми людьми самою тѣсною дружбою, и это былъ важный залогъ для успѣха дѣла. Въ страшной дали отъ родины, среди людей чуждыхъ намъ во всемъ, мы жили родными братьями, вмѣстѣ дѣлили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминаніе о своихъ спутникахъ, которые, безграничною отвагою и преданностію дѣлу, обусловили, какъ нельзя болѣе, весь успѣхъ экспедиціи.

По прибытіи новыхъ казаковъ въ Калганъ, я роздалъ имъ штуцера и револьверы и каждый день производилъ практическую стрѣльбу. Затѣмъ, передъ выходомъ, мы сдѣлали примѣрное отбитіе нападенія, для чего была поставлена мишень на триста шаговъ и каждый изъ насъ стрѣлялъ такъ скоро, какъ только могъ. Результатъ оказался блестящій: мишень была избита пулями, выстрѣлы гремѣли неумолкая изъ скорострѣльныхъ штуцеровъ, а затѣмъ посыпались, какъ горохъ, изъ револьверовъ въ другую, близкую мишень. Китайцы, собравшіеся толпою на такое зрѣлище и никогда не видавшіе скорострѣлокъ, только качали головою, глядя на продѣлки «заморскихъ чертей». Нѣкоторые изъ нихъ даже разсыпались передъ нами въ похвалахъ, говоря, что если бы у нихъ была хотя одна тысяча подобнаго войска, то дунганское возстаніе, навѣрное, давно бы кончилось.

Кромѣ нашего неизмѣннаго Фауста, мы пріобрѣли теперь, для караула по ночамъ, большую и очень злую монгольскую собаку, называвшуюся *Карза*. Этотъ песъ выходилъ съ нами всю вторую экспедицію, и оказалъ много услугъ. Своихъ прежнихъ хозяевъ, т. е. монголовъ, онъ позабылъ очень скоро, и былъ притомъ отъявленнымъ врагомъ китайцевъ, что очень часто избавляло насъ отъ назойливыхъ посѣтителей. Фаустъ возненавидѣлъ Карзу съ перваго знакомства и оба они были заклятыми врагами до самаго конца экспедиціи. Замѣчательно, что европейскія собаки очень рѣдко, почти даже никогда, не дружатся ни съ китайскими, ни съ монгольскими псами, хотя бы жили вмѣстѣ съ ними долгое время.

Въ числѣ прочаго снаряженія въ новое путешествіе, мы взяли теперь съ собою четыре плоскихъ боченка для воды; въ каждомъ изъ нихъ вмѣщалось три ведра. Въ первый годъ своего странствованія мы не имѣли подобныхъ боченковъ [1]) и потому нѣсколько разъ попадали въ трудное положеніе во время лѣтнихъ жаровъ.

[1]) Монголы при поѣздкахъ въ Гоби лѣтомъ, всегда берутъ съ собою подобные боченки, которые у нихъ называются *хубинами;* наливши водою, эти хубины вьючатъ по два на каждаго верблюда.

Digitized by Google

Наученные горькимъ опытомъ, мы теперь позаботились о посудѣ для воды и вообще снарядились гораздо лучше, нежели въ первый разъ. За то для второй экспедиціи багажъ нашъ вѣсилъ 84 пуда и едва умѣщался на девяти вьючныхъ верблюдахъ. Всю эту кладь мы должны были ежедневно вьючить съ двумя своими казаками, такъ какъ монголъ, пришедшій съ нами изъ Ала-шаня въ Калганъ, отказался слѣдовать обратно на свою родину; замѣнить же его другимъ наемщикомъ было невозможно.

Передъ самымъ выступленіемъ въ путь, я отправилъ отчетъ о первомъ нашемъ путешествіи въ Географическое Общество и закончилъ его слѣдующими словами: «Благодаря самому радушному содѣйствію со стороны нашего посланника въ Пекинѣ, я имѣю теперь паспортъ отъ китайскаго правительства въ Кукуноръ и Тибетъ, двухъ новыхъ казаковъ получилъ, сколько кажется, надежныхъ — и если каждому человѣку свойственно уповать на лучшее, то и мы съ М. А. Пыльцовымъ надѣемся счастливо побороть тѣ преграды, которыя, въ здѣшнихъ странахъ, являются передъ путешественникомъ, со стороны непривѣтливой природы и еще болѣе враждебнаго люда» [1]). Будущее оправдало такія надежды, а великое счастіе довело до завѣтной цѣли.....

5-го марта утромъ мы выступили изъ Калгана и направились тѣмъ же самымъ путемъ, по которому въ прошедшемъ году шли на Желтую рѣку и возвращались изъ Ала-шаня. Къ вечеру перваго дня пути мы опять попали въ суровый климатъ Монголіи, гдѣ весна еще не начиналась, тогда какъ въ Калганѣ съ конца февраля сдѣлалось уже довольно тепло, прилетѣли въ большомъ количествѣ водяныя птицы и появились насѣкомыя. На нагорьи такая картина круто перемѣнилась. Правда, снѣгу здѣсь уже не было, но по ручьямъ еще вездѣ лежали толстыя накипи зимняго льда; термометръ, въ особенности ночью, показывалъ порядочный морозъ [2]), дулъ сильный холодный вѣтеръ, пролетныхъ птицъ еще не было видно — словомъ, монгольская степь несла вполнѣ зимній характеръ.

Подобно тому, какъ весною прошедшаго года, такъ и теперь, морозы, бури, мятели и рѣдкое тепло чередовались между собою въ теченіи всего марта и даже первой половины апрѣля. Крутые переходы атмосферическихъ явленій, въ особенности тепла и холода, были чрезвычайно рѣзки. Такъ напр. 13-го марта въ 1 часъ по

---

[1]) Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общества 1872 г. Т. VIII, № 5, стр. 179.

[2]) До — 20,0° С. на восходѣ солнца даже въ серединѣ марта.

Digitized by Google

полудни въ тѣни было 22,0° С. тепла, а на другой день въ то же самое время термометръ показывалъ 5,0° С. мороза. Или, послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней въ концѣ марта, сопровождавшихся даже грозою, наканунѣ 1-го апрѣля снѣгъ выпалъ почти на два фута глубины, и грянулъ морозъ въ —16,0° С. Затѣмъ урывками морозы и снѣгъ перепадали до послѣдней трети апрѣля, послѣ чего (въ долинѣ Хуанъ-хэ), вдругъ начались сильные, чисто лѣтніе жары.

Нынѣшняя ранняя весна отличалась отъ прошлогодней тѣмъ, что теперь чаще случались мятели и сравнительно рѣже дули сѣверо-западные вѣтры, хотя опять таки бури являлись часто и иногда продолжались по трое сутокъ безъ перерыва. Сухость воздуха по прежнему была чрезвычайно велика. Ее показывалъ не только психрометръ, но даже губы и руки, кожа на которыхъ растрескивалась и дѣлалась совершенно сухою, словно отполированною.

Пролетъ птицъ, даже въ мартѣ, былъ чрезвычайно бѣдный; всего въ теченіи этого мѣсяца нами замѣчено только 26 пролетныхъ и прилетныхъ видовъ [1]), да и изъ нихъ многіе являлись въ небольшомъ количествѣ, часто лишь единичными экземплярами. Только гуси и журавли показывались большими стадами, но онѣ неслись высоко, почти безъ остановокъ. Даже въ лѣсистыхъ горахъ Мунгула, гдѣ мы провели вторую треть апрѣля, и тамъ число пролетныхъ птицъ, хотя бы мелкихъ пташекъ, было очень не велико. По всему вѣроятію, пролетныя стада направляются къ сѣверу, главнымъ образомъ по Собственному Китаю, вдоль хребтовъ монгольской окраины, слѣдуя здѣсь до послѣдней необходимости подняться на нагорье, гдѣ ихъ сразу встрѣчаетъ и голодъ и холодъ. Изъ теплыхъ равнинъ Китая пернатые странники, волею не волею, должны пуститься черезъ безводныя пустыни, за которыми лежатъ благодатныя страны сѣвера. Да, наша Сибирь, какъ ни страшно звучитъ это имя, дѣйствительно рай въ сравненіи съ пустынями Монголіи; въ ней и весна является настоящею весною, а не тою уродливою калѣкою, какъ въ Монгольскихъ пустыняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не только въ мартѣ, но даже и въ апрѣлѣ, еще ничто не напоминаетъ о пробужденіи природы послѣ зимняго оцѣпенѣнія. Какъ тогда, такъ и теперь, все мертво и уныло. Желто-сѣ-

---

[1]) Въ слѣдующемъ порядкѣ ихъ появленія: *Anser segetum*, *Anas rutila*, *Cygnus musicus*, *Milvus govinda*, *Larus occidentalis?*, *Vanellus cristatus*, *Saxicola leucomela*, *S. isabellina*, *Motacilla paradoxa*, *Ruticilla erythrogastra*, *Upupa Epops*, *Ardea cinerea*, *Anthus pratensis*, *Anser grandis*, *Larus ridibundus*, *Anas tadorna*, *A. crecca*, *A. aquta*, *Recurvirostra Avocetta*, *Aegialites cantianus*, *Grus Virgo*, *Cygnus olor*, *Anser cinereus*, *Lanius major*, *Grus cinerea*, *Totanus calidris*.

Digitized by Google

рая степь неприв'ѣтно смотритъ на путешественника и лишь изрѣдка оглашается пѣснью жаворонка или чеккана — другихъ пѣвцовъ здѣсь нѣтъ. Сухія русла потоковъ стоятъ по прежнему безъ воды, рѣдкія соленыя озерки высохли сильнѣе, нежели лѣтомъ, когда нхъ убыль пополняется дождями, а постоянныя бури и холода еще болѣе дополняютъ мрачную картину описываемыхъ мѣстностей...

Въ продолженіи мѣсяца съ небольшимъ мы прошли изъ Калгана до хребта Муни-ула и рѣшили пробыть здѣсь нѣкоторое время, чтобы наблюдать пролетъ мелкихъ пташекъ и собрать весеннюю флору названныхъ горъ. Прежде, возвращаясь изъ Алашаня, мы мечтали попасть вновь на Хуанъ-хэ въ концѣ февраля и перейдти эту рѣку по льду въ Ордосъ, чтобы тамъ, на озерѣ Цайдеминъ-норъ, наблюдать весь весенній пролетъ птицъ; но такіе разсчеты не исполнились и мы пришли на Муни-ула лишь 10-го апрѣля, когда валовой пролетъ большей части видовъ уже окончился. Такимъ образомъ мы должны были оставить свое прежнее намѣреніе вторично посѣтить Ордосъ, и ограничились лишь пребываніемъ въ горахъ Муни-ула.

Здѣсь, въ половинѣ апрѣля, растительная жизнь начала пробуждаться довольно быстро, въ особенности въ нижнемъ и среднемъ поясѣ южнаго склона горъ. Деревья и кусты дикаго персика были залиты розовыми цвѣтами и красиво пестрѣли на крутыхъ скатахъ, еще не одѣтыхъ зеленью. По горнымъ ущельямъ, въ особенности въ мѣстахъ доступныхъ солнечному пригрѣву, зеленѣла свѣжая травка и выглядывали цвѣтки *прострѣла* (Pulsatilla sp.), *анемона* (Anemone barbulata), *астрагала* (Astragalus sp.) и *Gagea sp.* Тополь, осина и лоза стояли въ цвѣту; почки бѣлой и черной березы разбухли и готовились развертыватся. Въ верху горъ, на альпійскихъ лугахъ, растительность еще не пробуждалась весеннимъ тепломъ, но снѣгу здѣсь уже нигдѣ не было, даже на самыхъ высокихъ вершинахъ.

Казалось бы, что лѣсистый хребетъ Муни-ула, расположенный среди голыхъ степей, какъ разъ на перепутьи отъ юга къ сѣверу, долженъ привлекать къ себѣ множество пролетныхъ пташекъ, но, какъ упомянуто выше, на дѣлѣ оказалось совершенно противное. За все время одиннадцати-дневнаго пребыванія въ горахъ мы нашли только четыре лишнихъ вида птицъ[1]), противъ тѣхъ, которыхъ встрѣтили здѣсь въ іюлѣ прошедшаго года; при томъ эти новые виды явились

[1]) *Turdus ruficollis*, *Emberiza pithyornus*, *E. pusilla*, *Scolopax rusticola*.

Digitized by Google

въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, словно залетѣли сюда украдкою, или случайно.

Видя, что нельзя разсчитывать на хорошую орнитологическую поживу, мы оставили 22 апрѣля Муни-ула и отправились въ Ала-шань по долинѣ лѣваго берега Хуанъ-хэ, т. е. тѣмъ же путемъ, которымъ шли зимою въ Калганъ. Только на этотъ разъ мы рѣшили не переходить за хребетъ Хара-наринъ-ула, но идти все время вдоль подошвы этихъ горъ. Выйдя въ долину Хуанъ-хэ, мы провели три дня въ мѣстности называемой монголами *Холосунъ-нуръ*, гдѣ китайскія рисовыя поля на большое пространство были затоплены водою, отведенною изъ Желтой рѣки. На этихъ разливахъ, мы сразу встрѣтили около тридцати видовъ, преимущественно водяныхъ и болотныхъ птицъ, которыхъ нынѣшнею весною не наблюдали въ сухихъ степяхъ Монголіи [1]). Впрочемъ, количество птицъ и здѣсь было не велико; время валоваго пролета уже миновало, такъ что теперь остались только мѣстные, или запоздавшіе экземпляры. Вообще, относительно орнитологическихъ изысканій, нынѣшняя весна для насъ была еще бѣднѣе, нежели прошлогодняя, и мы могли сдѣлать лишь то отрицательное наблюденіе, что пролетныя птицы бѣжатъ безъ оглядки безводныхъ пустынь Монголіи.

Одновременно съ охотою на птицъ, мы добывали себѣ, также ружьемъ, и рыбу. Именно теперь, т. е. въ концѣ апрѣля, происходилъ нерестъ у *карповъ* (Cyprinus carpio), которые, по утрамъ и и вечерамъ, въ большомъ количествѣ плескались по самымъ мелководнымъ мѣстамъ затопленныхъ полей. Желая полакомиться рыбою, мы брали ружья, снимали для легкости сапоги и шли туда, гдѣ замѣчали игравшихъ карповъ. Послѣдніе въ это время такъ сильно заняты своимъ дѣломъ, что почти вовсе не замѣчаютъ человѣка и выходятъ на самую поверхность воды въ нѣсколькихъ шагахъ отъ охотника. Въ это время, улучивъ удобный моментъ, можно убить рыбу и мы каждый день добывали по нѣсколько крупныхъ экземпляровъ.

Послѣдняя треть апрѣля ознаменовалась въ долинѣ Желтой рѣки сильными жарами, достигавшими до + 31,0° С. въ тѣни, и нагрѣвавшими воду на + 21,0° С., такъ что мы купались въ ка-

---

[1]) *Anser cygnoides, Anas poecilorhyncha, A. falcata, A. querquedula, Fuligula cristata, F. fcrina, Phalacrocorax Carbo, Pelicanus crispus? Podiceps sp., Sterna leucoptera, Totanus ochropus, Tringa subminuta, Scolopax Gallinago, Actitis hypoleucus, Aegialites minor, Platalea leucorodia, Ardea alba, Limosa melanuroides, Hybsibates himantopus, Botaurus stellaris, Glareola pratincola, Haliaëtos Macei, Pandion sp., Motacilla citreola, M. flava, Anthus Richardi, Hirundo rufa.*

Digitized by Google

навѣ, отведенной китайцами изъ Хуанъ-хэ. Однако дожди почти вовсе не шли. Такое обстоятельство, конечно, не могло благопріятствовать растительной жизни. Какъ прежде холода, такъ и теперь сухіе жары чрезвычайно задерживали развитіе растительности. Непривлекательнымъ желтосѣрымъ цвѣтомъ отливала долина Хуанъ-хэ, гдѣ только изрѣдка можно было замѣтить зеленый кустикъ травы, или одинокій цвѣтокъ (*Thermopsis lanceolata*, *Astragalus sp.*, *Hypecoum sp.*, *Potentilla sp.*, *Iris sp.*), боязливо пріютившійся среди всеобщей мертвечины. Тѣ мѣста, на которыхъ соль выступала бѣлымъ налетомъ, даже вблизи, совершенно походили на занесенныя снѣгомъ; здѣсь не было ни одной зеленой былинки и только торчали изсохшіе кусты дырисуна. Частые вихри кружили на подобныхъ площадяхъ столбы соляной пыли и бросали ее въ глаза путника, словно для того, чтобы еще болѣе дополнить мученія, которыя испытываетъ онъ, идя въ жару по безводной степи. Нѣсколько отраднѣе являлись только тѣ части долины Хуанъ-хэ, гдѣ прошлогодняя растительность была выжжена весенними пожарами; тамъ съ начала мая появилась молодая, зеленая травка.

Въ хребтѣ, окаймляющемъ долину лѣваго берега Желтой рѣки, растительная жизнь также была крайне бѣдна. Высокія скалы, крутые, усѣянные розсыпями, склоны этихъ горъ, несли теперь ту же самую физіономію, какъ и зимою. Даже въ горныхъ ущельяхъ здѣсь было не лучше. Голый песокъ, валуны и розсыпи, да рѣдкія корявыя деревья ильма, дикаго персика, или, наконецъ, кусты золотарника — вотъ что являлось здѣсь передъ глазами путешественника. Тамъ, гдѣ пробивался тощій источникъ, который, пробѣжавъ нѣсколько десятковъ сажень, снова скрывался подъ землею, словно боясь ужасовъ окрестной пустыни — даже и тамъ узкая кайма зеленой травы обыкновенно была дочиста выѣдена монгольскими козами.

Граница Ала-шаня ознаменовалась появленіемъ сыпучихъ песковъ, наполняющихъ, какъ извѣстно, весь За-Ордосъ. Бѣдность растительности, не смотря на лучшее время весны (половина мая), здѣсь была еще бо́льшая. Въ общемъ, физіономія страны почти не отличалась отъ той, какую нашли мы здѣсь въ прошедшемъ году глубокою осенью: тѣ же неоглядные желтые пески, тѣ же площади зака, тѣ же глинистые бугры съ корявыми кустами хармыка. Если изрѣдка и выглядывала какая нибудь цвѣтущая травка (*Sophora flavescens*, *Turnefortia Arguzia*, *Convolvulus Ammani*, *Peganum sp.*, *Carduus sp.*), то она являлась какъ будто чуждою пришелицею, среди этой мачихи-природы. Правда, два, три вида кустарниковъ (*Convolvulus tragacanthoides*, *Nitraria Schoberi*, *Calligonum mongolicum?*)

Digitized by Google

были теперь въ цвѣту, но они росли обыкновенно лишь въ глинистыхъ мѣстахъ и при томъ такъ разбросанно, что вовсе не украшали общую картину грустнаго ландшафта.

Про животную жизнь можно сказать еще менѣе утѣшительнаго. Правда, въ долинѣ Хуанъ-хэ, на заливныхъ поляхъ, держались водяныя и голенастыя птицы, въ зарослях дырисуна токовало много фазановъ и попадались кой-какія пташки, но все это кончилось съ появленіемъ Ала-шаньскихъ песковъ. Здѣсь птицъ теперь было даже меньше, нежели прошедшею осенью, когда нѣкоторые виды прилетаютъ въ эти мѣста на зимовку; услышать не только пѣніе, но даже простой писк птицы въ Ала-шаньскихъ пустыняхъ теперь было рѣдкостію.

Такая же мертвенность царствовала и въ горахъ, ограждающихъ долину лѣваго берега Хуанъ-хэ. Когда, въ первыхъ числахъ мая, охотясь за куку-яманами, я ночевалъ близъ вершины горы Хоиръ-Богдо, то какъ вечеръ, такъ и раннее утро здѣсь наступали также мертво, какъ зимою: слышался лишь голосъ стренатки, да отвратительные крики клушицъ и коршуновъ.

Подъ общую стать всей природы является и климатъ описываемыхъ мѣстностей. Послѣ сильныхъ жаровъ, стоявшихъ въ концѣ апрѣля, 5-го мая, на восходѣ солнца, выпалъ морозъ въ —2,0° С., а за тѣмъ опять начались жары; потомъ вновь умѣренное тепло и вновь жары, доходившіе въ концѣ мая до + 40,0° С. въ тѣни.

Сильные вѣтры, какъ въ апрѣлѣ, такъ и въ маѣ, дули рѣже, нежели въ прошедшемъ году, но все-таки и теперь иногда выпадали бури. Во время ихъ воздухъ наполнялся удушливою пылью, которая затемняла солнце, толстымъ слоемъ ложилась на наши вещи, лѣзла въ глаза, въ носъ, въ ротъ, словомъ, вездѣ и всюду. Въ общемъ, вѣтры были довольно измѣнчивы, хотя въ апрѣлѣ преобладали сѣверо-западные и юго-западные зимніе, а въ маѣ — юго-восточные лѣтніе.

Дожди въ маѣ перепадали гораздо чаще нежели въ апрѣлѣ; [1]) иногда они сопровождались грозами. Но вообще эти дожди шли непродолжительно и сухость воздуха въ пустынѣ была страшная. Наши вещи портились отъ нея, а собираемыя растенія необходимо было класть въ гербарій полусырыми, иначе онѣ такъ высыхали, что разламывались на мелкія части. Иногда даже было трудно писать дневникъ: обмокнутое въ чернилы перо также скоро высыхало, какъ зимою мерзло, такъ что, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, явля-

[1]) Въ маѣ дождливыхъ дней было 12; въ апрѣлѣ дождливыхъ и снѣжныхъ дней считалось 6.

Digitized by Google

лась одна и таже помѣха отъ двухъ совершенно противоположныхъ причинъ—жара и холода.

Въ половинѣ мая, мы вступили въ предѣлы Ала-шаня, и вскорѣ встрѣтили двухъ чиновниковъ, высланныхъ княземъ изъ Дынь-юань-ина, чтобы привѣтствовать насъ и проводить по пустынѣ. Истинная же цѣль этой встрѣчи заключилась въ томъ, что князь и его сыновья желали поскорѣе получить наши подарки, о которыхъ они узнали черезъ Балдынъ-Сорджи. Этого ламу мы встрѣтили въ апрѣлѣ возлѣ Муни-ула, возвращающимся изъ Пекина, куда онъ ѣздилъ по порученію своего повелителя. Вручивъ Сорджи подарокъ за услуги прошедшего года, мы показали ему въ тоже время подарки, которые везли Ала-шаньскимъ князьямъ. Этими весьма хорошими подарками мы надѣялись еще болѣе расположить въ свою пользу Ала-шаньскихъ владѣтелей, отъ которыхъ вполнѣ зависѣло наше дальнѣйше слѣдованіе на озеро Куку-норъ.

Встрѣтившіе теперь насъ чиновники, тотчасъ же заговорили о подаркахъ, разсказывали съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ князья и просили меня отправить эти подарки впередъ. Я согласился на такое предложеніе и послалъ: старому князю — большой двухсторонній плэдъ и револьверъ; старшему сыну — такой же плэдъ и микроскопъ; Гыгену и Сія — по скорострѣльному пистолету системы Remington съ тысячею готовыхъ патроновъ. Хотя дѣло было вечеромъ, но, получивъ подарки, одинъ изъ чиновниковъ тотчасъ же уѣхалъ впередъ, а другой остался съ нами.

26 мая мы пришли въ Дынь-юанъ-инъ и помѣстились въ заранѣе приготовленной для насъ фанзѣ. По обыкновенію отъ любопытныхъ не было ни минуты покоя, такъ что мы наконецъ привязали въ дверяхъ своего жилища нашего злаго Карзу, и это оказалось очень дѣйствительнымъ средствомъ противъ нахальства зѣвакъ.

Въ тотъ же день вечеромъ мы видѣлись съ своими пріятелями — Гыгеномъ и Сія. Мой мундиръ генеральнаго штаба, который я теперь нарочно захватилъ изъ Пекина, произвелъ на молодыхъ князей большое впечатлѣніе и они разсматривали его до малѣйшихъ подробностей. Теперь еще болѣе подтвердилось мнѣніе, что я, вѣроятно, очень важный чиновникъ, довѣренное лицо самого Государя. Объ этомъ меня постоянно спрашивали Ала-шаньскіе князья въ прошедшемъ году, но теперь, видя на мнѣ блестящій мундиръ, окончательно убѣдились въ своихъ догадкахъ. Съ этихъ поръ я прослылъ за «царскаго чиновника» и съ такимъ титуломъ совершилъ все остальное путешествіе. Я самъ нисколько не старался разрушить подобное мнѣніе о своей важности; для меня оно было

Digitized by Google

отчасти на руку, такъ какъ объясняло цѣль нашего путешествія. Съ этихъ поръ мѣстные жители вездѣ стали говорить, что Цаганъ-ханъ прислалъ въ ихъ страну своего чиновника для того, чтобы онъ видѣлъ здѣшнихъ людей и природу собственными глазами и, по возвращеніи на родину, разсказалъ бы обо всемъ этомъ своему Государю.

Съ ранняго утра слѣдующаго дня, къ намъ начали являться Сорджи и другіе повѣренные князя и его сыновей, чтобы посмотрѣть и закупить привезенные нами товары, которые князья просили никому не продавать, кромѣ ихъ. Началась прескучная процедура торговли. Одинъ лама бралъ на показъ микроскопъ, другой стереоскопъ, третій мыло или иголки, четвертый сукно и т. д.; все это возвращалось однимъ довѣреннымъ, бралось другимъ и наоборотъ. Совершенно противоположно прошедшему году, Ала-шаньскіе князья оказались далеко не такъ падки на покупки, не смотря на то, что цѣны въ нынѣшнемъ году мы назначили гораздо ниже прошлогднихъ. Одни только стереоскопы съ картинками соблазнительнаго свойства чрезвычайно понравились старому князю, и онъ тотчасъ же купилъ всѣ наличныя дюжины этихъ фотографій. Азартъ князя дошелъ до того, что онъ, черезъ своего адъютанта, спрашивалъ: нельзя ли привести ему изъ Россіи нѣсколько тѣхъ самыхъ личностей, которыя изображены на картинкахъ.

Между тѣмъ намъ выпалъ великолѣпный случай пройти на озеро Куку-норъ. Именно, въ Дынь-юань-инѣ мы застали, недавно пришедшій изъ Пекина, караванъ изъ 27 тангутовъ [1]) и монголовъ, которые вскорѣ отправлялись въ кумирню *Чейбсенъ*, лежащую въ провинціи Гань-су, въ шестидесяти верстахъ къ сѣв. сѣв. востоку отъ города Синина и въ пяти дняхъ пути отъ озера Куку-нора. На наше предложеніе слѣдовать вмѣстѣ, тангуты согласились съ великою радостію, надѣясь найти въ насъ хорошихъ защитниковъ, въ случаѣ нападенія дунганей. Чтобы еще болѣе убѣдить будущихъ спутниковъ въ дѣйствительности нашего вооруженія, мы устроили пальбу изъ штуцеровъ и револьверовъ. На это зрѣлище собралась большая толпа народа и всѣ были поражены дѣйствіемъ скорострѣльнаго оружія; тангуты же чуть не плясали отъ радости, видя какихъ они пріобрѣтаютъ спутниковъ.

Проходъ до Чейбсена съ тангутскимъ караваномъ былъ чистый кладъ, такъ какъ безъ этого случая, мы едва ли могли достать себѣ проводника, хотя бы черезъ южный Ала-шань. Наша

[1]) Тангуты сопленены тибетцамъ; объ нихъ будетъ изложено въ X главѣ.

Digitized by Google

радость еще болѣе разжигалась разсказами тангутовъ, что возлѣ ихъ кумирни лежатъ высокія горы, покрытыя лѣсами, въ которыхъ водится множество птицъ и звѣрей. Словомъ, дѣло слагалось какъ нельзя лучше, нужно было только вытянуть согласіе Ала-шаньскаго князя на слѣдованіе съ тангутами, которые не могли насъ взять съ собою безъ подобнаго разрѣшенія.

Но тутъ то и начались различныя уловки со стороны князя, чтобы отклонить насъ отъ слѣдованія на Куку-норъ. Какая была тому побудительная причина—я не знаю; всего вѣроятнѣе, что князь получилъ на этотъ счетъ изъ Пекина должныя наставленія, а быть можетъ и нагоняй за радушный пріемъ русскихъ въ прошедшемъ году.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ дальнѣйшихъ продѣлкахъ амбаня явился Балдынъ-Сорджи, который прежде всего поднялся на ту уловку, что предлагалъ намъ гадать у мѣстныхъ ламъ, о благополучіи предстоящаго пути. Нечего и говорить, что отвѣтъ ламъ былъ бы крайне неблагопріятный и намъ напророчили бы всякихъ бѣдъ. Съ подобной же хитрости началось и въ прошедшемъ году, когда мы впервые явились въ Ала-шань. Тогда насъ уговаривали объяснить откровенно кто мы такіе, стращая, въ противномъ случаѣ, узнать истину черезъ гыгеновъ. Но какъ тогда, такъ и теперь, подобныя уловки ни къ чему не привели; отказъ съ нашей стороны былъ рѣшительный.

Тогда начались разсказы о томъ, что тангуты будутъ идти очень скоро—по пятидесяти и болѣе верстъ въ сутки, что намъ не выдержать подобныхъ переходовъ, тѣмъ болѣе по ночамъ. На это Сорджи получилъ отвѣтъ, что ему нечего заботиться о нашемъ спокойствіи въ дорогѣ и что мы сами знаемъ какъ поступать. Видя опять неподатливость съ нашей стороны, Сорджи началъ разсказывать, что по дорогѣ въ Чейбсенъ лежатъ высокія горы, что верблюдамъ очень трудно, а быть можетъ и со всѣмъ нельзя будетъ пройдти черезъ нихъ, что пусть мы лучше подождемъ мѣсяцъ, или два и тогда амбань дастъ намъ проводниковъ до Куку-нора. Между тѣмъ тотъ же самый лама въ прошедшемъ году, и даже нѣсколько дней тому назадъ, увѣрялъ насъ, что проводника на Куку-норъ въ Ала-шанѣ нельзя достать ни за какія деньги, потому что всѣ страшно боятся дунганей и не пойдутъ, если бы даже посылаемаго стращали казнію. Кромѣ того, чтобы еще лучше поймать насъ на удочку, одинъ монгольскій чиновникъ, конечно по приказанію того же Сорджи, передалъ намъ, будто по секрету, что князь велѣлъ въ ямынѣ приготовить двухъ проводниковъ на Куку-норъ и даже въ Тибетъ, если мы пожелаемъ идти въ эту страну.

Digitized by Google

Между тѣмъ день за днемъ откладывалось наше свиданіе съ самимъ княземъ, подъ предлогомъ, что онъ нездоровъ; истинная же причина такихъ отсрочекъ заключалась, вѣроятно въ томъ, что князь опасался моего настойчиваго требованія, отправить насъ съ караваномъ тангутовъ. Старшаго сына мы также еще не видали, а Гыгенъ и Сія послѣ перваго свиданія не приглашали уже насъ къ себѣ, хотя сами нѣсколько разъ пріѣзжали къ намъ. Вообще со стороны Ала-шаньскихъ князей мы далеко не встрѣтили теперь того радушія, какъ въ прошедшемъ году.

Съ другой стороны еще хуже было наше положеніе, относительно матеріальныхъ средствъ. Изъ 87 ланъ денегъ, взятыхъ нами въ экспедицію, теперь осталось только 50 ланъ, а между тѣмъ, для дальнѣйшего путешествія, необходимо было купить шесть новыхъ верблюдовъ и двухъ лошадей. Изъ одиннадцати верблюдовъ, съ которыми мы вышли изъ Калгана, трое погибли дорогою, равно какъ и обѣ наши лошади. Добыть денегъ мы могли только продажею привезенныхъ товаровъ. Знай Ала-шаньскій князь, что мы находимся въ такомъ положеніи, онъ безъ всякихъ хлопотъ могъ бы задержать насъ, не покупая только товаровъ и запретивъ тоже самое кому либо другому изъ своихъ подданныхъ. Разъ же тангутскій караванъ ушелъ изъ Дынь-юанъ-ина, то мы и съ деньгами навѣрное не попали бы на Куку-норъ. Вотъ въ какое положеніе ставили насъ наши нищенскія средства!

Но счастіе и на этотъ разъ повезло намъ удивительно! Гыгенъ согласился дать за скорострѣльный штуцеръ Спенсера шесть верблюдовъ, съ придачею ста ланъ деньгами. Правда, онъ ставилъ этихъ верблюдовъ по пятидесяти ланъ за каждаго, но за то и я назначилъ за ружье цѣну въ одиннадцать разъ большую той, за которую его купилъ [1]), такъ что по пословицѣ, «клинъ выгонялся клиномъ». Получивъ еще около 120 ланъ за другіе товары, мы уже располагали средствами, правда незначительными, но все-таки могли дѣйствовать рѣшительнѣе. Я объявилъ Сорджи, что непремѣнно пойду съ тангутами и требовалъ, чтобы амбань прислалъ мнѣ деньги за взятые товары, или возвратилъ ихъ обратно.

Вечеромъ 1-го іюня, наканунѣ отхода тангутскаго каравана, Сорджи пришелъ къ намъ и объявилъ, что амбань приказалъ тангутамъ остаться еще на два дня въ городѣ. Въ теченіи этихъ дней лама продолжалъ уговаривать насъ остаться, увѣряя что князь очень опечаленъ нашимъ скорымъ уходомъ изъ Ала-шаня. Для большаго

[1]) Я купилъ это ружье, съ тысячью готовыхъ зарядовъ, въ Пекинѣ за 50 долларовъ, а продалъ Гыгену за 400 ланъ.

Digitized by Google

впечатлѣнія, Сорджи твердилъ, что амбань очень любитъ не только русскихъ, но и всѣ ихъ товары, а именно: стереоскопы, оружіе, сукно, мыло, свѣчи и пр., пр., забавно перебирая по пальцамъ считалъ хитрый лама. При этомъ онъ просилъ подарить князю, и его старшему сыну по ружью, или какія нибудь другія хорошія вещи, хотя бы даже русское платье. Вообще безсовѣстность, до которой доходили въ своемъ попрошайничествѣ какъ самъ амбань, такъ и его сыновья, переходила всякіе предѣлы. Черезъ своихъ довѣренныхъ они лѣзли къ намъ со всевозможными просьбами, и дѣло доходило до того, что, ожидая пріѣзда князей, мы должны были прятать многія вещи, во избѣжаніе попрошайничества со стороны своихъ гостей.

Послѣ настоятельныхъ требованій, мнѣ принесли наконецъ отъ князя деньги за товары, всего 258 ланъ. Присоединивъ этотъ кушъ къ прежней выручкѣ, мы располагали теперь 500 ланъ денегъ и четырнадцатью верблюдами.

Счастіе, по видимому, совершенно поворотило въ нашу сторону. Завтрашнее выступленіе съ тангутскимъ караваномъ было рѣшено окончательно, и хотя мы не получали отъ князя увѣдомленія объ этомъ, но намъ уже не говорили, чтобы остаться. Приближенные амбаня, казалось, также были увѣрены, что мы завтра уйдемъ и Гыгенъ прислалъ намъ въ подарокъ пару лошадей.

Съ лихорадочною радостію — тѣмъ болѣе сильною послѣ всѣхъ пережитыхъ въ послѣдніе дни испытаній — мы до поздней ночи увязывали свои вещи, сѣдлали верблюдовъ и вообще собирались въ путь. Утромъ, лишь только разсвѣло, мы уже были на ногахъ и начали вьючить верблюдовъ. Половина ихъ была готова, какъ вдругъ къ намъ прибѣгаетъ одинъ изъ тангутовъ и объявляетъ, что они сегодня не выходятъ, такъ какъ получено извѣстіе о шайкѣ дунганъ, стоящей недалеко отъ Дынь-юань-ина. Не повѣривъ тангуту, я отправилъ своего товарища съ казакомъ разъузнать въ чемъ дѣло; посланные вскорѣ вернулись обратно и объяснили, что тангутскій караванъ уже совершенно готовъ къ выступленію.

Между тѣмъ пришелъ Сорджи и началъ также говорить о дунганахъ, но когда, выведенный наконецъ изъ терпѣнія такимъ наглымъ обманомъ, я обругалъ ламу русскимъ словомъ, то онъ сталъ объяснять, что тангуты сами не хотятъ идти съ нами, что они худые люди; хотя до сихъ поръ Сорджи постоянно отзывался съ похвалою о тѣхъ же самыхъ тангутахъ.

Въ это время я получилъ извѣстіе, что тангутскій караванъ выходитъ изъ города. Тогда мы завьючили остальныхъ верблюдовъ и,

Digitized by Google

окруженные густою толпою, вышли со двора своей фанзы, съ намѣреніемъ идти вслѣдъ за караваномъ. Не успѣли мы сдѣлать сотни шаговъ, какъ къ намъ подъѣхалъ Сія, и началъ говорить, что получено извѣстіе о дунганахъ, что хотя тангутскій караванъ ушелъ, но его пошлютъ тотчасъ же вернуть; при этомъ молодой князь уговаривалъ насъ остаться, пока разъяснится дѣло. Вмѣстѣ съ Сія пріѣхалъ и тангутскій лама, начальникъ каравана, тотъ самый, который до сихъ поръ такъ сильно желалъ идти вмѣстѣ съ нами. Теперь этотъ лама, конечно по приказанію князя, началъ говорить то же самое что Сія, совѣтовалъ намъ остаться и подождать.

Появленіе тангутскаго ламы и его крутой переходъ въ другую сторону, было для насъ конечно важнѣе, нежели всѣ прежнія стращанія Ала-шаньскаго князя. Въ будущемъ спутникѣ мы видѣли теперь уже не друга, но врага — и могли ли мы, при такихъ условіяхъ, сильно напирать на то, чтобы непремѣнно идти съ тангутскимъ караваномъ.

Тогда я рѣшился употребить послѣднее средство, хотя и зналъ, что едва ли оно поведетъ къ чему-либо. Я спросилъ у Сія: даетъ ли онъ мнѣ честное слово, что насъ не обманываютъ и что тангуты не уйдутъ безъ насъ? «Даю, даю охотно, ручаюсь вамъ въ этомъ», отвѣчалъ Сія, видимо обрадованный какъ нибудь достигнуть цѣли, т. е. удержать насъ, хотя на сегодня. Лама, начальникъ каравана, также сталъ увѣрять, что непремѣнно возьметъ насъ съ собою. Затѣмъ мы отправились въ загородный садъ князя и разбили тамъ палатку, въ ожиданіи, что будетъ далѣе.

Трудно описать наше волненіе, въ особенности въ первыя минуты. Дѣйствительно, подобная исторія была слишкомъ тяжела. Завѣтная цѣль давнишнихъ стремленій, для которой понесено уже было столько трудовъ, и которая, казалось, должна была быть непремѣнно достигнутою, теперь сразу отдалялась, Богъ знаетъ на какое время. Пусть сначала, въ первые дни нашего прихода въ Дынюань-инъ, намъ отказали бы идти съ тангутами, тогда горе все еще было на половину — мы сами не думали встрѣтить такой благопріятный случай; теперь же подобный отказъ становился вдвое тяжелѣе, послѣ того какъ мысль объ успѣхѣ уже сродилась съ нами...

Въ тревожномъ ожиданіи провели мы весь этотъ день. Сорджи и другіе ламы теперь не показывались къ намъ на глаза и только къ вечеру пріѣхалъ Сія, котораго я началъ стращать тѣмъ, что буду жаловаться въ Пекинѣ на подобное насиліе со стороны Ала-шаньскихъ властей. Молодой князь, видимо конфузясь участіемъ во

Digitized by Google

всемъ этомъ дѣлѣ, просилъ меня обождать немного и увѣрялъ, что тибетскій караванъ ни въ какомъ случаѣ не уйдетъ безъ насъ. Наученный прежними опытами, я плохо вѣрилъ подобному обѣщанію, и уже размышлялъ о томъ, въ какую часть Монголіи направиться для дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ вдругъ, передъ вечеромъ слѣдующаго дня, именно 5-го іюня, къ намъ опять пріѣхалъ Сія и объявилъ, что тангутскій караванъ стоитъ неподалеку отъ города и мы можемъ завтра идти вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ нарочно посланный развѣдать о дунганахъ возвратился и донесъ, что ихъ нѣтъ и самый слухъ былъ ложный. Конечно, все это было одна отговорка, никакихъ дунганъ не приходило, но, всего вѣроятнѣе, Ала-шаньскій князь посылалъ въ городъ Нинъ-ся къ китайскому амбаню узнать, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Скрытность мѣстнаго населенія, относительно путешественника такъ велика, что ни теперь, ни послѣ, я не могъ узнать, какая причина понудила князя остановить насъ на два дня въ самую минуту выхода. Однако теперь намъ некогда было разсуждать; мы всецѣло предались поглощавшей насъ радости; опять надежда на успѣхъ въ великомъ предпріятіи не давала намъ покоя ни въ остатокъ дня, ни въ теченіи цѣлой ночи....

Караванъ, съ которымъ мы теперь отправлялись въ путь, снаряженъ былъ въ Пекинѣ однимъ изъ важнѣйшихъ монгольскихъ кутухтъ, именно Джанджы-гыгеномъ, которому принадлежитъ много церквей какъ въ Пекинѣ, такъ и въ Монголіи, въ томъ числѣ знаменитый монастырь *У-тай*, не далеко отъ г. Куку-хото. Самъ вышеназванный святой родился въ Гань-су въ кумирнѣ Чейбсенъ, куда и направлялись теперь наши будущіе спутники. Составъ ихъ былъ самый пестрый. Всего въ караванѣ считалось, кромѣ насъ четверыхъ, тридцать семь человѣкъ, изъ которыхъ десять были ламы-воины, посланные, какъ охранители, Ала-шаньскимъ Гыгеномъ. Большая часть остальныхъ людей состояла изъ тангутовъ, уроженцевъ кумирни Чейбсенъ; кромѣ того, здѣсь, находилось нѣсколько монголовъ, отправлявшихся на богомолье въ Лассу. На всю эту братію состояло въ наличности 72 верблюда и около 40 лошадей или муловъ, вмѣстѣ съ нашими животными. Начальниками каравана были два ламы-донира (казначея), родомъ тангуты, очень хорошіе и услужливые люди. Чтобы еще болѣе расположить этихъ командировъ въ свою пользу, я подарилъ каждому изъ нихъ по небольшому плэду.

Всѣ участники каравана были вооружены фитильными ружьями, частію пиками и саблями. Вообще они слыли за чрезвычайно храбрыхъ, просто отчаянныхъ людей, рѣшившихся въ такое страшное

Digitized by Google

время идти въ тѣ мѣста, гдѣ живутъ и разбойничаютъ дунганы. Однако, впослѣдствіи опытъ показалъ, что смѣлость нашихъ сотоварищей была не особенно велика, даже при опасности только воображаемой.

Ламы-воины имѣли гладкоствольныя европейскія ружья, купленныя китайскимъ правительствомъ у англичанъ и присланныя въ Алашань изъ Пекина. Ружья эти весьма плохого качества и еще болѣе испорчены небрежнымъ содержаніемъ. Въ своихъ красныхъ форменныхъ блузахъ, съ красными повязками на головахъ, при томъ верхомъ на верблюдахъ, описываемые ламы представляли оригинальный видъ, хотя, конечно, по воинскимъ достоинствамъ не отличались отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ.

Но самою замѣчательною личностію всего каравана былъ тангутъ *Рандземба*, отправлявшійся изъ Пекина въ Тибетъ. Этотъ человѣкъ, лѣтъ сорока, откровенный и добродушный, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ страшный говорунъ, любилъ помочь каждому и вмѣшаться во всякое дѣло. Словоохотливость Рандзембы, обыкновенно разсказывавшаго обо всемъ съ самыми выразительными жестами, была такъ велика, что мы прозвали его «многоглаголивый Аввакумъ». Имя это тотчасъ же разнеслось по всему каравану и, съ этихъ поръ, Рандзембу никто уже не называлъ иначе, какъ Аввакумъ.

Главною страстію новаго Аввакума была охота и стрѣльба въ цѣль; послѣдняя составляла любимое занятіе всего каравана. Почти каждый день, по приходѣ на мѣсто, тотъ или другой изъ нашихъ спутниковъ, улучивъ свободную минуту, начиналъ стрѣлять въ мишень. Являлись зрители, сначала безучастные, но потомъ, раззадорившись мало-по-малу, приносили свои ружья и начиналась общая пальба. Рандземба всегда былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ подобныхъ стрѣляній. Достаточно было ему услыхать выстрѣлъ и, не смотря ни на какое занятіе, даже сонъ, послѣ большаго перехода и сильной усталости, нашъ Аввакумъ прибѣгалъ босой, съ заспанными глазами, и тотчасъ же начиналъ давать совѣты: какъ нужно поставить мишень, какой положить зарядъ, чѣмъ исправить ружье и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слыя хорошимъ стрѣлкомъ, онъ обыкновенно пристрѣливалъ плохо бившія ружья въ такомъ количествѣ зарядовъ, что отъ сильной отдачи, у Рандзембы правое плечо было постоянно распухши.

Во время пути, Аввакумъ ѣхалъ верхомъ на лошади, предоставляя двумъ своимъ товарищамъ вести завьюченныхъ верблюдовъ. Самъ же Рандземба безпрестанно заѣзжалъ то въ ту, то въ другую сторону, высматривая, нѣтъ ли гдѣ хара-сультъ и, замѣтивъ послѣднихъ, тотчасъ же скакалъ къ намъ съ предложе-

Digitized by Google

ніемъ стрѣлять, или иногда подкрадывался самъ, предварительно вырубивъ огонь и зажегши фитиль своего ружья. Товарищи Аввакума, на которыхъ однихъ лежала дорогою вся забота о вьючныхъ животныхъ, видимо не особенно были довольны подобными поисками звѣрей. Однажды они рѣшились даже прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ и заставили Рандзембу вести верблюдовъ. Съ удивленіемъ увидѣли мы своего пріятеля, возсѣдающимъ уже не на лошади и ведущаго въ поводу вьючныхъ животныхъ. Однако подобное заключеніе продолжалось не долго для вольнолюбиваго Аввакума. На бѣду его спутниковъ, въ этотъ день, какъ нарочно, много встрѣчалось антилопъ. Рандземба, имѣвшій возможность видѣть съ верблюда очень далеко, безпрестанно провожалъ и встрѣчалъ, далеко не равнодушными глазами, этихъ животныхъ, и когда, наконецъ, мы погнались за одною изъ хара-сультъ, до того увлекся, что вовсе забылъ о своихъ верблюдахъ и завелъ ихъ въ рытвину. Тогда товарищи Аввакума, видя что изъ блуднаго сына проку не будетъ, прогнали отъ верблюдовъ Рандзембу, снова возсѣвшаго съ великою радостію на лошадь и по прежнему принявшагося гоняться за харасультами.

На другой день послѣ нашего прибытія, тангутскій караванъ выступилъ въ путь. Дорогою мы съ своими верблюдами шли въ хвостѣ этого каравана, чтобы не задерживать остальныхъ спутниковъ при случайныхъ остановкахъ, какъ напримѣръ, для поправки вьюка, или чего либо другаго въ этомъ родѣ. Хотя послѣ продажи товаровъ въ Дынь-юань-инѣ, прежній багажъ нашъ значительно уменьшился, но взамѣнъ того мы купили семь пудовъ рису и проса, которыхъ, какъ мы слышали, нельзя достать въ разоренной Гань-су. [1]) Другія мелочныя закупки, какъ напримѣръ, запасныхъ веревокъ, войлоковъ и т. п., до того увеличили нашу кладь, что мы, по прежнему, едва уложили ее на девять верблюдовъ. Но теперь намъ еще труднѣе было въ четверомъ управляться со всю этою обузою, такъ какъ мы должны были идти не по своей волѣ и ни въ чемъ не отставать отъ своихъ спутниковъ. Напрасно старался я нанять въ работники какого-нибудь Ала-шаньскаго монгола и предлагалъ за это красную цѣну — никто не соглашался идти съ нами. Едва-едва, и то за плату по рублю въ сутки, мы уговорили нѣсколькихъ людей каравана пасти по ночамъ нашихъ верблюдовъ вмѣстѣ со

[1]) Насколько въ путешествіи обходится все дорого, хорошо можно видѣть въ данномъ случаѣ. За семь пудовъ проса и риса мы заплатили въ Ала-шанѣ около пятнадцати рублей, но для того, чтобы возить эту провизію, потребовался верблюдъ, который стоилъ сто рублей и впослѣдствіи погибъ въ Гань-су.

Digitized by Google

своими; затѣмъ, на нашу долю выпадало столько работы, что о научныхъ изслѣдованіяхъ въ пути нечего было и думать.

Обыкновенно мы вставали около полуночи, чтобы избѣжать дневнаго жара и, сдѣлавъ переходъ верстъ въ тридцать, а иногда и въ сорокъ, останавливались возлѣ колодца, или, за неимѣніемъ его, сами копали яму, куда набиралась соленая вода. Наши товарищи, изъ которыхъ иные ходили нѣсколько разъ, взадъ и впередъ, по здѣшнимъ пустынямъ, превосходно знали дорогу, и чутьемъ угадывали мѣста, гдѣ можно было достать воду, иногда на глубинѣ не болѣе трехъ футовъ. Въ колодцахъ, изрѣдка попадавшихся по пути, вода была большею частію очень дурна, да при томъ въ эти колодцы дунганы иногда бросали убитыхъ монголовъ. У меня до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ, когда я вспомню, какъ однажды, напившись чаю изъ подобнаго колодца, мы стали поить верблюдовъ и, вычерпавъ воду, увидѣли на днѣ гнилой трупъ человѣка!....

На мѣстахъ остановокъ отдохнуть было невозможно. Раскаленная почва пустыни дышала жаромъ какъ изъ печи, въ воздухѣ часто не колыхалъ ни малѣйшій вѣтерокъ, а тутъ нужно было ежедневно разсѣдлывать и засѣдлывать верблюдовъ, у которыхъ, въ противномъ случаѣ, во время жаровъ, тотчасъ сбивается спина. Водопой нашихъ животныхъ также занималъ болѣе часа времени, такъ какъ воду приходилось таскать маленькимъ черпакомъ, да притомъ каждый верблюдъ пьетъ за разъ два, три ведра. Поить же верблюдовъ лѣтомъ, въ сильные жары, необходимо каждый день, конечно если есть для этого вода. Даже ночью, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, улученныхъ для отдыха, мы спали, вслѣдствіе крайняго физическаго истомленія, самымъ тревожнымъ сномъ.

Въ первые дни шествія съ тангутскимъ караваномъ, наша палатка постоянно была наполнена любопытными. Ихъ интересовало все, до мельчайшихъ подробностей, не говоря уже объ оружіи; распросамъ не было конца. Самая ничтожная вещица осматривалась и обнюхивалась по нѣсколько десятковъ разъ; при этомъ нужно было постоянно разсказывать объ одномъ и томъ же, то одному, то другому посѣтителю. Это была крайне тяжелая, но неминуемая доля; въ противномъ случаѣ, мы не могли пріобрѣсть расположенія своихъ спутниковъ, отъ которыхъ вполнѣ зависѣли въ дорогѣ.

Собираніе растеній, производство метеорологическихъ наблюденій и писаніе дневника возбуждало также не мало любопытства, даже подозрѣнія. Чтобы отклонить отъ себя послѣднее, я объяснилъ своимъ спутникамъ, что записываю въ книгу то, что видѣлъ, чтобы не забыть объ

Digitized by Google

этомъ по возвращеніи на родину, гдѣ съ меня потребуютъ отчета; растенія собираю на лекарства, чучела птицъ и звѣрей везу на показъ, а метеорологическія наблюденія произвожу для того, чтобы узнать впередъ про погоду. Въ послѣднемъ всѣ были твердо увѣрены, послѣ того какъ я предсказалъ однажды дождь, вслѣдствіе пониженія анероида. Титулъ «царскаго чиновника», поѣхавшій со мною изъ Дынь-юань-ина, много помогъ отклонить недовѣрчивость нашихъ сотоварищей. При всемъ томъ нельзя было производить нѣкоторыхъ крайне интересныхъ наблюденій, какъ напр. магнитныхъ, астрономическихъ, измѣреній температуры почвы и воды въ колодцахъ и т. п.—это возбудило было неотклонимое подозрѣніе. Жертвуя меньшимъ большему, я рѣшился сдѣлать все это на обратномъ пути, равно какъ и глазомѣрную съемку. На этотъ разъ я удовольствовался маршрутомъ, да и то крайне не полнымъ, такъ какъ у меня не было карманнаго компаса [1]), да притомъ мы постоянно были окружены, хотя нѣсколькими изъ своихъ спутниковъ. Неотвязчивость послѣднихъ доходила до крайности. Случалось иногда, что видя настоятельную необходимость занести что либо въ свою карманную книжку, я умышленно отставалъ отъ каравана, какъ будто по нуждѣ и, сидя на корточкахъ, записывалъ видѣнное. Да и въ подобномъ случаѣ слѣдовало быть крайне осторожнымъ, такъ какъ достаточно было кому нибудь поймать меня только одинъ разъ, и тогда уже невозможно было отклонить самаго сильнаго подозрѣнія, на счетъ нашего путешествія.

Собираніе растеній дорогою представляло также не мало затрудненій. Не успѣвали мы бывало сорвать какую нибудь травку, какъ уже насъ окружала цѣлая толпа спутниковъ, съ неизмѣнными вопросами: «*ямурэ эмэ*»? [2]), или «*цицыкэ сейхэнэ бэй-на*»? [3]). Если же случалось убивать птичку, то, безъ преувеличенія, всѣ наличные люди каравана подъѣзжали, каждый съ одними и тѣми же вопросами: какая это птица? хорошо ли ея мясо? какъ я убилъ? и т. д. Волею неволею, на всю подобную назойливость нужно было смотрѣть сквозь пальцы, но такое притворство, становилось, по временамъ, черезъ чуръ тяжело.

Отъ Дынь-юань-ина путь нашъ лежалъ сначала на югъ, а потомъ мы повернули почти прямо къ западу на городъ *Даджинэ*, находящійся уже въ предѣлахъ провинціи Гань-су.

---

[1]) Оба своихъ маленькихъ компаса я вынужденъ былъ подарить Ала-шаньскимъ князьямъ.

[2]) Какое это лекарство?

[3]) Цвѣтокъ хорошъ ли?

Digitized by Google

По своему физическому характеру, южный Ала-шань ни чѣмъ не отличается отъ сѣверныхъ и среднихъ частей этой страны и также представляетъ пустыню въ полномъ смыслѣ слова. Только сыпучіе пески здѣсь, еще обширнѣе и не даромъ заслужили свое монгольское названіе «*Тынгери*» т. е. небо. Эти то Тынгери составляютъ и южную кайму Ала-шаньской пустыни, которая простирается къ востоку, по словамъ монголовъ, до самой Хуанъ-хэ, а къ западу до р Эцзинэ. По пути, намъ пришлось переходить Тынгери, на протяженіи пятнадцати верстъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ ихъ восточнаго рукава, и здѣсь можно было вполнѣ познакомиться съ характеромъ этихъ песковъ.

Подобно тому, какъ и въ другихъ частяхъ Ала-шаня, Тынгери представляютъ собою безчисленные холмы, разбросанные безъ всякаго порядка и тѣсно стоящіе одинъ возлѣ другаго. Эти холмы, достигающіе отъ 50—60 и изрѣдка даже до 100 футъ вышины, состоятъ изъ мелкаго желтаго песку, насыпаннаго на твердую глинистую почву, мѣстами оголенную на нѣсколько сажень. Изрѣдка на такихъ глинистыхъ площадкахъ, а иногда и на самомъ пескѣ, торчитъ нѣсколько кустиковъ *тростника* (Psamma villosa), полеваго чернобыльника или, еще рѣже, какое то не высокое деревцо изъ семейства бобовыхъ. Но столь скудная растительность ни сколько не нарушаетъ мертваго характера здѣшней пустыни, въ которой изъ живыхъ существъ можно встрѣтить лишь ящерицу и небольшаго чернаго жучка. Страшно накаляемый солнцемъ, голый песокъ безпрестанно переносится вѣтромъ съ одного холма на другой, а въ промежуткахъ этихъ холмовъ образуются, то воронкообразныя, то продольныя ложбины. Эти ямы чрезвычайно затрудняютъ ходьбу, въ особенности для вьючныхъ животныхъ, которымъ приходится безпрестанно лазить съ одного холма на другой и вязнуть глубоко въ рыхлой почвѣ. Тропинки здѣсь нѣтъ слѣда и только кой гдѣ валяющійся сухой пометъ верблюдовъ, а иногда и ихъ скелеты, указываютъ направленіе пути; обыкновенно же въ такихъ мѣстахъ идутъ на прямикъ, ориентируясь по солнцу. Бѣда, если путниковъ застигнетъ буря. Тогда вершины песчаныхъ холмовъ закурятся сначала словно дымомъ, а затѣмъ воздухъ наполнится тучами песка, который затемняетъ солнце. Самое лучшее идти по такимъ мѣстамъ вскорѣ послѣ дождя, когда песчаная почва дѣлается довольно твердою, такъ что верблюды вязнутъ не глубоко и, въ случаѣ вѣтра, воздухъ не наполняется пескомъ, пока его не просушитъ солнце, что, впрочемъ, происходитъ очень скоро.

На глинистыхъ площадяхъ, которыя смѣняютъ собою голый пе-

Digitized by Google

сокъ, въ южномъ Ала-шанѣ, также какъ и въ сѣверномъ, всего болѣе растетъ бударгана и хармыкъ, иногда полевой чернобыльникъ и корявый низкій кустарникъ *Sarcosygium xanthoxylon*; закъ здѣсь вовсе не встрѣчается. Кромѣ того, поверхность глинистыхъ площадей, въ южныхъ частяхъ описываемой страны, обыкновенно слегка волниста, и мѣстами здѣсь раскиданы небольшія горки, иногда вытянувшіяся въ короткіе хребты. Въ этихъ безводныхъ холмахъ, обыкновенно не поднимающихся выше нѣсколькихъ сотъ футъ надъ окрестностями, часто вовсе нѣтъ растительности, а если она и существуетъ, то ничѣмъ не отличается отъ той, которая свойственна сосѣдней пустынѣ.

Во время нашего слѣдованія съ тангутскимъ караваномъ, мы нигдѣ не встрѣчали населенія. Все было разорено и истреблено дунганами, партіи которыхъ и теперь еще иногда проходили по южному Ала-шаню, отправляясь на дальній грабежъ. По дорогѣ часто валялись человѣческіе скелеты, а въ двухъ разоренныхъ кумирняхъ мы нашли цѣлыя груды труповъ, полугнилыхъ и объѣденныхъ волками.

Миновавъ пески Тынгери, мы направились вдоль ихъ южной окраины, по глинистой безплодной равнинѣ, покрытой исключительно двумя видами солончаковыхъ растеній, и вскорѣ увидѣли впереди величественную цѣпь горъ Гань-су. Словно стѣна поднимались эти горы надъ равнинами Ала-шаня и далеко на горизонтѣ, пока въ неясныхъ очертаніяхъ, выплывали снѣговыя гряды *Куліанъ* и *Ліанъ-чжу*. Еще переходъ — и эти величественныя громады предстали намъ во всемъ блескѣ своей нерукотворной красы. Пустыня кончилась также чрезвычайно рѣзко. Всего на разстояніи двухъ верстъ отъ голыхъ песковъ, которые потянулись далеко къ западу, разстилались обработанныя поля, пестрѣли цвѣтами луга и густо разсыпались китайскія фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здѣсь такъ близко между собою, что удивленный путникъ едва вѣрилъ собственнымъ глазамъ....

Столь рѣзкая физическая граница, полагающая, съ одной стороны, предѣлъ кочевой жизни помада, а съ другой, не пропускающая за себя культуру осѣдлаго племени, обозначается тою самою Великою стѣною, съ которою мы познакомились возлѣ Калгана и Гу-бей-кэу. Отъ этихъ мѣстъ описываемая стѣна тянется къ западу по горамъ, окаймляющимъ монгольское нагорье, обходитъ съ юга весь Ордосъ и примыкаетъ къ Ала-шаньскому хребту, составляющему естественную преграду къ сторонѣ пустыни. Далѣе, отъ южной оконечности Ала-шаньскихъ горъ, Великая стѣна идетъ по сѣверной границѣ про-

Digitized by Google

винціи Гань-су, мимо городовъ Ланъ-чжеу, Гань-чжеу и Су-чжеу до крѣпости Цзя-юй-гуань.

Однако тамъ, гдѣ мы теперь проходили Великую стѣну (если только можно употребить здѣсь это имя), она вовсе не походитъ на ту гигантскую постройку, которая воздвигнута въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Пекину. Вмѣсто каменной громады, мы увидѣли на границѣ Гань-су только глиняный валъ [1]), сильно разрушенный временемъ. По сѣверную сторону этого вала (но не въ немъ самомъ), расположены, на разстояніи пяти верстъ одна отъ другой, сторожевыя глиняныя башни, каждая сажени три вышиною и столько же въ квадратѣ у основанія. Теперь эти башни совершенно заброшены, но прежде въ каждой изъ нихъ жило по десяти человѣкъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы передавать сигналами вѣсть о вторженіи непріятеля. Подобная сторожевая линія тянулась, какъ говорятъ, отъ Илійской провинціи до самаго Пекина, и извѣстія по ней передавались съ чрезвычайною быстротою. Сигналомъ служилъ дымъ, который поднимался съ вершины башни, для чего здѣсь зажигался огонь. Монголы увѣряли насъ, что въ подобномъ случаѣ употреблялся волчій пометъ, смѣшанный съ небольшимъ количествомъ бараньяго; по наивнымъ увѣреніямъ разскащиковъ, дымъ отъ такого аргала всегда поднимается вертикально, хотя бы даже въ сильный вѣтеръ.

Въ двухъ верстахъ за Великою стѣною лежитъ небольшой городъ *Даджинъ*, уцѣлѣвшій отъ дунганскаго разоренія. Во время нашего прохода здѣсь стояла тысяча человѣкъ китайскаго войска, именно солоновъ, пришедшихъ изъ Манчжуріи съ береговъ Амура. Всѣ они хорошо знали русскихъ, нѣкоторые даже говорили кое-какъ по русски, и къ крайнему нашему удивленію привѣтствовали насъ словами: «здаластуй, како живешь».

Караванъ нашъ не пошелъ въ самый городъ, но остановился тотчасъ за глинянымъ валомъ, гдѣ мы надѣялись хотя немного избавиться отъ непрошенныхъ гостей. Не тутъ то было! Въ одно мгновеніе вѣсть о нашемъ прибытіи облетѣла весь городъ и къ намъ повалили огромныя толпы любопытныхъ зѣвакъ. Недовольствуясь смотрѣніемъ на «заморскихъ чертей» издали, китайцы лѣзли къ намъ въ палатку и не давали ни минуты покою. Напрасно гнали мы ихъ отъ себя, даже травили собакою, ничто не помогало; уходила одна толпа, на смѣну ея являлась другая и снова начиналась прежняя исторія. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣзжали различные чиновники, которые

[1]) Сажени три вышиною, при такой же толщинѣ у основанія.

Digitized by Google

просили показать имъ ружья и что нибудь подарить. Получивъ отказъ, они требовали нашъ паспортъ и грозились не пустить далѣе. Такія испытанія продолжались цѣлыхъ два дня, т. е. все время, которое мы простояли вблизи Даджина. Въ послѣднемъ мы нашли большую рѣдкость, именно превосходныя кислыя булки, печеныя на дрожжахъ [1]). Ни прежде, ни послѣ, мы не встрѣчали подобнаго хлѣба, котораго конечно набрали побольше въ дорогу. Откуда зашло сюда такое хлѣбопеченіе я не знаю, хотя солоны говорили намъ, что они, лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, научили мѣстныхъ пекарей подобному искусству, перенятому на Амурѣ отъ русскихъ [2]).

Болѣе удобный путь изъ Ала-шаня въ кумирню Чейбсенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ г. Сининъ и на оз. Куку-норъ, лежитъ на города *Са-янь-чинъ* и *Джунъ-линъ*, но мы взяли западнѣе и попали въ Даджинъ, собственно для того, чтобы избавиться китайскихъ городовъ и густаго населенія, которое вездѣ разсыпано по восточной, болѣе удобной дорогѣ. Наши спутники такъ хорошо знали, какимъ притѣсненіямъ они подвергнутся со стороны китайскихъ властей и солдатъ, путешествуя въ раіонѣ густаго населенія, что рѣшились лучше идти горными тропинками, ведущими отъ Даджина къ Чейбсену, по мѣстностямъ малонаселеннымъ, или разореннымъ дунганами.

---

[1]) Въ Китаѣ хлѣбъ употребляется лишь бѣлый и при томъ всегда прѣсный.

[2]) Впрочемъ миссіонеръ Гюкъ, въ своемъ описаніи путешествія по Татаріи, говоритъ о превсходныхъ кислыхъ хлѣбахъ, встрѣченныхъ имъ въ Гань-су, возлѣ города Са-янь-чинъ, слѣдовательно, также недалеко отъ Даджина. Hue. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 33.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Провинція Гань-су.

Переходъ отъ Даджина до кумирни Чейбсенъ. — Описаніе этой кумирни. — Народъ далды. — Горы Гань-су. — Очеркъ ихъ климата, флоры и фауны. — Наше лѣтнее пребываніе въ этихъ горахъ. — Горы Соди-Соруксумъ и Гаджуръ. — Озеро Демчукъ. — Опасная стоянка возлѣ Чейбсена. — Сборы на Куку-норъ. — Слѣдованіе къ Муръ-засаку. — Характеръ бассейна верхняго теченія р. Тэтунгъ-гола. — Мы на берегахъ Куку-нора.

Утромъ, 20-го іюня, мы оставили Даджинъ и, въ тотъ же день, поднялись на горы Гань-су, гдѣ сразу встрѣтили новый климатъ и новую природу. Высокое абсолютное поднятіе, огромныя горы, иногда достигающія предѣловъ вѣчнаго снѣга, черноземная почва, наконецъ, чрезвычайная сырость климата и, какъ слѣдствіе ея, обиліе воды—вотъ что нашли мы съ первымъ шагомъ на гористое плато Гань-су, отстоящее всего на 40 верстъ отъ пустынь Ала-шаня. Флора и фауна также измѣнились чрезвычайно рѣзко: богатѣйшая травянистая растительность покрыла собою плодородныя степи и долины, а густыя лѣса осѣнили высокіе и крутые горные склоны; животная жизнь явилась также въ богатомъ разнообразіи....

Но будемъ продолжать по порядку.

Подобно тому, какъ и въ другихъ горахъ Монголіи, окрайній хребетъ Гань-су развивается вполнѣ къ равнинѣ Ала-шаня, но на противоположной сторонѣ спуски его коротки и пологи. Даже вѣчно снѣговыя гряды *Куліанъ* и *Ліанъ-чжу*, которыя оставались верстахъ въ пятидесяти вправо отъ нашего пути, и тѣ, сколько было видно издали, не рѣзко спускаются къ сторонѣ нагорья и имѣютъ здѣсь, т. е. на южномъ скатѣ, только небольшіе, спорадически разбросанные пласты снѣга.

Отъ подошвы окрайнихъ горъ до высшей точки перевала, подъемъ направляется по ущелью, замкнутому отвѣсными скалами глинистаго сланца; дорога довольно хороша, даже удобна для колесной ѣзды. Сами горы высоки, съ крутыми боковыми скатами, покрытыми пре-

Digitized by Google

восходными пастбищами, а возлѣ гребня даже и небольшими лѣсами, которые, впрочемъ, остались въ сторонѣ нашего пути.

Недалеко за переваломъ, отстоящемъ на 28 верстъ отъ наружной окраины описываемыхъ горъ, лежитъ небольшой китайскій городокъ *Да-и-гу*, разоренный дунганами, но занятый, во время нашего прохода, тысячею китайскихъ солдатъ. Абсолютная высота этого города равняется 8600 фут., между тѣмъ какъ Даджинъ поднимается лишь на 5900 фут. надъ уровнемъ моря [1]).

Оставляя влѣво городокъ *Сунз-Шань*, также разоренный дунганами, мы пошли на прямикъ, по холмистой степи, которая раскинулась тотчасъ за окрайнимъ хребтомъ, отдѣляя его отъ другихъ горъ, потянувшихся высокимъ гребнемъ впереди насъ.

Теперь намъ уже не нужно было заботиться, ни о пастбищахъ, ни о водѣ, такъ какъ ручьи текли въ каждой ложбинѣ, а сама степь была покрыта превосходною травою и совершенно напоминала луга нашихъ странъ. Правда, мѣстность была вообще холмиста, но она несла настолько степной характеръ, что здѣсь снова появились, даже въ большомъ числѣ, дзерены, которыхъ нѣтъ въ Ала-шанѣ. Вмѣстѣ съ дзеренами, мы встрѣтили небольшой табунъ одичавшихъ лошадей, брошенныхъ на произволъ судьбы, послѣ дунганскаго разоренія. Теперь эти лошади сдѣлались настолько пугливы, что мы напрасно старались поймать хотя одну изъ нихъ.

Слѣды дунганскаго истребленія встрѣчались на каждомъ шагу. Деревни, попадавшіяся очень часто, всѣ были разорены, вездѣ валялись человѣческіе скелеты и нигдѣ не было видно ни одной живой души. Наши спутники трусили ужаснымъ образомъ: ночью они даже не раскладывали огня, на каждомъ привалѣ святили свои ружья и постоянно просили насъ ѣхать впереди. Вскорѣ всѣ эти опасенія разыгрались довольно смѣшнымъ образомъ.

Именно, въ долинѣ р. *Чагрынз-голз* ламы увидѣли нѣсколькихъ человѣкъ, поспѣшно убѣгавшихъ въ горы. Воображая, что это дунганы и притомъ обрадовавшись, что непріятелей такъ мало, наши спутники тотчасъ же начали стрѣлять, хотя до бѣглецовъ было еще очень далеко. Мы съ товарищемъ и казаками бросились къ тому мѣсту, гдѣ началась пальба, думая, что дѣйствительно случилось нападеніе, но, увидавъ въ чемъ дѣло, остались зрителями подвиговъ своихъ спутниковъ. Послѣдніе продолжали стрѣлять все болѣе и болѣе, хотя никого изъ бѣглецовъ уже не было видно. Послѣ выстрѣла, каждый

[1]) Съ подъемомъ на нагорье Гань-су, нашъ анероидъ уже не показывалъ болѣе, такъ что въ дальнѣйшемъ путешествіи мы дѣлали всѣ измѣренія абсолютной высоты только точкою кипѣнія воды.

Digitized by Google

стрѣлявшій кричалъ нѣсколько секундъ во все горло, а потомъ принимался заряжать ружье. Точно также поступаютъ китайскіе солдаты и дунганы во время боя; выстрѣлы у нихъ непремѣнно сопровождаются самыми неистовыми криками для устрашенія врага.

Настрѣлявшись вдоволь, наши храбрые воители пустились въ погоню и поймали одного человѣка, оказавшагося китайцемъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ былъ и дунганъ, такъ какъ магометане-китайцы ни чѣмъ не отличаются отъ своихъ собратій Конфуціева ученія. Пойманнаго рѣшено было казнить, по приходѣ на мѣсто ночлега; до тѣхъ поръ онъ долженъ былъ идти съ нашимъ караваномъ. Дорогою китаецъ отсталъ и спрятался въ густой травѣ, но былъ отысканъ и, во избѣжаніе новаго побѣга, привязанъ своею косою къ хвосту верховаго верблюда.

По приходѣ на мѣсто, картина была еще лучше. Китайца привязали къ вьюку и тутъ же, рядомъ съ нимъ, начали точить саблю, которою намѣревались отрубить плѣннику голову. Въ это время между ламами шелъ горячій споръ: одни хотѣли непремѣнно казнить, другіе помиловать. Китаецъ, знавшій по монгольски, хорошо понималъ о чемъ идетъ рѣчь, но сидѣлъ совершенно спокойно. Мало того, когда сварился чай и ламы начали его пить, то, по привычкѣ, они начали угощать и плѣннаго китайца, словно своего гостя. Къ крайнему нашему удивленію, китаецъ сталъ пить чай съ такимъ аппетитомъ, какъ будто у себя дома; ламы наливали ему чашку за чашкою, а сами вели прежній споръ, относительно казни. Такая исторія показалась намъ черезъ чуръ отвратительною, и мы поскорѣе отправились на экскурсію въ сосѣднія горы. Возвратясь къ вечеру, мы увидѣли китайца еще живымъ и узнали, что, благодаря заступничеству начальниковъ каравана, несчастный былъ помилованъ и оставленъ на привязи лишь до утра.

Перейдя порядочную рѣчку Чагрынъ-голъ, которая течетъ на юго-западъ, къ городу *Джунъ-линъ* [1]), мы снова вступили въ горы не составляющія уже хребта окраины, но нагроможденныя на высокомъ плато этой части Гань-су. Описываемый хребетъ сопровождаетъ съ сѣвера теченіе самого большаго изъ притоковъ верхней Хуанъ-хэ, именно *Тэтунгъ-гола* или *Да-тунъ-хэ* [2]); на южномъ берегу той же рѣки стоитъ другой, не менѣе громадный хребетъ.

[1]) Этотъ городъ лежитъ на Чагрынъ-голѣ, въ 35 верстахъ ниже того мѣста гдѣ мы перешли названную рѣчку, которая, кажется, впадаетъ въ р. Тэтунгъ-голъ.

[2]) Первое названіе этой рѣки монгольское и тангутское, послѣднее — китайское; кромѣ того, монголы называютъ ее «*Уланъ-мурень*».

Digitized by Google

Всѣ эти горы будутъ описаны подробно нѣсколько ниже, а теперь я буду продолжать о нашемъ слѣдованіи къ кумирнѣ Чейбсенъ.

Отъ Чагрынъ-гола нашъ путь, т. е. подъемъ на горный хребетъ, лежалъ ущельемъ р. *Ярлынъ-голъ*[1]), по хорошей и удобной для колесной ѣзды дорогѣ, заброшенной со времени дунганскаго разоренія; жителей по прежнему нигдѣ небыло. Нѣсколько разъ намъ встрѣчались мѣста бывшихъ промывковъ золота, которымъ, какъ говорятъ, очень богаты всѣ здѣшнія горныя рѣчки. Окрестныя горы чрезвычайно обильны водою и несутъ вполнѣ альпійскій характеръ. Подобно тому, какъ на Муни-ула, въ Ала-шаньскомъ хребтѣ и въ большей части другихъ горъ Монголіи, дикій характеръ преобладаетъ въ наружной окраинѣ хребта, гдѣ сгруппировываются самыя громадныя скалы; ближе же къ переваламъ горы имѣютъ болѣе мягкія формы. Впрочемъ и здѣсь иногда являлись исполинскія вершины, какъ напр., гора *Гаджурз*, которая стояла вправо отъ нашего пути; кой-гдѣ на ней лежали остатки зимняго снѣга, но вѣчно снѣговыхъ вершинъ въ описываемомъ хребтѣ не было видно.

Въ тоже время горы, по которымъ мы теперь проходили, начали изобиловать сперва кустарниками, а потомъ и лѣсами, въ особенности на своемъ южномъ склонѣ; превосходные луга разстилались вездѣ по долинамъ и открытымъ скатамъ верхняго пояса. Новые виды растеній попадались на каждомъ шагу, чуть не каждый выстрѣлъ доставлялъ какую нибудь новую птицу; но всѣ эти сокровища намъ удавалось только хватать мимоходомъ, такъ какъ наши спутники, спѣша въ свою кумирню и боясь дунганей, шли безъ остановокъ. Къ довершенію несчастія, ежедневно лили дожди, и сырость стояла ужасная; собранныя коллекціи не было возможности просушить дорогою и онѣ портились; ружья и всѣ желѣзныя вещи ржавѣли до крайности.

Перейдя черезъ перевалъ, который имѣетъ весьма пологій подъемъ и только нѣсколько болѣе крутой спускъ, мы остановились ночевать въ горахъ. Здѣсь опять случилась исторія. Наши казаки, ходившіе передъ вечеромъ за дровами, замѣтили въ одномъ изъ ближайшихъ ущелій огонь и возлѣ него какихъ-то людей. Тотчасъ объ этомъ было дано знать въ лагерь и здѣсь все зашевелилось. Предполагая, что видѣнные люди разбойники, дожидающіе ночи для нападенія на насъ, мы рѣшили идти къ нимъ, пока еще не совершенно стемнѣло. Изъ людей каравана къ намъ присоедини-

[1]) Эта рѣчка впадаетъ въ Чагрынъ-голъ; идя по ея ущелью мы встрѣтили, въ одной изъ береговыхъ скалъ, высѣченное на камнѣ изображеніе Майдари, сажени двѣ вышиною.

Digitized by Google

лось восемь человѣкъ и въ томъ числѣ пріятель Рандземба. Войдя въ ущелье, мы начали осторожно подкрадываться къ огню, но бывшіе при немъ люди замѣтили насъ и пустились на уходъ. Тогда ламы съ крикомъ бросились за убѣгавшими, но погоня оказалась невозможною въ густыхъ кустахъ, при наступившихъ уже сумеркахъ съ сильнымъ дождемъ. Мы всѣ собрались возлѣ огня, на которомъ варилась въ чугунной чашѣ какая-то ѣда; тутъ же лежалъ мѣшокъ съ различными пожитками. Судя по костру, людей при немъ было очень немного; полагая, что это, быть можетъ, и не разбойники, наши товарищи стали кричать ушедшимъ по монгольски, тангутски и китайски, приглашая ихъ вернуться къ костру. Въ отвѣтъ на это, изъ кустовъ, росшихъ по скату горы, раздался выстрѣлъ и пуля просвистала возлѣ насъ. За такую дерзость мы рѣшили проучить стрѣлявшаго и пустили десятка полтора пуль по направленію дыма, склубившагося на мѣстѣ выстрѣла съ горы; ламы также принялись стрѣлять, и Рандземба, конечно, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Долго послѣ этого онъ не могъ ничего разсказать про дѣйствіе скорострѣльныхъ ружей и, возвратясь въ лагерь, на всѣ вопросы своихъ товарищей только твердилъ: «ай лама, лама», «ай лама, лама, лама» [1]), трясъ головою и махалъ руками, выражая тѣмъ удивленіе, переходившее границы.

Ночью рѣшено было караулить, и мы легли спать, какъ обыкновенно, съ оружіемъ подъ изголовьемъ. Не успѣлъ я еще задремать, какъ возлѣ самой нашей палатки раздался выстрѣлъ и крикъ. Схвативъ штуцера и револьверы, мы выскочили на дворъ, но оказалось, что это стрѣлялъ нашъ караульный на воздухъ. «Для чего ты дѣлалъ это», спросилъ я у него; «а для того, чтобы разбойники знали, что мы караулимъ», отвѣчалъ лама. Такой способъ караула намъ пришлось видѣть впослѣдствіи и въ китайскихъ войскахъ, по крайней мѣрѣ у милиціи, собранной для защиты кумирни Чейбсенъ.

Утромъ слѣдующаго дня вся предшествовавшая исторія разъяснилась. Лишь только разсвѣло, какъ пришли два охотника тангута, и объявили, что люди, убѣжавшіе вчера отъ костра, были они съ двумя другими товарищами, изъ которыхъ одинъ стрѣлялъ, принявши насъ за дунганъ. Что сдѣлалось затѣмъ съ нимъ, послѣ нашей отвѣтной стрѣльбы, они не знаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пришедшіе просили возвратить имъ мѣшокъ съ одеждою, забранный ла-

[1]) Такое выраженіе употребляется тангутами въ смыслѣ нашего: «ахъ, Боже мой»

Digitized by Google

мами; однако наши спутники не возвратили этого мѣшка, да еще отколотили тангутовъ за то, какъ смѣлъ ихъ товарищъ стрѣлять въ насъ.

Двинувшись въ путь, мы вскорѣ увидѣли, въ первый разъ, кочевья *тангутовъ*, ихъ черные шатры и стада длинношерстыхъ *яковъ*, называемыхъ у монголовъ *сарлыками*. Затѣмъ, переваливъ еще нѣсколько отроговъ главнаго хребта, мы вышли на берегъ Тэтунгъ-гола и остановились на ночевку вблизи тангутской кумирни *Чертынтонъ*. Благодаря своему неприступному положенію въ горахъ, эта кумирня уцѣлѣла отъ дунганей и въ ея окрестностяхъ сгруппировалось довольно густое тангутское населеніе.

Подробно о тангутахъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ; теперь же упомяну только, что, по своему наружному виду, они много напоминаютъ нашихъ цыганъ и такое сходство бросилось намъ въ глаза съ перваго же раза.

Рѣка Тэтунгъ-голъ, тамъ гдѣ мы теперь на нее вышли, т. е. въ среднемъ теченіи, имѣетъ сажень двадцать ширины и быстро мчится по своему ложу, усѣянному валунами всевозможной величины. Мѣстами, запертая съ боковъ громадными отвѣсными скалами, эта буйная рѣка прихотливо ломаетъ русло, реветъ и мечется между камнями. Тамъ, гдѣ горы отодвигаются немного въ сторону, Тэтунгъ всегда образуетъ живописную долину; въ одномъ такомъ мѣстѣ, пріютилась, подъ громадными скалами, кумирня Чертынтонъ.

Ея настоятель—гыгенъ, оказался весьма любознательнымъ человѣкомъ. Узнавъ о прибытіи русскихъ, онъ тотчасъ же пригласилъ насъ къ себѣ пить чай и познакомиться. Мы, съ своей стороны, подарили гыгену стереоскопъ, которымъ святой остался чрезвычайно доволенъ, такъ что у насъ сразу завязались хорошія отношенія, даже дружба. Къ сожалѣнію, этотъ гыгенъ, родомъ тангутъ, не говорилъ по монгольски, такъ что необходимо было призвать переводчика тангутскаго языка. Мы объяснялись съ помощію своего казака бурята и этого переводчика, отправляя каждую фразу черезъ два лица къ третьему, и такимъ же путемъ получая отвѣтъ. Чертынтонскій гыгенъ былъ даже художникъ и, впослѣдствіи, нарисовалъ картину, изображавшую наше первое съ нимъ свиданіе.

Долина Тэтунгъ-гола врѣзана очень глубоко въ горный массивъ Гань-су, такъ что кум. Чертынтонъ поднимается лишь на 7,200 фут. надъ уровнемъ моря. Это было самое низкое мѣсто, найденное нами во всей гористой области Гань-су, но, конечно, далѣе къ востоку, т. е. къ сторонѣ Хуанъ-хэ, долина Тэтунга понижается еще болѣе.

Digitized by Google

Переправа черезъ Тэтунгъ-голъ вбродъ возможна только при низкомъ стояніи воды, да и то крайне затруднительна, а потому черезъ рѣку устроенъ мостъ въ трехъ верстахъ выше кумирни Чертынтонъ. Такъ какъ верблюды со вьюкомъ не могли пройдти сквозь узкія ворота, поставленныя на обоихъ концахъ этого моста, то намъ пришлось развьючивать своихъ животныхъ и нанимать китайцевъ перетащить поклажу на другую сторону рѣки. Здѣсь разбили мы свою палатку и принуждены были простоять пять сутокъ, по случаю болѣзни казака Чебаева. Спутники наши не могли ожидать такъ долго, а потому одни отправились въ кумирню Чейбсенъ, до которой оставалось уже не болѣе семидесяти верстъ.

Невольная пятидневная остановка возлѣ Тэтунгъ-гола была для насъ какъ нельзя болѣе пріятна, такъ какъ мы могли въ это время сдѣлать нѣсколько экскурсій въ сосѣднія горы, и хотя немного познакомиться съ ихъ флорою и фауною. Богатство той и другой привели меня къ рѣшенію, вернуться сюда изъ кумирни Чейбсенъ и посвятить цѣлое лѣто болѣе подробному изученію горъ, окрестныхъ кумирнѣ Чертынтонъ.

По словамъ нашихъ спутниковъ и мѣстнымъ жителей, съ вьючными верблюдами невозможно было пройдти черезъ горный хребетъ, стоящій по правую (южную) сторону Тэтунга [1]) а потому мы оставили своихъ животныхъ на пастбищѣ возлѣ Чертынтона [2]), и принуждены были нанять китайцевъ перевезти, на мулахъ и ослахъ, нашъ багажъ въ кумирню Чейбсенъ. За эту перевозку мы заплатили 17 ланъ, и 1-го іюля двинулись вверхъ по одному изъ притоковъ Тэтунга, именно по р. *Ранихта-голъ*. Узкая тропинка ведетъ здѣсь ущельемъ, гдѣ живутъ тангуты, частію въ черныхъ палаткахъ, болѣе же въ деревянныхъ избахъ. Окрестныя горы сплошь покрыты лѣсами, которые въ верхнемъ поясѣ замѣняются густою массою кустарниковъ. Громадныя скалы торчатъ со всѣхъ сторонъ и запираютъ собою узкія боковыя ущелья; скаты горъ вообще чрезвычайно круты. На самомъ перевалѣ тропинка вьется зигзагами чуть не по отвѣсной горѣ; вьючнымъ животнымъ идти здѣсь чрезвычайно трудно. За то съ перевала открывается великолѣпный видъ на холмистую равнину, которая раскинулась тотчасъ за горами. Я никогда не забуду, какъ однажды, съ того же самаго перевала мы увидѣли эту равнину сплошь покрытую кудреватыми, ярко-бѣлыми

---

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что переходъ съ вьючными верблюдами здѣсь возможенъ, хотя и очень затруднителенъ.

[2]) Здѣсь же были оставлены и всѣ верблюды тангутскаго каравана.

Digitized by Google

облаками, въ то время, какъ надъ нами блистало солнце на совершенно ясномъ, темно голубомъ небѣ.

Къ сторонѣ, противоположной Тэтунгъ-голу, описываемый хребетъ обрывается крутымъ и короткимъ склономъ [1]). Далѣе разстилается обширная холмистая и частію гористая площадь, потянувшаяся къ городу Синину, за которымъ вновь виднѣются громадныя отчасти снѣговыя горы. Вся эта площадь превосходно обработана и густо заселена китайцами, тангутами и племенемъ *далды*. Здѣсь же расположены города: *Нимъ-би* и *У-ямъ-бу*, а далѣе къ западу — *Сининъ*, *Донкыръ* и *Сэнъ-гуанъ*. Послѣдній изъ нихъ, равно какъ и Сининъ, во время нашего прихода, находились во власти магометанскихъ инсургентовъ.

Изъ трехъ вышеупомянутыхъ племенъ, населяющихъ собою эту часть провинціи Гань-су [2]), я скажу теперь только о народѣ далды [3]), который обитаетъ на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ въ окрестностяхъ городовъ Нимъ-би, У-ямъ-бу, Синина и кум. Чейбсенъ; вблизи послѣдней описываемое племя, по числу, составляетъ половину всего населенія.

По своему наружному виду далды, гораздо ближе подходятъ къ монголамъ, нежели къ китайцамъ, хотя, подобно послѣднимъ, живутъ осѣдло въ фанзахъ и занимаются земледѣліемъ, но не скотоводствомъ. Лицо у описываемаго народа плоское и округленное; скулы выдавшіяся; глаза и волосы черные; ротъ средній, иногда большой; сложеніе тѣла довольно плотное. Мущины брѣютъ бороду [4]) и голову, но оставляютъ косы, также какъ китайцы; молодыя женщины сплетаютъ всѣ волосы на затылкѣ и носятъ изъ дабы особый головной уборъ квадратной формы, безобразно большихъ размѣровъ. Пожилыя женщины не носятъ подобнаго убора, но сплетаютъ свои волосы позади головы въ косу, а спереди раздѣляютъ ихъ на двѣ половины. Одежда какъ мущинъ, такъ и жен-

[1]) Отъ Тэтунгъ-гола, по ущелью р. Рангхта, до высшей точки перевала 34 версты; между тѣмъ какъ на южномъ спускѣ, отъ того же самаго перевала до выхода изъ горъ только 9 верстъ.

[2]) Эта провинція на сѣверѣ, граничитъ съ Монголіею, на востокѣ съ губерніею Шэнь-си, на югѣ съ Сы-чуанью и Куку-норомъ. На западѣ Гань-су, до послѣдняго возстанія дунганъ, выдавалась очень длиннымъ рукавомъ, захватывая округи Баркюль и Урумци на восточномъ Тянь-шанѣ.

[3]) О тангутахъ будетъ изложено въ слѣдующей главѣ; китайцы въ Гань-су тѣже самые что и въ остальномъ Китаѣ; монголы встрѣчаются лишь въ верховьяхъ Тэтунга, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя, по своему административному раздѣленію, относятся къ Куку-нору.

[4]) Противоположно монголамъ и китайцамъ, у далды, кажется, сильно растетъ борода.

Digitized by Google

щинъ, походитъ на таковую же у китайцевъ, смѣшанно съ которыми, равно какъ и съ осѣдлыми тангутами, живетъ описываемое племя. Религія у далды Буддайская.

Мы только мимоходомъ видѣли этотъ народъ [1]), а потому я не могу доставить о немъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. «Худые люди и плохаго ума», говорили намъ про далды монголы; по словамъ тѣхъ же разскащиковъ, языкъ описываемаго племени составляетъ смѣсь монгольскихъ, китайскихъ и собственныхъ словъ [2]).

На сѣверной окраинѣ вышеупомянутой холмистой площади лежитъ кумирня *Чейбсенъ*, которая была исходнымъ пунктомъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій въ Гань-су.

Эта кумирня находится въ шестидесяти верстахъ къ с.-с.-востоку отъ Синина, подъ 37°,3′ сѣв. шир., по произведенному мною наблюденію высоты полярной звѣзды и подъ 70°,38′ вост. долготы отъ Пулкова, по приблизительному вычисленію на существующихъ картахъ. Абсолютная высота мѣстности равняется здѣсь 8,900 футамъ. Описываемая кумирня состоитъ изъ главнаго храма, обнесеннаго глиняною стѣною, и другихъ меньшихъ пристроекъ, къ которымъ примыкаютъ нѣсколько десятковъ, быть можетъ даже съ сотню, фанзъ. Всѣ онѣ разорены дунганами за три года до нашего прихода; уцѣлѣлъ отъ погрома только одинъ главный храмъ, защищенный стѣною.

Храмъ этотъ сдѣланъ изъ кирпича и имѣетъ квадратную форму, общую всѣмъ буддійскимъ кумирнямъ. Бока кумирни расположены по странамъ свѣта, а съ юга находится входъ съ тремя дверями; передъ этимъ входомъ выстроена каменная эстрада, на которую ведутъ нѣсколько ступенекъ. Крыша кумирни имѣетъ форму обыкновенныхъ кровель, т. е. ската на обѣ стороны; она обита листами вызолоченной мѣди, а по угламъ придѣланы изображенія драконовъ.

Въ срединѣ храма, какъ главное божество, помѣщенъ Шакъямуни, т. е. Будда, сдѣланный изъ вызолоченной мѣди и представляющій собою сидящаго человѣка, сажени двѣ вышиною. Передъ этимъ кумиромъ постоянно горитъ лампа и стоятъ большіе томпаковые сосуды съ

---

[1]) Возлѣ Чейбсена далды живутъ не ближе семи, или восьми верстъ; не возбудивъ крайняго подозрѣнія, мы не могли отправиться къ нимъ для изученія особенностей этого племени; узнавать на этотъ счетъ по распросамъ также было крайне затруднительно.

[2]) Любопытныя замѣчанія, почерпнутыя изъ китайскихъ источниковъ, о племени далды, равно какъ и о другихъ народахъ, населяющихъ Гань-су, сдѣланы нашимъ Пекинскимъ синологомъ архимандритомъ Палладіемъ, и помѣщены въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Геогр. Общества» за 1873 годъ № 9, стр. 305.

Digitized by Google

водою, водкою, рисомъ и ячменною мукою. Справа и слѣва Будды поставлено по одному, также большому, идолу, передъ которыми находятся сосуды съ ѣдою, но огонь постоянно не горитъ.

Вокругъ трехъ стѣнъ кумирни помѣщается въ шкафахъ тысяча мелкихъ мѣдныхъ божковъ, величиною отъ 1—2 футовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ особенную позу и аттрибуты, между которыми есть до безобразія циничные.

Вся эта тысяча боговъ была сдѣлана, по заказу Джанджы-гыгена, въ Долонъ-норѣ и перевезена оттуда въ Ала-шань; отсюда до Чейбсена транспортъ доставилъ на свой счетъ Ала-шаньскій князь.

Дворъ, на которомъ расположена описываемая кумирня, обнесенъ квадратною галлереею, примыкающею къ главной стѣнѣ. Бока этой галлереи имѣютъ каждый въ длину около сотни шаговъ и всѣ исписаны картинами, представляющими подвиги различныхъ боговъ и героевъ. Здѣсь фантазіи, притомъ самой грубой, нѣтъ конца: змѣи, черти, различныя страшилища—все это перемѣшано во всевозможныхъ формахъ и положеніяхъ.

На рѣшеткѣ, ограждающей бока галлереи, устроены, въ разстояніи сажени одна отъ другой, небольшія желѣзныя урны, куда вложены молитвы, писанныя на бумагѣ. Усердные вѣрующіе, ежедневно являющіеся въ кумирню, не довольствуются однимъ изустнымъ чтеніемъ молитвъ, но въ тоже время вертятъ урны, такъ что, по ихъ понятіямъ, вдвойнѣ умилостивляютъ бога.

Число ламъ въ кумирнѣ Чейбсенъ, во время нашего тамъ пребыванія, простиралось до полутораста [1]); кромѣ того, здѣсь жилъ гыгенъ. Содержаніе Чейбсена производится на счетъ Джанджы-гыгена и добровольныхъ приношеній богомольцевъ. Для послѣднихъ, въ большіе праздники, устроивается угощеніе изъ чая съ молокомъ и жаренной ячменной муки, такъ называемой *дзамбы*. Послѣдняя составляетъ универсальное кушанье всѣхъ тангутовъ и монголовъ въ Гань-су и Куку-норѣ. Приготовленіе ея производится самымъ простымъ способомъ: сначала поджариваютъ голый ячмень [2]) на огнѣ, а потомъ мелютъ его на жерновахъ и получаютъ муку, которую завариваютъ горячимъ чаемъ и ѣдятъ вмѣсто хлѣба.

Кромѣ ламъ, состоящихъ при кумирнѣ, въ Чейбсенѣ, во время нашего пребыванія, находилось около тысячи человѣкъ милиціи (изъ монголовъ, китайцевъ, тангутовъ и далды), собраной здѣсь для защиты отъ дунганъ, владѣнія которыхъ лежали всего на разстояніи пятнадцати верстъ

[1]) До дунганскаго возстанія этихъ ламъ, какъ говорятъ, здѣсь было вдвое болѣе.
[2]) Порода ячменя, разводимая въ Гань-су, даетъ голое зерно.

Digitized by Google

отъ кумирни. Съ дунганской стороны постоянно являлись партіи грабителей, которые угоняли скотъ и убивали людей. Пѣшіе, притомъ почти безоружные милиціонеры [1]), ничего не могли сдѣлать конным разбойникамъ, грабившимъ днемъ подъ стѣнами самой кумирни.

Въ окрестностяхъ этой послѣдней, именно въ семи верстахъ къ востоку, находится такая же глиняная стѣна съ башнями, какую мы встрѣтили на границѣ Гань-су. По словамъ мѣстныхъ жителей, этотъ валъ, сильно разрушенный временемъ, тянется отъ Синина, черезъ г. Тэтунгъ, до г. Гань-чжеу.

По приходѣ въ Чейбсенъ, мы были встрѣчены своими дорожными пріятелями-донирами и помѣстились въ большой пустой фанзѣ, которая служила складомъ продовольствія и идоловъ, получившихъ почему либо отставку. Въ этомъ просторномъ помѣщеніи мы могли разложить и просушить собранныя дорогою коллекціи, сильно пострадавшія отъ страшной сырости, какая встрѣчается вездѣ на нагорьи Гань-су. Какъ обыкновенно, съ перваго же дня не было отбоя отъ любопытныхъ, приходившихъ смотрѣть на невиданныхъ людей и надоѣдавшихъ невыносимо съ ранняго утра до поздней ночи. Едва мы выходили изъ своей фанзы, какъ являлась густая толпа, неотставшая даже и въ томъ случаѣ, если кому-либо изъ насъ приходилось отправиться за необходимымъ дѣломъ. Наши коллекціи всего болѣе возбуждали удивленія и догадокъ. Нѣкоторые начали подозрѣвать, что собираемыя растенія, шкуры птицъ и пр., все очень цѣнныя вещи, но только мѣстные жители не знаютъ въ нихъ толку. Впрочемъ, моя репутація, какъ доктора, собирающаго лекарства, нѣсколько разсѣяла подобныя подозрѣнія.

Цѣлую недѣлю пробыли мы въ Чейбсенѣ, занимаясь снаряженіемъ въ горы на остальную часть лѣта. Прежде всего мы купили за 110 ланъ четырехъ муловъ, и наняли къ себѣ въ услуженіе монгола, знавшаго тангутскій языкъ.

Закупка другихъ мелочей оказалась весьма затруднительною, такъ какъ, по случаю дунганскихъ грабежей, торговля находилась въ сильномъ застоѣ. Однако, благодаря посредничеству донировъ, мы достали необходимое, хотя за все пришлось платить очень дорого. Здѣсь кстати сказать, что въ Чейбсенѣ мы встрѣтили опять новый счетъ денегъ, новый вѣсъ и мѣру. Такъ на ланъ серебра здѣсь давали, среднимъ числомъ, 6,500 чохъ, считая пятьдесятъ за сто; единица вѣса — гинъ явился двухъ сортовъ: одинъ заключалъ въ себѣ 16 ланъ, а другой 24 лана; къ общей мѣрѣ емкости сы-

[1]) Вооруженіе ихъ заключалось почти исключительно въ пикахъ

Digitized by Google

пучихъ тѣлъ—*ду*, здѣсь присоединилась новая — *шинъ*, содержащій въ себѣ около пяти гиновъ дзамбы или ячменя [1]).

Оставивъ всю лишнюю кладь въ Чейбсенѣ, мы завьючили необходимыя вещи на купленныхъ муловъ, а также на двухъ своихъ лошадей, и 10-го іюля отправились обратно въ горы, лежащія по среднему теченію Тэгунга, вблизи кумирни Чертынтонъ.

Здѣсь я сдѣлаю отступленіе и попытаюсь набросать общую характеристику горъ, наполняющихъ собою изслѣдованную нами часть провинціи Гань-су, т. е. ту, которая лежитъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ оз. Куку-нора.

Нешироκая котловина этого альпійскаго озера со всѣхъ сторонъ замыкается горами, составляющими непосредственное продолженіе тѣхъ громадныхъ хребтовъ, которые наполняютъ собою сѣверо-восточный уголъ Тибета и страну, орошаемую верхнимъ теченіемъ Желтой рѣки. Отсюда, т. е. отъ верховьевъ Хуанъ-хэ, горные массивы, двойнымъ рукавомъ, съ сѣвера и юга, обходятъ оз. Куку-норъ, и тянутся еще далеко къ западу [2]), образуя какъ бы полуостровъ, рѣзко ограниченный съ юга соляными болотами Цайдама, а съ сѣвера обширными равнинами Гоби. Къ сторонѣ этой послѣдней, горы Гань-су, какъ мы видѣли выше, обрываются крутою стѣною, за которою лежитъ высокое плато, потянувшееся, черезъ Куку-норъ и Цайдамъ, до хребта Бурханъ-Буда, составляющаго сѣверную окраину еще выше поднятаго Тибетскаго нагорья.

Если обратимся теперь къ горамъ собственно Гань-су, въ изслѣдованной нами части этой провинціи, то увидимъ, что онѣ состоятъ здѣсь изъ трехъ параллельныхъ между собою хребтовъ. Одинъ изъ нихъ окаймляетъ высокое плато къ сторонѣ Ала-шаня, а два другіе нагромождены на этомъ плато, и сопровождаютъ теченіе самой большой изъ здѣшнихъ рѣкъ — *Тэтунгъ-гола*. На востокѣ, съ приближеніемъ къ Хуанъ-хэ, описываемыя горы, какъ говорятъ, значительно понижаются, но за то, по мѣрѣ удаленія къ западу, онѣ растутъ все болѣе и болѣе, такъ что наконецъ достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга въ истокахъ рѣкъ *Эцзинэ-голъ* и *Толай-голъ* [3]). Очень можетъ быть, что здѣсь всѣ три горныхъ хребта соединяются

---

[1]) «Шинъ», составляющій 10-ю часть «ду», употребляется въ Китаѣ, но намъ въ путешествіи эта мѣра встрѣтилась впервые въ Чейбсенѣ.

[2]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ мѣстныхъ жителей, горы, окружающія Куку-норъ, тянутся верстъ на 500 къ западу отъ этаго озера.

[3]) Рѣка *Эцзинэ-голъ*, вмѣстѣ съ своимъ лѣвымъ притокомъ *Толай-голъ*, течетъ прямо на сѣверъ и орошаетъ сначала воздѣлываемыя земли возлѣ городовъ *Гань-чжеу* и *Су-чжеу*, а затѣмъ выходитъ въ пустыню и впадаетъ въ озеро *Сого-норъ*.

Digitized by Google

между собою, или образуютъ новыя развѣтвленія, но, во всякомъ случаѣ, западнѣе истоковъ вышеназванныхъ рѣкъ, горы Гань-су снова мельчаютъ въ своихъ размѣрахъ и вскорѣ оканчиваются, быть можетъ явственнымъ хребтомъ, а быть можетъ и расплываются въ общемъ надутіи Гоби.

Всѣ эти горы извѣстны у китайцевъ подъ общимъ именемъ *Сюэ-шань* или *Нань-шань*. Отдѣльные хребты не имѣютъ особенныхъ названій, а потому, во избѣжаніе сбивчивости, я назову тотъ изъ нихъ, который стоитъ по лѣвую сторону Тэтунга, «сѣвернымъ» а правую — «южнымъ»; горы же къ сторонѣ Ала-шаня назовутся «окрайнимъ хребтомъ». Такія имена я даю только для удобства описанія, безъ всякого намѣренія пріурочить ихъ къ названнымъ горамъ на будущее время.

Какъ сѣверный, такъ и южный хребты во многомъ сходны между собою, всего же болѣе въ дикомъ, вполнѣ альпійскомъ характерѣ. Узкія и глубокія ущелья, громаднѣйшія скалы, вездѣ чрезвычайно крутые склоны — вотъ общій топографическій характеръ того и другаго хребта. Отдѣльныя вершины поднимаются по среднему теченію Тэтунгъ-гола, до высоты 14,000 футовъ [1]), но не достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга. Снѣжныя горы, какъ сказано выше, отодвигаются далѣе къ западу и лежатъ вблизи городовъ Лань-чжеу и Гань-чжеу, а также на верховьяхъ Тэтунга и Эцзинэ; кромѣ того, снѣговая гряда виднѣется за городомъ Сининомъ. Затѣмъ, въ остальной горной части Гань-су, къ западу отъ Хуанъ-хэ, равно какъ и въ бассейнѣ озера Куку-нора, вѣчно-снѣговыхъ вершинъ нѣтъ вовсе.

Хотя перевалъ черезъ сѣверный хребетъ ниже и гораздо менѣе затруднителенъ, нежели перевалъ черезъ горы по южную сторону Тэтунга, но первый хребетъ имѣетъ болѣе высокія вершины, изъ которыхъ одна (*Конкыръ* [2]) даже вѣчно снѣговая. Высокія горы, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ хребтѣ, почитаются тангутами святыми и носятъ названіе «*амнэ*», т. е. «прародитель». Всѣхъ ихъ тринадцать. Онѣ лежатъ въ среднемъ и, частію, въ верхнемъ теченіи Тэтунга, но въ южномъ хребтѣ такихъ «амнэ» считается только три, именно: *Тчалебъ*, *Бсягаръ* и *Гумбумъ-дамаръ*. Въ сѣверномъ же хребтѣ, святыя горы, начиная отъ запада къ востоку, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Мэла*, *Конкыръ*, *Намрки*, *Чжокаръ*, *Рарыутъ*, *Ртахцы*, *Шорунъ-дзунъ*, *Марнту*, *Джагыри* и *Сэньбу* [3]).

---

[1]) Гора Галжуръ въ сѣверномъ хребтѣ.

[2]) Эта гора лежитъ въ верховьяхъ Тэтунга вблизи города *Ю-нань-чень*.

[3]) Незнаю почему къ святымъ горамъ непричисляются очень высокія вершины: *Гаджуръ* въ сѣверномъ хребтѣ и *Соди-соруксумъ* въ южномъ.

Digitized by Google

Изъ горныхъ породъ въ хребтахъ Гань-су преобладаютъ: глинистый и хлоритовой сланцы, известнякъ, фельзитъ, гнейсъ и частью діоритъ. Минеральныя же богатства заключаются въ каменномъ углѣ и въ золотѣ, которое, по словамъ мѣстныхъ жителей, находится почти во всѣхъ горныхъ рѣчкахъ; каменно-угольныя залежи разработываются китайцами, вблизи кумирни Чертынтонъ.

Гористая область Гань-су подвержена землетрясеніямъ, которыя иногда бываютъ такъ сильны, что, по разсказамъ жителей, разрушаютъ даже фанзы. Мы лично только однажды[1]) наблюдали здѣсь слабый подземельный ударъ, произведшій легкое сотрясеніе почвы.

Что касается до климата описываемой гористой части Гань-су, то онъ прежде всего характеризуется обиліемъ водяныхъ осадковъ, въ особенности лѣтомъ, отчасти осенью и весною; зимою же, по словамъ жителей, погода стоитъ большею частію ясная, очень холодная въ дни вѣтряные и довольно теплая во время затишья. Лѣтомъ дожди идутъ почти каждый день, не только въ самыхъ горахъ, но даже и въ мѣстностяхъ значительно отъ нихъ удаленныхъ. Мы наблюдали въ іюлѣ — 22 дождливыхъ дня; въ августѣ — 27, въ сентябрѣ — 23. Впрочемъ, изъ послѣднихъ — 12 были снѣжные, такъ какъ, начиная съ 16 сентября, вездѣ уже шелъ снѣгъ, не только въ горахъ, но и въ долинахъ. Результатомъ такаго обилія влаги является чрезвычайная сырость почвы и обиліе горныхъ ручьевъ, или рѣчекъ, которыя текутъ въ каждомъ ущельи.

Средняя температура лѣта довольно низка, въ особенности, если принять во вниманіе, что описываемыя мѣстности лежатъ подъ 38° сѣв. шир. Въ альпійской области горъ, даже въ іюлѣ, трава по ночамъ покрывалась инеемъ, и шелъ снѣгъ въ видѣ крупы. Въ теченіи августа верхній поясъ горъ довольно часто покрывался снѣгомъ, но онъ растаивалъ на солнечныхъ лучахъ; съ сентября же выпадавшій здѣсь снѣгъ уже не таялъ.

Лѣтомъ, когда проглядывало солнце, то оно грѣло сильно, но слишкомъ большихъ жаровъ не было и наивысшая температура, замѣченная нами въ іюлѣ (въ глубокой долинѣ Тэтунга) достигала +31,6 С. въ тѣни. Относительно вѣтровъ, можно сказать, что они были вообще слабы и преобладали въ юго-восточномъ направленіи; кромѣ того, часто стояли затишья. Грозы случались всего болѣе въ іюлѣ и сентябрѣ[2]); въ послѣднемъ мѣсяцѣ онѣ приходили иногда вмѣстѣ со снѣгомъ и даже сильною мятелью.

[1]) 29 іюля, въ 10 часовъ утра, въ южномъ хребтѣ.

[2]) Въ іюлѣ мы наблюдали 14 грозъ, въ августѣ—2, въ сентябрѣ—9; но вообще эти грозы были несильны и не продолжительны.

Digitized by Google

Флора горъ Гань-су, какъ слѣдовало ожидать, очень богата и разнообразна. Обиліе влаги, превосходная черноземная почва[1]), наконецъ, разнообразіе физическихъ условій, отъ подошвы глубокихъ долинъ до предѣла вѣчнаго снѣга—все это даетъ возможность развитію разнообразной растительности. Впрочемъ, собственно лѣсами, въ нашемъ смыслѣ этого слова, богатъ только южный хребетъ и то лишь на своемъ сѣверномъ склонѣ[2]). Подобное явленіе, т. е. произрастаніе лѣсовъ исключительно на сѣверныхъ склонахъ горъ, встрѣчается не только въ сухихъ горахъ Монголіи, какъ напр. на Муни-ула и въ Ала-шаньскомъ хребтѣ, но даже въ богатыхъ влагою и сырымъ климатомъ хребтахъ Гань-су. Словно и здѣсь деревья ищутъ защиты отъ солнца, которое безъ того не особенно часто проглядываетъ во время лѣта.

Какъ обыкновенно въ горныхъ странахъ, лѣса Гань-су растутъ исключительно въ нижнемъ поясѣ горъ, отъ подошвы глубокихъ долинъ, приблизительно, до 9½ или до 10 тыс. фут. Здѣсь на горныхъ склонахъ, а въ особенности въ ущельяхъ, по берегамъ быстрыхъ ручьевъ, растительность является въ такихъ размѣрахъ и разнообразіи, какихъ до сихъ поръ мы нигдѣ не встрѣчали въ горахъ Монголіи. Высокія стройныя деревья, густые кустарники, часто сплотившіеся въ непроницаемыя зарости, разнообразные цвѣты — все это живо напоминало мнѣ роскошную лѣсную природу Амурскаго края; но здѣсь отрадное впечатлѣніе становилось еще сильнѣе, послѣ безплодія Ала-шаньской пустыни.

Съ первымъ шагомъ въ лѣса Гань-су, передъ путешественникомъ являются, какъ знакомцы его родины, такъ и новыя, еще невиданныя имъ породы. Изъ послѣднихъ на первомъ планѣ стоитъ *береза* (Betula Bojapattra?) съ красноватою корою. Дерево это достигаетъ отъ 35—40 фут. вышины, при толщинѣ отъ 1—1½ фут., и, по наружному виду, совершенно походитъ на обыкновенную березу, съ тою лишь разницею, рѣзко бросающеюся въ глаза, что кора у описываемаго вида опадаетъ, такъ что виситъ цѣлыми кучами на стволѣ. Тангуты употребляютъ эту тонкую и мягкую кору для завертокъ, вмѣсто бумаги. Рядомъ съ этою незнакомкою растетъ и наша *бѣлая береза* (Betula alba); оба вида въ самомъ нижнемъ поясѣ лѣсовъ составляютъ преобладающія породы.

Далѣе является *осина* (Populus tremula?), то разбросанно, то рѣже,

---

[1]) Только на безлѣсныхъ скатахъ горъ и въ самомъ верхнемъ ихъ поясѣ, почва глинистая.

[2]) Въ сѣверномъ хребтѣ, возлѣ кумирни Чертынтонъ, лѣсовъ немного; говорятъ, что далѣе къ западу и эти горы покрыты густымъ лѣсомъ.

Digitized by Google

сплошнымъ насажденіемъ; *сосна* (Pinus Massoniana?) и *ель* (Abies obovata?), также, то въ одиночку, то сплошь по горнымъ склонамъ. *Развѣсистый тополь* (Populus sp.) и *ива* (Salix sp.) растутъ почти исключительно по горнымъ долинамъ. Наша *красная рябина* (Sorbus Aucuparia) и рядомъ съ нею другой видъ *Sorbus sp.* съ бѣлыми алебастроваго цвѣта ягодами; оба деревца достигаютъ лишь двухъ сажень высоты, но очень красиво стоятъ часто рядомъ другъ съ другомъ. *Древовидный можжевельникъ* (Juniperus sp.), до 20 фут. вышиною и иногда въ толщину болѣе фута; въ противоположность другимъ лѣснымъ породамъ, онъ растетъ всего болѣе на южныхъ, т. е. на солнечныхъ скатахъ горъ, и поднимается въ область альпійскихъ кустарниковъ почти до 12 тыс. фут. абс. высоты. Тангуты и монголы считаютъ этотъ можжевельникъ священнымъ и употребляютъ его вѣтви для куренія при богослуженіи.

Кустарныя породы въ описываемыхъ лѣсахъ, какъ обыкновенно, всего роскошнѣе развиваются въ горныхъ ущельяхъ по берегамъ ручьевъ. Здѣсь передъ глазами путешественника являются: *двухсаженный жасминъ* (Philadelphus coronarius) сплошь залитой въ іюнѣ своими пахучими цвѣтами; два вида *шиповника* (Rosa sp.), одинъ съ бѣлыми, другой съ розовыми цвѣтами; два вида двухсаженнаго *барбариса* (Berberis sp.), изъ которыхъ одинъ усаженъ колючими шипами въ полтора дюйма длиною; *китайская бузина* (Sambucus chinensis); *кружевникъ* (Ribes sp.), огромными кустами въ десять фут. вышиною, съ крупными но кислыми желтовато-бѣлыми ягодами; *малина* (Rubus pungens), съ превосходными красновато-желтыми ягодами. Другой видъ малины — *Rubus Idaeus?* совершенно походитъ на нашу европейскую, но достигаетъ высоты не болѣе двухъ футовъ и растетъ по открытымъ горнымъ склонамъ, исключительно въ поясѣ альпійскихъ кустарниковъ. Далѣе слѣдуютъ семь или восемь видовъ *жимолости* (Lonicera), изъ которыхъ одинъ доставляетъ съѣдобныя продолговатыя синія ягоды.

Изъ другихъ кустарныхъ породъ въ лѣсахъ Гань-су встрѣчаются: *таволга* (Spiraea sp.), *черная смородина* (Ribes sp.), *вишня* (Prunus sp.), *бересклетъ* (Evonymus sp.), *дикій перецъ* (Daphne altaica?), *кизильникъ* (Cotoneaster sp.), изрѣдка *Hydrangea pubescens* и амурскій кустарникъ *Eleutherococcus senticosus*. Но землячка послѣдняго Lespedeza, доходитъ только до Муни-ула; ея нѣтъ ни въ Ала-шаньскомъ хребтѣ, ни въ горахъ Гань-су; точно также здѣсь вовсе нѣтъ лещины, которая въ такомъ обиліи растетъ въ двухъ вышеназванныхъ горныхъ хребтахъ.

Продолжая далѣе о кустарникахъ Гань-су слѣдуетъ сказать,

Digitized by Google

что берега горныхъ ручьевъ здѣсь часто обростаютъ *ивою* (Salix sp.) и высокою (до 15 фут.) *облепихою* (Hippophaë rhamnoides), гнилыя колючки которой сильно затрудняютъ ходьбу, а по открытымъ горнымъ склонамъ растутъ: *боярка* (Crataegus sp.), *желтая карагана* (Caragana sp.) и *бѣлый курильскій чай* (Potentilla glabra).

Травянистая растительность описываемыхъ лѣсовъ еще болѣе разнообразна На влажной черноземной почвѣ вездѣ растетъ во множествѣ *земляника* (Fragaria sp.), а тамъ, гдѣ эта почва дѣлается мшистою, красивый *мытникъ* (Pedicularis sp.) сплошь заливаетъ небольшія площадки своими розовыми цвѣтами. Въ самыхъ лѣсахъ и по лѣснымъ лужайкамъ разсыпаны: *піоны* (Paeonia sp.), *бузульникъ* (Ligularia sp.). *валеріана* (Valeriana sp.), *василистникъ* (Thalictrum sp.), *герань* (Geranium sp.), *водосборъ* (Aquilegia sp.), *грушевка* (Pyrola rotundifolia), *черемша* (Allium Victorialis), *кровохлебка* (Sanguisorba officinalis), *Rubia javana?*, *Prenanthes sp.*, *Pleurospermum sp.*; *ломонос* (Clematis sp.) вьется по кустарникамъ, а *кипрей* или *Иванъ-чай* (Epilobium angustitolium) мѣстами сплошь покрываетъ своими розовыми цвѣтами луговые горные скаты. Нѣсколько позднѣе, во второй половинѣ лѣта, въ тѣхъ же лѣсахъ являются: *прикрытъ* (Aconitum Lycoctonum, A. volubile), *живокость* (Delphinium sp.), *пижма* (Tanacetum sp.), *чина* (Orobus lathyroides), *поповникъ* (Pyrethrum sinense), *девясилъ* (Inula Britanica), *вонючка* (Cimicifuga foetida); *папоротники* (Polypodium vulgare, Adiantum pedatum, Asplenium sp.) также въ изобиліи встрѣчаются въ описываемыхъ лѣсахъ.

По открытымъ склонамъ горъ лѣснаго пояса растутъ: виды *камнеломки* (Saxifraga), *красная лилія* (Lilium tenuifolium), *змѣеголовникъ* (Dracocephalum Ruyschiana), *Senecio pratensis*, *Schultzia sp.*, *Allium sp.*, *Gentiana sp.*, *Ajuga sp.*

Въ открытыхъ горныхъ долинахъ лѣсной области весною во множествѣ цвѣтетъ *касатикъ* (Iris sp.), а за тѣмъ лѣтомъ здѣсь встрѣчаются: *астра* (Aster tataricus), *щавель* (Rumex acetosa), *кислецъ* (Polygonum polymorphum), *первоцвѣтъ* (Primula sibirica), *незабудка* (Myosotis sp.), *володушка* (Bupleurum sp.), *Gentiana sp.*, *Anemone sp.*, *Artemisia sp*, *Melica sp.*, *Elymus sp.*, *Spodiopogon sp.*, *Lolium sp.*; виды *Ranunculus*, *Oxytropis* и *Potentilla.*

Одинъ изъ видовъ послѣдняго рода, именно наша обыкновенная *гусиная трава* (Potentilla anserina), извѣстная здѣсь подъ именемъ *джума*, доставляетъ съѣдобный корешекъ, который осенью или весною во множествѣ выкапывается китайцами и тангутами. Вынутыя изъ земли корешки сначала моютъ и сушатъ, а затѣмъ отвариваютъ

Digitized by Google

въ водѣ и ѣдятъ съ масломъ или рисомъ; вкусомъ они походятъ на фасоль, или орѣхи.

Злакъ *Lolium sp.*, встрѣчающійся также и въ Ала-шаньскомъ хребтѣ, извѣстенъ какъ ядовитая трава (*хоро-убусу* по монгольски) для всякаго скота и въ особенности для верблюдовъ; мѣстныя животныя знаютъ подобное свойство этой травы и не ѣдятъ ея.

Но самымъ замѣчательнымъ растеніемъ лѣсной области служитъ *лекарственный ревень* (Rheum palmatum), называемый монголами *шара-мото* [1]) а тангутами *Джумца*. Я разскажу о немъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ это растеніе, сколько кажется, еще не изслѣдовалось до сихъ поръ европейцами на мѣстѣ своей родины.

Описываемый ревень имѣетъ у корня отъ 3—4 большихъ, темнозеленыхъ, лопастныхъ листьевъ [2]) изъ средины которыхъ выростаетъ цвѣточный стебель, отъ 7—10 фут. вышины, при толщинѣ, у корня, въ полтора дюйма [3]). У старыхъ экземпляровъ число корневыхъ листьевъ иногда восходитъ до десяти и даже болѣе, но, въ такомъ случаѣ, у нихъ всегда бываетъ и нѣсколько цвѣточныхъ стеблей, такъ что собственно на каждый такой стебель приходится не болѣе трехъ или четырехъ листьевъ. Черешокъ листа въ разрѣзѣ овальной формы и толщиною въ палецъ; онъ имѣетъ иногда до 26 дюймовъ длины; снизу зеленоватый, сверху красноватаго цвѣта, и весь покрытъ тонкими красноватыми черточками, длиною 1—2 линій. Цвѣточный стебель на своихъ узлахъ пускаетъ небольшіе листья, а мелкіе бѣлые цвѣтки насажены на вторичныхъ (съ боковыми отпрысками) стебелькахъ, которые отходятъ, подъ острымъ угломъ, отъ главнаго ствола, приблизительно съ $^2/_3$ его высоты.

Самый корень имѣетъ продолговатую, округленную форму и пускаетъ отъ себя множество длинныхъ, тонкихъ отпрысковъ [4]); длина этихъ отпрысковъ, равно какъ величина главнаго корня зависятъ отъ возраста растенія. У вполнѣ взрослаго экземпляра корень достигаетъ фута длины, почти при такой же толщинѣ [5]); снаружи онъ покрытъ бурою, шероховатою корою, которую срѣзываютъ ножемъ при сушкѣ растенія.

---

[1]) Т. е. Желтое дерево.

[2]) Наибольшій ревенный листъ, нами видѣнный, имѣлъ въ длину, т. е. по главной своей жилѣ, 2 фута, а въ ширину, т. е. между вершинами боковыхъ лопастей, — 3 фута.

[3]) Это размѣры вполнѣ взрослаго экземпляра.

[4]) Число боковыхъ отпрысковъ у стараго корня иногда простирается до двадцати пяти; наибольшіе изъ нихъ имѣютъ, у основанія, $1^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ, при длинѣ около 21 дюйма.

[5]) Впрочемъ, какъ исключеніе, бываютъ корни еще большихъ размѣровъ.

Digitized by Google

Главное время цвѣтенія ревеня бываетъ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля; впрочемъ, нѣкоторые экземпляры цвѣтутъ раньше, а другіе позже этого срока; сѣмяна поспѣваютъ во второй половинѣ августа.

По словамъ мѣстныхъ жителей, корень хорошъ на лекарство весною и осенью; въ періодъ же цвѣтенія онъ дѣлается ноздреватымъ, хотя мы не замѣтили этого на экземплярахъ, добытыхъ въ срединѣ лѣта. Главный сборъ ревеннаго корня производится тангутами, и частію китайцами, въ сентябрѣ и октябрѣ. Со времени дунганскаго возстанія этотъ промыселъ много уменьшился, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вовсе прекратился. Прежде онъ производился такъ дѣятельно, что только трудно-доступность горныхъ лѣсовъ гарантировала описываемое растеніе отъ полнаго истребленія. Впрочемъ, въ горахъ, вблизи кумирни Чертынтонъ, лекарственный ревень встрѣчается довольно рѣдко, но, по словамъ тангутовъ, его очень много далѣе къ западу, въ верховьяхъ рѣкъ Тэтунга и Эцзинэ. Здѣсь и прежде производилась наибольшая добыча ревеннаго корня, который затѣмъ свозился, да и теперь свозится, въ Сининъ — главный пунктъ ревенной торговли. Во время нашего пребыванія въ Гань-су, въ Сининѣ ревень продавался, среднимъ числомъ, по десяти гиновъ на ланъ серебра, т. е. по 21 копѣйкѣ за гинъ на нашу звонкую монету.

Изъ Синина ревень отправляется зимою сухопутно, а весною на баркахъ по Хуанъ-хэ, въ Пекинъ, Тянь-дзинъ и др. китайскіе порты, гдѣ сбывается европейцамъ. Здѣсь цѣна его уже увеличивается отъ 6—10 разъ противъ сининской стоимости [1]). Прежде большая масса ревеня направлялась изъ Синина въ Кяхту, но теперь эта доставка прекратилась, вслѣдствіе разбоевъ дунганъ. Возобновить такую торговлю въ настоящее время не особенно затруднительно; слѣдуетъ только снарядить изъ Кяхты въ Сининъ, или хотя въ Нинъ-ся, караванъ, который могъ бы закупить партію ревеня. Для охраны такого каравана въ дорогѣ необходимо имѣть съ десятокъ вооруженныхъ людей.

При сушкѣ ревеннаго корня, отъ него сначала отрѣзаютъ всѣ боковые отпрыски и потомъ очищаютъ ножемъ наружную кору; далѣе, толстый корень разрѣзаютъ на части, нанизываютъ ихъ на бичевки и вѣшаютъ для просушки въ тѣнь, обыкновенно подъ крышами фанзъ, на свободномъ доступѣ воздуха. Послѣднее условіе

[1]) Во время моего посѣщенія Тянь-дзина ревень продавался здѣсь отъ 60—90 ланъ за сто гиновъ; у насъ стоимость ревеня простирается отъ 3 — 5 рублей и даже болѣе за фунтъ.

Digitized by Google

необходимо и ревень, высушенный на солнцѣ, какъ говорятъ, портится; съ толстыхъ боковыхъ отпрысковъ также очищаютъ кожу и сушатъ ихъ вмѣстѣ съ большими корнями.

Въ горахъ Гань-су лекарственный ревень растетъ отъ подошвы глубокихъ долинъ до предѣла лѣсной растительности, т. е. приблизительно до 10 тысячъ фут. надъ морскимъ уровнемъ. Какъ исключеніе, онъ встрѣчается и выше этой границы, но всегда выбираетъ для себя ущелья съ влажною черноземною почвою и при томъ, почти исключительно, на сѣверныхъ склонахъ горъ. Только изрѣдка это растеніе попадается въ ущельяхъ, обращенныхъ къ югу и, еще рѣже, на безлѣсныхъ горныхъ скатахъ.

Въ мѣстностяхъ, нами изслѣдованныхъ, тангуты сѣютъ ревень въ огородахъ, возлѣ своихъ жилищъ; для посѣва они употребляютъ сѣмяна и молодые экземпляры, найденные въ лѣсу. Сѣять сѣмянами можно осенью и раннею весною, но для успѣшнаго развитія растенія необходимо, чтобы земля была мелкій, чистый, рыхлый и притомъ влажный черноземъ. По словамъ тангутовъ, на третій годъ послѣ посѣва сѣмянами, корень выростаетъ величиною въ кулакъ, но настоящихъ размѣровъ онъ достигаетъ лишь по прошествіи восьми, десяти и даже болѣе лѣтъ. Тангуты сѣютъ ревень въ весьма маломъ количествѣ, собственно для домашняго употребленія, такъ какъ этимъ корнемъ они лечатъ не только самихъ себя, но даже и свой скотъ. Не знаю существуетъ ли культура ревеня въ большихъ размѣрахъ въ другихъ частяхъ Гань-су; впрочемъ, мѣстные жители увѣряли насъ, что много ревеня нигдѣ не сѣютъ. Если это правда, то подобное явленіе можно объяснить лишь обиліемъ, въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, дикаго ревеня.

Подробное изученіе физическихъ условій, при которыхъ растетъ лекарственный ревень, приводитъ меня къ тому убѣжденію, что его культура возможна въ нашихъ предѣлахъ во многихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Амурскомъ краѣ, въ Байкальскихъ горахъ, на Уралѣ и на Кавказѣ. Для опыта, я собралъ достаточно сѣмянъ, которыя передалъ въ Императорскій Ботаническій садъ.

Кромѣ горъ Гань-су, лежащихъ къ сѣверу отъ оз. Куку-нора, лекарственный ревень растетъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ горахъ на южной сторонѣ того же озера, а также въ снѣговыхъ грядахъ къ югу отъ Синина и въ хребтѣ Ёграй-ула, близь истоковъ Желтой рѣки. Распространяется ли отсюда описываемое растеніе въ сосѣднюю гористую область провинціи Сы-чуань, мы не могли узнать положительно, но лекарственнаго ревеня нѣтъ въ безлѣсныхъ горахъ Сѣвернаго Тибета. Такимъ образомъ, область

Digitized by Google

распространенія этого растенія, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, ограничивается альпійскою страною озера Куку-нора и верховьевъ Желтой рѣки.

Кромѣ лекарственнаго ревеня, въ горахъ Гань-су встрѣчается еще другой видъ — *Rheum spiciforme*, который растетъ, исключительно, въ альпійской области, имѣетъ тонкій вѣтвистый корень, иногда длиною въ четыре фута, но на лекарство не годенъ [1]). Вышеназванный видъ растетъ также на Гималаѣ и въ Тань-Шанѣ; его сухія листья мы часто встрѣчали зимою въ пустыняхъ Сѣвернаго Тибета.

Лѣсная область въ горахъ Гань-су поднимается, какъ сказано выше, приблизительно до 10 тысячь футъ надъ уровнемъ моря; далѣе, вверхъ, она замѣняется областью альпійскихъ кустарниковъ и луговъ. Здѣсь уже не видно высокихъ деревьевъ [2]), но взамѣнъ ихъ является сплошная масса густыхъ кустарниковъ, среди которыхъ преобладаютъ *рододендры*. Послѣднихъ мы нашли здѣсь четыре вида и, по опредѣленію ботаника Максимовича, всѣ они оказались новыми. Въ особенности замѣчателенъ одинъ видъ, который поднимается могучимъ кустомъ иногда до 12 фут. вышины, имѣетъ большіе, кожистые, неопадающіе зимою, листья и пахучіе, бѣлые цвѣты. По количеству, этотъ рододендръ преобладаетъ между своими собратьями и заходитъ изъ альпійской области довольно низко въ поясъ лѣсовъ.

Характерными кустарниками альпійской области, кромѣ рододендровъ, служатъ: *Карагана* (Caragana jubata), таже самая, что и въ Ала-шаньскомъ хребтѣ, *желтый курильскій чай* (Potentilla tenuifolia), *таволга* (Spiraea sp., S. altaica) и *верба* (Salix sp.). Почва этихъ кустарныхъ зарослей сплошь выстлана *мхомъ* (Hypnum sp.), который начинаетъ преобладать уже и въ верхнемъ поясѣ лѣсовъ. Въ области альпійскихъ кустарниковъ также можно замѣтить, что кустарная растительность всего лучше развивается по скатамъ горъ, обращеннымъ къ сѣверу.

Луга альпійской области, то разбросанные небольшими площадками среди кустарниковъ, то одѣвающіе сплошь верхніе склоны горъ, представляютъ такое богатство и разнообразіе травяной растительности, какое невозможно описать въ сжатомъ очеркѣ, тѣмъ болѣе, что среди растеній горъ Гань-су встрѣчается много совер-

---

[1]) Тангуты называютъ этотъ видъ *зарчюмъ* и монголы *курмэ-шара-мото*.

[2]) За исключеніемъ лишь древовиднаго можжевельника, который восходитъ на высоту до 12 тыс. фут.

Digitized by Google

шенно новыхъ видовъ. Характерными растеніями описываемыхъ луговъ являются: различные виды *мака* (Papaver), *мытника* (Pedicularis), *живокости* (Delphinium), *камнеломки* (Saxifraga), *генціаны* (Gentiana), *лютика* (Ranunculus), *лапчатки* (Potentilla), *лука* (Allium), *сибирская астра* (Aster sibiricus), *Erigeron sp.*, *Saussurea graminifolia*, *Leontopodium alpinum*, *Antennaria sp.*, *Polygonum sp.*, *Trollius sp.*, *Parnassia sp.*, *Androsace sp.* По скаламъ и между ними растутъ: различные виды *первоцвѣта* (Primula), *сухоребрицы* (Draba), *хохлатки* (Corydalis), *селезеночника* (Chrysosplenium sp.), *очитка* (Sedum sp.), *Isopyrum sp.*, *Arenaria sp.*, а по каменистымъ розсыпямъ — *прикрыта* (Aconitum sp.), *бузульника* (Ligularia sp.), *Saussurea bovollata* и др.

Всѣ эти травы, равно какъ и кустарники альпійской области, во второй половинѣ іюня, являются въ полномъ цвѣту, такъ что здѣшніе горные скаты въ это время бываютъ залиты, то ярко-желтымъ цвѣтомъ курильскаго чая, то бѣлымъ, краснымъ или лиловымъ цвѣтами рододендровъ и Caragana jubata; между этими главными колерами рисуются яркія краски другихъ цвѣтовъ, то въ одиночку, то небольшими группами. Но не долговѣчна бываетъ здѣсь столь роскошная жизнь! Въ началѣ іюля уже отцвѣтаютъ рододендры и Caragana, а въ первой половинѣ августа утренніе морозы дѣлаются на столько значительны, что и травянистыя породы гибнутъ одна за другою.

Альпійскіе луга роскошны, приблизительно, до высоты въ 12 тыс. фут. надъ морскимъ уровнемъ. Выше этого поднятія температура дѣлается уже слишкомъ холодна, вѣтры и непогоды господствуютъ слишкомъ часто и не даютъ, какъ слѣдуетъ, развиться даже луговой растительности. Сначала то та, то другая травка, поднимающіяся внизу на два, три фута вышины, являются здѣсь карликами, ростомъ лишь въ нѣсколько дюймовъ, наконецъ—и онѣ исчезаютъ. Мохъ, лишаи и кой-гдѣ пріютившійся цвѣтокъ, разбросаны клочками на оголенной почвѣ и по каменнымъ розсыпямъ, лежащимъ у подножія скалъ, увѣнчивающихъ собою почти всѣ выдающіяся вершины. Такія розсыпи — продуктъ вывѣтриванія и разложенія тѣхъ же самыхъ скалъ, вблизи своихъ родныхъ твердынь состоятъ изъ крупныхъ осколковъ, но чѣмъ далѣе внизъ, тѣмъ эти камни мельчаютъ все болѣе и болѣе, словно разбиты рукою человѣка. Всесокрушающая сила времени являетъ здѣсь свою работу самымъ наглядным образомъ. Твердыя горныя породы не могутъ устоять противъ атмосферныхъ вліяній, которыя подтачиваютъ частичку за частичкою и, мало-по-малу, сокрушаютъ гигантскія скалы.

Digitized by Google

Въ розсыпяхъ обыкновенно зарождаются горные ключи, которые затѣмъ бѣгутъ въ ущелья и долины. Вблизи своего истока, струйка воды едва слышно журчитъ подъ камнями, и не показывается наружу. Скатившись немного далѣе, она уже вьется узкою лентою, а затѣмъ, соединившись съ нѣсколькими такими же источниками, образуетъ быстрый ручей, который, съ шумомъ и водопадами, стремится внизъ по каменному ложу.

Фауна горъ Гань-су всего богаче птицами; млекопитающихъ мы нашли здѣсь 18 видовъ; земноводныхъ и рыбъ очень мало; насѣкомыхъ также немного. Такое явленіе, т. е. бѣдность насѣкомыхъ и почти полное отсутствіе земноводныхъ, вѣроятно, обусловливается неблагопріятными условіями суроваго и непостояннаго горнаго климата.

Млекопитающія, найденныя нами въ Гань-су, въ дикомъ состояніи, принадлежатъ только къ тремъ отрядамъ: хищныхъ, грызуновъ и жвачныхъ; даже изъ насѣкомоядныхъ и рукокрылыхъ мы не встрѣтили здѣсь ни одного вида. Крупныя животныя вообще рѣдки въ горахъ Гань-су, потому что сильно преслѣдуются охотниками тангутами; кромѣ того, при значительномъ населеніи въ описываемыхъ горахъ, звѣри не имѣютъ возможности свободно размножаться. Впрочемъ, *кабарга* (Moschus moschiferus?) встрѣчается здѣсь очень часто; изъ другихъ жвачныхъ въ горахъ Гань-су, живутъ: *куку-яманъ* (Ovis sp.), *олень* (Cervus sp.) и *косуля* (Cervus pygargus?). Эта послѣдняя, найденная нами на Муни-ула, вовсе не встрѣчается въ промежуточномъ Ала-шаньскомъ хребтѣ [1]).

Между грызунами, особаго вниманія заслуживаютъ *сурки* (Arctomys robustus?), вездѣ встрѣчающіеся въ горахъ до высоты болѣе 12 тыс. футовъ [2]). Маленькая *пищуха* (Lagomys thibetanus?), въ громадномъ количествѣ, населяетъ болѣе открытыя мѣстности, тогда какъ другой видъ этого рода живетъ исключительно, и при томъ въ небольшомъ числѣ, въ скалахъ и розсыпяхъ верхняго пояса альпійской области. *Слепыши* (Siphneus sp.) также весьма многочисленны по открытымъ долинамъ и луговымъ скатамъ нижняго пояса горъ. Здѣсь же часто встрѣчается маленькая *полевка* (Arvicola sp.), въ небольшомъ числѣ *заяцъ* (Lepus sp.), а въ горныхъ лѣсахъ изрѣдка попадается *летяга* (Pteromys sp.), отличная отъ сибирской.

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не убили въ горахъ Гань-су ни одной косули, чтобы рѣшить навѣрное, составляетъ ли здѣшнее животное видъ Cervus pygargus, общій сѣверо-восточной Азіи.

[2]) Въ Сѣверномъ Тибетѣ мы видали норы сурковъ на высотѣ 15 тыс. ф. надъ уровнемъ моря.

Digitized by Google

Вотъ и всѣ представители отрядовъ жвачныхъ и грызуновъ; остаются теперь хищныя. Среди этихъ послѣднихъ, изъ кошачьяго семейства въ горахъ Гань-су живетъ одна *дикая кошка* (Felis sp.), но тигровъ и барсовъ вовсе нѣтъ. Далѣе, въ небольшомъ числѣ здѣсь обитаетъ одинъ видъ *медвѣдя* (Ursus sp.), а затѣмъ *хорекъ* (Mustula sp.), *барсукъ* (Meles sp.), *лисица* (Canis vulpes) и два вида *волка:* одинъ обыкновенный (Canis lupus), а другой, меньше его ростомъ и красноватаго цвѣта [1]).

Гораздо болѣе, нежели млекопитающими, горы Гань-су обильны птицами, которыхъ мы нашли здѣсь 106 осѣдлыхъ, или гнѣздящихся и 18 пролетныхъ видовъ. Первая цифра довольно значительна, если принять во вниманіе, что она почти вся падаетъ только на пять отрядовъ: хищныхъ, кричащихъ, пѣвчихъ, голубиныхъ и куриныхъ; изъ водяныхъ и голенастыхъ въ горахъ Гань-су гнѣздится только одинъ видъ. Затѣмъ и вышеупомянутые пять отрядовъ распредѣлены крайне неравномѣрно: громадный перевѣсъ надъ всѣми остальными стоитъ на сторонѣ пѣвчихъ птицъ; далѣе слѣдуютъ хищныя, куриныя, кричащія и голубиныя [2]).

Сравнивая списокъ птицъ Гань-су съ таковымъ же спискомъ пернатыхъ видовъ, свойственныхъ Монголіи, можно видѣть, что эти страны, не смотря на свое близкое сосѣдство, характеризуются различными орнитологическими фаунами. Такое явленіе, подобно тому, какъ и въ области растеній, обусловливается, конечно, крайнею противоположностію физическихъ условій той и другой страны. Не вдаваясь въ подробности, скажу здѣсь только, что въ Гань-су мы нашли 43 новыхъ, противъ Монголіи, видовъ птицъ. Это число еще болѣе увеличится, если изъ списка Монгольскихъ видовъ исключить встрѣченныя на горахъ Муни-ула и Ала-шаньскихъ. Въ общемъ,

[1]) Этого волка намъ не удалось видѣть, но мѣстные жители знаютъ его хорошо.

[2]) Слѣдующая табличка наглядѣе покажетъ распредѣленіе птицъ Гань-су по отрядамъ:

	Гнѣздящіяся и осѣдлыя.	Пролетныя	Всего.
1) Хищныя (Rapaces)	12	2	14
2) Кричащія (Scansores)	7	0	7
3) Пѣвчія (Oscines)	74	5	79
4) Голубиныя (Columbae)	3	0	3
5) Куриныя (Gallinaceae)	9	0	9
6) Голенастыя (Grallatores)	1	7	8
7) Водяныя (Natatortes)	0	4	4
	106	18	124

При спеціальной обработкѣ орнитологическаго отдѣла моего путешествія, эти цифры могутъ, конечно, незначительно измѣниться; теперь онѣ показаны такъ, какъ записаны на мѣстѣ.

Digitized by Google

среди птицъ Гань-су встрѣчаются представители Сибирской, Китайской, Гималайской и Тянъ-Шаньской фауны.

Изъ отряда хищныхъ здѣсь на первомъ планѣ являются *грифы* трехъ видовъ: *снѣжный* (Gyps nivicola), *черный* (Vultur monachus?) и *ягнятникъ* (Gypaëtos barbatus); послѣдній, какъ извѣстно, водится и въ Европѣ, а два первые, исключительно, свойственны Азіи. Въ особенности замѣчателенъ снѣжный грифъ, могучая птица чалаго цвѣта, до десяти футовъ въ размахѣ крыльевъ. Другихъ хищниковъ въ горахъ Гань-су вообще немного, но грифы обитаютъ здѣсь въ такомъ количествѣ, какого намъ нигдѣ не привелось болѣе видѣть.

Въ отрядѣ кричащихъ нѣтъ особенно замѣчателныхъ видовъ. *Стрижи* (Cypselus leucopyga) во множествѣ гнѣздятся по скаламъ нижняго пояса горъ, а въ лѣсахъ кукуютъ *кукушки* (Cuculus sp.) и стучатъ *дятлы* (Picus sp., Picus Martius). Замѣчательно, что японскій казадой (Caprymulgus Jotaca), столь распространенный во всей восточной Азіи, уже не встрѣчается западнѣе Муни-улы, такъ что его нѣтъ ни въ Ала-шаньскомъ хребтѣ, ни въ горахъ Гань-су.

Далѣе слѣдуетъ, самый обильный видами, отрядъ пѣвчихъ птицъ, которыми богата какъ лѣсная, такъ и альпійская область описываемыхъ горъ. Изъ наиболѣе характерныхъ породъ, горнымъ лѣсамъ свойственны: большая *бѣлоголовая горихвостка* (Phoënicura leucocephala), которая держится исключительно по берегамъ горныхъ ручьевъ вмѣстѣ съ проворною *оляпкою* (Cinclus kaschemiriensis), *камчатскій соловей* (Calliope kamtschatkensis), маленькій *снигирь* (Pyrrhula sp.) съ ранжевою грудью, *красный снигирь* (Pyrrhula erythrina), красивый *вьюрокъ* (Carpodacus sp.), крошечный *королекъ* (Troglodytes nipalensis), нѣсколько видовъ *Phyllopneuste*, *голубая сорока* (Pica cyana). Близко сродные дроздамъ *Pterorhinus Davidii* и *Trochalopteron sp.* оживляютъ своими голосами густыя кустарныя зарости по берегамъ горныхъ ручьевъ; въ особенности замѣчательны два послѣдніе вида своимъ подвижнымъ характеромъ и превосходнымъ звонкимъ свистомъ.

Высокому лѣсу свойственны три вида *дроздовъ* (Turdus sp.), изъ которыхъ два, кажется, будутъ новыми; всѣ они превосходные пѣвуны; четыре вида *синицъ* (Parus sp.), *завирушка* (Accentor multistriatus) и большой *дубоносъ* (Hesperiphona speculigera). Послѣдній, впрочемъ, держится исключительно по можжевеловымъ деревьямъ, ягодами которыхъ онъ и питается.

Въ альпійской области мы встрѣчаемъ: краснокрылаго *стѣнолаза* (Tichodroma muraria) который безпрестанно лазитъ и порхаетъ по скаламъ. Здѣсь же живутъ: большой *Carpodacus sp.*—отличный пѣ-

Digitized by Google

вунъ, два вида *альпійской клушицы* (Fregilus alpinus, F. graculus), *галочка* (Chelidon sp.), бархатно-голубой *каменный дроздъ* (Grandala coelicolor), *горная щеврица* (Anthus rosaceus?) и два вида *завирушки* (Accentor nipalensis, A. rubeculoides) изъ которыхъ первая великая мастерица пѣнія. Нѣсколько ниже въ кустарникахъ держатся: красивая металлически-фіолетоваго цвѣта *синичка* (Leptopoecile Sophiae), красновато-розовой *Carpodacus rubicilla, Calliope pectoralis, стренатка* (Schoenicola sp.), съ длиннымъ розовымъ хвостомъ, а въ болѣе открытыхъ долинахъ — *чечетка* (Linota brevirostris), *Montifringilla Adamsi* и *Montifringilla sp.*

Изъ голубиныхъ и куриныхъ альпійской области принадлежатъ: *каменный голубь* (Columba rupestris), обыкновенный и въ нижнемъ поясѣ горъ; другой видъ горнаго голубя — осторожный *Columba leoconota*, держится въ самыхъ дикихъ и неприступныхъ скалахъ верхняго пояса горъ. Здѣсь же, на каменныхъ розсыпяхъ, обитаетъ большая, неугомонно-крикливая *скалистая куропатка* (Megaloperdix thibetanus), называемая тангутами *кунмо*, а монголами — *хайлыкъ*. Рядомъ съ нею, въ зарослях рододендровъ и караганы живетъ *кундыкъ* (Tetraophasis obscurus) и *куропатка* (Perdix sp.) отличная отъ монгольской. Пониже, въ лѣсной области, представителями куриныхъ служатъ: новый видъ *рябчика* (Bonasia sp.) больше нашего величиною и темнаго цвѣта, рѣдкій *Itagimis Geoffroyi, фазанъ* (Phasianus élegans?) и другой его собратъ, уже встрѣченный въ Ала-шаньскомъ хребтѣ — *ушастый фазанъ* (Crossoptilon auritum) великолѣпная птица свинцово-голубаго цвѣта.

Изъ водяныхъ птицъ въ горной области Гань-су не гнѣздится ни одного вида, да и пролетныя бываютъ какъ рѣдкость, а изъ голенастыхъ здѣсь обитаетъ только одинъ *кулик* (Ibidorhyncha Struthersii), который держится по горнымъ рѣчкамъ, изобилующимъ галькою.

Отправившись изъ Чейбсена обратно въ горы, окрестныя кумирнѣ Чертынтонъ, мы вели здѣсь свои изслѣдованія, передвигаясь съ мѣста на мѣсто и выбирая наиболѣе благопріятные пункты, въ которыхъ останавливались столько времени, сколько это нужно было для научныхъ работъ. Ежедневные дожди и чрезвычайная сырость служили намъ все время великою помѣхою, такъ какъ ни растенія, ни чучела птицъ не просыхали какъ слѣдуетъ; только урывками могли мы пользоваться ясною погодою и сушили въ это время собранныя коллекціи. Въ альпійской области горъ къ постояннымъ дождямъ часто присоединялся снѣгъ и ночные морозы; при томъ же, теперь почти всѣ птицы находились въ силь-

Digitized by Google

номъ линіяніи, такъ что изъ десяти убитыхъ экземпляровъ, иногда только одинъ или два годились для препарированія. Но за то растенія, по-крайней-мѣрѣ въ іюлѣ, были въ полномъ цвѣту и доставили намъ 324 вида, въ числѣ около трехъ тысячъ экземпляровъ; между тѣмъ птицъ мы собрали не болѣе двухъ сотъ штукъ. Насѣкомыхъ было очень мало, не только въ альпійской области, но даже и въ нижнемъ поясѣ горъ. Правда, это отзывалось весьма невыгодно на нашей энтомологической коллекціи, но за то, въ похвалу горамъ Гань-су, слѣдуетъ сказать, что здѣсь нѣтъ вовсе ни комаровъ, ни мошекъ. Я лично могъ вполнѣ оцѣнить такую благодать, испытавъ великія муки отъ этихъ кровопійцъ, во время своихъ странствованій по лѣсамъ Амура.

Охотою на крупныхъ звѣрей мы почти не занимались, такъ какъ ихъ въ горахъ вообще мало, да при томъ мы не имѣли для этого времени, будучи заняты исключительно собираніемъ коллекцій. За все время пребыванія въ горахъ, я убилъ только двухъ куку-ямановъ, такъ что для продовольствія мы купили у тангутовъ двухъ небольшихъ яковъ.

Всего несноснѣе было то время, когда дождь лилъ, не переставая, по нѣсколько сутокъ. Тогда мы принуждены были сидѣть, сложа руки, въ мокрой палаткѣ, не видя даже окрестныхъ горъ, такъ какъ облака обыкновенно покрывали весь альпійскій поясъ. Случалось, что мы попадали въ средину грозовой тучи, такъ что молнія сверкала справа, слѣва и ниже насъ. Мокрота и сырость въ нашей палаткѣ стояли невообразимыя [1]); оружіе чистилось каждый день, а патроны на штуцера Снейдера такъ отсырѣли, что давали на половину осѣчекъ. Только въ самомъ нижнемъ поясѣ горъ и въ долинѣ Тэтунгъ-гола мы находили лучшую погоду; здѣсь изрѣдка выпадали даже жаркіе дни. Однако вода въ горныхъ рѣчкахъ и въ самомъ Тэтунгѣ была на столько холодна, что мы ни разу не купались въ теченіи цѣлаго лѣта.

Первоначально мы провели нѣсколько дней въ южной окраинѣ южнаго хребта, а затѣмъ, переваливъ черезъ этотъ хребетъ, устроили свою стоянку вблизи горы *Соди-Соруксума*, которая считается высшею точкою этой части горъ. Пользуясь ясною погодою, я отправился на вершину Соди-Соруксума, чтобы опредѣлить ея высоту точкою кипѣнія воды. Поднявшись тысячи на три футъ выше нашей стоянки, я взобрался на желанную вершину, откуда передъ мною раскрылась дивная

[1]) Сырость была такъ велика, что мы купили у тангутовъ ручной раздувальный мѣхъ, безъ котораго нельзя было развести огня; такіе мѣха во всеобщемъ употребленіи у жителей горной области Гань-су.

Digitized by Google

панорама. Долина Тэтунга, узкія ущелья, прихотливо сбѣгавшія къ ней со всѣхъ сторонъ, сѣверный хребетъ и его снѣговыя вершины далеко на западѣ,—все это явилось въ такой чудной картинѣ, какую невозможно передать словами. Я первый разъ въ жизни находился на подобной высотѣ, впервые видѣлъ подъ своими ногами гигантскія горы, то изборожденныя дикими скалами, то оттѣненныя мягкою зеленью лѣсовъ, по которымъ, блестящими лентами, извивались горныя рѣчки. Сила впечатлѣнія была такъ велика, что я долго не могъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища, долго стоялъ, словно очарованный, и сохранилъ въ памяти этотъ день, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ въ цѣлой жизни....

Но, торопясь сборами въ палаткѣ, я позабылъ взять съ собою зажигательныхъ спичекъ [1]) и никакъ не могъ добыть огня выстрѣлами изъ штуцера, такъ что долженъ былъ отложить свое измѣреніе до другаго раза. Черезъ день я опять взошелъ на Соди-Соруксумъ, на этотъ разъ уже со всѣми принадлежностями кипѣнія. «Ну, гора, сейчасъ твоя тайна будетъ открыта», сказалъ я, устроивъ свой кипятильникъ — и черезъ нѣсколько минутъ зналъ, что Соди-Соруксумъ вздымается на 13,600 фут. надъ уровнемъ моря. Однако, такая высота еще не захватываетъ здѣсь снѣговой линіи, и я видѣлъ маленькіе кусочки льдистаго снѣга лишь подъ скалами, въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ солнечныхъ лучей.

Проведя іюль въ горахъ по южную сторону Тэтунгъ-гола, мы перешли, въ первыхъ числахъ августа, въ сѣверный хребетъ и поставили свою палатку на высотѣ 12 тысячъ футъ у подножія исполинской вершины горы *Гаджурз*. Здѣсь мы пробыли около двухъ недѣль; все это время дожди шли почти не переставая, а 7 и 9 августа были такія мятели, что земля совершенно покрылась снѣгомъ и мѣстами намело порядочные сугробы. Понятно, что при такихъ условіяхъ, научная добыча не могла быть велика. Притомъ же, время цвѣтенія, не только альпійской, но и вообще горной флоры, становилось уже на исходѣ, такъ что изъ общаго числа растеній, добытыхъ нами въ теченіи лѣта, на весь августъ приходится только 40 видовъ.

Вершина Гаджура состоитъ изъ громадныхъ недоступныхъ скалъ, внутри которыхъ лежитъ небольшое озерко *Демчукъ* [2]). Оно имѣетъ

---

[1]) Замѣчательно, что эти спички, вѣнской фабрикаціи, продаются китайцами, даже въ Ала-шаньскомъ городѣ Дынь-юань-инь, куда онѣ попадаютъ черезъ Пекинъ.

[2]) Собственно здѣсь два озерка, но первое гораздо менѣе Демчука и лежитъ немного ниже его.

Digitized by Google

сажень сто длины и около тридцати пяти ширины; доступъ сюда возможенъ только съ одной стороны, сквозь узкое воротообразное ущелье. Само озерко считается у тангутовъ святымъ, такъ что здѣсь часто совершаются моленія, какъ простыми вѣрующими, такъ и ламами изъ кумирни Чертынтонъ. Настоятель этой послѣдней, нашъ пріятель-гыгенъ, прожилъ въ пещерѣ, на берегу Демчука, цѣлыхъ семь лѣтъ и увѣряетъ, что видѣлъ однажды, какъ со дна озера поднялась большая сивая корова, поплавала нѣсколько времени на поверхности воды и снова опустилась въ глубину. Съ тѣхъ поръ озеро пріобрѣло еще большее почитаніе отъ всего мѣстнаго тангутскаго населенія.

Абсолютная высота Демчука 13,100 фут. и положеніе этого озерка дѣйствительно замѣчательно. Узкая ложбина, тихія, свѣтлыя волны, со всѣхъ сторонъ громаднѣйшія скалы, сквозь которыя едва виднѣется небольшая полоса неба, наконецъ, могильная тишина, лишь изрѣдка нарушаемая стукомъ обвалившагося камня — все это особеннымъ, торжественнымъ образомъ настраиваетъ душу человѣка. По крайней мѣрѣ, я провелъ здѣсь подъ такимъ впечатлѣніемъ болѣе часа и, уходя, вѣрилъ въ возможность, для неразвитаго ума, облечь въ таинственную святость этотъ тихій уголокъ.

Другое подобное озерко, по имени *Косинъ*, также образованное горными ключами, я видѣлъ близъ вершины Соди-Соруксума, но тамъ оно лежитъ на открытой площади, а не въ такой таинственной обстановкѣ, какъ на Гаджурѣ. Впрочемъ и Косинъ считается святымъ, съ тѣхъ поръ, какъ однажды духъ (злой или добрый, не знаю) выгналъ отсюда охотника-тангута, бросившись на него въ видѣ сиваго яка [1]); вслѣдствіе этого охота на Соди-Соруксумѣ, равно какъ и на другихъ святыхъ горахъ (амнэ), строго запрещена.

Еще одно тангутское преданіе про Гаджуръ гласитъ, что эта гора прислана сюда какимъ-то Далай-ламою изъ Тибета, на показъ мѣстнымъ жителямъ, какія громады имѣются въ святой странѣ.

Недоступныя скалы Гаджура, состоящія изъ фельзита, известняка и глинистаго сланца, поднимаются надъ уровнемъ оз. Демчукъ приблизительно (на глазъ) футовъ на тысячу, такъ что эта гора не много выше Соди-Соруксума. Однако и здѣсь, только въ ущельяхъ сѣверной стороны, укрытыхъ отъ солнца, я видѣлъ небольшія пласты [2]) льдистаго снѣга, нерастаявающаго во время лѣта.

Въ горахъ по южную сторону Тэтунгъ-гола, тангутское насе-

[1]) Замѣчательно, что въ сказочныхъ преданіяхъ тангутовъ, какъ и у насъ, играютъ роли «сивыя» коровы, яки и пр.

[2]) Отъ 100—150 фут. длины, 10—15 ширины и 2—4 фут. толщины.

Digitized by Google

леніе довольно значительно, хотя оно и разбросано здѣсь спорадически, соображаясь съ тѣмъ, какія мѣстности болѣе или менѣе подвергаются набѣгамъ дунганскихъ шаекъ. Вблизи кумирни Чертынтонъ, какъ упомянуто выше, тангуты скучились всего болѣе [1]), но зато далѣе въ сѣверномъ хребтѣ, какъ напримѣръ возлѣ Гаджура, не было уже рѣшительно ни души. Здѣсь часто шлялись разбойничьи партіи, отправлявшіяся изъ города Тэтунгъ [2]) на грабежъ въ восточную часть Гань-су. Страхъ отъ этихъ разбойниковъ былъ такъ великъ, что нашъ монголъ, нанятый въ Чейбсенѣ, ни за что не хотѣлъ идти на Гаджуръ, отговариваясь незнаніемъ мѣстности. Онъ успокоился лишь тогда, когда мы наняли въ проводники еще одного тангута, близко знакомаго со всѣми здѣшними горами. Оба они, монголъ и тангутъ, переговорили о чемъ-то по тангутски и согласились идти. Мнѣ кажется, что наши проводники напередъ условились между собою дать вмѣстѣ тягу, если на насъ нападутъ разбойники. Впрочемъ, подобное рѣшеніе для насъ имѣло мало значенія, такъ какъ мы и безъ того не могли разсчитывать на вооруженное содѣйствіе своихъ вожатыхъ. Несравненно важнѣе были разнесшіеся слухи, о нашемъ удивительномъ искусствѣ стрѣлять и о необыкновенныхъ ружьяхъ; наконецъ, вездѣ охотно вѣрили тому, что я колдунъ или святой, знающій обо всемъ напередъ и что меня не можетъ убить пуля. Такое мнѣніе тангуты не разъ высказывали намъ въ глаза и я, пользуясь случаемъ, приказалъ своимъ казакамъ передавать, будто по секрету, что все это дѣйствительно правда. Тѣмъ не менѣе, мы постоянно были настороже, и поочередно караулили ночью въ опасныхъ мѣстахъ. Всѣ сношенія съ мѣстными жителями прекращались съ наступленіемъ сумерекъ, во избѣжаніе того случая, что, подъ видомъ друзей, къ намъ могутъ прійти ночью и враги. Однако послѣдніе не явились ни разу, хотя во время нашего пребыванія на Гаджурѣ, вблизи этой горы прошло нѣсколько разбойничьихъ партій, по всему вѣроятію, знавшихъ о нашемъ мѣстожительствѣ.

Со второй половины августа растительная и животная жизнь въ горахъ начали умолкать очень быстро, такъ что, къ концу этого мѣсяца, здѣсь наступила совершенная осень. На деревьяхъ вездѣ показались желтые листья, а поспѣвшія кисти красной или бѣлой рябины, и въ особенности барбариса, много украшали собою кустарныя

---

[1]) Верстахъ въ 12 ниже кум. Чертынтонъ, по долинѣ Тэтунга, живутъ китайцы, занимающіеся земледѣліемъ; мѣстность эта уцѣлѣла отъ дунганскаго разоренія.

[2]) Этотъ городъ лежитъ на р. Тэтунгъ-голъ, верстахъ въ 100 выше кум. Чертынтонъ.

Digitized by Google

зарости ущелій. Въ альпійской области горъ, въ это время трава уже почти совсѣмъ иосохла и только кой-гдѣ можно было встрѣтить запоздавшій цвѣтокъ. Веселыя пташки изчезали отсюда одна за другою; онѣ летѣли на югъ, или спускались въ болѣе теплый и болѣе обильный пищею, нижній поясъ горъ.

Научная добыча стала слишкомъ незначительна, а потому мы рѣшили вернуться въ Чейбсенъ и попытать пробраться отсюда на оз. Куку-норъ. По пути мы захватили своихъ верблюдовъ, которые паслись возлѣ кумирни Чертынтонъ и сильно исхудали въ теченіи лѣта на непривычномъ для нихъ кормѣ. Кромѣ того, отъ постоянной сырости у всѣхъ верблюдовъ открылся кашель, а на тѣлѣ начали появляться какіе-то гнойные струпья. Словомъ, наши животныя испортились настолько, что едва едва годились, хотя бы на непродолжительный путь.

1-го сентября, мы явились въ Чейбсенъ, гдѣ, въ наше отсутствіе, грабежи дунганъ усилились до крайней степени. Пѣшіе, почти безоружные милиціонеры, защищавшіе кумирню и собранные теперь здѣсь въ числѣ до двухъ тысячъ человѣкъ, ничего не могли сдѣлать конным разбойникамъ. Эти послѣдніе подъѣзжали къ самой стѣнѣ Чейбсена и, зная, что насъ тамъ нѣтъ, кричали: «гдѣ же ваши защитники-русскіе съ своими хорошими ружьями? мы пришли драться съ ними». Въ отвѣтъ на это, милиціонеры посылали иногда выстрѣлы, но пули фитильныхъ ружей не попадали въ цѣль. Наши пріятели-дониры, бывшіе главными распорядителями въ кумирнѣ, ждали нашего возвращенія, какъ манны небесной и, смѣшно даже сказать, присылали къ намъ въ горы просить, поскорѣе прійти въ Чейбсенъ, защищать его отъ дунганъ. «Ну», думали мы, когда возвратились изъ горъ, «теперь намъ навѣрное придется вѣдаться съ разбойниками», среди которыхъ въ особенности отличался одинъ богатырь, заколдованный отъ смерти, по увѣренію Чейбсенскихъ воиновъ. Мы просили ихъ разсказать примѣты этого богатыря, всегда ѣздившаго на пѣгой лошади, и рѣшили, прежде другихъ, угостить именно его пулями Снейдера и Бердана.

Тѣмъ не менѣе, положеніе наше было очень опасное, такъ какъ мы не могли помѣститься теперь съ своими верблюдами въ кумирнѣ, биткомъ набитой народомъ, но должны были разбить палатку, въ одной верстѣ отсюда на открытой луговой равнинѣ. Здѣсь мы прежде всего организовали защиту на случай нападенія. Всѣ ящики съ коллекціями, сумы съ различными пожитками и запасами, равно какъ верблюжьи сѣдла, были сложены квадратомъ, такъ что образовали каре, внутри котораго должны были мы помѣщаться при

Digitized by Google

появленіи разбойниковъ. Здѣсь стояли наши штуцера съ примкнутыми штыками и кучами патроновъ, а возлѣ нихъ лежало десять револьверовъ. На ночь, всѣ верблюды укладывались и привязывались вокругъ нашего импровизованнаго укрѣпленія и своими неуклюжими тѣлами еще болѣе затрудняли подступъ, въ особенности верховымъ людямъ. Наконецъ, чтобы не пускать пуль даромъ, мы отмѣрили во всѣ стороны разстоянія и замѣтили ихъ кучами камней.

Наступила первая ночь.... Все заперлось въ кумирнѣ, а мы остались одни-одинешеньки, лицомъ къ лицу съ разбойниками, которые могли явиться сотнями, даже тысячами, и задавить насъ числомъ.... Погода была ясная и мы долго сидѣли при свѣтѣ луны, разсуждая о прошломъ, о далекой родинѣ, о родныхъ и друзьяхъ, такъ давно покинутыхъ. Около полуночи трое изъ насъ легли спать, конечно не раздѣваясь, а одинъ остался на караулѣ, который мы держали поочередно до утра. Совершенно спокойно прошелъ и слѣдующій день. Разбойники канули, словно въ воду; не показывался даже и заколдованный богатырь. На третьи сутки повторилось тоже самое, такъ что ободренные обитатели Чейбсена пригнали изъ кумирни свое стадо, и начали пасти его возлѣ нашей палатки.

Такова обаятельная сила европейца, среди нравственно растлѣвшаго азіятскаго люда! Не мы лично являлись виновниками того страха, который внушали разбойникамъ дунганамъ. Нѣтъ! это была побѣда европейскаго духа, его энергіи и отваги, всемогущихъ даже и въ такихъ дѣлахъ, успѣхъ которыхъ является въ какомъ-то сказочномъ образѣ....

Шесть сутокъ простояли мы у Чейбсена, и далеко не нарочно подвергали себя подобной опасности; своею рискованною стоянкою, мы покупали возможность пробраться на оз. Куку-норъ.

Прямой путь къ послѣднему, отъ Чейбсена, лежитъ на города *Сэнъ-гуань* [1]) и *Донкыръ*, направляясь черезъ которые можно достигнуть береговъ озера въ пять сутокъ. Но такъ какъ Сэнъ-гуань въ это время былъ занятъ дунганами, то намъ, конечно, нечего было и думать пройдти по этой дорогѣ. Нужно было поискать другаго пути и онъ дѣйствительно нашелся, благодаря нашему великому счастію.

Именно, на третій день нашей стоянки возлѣ Чейбсена, сюда пришли, съ верховьевъ Тэтунга, изъ хошуна Муръ-засакъ, три монгола, которые, пробираясь ночью по горнымъ тропинкамъ, пригнали, на продажу, стадо барановъ. Черезъ нѣсколько времени, эти монголы

[1]) У мѣстныхъ жителей этотъ городъ извѣстенъ болѣе подъ монгольскимъ именемъ *«Му-байшинта»*.

Digitized by Google

должны были возвращаться обратно и могли служить для насъ превосходными проводниками — нужно только было уговорить ихъ взяться за это дѣло. Для вящаго успѣха, я обратился къ своему пріятелю Чейбсенскому доциру и сдѣлалъ ему хорошій подарокъ Подкупленный этимъ, дониръ уговорилъ пришедшихъ монголовъ провести насъ въ ихъ хошунъ, т. е. въ Муръ-засакъ, съ платою тридцати ланъ за разстояніе, не превышавшее 135 верстъ.

Главное препятствіе, ставившее въ тупикъ нашихъ будущихъ вожатыхъ, заключалось въ томъ, что мы, съ своими вьючными верблюдами, не имѣли возможности идти ночью, по горнымъ тропинкамъ; слѣдуя же днемъ, очень легко могли встрѣтить дунганъ, которые постоянно ѣздятъ черезъ горы изъ Сэнъ-гуаня въ г. Тэтунгъ. Вотъ тутъ-то и помогла намъ рискованная стоянка возлѣ Чейбсена. «Съ этими людьми вы не бойтесь разбойниковъ», говорилъ дониръ вожатымъ монголамъ; «посмотрите, мы съ двумя тысячами человѣкъ запираемся въ своей кумирнѣ, а они въ четверомъ стоятъ въ полѣ и никто не смѣетъ ихъ тропуть. Подумайте сами, развѣ простые люди могутъ это сдѣлать. Нѣтъ, русскіе наперед все знаютъ, и ихъ начальникъ непремѣнно великій колдунъ, или великій святой». Такая аргументація, приложенная къ соблазнительной цифрѣ тридцати ланъ, окончательно побѣдила нерѣшительность Муръ-засакскихъ монголовъ. Они объявили, что готовы вести насъ, но только просятъ погадать при нихъ же о томъ, въ какой день лучше отправиться въ путь. Мнѣ, кстати, нужно было сдѣлать опредѣленіе широты Чейбсена, и я досталъ свой универсальный инструментъ, которымъ опредѣлилъ высоту солнца, а потомъ сдѣлалъ магнитное наблюденіе. Наши будущіе спутники смотрѣли на все это съ вытаращенными глазами, а затѣмъ принялись гадать по своему.

Когда наблюденія были окончены, я объявилъ, что отправленіемъ въ путь слѣдуетъ обождать. Такая отсрочка для насъ была необходима для того, чтобы свезти всѣ коллекціи въ кумирню Чертынтонъ, и оставить ихъ тамъ на храненіе съ бо́льшею безопасностію, нежели въ Чейбсенѣ, который могли взять дунганы. По гаданію монголовъ, также выходило, что слѣдуетъ не торопиться выходомъ и, кромѣ того, необходимо было дать подмерзнуть горнымъ болотамъ. Посовѣтовавшись, мы рѣшили назначить свое выступленіе на 23 сентября, а до тѣхъ поръ хранить все это въ тайнѣ. Получивъ въ задатокъ десять ланъ, наши вожатые ушли въ Чейбсенъ, а мы, не желая болѣе торчать подъ носомъ у дунганъ, отправились обратно въ горы и расположились въ южной окраинѣ южнаго хребта. Отсюда мой товарищъ съѣздилъ въ кумирню Чер-

Digitized by Google

тынтонъ и сдалъ тамошнему гыгену на храненіе ящики съ коллекціями, которые невозможно было тащить съ собою на Куку-норъ.

Двѣнадцати-дневная наша стоянка въ южномъ хребтѣ прошла почти даромъ для научныхъ изслѣдованій, такъ какъ лѣсовъ, на южномъ склонѣ этихъ горъ, нѣтъ вовсе, а альпійская область теперь совсѣмъ опустѣла и многія горныя вершины уже покрылись снѣгомъ. При томъ дожди и мятели продолжались по прежнему, почти каждый день. Валовой пролетъ мелкихъ пташекъ происходилъ всю первую половину сентября, а 16 числа этого мѣсяца, множество журавлей, чуть видно въ облакахъ, тянули къ югу.

Между тѣмъ подъ Сининомъ начались военныя дѣйствія противъ дунганъ, со стороны китайскихъ войскъ, которые, въ числѣ двадцати пяти тысячъ, пришли, въ іюлѣ нынѣшняго года, въ Ганьсу и расположились въ городахъ Нимъ-би и Уямъ-бу. Въ слѣдующей главѣ я разскажу о доблестныхъ подвигахъ китайцевъ подъ Сининомъ, теперь же упомяну только, что ради продовольствія этихъ войскъ, вездѣ было запрещено продавать съѣстные продукты и мы, съ большимъ трудомъ, при пособіи Чейбсенскаго донира, могли сдѣлать необходимые запасы продовольствія. А между тѣмъ нужно было закупить провіанта на цѣлую зиму, такъ какъ на Куку-норѣ, по общему увѣренію, нельзя достать рѣшительно ничего [1]). Впрочемъ, наши запасы, при крайней ограниченности въ деньгахъ, не могли быть особенно разнообразны; притомъ достать можно было только дзамбу, да плохую пшеничную муку. Той и другой мы купили около двадцати пудовъ; кромѣ того, у насъ еще оставалось почти четыре пуда риса и проса, привезенныхъ изъ Алашаня. Всѣ эти запасы составляли вьюкъ на четырехъ верблюдовъ.

За нѣсколько дней до нашего выхода на Куку-норъ, тангутскій караванъ, пришедшій съ нами въ Чейбсенъ, вновь отправился въ Пекинъ. Пользуясь этимъ случаемъ, мы послали съ нимъ письма и оффиціальныя донесенія. Въ нихъ я увѣдомлялъ, что отправляюсь на Куку-норъ и, быть можетъ, попаду туда, но что пройти отсюда до Лассы въ Тибетѣ намъ невозможно, по неимѣнію денегъ.

Наконецъ наступилъ желанный день нашего отправленія и 23 сентября, послѣ полудня, мы вышли изъ Чейбсена. Какъ сказано выше, путь нашъ долженъ былъ лежать по горнымъ тропинкамъ, ведущимъ въ срединѣ между двумя дунганскими городами: Сэнъ-

[1]) Впослѣдствіи это оказалось вздоромъ, и мы покупали дзамбу въ ставкѣ Куку-норскаго вана.

Digitized by Google

гуань и Тэтунгъ [1]). Исхудалымъ и полубольнымъ верблюдамъ путь по горамъ былъ слишкомъ труденъ, а потому мы разложили свою кладь на всѣхъ вьючныхъ животныхъ, да кромѣ того взяли одного мула, изъ числа пріобрѣтенныхъ для лѣтнихъ экскурсій [2]).

Первый небольшой переходъ прошелъ благополучно, но на другой день утромъ, невдалекѣ кумирни *Алтынъ*, случилась исторія. Проводники заранѣе говорили намъ, что здѣсь опасно, такъ какъ китайскіе солдаты караулятъ тропинку и грабятъ всѣхъ проходящихъ, будь то свои, или дунганы. На это мы отвѣчали, что и для насъ рѣшительно все равно, кто бы ни были нападающіе грабители, и что мы встрѣтимъ пулями китайцевъ, также какъ и дунганъ. Дѣйствительно, лишь только мы показались въ виду кумирни Алтынъ, какъ изъ лощины, въ разстояніи версты отъ насъ, выскочили человѣкъ тридцать конныхъ, которые сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ и съ крикомъ бросились къ нашему каравану. Когда всадники подскакали шаговъ на пятьсотъ, я приказалъ своимъ проводникамъ махать имъ и кричать, что мы не дунганы, но русскіе, и что если на насъ сдѣлаютъ нападеніе, то мы станемъ сами стрѣлять. Вѣроятно не разслышавъ такихъ вразумленій, китайцы продолжали скакать и приблизились шаговъ на двѣсти, такъ что мы чуть чуть не открыли пальбу. Къ счастію, дѣло уладилось благополучно. Видя, что мы стоимъ съ ружьями въ рукахъ и не пугаемся криковъ, китайцы остановились, слѣзли съ лошадей и пришли къ намъ увѣряя, что они ошиблись, принявъ насъ за дунганъ. Конечно, это была одна отговорка, такъ какъ разбойники никогда не ѣздятъ на верблюдахъ; китайскіе солдаты имѣли въ виду ограбить нашъ караванъ, въ случаѣ, если бы мы струсили ихъ криковъ и убѣжали отъ своихъ вьючныхъ животныхъ. Черезъ нѣсколько верстъ повторилась таже самая исторія, отъ другой партіи, засѣвшей на тропинкѣ, но и здѣсь китайцы ушли, ничѣмъ не поживившись.

На третій день пути, предстоялъ самый опасный переходъ, черезъ двѣ большія дунганскія дороги изъ Сэнъ-гуаня въ г. Тэтунгъ. Первую изъ этихъ дорогъ мы минули благополучно, но съ вершины перевала, ведущаго на другой путь, мы увидали, въ разстояніи двухъ верстъ отъ себя кучу конныхъ дунганъ, быть можетъ, человѣкъ около сотни. Впереди ихъ гнали большое стадо барановъ и эти кавалеристы были, по всему вѣроятію, конвой. Замѣтивъ нашъ караванъ конные сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и столпились при выходѣ изъ ущелья, по которому мы шли. Нужно было видѣть, что дѣла-

[1]) Разстояніе между этими городами около 70 верстъ.

[2]) Остальныхъ трехъ муловъ мы продали.

Digitized by Google

лось въ это время съ нашими проводниками. Полумертвые отъ страха, они дрожащимъ голосомъ читали молитвы и умоляли насъ уходить обратно въ Чейбсенъ; но мы хорошо знали, что отступленіе только ободритъ дунганъ, которые на лошадяхъ все-таки легко могутъ догнать нашъ караванъ и потому рѣшили идти на проломъ. Маленькою кучкою изъ четырехъ человѣкъ, со штуцерами въ рукахъ, съ револьверами за поясомъ, двинулись мы впереди нашихъ верблюдовъ, которыхъ вели проводники-монголы, чуть было не убѣжавшіе, при нашемъ рѣшеніи идти впередъ. Однако, когда я объявилъ, что въ случаѣ бѣгства мы будемъ стрѣлять въ нихъ прежде, чѣмъ въ дунганей, то наши сотоварищи, волею неволею, должны были слѣдовать за нами. Положеніе наше, дѣйствительно, было весьма опаснымъ, но инаго исхода не предстояло—вся наша надежда заключалась въ превосходномъ вооруженіи и извѣстной трусости дунганей.

Разсчетъ оказался вѣренъ. Видя что мы идемъ впередъ, дунганы сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ и, наконецъ, подпустивъ насъ не ближе какъ на версту, (такъ что мы еще не начали стрѣлять изъ штуцеровъ), бросились на уходъ, въ обѣ стороны большой поперечной дороги. Тогда мы свободно вышли изъ ущелья, перешли большую дорогу и стали подниматься на слѣдующій очень крутой и высокій перевалъ. Къ довершенію трудностей, наступилъ вечеръ и поднялась сильнѣйшая мятель, такъ что наши верблюды, едва едва могли взобраться по тропинкѣ. Спускъ былъ еще хуже, сдѣлалось совершенно темно и мы ощупью полѣзли внизъ, безпрестанно спотыкаясь и падая. Наконецъ, послѣ часа подобной ходьбы, мы остановились въ такомъ узкомъ ущельи и густыхъ кустарникахъ, что едва нашли мѣсто для палатки и, только послѣ большихъ усилій, могли развести огонь, чтобы отогрѣть на немъ окоченѣвшіе члены.

Слѣдующіе пять дней пути прошли безъ всякихъ приключеній, и мы благополучно достигли ставки Муръ-засака, который имѣлъ свое мѣстопребываніе на берегу Тэтунгъ-гола, всего въ двѣнадцати верстахъ отъ дунганскаго города *Ю-нань-чень* [1]). Тѣмъ не менѣе начальникъ этого Монгольскаго засака, принадлежащаго въ административномъ отношеніи уже къ Куку-нору, жилъ постоянно въ великой дружбѣ съ дунганами, которые покупали у него скотъ и привозили на продажу свои товары.

Благодаря письму Чейбсенскаго донира къ Муръ-засаку, въ ко-

[1]) Монгольское названіе этого города — *Шадынъ-хото*.

Digitized by Google

торомъ онъ отрекомендовалъ меня, чуть ли не родственникомъ самого богдохана, мы получили двухъ проводниковъ, до слѣдующаго тангутскаго стойбища, почти на самыхъ верховьяхъ Тэтунга. Конечно, при этомъ не обошлось безъ подарковъ самому Муръ-засаку; проводникамъ же я платилъ теперь каждому по два цина въ сутки и давалъ продовольствіе.

Дорога отъ Муръ-засака въ тангутской стоянкѣ все время шла по лѣвой сторонѣ Тэтунга и была гораздо лучше той, которую мы имѣли отъ Чейбсена. Путь нашъ затруднялся только каждодневнымъ снѣгомъ, растаивавшимъ на солнцѣ и разводившимъ сильную грязь, въ которой безпрестанно падали наши чуть живые верблюды. Къ удивленію, тангутскій зангинъ, до котораго отъ Муръ-засака было 55 верстъ, оказался очень хорошимъ, услужливымъ человѣкомъ и, получивъ отъ насъ въ подарокъ пять аршинъ плису, да тысячу иголокъ, прислалъ въ отвѣтъ барана и фунтовъ десять сарлочьяго масла. У тангутовъ мы пробыли сутки; получивъ затѣмъ новыхъ проводниковъ, мы оставили долину Тэтунга [1]) и повернули на югъ, прямо къ озеру Куку-нору.

Пройденный нами бассейнъ верхняго теченія Тэтунгъ-гола несетъ вполнѣ гористый характеръ, большею частію такой же дикій, какъ и возлѣ кумирни Чертынтонъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, два главныхъ хребта—одинъ съ сѣвера, другой съ юга—сопровождаютъ теченіе описываемой рѣки, пуская отъ себя боковыя отрасли, которыя, въ южномъ хребтѣ, служатъ раздѣломъ притоковъ самаго Тэтунга, и другихъ рѣчекъ, текущихъ то въ *Силинъ-голъ* [2]), то въ Куку-норъ. Самая большая изъ этихъ рѣчекъ встрѣченная нами на пути, была *Бугукъ-голъ*; она составляетъ притокъ Силинъ-гола и течетъ въ превосходной, чрезвычайно живописной долинѣ. На лѣвой сторонѣ Тэтунга, сѣверный хребетъ, вблизи города Ю-нань-чень, круто поворачиваетъ къ сѣверу, къ истокамъ р. Эцзинэ. Въ тоже время эти горы дѣлаются еще выше, скалистѣе и выдвигаютъ изъ себя вѣчно снѣговую вершину *Конкыръ*, одну изъ священныхъ горъ тангутской земли.

Южный хребетъ, въ пространствѣ отъ Чейбсена до Муръ-засака, вездѣ покрытъ на своихъ сѣверныхъ склонахъ кустарниками, къ которымъ, въ долинѣ Бугукъ-гола, присоединяется, въ небольшомъ количествѣ, еловый лѣсъ; скаты же обращенные на югъ, по прежнему представляютъ превосходныя пастбища. Далѣе, за Муръ-

[1]) Отсюда до истоковъ Тэтунга, по словамъ тангутовъ, не болѣе 60—70 верстъ.

[2]) Силинъ-голъ составляетъ одинъ изъ правыхъ притоковъ верхняго теченія Желтой рѣки; на немъ лежитъ большой городъ *Силинъ*.

Digitized by Google

засакомъ, къ верховьямъ Тэтунга и, въ особенности, за невысокимъ переваломъ черезъ водораздѣлъ, между бассейномъ этой рѣки и Кукуномъ, характеръ горъ измѣняется: онѣ мельчаютъ въ своихъ размѣрахъ (за исключеніемъ лишь главнаго хребта), мало имѣютъ скалъ, вездѣ представляютъ пологіе скаты, обыкновенно занятые кочковатыми болотами, которыя преобладаютъ вездѣ и по долинамъ.. Кустарники совсѣмъ исчезаютъ, за исключеніемъ лишь желтаго курильскаго чая. мѣстами сплошь покрывающаго большія площади. Словомъ, все возвѣщаетъ близость степей Куку-нора, въ равнину котораго мы вышли 12-го октября, а черезъ день разбили свою палатку на самомъ берегу озера.

Мечта моей жизни исполнилась! Завѣтная цѣль экспедиціи была достигнута! То, о чемъ недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ купленъ цѣною многихъ тяжкихъ испытаній, но теперь всѣ пережитыя невзгоды были забыты и, въ полномъ восторгѣ, стояли мы съ товарищемъ на берегу великаго озера, любуясь на его чудныя, темно-голубыя волны.....

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Тангуты и дунганы.

Наружность, языкъ, одежда и жилище тангутовъ.—Ихъ занятія, пища и характеръ.—Магометанское возстаніе въ западномъ Китаѣ.—Дѣйствія инсургентовъ въ Гань-су.—Мѣры китайцевъ.—Деморализація китайскихъ войскъ.—Взятіе ими г. Синина.

Тангуты, или какъ ихъ называютъ китайцы *Си-фань*, одноплеменны тибетцамъ [1]). Они занимаютъ гористую область Гань-су, Кукуноръ, восточную часть Цайдама, но всего болѣе бассейнъ верхняго теченія Хуанъ-хэ, распространяясь отсюда къ югу до Голубой рѣки, а можетъ быть и далѣе. За исключеніемъ Куку-нора и Цайдама, вышеназванныя мѣстности у тангутовъ носятъ общее имя *Амдо* и считаются ихъ территоріею, хотя описываемое племя живетъ, большею частію, смѣшанно съ китайцами и отчасти съ монголами.

По своему наружному типу, тангуты рѣзко отличаются какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ, но, какъ упомянуто въ предъидущей главѣ, отчасти напоминаютъ цыганъ. Общій ростъ ихъ средній, частію даже большой, сложеніе коренастое, плечи широкія. Волосы, брови, усы и борода у всѣхъ, безъ исключенія, черныя; глаза черные, обыкновенно большіе, или средней величины, но не узко-прорѣзанные, какъ у монголовъ. Носъ прямой, иногда (не особенно рѣдко) орлиный, или вздернутый къ верху; губы большія и довольно часто отвороченныя. Скулы хотя отчасти и выдаются, но не рѣзко, какъ у монголовъ; лицо вообще продолговатое, но не плоское; черепъ круглый; зубы отличныя, бѣлыя. Общій цвѣтъ кожи и лица смуглый, у женщинъ иногда матовый; кромѣ того, женщины вообще меньше ростомъ, нежели мужчины.

Въ противоположность монголамъ и китайцамъ, у тангутовъ сильно растутъ усы и борода, но они всегда ихъ брѣютъ. Волосы

---

[1]) Предки нынѣшнихъ тибетцевъ были тангуты, пришедшіе въ Тибетъ изъ Куку-нора въ IV вѣкѣ до Р. Х. Статистическое описаніе Китая. Іоакинфа. Ч. II, стр. 145.

Digitized by Google

на головѣ также брѣютъ, оставляя косу на затылкѣ; ламы же, какъ и у монголовъ, брѣютъ всю голову.

Женщины носятъ длинные волосы, раздѣляя ихъ по срединѣ и сплетая, по бокамъ головы, въ мелкія косички отъ 15—20 на каждой сторонѣ; въ эти косички щеголихи вплетаютъ бусы, ленты и т. п. украшенія. Кромѣ того, женщины румянятъ себѣ лицо, употребляя для этой цѣли китайскія румяна, а лѣтомъ землянику, которая въ изобиліи растетъ по горнымъ лѣсамъ. Впрочемъ, обычай румяниться мы замѣтили только въ Гань-су; на Куку-норѣ и въ Цайдамѣ его нѣтъ, быть можетъ потому, что здѣсь трудно доставать снадобья, необходимыя для этой цѣли.

Таковы, по наружности, тангуты, обитающіе въ Гань-су. Другая вѣтвь этого народа, такъ называемые *хара-тангуты*[1]), живущіе въ бассейнѣ Куку-нора, въ восточной части Цайдама и на верховьяхъ Желтой рѣки, отличаются отъ своихъ собратій, большимъ ростомъ, болѣе чернымъ цвѣтомъ кожи, а всего рѣзче разбойничьимъ характеромъ; кромѣ того, хара-тангуты не носятъ косъ и брѣютъ всю голову.

Изслѣдованіе тангутскаго языка представляло для насъ огромныя трудности, разъ по неимѣнію переводчика, а во вторыхъ, по крайней подозрительности самихъ тангутовъ. Записать какое-либо слово въ виду разсказчика — это значило навсегда закрыть себѣ возможность разузнать о чемъ бы то ни было, такъ какъ подобный случай мигомъ бы разнесся по всей окрестной странѣ и подозрѣніямъ не было бы конца. Затѣмъ, такъ какъ мой казакъ переводчикъ, и безъ того крайне плохой драгоманъ, вовсе не зналъ по тангутски, то мы могли объясняться черезъ него лишь съ тѣми тангутами, которые знали монгольскій языкъ, что встрѣчается очень рѣдко[2]). Несравненно скорѣе можно было найти монгола, знающаго тангутскій языкъ, какого мы дѣйствительно имѣли во время своего лѣтняго пребыванія въ горахъ Гань-су. Но и въ такомъ случаѣ, для разговора съ тангутомъ, необходимо было каждую фразу выслушивать и переводить черезъ два лица къ третьему, что, конечно, крайнѣ утомительно и неудобно. Обыкновенно я говорилъ своему казаку по русски, онъ передавалъ по монгольски монголу, а этотъ послѣдній уже по тангутски переводилъ тангуту. Если прибавить сюда умственную ограниченность нашего казака переводчика, безтолковость монгола и подозрительность

[1]) Т. е. черные тангуты.

[2]) По китайски же говорятъ почти всѣ тангуты живущіе въ Гань-су.

Digitized by Google

тангута, то можно себѣ представить, на сколько удобно было для насъ производить лингвистическія изслѣдованія въ тангутской странѣ. Только при удобныхъ случаяхъ, и при томъ урывками, между кучею другихъ занятій, удавалось мнѣ иногда поговорить съ тангутомъ и украдкою записать нѣсколько словъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, можно было подмѣтить очень немногое въ языкѣ, совершенно чуждомъ для европейца.

Рѣчь тангутовъ *всегда идетъ скороговоркою* и ихъ языкъ, сколько кажется, характеризуется слѣдующими особенностями:

Обиліемъ односложныхъ, отрывисто произносимыхъ словъ; напр. *токъ* (молнія), *чсю* (вода), *рца* (трава), *хця* (волосы).

Сочетаніемъ иногда значительнаго числа согласныхъ: *мдзуґёё* (пальцы), *нáмрцаа* (годъ), *рдзáваа* (мѣсяцъ), *лáмртонъ-лáма* (рай).

Гласныя въ концѣ словъ часто произносятся протяжно: *пчии* (мулъ), *шаа* (мясо), *дзяя* (чай), *вёё* (мужъ), *сяя* (шляпа); иногда гласныя выговариваются протяжно и въ срединѣ словъ: *сáазюю* (земля), *дóоа* (табакъ).

Окончаніе «нъ» въ концѣ словъ выговаривается протяжно и притомъ въ носъ, какъ французское «n»: *лунъ* (вѣтеръ), *шанъ* (лѣсъ), *сюбченъ* (ручей); окончаніе же словъ на «мъ» произносится отрывисто: *ламъ* (дорога), *онáмъ* (громъ).

«Ґ» въ началѣ словъ произносится какъ латинское «h»: *ґóма* (молоко); «к» — иногда съ придыханіемъ, будто «кх»: *кхúка* (хребетъ), *дюджхýкъ* (кисетъ); «ч» иногда выговаривается какъ «цч»: *цчё* (собака); «р» въ началѣ словъ, при сочетаніи съ одною или нѣсколькими гласными, произносится едва слышно: *рáнму* (жена), *рмýхаа* (облака).

Вотъ перечень тангутскихъ словъ, которыя мнѣ удалось записать:

Гора	*Рии* [1])	Облака	*Рмýхаа.*
Хребетъ	*Кхúка.*	Дождь	*Цсяръ.*
Рѣка	*Чсю́-ченъ.*	Снѣгъ.	*Кынъ.*
Ручей.	*Сю́б-ченъ.*	Громъ	*Онáмъ.*
Озеро.	*Цоо.*	Молнія	*Токъ.*
Вода	*Чсю.*	Морозъ.	*Хабсá.*
Трава.	*Рца.*	Жаръ.	*Дзáтчигэ.*
Лѣсъ	*Шанъ.*	Вѣтеръ.	*Лунъ.*
Дерево	*Шáнъ-кырё.*	Дорога	*Ламъ.*
Дрова.	*Мúи-шанъ.*	Чай.	*Дзяя.*
Огонь.	*Мии.*	Юрта.	*Кырръ.*

[1]) Гласныя, выговариваемыя протяжно, написаны двойными буквами.

Digitized by Google

Очагъ	*Хцяктáбъ.*
Палатка	*Рюкáрръ.*
Молоко	*Гóма.*
Масло	*Марръ.*
Мясо	*Шаа.*
Баранъ	*Люкъ.*
Козелъ	*Рамá.*
Корова	*Сокъ.*
Быкъ	*Óлунму.*
Якъ самецъ	*Якъ.*
Якъ самка	*Нджё.*
Собака	*Цчё.*
Лошадь	*Ртаа.*
Оселъ	*Онлё* [1].
Мулъ	*Пчии.*
Медвѣдь	*Бсюгджэ́тъ.*
Выдра	*Чю́храмъ.*
Волкъ	*Кáадамъ.*
Лисица	*Гаа.*
Корсакъ	*Бээ.*
Ежъ	*Ргaнъ.*
Летучая мышь	*Пáнаа.*
Тушканчикъ	*Рхти́лу.*
Заяцъ	*Рýгунъ.*
Пищуха	*Бчжаа. Джáкзюмъ.*
Мышь	*Хáрда.*
Сурокъ	*Шоо.*
Дзеренъ	*Гоо.*
Кабарга	*Лаа.*
Косуля	*Кашá.*
Олень самецъ	*Шаа?*
Олень самка	*Имý.*
Аргали	*Рхянъ.*
Куку-яма	*Рнаи.*
Верблюдъ	*Намýнъ.*
Войлокъ	*Дзюгóнь.*
Шуба	*Рцóха.*
Шляпа	*Сяя.*
Сѣдло	*Ртрга.*
Халатъ	*Лоо.*
Сапоги	*Хамъ.*
Рубаха	*Цё́линъ.*
Трубка	*Тё́тхуу.*
Огниво	*Ми́ця.*
Табакъ	*Дóоа.*
Подкова	*Рни́хцякъ*
Кисетъ	*Дюдкхýкъ.*
Мужчина	*Хчéйбса.*
Женщина	*Ёрхмáтъ.*
Ребенокъ	*Ся́зи.*
Мужъ	*Вёё.*
Жена	*Ргáнму.*
Человѣкъ	*Мни.*
Голова	*Мни́-гоу.*
Глаза	*Никъ.*
Носъ	*Хнаа.*
Лобъ	*Тотбá.*
Уши	*Рна.*
Брови	*Дзýма.*
Ротъ	*Ка.*
Губы	*Чё́ли.*
Щеки	*Дзя́мба.*
Лицо	*Ноо.*
Волосы	*Хця.*
Усы	*Кóбсы.*
Бакенбарды	*Дзя́ра.*
Борода	*Дзя́мки.*
Зубы	*Соо.*
Языкъ	*Хцэ.*
Сердце	*Рхинъ.*
Кровь	*Чакъ.*
Шея	*Хня.*
Кишки	*Дзюнáкъ.*
Грудь	*Пчанъ.*
Руки	*Лóхва.*
Пальцы	*Мдзугё́ё.*
Ногти	*Ци́нму.*
Спина	*Цáнра.*
Животъ	*Чо́тбу.*
Ноги	*Кýнаа.*

[1]) Знакъ * надъ буквами означаетъ двоеточіе и удареніе.

Digitized by Google

Ступня	*Ка́нти.*	6	*Чокъ.*
Колѣно	*Орму́.*	7	*Дюнъ.*
Голень	*Хци́наръ.*	8	*Дзятъ.*
Богъ	*Схаа.*	9	*Рю.*
Ангелъ	*Ту́нба.*	10	*Цю́-тамба́.*
Діаволъ	*Джээ.*	11	*Цю́-хцикъ.*
Рай	*Ла́мртонъ-лама́.*	12	*Цю́-ни.*
Адъ	*Уарду́.*		
Небо	*Намъ.*	20	*Ни́-чи-тамба́.*
Солнце	*Ни́ма.*	30	*Су́мъ-чи-тамба́.*
Звѣзды	*Ка́рама.*	40	*Бжёпъ-чи-тамба́.*
Луна	*Да́ва.*	50	*Рно́пъ-чи-тамба́.*
Земля	*Са́азюю.*	60	*Чокъ-чи́-тамба́.*
Годъ	*На́мрцаа.*	70	*Дюнъ-чи-тамба́.*
Мѣсяцъ	*Рдза́ваа.*	80	*Дзя́тъ-чи-тамба́.*
Недѣля	*Ни́ма?-абду́нь.*	90	*Рюпъ-чи-тамба́.*
День	*Ни́ма?*	100	*Рдзя́-тамба́.*
Ночь	*На́мгумъ.*	101	*Рдзя́-та-хци́къ.*
Ходить	*Джёо.*	102	*Рдзя́-та-ни́.*
Стоять	*Ла́ніётъ.*		
Ѣсть	*Та́са.*	200	*Ни́-рдзя.*
Пить	*Тунъ.*	300	*Су́мъ-рдзя.*
Спать	*Рнитъ.*	400	*Бжё-рдзя.*
Лежать	*Няя.*	500	*Рна́-рдзя.*
Сидѣть	*Дёкъ.*	600	*Чо́къ-рдзя.*
Кричать	*Кюпсэтъ.*	700	*Дю́нъ-рдзя.*
Говорить	*Шо́да.*	800	*Дзя́тъ-рдзя.*
Молиться	*Ша́гамца.*	900	*Рю́-рдзя.*
Смотрѣть	*Хци́ркта.*	1,000	*Рту́нъ-тыкъ-хци́къ.*
Приносить	*Цэ́рашокъ.*	2,000	*Рту́нъ-тыкъ-ни́.*
Ѣхать	*Да́ньджё.*		
Бѣгать	*Дарьджу́къ.*	10,000	*Чи́-цокъ-хци́къ.*
Онъ	*Канъ.*	20,000	*Чи́-цокъ-ни.*
Есть	*Іётъ.*		
Да	*Ритъ.*	100,000	*Бу́ма.*
Нѣтъ	*Митъ.*	200,000	*Бу́ма-ни.*
1	*Хцикъ.*	300,000	*Бу́ма-сумъ.*
2	*Ни.*		
3	*Сумъ.*	1,000,000	*Си́ва.*
4	*Бжё.*	10,000,000	*Ду́нхыръ.*
5	*Рна.*		

Digitized by Google

Одежда тангутовъ дѣлается изъ сукна, или изъ бараньихъ шкуръ, что обусловливается мѣстнымъ климатомъ, чрезвычайно сырымъ лѣтомъ и холоднымъ зимою. Лѣтняя одежда какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ сѣраго суконнаго халата, который достаетъ только до колѣнъ, китайскихъ, или собственнаго произведенія, сапоговъ и войлочной, обыкновенно сѣрой, низкой шляпы съ широкими полями. Рубашекъ и панталонъ тангуты никогда не носятъ, такъ что даже зимою шубы надѣваются прямо на голое тѣло; верхнія части ногъ обыкновенно остаются непокрытыми исподнимъ платьемъ. Богатые надѣваютъ халаты изъ синей китайской дабы, что уже считается щегольствомъ, а ламы, также какъ и у монголовъ, носятъ красную, рѣже желтую, одежду.

Вообще одѣяніе тангутовъ далеко бѣднѣе нежели у монголовъ, такъ что шелковый халатъ, сплошь и къ ряду попадающійся въ Халхѣ, въ тангутской странѣ можно встрѣтить только какъ исключительную рѣдкость. Но какова-бы ни была одежда и время года, тангутъ постоянно спускаетъ свой правый рукавъ, такъ что рука и часть груди этой стороны остаются голыми; подобная привычка не покидается даже въ дорогѣ, конечно, если тому благопріятствуетъ состояніе погоды.

Многіе щеголи дѣлаютъ оторочку своей одежды барсовыми шкурами, получаемыми изъ Тибета и, сверхъ того, въ лѣвомъ ухѣ носятъ большую серебряную серьгу, съ вставленною въ нее красною гранатою. Затѣмъ, огниво и ножикъ за поясомъ на спинѣ, кисетъ и трубка на лѣвомъ боку — необходимыя принадлежности костюма каждаго тангута. Кромѣ того, на Куку-норѣ и въ Цайдамѣ всѣ они, равно какъ и монголы, носятъ за поясомъ длинныя широкія Тибетскія сабли. Желѣзо на этихъ саблях крайне плохое, хотя цѣна ихъ очень высока: по три или по четыре лана за самый простой клинокъ и до пятнадцати ланъ за клинокъ съ лучшею отдѣлкою.

Женщины, какъ упомянуто выше, носятъ туже самую одежду, какъ и мужчины; только при парадномъ одѣяніи онѣ навѣшиваютъ черезъ плечи широкія полотенца, украшенныя бѣлыми кружками, около дюйма въ діаметрѣ. Эти кружки дѣлаются изъ раковинъ и насаживаются, одинъ отъ другаго, дюйма на два разстоянія. Кромѣ того красныя бусы, подобно тому, какъ и у монголовъ, составляютъ самую существенную сторону щегольства богатыхъ женщинъ.

Универсальное жилище тангута составляетъ черная палатка, сдѣланная изъ грубой и рѣдкой какъ сито шерстяной ткани [1]). Палатка

[1]) Такая ткань приготовляется изъ шерсти яковъ.

Digitized by Google

прикрѣпляется къ четыремъ кольямъ по угламъ, а бока ея притягиваются на петляхъ къ землѣ; въ срединѣ почти плоской верхушки находится продольный разрѣзъ, шириною около фута, для выхода дыму; этотъ прорѣзъ закрывается во время дождя и на ночь. Внутри палатки, по срединѣ ея, сдѣланъ изъ глины очагъ, на сторонѣ противоположной входу стоятъ бурханы и сложенъ разный домашній скарбъ, а по бокамъ устроены логовища самихъ обитателей. Эти логовища часто состоятъ лишь изъ охапки хвороста, брошеннаго прямо на землю, размокшую въ грязь отъ дождя и сырости.

Только въ богатой лѣсами гористой области Гань-су черная палатка замѣняется иногда деревянною избою, или фанзою, тамъ гдѣ тангуты живутъ вмѣстѣ съ китайцами и, подобно имъ, занимаются хлѣбопашествомъ. По своему наружному виду тангутскія деревянныя избы сильно напоминаютъ наши курныя бѣлорусскія, но постройка этихъ избъ еще хуже. Въ нихъ вовсе нѣтъ деревяннаго пола и даже самыя стѣны сдѣланы безъ сруба, прямо изъ неотесанныхъ бревенъ, положенныхъ одно на другое. Промежутки между бревнами замазываются глиною, а плоская крыша состоитъ изъ накатника, сверху котораго насыпана земля; въ срединѣ такой крыши устроено, въ родѣ окна, отверстіе для выхода дыма.

Но и подобное жилище слишкомъ комфортно, въ сравненіи съ черною палаткою. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, тангутъ защищенъ отъ непогоды, между тѣмъ какъ въ черномъ шатрѣ его то мочитъ лѣтній дождь, то морозитъ зимній холодъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что нора сурка, живущаго рядомъ съ тангутомъ, вдесятеро комфортнѣе обиталища этого человѣка Тамъ, по крайней мѣрѣ, звѣрь имѣетъ мягкое логово; тангутъ же, въ своей грязной палаткѣ довольствуется, для ночлега, охабкою хвороста, или гнилыми войлоками, набросанными на сырую, часто мокрую землю.

Главное занятіе тангутовъ — скотоводство, которое доставляетъ все необходимое для ихъ незатѣйливой жизни. Изъ домашняго скота тангуты разводятъ всего болѣе яковъ и барановъ (не курдючныхъ); въ меньшемъ числѣ держатъ лошадей и коровъ. Богатство скота вообще весьма велико, что конечно обусловливается обиліемъ превосходныхъ пастбищъ по горамъ Гань-су и въ степяхъ озера Кукунора; тамъ и здѣсь намъ нерѣдко случалось видѣть стада яковъ въ нѣсколько сотъ, а барановъ даже въ нѣсколько тысячъ головъ, принадлежащихъ одному хозяину. Но владѣтели подобныхъ стадъ все-таки живутъ въ грязныхъ черныхъ палаткахъ, какъ и самые бѣдные изъ ихъ собратій. Много, много, если богатый тангутъ на-

Digitized by Google

дѣнетъ дабовый халатъ, вмѣсто простаго суконнаго, да съѣстъ лишній кусокъ мяса,—во всемъ жизнь этого человѣка ничѣмъ не отличается отъ жизни его прислуги. Онъ также нечистоплотенъ и никогда не моется; платье его также кишитъ паразитами, истребленіемъ которыхъ тангуты, подобно монголамъ, занимаются открыто, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ.

Характернымъ животнымъ тангутской земли и неразлучнымъ спутникомъ тангута является длинношерстый *якъ*. Это животное разводится также въ Ала-шаньскихъ горахъ и, въ большомъ числѣ, содержится монголами сѣверной части Халхи, обильной горами, водою и привольными пастбищами. Все это составляетъ необходимое условіе для яка, который живетъ хорошо исключительно въ мѣстностяхъ гористыхъ и при томъ значительно поднятыхъ надъ уровнемъ моря. Вода составляетъ необходимую потребность для яковъ; они очень любятъ купаться и такъ ловко плаваютъ, что на нашихъ глазахъ не разъ переплывали быстрый Тэтунгъ-голъ, даже со вьюкомъ на спинѣ По величинѣ, домашніе яки равняются нашему обыкновенному рогатому скоту, а по окраскѣ шерсти, бываютъ черные или пестрые, т. е. черные съ бѣлыми пятнами; совершенно бѣлые яки встрѣчаются лишь изрѣдка.

Не смотря на свое вѣковое рабство, якъ достаточно сохранилъ буйный нравъ дикаго животнаго; движенія его быстры и ловки; въ раздраженномъ состояніи онъ дѣлается опаснымъ для человѣка своею свирѣпостію.

Какъ домашнее животное, якъ въ высшей степени полезенъ. Онъ не только доставляетъ шерсть, превосходное молоко и мясо, но употребляется и для перевозки тяжестей. Правда, чтобы завьючить яка нужно большое искусство и терпѣніе, но за то онъ, съ кладью въ пять или шесть пудовъ, отлично идетъ по высокимъ и крутымъ горамъ, иногда самыми опасными тропинками. Вѣрность и твердость шага описываемаго животнаго изумительны; якъ лѣпится иногда по такимъ карнизамъ, гдѣ едва бы могъ пробраться козелъ или дикій баранъ. Въ тангутской землѣ, гдѣ мало верблюдовъ, яки служатъ, почти исключительно, вьючными животными и на нихъ отправляются большіе караваны изъ Куку-нора въ Лассу.

Въ горахъ Гань-су стада яковъ пасутся почти безъ всякаго присмотра; цѣлый день они бродятъ на пастбищахъ, а на ночь пригоняются къ палаткамъ своихъ хозяевъ.

Молоко, доставляемое коровами яковъ, превосходнаго вкуса и густо какъ сливки; масло, изъ него приготовляемое, всегда желтаго цвѣта и по качеству далеко выше масла коровьяго. Словомъ, якъ

Digitized by Google

во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно полезное созданье и нельзя не пожелать, чтобы это животное распространилось у насъ въ Сибири и въ тѣхъ мѣстахъ Европейской Россіи, которыя могутъ доставить ему привольную жизнь, какъ напр. на Уральскихъ горахъ и на Кавказѣ. Тѣмъ болѣе, что подобная акклиматизація не представитъ особенныхъ затрудненій. Въ Ургѣ можно купить сколько угодно яковъ, заплативъ отъ 20—30 рублей за штуку; доставка же ихъ лѣтомъ въ Европейскую Россію обойдется не слишкомъ дорого.

Тангуты ѣздятъ на якахъ даже верхомъ. Для управленія животнымъ, какъ при верховой ѣздѣ, такъ и при вьючной, яку продѣваютъ сквозь ноздри большое и толстое деревянное кольцо, за которое привязана веревка, замѣняющая узду.

Яки охотно скрещиваются съ домашними коровами и быки отъ такой помѣси, называемые монголами и тангутами *хайныкъ*, гораздо сильнѣе и выносчивѣе для вьючной ѣзды, а потому цѣнятся несравненно дороже.

Небольшая часть изъ видѣнныхъ нами тангутовъ, живущихъ вмѣстѣ съ китайцами въ окрестностяхъ Чейбсена, занимается земледѣліемъ, но осѣдлая жизнь видимо не понутру ихъ подвижной натурѣ. Осѣдлые тангуты всегда завидуютъ кочевымъ собратьямъ, которые съ своими стадами бродятъ съ пастбища на пастбище; притомъ пастушеская жизнь, конечно, всего менѣе представляетъ заботъ лѣнивому характеру этого народа.

На своихъ кочевьяхъ тангуты всегда располагаются по нѣсколько юртъ вмѣстѣ, и очень рѣдко живутъ въ одиночку, что, сплошь и къ ряду, дѣлаютъ монголы. Вообще, характеръ и привычки обоихъ этихъ народовъ совершенно противоположны. Въ то время, какъ монголъ привязанъ исключительно къ сухой, безплодной пустынѣ, и боится сырости, болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ невзгодъ своей родины, тангутъ, обитающій въ странѣ, лежащей рядомъ съ Монголіею, но прямо противоположной ей по своему физическому характеру, сдѣлался человѣкомъ совсѣмъ инаго закала. Влажность климата, горы, роскошныя пастбища, вотъ что манитъ къ себѣ тангута, который ненавидитъ пустыню и боится ея, какъ смертельнаго врага. Таковы же и характерныя животныя каждаго изъ описываемыхъ кочевниковъ: верблюдъ монгола, по своимъ качествамъ, представляетъ четвероногій портретъ своего хозяина, а тангутскій якъ, въ не меньшей степени, заключаетъ въ себѣ преобладающія склонности самихъ тангутовъ.

Въ лѣсныхъ горахъ Гань-су, нѣкоторые тангуты, только очень немногіе, занимаются точеніемъ деревянной посуды — чашекъ для

Digitized by Google

ѣды и для сохраненія масла; впрочемъ, послѣднее сберегается, главнымъ образомъ, въ сарлочьихъ или бараньихъ брюшинахъ.

Болѣе другихъ развитое, можно сказать даже единственное, занятіе между тангутами, это сученіе сарлочьей (рѣже бараньей) шерсти для сукна, изъ котораго дѣлается вся мѣстная одежда. Сученіе производится какъ дома, такъ и походя, на длинной (3—4 футъ) палкѣ, къ вершинѣ которой придѣлана рогулька, для висячаго веретена. Однако тангуты сами не ткутъ сукна изъ приготовляемыхъ нитокъ, но отдаютъ эту работу китайцамъ. Замѣчательно, что въ Гань-су мѣреніе сукна при покупкѣ (по крайней мѣрѣ у тангутовъ) производится размахомъ рукъ, такъ что величина мѣры и, сообразно тому, плата за нее зависятъ отъ роста покупателя.

Уходъ за скотомъ составляетъ единственное занятіе тангута, отрывающее этого человѣка, хотя немного, отъ той абсолютной лѣни, которой онъ предается въ теченіи всей своей жизни. По цѣлымъ часамъ сидятъ взрослые и малые возлѣ очага палатки, ничего ровно не дѣлая и только попивая чай, который составляетъ такую же необходимость для тангутовъ, какъ и для монголовъ Только въ тангутской странѣ, гдѣ кирпичный чай, по случаю дунганскихъ смутъ, очень дорогъ, его замѣняютъ сушеными головками желтаго луку, въ изобиліи растущаго по горамъ, и еще какою-то травою, которую сушатъ и прессуютъ на подобіе табаку. Главная фабрикація такого чая происходитъ въ г. *Донкыръ* [1]), а потому онъ и извѣстенъ подъ именемъ «донкырскаго». Отвратительный настой этой травы тангуты приправляютъ молокомъ и пьютъ въ невѣроятномъ количествѣ. Подобно тому какъ и у монголовъ, котелъ съ чаемъ цѣлый день не сходитъ съ очага и чаепитіе производится, навѣрное, около десяти разъ въ день; каждый гость непремѣнно угощается чаемъ.

Необходимую принадлежность чая составляетъ дзамба, горсть которой сыплется въ чашку, до половины наполненную чаемъ, и затѣмъ разминается здѣсь руками въ крутое тѣсто, къ которому, для вкуса, подбавляется масло и сушеный творогъ (*чурма*). Впрочемъ, подобныя добавленія встрѣчаются только у зажиточныхъ; бѣдные же довольствуются одною дзамбою съ чаемъ. Это отвратительное мѣсиво составляетъ главную пищу тангутовъ [2]), которые вообще мало ѣдятъ мяса. Даже богатый тангутъ, владѣющій нѣсколькими тысячами головъ скота, рѣдко убьетъ для себя барана или сарлока. Скупость и жадность къ деньгамъ этого человѣка такъ велики, что

---

[1]) Этотъ городъ лежитъ въ 20 верстахъ къ зап.-сѣв.-западу отъ Синина.

[2]) Равно какъ и монголовъ, живущихъ въ Гань-су, Куку-норѣ и Цайдамѣ.

Digitized by Google

онъ отказываетъ себѣ въ кускѣ мяса, только бы пріобрѣсть лишній ланъ серебра; за то тангуты, подобно монголамъ, не брезгаютъ издохшею скотиною и съ наслажденіемъ обжираются падалью.

Послѣ чаю и дзамбы тангуты ѣдятъ всего болѣе *тарыж*, т. е. вскипяченое скисшееся молоко, съ котораго, предварительно, сняты сливки для масла. Тарыкъ самая любимая молочная пища тангутовъ и его можно найдти въ каждой палаткѣ; сверхъ того, богатые приготовляютъ изъ творогу съ масломъ особый сыръ, но это уже считается великою роскошью.

Нечистоплотность тангутовъ какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ остальномъ, переходитъ всякія границы. Посуда, въ которой приготовляется ѣда, никогда не моется; только однѣ чашки вылизываются и прячутся за пазуху, гдѣ ползаютъ различныя насѣкомыя. Истребляя этихъ послѣднихъ, тангутъ тѣми же самыми неумытыми руками начинаетъ мѣсить свою дзамбу. При доеніи коровъ вымя никогда не моется; молоко сливается въ невообразимо грязную посуду, а для сбиванія масла служитъ, прикрѣпленный на палкѣ, кусокъ сырой бараньей шкуры, неочищенной отъ шерсти, и извалявшійся въ грязи.

Такъ какъ тангуты, за весьма малыми исключеніями, сами не занимаются земледѣліемъ, то для покупки дзамбы, равно какъ и прочаго необходимаго, они ѣздятъ въ г. Донкыръ, составляющій самое важное торговое мѣсто описываемаго народа. Сюда тангуты гонятъ скотъ, везутъ шкуры, шерсть и мѣняютъ все это на дзамбу, табакъ, дабу, китайскіе сапоги и пр., такъ что торговля въ Донкырѣ главнымъ образомъ мѣновая. На Куку-норѣ и въ Цайдамѣ даже цѣна вещей опредѣляется не деньгами, но количествомъ барановъ, идущихъ за нее въ обмѣнъ.

Подобно своему наружному типу, тангуты много отличаются отъ монголовъ и по характеру, въ которомъ замѣтно болѣе смѣлости и энергіи; кромѣ того, тангуты смышленѣе монголовъ, въ особенности Куку-норскихъ и Цайдамскихъ. Но у описываемаго народа далеко нѣтъ того гостепріимства, которое встрѣчается такъ широко у всѣхъ чистокровныхъ монголовъ. Взамѣнъ того, между тангутами, въ особенности живущими рядомъ съ китайцами, въ высшей степени развито плутовство и страсть къ торгашеству; самую ничтожную услугу тангутъ никогда не сдѣлаетъ даромъ, но всегда старается стянуть возможно больше, хотя бы даже съ своего собрата.

Привѣтствіе при встрѣчѣ у тангутовъ состоитъ въ томъ, что они вытягиваютъ горизонтально обѣ руки и говорятъ «*Ака-тэму*», т. е. здравствуй. Слово «Ака», подобно тому, какъ у монголовъ

Digitized by Google

«нохоръ», выражаетъ здѣсь тоже, что наше «господинъ», или «милостивый государь», и часто употребляется въ разговорахъ. При первомъ знакомствѣ и вообще при посѣщеніи кого либо, въ особенности важнаго лица, тангуты всегда дарятъ шелковый хадакъ; качествомъ хадаковъ, до нѣкоторой степени, опредѣляется взаимное расположеніе гостя и хозяина.

Женъ у тангутовъ бываетъ по одной, но, сверхъ того, они держатъ наложницъ. На женщинахъ лежатъ всѣ домашнія работы и онѣ, сколько кажется, равноправны съ мужчинами въ домашней жизни. Замѣчательно, что у тангутовъ существуетъ обычай воровать чужихъ женъ, конечно съ тайнаго согласія этихъ послѣднихъ. Въ подобномъ случаѣ уворованная женщина принадлежитъ уже похитителю, который платитъ за нея прежнему супругу выкупъ, иногда весьма значительный. Какъ женщины, такъ и мужчины въ тангутской землѣ считаютъ свои года со дня зачатія, такъ что къ общему числу прожитыхъ лѣтъ всегда прикладывается годъ, проведенный въ утробѣ матери.

Подобно монголамъ, тангуты чрезвычайно усердные буддисты и при томъ страшные суевѣры. Различное колдовство и гаданіе, рядомъ съ процессіями религіознаго культа, встрѣчаются у описываемаго народа на каждомъ шагу. Усердствующіе богомольцы ежегодно отправляются въ Лассу. Ламы у тангутовъ во всеобщемъ почитаніи и вліяніе ихъ на народъ безгранично. Только кумирни въ тангутской землѣ встрѣчаются рѣже, нежели въ Монголіи, такъ что гыгены, которыхъ здѣсь также довольно много, иногда живутъ въ черныхъ палаткахъ, вмѣстѣ съ простыми смертными. Послѣдніе, по окончаніи жизни, не зарываются въ землю, но выбрасываются въ лѣсъ или въ степь, на съѣденіе грифамъ и волкамъ.

Всѣ тангуты управляются собственными чиновниками, подвѣдомственными китайскому правителю Гань-су. Послѣдній имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Сининѣ, но, по занятіи этого города инсургентами, перебрался въ Джунъ-линъ; послѣ же взятія Синина китайскими войсками, осенью 1872 года, Гань-суйскій амбань вновь занялъ свою прежнюю резиденцію.

Магометанское возстаніе охватившее собою, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, всѣ западныя владѣнія Китая и имѣвшее сначала, повидимому, всѣ шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ манчжурскою властію, въ настоящее время находится въ полномъ упадкѣ. Достигнувъ съ перваго раза своей главной цѣли—освобожденія изъ подъ

Digitized by Google

ненавистной китайской власти, на громадномъ пространствѣ земель, лежащихъ къ западу отъ Великой стѣны и верховьевъ Желтой рѣки, инсургенты, или какъ мы ихъ называемъ *дунганы* [1]), а китайцы — *хой-хой*, остановили свои наступательныя дѣйствія и ограничились только мелкими грабежами въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Китая и Монголіи. Разореніе Ордоса и Ала-шаня на востокѣ, Улясутая, Кобдо и Булунь-тохоя на западѣ—были послѣдними крупными подвигами хой-хоевъ, которые вслѣдъ за тѣмъ начали терпѣть пораженія отъ китайцевъ, предпринявшихъ наконецъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія къ востоку отъ верхняго теченія Хуанъ-хэ. Здѣсь мы были личными свидѣтелями борьбы инсургентовъ и китайскихъ войскъ, а потому нижеслѣдующій разсказъ будетъ касаться только дѣйствій обѣихъ сторонъ въ провинціи Гань-су.

Здѣсь магометанское возстаніе началось въ 1862 году, и первоначально также ознаменовалось важными успѣхами инсургентовъ. Три большихъ города—Синингъ, Тэтунгъ и Су-чжеу вскорѣ очутились въ ихъ власти; китайскіе гарнизоны были вырѣзаны, или приняли магометанство и перешли на сторону мятежниковъ. Однако рядомъ съ этими освободившимися городами, китайцы продолжали держать гарнизоны во многихъ другихъ городахъ (Джунъ-линъ, Са-янь-чинъ, Даджинъ, Ланъ-чжеу, Гань-чжеу), оставшихся за ними, такъ что Гань-су не была совершенно потеряна для Китая. Земли хой-хоевъ и китайцевъ лежали здѣсь не только въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, но иногда даже въ черезполосномъ владѣніи, и ни та, ни другая сторона не предпринимала какихъ либо энергическихъ дѣйствій.

При такомъ положеніи дѣлъ мелкіе разбои и грабежи сдѣлались вскорѣ главною цѣлію освободившихся хой-хоевъ и, замѣнивъ всякія другія стремленія, повели дѣло магометанскаго возстанія къ упадку прежде, нежели оно достигло прочныхъ политическихъ результатовъ. Вмѣсто того, чтобы дружною кучею двинуться за Желтую рѣку прямо къ Пекину, и подъ его стѣнами рѣшить вопросъ о самостоятельномъ существованіи магометанскаго государства на востокѣ Азіи, дунганы начали дѣйствовать врозь, небольшими партіями, для которыхъ добыча грабежа служила главною приманкою.

Между тѣмъ, въ случаѣ энергическихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Китая, инсургенты имѣли большіе шансы на успѣхъ.

---

[1]) Такое имя совершенно неизвѣстно ни китайцамъ, ни самимъ магометанамъ тѣхъ мѣстностей, которыя были нами посѣщены во время путешествія. Китайцы называютъ именемъ *хой-хой* всѣхъ вообще магометанъ, живущихъ въ предѣлахъ Китая. Эти магометане — *Сунны*, но распадаются на нѣсколько толковъ.

Digitized by Google

Не говоря уже про извѣстную трусость и деморализацію китайскихъ войскъ, хой-хои тотчасъ же нашли бы себѣ громадную поддержку, въ собственныхъ провинціяхъ Небесной имперіи, со стороны магометанскаго населенія, одушевленнаго полною ненавистію къ манчжурскому владычеству и готоваго, при первомъ появленіи своихъ западныхъ собратій, поднять знамя возстанія. Если же при этомъ знать, что магометанъ въ Собственномъ Китаѣ считается отъ трехъ до четырехъ милліоновъ [1]), и что, по сравненію съ китайцами, они отличаются болѣе энергичнымъ характеромъ, да при томъ связаны въ одно цѣлое религіозными узами, то станетъ понятно: на сколько смѣлое наступленіе дунганъ грозило гибелью, если не самому существованію Небесной имперіи, то, во всякомъ случаѣ, манчжурскому владычеству. Тѣмъ болѣе, что въ это время на югѣ Китая шло возстаніе тайпинговъ и мусульманъ, не имѣвшихъ впрочемъ ничего общаго съ дѣломъ дунганъ. Съ двухъ сторонъ — юга и запада бѣда великая грозила Пекинскому правительству; но ни тѣ ни другіе инсургенты не съумѣли воспользоваться своими первоначальными удачами, дали возможность Китаю оправиться отъ первыхъ ударовъ и потомъ перейдти въ наступательное положеніе.

Другою важною ошибкою со стороны хой-хоевъ было то, что они не поняли какую громадную выгоду въ борьбѣ съ Китаемъ могли бы извлечь, расположивъ въ свою пользу монголовъ, также страшно ненавидящихъ китайцевъ. Одинаковое стремленіе къ освобожденію изъ подъ тяжелаго китайскаго ига сблизило бы номадовъ съ дунганами и оба эти народа, хотя совершенно чуждые другъ другу по вѣрѣ и характеру, могли, рука объ руку, идти къ достиженію одной и той же цѣли. Между тѣмъ дунганы, съ самаго начала своего возстанія, начали звѣрствовать съ монголами также какъ съ китайцами, и тѣмъ самымъ, конечно, возстановили противъ себя номадовъ.

Всѣ вышеизложенные шансы борьбы магометанскихъ инсургентовъ съ Китаемъ могли имѣть мѣсто, только при условіи общаго руководителя возстанія. Этого то и не доставало дунганамъ. Каждый большой городъ, съ извѣстнымъ округомъ, дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію и имѣлъ собственныхъ независимыхъ начальниковъ—ахуновъ или ходжей [2]). Насколько же была бы легка борьба съ Китаемъ видно изъ того, что дунганы, даже при полной разроз-

---

[1]) По приблизительному опредѣленію нашего Пекинскаго синолога архимандрита Палладія. Труды членовъ Пекинской духовной миссіи 1866 г. Т. IV стр. 450.

[2]) Такъ въ Гань-су—Сининъ, Тэтунгъ и Су-чжеу, съ своими округами, были совершенно независимы другъ отъ друга.

Digitized by Google

ненности своихъ дѣйствій, успѣли въ 1869 году, разорить Ордосъ и Ала-шань, не смотря на 70 тысячное китайское войско, расположенное по среднему теченію Хуанъ-хэ. Въ слѣдующемъ году инсургенты разграбили Улясутай, а еще черезъ годъ Кобдо — главные пункты западной Монголіи [1]). Въ обоихъ этихъ городахъ находились китайскіе гарнизоны, но они спрятались при появленіи инсургентовъ и не оказали имъ нисколько сопротивленія.

Однако изъ этого не слѣдуетъ выводить мнѣнія о храбрости самихъ хой-хоевъ [2]). Въ сущности это такіе же трусы, какъ и всѣ вообще китайцы; они нахальны только тамъ гдѣ знаютъ, что не встрѣтятъ серьезнаго сопротивленія. Всѣ ихъ разбои и война съ китайцами основаны исключительно на томъ, что трусъ старается перехитрить труса; разъ же онъ достигнулъ своей цѣли, то дѣлается звѣремъ съ побѣжденнымъ врагомъ. Очевидцы разсказывали намъ, что хой-хои не только убивали китайскихъ женщинъ, но иногда бросали въ глубокіе колодцы цѣлыя сотни мальчиковъ и дѣвочекъ, да еще сами любовались сверху на предсмертную агонію несчастныхъ жертвъ. Тѣмъ же самымъ платятъ имъ и китайцы. Побѣда той, или другой стороны, часто ведетъ за собою поголовное истребленіе побѣжденныхъ; плѣнныхъ здѣсь не бываетъ, равно какъ и помилованныхъ [3]).

Шайки дунганъ, занимающіяся грабежомъ какъ въ Гань-су, такъ равно и въ предѣлахъ Монголіи, составлены изъ всевозможнаго сброда, иногда на половину безоружнаго; остальные имѣютъ пики, или сабли и, въ небольшомъ количествѣ, фитильныя ружья. При отрядахъ часто слѣдуютъ старики и женщины, чтобы собирать награбленное и везти его домой подъ прикрытіемъ остальной части партіи.

Чтобы дать истинное понятіе о всемъ безобразіи военныхъ дѣйствій дунганъ, я разскажу объ осадѣ ими кумирни Чейбсенъ, происходившей за три года до прибытія нашего въ Гань-су. Разсказъ этотъ переданъ намъ нѣсколькими защитниками названной кумирни.

Эта послѣдняя обнесена квадратною глиняною стѣною, футовъ

---

[1]) Булунь-тохой былъ разоренъ въ 1873 году.

[2]) Я говорю здѣсь только о хой-хояхъ Гань-су; магометане бывшаго китайскаго Туркестана и при-Тянь-шаньскіе, быть можетъ, иного закала.

[3]) Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вспыхнуло магометанское возстаніе, манчжурскіе чиновники и китайскія войска обыкновенно истреблялись до единаго человѣка; изрѣдка солдаты получали помилованіе подъ условіемъ принять магометанство. Изъ мирнаго китайскаго населенія, жившаго въ дунганскихъ земляхъ, тѣ, которые принимали магометанство, дѣлались равноправными съ дунганами остальные обращались въ работниковъ; отъ женщинъ не требовалось перемѣны религіи.

Digitized by Google

20 вышины, при длинѣ боковъ около 40 сажень. Въ срединѣ этихъ фасовъ, равно какъ и по угламъ ограды, устроены небольшія башни, въ которыхъ могутъ помѣщаться защитники, въ числѣ отъ 15—20 человѣкъ на каждую башню. Сама стѣна покрыта деревянною крышею, покатою на обѣ стороны. Вокругъ главной ограды разбросано около сотни фанзъ, также обнесенныхъ небольшою глиняною стѣною. Внутри кумирни вовсе нѣтъ колодца, а вода добывается изъ ключа, протекающаго внѣ построекъ.

Лѣтомъ 1868 года, нѣсколько тысячъ дунганъ пришли къ Чейбсену, съ намѣреніемъ взять и уничтожить эту кумирню. Защитники ея — китайцы, монголы и тангуты, въ числѣ тысячи человѣкъ, заперлись въ главной оградѣ. Инсургенты безъ труда заняли наружныя фанзы, а за тѣмъ приступили къ атакѣ главной стѣны. Однако, не смотря на всю свою хилость, она оказалась довольно твердою для простыхъ ломовъ, употреблявшихся дунганами, вмѣсто всякихъ другихъ стѣнобитныхъ орудій, такъ что первый приступъ былъ неудаченъ. Между тѣмъ наступило время пить чай— а занятіе это считается въ Китаѣ настолько важнымъ, что даже не пропускается во время сраженія—и дунганы отошли въ свой лагерь, расположенный въ одной верстѣ отъ Чейбсена. Осажденные, тѣмъ временемъ, выбѣжали изъ кумирни, на глазахъ своихъ враговъ набрали воды изъ ручья, и также принялись пить чай. На слѣдующій день повторилось тоже самое: дунганы вновь аттаковали кумирню и вновь отошли въ полдень къ своимъ палаткамъ для чаепитія. Такъ происходило шесть сутокъ; наконецъ хой-хои, видя невозможность взять новую Сарагоссу, ушли во свояси и Чейбсенъ уцѣлѣлъ.

Трудно бы было повѣрить подобному разсказу, если бы мы много разъ собственными глазами не убѣждались, до какой нравственной гнилости дожилъ Китай съ подвластными ему народами. Всѣ они «одного поля ягоды», и только полное невѣденіе европейцевъ объ этихъ странахъ можетъ приписывать имъ какую бы то ни было долю славы и могущества.

Однако, не смотря на страшную вражду хой-хоевъ къ китайцамъ и наоборотъ, тѣ и другіе не отказываются входить между собою въ различныя торговыя сдѣлки. Въ Гань-су, гдѣ, какъ сказано выше, владѣнія дунганъ лежатъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ китайскими землями, сплошь и къ ряду можно слышать, что хой-хои такого-то мѣста дружны съ такою-то кумирнею, или мѣстечкомъ и ведутъ тамъ торговлю. Такъ напр., дунганы изъ города Тэтунгъ слыли заклятыми врагами кумирни Чейбсенъ и ея окрестностей, между тѣмъ какъ они были въ большой дружбѣ съ гыгеномъ

Digitized by Google

кумирни Симни, лежащей на р. Тэтунгъ, верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ Чейбсена. Въ Симни тэтунгскіе хой-хои постоянно торговали и никого не грабили. Точно также, на верховьяхъ Тэтунгъ-гола, начальникъ одного изъ куку-норскихъ хошуновъ, именно Муръ-засака, какъ уже сказано въ предъидущей главѣ, отъ самаго начала магометанскаго возстанія, ни разу не ссорился съ дунганами города Ю-нань-чень и былъ для нихъ поставщикомъ скота съ озера Куку-нора.

Подобные порядки могутъ существовать, конечно, только въ Китаѣ, къ разбору оборонительныхъ дѣйствій котораго, противъ хой-хоевъ въ Гань-су, мы теперь и перейдемъ.

Потерявъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ весь восточный Туркестанъ, при-Тянь-шаньскія земли и большую часть провинціи Гань-су, китайское правительство поняло страшную опасность, которая ему грозитъ со стороны западно-магометанскаго возстанія и рѣшило употребить всѣ средства, чтобы не дать инсуррекціи прорваться въ сѣверныя провинціи Собственнаго Китая. Съ этою цѣлію устроена была оборонительная линія на естественномъ рубежѣ, именно по среднему и верхнему теченію Хуанъ-хэ. Здѣсь расположилось 70-тысячное китайское войско, частію занявшее гарнизоны въ городахъ: Куку-хото, Бауту, Дынъ-ху, Нинъ-ся, Ланъ-чжеу и др., частію же расквартированное небольшими отрядами въ промежуточныхъ деревняхъ. Сверхъ того усилены были гарнизоны въ тѣхъ городахъ Гань-су, которые еще остались во власти китайцевъ. На первый разъ тѣмъ все и кончилось. Дунганы, удовольствовавшись своими успѣхами, главнымъ же образомъ, освобожденіемъ изъ подъ китайской власти, прекратили наступательныя дѣйствія и занялись спеціально грабежомъ, а китайскіе гарнизоны, запершись въ своихъ глиняныхъ стѣнахъ, оставались спокойными зрителями окончательнаго разоренія страны.

Китайскія войска, расположенныя по Хуанъ-хэ и въ Гань-су, приведены сюда изъ южныхъ провинцій Китая и слывутъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «хотановъ»; въ небольшомъ числѣ здѣсь есть также солоны изъ Манчжуріи. Всѣ они вооружены саблями, фитильными и частію европейскими гладкоствольными ружьями, купленными китайскимъ правительствомъ у англичанъ. У хотановъ изрѣдка встрѣчаются двухствольные англійскіе пистолеты, а у солоновъ тульскія двустволки, которыми они запаслись, вѣроятно, на Амурѣ. Кавалеристы и нѣкоторые изъ пѣхотинцевъ имѣютъ длинныя бамбуковыя пики, украшенныя большимъ краснымъ флагомъ съ изображеніемъ дракона.

Digitized by Google

Нравственныя качества китайскихъ войскъ представляютъ такое полное безобразіе во всѣхъ отношеніяхъ, что европейцу трудно повѣрить, возможно ли существованіе подобной арміи, тѣмъ болѣе на театрѣ военныхъ дѣйствій. Начать съ того, что какъ офицеры, такъ и солдаты, почти безъ исключенія, преданы куренію опіума, и не могутъ пробыть безъ него даже одного дня. Не только въ казармахъ, но и во время похода, хотя бы подъ самымъ носомъ у непріятеля, китайскіе воины не покидаютъ своей пагубной привычки, и каждодневно накуриваются до безчувствія одуряющаго зелья. Результатомъ этого является разслабленіе, какъ физическое, такъ и нравственное, и рѣшительная неспособность солдатъ переносить труды и лишенія военнаго времени.

Дѣйствительно, китайскія войска, помимо всѣхъ другихъ своихъ качествъ, уже тѣмъ представляютъ вѣрную жертву смѣлому энергичному непріятелю, что не могутъ быть сполна на сторожѣ, хотя бы въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ. Каждый день часть солдатъ и офицеровъ непремѣнно накурится опіума и будетъ спать мертвецкимъ сномъ. Аванпостной службы и рекогносцировокъ здѣсь не существуетъ; всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ получаются только черезъ шпіоновъ. Но столько же неспособны китайскіе солдаты и къ трудностямъ физическимъ. Въ дождь и непогоду, да еще ночью, каждый изъ этихъ воиновъ выйдетъ изъ фанзы, или изъ палатки, развѣ только подъ страхомъ смертной казни. Походомъ, всѣ пѣхотинцы ѣдутъ или верхомъ, или на подводахъ; пѣшкомъ, китайскій солдатъ, ни за что въ свѣтѣ, не сдѣлаетъ и нѣсколькихъ переходовъ. Ему трудно даже нести на себѣ оружіе, и онъ часто кладетъ свое ружье и пику на подводу, или на верблюда, а самъ ѣдетъ совершенно свободно, словно на прогулкѣ.

По приходѣ на мѣсто ночлега солдаты тотчасъ же разсыпаются грабить и воровать у жителей что попало. Одинъ тащитъ курицу, другой поросенка, третій мѣшокъ муки, четвертый кормъ для своей лошади, словомъ, фуражировка идетъ какъ будто въ непріятельскомъ городѣ, отданномъ на разграбленіе. Офицеры также дѣятельно участвуютъ въ подобной операціи, съ тою лишь разницею, что получаютъ награбленное отъ солдатъ, но не сами ходятъ грабить и воровать. Жалобъ никакихъ не принимается, да и небываетъ; жители рады, чтобы только ихъ самихъ не трогали.

Подобное шествіе защитниковъ отечества до того знакомо мѣстному населенію, что монголы, услыхавъ о прохожденіи китайскихъ войскъ, укочевываютъ отъ дороги на цѣлыя сотни верстъ,

Digitized by Google

или прячутся въ горныхъ ущельяхъ вмѣстѣ съ своими стадами; караваны же избираютъ нарочно окольный путь, чтобы только не встрѣтиться съ проходящими солдатами.

Грабежи производятся и въ мѣстахъ постояннаго расквартированія войскъ. Здѣсь солдаты, ограбивъ первоначально ближайшія окрестности, собираются небольшими партіями, и отправляются на фуражировку, иногда на нѣсколько дней, въ мѣста болѣе удаленныя. Часть привезенной добычи получаетъ начальникъ и все проходитъ благополучно. Сами начальники, начиная отъ простаго унтеръ-офицера до командира корпуса, воруютъ отъ казны рѣшительно все, что только возможно. Главную же доходную ихъ статью составляютъ умершіе и дезертиры, на которыхъ обыкновенно еще долго получается все содержаніе. Дезертирство здѣсь развито до такихъ страшныхъ размѣровъ, что у многихъ командировъ вмѣсто тысячъ солдатъ, остались только сотни и, вообще, говорятъ, что 70-тысячное войско на Хуанъ-хэ, на дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ не болѣе 30 тысячъ человѣкъ. Отъ Пекинскаго правительства все это скрывается, разъ изъ боязни отвѣтственности, а во вторыхъ, для того, чтобы получать содержаніе по списочному составу, котораго, въ дѣйствительности, не существуетъ и половины.

Подобныя преступленія и вообще нравственная распущенность китайскихъ войскъ нисколько не исправляются жестокими наказаніями. Не говоря уже про бамбуковыя палки, которыми виновныхъ дуютъ по пяткамъ за малый проступокъ, дезертирство, неповиновеніе, а иногда и грабежъ, здѣсь наказываются смертію. Но строгость закона оказывается безсильною тамъ, гдѣ преступленія составляютъ не единичное явленіе, а общій порокъ цѣлой массы. На мѣсто казненнаго грабителя является другой такой же мародеръ, вслѣдъ за повѣшеннымъ дезертиромъ бѣгутъ еще цѣлые десятки, и деморализація войскъ растетъ съ каждымъ годомъ.

Всѣ вышеизложенныя доблести защитниковъ Небесной имперіи представляютъ еще не полную картину внутреннихъ качествъ китайскихъ войскъ. Самою характерною и крупною ихъ чертою является безконечная трусость, столь прирожденная всѣмъ вообще китайцамъ. Подобный порокъ здѣсь не считается даже безчестіемъ и бѣгство отъ непріятеля признается часто благоразуміемъ. Вся тактика боя разсчитана на то, чтобы запугать врага, но отнюдь не рѣшить дѣло смѣлымъ и дружнымъ натискомъ. Система построенія войскъ въ видѣ дуги, для охватыванія непріятеля одновременно съ фронта и съ фланговъ, пальба съ разстояній, часто въ десятеро превышающихъ дальность полета китайской пули, неистовые крики

Digitized by Google

послѣ выстрѣловъ и прочія хитрости китайской тактики—все это такія дѣтскія проявленія военнаго искусства, которыя могутъ быть примѣнимы развѣ только въ борьбѣ съ врагомъ китайскаго же закала. Смѣлый непріятель, съ европейскимъ вооруженіемъ, можетъ двинуться въ любую часть Срединнаго государства, и заранѣе разсчитывать на вѣрную побѣду. О количествѣ защитниковъ Небесной имперіи ему нечего много заботиться: одинъ волкъ заставляетъ бѣжать тысячное стадо барановъ, и такимъ волкомъ явится каждый европейскій солдатъ, относительно китайскаго воинства.

Магометанское возстаніе въ Гань-су, въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, находилось въ одномъ и томъ же положеніи. Китайскія войска занимали гарнизоны въ городахъ, оставшихся во власти Небесной имперіи, а рядомъ съ ними жили освободившіеся хой-хои. Тѣ и другіе грабили другъ друга, но о какихъ либо военныхъ предпріятіяхъ не было и помину. Китайскій правитель Гань-су жилъ въ городѣ Джунъ-линъ, а въ бывшей его резиденціи — Сининѣ властвовалъ дунганскій ахунъ [1]).

Наконецъ въ Пекинѣ рѣшили прибѣгнуть къ энергическимъ военнымъ дѣйствіямъ противъ инсургентовъ въ Гань-су, и отправили сюда новое 25-тысячное войско. Главною цѣлію китайцевъ было овладѣніе городомъ Сининомъ, важнымъ по своему большому населенію и, въ особенности, по торговлѣ. Подвигаясь крайне медленно, небольшими эшелонами, китайскія войска прибыли наконецъ, въ іюнѣ 1872 года, въ Гань-су и расположились въ двухъ городахъ — Нимъ-би и Уямъ-бу — лежащихъ верстахъ въ 40 или 50 отъ Синина. Здѣсь воины Небесной имперіи провели цѣлыхъ два мѣсяца въ полномъ бездѣйствіи, занимаясь только грабежемъ окрестностей, и дали возможность инсургентамъ собрать въ Сининъ до 70-тысячъ человѣкъ. Наконецъ, въ сентябрѣ, китайцы двинулись къ названному городу и расположились подъ его стѣнами, въ которыхъ, по обыкновенію, заперлись всѣ защитники. Главнымъ страшилищемъ этихъ послѣднихъ были четыре европейскія пушки, привезенныя китайскими войсками изъ Пекина. Эти орудія, по всему вѣроятію гладкоствольныя, везлись каждое шестью мулами, были обернуты въ красную шелковую матерію и къ нимъ, подъ страхомъ смертной казни, не смѣлъ близко подходить ни одинъ изъ жителей. При пушкахъ находились ядра и даже гранаты, оказавшія величайшую услугу китайскому войску. Именно, когда началось сраженіе, т. е. китайцы аттаковали Сининъ и бросили въ

[1]) Говорятъ, что о потерѣ Синина не доносили въ Пекинъ цѣлыхъ три года.

Digitized by Google

него нѣсколько гранатъ, разорвавшихся на улицахъ, то дунганы совсѣмъ растерялись отъ ужаса. Къ довершенію своего несчастія, они подняли одну нелопнувшую гранату и, собравшись большою кучею, разсмотрѣть такую диковинку, вздумали добыть изъ нея порохъ. Во время этой операціи, отъ неосторожнаго обращенія, гранату разорвало, убило нѣсколько присутствующихъ, а главное, навело на остальныхъ такой паническій страхъ, что успѣхъ китайскихъ войскъ былъ много обезпеченъ подобнымъ ничтожнымъ случаемъ. Впрочемъ, драка продолжалась еще нѣсколько дней и наконецъ китайцы овладѣли частію стѣны, а дунганы заперлись въ какомъ то другомъ укрѣпленіи.

Въ это время получено было извѣстіе о бракосочетаніи Пекинскаго богдохана. Въ китайскомъ лагерѣ тотчасъ же прекратились военныя дѣйствія и солдаты устроили театръ, въ ознаменованіе такаго радостнаго событія. Цѣлую недѣлю сряду продолжались театральныя представленія, фейерверки и тому подобныя увеселенія, при чемъ, конечно, большая часть солдатъ и офицеровъ были пьяны, или накуривались до безчувствія опіуму. И это производилось бокъ о бокъ съ непобѣжденнымъ еще врагомъ! Будь у дунганъ хотя одна сотня смѣлыхъ людей, то они могли, въ ночномъ нападеніи, вырѣзать тысячи китайскихъ солдатъ и разогнать остальныхъ. Но даже горсти смѣльчаковъ не нашлось среди поголовныхъ трусовъ, каковы были защитники Синина. Они хорошо знали, что, послѣ окончательнаго взятія города китайцами, для нихъ не будетъ пощады, но все-таки не могли побороть своей трусости и не воспользовались чрезвычайно благопріятнымъ для себя временемъ.

Въ томъ то и состоитъ нравственное растлѣніе востока, что тамошній человѣкъ не можетъ преодолѣть животнаго инстинкта самосохраненія и является невообразимымъ трусомъ вездѣ, гдѣ онъ предоставленъ себѣ самому; но разъ тотъ же самый трусъ попадаетъ въ безъисходное положеніе, онъ дѣлается совершенно апатиченъ къ смерти и идетъ на висѣлицу спокойно, какъ безпонятное животное!

Отпраздновавъ свадьбу богдохана, китайскія войска возобновили военныя дѣйствія и вскорѣ овладѣли всѣмъ Сининомъ. Тогда началось поголовное истребленіе побѣжденныхъ. Очевидцы разсказывали намъ, что китайскіе солдаты, утомившись убивать оружіемъ, собирали дунганъ большими кучами, безъ различія пола и возраста, гнали ихъ въ горы и сталкивали тамъ въ пропасти; такъ истреблено было, какъ говорятъ, до 10 тысячъ человѣкъ.

Digitized by Google

По взятіи Синина, китайцы перевели туда вновь правителя Ганьсу и, въ теченіи зимы, овладѣли тремя другими дунганскими городами: Сэнъ-гуань, Ю-нань-чень и Тэтунгъ. Здѣсь помилованіе получали только тѣ инсургенты, которые соглашались отречься отъ магометанства и принять буддизмъ. Множество дунганъ ушло на западъ къ своимъ единовѣрцамъ.

Получивъ за тѣмъ новыя подкрѣпленія изъ Пекина, китайскія войска продолжали наступленіе къ западу и, лѣтомъ 1873 года, овладѣли важнымъ пунктомъ инсургентовъ — городомъ Су-чжеу [1]). О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ китайцевъ пока еще нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, имъ предстоитъ теперь дѣло болѣе трудное — борьба съ кашгарскимъ Якубъ-бекомъ.

---

[1]) По слухамъ, всѣ жители этого города были поголовно истреблены.

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Куку-норъ и Цайдамъ.

Описаніе озера Куку-нора.—Легенда о его происхожденіи—Окрестныя степи.—Дикій оселъ или хуланъ.—Мѣстные монголы и хара-тангуты.—Административное раздѣленіе Куку-нора.—Наше свиданіе съ тибетскимъ посланникомъ.—Разсказы о кумирнѣ Гумбумъ.—Рѣка Бухайнъ-голъ.—Южно-куку-норскій хребетъ.—Соляное озеро Далай-дабасу.—Меня принимаютъ за святаго и доктора.—Страна Цайдамъ.—Свѣдѣнія о дикихъ верблюдахъ и лошадяхъ.—Переходъ до границы Тибета.

Озеро *Куку-норъ*, называемое тангутами *Цокъ-гумбумъ*, а китайцами — *Цинъ-хай* [1]), лежитъ къ западу отъ г. Синина, на высотѣ 10,500 фут. надъ уровнемъ моря. По своей формѣ оно представляетъ эллипсисъ, вытянутый, большою осью, отъ запада къ востоку. Окружность описываемаго озера простирается отъ 300—350 верстъ; точной мѣры узнать было невозможно, но мѣстные жители говорили намъ, что нужно двѣ недѣли для обхода озера пѣшкомъ, и отъ 7 — 8 дней для объѣзда его на верховой лошади.

Берега Куку-нора неизвилисты и очень мелки; вода соленая, негодная для питья. Но эта соленость придаетъ поверхности описываемаго озера превосходный темно-голубой цвѣтъ, на который обращаютъ вниманіе даже монголы и удачно сравниваютъ его съ цвѣтомъ голубаго шелка. Вообще, видъ Куку-нора чрезвычайно красивъ; въ особенности, какъ мы застали это озеро позднею осенью, когда окрестныя горы, уже покрытыя снѣгомъ, стояли бѣлою рамкою широкихъ, бархатно-голубыхъ водъ, убѣгавшихъ къ востоку отъ нашей стоянки за горизонтъ.

Съ береговыхъ горъ въ Куку-норъ течетъ много небольшихъ рѣчекъ, но болѣе значительныхъ притоковъ считается восемь; изъ нихъ самый большой *Бухайнъ-го.гъ*, впадающій въ юго-западный уголъ описываемаго озера.

---

[1]) Монгольское имя означаетъ «Голубое озеро», китайское — «Синее море»; переводъ же тангутскаго названія Куку-нора мы не могли узнать достовѣрно. У мѣстныхъ и, вообще, у южныхъ монголовъ, описываемое озеро называется *Хуху-норъ*, т. е. твердая буква «К» передѣлывается въ болѣе мягкій звукъ «Х».

Digitized by Google

Какъ и на другихъ большихъ озерахъ, даже слабый вѣтеръ разводитъ здѣсь сильное волненіе [1]), такъ что Куку-норъ рѣдко бываетъ спокоенъ и то лишь на самое короткое время. Сильные вѣтры, по словамъ жителей, господствуютъ здѣсь въ періодъ замерзанія озера, что происходитъ около половины ноября; вскрывается же оно въ концѣ марта, слѣдовательно, бываетъ покрыто льдомъ 4 1/2 мѣсяца.

Въ западной части Куку-нора, верстахъ въ двадцати отъ его южнаго берега, лежитъ скалистый островъ [2]), имѣющій въ окружности отъ 8—10 верстъ. Здѣсь построена небольшая кумирня, въ которой живутъ десять ламъ. Лѣтомъ, сообщеніе ихъ съ берегомъ прервано, такъ какъ на всемъ Куку-норѣ нѣтъ ни одной лодки и никто изъ жителей не занимается плаваніемъ по озеру. Зимою, къ отшельникамъ-ламамъ приходятъ, по льду, богомольцы и приносятъ въ даръ масло или дзамбу; въ это время сами ламы также отправляются на берегъ собирать для себя подаяніе.

Куку-норъ обиленъ рыбою, но рыболовствомъ занимаются здѣсь лишь нѣсколько десятковъ монголовъ, которые возятъ свою добычу на продажу въ городъ Донкыръ. Снарядами для рыбной ловли служатъ небольшія сѣти; ими ловятъ преимущественно въ береговыхъ рѣчкахъ. Рыба, которую намъ случалось видѣть у монголовъ, или ловить самимъ, вся принадлежала къ одному только виду, именно: *Schizopygopsis nov. sp.* Однако рыбаки увѣряли насъ, что въ озерѣ водятся нѣсколько другихъ породъ рыбъ, но они рѣдко ихъ ловятъ своими жалкими снарядами.

О происхожденіи Куку-нора у мѣстныхъ жителей существуетъ легенда, которая гласитъ, что нынѣшнее озеро нѣкогда находилось подъ землею въ Тибетѣ, тамъ гдѣ теперь стоитъ Ласса, и уже завѣдомо для людей перешло на свое настоящее мѣсто [3]). Такое событіе свершилось слѣдующимъ образомъ.

Во времена очень древнія, когда еще не существовало нынѣшней резиденціи далай-ламы, одинъ изъ тибетскихъ царей вздумалъ построить великолѣпный храмъ въ честь Будды и, выбравъ для

---

[1]) Миссіонеръ Гюкъ увѣряетъ, (Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 189), что въ Куку-норѣ замѣтенъ приливъ и отливъ. Я нарочно вбивалъ вѣхи въ озеро и убѣдился, что правильнаго періодическаго повышенія и пониженія воды здѣсь нѣтъ. Вообще описанія Гюка, начиная отъ Куку-нора, поразительно невѣрны, о чемъ мы будемъ не разъ говорить впереди.

[2]) По словамъ мѣстныхъ жителей на Куку-норѣ только одинъ островъ

[3]) Эта легенда разсказана и у Гюка. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 193 — 199. Въ своемъ разсказѣ я могъ только прибавить о происхожденіи острова на Куку-норѣ.

Digitized by Google

этого мѣсто, приказалъ начать работу. Нѣсколько тысячъ людей трудились цѣлый годъ, но когда зданіе было почти готово, оно вдругъ разрушилось само-собою. Работу начали снова и опять, лишь только довели до конца, храмъ рухнулъ, отъ неизвѣстной причины; тоже самое повторилось и въ третій разъ. Тогда удивленный и устрашенный царь обратился къ одному изъ гыгеновъ, для разъясненія причины подобнаго явленія. Однако пророкъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, но объявилъ своему повелителю, что въ далекихъ странахъ востока есть святой, который, одинъ изъ всѣхъ смертныхъ, знаетъ желаемую тайну, и что если удастся выпытать ее у него, тогда постройка храма будетъ окончена благополучно. Получивъ подобный отвѣтъ, тибетскій царь выбралъ заслуженнаго ламу и послалъ его искать вышеупомянутаго святаго.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, посланный лама объѣздилъ почти всѣ буддайскія земли, посѣтилъ знаменитыя кумирни, видѣлся и говорилъ съ различными гыгенами, но нигдѣ не могъ найти человѣка, указаннаго тибетскимъ пророкомъ. Огорченный неудачею своей миссіи, посланникъ рѣшился возвратиться домой и, на этомъ обратномъ пути, проѣзжалъ обширныя степи на границѣ Тибета съ Китаемъ. Здѣсь однажды у него сломалась пряжка у подпруги сѣдла, и путникъ, чтобы починить ее, зашелъ въ одинокую бѣдную юрту, виднѣвшуюся невдалекѣ. Въ этой юртѣ онъ увидѣлъ слѣпаго старика, который былъ занятъ молитвою, но привѣтствовалъ своего гостя и предложилъ ему взять новую пряжку отъ собственнаго сѣдла. Затѣмъ старикъ пригласилъ ламу пить чай и сталъ распрашивать, откуда онъ, и куда ѣздилъ. Не желая, безъ нужды, разглашать цѣль своего путешествія, посланецъ отвѣчалъ, что онъ родомъ съ востока, и ѣздитъ теперь молиться по разнымъ кумирнямъ. «Да, мы счастливы», сказалъ старикъ, «что имѣемъ много прекрасныхъ храмовъ, какихъ нѣтъ въ Тибетѣ. Тамъ напрасно принимаются строить большую кумирню; это зданіе никогда не устоитъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ его хотятъ воздвигнуть, находится подземное озеро, которое колеблетъ почву. Только ты долженъ хранить этотъ секретъ въ тайнѣ, потому что если кто нибудь изъ тибетскихъ ламъ его узнаетъ, тогда воды подземнаго озера придутъ сюда и погубятъ насъ».

Лишь только старикъ окончилъ свою рѣчь, какъ путникъ вскочилъ съ мѣста, объявилъ, что онъ именно есть тибетскій лама, которому нужно было узнать секретъ, сѣлъ на свою лошадь и ускакалъ. Отчаяніе и страхъ овладѣли старикомъ. Онъ началъ громко звать о помощи, и когда, наконецъ, пришелъ одинъ изъ его сы-

Digitized by Google

новей, пасшій невдалекѣ стадо, то старикъ велѣлъ ему тотчасъ осѣдлать коня, догнать ламу, и отнять у него «языкъ». Подъ этимъ словомъ святой разумѣлъ свою тайну и, отдавая приказаніе сыну отнять ее, тѣмъ самымъ уполномочивалъ его убить путника. Но слово «хылэ» по монгольски означаетъ языкъ у человѣка, или животныхъ и также язычекъ въ пряжкѣ подпруги. Поэтому, когда посланный догналъ ламу и объяснилъ ему, что его отецъ требуетъ возвратить «хылэ», тотъ отстегнулъ взятую у старика пряжку и безпрекословно ее отдалъ. Получивъ такой «хылэ», сынъ возвратился къ своему отцу и, когда послѣдній узналъ, что привезена пряжка отъ подпруги, а самъ лама уѣхалъ далѣе, то воскликнулъ: «такова вѣроятно воля Божія, теперь все кончено, мы погибли». Дѣйствительно, въ туже ночь раздался страшный подземный гулъ, земля разскрылась, и изъ нея полилась вода, которая вскорѣ затопила обширную равнину. Множество стадъ и людей погибло, въ томъ числѣ и проболтавшійся старикъ. Наконецъ Богъ сжалился надъ грѣшниками. По его велѣнію явилась чудовищная птица, взяла въ свои лапы огромную скалу въ горахъ Нанъ-шань и бросила ее на то отверстіе, откуда изливалась вода. Прибыль послѣдней была остановлена, но затопленная равнина осталась озеромъ; спасительная же скала явилась на немъ островомъ, который существуетъ и донынѣ.

Сѣверный и южный берега Куку-нора близко окаймлены горами, которыя, на восточной и западной сторонѣ озера, нѣсколько отодвинуты отъ него. Въ узкомъ пространствѣ, оставляемомъ окрайними горами, разстилаются превосходныя степи, несущія характеръ лучшихъ частей Гоби, и отличающіяся отъ нея только обиліемъ воды [1]). Контрастъ климата, флоры и фауны этихъ степей съ сосѣдними горами Гань-су, удивительный. Постоянные дожди, снѣга и чрезвычайная сырость, преслѣдовавшія насъ во все время пребыванія въ горахъ, замѣнились теперь прекрасною осеннею погодою, стоявшею изо дня въ день. Но въ тоже время, вмѣсто альпійскихъ луговъ, лѣсовъ и влажной черноземной почвы, передъ нами раскинулись глинисто-соленыя равнины, покрытыя превосходною степною травою и высокимъ дырисуномъ. Явились также всег-

[1]) На сѣверной сторонѣ Куку-нора, только половина разстоянія между берегомъ озера и горами занята гладкою равниною; далѣе слѣдуютъ пологіе и невысокіе холмы, которые часто обрываются къ сторонѣ озера отвѣсными стѣнами отъ 6 — 10 сажень вышиною. Эти обрывистыя стѣны идутъ параллельно нынѣшнему берегу Куку-нора и, по всему вѣроятію, составляли нѣкогда также его берега.

Digitized by Google

дашніе обитатели монгольской степи: дзерены и пищухи, вмѣстѣ съ жаворонками и пустынниками. Какъ среди птицъ, такъ и среди млекопитающихъ, мы встрѣтили въ степяхъ Куку-нора новые, незнакомые еще виды, свойственные уже тибетскимъ пустынямъ.

Между птицами, прежде другихъ, здѣсь бросается въ глаза огромный *жаворонокъ* (Melanocorypha maxima), ростомъ больше скворца; онъ держится по кочковатымъ болотамъ и отлично поетъ. Далѣе, очень часто встрѣчаются два вида *Montifringilla?* и *Podoces humilis*, которыя живутъ исключительно въ норахъ, выкапываемыхъ пищухами. *Монюльскій пустынникъ* (Syrrhaptes paradoxus) попадается въ описываемыхъ степяхъ гораздо рѣже, нежели его собратъ *пустынникъ тибетскій* (Syrrhaptes thibetanus), который больше ростомъ и отличается совершенно другимъ голосомъ. Голенастыхъ птицъ мы уже не застали на Куку-норѣ, а изъ водяныхъ видѣли въ небольшомъ количествѣ: *гусей* (Anser cinereus), *утокъ* (Anas Boschas, A. rutila, A. Crecca, Fuligula cristata), *баклановъ* (Phalacrocorax Carbo) и *чаекъ* (Larus Ichtyaëtus, L. ridibundus). На этотъ разъ мы предполагали, что осенній пролетъ уже окончился, но весеннія наблюденія въ слѣдующемъ году показали, что озеро Куку-норъ очень бѣдно водяными и голенастыми птицами.

Изъ хищныхъ — *грифы и ягнятники* ежедневно прилетаютъ на берега Куку-нора за поживою, а въ самыхъ степяхъ встрѣчается множество *сарычей* (Buteo ferox), *соколовъ* (Falco sp.) и *орловъ* (Aquila sp.), которые, по всему вѣроятію, здѣсь зимуютъ, питаясь безчисленными *пищухами* (Lagomys sp.).

Этотъ звѣрекъ, по наружности, величинѣ и голосу, близко подходящій къ монгольскому Оготоно, населяетъ степи Куку-нора, равно какъ и луговыя окраины сосѣднихъ горъ, въ безчисленномъ количествѣ. Часто на нѣсколько квадратныхъ верстъ почва до того изрыта норами, что невозможно ѣхать рысью на лошади. Сотни, тысячи пищухъ въ хорошую погоду снуютъ во всѣхъ направленіяхъ, торопливо перебѣгая отъ одной норы къ другой, или сидятъ неподвижно, грѣясь на солнцѣ. Орлы, сарычи и соколы, а также волки, лисицы и корсаки, ежедневно истребляютъ многое множество этихъ грызуновъ, но ихъ плодовитость вознаграждаетъ всѣ потери.

Самымъ замѣчательнымъ животнымъ Куку-норскихъ степей можетъ считаться *дикій оселъ*, *или хуланъ*, называемый тангутами *джанъ* (Equus Kiang). Этотъ звѣрь, по величинѣ и наружности много походитъ на мула; цвѣтъ его шерсти сверху тѣла свѣтло-

Digitized by Google

коричневый, снизу чисто-бѣлый [1]). Хуланъ встрѣченъ былъ нами въ первый разъ на верховьяхъ Тэтунгъ-гола, тамъ гдѣ горы Гань-су дѣлаются безлѣсными и принимаютъ луговой характеръ. Начиная отсюда, дикій оселъ распространяется черезъ Куку-норъ и Цайдамъ въ сѣверный Тибетъ, но въ самомъ большомъ количествѣ живетъ на привольныхъ лугахъ озера Куку-нора.

Впрочемъ, степи не составляютъ исключительнаго мѣстопребыванія описываемаго животнаго; оно не избѣгаетъ и горъ, если только въ нихъ имѣются пастбища и хорошая вода. Въ сѣверномъ Тибетѣ мы встрѣчали иногда хулановъ въ высокихъ горахъ, гдѣ они паслись вмѣстѣ съ куку-яманами.

Хуланы обыкновенно держатся стадами отъ 10—50 головъ; табуны въ нѣсколько сотъ экземпляровъ встрѣтились намъ лишь въ степяхъ Куку-нора. Впрочемъ и здѣсь такія стада, вѣроятно, образуются случайно и мы не разъ видали, какъ онѣ разбивались на нѣсколько партій, уходившихъ въ разныя стороны.

Каждое отдѣльное стадо состоитъ изъ кобылъ, которыми предводительствуетъ жеребецъ. Смотря по возрасту, силѣ и смѣлости послѣдняго, число кобылъ бываетъ больше или меньше, такъ какъ первымъ условіемъ вербовки подобнаго гарема, по всему вѣроятію, служатъ личныя качества вожака. Старые, опытные самцы собираютъ въ одинъ косякъ иногда до полусотни наложницъ, тогда какъ молодые жеребцы довольствуются пятью или десятью кобылами. Очень молодые, или особенно несчастливые жеребцы, бродятъ въ одиночку и только издали могутъ завидовать благополучію болѣе взрослыхъ и счастливыхъ соперниковъ. Послѣдніе неусыпно наблюдаютъ за подобными подозрительными личностями и, ни въ какомъ случаѣ, не позволяютъ имъ приближаться къ своимъ гаремамъ.

---

[1]) Вотъ болѣе подробная діагноза взрослаго самца хулана:

Туловище плотное, округленное, спина вогнутая; шея средней длины и толщины; голова большая, лобъ выпуклый; уши большія, прямостоячія; ноздри большія, широкія и вкось поставленныя; ноги сильныя, тонкія; копыта малыя, ступковидныя; хвостъ длинный, маловолосистый; грива короткая, прямостоячая; глаза большіе коричневые.

Голова, верхняя часть шеи, спина и бока свѣтло-коричневыя; шерсть на туловищѣ не плотно прилегаетъ къ тѣлу, но косматая и расположена вихрами; грива черноватая; такого же цвѣта узкая полоса тянется отъ нея по хребту спины и переходитъ на хвостъ, на которомъ длинные волоса, совершенно черные. Передъ и низъ морды, горло, грудь, нижняя часть боковъ, задъ, весь низъ тѣла и ноги чисто-бѣлаго цвѣта; наружная сторона переднихъ ногъ свѣтло-бланжевая; уши снаружи свѣтло-коричневыя, внутри бѣлыя; верхніе ихъ концы черные.

Вышина въ стоячемъ положеніи, т. е. отъ земли до вершины лба, 5 ф. 4 д.; у зашейка — 4 ф. 7,5 д.; длина тѣла, мѣряя отъ вершины носа по изгибу шеи до основанія хвоста, — 4 ф. 0,5 д.; вѣсъ отъ 10—12 пудовъ.

Digitized by Google

Когда косячный жеребецъ замѣтитъ другаго, близко подходящаго къ стаду, то бросается на встрѣчу своему сопернику, бьетъ его копытами, кусаетъ и всѣми силами старается прогнать подальше. Подобныя драки бываютъ особенно сильны въ періодъ течки, которая, по словамъ монголовъ, происходитъ въ сентябрѣ и продолжается съ мѣсяцъ. Въ это время самцы, какъ и у многихъ другихъ животныхъ, дѣлаются чрезвычайно ревнивыми и задорными, такъ что сами нарочно отыскиваютъ противниковъ; время рожденія молодыхъ происходитъ, какъ говорятъ, въ маѣ. Жеребята, вѣроятно, часто погибаютъ отъ различныхъ причинъ, такъ какъ въ самыхъ большихъ стадахъ мы видали обыкновенно лишь нѣсколько жеребенковъ, которые неотлучно слѣдовали за своими матерями.

Внѣшнія чувства хулана развиты превосходно: онъ видитъ, и чуетъ удивительно. Убить это животное очень трудно, въ особенности въ равнинной мѣстности. Здѣсь самое лучшее идти прямо къ стаду, которое подпускаетъ охотника шаговъ на пятьсотъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, даже на четыреста. Но на такое разстояніе даже изъ превосходнаго штуцера нельзя разсчитывать на вѣрный выстрѣлъ, тѣмъ болѣе, что хуланъ удивительно крѣпокъ на рану. При подходѣ на открытой мѣстности, никогда не слѣдуетъ спускаться во встрѣчные рвы, или вообще въ углубленія почвы, такъ какъ хуланы, въ подобномъ случаѣ, тотчасъ подозрѣваютъ засаду и пускаются на уходъ. Изрѣдка, на пересѣченной мѣстности, удается подкрасться къ описываемому звѣрю шаговъ на двѣсти или ближе, но и въ такомъ случаѣ хуланъ не будетъ убитъ наповалъ, если пуля не попадетъ въ мозгъ, сердце или позвоночный столбъ. Даже съ перебитою ногою онъ еще ухитряется бѣжать, но вскорѣ залегаетъ гдѣ нибудь во рву, или въ ямѣ. Всего удобнѣе подкарауливать хулановъ на водопоѣ, какъ-то и дѣлаютъ мѣстные жители, которые весьма цѣнятъ мясо этого животнаго, въ особенности осенью, когда оно бываетъ очень жирно.

Испуганный хуланъ пускается бѣжать всегда подъ вѣтеръ, поднявъ вверхъ свою большую, безобразную голову и оттопыривъ тонкій, маловолосистый хвостъ. Во время бѣга стадо слѣдуетъ за вожакомъ, обыкновенно вытянувшись въ одну линію. Отбѣжавъ нѣсколько сотъ шаговъ, оно останавливается, толпится въ кучу и, повернувшись къ предмету испуга, смотритъ сюда въ теченіи нѣсколькихъ минутъ; при этомъ жеребецъ выходитъ впередъ и старается разузнать въ чемъ дѣло. Если охотникъ продолжаетъ наступать, то хуланы опять бросаются на уходъ и бѣгутъ на этотъ разъ уже гораздо дальше. Но вообще описываемый звѣрь далеко

Digitized by Google

не такъ остороженъ, какъ то можетъ казаться при первомъ съ нимъ знакомствѣ. Голосъ хулана я слышалъ только два раза: однажды, когда жеребецъ загонялъ отбившихся отъ стада самокъ, а въ другой разъ, когда онъ дрался съ другимъ самцомъ. Этотъ голосъ состоитъ изъ глухаго, но довольно громкаго и отрывистаго рявканья, соединеннаго съ храпѣніемъ.

Населеніе Куку-нора и сопредѣльной ему страны Цайдамъ составляютъ *монголы* и *хара-тангуты*. Куку-норскіе монголы, подобно Ала-шаньцамъ, принадлежатъ къ *олютамъ*; изъ другихъ монгольскихъ поколѣній здѣсь живутъ въ небольшомъ числѣ: *тургуты*, *халхасцы* и *хоиты* [1]). Находясь подъ сильнымъ гнетомъ тангутовъ, монголы Куку-нора составляютъ худшихъ выродковъ изъ всего монгольскаго племени. По своей физіономіи, они отчасти даже походятъ на тангутовъ, но имѣютъ общее выраженіе лица крайне глупое; глаза тусклые, безсмысленные, характеръ мрачный, меланхолическій. Въ немъ нѣтъ ни энергіи, ни желаній, а какое-то скотское равнодушіе ко всему на свѣтѣ, за исключеніемъ ѣды. Самъ Куку-норскій ванъ, человѣкъ довольно умный, разсказывая намъ о своихъ подданныхъ, откровенно говорилъ, что они только по образу походятъ на людей, во всемъ же остальномъ рѣшительные скоты. «Только выбить въ верхней челюсти передніе зубы, да поставить на четыре ноги такъ и выйдетъ настоящая корова», говорилъ намъ князь про своихъ подчиненныхъ.

Отъ тангутовъ Куку-норскіе монголы переняли самый образъ жизни и иногда помѣщаются также въ черныхъ палаткахъ; впрочемъ, далѣе отъ береговъ озера къ Цайдаму, палатка снова замѣняется войлочною юртою.

Въ бо́льшемъ числѣ, нежели монголы, на Куку-норѣ, живутъ хара-тангуты, которые распространяются отсюда въ Цайдамъ, но всего болѣе скучены на верховьяхъ Желтой рѣки. Здѣсь они называются *салырами* [2]), исповѣдуютъ магометанство и находятся въ возстаніи противъ Китая. Куку-норскіе хара-тангуты только номинально подчинены Китайскому правителю Гань-су; они считаютъ своимъ законнымъ государемъ Тибетскаго далай-ламу и управляются собственными чиновниками, не подчиняясь начальникамъ монгольскихъ хошуновъ, въ которыхъ живутъ.

Спеціальное занятіе хара-тангутовъ, обитающихъ на Куку-норѣ и въ Цайдамѣ, составляютъ разбои и грабежи, которымъ под-

[1]) Стат. опис. Китая. Іакинфа ч. II, стр. 90.

[2]) Кромѣ того далѣе къ югу, на верхнемъ теченіи Голубой рѣки, живутъ тангуты—*голыкъ*.

Digitized by Google

вергаются всего болѣе мѣстные монголы. Тангуты не только угоняютъ у нихъ скотъ, но даже убиваютъ людей, или уводятъ ихъ къ себѣ въ неволю. Несчастные монголы, страшные трусы по самой своей природѣ, не могутъ защищаться противъ грабителей вооруженною рукою еще потому, что, по установленному тангутами же закону, монголъ, убившій разбойника-тангута, долженъ заплатить его семейству огромный выкупной штрафъ; если виновный въ убійствѣ бѣденъ, то за него платитъ весь хошунъ. Въ случаѣ отказа въ платѣ, тангуты собираются партіею въ нѣсколько сотъ человѣкъ и идутъ открытою войною. Благодаря такимъ безнаказаннымъ разбоямъ, число монголовъ на Куку-норѣ уменьшается изъ года въ годъ, и въ недалекомъ будущемъ ихъ ждетъ полное уничтоженіе, если только китайское правительство не приметъ какія либо охранительныя мѣры.

Не довольствуясь грабежемъ ближайшихъ окрестностей, хара-тангуты отправляются на свой промыселъ въ отдаленныя мѣстности, какъ напр., въ западный Цайдамъ. Разбойники обыкновенно снаряжаются небольшими партіями, человѣкъ въ десять, и каждый изъ нихъ ведетъ въ поводу запасную лошадь, или даже двѣ, на случай, если верховая издохнетъ въ дорогѣ. Вьючные верблюды везутъ продовольствіе для партіи, которая иногда промышляетъ два, три мѣсяца. По возвращеніи домой, вмѣстѣ съ награбленною добычею, разбойники, какъ люди религіозные, спѣшатъ заслужить передъ Богомъ прощеніе совершенныхъ грѣховъ. Для этого они отправляются на берегъ Куку-нора, гдѣ нѣсколько десятковъ монголовъ промышляютъ рыболовствомъ, покупаютъ, а иногда и прямо отнимаютъ, у рыбаковъ пойманную рыбу и снова отпускаютъ ее въ озеро.

Разбои хара-тангутовъ въ Куку-норской и Цайдамской странѣ начались, по словамъ монголовъ, лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ продолжаются непрерывно. Китайскіе правители Гань-су смотрѣли и смотрятъ на это дѣло сквозь пальцы, такъ какъ получаютъ отъ разбойниковъ большія взятки. Всѣ жалобы монголовъ остаются втунѣ, и хара-тангуты грабятъ безнаказанно по всей монгольской странѣ.

О происхожденіи хара-тангутовъ, равно какъ Куку-норскихъ монголовъ-олютовъ, мѣстная монгольская легенда гласитъ слѣдующее.

Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, на Куку-норѣ жилъ народъ тангутскаго племени, называвшійся *ёгуры*[1]); онъ исповѣдывалъ буд-

[1]) Не уйгуры ли? только уйгуры не тангутскаго, но монгольскаго племени.

Digitized by Google

дизмъ и принадлежалъ къ красношапочной сектѣ [1]). Вышеупомянутые ёгуры постоянно грабили караваны богомольцевъ, направлявшихся изъ Монголіи въ Тибетъ, а потому олютскій владѣтель *Гуши-ханъ*, властвовавшій на сѣверо-западѣ Монголіи, прислалъ на Кукуноръ свое войско для усмиренія разбойниковъ. Дѣйствительно, ёгуры были частію истреблены, частію ушли на сѣверо-западъ нынѣшней Ганъ-су и смѣшались тамъ съ прочимъ населеніемъ.

По усмиреніи ёгуровъ, часть олютскихъ войскъ ушла обратно на сѣверъ, а другая осталась на постоянное жительство въ Кукунорскихъ земляхъ, и образовала здѣсь большую часть нынѣшняго монгольскаго населенія. Сверхъ того, нѣсколько сотъ олютовъ отправились въ Тибетъ, гдѣ въ настоящее время ихъ потомки размножились до 800 юртъ, раздѣленныхъ на восемь хошуновъ. Эти монголы живутъ въ шести дняхъ пути къ югу-западу отъ деревни *Панчу* [2]), занимаются земледѣліемъ и, по имени рѣчки Дамсукъ, на которой они основали свою осѣдлость, называются *дамсукъ-монголы*.

Изъ числа истребленныхъ олютами ёгуровъ, по тому же монгольскому преданію, спаслась одна старуха съ тремя беременными дочерьми и ушла съ ними на правую сторону верхней Хуанъ-хэ. Здѣсь ея дочери родили трехъ сыновей, отъ которыхъ и произошли хара-тангуты, или, какъ они сами себя называютъ, *баныкъ-коксумъ*. Эти послѣдніе, переселившись, много лѣтъ спустя, вновь на Кукуноръ, подвергались сначала нападеніямъ со стороны монголовъ, но потомъ, размножившись, сами принялись за грабежи.

«Если бы убили тогда этихъ проклятыхъ дѣвокъ», говорили намъ разскащики монголы, «то теперь не было бы хара-тангутовъ и мы жили бы спокойно». По словамъ тѣхъ же монголовъ, со времени прибытія олютовъ на Куку-норъ, смѣнилось уже восемь поколѣній.

Въ административномъ отношеніи, страна Куку-норъ далеко переходитъ за предѣлы бассейна самого озера. Къ ней относятся на сѣверѣ верховья Тэтунгъ-гола, на югѣ все пространство до Тибета, т. е. область истоковъ и самаго верхняго теченія Хуанъ-хэ, и страна Цайдамъ, далеко протянувшаяся въ сѣверо-западномъ направленіи. Все это раздѣляется на 29 хошуновъ, изъ которыхъ пять лежатъ на правой (т. е. западной) сторонѣ верхней Хуанъ-хэ, пять составляютъ

---

[1]) Въ Тибетѣ буддизмъ распадается на двѣ секты: красношапочную и желтошапочную. Коренное различіе этихъ сектъ состоитъ въ томъ, что первая допускаетъ женитьбу ламъ, а послѣдняя обязываетъ ихъ вести безбрачную жизнь.

[2]) Деревня Панчу лежитъ близъ южной подошвы хребта *Тангла*, въ 12 дняхъ пути отъ Лассы, на дорогѣ, по которой слѣдуютъ въ Тибетъ богомольцы съ сѣвера.

Digitized by Google

Цайдамъ, а остальныя девятнадцать находятся въ бассейнѣ Куку-нора и на верховьяхъ Тэтунгъ-гола. За исключеніемъ пяти хошуновъ, лежащихъ на правой сторонѣ верхней Хуанъ-хэ и находящихся въ прямомъ вѣденіи синиискаго амбаня [1]), всѣ остальныя административныя части Куку-норской страны подчинены двумъ цзюнь-ванамъ: *Цинъ-хай-вану* и *Мурэ-вану*. Каждый изъ нихъ завѣдуетъ двѣнадцатью хошунами; первый владѣетъ бо́льшею западною частію страны, а послѣдній меньшею восточною половиною.

По выходѣ изъ горъ Гань-су, наши верблюды, истомленные трудною горною дорогою, сдѣлались окончательно негодными къ дальнѣйшему пути. По счастію, на Куку-норѣ было много верблюдовъ, такъ что мы, безъ труда и очень дешево, промѣняли своихъ усталыхъ животныхъ, приплативъ среднимъ числомъ отъ 10—12 ланъ за каждаго. Теперь мы снова владѣли одиннадцатью свѣжими верблюдами, но увы! въ карманѣ у насъ осталось менѣе ста ланъ денегъ. Съ такою ничтожною суммою нечего было и думать добраться до Лассы, хотя обстоятельства этому вполнѣ благопріятствовали. Именно, черезъ нѣсколько дней по прибытіи нашемъ на Куку-норъ, къ намъ пріѣхалъ тибетскій посланникъ, который отправленъ былъ, въ 1862 году, далай-ламою съ подарками къ богдохану, но попалъ сюда какъ разъ въ то время, когда началось дунганское возстаніе въ Гань-су и Сининъ былъ занятъ инсургентами. Съ тѣхъ поръ, т. е. цѣлыхъ десять лѣтъ, этотъ посланникъ жилъ на Куку-норѣ, или въ городѣ Донкырѣ, не имѣя возможности пробраться въ Пекинъ и не смѣя ворочаться назадъ въ Лассу. Услыхавъ, что четверо русскихъ прошли черезъ ту страну, которую онъ не рѣшается пройти съ сотнями своихъ конвойныхъ, тибетскій посланникъ пріѣхалъ «посмотрѣть на такихъ людей», какъ онъ самъ выразился.

Этотъ посланникъ, по имени *Комбы-нансу*, оказался очень любезнымъ, предупредительнымъ человѣкомъ и предлагалъ намъ свои услуги въ Лассѣ. Въ то же время онъ увѣрялъ, что далай-лама будетъ очень радъ видѣть у себя русскихъ, и что мы встрѣтимъ самый радушный пріемъ въ столицѣ тибетскаго владыки. Съ грустію слушали мы такіе разсказы, зная, что только одинъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ мѣшаетъ намъ пробраться въ глубь Тибета. А скоро ли выпадетъ такой благопріятный случай для другаго путешественника? Да и сколько затратъ потребуется вновь для достиженія цѣли, которая могла бы быть теперь выполнена,

[1]) По словамъ монголовъ, населеніе этихъ хошуновъ состоитъ почти исключительно изъ тангутовъ.

Digitized by Google

сравнительно небольшими средствами. Имѣй мы на Куку-норѣ тысячу ланъ денегъ, то навѣрное дошли бы до Лассы, а оттуда могли предпринять путь на озеро Лобъ-норъ, или въ какія либо другія мѣстности.

Такимъ образомъ, вынужденные отказаться отъ намѣренія пройти до столицы Тибета, мы тѣмъ не менѣе рѣшили идти впередъ до крайней возможности, зная, на сколько цѣнно для науки изслѣдованіе каждаго лишняго шага въ этомъ невѣдомомъ уголкѣ Азіи.

Проводниковъ мы брали по прежнему по два и получали ихъ отъ монгольскихъ, а иногда и отъ тангутскихъ нойновъ (чиновниковъ) частію за подарки, частію опираясь на письмо чейбсенскаго донира къ муръ-засаку и на свой пекинской паспортъ, въ которомъ говорилось, что при насъ находятся въ услуженіи два человѣка изъ подданныхъ Небесной Имперіи. Это было прописано въ паспортѣ на тотъ случай, если мы наймемъ къ себѣ монголовъ или китайцевъ; мы же, по совѣту чейбсенскаго донира, выдали такое обстоятельство за приказаніе давать намъ проводниковъ и, дѣйствительно, получали ихъ на Куку-норѣ и въ Цайдамѣ.

Одинъ изъ проводниковъ, взятыхъ нами на Куку-норѣ, былъ нѣкогда штатнымъ ламою въ кумирнѣ *Гумбумъ*, находящейся въ тридцати верстахъ къ югу отъ г. Синина. Эта кумирня, одна изъ знаменитѣйшихъ во всемъ Ламайскомъ мірѣ, выстроена на мѣстѣ рожденія реформатора буддайской религіи *Дзонъ-кава*. По увѣренію Буддистовъ, различныя чудеса ознаменовали великую святость этого человѣка. Такъ изъ родильной рубашки, зарытой въ землю, выросло дерево, листья котораго испещрены тибетскими буквами. Дерево это цѣло до сихъ поръ, помѣщается на особомъ дворѣ и составляетъ главную святыню Гумбума. Монголы называютъ его *«занда-мото»*, но тоже самое имя они даютъ древовидному можжевельнику и вообще всякому хорошему дереву. Такъ напримѣръ, видя орѣховые приклады нашихъ ружей, или дубовый ящикъ, они всегда говорили, что это «занда-мото». По словамъ проводника-ламы, листья на святомъ деревѣ величиною и формою напоминаютъ листья нашей липы. Изображенія на нихъ тибетской азбуки, конечно, или дѣлаются ламами, или дополняются воображеніемъ усердныхъ вѣрующихъ. Да и дерево, по всему вѣроятію, принадлежитъ къ какому нибудь изъ видовъ свойственныхъ Гань-су, такъ какъ оно растетъ на открытомъ воздухѣ, слѣдовательно, можетъ выносить здѣшній суровый климатъ. Если же оно почитается всѣми буддистами святымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ, то это еще не

Digitized by Google

служитъ доказательствомъ его оригинальности. Мало ли какія почитанія и вѣрованія мы видимъ даже и въ Европѣ! [1]).

Гумбумъ славится также своею медицинскою школою, въ которой обучаются молодые ламы, промышляющіе впослѣдствіи леченіемъ больныхъ. Лѣтомъ ученики отправляются въ окрестныя горы и собираютъ тамъ травы, на цѣлительныхъ свойствахъ которыхъ, главнымъ образомъ, основана вся тибетская медицина. Конечно, въ этой послѣдней множество шарлатанства и невѣжества, но, по всему вѣроятію, есть и такія открытія, сдѣланныя случайно, путемъ опыта, которыя неизвѣстны европейской наукѣ. Мнѣ кажется, что человѣкъ, спеціально знакомый съ медициною, могъ бы сдѣлать дорогія пріобрѣтенія, если бы изслѣдовалъ серьёзно средства леченія, употребляемыя тибетскими и монгольскими докторами.

Въ прежнія времена въ Гумбумѣ считалось до семи тысячъ ламъ, но теперь число ихъ уменьшилось на нѣсколько сотъ послѣ того, какъ эта кумирня потерпѣла разореніе отъ дунганъ, которые пощадили только главный храмъ и святое дерево. Однако слава этого мѣста такъ велика, что безъ сомнѣнія, все разоренное вскорѣ будетъ опять возобновлено.

Отъ выхода на Куку-норъ въ сѣверо-западной его части, путь нашъ лежалъ сначала по сѣверному, а потомъ по западному берегу озера. Минуя нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, мы встрѣтили наконецъ самый большой изъ всѣхъ притоковъ Куку-нора — *Бухайнъ-голъ*, который вытекаетъ изъ горъ Нань-шань и, по словамъ монголовъ, имѣетъ въ длину около 400 верстъ. Въ своемъ низовьи, т. е. тамъ, гдѣ проходитъ тибетская дорога, описываемая рѣка имѣетъ около пятнадцати сажень ширины и почти вездѣ проходима въ бродъ; глубина на подобныхъ мѣстахъ не болѣе двухъ футовъ. Вообще Бухайнъ-голъ представляетъ собою рѣку самыхъ скромныхъ размѣровъ и, тѣмъ съ бо́льшимъ удивленіемъ, читали мы, на берегу же Бухайнъ-гола, описаніе миссіонера Гюка про страшную переправу тибетскаго каравана, съ которымъ онъ слѣдовалъ въ Лассу, черезъ *двѣнадцать* рукавовъ этой рѣки. По словамъ патера, его спутники считали свой переходъ черезъ Бухайнъ-голъ весьма удачнымъ, такъ какъ изъ всего каравана только одинъ человѣкъ сломалъ ногу, да утонули два яка. Между тѣмъ у Бухайнъ-гола, тамъ

[1]) Но если монголамъ простительно вѣровать въ чудесное дерево, то, мнѣ кажется, не совсѣмъ удобно разсказывать про тибетскую азбуку на его листьяхъ миссіонеру Гюку, который увѣряетъ, что видѣлъ такое чудо собственными глазами и хотя сначала подозрѣвалъ обманъ ламъ, но потомъ убѣдился въ дѣйствительности этого сверхъестественнаго явленія. Huc. souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 116.

Digitized by Google

гдѣ его переходитъ тибетская дорога, всего одинъ рукавъ, да и тамъ бываетъ вода лишь въ періодъ дождей; сама же рѣка такъ мелка, что въ ней можетъ утонуть развѣ заяцъ, а не такое сильное и отлично плавающее животное какъ сарлокъ. Въ мартѣ слѣдующаго года, мы прожили цѣлый мѣсяцъ на низовьѣ Бухайнъ-гола и, бродя ежедневно по берегу его за птицами, часто съ товарищемъ вспоминали Гюковское описаніе страшной рѣки, черезъ которую намъ приходилось переходить, по нѣсколько десятковъ разъ, въ теченіи одной охоты [1]).

Долина Бухайнъ-гола имѣетъ верстъ двѣнадцать или пятнадцать ширины и за нею тотчасъ же стоитъ высокій хребетъ, который идетъ по южную сторону Куку-нора, а затѣмъ тянется къ западу верстъ на пятьсотъ, по словамъ мѣстныхъ жителей. Этотъ хребетъ, за неимѣніемъ для него мѣстнаго имени, я буду называть *Южно-куку-норскимъ* [2]), въ отличіе отъ сѣверно-куку-норскихъ, т. е. Ганьсуйскихъ горъ, съ которыми онъ, вѣроятно, сливается при своемъ западномъ продолженіи.

Подобно тому, какъ горы на сѣверной сторонѣ Куку-нора отдѣляютъ его бассейнъ отъ гористой, влажной и лѣсистой области Гань-су, такъ и южно-куку-норскій хребетъ служитъ рѣз-

---

[1]) Вотъ подлинныя слова Гюка: «Шесть дней спустя послѣ нашего отхода, пришлось переходить *Пухайнъ-голъ*, рѣку, которая имѣетъ свои источники у подошвы горъ Нань-шань и впадаетъ въ Голубое море. Ея воды не очень глубоки, но будучи раздѣлены на двѣнадцать рукавовъ, весьма близкихъ одинъ къ другому, занимаютъ пространство болѣе одного лье (4,16 нашей версты) въ ширину. Мы имѣли несчастіе прибыть къ первому рукаву Пухайнъ-гола за долго до разсвѣта; вода была покрыта льдомъ, но не настолько твердымъ, чтобы онъ могъ замѣнить мостъ. Лошади, прибывшія первыми, испугались и не смѣли двигаться впередъ; они остановились на берегу и дали время подойти вьючнымъ якамъ. Вскорѣ весь караванъ собрался на одномъ пунктѣ; невозможно выразить безпорядка и смятенія, которыя царствовали среди этого громаднаго сборища, окруженнаго мракомъ ночи. Наконецъ нѣсколько всадниковъ погнали своихъ лошадей, и проломали ледъ во многихъ мѣстахъ. Тогда караванъ вошелъ какъ ни попало въ рѣку; животныя толкались и брызгали водою со всѣхъ сторонъ, ледъ трещалъ, люди кричали; суматоха была ужасная. Перебравшись черезъ первый рукавъ, необходимо было начинать тотъ же самый маневръ на второмъ, потомъ на третьемъ и на слѣдующихъ. Когда наступилъ день, *святое посольство* еще барахталось въ водѣ. Наконецъ, послѣ большаго утомленія физическаго и нравственнаго, мы имѣли счастіе оставить позади себя двѣнадцать развѣтвленій Пухайнъ-гола и вышли на сухую землю; но всѣ наши поэтическія идеи исчезли, и мы начали находить такой способъ путешествія крайне отвратительнымъ. Однако же, казалось, всѣ были веселы. Говорили, что переходъ черезъ Пухайнъ-голъ совершился удивительно благополучно. Только одинъ человѣкъ сломалъ ногу, и утонули два яка. Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 203.

[2]) Странно, почему Гюкъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ огромномъ хребтѣ.

Digitized by Google

кою границею плодородныхъ степей Голубаго озера, отъ тѣхъ пустынь, которыя идутъ далѣе по Цайдаму и Тибету. Дѣйствительно, сѣверный склонъ описываемаго хребта еще во всемъ напоминаетъ горы Гань-су и, большею частію, покрытъ кустарниками или мелкимъ лѣсомъ, обиленъ водою и превосходными лугами; между тѣмъ южная сторона тѣхъ же самыхъ горъ несетъ совершенно монгольскій характеръ. Глинистые скаты здѣсь большею частію оголены, или только кой гдѣ покрыты древовиднымъ можжевельникомъ, сухія русла рѣкъ лишены воды, роскошныхъ луговъ нѣтъ и помину. Все это служитъ преддверіемъ той пустынной равнины, которая раскинулась по южную сторону описываемыхъ горъ и совершенно напоминаетъ собою Ала-шань. На глинисто-соленой почвѣ здѣсь растутъ только дырисунъ, бударгана и хармыкъ; являются хара-сульты и холо-джоро, всегда рекомендующіе своимъ присутствіемъ самую дикую пустыню. Здѣсь же находится соленое озеро *Джаратай-дабасу*, имѣющее въ окружности около 40 верстъ. Превосходная осадочная соль лежитъ въ этомъ озерѣ пластомъ до фута толщины; у береговъ же такой слой не толще дюйма. Отсюда соль возятъ въ г. Донкыръ; для надзора за разработкою ея, на берегу Джаратай-дабасу живетъ особый монгольскій чиновникъ [1]).

Пустынная равнина, на которой находится вышеописанное соленое озеро, имѣетъ въ ширину верстъ тридцать и далеко тянется къ востоку, будучи окаймлена съ сѣвера южно-куку-норскими горами, а съ юга другимъ хребтомъ, имъ параллельнымъ; къ западу отъ Джаратай-дабасу оба эти хребта вскорѣ соединяются между собою.

Немного далѣе этого соединенія, при выходѣ изъ узкой долины, образованной рѣчкою *Дуланъ-голъ*, лежитъ урочище *Дуланъ-китъ* [2]), гдѣ находится мѣстопребываніе Цинъ-хай-вана, т. е. правителя западной части куку-норской земли. Прежде этотъ князь имѣлъ свою ставку на берегу Куку-нора, на постоянные грабежи тангутовъ принудили его перебраться въ болѣе удаленное мѣсто. На сколько же серьезны эти грабежи, можно видѣть изъ того, что разбойники у этого же самого вана отняли, въ теченіи трехъ лѣтъ, 1,700 лошадей.

---

[1]) Замѣчательно, что на мѣстѣ платятъ за соль отъ каждаго вьючнаго верблюда по двѣ пачки (около 1/4 фунта) *гуамяна* (родъ вермишели, приготовляемой китайцами изъ тѣста); впрочемъ на Куку-норѣ ходячею монетою служитъ также и масло.

[2]) Слово «китъ» означаетъ церковь и, дѣйствительно, здѣсь есть небольшая кумирня.

Digitized by Google

Самъ куку-норскій ванъ умеръ за годъ до нашего прихода [1]); наслѣдникомъ его остался старшій сынъ, двадцати-лѣтній юноша, который еще не былъ утвержденъ въ своемъ званіи китайскими властями [2]) и правилъ подъ опекою своей матери, довольно молодой и энергичной женщины. Какъ ее, такъ и молодаго князя, мы встрѣтили возлѣ озера Джаратай-дабасу; они ѣхали въ г. Донкыръ по какимъ-то дѣламъ. Молодой князь только смотрѣлъ на насъ съ тупымъ любопытствомъ; княгиня же потребовала паспортъ и, прочитавъ его, сказала своимъ приближеннымъ: «эти люди, быть можетъ, посланы нашимъ царемъ посмотрѣть, что дѣлается здѣсь и донести ему объ этомъ». За тѣмъ она велѣла дать намъ проводниковъ и мы разстались послѣ свиданія, продолжавшагося менѣе получаса.

Но радушный пріемъ мы встрѣтили въ самой ставкѣ Цинъ-хай-вана отъ его дяди, который помогаетъ своему племяннику въ дѣлахъ управленія. Этотъ дядя, гыгенъ по профессіи, имѣлъ нѣкогда свою собственную кумирню, но ее разорили дунганы. Гыгенъ нѣсколько разъ бывалъ въ Пекинѣ и Ургѣ, гдѣ видалъ русскихъ. Вообще онъ оказался очень хорошимъ человѣкомъ и, получивъ отъ насъ подарки, прислалъ въ отвѣтъ небольшую юрту, которая впослѣдствіи сильно пригодилась намъ въ Тибетѣ. Но всего пріятнѣе для насъ было то, что гыгенъ запретилъ своимъ подданнымъ ходить безъ дѣла въ нашу палатку, такъ что мы, единственный разъ въ теченіе экспедиціи, могли спокойно стоять, вблизи жилаго мѣста.

Дѣйствительно, назойливость мѣстнаго люда была самымъ тяжелымъ бременемъ во все время нашего путешествія, начиная съ перваго до послѣдняго шага. Вездѣ лѣзли смотрѣть на насъ, какъ на какое нибудь диво, и хотя мы обыкновенно употребляли крутыя мѣры, относительно непрошенныхъ гостей, но все-таки не могли избавиться отъ того, чтобы не принимать различныхъ мѣстныхъ чиновниковъ, какъ монгольскихъ, такъ и тангутскихъ. Въ особенности часты сдѣлались подобныя посѣщенія съ выходомъ на Куку-норъ, когда вездѣ разнесся слухъ, что появились четверо какихъ-то невиданныхъ людей и между ними одинъ великій святой запада, который идетъ въ Лассу, чтобы познакомиться съ далай-

---

[1]) Цинъ-хай-ванъ умеръ въ 1871 году. За его поминки заплачено было въ нѣсколько кумирень до тысячи головъ разнаго скота, въ томъ числѣ около трехъ сотъ сарлоковъ; сверхъ того послано въ Тибетъ, для той же цѣли, нѣсколько сотъ ланъ денегъ.

[2]) Оба куку-норскіе вана подчинены синиискому амбаню, т. е. губернатору Гань-су.

Digitized by Google

ламою—великимъ святымъ востока. Поводомъ къ такому производству меня въ полу-боги служили прежде всего наши хожденія по Гань-су, биткомъ набитой разбойниками. Затѣмъ пальба изъ невиданныхъ ружей, охоты за звѣрями, которыхъ мы били иногда на большія разстоянія, стрѣльба въ летъ птицъ, препарировка ихъ шкуръ, наконецъ, неразгаданная цѣль нашей поѣздки — все это вмѣстѣ заставляло мѣстный людъ, смотрѣть на насъ какъ на особенныхъ, таинственныхъ людей. Когда же къ намъ пріѣзжали различные гыгены и даже самъ тибетскій посланникъ, то населеніе видѣло въ этомъ полное подтвержденіе своихъ догадокъ, и окончательно убѣдилось въ томъ мнѣніи, что я великій *хубилганъ*, т. е. святой. Такое обстоятельство намъ было отчасти выгодно, такъ какъ слава святаго облегчала нашъ путь и гарантировала, до извѣстной степени, отъ различныхъ непріятностей; но съ другой стороны, я не могъ отдѣлаться отъ разныхъ благословеній, предсказаній и т. п. нелѣпостей. Тангуты и монголы приходили иногда толпами, чтобы помолиться не только намъ, но даже нашимъ ружьямъ, а мѣстные князья нѣсколько разъ привозили своихъ дѣтей, прося меня наложить на нихъ руку и этимъ знаменіемъ благословить на цѣлую жизнь. При нашемъ приходѣ въ Дуланъ-китъ, собралась толпа, человѣкъ въ двѣсти, которые молились намъ, стоя на колѣняхъ по сторонамъ дороги.

Отъ желающихъ предсказаній не было отбоя. Ко мнѣ приходили узнавать не только о судьбѣ дальнѣйшей жизни, но также о пропавшей скотинѣ, потерянной трубкѣ и т. п.; одинъ тангутскій князекъ серьезно добивался узнать средство, черезъ которое можно заставить его безплодную жену имѣть хотя нѣсколькихъ дѣтей. Хара-тангуты, постоянно разбойничающіе на Куку-норѣ, не только нерѣшались напасть на нашъ караванъ, но даже переставали грабить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили. Монгольскіе князья, начальники хошуновъ, не одинъ разъ являлись къ намъ съ просьбою, защитить ихъ отъ хара-тангутовъ и приказать послѣднимъ возвратить награбленный скотъ.

Обаяніе нашего имени превосходило всякое вѣроятіе. Такъ, идя въ Тибетъ, мы оставили въ Цайдамѣ лишній мѣшокъ съ дзамбою и мѣстный князь, принимая его на храненіе, съ радостію говорилъ намъ, что этотъ мѣшокъ будетъ теперь стеречь весь его хошунъ отъ разбойниковъ-тангутовъ. Дѣйствительно, когда спустя три мѣсяца, мы возвратились къ тому же самому князю, онъ тотчасъ подарилъ намъ двухъ барановъ, въ благодарность за то, что въ теченіи всего этого времени, въ его хошунѣ не показывался ни

Digitized by Google

одинъ грабитель, изъ боязни украсть вещи, оставленныя русскими. Наши проводники, а иногда и другіе монголы, собирали негодные листки старой книги, которые мы бросали въ извѣстныхъ случаяхъ, и тщательно прятали ихъ говоря, что при появленіи разбойниковъ они будутъ показывать эти листки, какъ охранныя граммоты полученныя отъ русскихъ.

Нелѣпѣйшимъ разсказамъ про наше всемогущество не было конца. Такъ, вездѣ шла молва, что хотя насъ только четверо, но, въ случаѣ нападенія, по одному моему слову, является цѣлая тысяча людей и сражается за меня; при томъ вездѣ увѣряли, что я могу по произволу располагать стихіями, пускать болѣзни на скотъ, или на людей и пр. и пр. И я увѣренъ, что пройдетъ немного лѣтъ, какъ преданіе о нашемъ путешествіи въ этихъ странахъ превратится въ легенду, изукрашенную различными вымыслами фантазіи.

Рядомъ съ званіемъ святаго, мнѣ навязана была профессія доктора, титулъ котораго я получилъ еще съ первыхъ мѣсяцевъ нашей экспедиціи. Поводомъ къ такому мнѣнію послужило собираніе растеній; кромѣ того, нѣсколько удачныхъ леченій отъ лихорадки хининомъ, окончательно убѣдили монголовъ въ моихъ докторскихъ способностяхъ. Затѣмъ, слава искуснаго врача прошла со мною черезъ всю Монголію, Гань-су, Куку-норъ и Цайдамъ. Въ двухъ послѣднихъ странахъ въ особенности много являлось къ намъ различныхъ больныхъ и преимущественно женщинъ.

Не зная вовсе медицины, располагая самымъ незначительнымъ запасомъ лекарствъ, наконецъ не имѣя ни времени, ни охоты возиться съ приходившими паціентами, я обыкновенно пускалъ въ дѣло самую шарлатанскую вещь, когда либо являвшуюся въ медицинскомъ мірѣ, именно Баумшейтизмусъ, который, какъ извѣстно, проповѣдуетъ леченіе всѣхъ болѣзней, уколомъ кожи кучею иголокъ, насаженныхъ на пружинѣ, и затѣмъ смазываньемъ этого мѣста какимъ-то особеннымъ масломъ. Словно предчувствовалъ я, насколько будетъ полезенъ намъ подобный инструментъ и захватилъ его съ собою въ экспедицію. И если докторъ Баумшейтъ, изобрѣтатель столь волшебнаго способа леченія, еще живъ, то онъ можетъ гордиться тѣмъ, что его открытіе приводило въ восторгъ обитателей Куку-нора, которые смотрѣли на пружинку съ иголками, какъ на святую вещь, вышедшую чуть ли не изъ рукъ самаго Будды. Въ послѣдствіи, на обратномъ пути, я подарилъ этотъ волшебный инструментъ одному монгольскому князю, который сейчасъ же началъ упражняться имъ, дѣлая операціи кровопусканія своимъ совершенно здоровымъ адъютантамъ.

Digitized by Google

Между болѣзнями, среди монголовъ, всего болѣе распространены: сифилисъ, различныя накожныя сыпи, засореніе желудка, ушибы и ломота костей. Курьезнымъ разсказамъ, при объясненіи этихъ болѣзней, не было конца. Такъ напр., больной сифилисомъ на столько, что у него прогнилъ носъ, увѣрялъ, что здѣсь завелся какой то червякъ, котораго необходимо извести; женщина, испортившая излишнимъ обжорствомъ дзамбы, свой желудокъ, говорила, что у у ней растетъ тамъ какая то шишка; больной глазами полагалъ, что его сглазили и т. п.

Однако больные большею частію не довольствовались одною операціею Баумшейтизмуса, но всегда просили дать имъ лекарствъ внутрь. Тогда пускалась въ дѣло англійская соль, мятныя капли и содовые порошки; иногда, чтобы только отвязаться, случалось давать магнезію отъ бѣльма на глазѣ. Впрочемъ, такіе внутренніе пріемы впослѣдствіи окончились съ истощеніемъ нашихъ аптечныхъ запасовъ, и только одинъ Баумшейтизмусъ служилъ со славою, почти до самаго конца экспедиціи.

Въ разстояніи двухъ дней пути отъ ставки Цинъ-хай-вана, оканчивается горная страна, наполненная отрогами южно-куку-норскаго хребта и далѣе разстилаются, гладкія какъ полъ, равнины Цайдама [1]). Эти равнины рѣзко ограничены съ сѣвера западнымъ продолженіемъ южно-куку-норскихъ горъ, на югѣ—Тибетскимъ хребтомъ Бурханъ-Будда, а съ востока—горными грядами, служащими связью между двумя этими хребтами; на западѣ же равнины Цайдама уходятъ, безграничною гладью, за горизонтъ и тянутся, по словамъ мѣстныхъ жителей, до самаго озера Лобъ-нора.

Цайдамскія равнины, бывшія, по всему вѣроятію, въ недавнюю геологическую эпоху, дномъ огромнаго озера, представляютъ сплошное болото, почва котораго на столько пропитана солью, что эта соль мѣстами лежитъ толстою ($^1/_2$ - 1 дюйма) корою на подобіе льда. Затѣмъ, здѣсь довольно часто встрѣчаются топи, небольшія рѣчки и озерки, а въ западной части описываемой страны [2]) находится большое озеро *Хара-норъ*. Изъ рѣкъ самая большая *Баянъ-голъ*, которая, въ томъ мѣстѣ гдѣ мы ее переходили (по льду), имѣетъ 230 сажень ширины, но незначительную глубину, всего фута три и топкое, иловатое дно. По словамъ монголовъ, Баянъ-голъ вытекаетъ изъ озера *Тосо-норъ*, на восточной окраинѣ горъ Бурханъ-

---

[1]) Административная граница Цайдама проходитъ въ двадцати пяти верстахъ на юго-западъ отъ Дуланъ-кита.

[2]) Въ Хошунѣ *Курлыкъ*.

Digitized by Google

Будда и, пробѣжавъ версть около 300, теряется въ болотахъ западнаго Цайдама.

Глинисто-соленая почва этой страны, конечно, не способна производить разнообразной растительности. За исключеніемъ лишь нѣсколькихъ видовъ болотныхъ травъ, мѣстами образовавшихъ площади въ родѣ луговъ, все остальное пространство покрыто тростникомъ, вышиною отъ 4—6 футовъ [1]). Сверхътого, на мѣстахъ, гдѣ посуше, является въ изобиліи *хармыкъ* (Nitraria Schoberi), найденный нами уже въ Ордосѣ и Ала-шанѣ, но достигающій здѣсь размѣровъ саженнаго куста. Его сладко-соленыя ягоды, обыкновенно всегда очень урожайныя, составляютъ, подобно Ала-шаньскому сульхиру, главную пищу какъ людей, такъ и животныхъ Цайдама. Мѣстные жители, монголы и тангуты, позднею осенью собираютъ подсохшія на вѣткахъ ягоды хармыка и дѣлаютъ изъ нихъ запасъ на цѣлый годъ. Эти ягоды варятъ въ водѣ и ѣдятъ смѣшавъ съ дзамбою; кромѣ того пьютъ сладко-соленый отваръ.

Ягодами хармыка питаются почти всѣ птицы и звѣри Цайдама, не исключая даже волковъ и лисицъ; верблюды также очень любятъ подобное лакомство. Впрочемъ, въ Цайдамѣ звѣрей мало, чему причиною вѣроятно соленая почва, которая сильно портитъ подошвы лапъ и копыта животныхъ. Лишь изрѣдка здѣсь можно встрѣтить хара-сульту, или хулана и, нѣсколько чаще, волка, лисицу, или зайца. Малое количество звѣрей обусловливается, вѣроятно, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтомъ болота Цайдама кишатъ міріадами комаровъ, мошекъ и оводовъ, такъ что даже мѣстные жители откочевываютъ, на это время, въ горы съ своими стадами [2]).

Изъ птицъ въ Цайдамѣ всего болѣе водяныхъ и голенастыхъ, но такъ какъ мы были здѣсь позднею осенью и, возвращались обратно,

---

[1]) Между тѣмъ Гюкъ описываетъ Цайдамъ слѣдующимъ образомъ: «15 Ноября мы оставили великолѣпныя равнины Куку-нора и прибыли къ монголамъ *Цайдама* (О южно-куку-норскомъ хребтѣ ни слова не упоминается). Лишь только мы перешли рѣку того же имени (вѣроятно дѣло идетъ о Баянъ-голѣ, который въ пятнадцать разъ шире столь подробно описаннаго патеромъ Бухайнъ-гола), какъ страна рѣзко измѣняетъ свой видъ. Природа дѣлается печальною и дикою; почва, безплодная и каменистая (между тѣмъ какъ тамъ сплошныя болота, на которыхъ нѣтъ ни одного камня), кажется, съ трудомъ производитъ нѣсколько высушенныхъ и пропитанныхъ селитрою кустарниковъ..... Каменная соль и буро-кислый натръ изобилуютъ на этой почвѣ, безплодной и почти совершенно лишенной хорошихъ пастбищъ. Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 213.

[2]) Замѣчательно, какъ невыгодно дѣйствуетъ на скотъ обиліе насѣкомыхъ; въ Цайдамѣ, лѣтомъ, бараны и другія домашнія животныя, бываютъ гораздо менѣе жирны, нежели зимою, на гораздо худшемъ кормѣ, но за то безъ докучливыхъ мошекъ и комаровъ.

Digitized by Google

раннею весною, то очень мало видѣли тѣхъ и другихъ; за то мы нашли въ изобиліи особый видъ *фазана* (Phasianus sp.) отличный отъ монгольскаго и отъ гань-суйскаго. Кромѣ того, мы встрѣтили здѣсь нѣсколько зимующихъ птицъ, какъ-то: *Ruticilla erythrogastra, Carpodacus rubicilla, Buteo ferox, Falco sp., Circus sp., Anthus pratensis?, Anas Boschas, Rallus aquaticus.*

Населеніе Цайдама составляютъ тѣже самые монголы, что на Куку-норѣ и хара-тангуты; впрочемъ, послѣдніе обитаютъ только въ восточной части описываемой страны. Въ административномъ отношеніи Цайдамъ относится къ Куку-нору и раздѣляется на пять хошуновъ: *Курлыкъ, Барунъ, Дзунъ, Куку-бэйлэ* и *Тайджи*. По словамъ одного изъ мѣстныхъ князей, все населеніе въ Цайдамѣ составляетъ около тысячи юртъ, слѣдовательно, простирается отъ 5—6 тысячъ человѣкъ, полагая, среднимъ числомъ, отъ 5—6 душъ на каждую юрту, или тангутскую палатку.

Монголы сообщали намъ, что болота Цайдама тянутся къ западо-сѣверо-западу дней на пятнадцать пути, отъ того мѣста по которому мы шли; далѣе, на протяженіи нѣсколькихъ дней ходу, залегаетъ голая глина, за которою находится степное и частію холмистое мѣсто *Гастъ*, обильное водою и пастбищами. Однако здѣсь никто не живетъ, но водится множество хулановъ; за ними пріѣзжаютъ охотники съ озера Лобъ-нора, до котораго отъ Гаста всего семь дней пути. Вообще изъ восточнаго Цайдама, тамъ гдѣ мы были, до озера Лобъ-нора, по увѣренію мѣстныхъ жителей, около мѣсяца пути, слѣдовательно 750—900 верстъ, полагая на каждый дневной переходъ 25—30 верстъ. За хорошую плату въ Цайдамѣ можно найдти проводника по крайней мѣрѣ до Гаста, откуда уже не трудно попасть и на Лобъ-норъ.

Такой путь, кромѣ громадной важности географическихъ изслѣдованій, представилъ бы возможность рѣшить въ высшей степени интересный вопросъ о дикихъ верблюдахъ и дикихъ лошадяхъ. Въ существованіи тѣхъ и другихъ насъ единогласно увѣряли монголы Цайдама, и подробно описывали каждое животное.

По словамъ разскащиковъ, дикіе верблюды обитаютъ въ достаточномъ числѣ въ сѣверо-западномъ Цайдамѣ [1]), гдѣ мѣстность представляетъ совершенную пустыню, съ сухою глинистою почвою, поросшею бударганою. Вода здѣсь встрѣчается чрезвычайно рѣдко,

---

[1]). Въ хошунѣ Курлыкъ, въ мѣстностяхъ *Куку-сай* и *Сыртынъ-махай*, до которыхъ отъ Дуланъ-кита около 15 дней пути. Въ Сыртынъ-махаѣ живутъ монголы — до шестидесяти юртъ.

Digitized by Google

но верблюды не стѣсняются этимъ и ходятъ на водопой за цѣлую сотню верстъ, а зимою довольствуются снѣгомъ.

Дикіе верблюды живутъ небольшими обществами отъ 5—10, рѣдко до 20 экземпляровъ; въ большія стада никогда не соединяются. По своей наружности они мало отличаются отъ домашнихъ верблюдовъ; только у дикихъ туловище тоньше и морда острѣе; кромѣ того, у нихъ шерсть имѣетъ сѣроватый цвѣтъ.

Монголы западнаго Цайдама охотятся за дикими верблюдами и бьютъ ихъ для ѣды, преимущественно позднею осенью, когда эти животныя бываютъ очень жирны. Отправляясь на такую охоту, промышленники берутъ съ собою большой запасъ льду, чтобы не погибнуть отъ безводія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ водятся дикіе верблюды. Послѣдніе, вѣроятно, не особенно осторожны, если ихъ можно бить изъ фитильныхъ ружей. Монголы говорили намъ, что дикій верблюдъ отлично обоняетъ и видитъ вдаль, но на близкомъ разстояніи зрѣніе его гораздо хуже. Въ февралѣ, въ періодъ течки, самцы дѣлаются чрезвычайно смѣлы и иногда прибѣгаютъ къ караванамъ, которые слѣдуютъ изъ Цайдама въ городъ Ань-си-чжеу. Случается, что караванные верблюды уходятъ тогда вмѣстѣ съ дикими и уже болѣе не возвращаются.

Кромѣ Цайдама, мы и прежде слышали разсказы монголовъ о дикихъ верблюдахъ, которые водятся въ землѣ тургутовъ и въ пустыняхъ отъ оз. Лобъ-нора къ Тибету. Объ этихъ животныхъ слышалъ также Шау во время своего путешествія изъ Индіи въ Яркендъ, и объ нихъ упоминается въ китайскихъ источникахъ. Но какіе это верблюды? Прямые ли потомки дикихъ родичей, или ушедшіе въ пустыню, одичавшіе и размножившіеся на волѣ? Такой вопросъ, конечно, невозможно рѣшить по монгольскимъ разсказамъ, но въ пользу перваго положенія говоритъ то обстоятельство, что домашніе верблюды не могутъ совокупляться, а слѣдовательно и плодиться безъ помощи человѣка [1]).

Дикія лошади, которыхъ монголы называютъ *дзермикэ-аду* [2]), весьма рѣдко встрѣчаются въ западномъ Цайдамѣ, но въ большомъ количествѣ водятся въ степяхъ оз. Лобъ-нора. По словамъ разскащиковъ, эти лошади держатся обыкновенно большими стадами и чрезвычайно осторожны, такъ что, будучи испуганы человѣкомъ, бѣгутъ безъ оглядки нѣсколько дней и возвращаются на прежнее мѣсто лишь черезъ годъ, или два. Дикія лошади цвѣтомъ всѣ гнѣ-

[1]) Но не пріобрѣтаютъ ли домашніе верблюды такой способности на волѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ свободной жизни?

[2]) Т. е. «дикій табунъ».

Digitized by Google

дыя, но имѣютъ черный хвостъ и гриву, которая у взрослыхъ жеребцовъ бываетъ такъ велика, что свѣшивается почти до земли. Убить это животное чрезвычайно трудно и цайдамскіе монголы никогда за нимъ не охотятся.

Равнины Цайдама ниже степей Куку-нора на 1,700 футовъ, а потому и климатъ здѣсь сравнительно теплѣе, тѣмъ болѣе, что въ Цайдамѣ нѣтъ охлаждающаго вліянія поверхности огромнаго озера.

Съ выходомъ нашимъ изъ горъ Гань-су, т. е. съ половины октября и весь ноябрь, стояла отличная осенняя погода, большею частію ясная. Хотя ночные морозы были постоянно большіе (до —23,6° С. въ октябрѣ и до —25,2° С. въ ноябрѣ), но днемъ всегда стояло тепло [1]), если только солнце не пряталось за облака, или не дулъ сильный вѣтеръ. Послѣднее случалось довольно рѣдко, такъ что мы какъ нельзя болѣе наслаждались прекрасною сухою погодою, послѣ непрерывныхъ дождей и снѣговъ Гань-су. Въ половинѣ октября озеро Куку-норъ было еще свободно отъ льда, который покрывалъ только кой-гдѣ мелкіе заливы; рѣчки же, и въ томъ числѣ Баянъ-голъ, замерзли окончательно къ половинѣ ноября. Снѣгу вовсе не было; если онъ изрѣдка и выпадалъ [2]), то сдувался вѣтромъ, или таялъ на солнцѣ. Впрочемъ, мѣстные жители говорили намъ, что въ Цайдамѣ и на Куку-норѣ, даже зимою, снѣгу бываетъ очень мало; не особенно много идетъ его тогда и въ горахъ Гань-су, гдѣ въ зимній періодъ, большею частію, стоитъ ясная погода.

Покинувъ ставку Цинъ-хай-вана, мы перешли, черезъ безплодную солонцоватую равнину, на которой лежатъ два соленыхъ озера *Сырхэ-норъ и Дуланъ-норъ*, а потомъ перевалили черезъ невысокій горный кряжъ, составляющій отрогъ южно-куку-норскаго хребта. Здѣсь передъ нами раскинулись, необразимою гладью, равнины Цайдама, за которыми вздымался стѣною хребетъ Бурханъ-Будда. Не смотря на то, что до этихъ горъ лежало еще болѣе 120 верстъ, онѣ видѣлись совершенно ясно простымъ глазомъ, а въ бинокль можно было различить чуть не каждую скалу. До того прозраченъ осенній воздухъ этихъ пустынь!

Прежде, нежели вступить въ соляныя болота, мы прошли неширокую волнистую равнину, которая служитъ переходомъ отъ болотъ, къ горамъ ихъ окаймляющимъ. Почва этой равнины гли-

---

[1]) При наблюденіяхъ въ 1 часъ пополудни, термометръ въ первый разъ показалъ ниже нуля только 28-го октября.

[2]) Снѣгъ, выпадающій здѣсь, равно какъ и въ Гань-су, такъ сильно блеститъ, что мѣстные жители, за неимѣніемъ очковъ, завязываютъ глаза пучкомъ черныхъ волосъ изъ хвоста яка.

Digitized by Google

нистая и хрящеватая; мѣстами же залегаютъ сыпучіе пески, на которыхъ тотчасъ является и Ала-шаньскій закъ. Глинистыя площади, большею частію, безплодны; на нихъ растетъ только хармыкъ и кой-гдѣ тамарискъ. Какъ исключительная рѣдкость, здѣсь встрѣтились намъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ маленькіе площадки (2 — 3 десятинъ) обработанной земли, на которой мѣстные монголы засѣваютъ ячмень и пшеницу. Болѣе обширное поле, быть можетъ около восьми или десяти десятинъ, мы видѣли только неподалеку ставки Цинъ-хай-вана, которому оно и принадлежитъ. Земледѣліе въ Цайдамѣ началось очень недавно, именно съ тѣхъ поръ, какъ, по случаю дунганскаго возстанія, сдѣлалось затруднительнымъ сообщеніе съ городомъ Донкыромъ, и мѣстные жители не могли оттуда получать достаточно дзамбы, составляющей ихъ исключительную пищу.

Намъ пришлось идти поперегъ соляныхъ болотъ только 60 верстъ; тропинки здѣсь нѣтъ вовсе, такъ что мы двигались на прямикъ, то по голой соляной корѣ, то по замершей глинѣ. Для животныхъ идти было чрезвычайно трудно; нѣкоторые верблюды начали хромать, а собаки едва могли ступать израненными въ кровь лапами.

18 ноября мы достигли ставки начальника хошуна Дзунъ-засакъ, откуда, по приказанію Куку-норскаго гыгена, должны были дать намъ проводника до Лассы. Мы все еще скрывали, что не попадемъ туда, чтобы не возбудить подозрѣнія Хошунный князекъ долго затруднялся, кого съ нами отправить и дѣло затянулось на цѣлыхъ три дня. Наконецъ, къ намъ явился монголъ по имени *Чутунъ-дзамба*, который девять разъ ходилъ въ Лассу, проводникомъ каравановъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и обычнаго чаепитія, мы наняли этого старика очень дешево, именно по семи ланъ въ мѣсяцъ, при нашемъ продовольствіи и верховомъ верблюдѣ. Сверхъ того, мы обѣщали Чутунъ-дзамбѣ награду, за усердное исполненіе своихъ обязанностей и на слѣдующій день отправились въ Тибетъ, намѣреваясь пройти по этой невѣдомой странѣ, хотя до верховьевъ Голубой рѣки.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сѣверный Тибетъ.

Горные хребты Бурханъ-Будда, Шуга и Баянъ-хара-ула. — Характеръ пустынь сѣвернаго Тибета. – Обычный путь караванов. — Баснословное обиліе звѣрей: дикій якъ, бѣлогрудый аргали, антилопы Оронго и Ада, волкъ и корсакъ. — Бѣдность птицъ.—Наша зимняя жизнь.—Пыльныя бури.— Монголъ Чутунъ-дзамба, нашъ проводникъ. — Рѣка Муръ-усу. — Возвращеніе въ Цайдамъ. .

Южною границею болотистыхъ равнинъ Цайдама служитъ хребетъ *Бурханъ-Будда*, который, въ тоже время, окаймляетъ собою высокое нагорье сѣвернаго Тибета. Этотъ хребетъ тянется отъ востока къ западу и имѣетъ въ длину, по словамъ мѣстныхъ жителей, около 200 верстъ. Восточный край Бурханъ-Будда лежитъ недалеко отъ горъ *Ёграй-ула* и его рѣзко ограничиваетъ озеро *Тосо-норъ* [1]); западною же границею описываемаго хребта служитъ р. *Номохунъ-голъ*, которая течетъ у южной подошвы Бурханъ-Будда, огибаетъ эти горы съ запада и, выйдя въ равнины Цайдама, впадаетъ въ Баянъ-голъ [2]).

Такимъ образомъ Бурханъ-Будда стоитъ рѣзко очерченною полосою, какъ съ востока, такъ и съ запада, а всего болѣе съ сѣвера, гдѣ онъ вздымается вдругъ на совершенно гладкихъ равнинахъ Цайдама. На всемъ своемъ протяженіи описываемыя горы не имѣютъ особенно выдающихся точекъ, но стоятъ однимъ непрерывнымъ гребнемъ.

По словамъ монголовъ, Бурханъ-Будда получилъ свое имя [3]),

---

[1]) Горы *Ёграй-ула* лежатъ недалеко отъ истоковъ Желтой рѣки; по словамъ монголовъ, онѣ не имѣютъ вѣчныхъ снѣговъ, но покрыты лѣсами. Озеро *Тосо-норъ* довольно узко, но въ длину имѣетъ два дня пути, т. е. отъ 50—60 верстъ; изъ него вытекаетъ р. Баянъ-голъ.

[2]) Рѣка *Номохунъ-голъ* вытекаетъ изъ горъ Шуга и имѣетъ лишь нѣсколько сажень ширины; при впаденіи этой рѣки въ Баянъ-голъ находятся, по словамъ монголовъ, развалины стариннаго города, гдѣ, въ давнія времена, жили китайскія войска.

[3]) Это имя въ переводѣ означаетъ «Богъ Будда».

Digitized by Google

нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, отъ одного гыгена, возвращавшагося изъ Тибета въ Монголію. Испытавъ всѣ ужасы Тибетскихъ пустынь, и спустившись наконецъ въ болѣе теплыя равнины Цайдама, святой окрестилъ, именемъ самого Будды, тотъ хребетъ, который стоитъ исполинскимъ стражемъ высокаго, холоднаго и пустыннаго нагорья сѣвернаго Тибета.

Дѣйствительно, Бурханъ-Будда составляетъ рѣзкую физическую границу странъ, лежащихъ по сѣверную и южную его сторону. Съ этой послѣдней, т. е. съ южной стороны, за описываемыми горами мѣстность поднимается на страшную абсолютную высоту отъ 13 - 15 тысячъ футовъ [1]). Столь высокое плато мы нашли на всемъ пространствѣ отъ Бурханъ-Будда до верховьевъ Голубой рѣки, но оно тянется гораздо далѣе, именно до хребта *Танг-ла* и, по всему вѣроятію, повышается здѣсь еще болѣе.

Если, отъ равнинъ Цайдама, подниматься на Бурханъ-Будда, то отъ подошвы до гребня этихъ горъ около 30 верстъ [2]). Подъемъ довольно пологій и дѣлается крутымъ лишь у самаго перевала, абсолютная высота котораго 15,300 фут. Ближайшая же къ нему вершина, называемая также *Бурханг-Будда* и высшая, по словамъ монголовъ, во всемъ хребтѣ [3]), поднимается на 16,300 фут. надъ уровнемъ моря и на 7,500 фут. надъ равнинами Цайдама.

Однако, не смотря на свою огромную высоту, Бурханъ-Будда нигдѣ не достигаетъ снѣжной линіи. Даже въ концѣ ноября, когда мы переходили черезъ описываемыя горы, снѣгу на нихъ было чрезвычайно мало; онъ покрывалъ, на нѣсколько дюймовъ, лишь сѣверные склоны высшихъ точекъ и самого гребня хребта. Весною, именно въ февралѣ, на обратномъ пути, мы нашли тоже самое; нерастаивающаго прошлогодняго снѣга не было видно здѣсь даже въ ущельяхъ, укрытыхъ отъ солнца.

Причина такого явленія, вѣроятно, заключается во первыхъ въ томъ, что описываемый хребетъ, имѣя большую абсолютную высоту, не поднимается много надъ своею подошвою съ южной стороны; обширныя пустыни, здѣсь раскинувшіяся, лѣтомъ нагрѣваются довольно сильно и теплый воздухъ гонитъ снѣгъ съ самыхъ высокихъ вершинъ. Во вторыхъ, зимою здѣсь выпадаетъ обыкно-

---

[1]) Только одна глубокая и узкая долина Номохунъ-гола врѣзана въ это плоскогорье на 11,300 фут. абсолютной высоты.

[2]) Между подошвою горъ и солеными болотами Цайдама лежитъ промежуточная полоса, шириною верстъ 15. Эта полоса представляетъ покатую отъ горъ, совершенно безплодную хрящеватую равнину, усѣянную валунами.

[3]) Это едва ли вѣрно; мнѣ кажется, что другія точки превосходятъ измѣренную вершину, но не болѣе какъ на нѣсколько сотъ футовъ.

Digitized by Google

венно немного снѣга [1]), который идетъ гораздо обильнѣе весною, но тогда скоро таетъ отъ солнца и не можетъ образовать массы, которая устояла бы въ теченіи цѣлаго лѣта.

Общій характеръ хребта Бурханъ-Будда заключается въ его крайнемъ безплодіи. Горные склоны состоятъ здѣсь изъ глины, галешника, розсыпей, или обнаженныхъ скалъ глинистаго и кремнистаго сланцевъ, сіенита и сіенитоваго порфира; эти скалы всего рѣзче выступаютъ на окраинахъ хребта, частію же и на самомъ его гребнѣ. Растительности почти нѣтъ вовсе, за исключеніемъ рѣдкихъ уродливыхъ кустовъ бударганы, да желтаго курильскаго чая; звѣрей и птицъ также немного.

Южный склонъ описываемыхъ горъ, въ общемъ, нѣсколько плодороднѣе сѣвернаго; здѣсь чаще встрѣчаются ручьи и возлѣ нихъ что то похожее на луга. Трава на такихъ мѣстахъ обыкновенно вся выѣдена звѣрями или монгольскимъ скотомъ, который пасется здѣсь лѣтомъ, во избѣжаніе безчисленныхъ насѣкомыхъ, тучами населяющихъ въ это время болота Цайдама.

Не смотря на пологое повышеніе, подъемъ на Бурханъ-Будда чрезвычайно труденъ, вслѣдствіе огромной высоты мѣстности и разрѣженія черезъ то воздуха. Силы измѣняютъ здѣсь какъ вьючнымъ животнымъ, такъ и человѣку: чувствуется сильная слабость, дѣлается одышка, голова болитъ и кружится. Зачастую верблюды падаютъ мертвыми; изъ нашего каравана одинъ издохъ мгновенно, а остальные едва едва взошли на перевалъ [2]).

---

[1]) Монголы говорили намъ, что снѣгъ на плоскогорьи сѣвернаго Тибета выпадаетъ неравномѣрно: въ одну зиму его бываетъ довольно много, въ другую наоборотъ.

[2]) Описывая горы Бурханъ-Будда, Гюкъ (Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. I, p. 214—217), увѣряетъ, что этотъ хребетъ замѣчателенъ присутствіемъ на его сѣверной и восточной сторонѣ заразительныхъ углекислыхъ газовъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ, какъ самъ Гюкъ и его спутники страдали отъ этихъ газовъ при восхожденіи на хребетъ. Точно также въ переводѣ китайскаго дорожника отъ Синина до Лассы (въ Извѣстіяхъ Имп. русскаго географ. общества 1873 г. Т. IX, стр. 298—305) говорится, что на этомъ пути въ 23 мѣстахъ встрѣчаются «*Чжанъ-ци*», т. е. вредныя испаренія. Мы пробыли на плоскогорьи сѣвернаго Тибета 80 дней, и нигдѣ не встрѣчали ни «вредныхъ испареній», ни «углекислыхъ газовъ». Трудности же подъема на горы, равно какъ и вообще хожденія даже на ровныхъ мѣстахъ сѣв. Тибетскаго плоскогорья, одышка и усталось, доходящія до головокруженія, объясняются громаднымъ абсолютнымъ поднятіемъ мѣстности и сильнымъ разрѣженіемъ воздуха на подобной высотѣ. По этой же причинѣ аргалъ въ тибетскихъ пустыняхъ горитъ крайне плохо. Наконецъ, если бы дѣйствительно существовали углекислые или какіе-либо другіе вредные газы, то какимъ образомъ на Бурханъ-Будда могли жить лѣтомъ монголы съ своими стадами, а далѣе въ пустыняхъ, пастись огромнѣйшія стада дикихъ животныхъ?

Digitized by Google

Спускъ съ Бурханъ-Будда гораздо положе нежели подъемъ, и идетъ на протяженіи 23 верстъ до рѣчки *Номохунъ-голъ*, узкая долина которой имѣетъ 11,300 фут. абс. высоты; это было самое низкое мѣсто, найденное нами на всемъ плоскогорьи сѣв. Тибета. Отъ Номохунъ-гола мѣстность начинаетъ снова повышаться къ другому горному хребту *Шуга*, который тянется параллельно Бурханъ-Будда, и также рѣзко оканчивается на западѣ, упираясь въ равнины Цайдама [1]).

Хребетъ Шуга немного длиннѣе, чѣмъ Бурханъ-Будда. Онъ возникаетъ на востокѣ отъ горъ *Урундуши*, изъ которыхъ также вытекаетъ рѣка *Шуга-голъ*, окаймляющая описываемый хребетъ съ юга. Эта рѣка, въ томъ мѣстѣ гдѣ мы ее перешли, имѣла сажень 40 ширины [2]), но вообще мелководна. Она течетъ, по словамъ монголовъ, верстъ 300 и теряется въ болотистыхъ равнинахъ западнаго Цайдама. Долина описываемой рѣки, подобно долинѣ Номохунъ-гола, часто покрыта хорошею травою и является довольно плодородною, сравнительно съ безплодіемъ окрестныхъ горъ.

По своему характеру, хребетъ Шуга совершенно походитъ на Бурханъ-Будда: здѣсь таже мертвенность, тѣже голые скаты, отливающіе то краснымъ, то бурымъ, то синеватымъ или желтоватымъ цвѣтами голой глины, каменныхъ розсыпей и оголенныхъ горныхъ породъ. На гребнѣ хребта громоздятся огромнѣйшія скалы известняка и эпидозита, но какъ спускъ, такъ и въ особенности подъемъ, по тибетскому пути, чрезвычайно пологи, хотя абсолютная высота перевала здѣсь немного болѣе, нежели на Бурханъ-Будда [3]). Отдѣльныя точки хребта Шуга также выше и, въ средней части этихъ горъ, пять вершинъ достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга [4]).

Описываемый хребетъ составляетъ политическую границу Монголіи (т. е. Цайдама) и Тибета; однако эта граница не опредѣлена съ точностію и тибетцы называютъ ею горы Бурханъ-Будда. Впрочемъ, изъ такой неопредѣленности особыхъ споровъ быть не можетъ, такъ какъ, начиная отъ Бурханъ-Будда, по тибетскому пути, вплоть до южнаго спуска съ горъ Танъ-ла, слѣдовательно на протяженіи

---

[1]) По всему вѣроятію, Бурханъ-Будда и Шуга на западной окраинѣ имѣютъ между собою связь, и общею массою упираются въ цайдамскія равнины.

[2]) Такую ширину имѣли зимою наледи льда; сама рѣчка, вѣроятно, гораздо у́же.

[3]) Перевалъ черезъ хребетъ Шуга имѣетъ 15,500 фут. абс. высоты.

[4]) Эти пять вершинъ лежали верстахъ въ семи къ востоку отъ нашего пути; на глазъ, онѣ поднимаются тысячи на двѣ футъ выше перевала; снѣгъ на нихъ лежалъ (въ началѣ декабря и въ началѣ февраля) обильно на сѣверныхъ склонахъ и нешрокимъ пластомъ, только близъ самыхъ вершинъ, на южной сторонѣ.

Digitized by Google

почти 800 верстъ, вовсе нѣтъ населенія[1]). Монголы называютъ это мѣсто *«гуресу-гадзырг»*, т. е. звѣриная страна, по чрезвычайному обилію здѣсь дикихъ животныхъ, о чемъ будетъ разсказано нѣсколько ниже.

Вышеупомянутый хребетъ Урундуши, отъ котораго отдѣляются горы Шуга и вытекаетъ р. Шуга-голъ, стоитъ на сѣверной сторонѣ степи *Одонъ-тала* [2]), изобилующей ключами и извѣстной у китайцевъ подъ именемъ *Синъ-су-хай*, т. е. «Звѣзднаго моря». Здѣсь находятся истоки знаменитой Желтой рѣки. Мѣсто это, отъ того пункта, гдѣ мы перешли черезъ р. Шуга, лежитъ въ семи дняхъ пути къ востоку, но, къ сожалѣнію, нашъ проводникъ не зналъ туда дороги. Изъ Цайдама ежегодно, въ августѣ, отправляются на Одонъ-тала монголы для моленія и принесенія жертвы Богу. Эта жертва состоятъ изъ семи бѣлыхъ животныхъ (одинъ якъ, одна лошадь и пять барановъ), которымъ привязываютъ на шею красныя ленты и отпускаютъ въ сосѣднія горы. Что дѣлается потомъ съ этими посвященными животными, богомольцы не знаютъ; вѣроятно, ихъ убиваютъ тангуты, или съѣдаютъ волки.

Въ разстояніи около 100 верстъ къ югу отъ горъ Шуга, стоитъ третій хребетъ, называемый монголами *Баянъ-хара-ула* [3]), а тангутами — *Ёграй-вола-дакцы*. Эти горы расположены на лѣвомъ берегу верхняго теченія Голубой рѣки, именуемой здѣсь монголами *Мург-усу* и служатъ раздѣломъ ея бассейна отъ истоковъ Хуанъ-хэ.

Имѣя въ общемъ направленіе съ востока на западъ, описываемый хребетъ въ различныхъ своихъ частяхъ несетъ различныя названія. Такъ западная его вѣтвь до р. *Напчитай-уланъ-мурень* [4]), называется *Куку-шили*; средина—собственно *Баянъ-хара-ула*; далѣе слѣдуютъ горы *Дакцы* и, наконецъ, самая восточная часть называется *Солома*. Всѣ эти горы, по словамъ монголовъ, нигдѣ не достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга. Куку-шили занимаетъ въ длину около 250 верстъ; остальныя же три части тянутся болѣе чѣмъ на 400 верстъ, такъ что весь описываемый хребетъ имѣетъ въ длину

---

[1]) Только на верховьяхъ Муръ-усу (Голубой рѣки), въ шести дняхъ пути вверхъ отъ устья р. Напчитай-уланъ-мурень живутъ, какъ сообщали намъ монголы, около 500 человѣкъ тангутовъ.

[2]) Эта степь имѣетъ въ длину два дня пути; на югѣ ея лежатъ горы *Солома*, составляющія восточную часть хребта Баянъ-хара-ула.

[3]) Что значитъ въ переводѣ: *«богатыя черныя горы»*.

[4]) Эта рѣка вытекаетъ изъ снѣговыхъ горъ *Цаганъ-мург* и, пройдя верстъ около 400, впадаетъ въ Муръ-усу. Въ своемъ низовьѣ Напчитай-уланъ-мурень имѣетъ (зимою) отъ 30—40 сажень ширины; замѣчательно, что вода въ этой рѣкѣ соленоватая на вкусъ.

Digitized by Google

около 700 верстъ. Среднею своею частію онъ сопровождаетъ верхнее теченіе Голубой рѣки, но восточныя и западныя его окраины отходятъ отъ этой рѣки въ стороны.

Отъ горъ Бурханъ-Будда и Шуга, хребетъ Баянъ-хара-ула отличается своимъ мягкимъ характеромъ и меньшею относительною высотою. Съ сѣверной стороны онъ едва ли возвышается (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ мы видѣли эти горы) болѣе тысячи футовъ надъ своею подошвою; на южномъ же склонѣ, т. е. къ долинѣ Муръ-усу, гдѣ мѣстность понижается до 13,100 фут. абс. выс., Баянъ-хара-ула стоитъ болѣе крутою стѣною. Изъ горныхъ породъ здѣсь преобладаютъ глинистый сланецъ и фельзитовый порфиръ.

Въ общемъ, описываемый хребетъ характеризуется: во первыхъ, своимъ мягкимъ характеромъ; скаты здѣсь вездѣ пологи, скалъ, въ особенности на сѣверной сторонѣ, почти нѣтъ; во вторыхъ, какъ сѣверный, такъ и въ особенности, южный склоны, богаты водою и, наконецъ, въ третьихъ, южная сторона Баянъ-хара-ула несравненно плодороднѣе всѣхъ видѣнныхъ нами мѣстностей сѣвернаго Тибета. Почва здѣсь дѣлается песчаною и, благодаря значительному орошенію, покрыта сравнительно хорошею травою по долинамъ, а частію также и по горнымъ склонамъ.

Пространство между хребтами Шуга и Баянъ-хара-ула представляетъ собою страшную пустыню, поднятую до 14,500 футъ надъ уровнемъ моря [1]). Въ общемъ, вся эта площадь представляетъ собою волнистое плато, на которомъ, то тамъ, то сямъ, разбросаны невысокія группы горъ, или, правильнѣе, холмовъ, едва ли возвышающихся болѣе тысячи футовъ надъ окрестною мѣстностію.

Только въ сѣверо-западной части описываемаго плато вздымаются громадныя вѣчно-снѣговыя горы *Гурбу-найджи* (по тангутски *Ачюнъ-гончикъ*) [2]), составляющія восточное начало великой системы Куэнъ-люня. Такими, по крайней мѣрѣ, считаютъ ихъ цайдамскіе монголы, которые говорятъ, что отсюда далеко къ западу тянется непрерывная цѣпь горъ, то поднимающихся выше снѣговой линіи, то опускающихся ниже ея. Въ восточной части этой системы, вѣчно-снѣговыя вершины, кромѣ Гурбу-найджи, находятся въ группахъ *Юсунъ-обо* и *Цаганъ-ширъ*.

Высокое плато между хребтами Шуга и Баянъ-хара-ула представляетъ собою общій типъ пустынь сѣвернаго Тибета. Климатъ

---

[1]) Озеро *Буха-норъ* имѣетъ 14,400 фут., а болото *Хуйтунъ-ширикъ* у сѣверной подошвы Баянъ-хара-ула—14,900 фут. абс. высоты.

[2]) Эти горы оставались, верстахъ въ шестидесяти къ западу отъ нашего пути.

Digitized by Google

и природа несутъ здѣсь ужасный характеръ. Почва состоитъ изъ глины, съ примѣсью песка, или гальки и почти вовсе лишена растительности. Только кой гдѣ торчитъ кустикъ травы, въ нѣсколько дюймовъ вышины, да изрѣдка желто-сѣрый лишай прикроетъ собою, на футъ или два, оголенную почву. Эта послѣдняя, мѣстами, покрыта, словно снѣгомъ, бѣлымъ налетомъ соли и вездѣ изрыта бороздами, или ямами, выдутыми постоянными бурями. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текутъ ключи, или образуются кочковатыя болота, травянистая растительность встрѣчается въ большемъ обиліи и является что то похожее на луга. Но даже и въ подобныхъ оазисахъ вездѣ видна мертвая печать пустыни. Луговой покровъ состоитъ почти исключительно изъ одного вида злака [1]), вышиною въ $^1/_2$ фута, твердаго какъ проволока и до того высушеннаго вѣтромъ, что подъ ногами онъ хруститъ, какъ хворостъ, и разсыпается пылью [2]).

Абсолютная высота мѣстности и разрѣженіе, вслѣдствіе того, воздуха здѣсь таковы, что небольшой переходъ, или восхожденіе на незначительную горку, уже сильно утомляютъ даже крѣпкаго человѣка; во всемъ организмѣ чувствуется разслабленіе, доходящее по временамъ до головокруженія; ноги и руки трясутся, дѣлается рвота. Развести огонь очень трудно и аргалъ горитъ крайне плохо, вслѣдствіе малаго количества кислорода въ разрѣженномъ воздухѣ; вода закипаетъ на двѣнадцать градусовъ Reaumur'a скорѣе, нежели на уровнѣ моря.

Въ климатическомъ отношеніи, вышеописанное плато, подобно всѣмъ вообще пустынямъ сѣвернаго Тибета, вполнѣ гармонируетъ съ своею дикою природою. Страшные холода и бури господствуютъ здѣсь всю зиму; весна характеризуется также бурями и сильными мятелями; лѣто — постоянными дождями, часто съ крупнымъ градомъ, и только осенью погода стоитъ ясная, тихая и довольно теплая. Въ это время обыкновенно направляются въ Лассу караваны богомольцевъ изъ Монголіи [3]). Сборнымъ пунктомъ такихъ каравановъ служитъ озеро Куку-норъ, на привольныхъ пастбищахъ котораго откармливаются пришедшіе съ сѣвера верблюды, для новаго, болѣе труднаго пути.

---

[1]) Изрѣдка попадаются и сложно-цвѣтныя.

[2]) Лучшею рекомендаціею, на сколько мягокъ дернъ на луговыхъ площадяхъ тибетскихъ пустынь, можетъ служить то обстоятельство, что наши верблюды часто накалывали здѣсь до крови толстѣйшія подошвы своихъ лапъ.

[3]) Дунганское возстаніе прекратило, въ теченіи 11 лѣтъ, подобныя пилигримства изъ сѣверной Монголіи. Въ это время караваны ходили только съ Куку-нора и изъ Цайдама, да и то не каждый годъ.

Digitized by Google

Къ монгольскимъ пилигримамъ присоединяются на Куку-норѣ и мѣстные, частію на верблюдахъ, частію же на якахъ. Съ первыми можно двигаться скорѣе, а потому на проходъ отъ г. Донкыра до Лассы, гдѣ разстояніе отъ 1500—1600 верстъ, потребно почти два мѣсяца, дѣлая ежедневно около 30 верстъ [1]); вьючные же яки идутъ гораздо тише, и на проходъ съ ними того же разстоянія необходимо до четырехъ мѣсяцевъ.

Собственно дороги въ тибетскихъ пустыняхъ нигдѣ нѣтъ, хотя вездѣ множество тропинокъ, протоптанныхъ звѣрями. Караваны ходятъ здѣсь на прямикъ, по извѣстнымъ примѣтамъ мѣстности. Подробно путь располагается слѣдующимъ образомъ: отъ Донкыра по сѣверному берегу Куку-нора и черезъ Цайдамъ до хребта Бурханъ-Будда отъ 15—16 дней пути; отсюда до Муръ-усу—10 дней; далѣе, вверхъ по этой рѣкѣ идутъ также 10 дней; потомъ черезъ хребетъ Танъ-ла до тибетской деревни *Напчу*—5 дней и наконецъ, отсюда до Лассы еще 12 дней пути. Въ Напчу караваны оставляютъ своихъ верблюдовъ и идутъ далѣе на якахъ, такъ какъ мѣстность дѣлается очень гористою. Впрочемъ, монголы говорили намъ, что на верблюдахъ можно пройти до самой Мунху-дзу (Лассы), но богомольцы оставляютъ этихъ животныхъ въ Напчу потому, что далѣе нѣтъ для нихъ хорошихъ пастбищъ.

Изъ Куку-нора, или изъ Донкыра, караваны отправляются всегда въ началѣ сентября [2]), такъ что приходятъ въ Лассу въ началѣ ноября. Здѣсь они проводятъ два, три мѣсяца и въ февралѣ пускаются въ обратный путь. Тогда къ нимъ присоединяются тибетскіе купцы, которые везутъ въ Донкыръ и Сининъ сукно, мерлушки и разные мелкіе товары. Кромѣ того, въ прежнія времена, однажды въ три года, отправлялся въ Пекинъ посланникъ отъ Далай-ламы съ подарками къ богдохану, но, со времени дунганскаго возстанія, эти посольства прекратились.

Какъ осеннее, такъ и въ особенности весеннее путешествіе каравановъ черезъ сѣверный Тибетъ никогда не обходится благополучно. Много людей, а въ особенности верблюдовъ и яковъ, гибнетъ въ этихъ страшныхъ пустыняхъ. Подобныя потери здѣсь такъ обыкновенны, что караваны всегда берутъ въ запасъ $^1/_4$, а иногда даже $^1/_3$ наличнаго числа вьючныхъ животныхъ. Иногда случается,

---

[1]) Дневокъ полагается только двѣ: одна въ Цайдамѣ у подошвы Бурханъ-Будда, а другая на берегу Муръ-усу.

[2]) Зимою или лѣтомъ ходятъ только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ зимою въ тибетскихъ пустыняхъ иногда выпадаетъ большой снѣгъ, а лѣтомъ нѣтъ топлива; весь аргалъ дѣлается сырымъ отъ постоянныхъ дождей.

Digitized by Google

что люди бросаютъ всѣ вещи и думаютъ только о собственномъ спасеніи. Такъ, караванъ, вышедшій въ февралѣ 1870 года изъ Лассы и состоявшій изъ трехъ сотъ человѣкъ, съ тысячею вьючныхъ верблюдовъ и яковъ, потерялъ, вслѣдствіи глубоко-выпавшаго снѣга и наступившихъ затѣмъ холодовъ, всѣхъ вьючныхъ животныхъ и около пятидесяти людей. Одинъ изъ участниковъ этого путешествія разсказывалъ намъ, что когда начали ежедневно дохнуть отъ безкормицы, цѣлыми десятками, вьючные верблюды и яки, то люди принуждены были бросить всѣ товары и лишнія вещи; потомъ по немногу бросали продовольственные запасы, затѣмъ сами пошли пѣшкомъ и, напослѣдокъ, должны были нести на себѣ продовольствіе, такъ какъ, въ концѣ-концевъ, остались живыми только три верблюда, да и то потому, что ихъ кормили дзамбою. Весь аргалъ занесло глубокимъ снѣгомъ, такъ что отыскивать его было очень трудно, а для растопки путники употребляли собственную одежду, которую поочередно рвали на себѣ кусками. Почти каждый день кто нибудь умиралъ отъ истощенія силъ, а больные, еще живыми, всѣ были брошены на дорогѣ и также погибли.

Но не смотря на все свое безплодіе и неблагопріятныя климатическія условія, пустыни сѣв. Тибета чрезвычайно богаты животною жизнію. Не видавши собственными глазами, не возможно повѣрить, чтобы въ этихъ, обиженныхъ природою, мѣстностяхъ, могло существовать такое громадное количество звѣрей, скопляющихся иногда въ тысячныя стада. Только бродя съ мѣста на мѣсто, эти сборища могутъ находить достаточно для себя корма на скудныхъ пастбищахъ пустыни. За то звѣри не знаютъ здѣсь своего главнаго врага— человѣка и, вдали отъ его кровожадныхъ преслѣдованій, живутъ свободно и привольно [1]).

Характерныя и наиболѣе многочисленныя млекопитающія тибетскихъ пустынь суть: *дикій якъ* (Poëphagus grunniens), *бѣлогрудый аргали* (Ovis Polii), *куку-яманъ* (Ovis sp.), *антилопы Ороню и Ада* (Antilope Hodgsonii, Antilope sp.), *хуланъ* (Equus Kiang) и *желтоватобѣлый волкъ* (Canis sp.). Кромѣ того здѣсь живутъ: *медвѣдь* (Ursus sp.), *манулъ* (Felis Manul?) [2]), *лисица* (Canis vulpes), *корсакъ* (Canis

[1]) Разрѣженность воздуха, какъ видно, не имѣетъ вліянія на тибетскихъ животныхъ, родившихся и выросшихъ подъ малымъ давленіемъ атмосферы.

[2]) Мануля и медвѣдя мы лично не видали въ Тибетѣ, но объ нихъ разсказывали намъ охотники въ Цайдамѣ; кромѣ того, я однажды видѣлъ на снѣгу слѣдъ, принадлежавшій манулю, по увѣренію нашего проводника. Медвѣди зимою были въ спячкѣ; они, по словамъ монголовъ, въ большомъ числѣ живутъ въ хребтахъ Бурханъ-Будда и Шуга. Судя по разсказамъ, здѣшній медвѣдь тотъ же самый, который обитаетъ и въ горахъ Гань-су.

Digitized by Google

Corsac), *заяцъ* (Lepus Tolai), *сурокъ* (Actomys sp.) и два вида *пищухи* (Lagomys sp.).

Часть этихъ животныхъ была уже встрѣчена нами въ Гань-су и на Куку-норѣ, такъ что здѣсь я разскажу подробно только о собственно тибетскихъ видахъ, среди которыхъ на первомъ планѣ, несомнѣнно, долженъ стоять *дикій якъ* или *длинношерстый быкъ*.

Это великолѣпное животное, дѣйствительно, поражаетъ своею громадностію и красотою. Старый самецъ достигаетъ почти 11 футовъ длины безъ хвоста [1]), на который, вмѣстѣ съ густыми волнистыми и длинными волосами, его украшающими, приходится еще 3 фута; вышина животнаго у горба 6 футовъ; окружность туловища по срединѣ 11 фут., а вѣсъ приблизительно отъ 35 — 40 пудовъ. Голова яка украшена огромными рогами, длиною въ 2 ф. 9 дюймовъ [2]) и толщиною у корня 1 фут. 4 дюйма въ окружности. Тѣло описываемаго животнаго покрыто густою и грубою черною шерстью, которая у старыхъ самцовъ принимаетъ коричневый оттѣнокъ на спинѣ и верхней части боковъ. Низъ тѣла, подобно хвосту, снабженъ длинными черными волосами, свѣшивающимися въ видѣ широкой бахромы. Шерсть на мордѣ съ просѣдью, которая у молодыхъ экземпляровъ является на всей верхней части тѣла; вдоль спины у нихъ тянется узкая серебристая полоса. Кромѣ того, у молодыхъ яковъ шерсть гораздо мягче и не имѣетъ коричневаго оттѣнка, но совершенно черная. Молодые самцы, хотя уже и взрослые, много меньше старыхъ [3]), но за то рога у нихъ гораздо красивѣе и загибаются концами назадъ; между тѣмъ у старыхъ быковъ рога загнуты концами болѣе внутрь, а при основаніи всегда покрыты морщинистымъ сѣровато-бурымъ наростомъ.

Самки несравненно меньше самцовъ [4]) и далеко не такъ красивы, какъ эти послѣдніе. Рога у нихъ коротки и тонки; горбъ очень малъ; волоса въ хвостѣ и на бокахъ туловища далеко не такъ роскошны какъ у быковъ.

Чтобы имѣть полное понятіе о дикомъ якѣ, нужно видѣть это животное въ его родныхъ пустыняхъ. Какъ сказано выше, это обширныя плоскогорія, поднятыя отъ 13—15,000 фут. абс. высоты.

---

[1]) 10 ф. 10 дюйм., мѣряя отъ вершины носа, по горбу вдоль спины, до основанія хвоста.

[2]) Мѣряя по наружному изгибу.

[3]) Такъ напр., самецъ шести лѣтъ имѣетъ въ длину, безъ хвоста, только 9½ фут. и всѣ размѣры далеко не столь массивные, какъ у стараго животнаго.

[4]) Старая самка имѣетъ въ длину, безъ хвоста, 7 ф. 3 дюйма; вышина у горба 4 ф. 9 д.; окружность туловища по срединѣ 7 фут.; вѣсъ ея раза въ два, или даже въ три, меньше нежели самца.

Digitized by Google

Онѣ прорѣзаны громадными хребтами горъ, дикими и безплодными, какъ вся вообще природа этихъ странъ. Оголенная почва только кой-гдѣ прикрыта здѣсь скудною травою, да и той невозможно, какъ слѣдуетъ, развиться, при постоянныхъ холодахъ и буряхъ, господствующихъ большую часть года. Въ такихъ негостепріимныхъ мѣстностяхъ, среди самой унылой природы, но за то вдали отъ безпощаднаго человѣка, живетъ на свободѣ знаменитый длинношерстый быкъ, извѣстный еще древнимъ, подъ именемъ «Поэфагусъ».

Впрочемъ, этотъ характерный звѣрь тибетскаго нагорья распространяется къ сѣверу далѣе границы Тибета. Онъ встрѣчается и, какъ говорятъ, въ значительномъ числѣ, на горахъ Гань-су, въ верховьяхъ рѣкъ Тэтунга и Эцзинэ, гдѣ въ тоже время проходитъ сѣверная граница географическаго распространенія описываемаго животнаго. Но въ Гань-су дикій якъ, изъ года въ годъ, уменьшается въ числѣ, будучи сильно преслѣдуемъ мѣстными жителями.

Физическія качества яка далеко не такъ совершенны, какъ у другихъ дикихъ животныхъ. Правда, этотъ звѣрь обладаетъ громадною силою и превосходнымъ обоняніемъ, но за то зрѣніе и слухъ развиты у него довольно слабо. Даже на ровной мѣстности и въ ясный день, якъ едва ли различитъ на тысячу шаговъ человѣка отъ другихъ предметовъ; въ сумрачную же погоду онъ замѣчаетъ охотника лишь на половинное разстояніе. Точно также шорохъ шаговъ, или какой либо другой шумъ, возбуждаютъ вниманіе описываемаго звѣря лишь тогда, когда достигнутъ крайней степени; за то якъ одаренъ превосходнымъ обоняніемъ и, по вѣтру, чуетъ человѣка за полверсты, если не болѣе.

Умственныя способности яка, подобно тому, какъ и у другихъ быковъ, стоятъ на весьма низкой степени; объ этомъ можно судить по чрезвычайно малому количеству головнаго мозга у описываемаго животнаго.

За исключеніемъ періода течки, старые быки [1]) бродятъ въ одиночку, или небольшими обществами отъ 3—5 экземпляровъ. Болѣе молодые, но вполнѣ взрослые самцы (приблизительно 6—10 лѣтняго возраста) иногда присоединяются къ обществу стариковъ, чаще же составляютъ особыя партіи въ 10 или 12 головъ; иногда въ такомъ обществѣ бываетъ одинъ, два или нѣсколько старыхъ животныхъ. Затѣмъ самки, молодые самцы и телята скопляются въ огромныя стада по нѣсколько сотъ, иногда даже до тысячи

[1]) По словамъ монголовъ, дикій якъ живетъ около 25 лѣтъ.

Digitized by Google

экземпляровъ [1]) Подобнымъ скопищамъ, правда, трудно кормиться на плохихъ пастбищахъ пустыни, но за то въ такой массѣ молодые неопытные телята гарантированы отъ нападеній волковъ.

На покормкѣ, стадо яковъ обыкновенно ходитъ немного въ разсыпную, но отдыхаетъ, лежа плотною кучею [2]). Въ подобную же кучу оно собирается, замѣтивъ опасность, при чемъ телята становятся внутри, а нѣсколько взрослыхъ самцовъ и самокъ выходятъ впередъ и стараются разузнать въ чемъ дѣло. Если тревога произошла недаромъ и охотникъ подходитъ ближе, а въ особенности если онъ сдѣлаетъ выстрѣлъ, то вся столпившаяся громада пускается опрометью на уходъ, частію рысью, частію же галопомъ. При послѣднемъ бѣгѣ, многія животныя наклоняютъ головы къ низу, хвосты загибаютъ на спину и мчатся впередъ безъ оглядки; пыль поднимается густымъ столбомъ, топотъ копытъ слышенъ очень далеко.

Впрочемъ, такая бѣшеная скачка обыкновенно продолжается недалеко—рѣдко версту, часто же и того менѣе. Затѣмъ испуганное стадо начинаетъ бѣжать тихою рысью и вскорѣ останавливается въ прежнемъ порядкѣ, т. е. молодые внутри кучи, а взрослые по ея наружной окраинѣ. Если охотникъ снова приближается, то повторяется прежняя исторія и, вообще, однажды напуганное стадо уходитъ далеко.

Бѣгъ одиночнаго яка рысистый; вскачь онъ бросается только нѣсколько шаговъ съ мѣста, да и то лишь тогда, когда бываетъ напуганъ. На лошади всегда легко догнать описываемаго звѣря, какъ бы онъ ни бѣжалъ. По горамъ самымъ высокимъ и скалистымъ якъ лазаетъ превосходно; мы видали этихъ звѣрей на такихъ крутизнахъ, куда взобраться было въ пору лишь кукуяману.

Большія стада яковъ зимою обыкновенно держатся въ мѣстахъ, обильныхъ пастбищами, тогда какъ отдѣльные самцы, или ихъ небольшія общества, встрѣчаются вездѣ и всюду. Въ пройденной нами сѣверной части Тибета, яки-быки начали попадаться тотчасъ же за хребтомъ Бурханъ-Будда, тогда какъ стада этихъ животныхъ явились лишь возлѣ Баянъ-хара-ула, а въ особенности на южномъ склонѣ этихъ горъ и по берегамъ Муръ-усу; до тѣхъ поръ только два раза мы встрѣтили небольшія стада возлѣ р. Шуга.

Монголы говорятъ, что лѣтомъ, когда ростетъ молодая трава, большія стада также доходятъ до Бурханъ-Будда, кочуя съ мѣста на

[1]) Бо́льшихъ, по численности, стадъ мы не видали; въ общемъ стадѣ бываютъ часто и взрослые (но не старые) самцы.

[2]) Во время сильной бури стада и одиночные самцы обыкновенно лежатъ.

Digitized by Google

мѣсто, но на зиму онѣ всегда возвращаются къ берегамъ Муръусу; старые же самцы, которымъ не нравятся дальніе переходы, остаются на прежнихъ мѣстахъ и зимою.

Самую крупную черту характера дикаго яка составляетъ лѣнь. Утромъ и передъ вечеромъ описываемый звѣрь идетъ на пастбище, а остальную часть дня проводитъ въ ненарушимомъ покоѣ, которому предается лежа, или иногда даже стоя. Одно пережевываніе жвачки свидѣтельствуетъ въ это время, что якъ живъ; во всемъ остальномъ онъ походитъ на истуканъ; даже голова остается въ одномъ и томъ же положеніи по цѣлымъ часамъ.

Для лежбища, якъ выбираетъ всего чаще сѣверный склонъ горы, или какой нибудь обрывъ, чтобы избѣгнуть солнечныхъ лучей, такъ какъ онъ вообще не любитъ тепла. Даже въ тѣни этотъ звѣрь всего охотнѣе ложится на снѣгъ, а если его нѣтъ, то на голую землю и въ пыль, нарочно разрывая для этого копытами глинистую почву; впрочемъ, довольно часто можно видѣть отдыхающихъ яковъ тамъ же, гдѣ они и паслись.

Мѣста пастбищъ и отдыха описываемыхъ животныхъ всегда сплошь покрыты пометомъ, который составляетъ единственное топливо въ здѣшнихъ пустыняхъ. Монголы даже благодарятъ Бога за то, что онъ далъ яку такое широкое задне-проходное отверстіе, что этотъ звѣрь сразу можетъ положить полъ пуда помета. Дѣйствительно, если бы не имѣлось этого послѣдняго, то путешествіе по тибетскимъ пустынямъ было невозможно по недостатку топлива, такъ какъ здѣсь нигдѣ нѣтъ даже маленькаго кустика.

Вода составляетъ необходимое условіе для жизни дикаго яка. Безчисленное множество слѣдовъ и помета возлѣ не замерзающихъ ключей, свидѣтельствовали намъ, что эти мѣста усердно посѣщаются описываемыми животными; за неимѣніемъ незамерзшей воды онѣ довольствуются снѣгомъ. Впрочемъ, лѣтомъ яку, относительно питья, полное приволье, такъ какъ въ тибетскихъ пустыняхъ, независимо отъ значительнаго количества рѣчекъ и ключей, вездѣ множество небольшихъ лужъ, образовавшихся въ періодъ дождей. Возлѣ такихъ мѣстъ обыкновенно лучше растетъ трава, такъ что неприхотливый вкусъ яка находитъ себѣ полное удовлетвореніе и эти звѣри, исхудавшіе въ теченіи долгой зимы, къ осени дѣлаются снова жирными, въ особенности молодые самцы и холостыя самки.

Время течки, которая происходитъ въ сентябрѣ и продолжается цѣлый мѣсяцъ, совершенно перемѣняетъ характеръ лѣниваго яка. Тогда самцы дни и ночи рыщутъ по пустынѣ, отыскивая самокъ и вступая въ отчаянныя драки съ своими соперниками. Подобные

Digitized by Google

турниры, по всѣму вѣроятію, бываютъ весьма серьезны, такъ какъ, почти у всѣхъ самцовъ, убитыхъ нами зимою, находились на тѣлѣ знаки любовныхъ дуэлей, въ видѣ ссадинъ, иногда очень большихъ. Мало того, у одного убитаго мною яка, лѣвый рогъ былъ совсѣмъ отломанъ у корня, такъ что звѣрь ходилъ только съ однимъ рогомъ. Каковъ же былъ толчекъ, который могъ сломать громадный и чрезвычайно крѣпкій рогъ этого животнаго? Каковы были и головки, изъ которыхъ одна могла нанести, а другая выдержать подобный ударъ!

Монголы говорили намъ, что въ періодъ течки, самцы постоянно издаютъ голосъ, въ родѣ хрюканья. Это весьма вѣроятно, такъ какъ голосъ домашняго яка совершенно походитъ на хрюканье свиньи, только гораздо громче и нѣсколько протяжнѣе. Самому мнѣ и моему товарищу ни разу не случилось услыхать голосъ дикаго яка, который, за исключеніемъ времени половаго возбужденія, хрюкаетъ чрезвычайно рѣдко.

По словамъ монголовъ, самки родятъ телятъ въ іюнѣ, и при томъ одна и таже корова приноситъ дѣтей только черезъ годъ.

Одаренный громадною физическою силою, якъ, въ своихъ родныхъ пустыняхъ, вдали отъ человѣка, не имѣетъ опасныхъ враговъ, такъ что большая часть этихъ животныхъ умираетъ отъ старости. Впрочемъ, дикіе яки подвержены болѣзни, называемой монголами «хомунъ», которая состоитъ въ томъ, что все тѣло звѣря, мало-помалу, покрывается коростою и шерсть на такихъ мѣстахъ вылѣзаетъ. Не знаю, влечетъ ли подобная болѣзнь за собою смерть, или якъ со временемъ выздоравливаетъ, но только мнѣ самому случилось убить два старыхъ экземпляра, у которыхъ большая часть тѣла была лишена волосъ и покрыта чесоткою.

Охота за дикимъ якомъ на сколько заманчива, на столько же и опасна, такъ какъ раненый звѣрь, въ особенности старый самецъ, часто бросается на охотника. И тѣмъ страшнѣе становится это животное, что нельзя разсчитывать убить его навѣрное, даже при самомъ полномъ искусствѣ и хладнокровіи стрѣлка. Пуля изъ превосходнаго штуцера не пробиваетъ кости черепа, если только не попадетъ прямо надъ мозгомъ, количество котораго ничтожно, въ сравненіи съ громадною головою; выстрѣлъ же, направленный въ туловище звѣря, только въ самомъ рѣдкомъ случаѣ, можетъ убить его на повалъ[1]) Понятно, что при такихъ условіяхъ охотнику невозможно разсчитывать на вѣрный выстрѣлъ, хотя бы даже въ

[1]) Мнѣ только однажды удалось убить и то молодаго яка одною пулею, которая перебила ему позвоночный столбъ.

Digitized by Google

упоръ, а слѣдовательно, нельзя и ручаться за благополучный исходъ борьбы съ гигантомъ Тибетскихъ пустынь. Стрѣлка выручаетъ только одна глупость и нерѣшительность яка, чувствующаго, не смотря на свою свирѣпость, непреодолимый страхъ передъ смѣлымъ человѣкомъ. Но будь якъ немного поумнѣе, то онъ былъ бы для охотника страшнѣе тигра, такъ какъ, повторяю, убить этого звѣря сразу, навѣрняка, возможно лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Однимъ только числомъ выстрѣловъ можно одолѣть яка, а потому для охоты за нимъ необходимо имѣть скорострѣльный штуцеръ. Конечно, здѣсь дѣло идетъ о старыхъ самцахъ; коровы же и вообще стада этихъ животныхъ бѣгутъ безъ оглядки при первомъ выстрѣлѣ.

Впрочемъ и старые яки не всегда бросаются на охотника, но часто также уходятъ, будучи даже ранеными. Въ такомъ случаѣ, ихъ всего лучше преслѣдовать собаками, которыя догоняютъ звѣря, хватаютъ его за хвостъ и принуждаютъ остановиться. Разсвирѣпѣвшій якъ бросается тогда то на одну, то на другую собаку и не обращаетъ вниманія на охотника. Еще удобнѣе и безопаснѣе преслѣдовать яка, или даже цѣлое стадо, верхомъ на хорошей лошади, которая безъ труда догоняетъ тяжелаго звѣря. Къ сожалѣнію, обѣ наши лошади, при безкормицѣ пустыни, едва волочили ноги, а потому мы ни разу не могли испытать удовольствія верховой охоты.

За то съ какимъ увлеченіемъ предавались мы съ товарищемъ пѣшеходнымъ охотамъ за яками, въ особенности сначала, когда впервые встрѣтили этихъ животныхъ. Вооруженные скорострѣльными штуцерами, мы выходили раннимъ утромъ изъ своей юрты и отправлялись на поиски за желаннымъ звѣремъ. Замѣтить его не трудно простымъ глазомъ на разстояніи нѣсколько верстъ; въ бинокль же эту черную громаду видно очень далеко, хотя иногда случается обманываться, принимая большой черный камень за лежащаго яка. Впрочемъ, начиная отъ р. Шуга, въ особенности на Баянъ-хара-ула и по берегамъ Муръ-усу, этихъ звѣрей вездѣ было такое множество, что въ окрестностяхъ нашей юрты, обыкновенно, всегда виднѣлись пасущіеся, или отдыхающіе одиночки и даже цѣлыя стада.

Подкрасться къ дикому яку на выстрѣлъ очень не трудно, легче чѣмъ ко всякому другому звѣрю. Благодаря плохому зрѣнію и слуху описываемаго животнаго, къ нему, даже на открытомъ мѣстѣ, почти всегда можно подойти шаговъ на триста; на такое разстояніе быки (только не стадо) подпускаютъ къ себѣ охотника, даже замѣтивъ

Digitized by Google

его издали. Не испытавъ преслѣдованія со стороны человѣка и будучи увѣренъ въ своей силѣ, звѣрь не страшится приближающагося охотника и только пристально смотритъ на него, махая, по временамъ, своимъ огромнымъ хвостомъ, или закидывая его на спину. Такое маханіе хвостомъ у яка, какъ домашняго, такъ и дикаго, служитъ признакомъ раздраженнаго состоянія: звѣрь начинаетъ сердиться, видя что хотятъ нарушить его покой.

Когда охотникъ продолжаетъ наступать, все ближе и ближе, то якъ убѣгаетъ, изрѣдка останавливаясь и посматривая въ сторону человѣка; если же при этомъ онъ испуганъ выстрѣломъ, или раненъ, то бѣжитъ много часовъ сряду.

Въ горахъ иногда удается подойти къ яку на полсотни шаговъ, если только вѣтеръ не отъ охотника. Когда же якъ находился на мѣстности открытой и я желалъ подойти къ нему поближе, то употреблялъ для этой цѣли особенный способъ. Именно, приблизившись къ звѣрю шаговъ на триста, я ползъ далѣе на колѣняхъ, поднявъ надъ головою свой штуцеръ, съ придѣланными къ нему, для мѣткости стрѣльбы, сошками [1]), такимъ образомъ, что эти сошки образовали подобіе роговъ. При этомъ на охотѣ я былъ всегда одѣтъ въ сибирскую кухлянку, сдѣланную изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, такъ что подобное одѣяніе также много обманывало близорукаго звѣря и онъ всегда подпускалъ шаговъ на двѣсти, или даже на полтораста.

Приблизившись на такое разстояніе, я ставилъ свой штуцеръ на сошки, поспѣшно доставалъ патроны, клалъ ихъ возлѣ себя на снятую фуражку и, стоя на колѣняхъ, начиналъ стрѣлять. Случалось, что послѣ первой же пули звѣрь пускался на уходъ, тогда я провожалъ его выстрѣлами шаговъ до шестисотъ, иногда даже далѣе. Если же якъ былъ старый самецъ, то, гораздо чаще, вмѣсто ухода, онъ бросался въ мою сторону, нагнувъ впередъ рога и забросивъ хвостъ на спину. При подобномъ нападеніи, всего сильнѣе обнаруживалась глупость описываемаго животнаго. Вмѣсто того, чтобы выбирать одно изъ двухъ: или уходить или смѣло нападать, якъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону выстрѣла, останавливался въ нерѣшимости, вертѣлъ хвостомъ и тотчасъ же получалъ новую пулю. Тогда онъ вновь бросался впередъ и снова повторялась

[1]) Общее во всей Сибири, да и въ Монголіи, правило придѣлывать къ ружью сошки для стрѣльбы пулею, вовсе не такъ безполезно, какъ то кажется съ перваго раза. Наоборотъ, такое приспособленіе крайне необходимо, такъ какъ послѣ сильной и долгой ходьбы по горамъ, или лѣсамъ, нѣтъ возможности вѣрно прицѣлиться прямо съ руки, даже самому искусному стрѣлку. .

Digitized by Google

прежняя исторія, такъ что, въ концѣ-концевъ, звѣрь падалъ мертвымъ, получивъ съ десятокъ, иногда даже болѣе, пуль и все-таки не добѣжавъ до меня еще цѣлую сотню шаговъ. Случалось также, что послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ, якъ пускался на уходъ, но, получивъ еще пулю въ догонку, онъ вновь поворачивалъ ко мнѣ и опять напрашивался на выстрѣлъ. Вообще изъ всѣхъ убитыхъ, или раненыхъ нами яковъ, только двое подбѣжали на сорокъ шаговъ и, вѣроятно, подошли бы еще ближе, если бы не были убиты; но, сколько можно было замѣтить, чѣмъ болѣе приближается нападающій звѣрь къ охотнику, тѣмъ трусливѣе и неохотнѣе онъ наступаетъ впередъ.

Чтобы еще болѣе дать понятіе о подобныхъ охотахъ, я разскажу какимъ образомъ былъ убитъ якъ, шкура котораго находится въ нашей коллекціи [1]).

Однажды, передъ вечеромъ, мы замѣтили трехъ яковъ, пасшихся въ горной долинѣ, недалеко отъ нашей юрты. Я тотчасъ отправился къ звѣрямъ и, приблизившись шаговъ на двѣсти, выстрѣлилъ въ самаго большаго изъ нихъ. Послѣ выстрѣла яки пустились на уходъ [2]), но отбѣжавъ съ полъ версты, остановились. Я опять подкрался къ нимъ на триста шаговъ и снова выстрѣлилъ въ прежняго звѣря. Оба его товарища бросились бѣжать, но дважды раненый великанъ остался на мѣстѣ и потихоньку шелъ въ мою сторону. Со мною былъ скорострѣльный штуцеръ Бердана. Изъ него я пускалъ въ яка пулю за пулею — онѣ били какъ въ мишень, даже видно было, какъ летѣла пыль изъ того мѣста шкуры, куда попадала пуля; но звѣрь все-таки то шелъ ко мнѣ, то отбѣгалъ назадъ, получивъ черезъ чуръ чувствительный ударъ. Онъ находился еще шагахъ въ полутораста, когда я разстрѣлялъ всѣ бывшія со мною тринадцать пуль и, оставивъ одну въ ружьѣ на всякій случай, бѣгомъ пустился въ свою юрту за новыми зарядами. Здѣсь я пригласилъ своего товарища, взялъ одного изъ казаковъ и мы, втроемъ, отправились добивать могучаго звѣря. Между тѣмъ наступили сумерки, что для насъ было очень невыгодно, такъ какъ мѣткій прицѣлъ былъ уже невозможенъ.

Когда мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ остался якъ, то нашли его лежащимъ на землѣ; только поднятая голова съ огромными

[1]) Мы привезли изъ Тибета двѣ шкуры яковъ самцовъ. Обѣ эти шкуры, будучи высушенными, вѣсили съ рогами 7½ пудовъ; сырая же шкура описываемаго звѣря имѣетъ на головѣ и шеѣ ½ дюйма толщины и вѣситъ (съ рогами) болѣе 10 пудовъ.

[2]) Будучи въ обществѣ нѣсколькихъ сотоварищей, дикій якъ гораздо рѣже бросается на охотника, нежели одиночный.

Digitized by Google

рогами свидѣтельствовала, что звѣрь еще живъ. Мы приблизились къ нему шаговъ на сто и выстрѣлили залпомъ; въ тоже мгновеніе якъ вскочилъ и бросился къ намъ. Тогда мы начали сыпать въ него пулями изъ трехъ скорострѣльныхъ штуцеровъ, но звѣрь все-таки приближался къ намъ и наконецъ подошелъ на сорокъ шаговъ. Еще залпъ — и якъ, взмахнувъ хвостомъ, пустился на уходъ, но отбѣжавъ съ сотню шаговъ, остановился. Между тѣмъ, стало совершенно темно, такъ что я рѣшилъ прекратить пальбу, тѣмъ болѣе можно было ручаться, что звѣрь издохнетъ ночью отъ полученныхъ ранъ. Дѣйствительно, на завтра утромъ мы нашли его уже мертвымъ. Въ туловищѣ яка мы насчитали пятнадцать пуль и три въ головѣ; изъ послѣднихъ ни одна не пробила толстой кости черепа [1]), прикрытаго кожею въ полъ-дюйма толщиною.

Въ другой разъ, бродя по горамъ, я вдругъ увидѣлъ трехъ лежащихъ яковъ, которые не замѣчали меня за крутымъ скатомъ и спокойно отдыхали. Не думая долго, я прицѣлился и выстрѣлилъ; тогда всѣ три звѣря вскочили, но, не зная въ чемъ дѣло, не убѣгали. Вторая пуля въ того же самаго яка попала такъ ловко, что убила звѣря на повалъ; два другіе его товарища продолжали стоять и, по обыкновенію, махали хвостами. Третій мой выстрѣлъ былъ также очень удаченъ: онъ перебилъ второму яку ногу и тотъ, по неволѣ, долженъ былъ остаться на мѣстѣ. Тогда я направилъ свой огонь въ третьяго звѣря, но не такъ скоро покончилъ съ нимъ, какъ съ двумя его товарищами. Послѣ первой же пули этотъ якъ бросился ко мнѣ, но, пробѣжавъ съ десятокъ шаговъ, остановился. Еще я посадилъ въ него пулю — и опять якъ немного подвинулся въ мою сторону; наконецъ, звѣрь приблизился уже на сорокъ шаговъ, когда, послѣ седьмой пули, кровь хлынула у него ручьемъ изъ горла и великанъ рухнулся на землю. Затѣмъ я безъ труда дострѣлилъ третьяго яка, съ перебитою ногою и, такимъ образомъ, въ нѣсколько минутъ, не сходя съ мѣста, убилъ трехъ огромныхъ звѣрей. Подойдя къ нимъ, я увидѣлъ, что у того яка, который бросался ко мнѣ, всѣ семь пуль Бердана сидѣли въ груди рядомъ, словно пуговицы. Нужно знать страшную силу штуцерной пули, чтобы понять, на сколько былъ крѣпокъ звѣрь, который могъ выдержать семь подобныхъ ударовъ чуть не въ упоръ.

Послѣ многихъ опытовъ, я убѣдился, что всего лучше стрѣлять яка подъ лопатку и, если возможно, то въ лѣвый бокъ; тогда штуцерная пуля, даже на двѣсти шаговъ, пробиваетъ звѣря

[1]) Одна изъ пуль Бердана попала въ лѣвый глазъ яка, выбила этотъ глазъ и, пройдя около дюйма по кости черепа, разбилась на мелкіе кусочки.

Digitized by Google

насквозь (останавливаясь всегда подъ кожею противоположной стороны) и всего скорѣе можетъ задѣть сердце, или легкія. Впрочемъ, малокалиберная пуля, какова у ружья Бердана, даже пронизавъ сердце, не сразу убиваетъ стараго яка, который послѣ такой раны еще бѣгаетъ нѣсколько минутъ. Выстрѣлъ же описываемому звѣрю въ голову, хотя бы въ упоръ, самый невѣрный: если пуля даже большаго калибра [1]), попадетъ здѣсь не прямо противъ мозга, но хотя немного наискось, то она не пробиваетъ костей черепа. Мнѣ всегда приходило на мысль, въ случаѣ если якъ бросится рѣшительно, стрѣлять его въ упоръ въ ногу, перебивъ которую сразу можно обезоружить звѣря.

Коровы и молодые самцы также чрезвычайно выносчивы на рану, а потому убить самку яка очень трудно, такъ какъ онѣ ходятъ стадомъ и нѣтъ возможности направить огонь въ одно и тоже животное. При томъ стадо всегда гораздо осторожнѣе и подкрасться къ нему на мѣткій выстрѣлъ гораздо труднѣе, чѣмъ къ одиночному самцу. Въ продолженіи своего зимняго пребыванія въ Тибетѣ, мы съ товарищемъ убили 32 яка (не считая ушедшихъ раненыхъ), но изъ нихъ только три были коровы.

Монголы страшно боятся дикаго яка, и намъ разсказывали, что караваны богомольцевъ, встрѣтивъ въ узкомъ ущельи лежащаго звѣря, останавливаются и ждутъ, пока онъ уйдетъ въ сторону. Впрочемъ, цайдамскіе монголы довольно часто охотятся за якомъ. Главною приманкою такой охоты служитъ громадное количество мяса, получаемаго съ одного животнаго, такъ что прелесть обжорства пересиливаетъ трусость. Охотники собираются партіею, человѣкъ въ десять, и ѣдутъ за хребетъ Бурханъ-Будда, или далѣе на р. Шуга. Не рѣшаясь вступить съ звѣремъ въ открытый бой, монголы стараются подкрасться къ яку изъ-за какого-нибудь прикрытія, стрѣляютъ залпомъ и сами прячутся, въ ожиданіи, что будетъ далѣе. Обыкновенно, раненый якъ, не видя никого, уходитъ; тогда охотники преслѣдуютъ его издали и, если пули попали хорошо, то на завтра, а иногда черезъ день или два, находятъ звѣря мертвымъ. При подобной охотѣ, конечно, убивается рѣдкій якъ, такъ какъ его стрѣляютъ изъ фитильныхъ ружей, пуля которыхъ дѣйствуетъ несравненно слабѣе штуцерной. Иногда случается, что раненый монголами звѣрь, убѣжавъ отъ мѣста стрѣльбы, встрѣчаетъ стреноженныхъ лошадей охотниковъ и убиваетъ ихъ своими могучими рогами. Кромѣ мяса, монголы берутъ сердце и кровь яка, ко-

[1]) Какъ напр. штуцера Ланкастера калибръ № 16; такой штуцеръ былъ у меня въ экспедиціи.

Digitized by Google

торыя они считаютъ лекарствомъ отъ внутреннихъ болѣзней; шкуры возятъ на продажу въ г. Донкыръ, а изъ длинныхъ волосъ хвоста и боковъ туловища вьютъ веревки.

Мясо дикаго яка, въ особенности жирнаго молодаго самца, или яловой коровы, очень вкусно, но все таки хуже, чѣмъ говядина домашняго сарлока; старые же самцы имѣютъ очень твердое мясо.

Большую часть убитыхъ яковъ мы бросали, не взявъ съ нихъ ни куска мяса, такъ какъ этого послѣдняго въ Тибетѣ намъ некуда было дѣвать. Такой нетронутый якъ, обыкновенно, замерзалъ цѣликомъ и его толстая шкура дѣлалась недоступною ни для грифовъ, ни для волковъ. Возвращаясь обратно съ береговъ Голубой рѣки, мы часто видали своихъ «крестниковъ» въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ оставили ихъ на мѣстѣ охоты.

Другой, не менѣе замѣчательный звѣрь, встрѣченный нами въ Сѣверномъ Тибетѣ, былъ *бѣлогрудый аргали* (Ovis Polii), который по величинѣ равняется своему монгольскому собрату, но отличается отъ него измѣненными рогами и бѣлою грудью, покрытою удлиненными волосами, образующими подобіе манишки. Мы нашли описываемое животное въ первый разъ въ Сѣверномъ Тибетѣ, тотчасъ за хребтомъ Бурханъ-Будда; далѣе бѣлогрудый аргали встрѣчался на горахъ Шуга и Баянъ-хара-ула, но вездѣ довольно рѣдокъ. Монголы сообщали намъ, что аргали водятся также въ Южно-куку-норскомъ хребтѣ и даже въ горахъ Гань-су, близъ истоковъ р. Эцзинэ, но мы не могли узнать бѣлогрудые ли они, или нѣтъ. Мнѣ кажется, что первое предположеніе будетъ вѣроятнѣе и что Гань-суйскимъ горамъ, вмѣстѣ съ Куку-норскими, свойственъ уже тибетскій видъ.

Этотъ послѣдній, по образу жизни, совершенно походитъ на монгольскаго аргали, и хотя обитаетъ на гораздо высшихъ плоскогорьяхъ, но избѣгаетъ высокихъ, или слишкомъ скалистыхъ горъ, а держится всего болѣе на ихъ окраинахъ, и даже въ невысокихъ холмахъ. Въ сѣверномъ Тибетѣ часто можно видѣть бѣлогрудыхъ аргали, пасущихся въ горныхъ долинахъ, вмѣстѣ съ хуланами и антилопами.

Внѣшнія чувства описываемаго животнаго развиты превосходно и аргали, противоположно другимъ тибетскимъ звѣрямъ, очень осторожны, не смотря на то, что почти вовсе не преслѣдуется человѣкомъ. Монголы убиваютъ его въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, да и то лишь самокъ, а самцовъ даже не стрѣляютъ, зная, что пуля фитильнаго ружья не убьетъ этого звѣря на повалъ.

Бѣлогрудые аргали держатся небольшими обществами отъ 5—15 экземпляровъ и рѣдко скучиваются въ стада изъ 25 или 30 головъ.

Digitized by Google

Въ каждомъ стадѣ находятся одинъ или, чаще, два, три самца, которые водятъ и охраняютъ самокъ. Послѣднія безусловно вѣрятъ бдительности своего предводителя и лишь только вожакъ, зачуя опасность, пускается бѣжать, какъ все стадо опрометью бросается за нимъ. Самецъ обыкновенно бѣжитъ впереди и, сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ, останавливается, а за нимъ и все стадо. Столпившись густою кучею, оно смотритъ въ ту сторону, откуда явилась опасность; самецъ въ это время часто взбирается на ближайшій холмъ, или на скалу, чтобы лучше разсмотрѣть въ чемъ дѣло. Чудно красивъ въ такой позѣ этотъ звѣрь, котораго стройный станъ рѣзко обрисовывается на вершинѣ скалы, а грудь блеститъ на солнцѣ снѣжною бѣлизною.

Я нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ, кто красивѣе: якъ или бѣлогрудый аргали? и лучшаго отвѣта дать не могъ, что каждый изъ этихъ звѣрей хорошъ по своему. Мощное туловище яка, громадные рога, длинная бахрома волосъ, свѣшивающихся почти до земли, густой хвостъ, наконецъ, черная окраска звѣря — безспорно дѣлаютъ его весьма красивымъ; но, съ другой стороны, стройный аргали, съ большими круто-изогнутыми рогами, ярко-бѣлою грудью и гордою походкою, имѣетъ также полное право считаться великолѣпнымъ животнымъ Тибетскихъ пустынь.

Утромъ аргали пасутся по горамъ, или въ долинахъ, но лишь только солнце поднимется выше, какъ звѣри идутъ отдыхать, избирая для этого подвѣтренный пологій скатъ горы, откуда можно бы было видѣть далеко во всѣ стороны. Здѣсь аргали разгребаютъ сначала копытами глинистую почву, ложатся въ пыль [1]) и проводятъ на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ сряду. Если отдыхаетъ цѣлое стадо, то самцы укладываются немного въ сторонѣ, чтобы удобнѣе было сторожить. Когда же общество состоитъ изъ однихъ самцовъ безъ самокъ [2]), то они ложатся вмѣстѣ, но обыкновенно головами въ разныя стороны. Словомъ, описываемый звѣрь никогда не забываетъ осторожности и застать его въ расплохъ очень трудно. На охотѣ, самое лучшее замѣтить аргали издали и, опредѣливъ направленіе вѣтра, стараться подкрасться къ животному съ противоположной стороны; но и тогда необходимъ превосходный штуцеръ, такъ какъ стрѣлять приходится рѣдко даже на двѣсти шаговъ. За все время своихъ тибетскихъ охотъ, мы убили только 8 бѣлогрудыхъ аргали, изъ которыхъ трое были взрослые самцы.

[1]) Разгребаніе почвы, сколько можно было замѣтить, производится обыкновенно лишь самцами.

[2]) Въ такое общество соединяются три или четыре самца — не болѣе.

Digitized by Google

Періодъ течки у описываемыхъ звѣрей бываетъ, по словамъ монголовъ, позднею осенью; въ концѣ ноября, когда мы пришли въ Тибетъ, течка уже окончилась и самцы вели себя дружелюбно. Между тѣмъ въ періодъ любви они затѣиваютъ серьезныя драки, слѣды которыхъ остаются на изломанныхъ концахъ и ссадинахъ роговъ. Молодые, по словамъ монголовъ, родятся въ іюнѣ [1]). Кромѣ того, монголы сообщали намъ, что у очень старыхъ самцовъ, рога иногда до того выступаютъ своими концами впереди морды, что животное не можетъ щипать траву и погибаетъ съ голода. Не знаю, насколько это справедливо, но въ сѣверномъ Тибетѣ лишь изрѣдка можно встрѣтить черепъ бѣлогрудаго аргали.

Рядомъ съ этимъ послѣднимъ и якомъ, характернымъ животнымъ высокихъ нагорій сѣвернаго Тибета, является антилопа, называемая монголами и тангутами *ороно* (Antilope Hodgsonii). Самецъ этого вида чрезвычайно красивое животное. Ростомъ онъ больше дзерена и имѣетъ статное туловище, на высокихъ тонкихъ ногахъ; голова украшена большими (23 дюйма длиною), тонкими, спереди рубчатыми, немного изогнутыми и вертикально стоящими черными рогами. Въ зимней шерсти верхъ и бока морды, бока груди и переднія стороны ногъ чернаго цвѣта; горло, средина груди, животъ и задъ бѣлыя; спина бланжево-бурая [2]). Въ общемъ звѣрь издали кажется совершенно бѣлымъ; самка гораздо меньше самца, не имѣетъ роговъ и черной окраски на тѣлѣ [3]).

Оронго встрѣченъ былъ нами тотчасъ за хребтомъ Бурханъ-Будда и распространяется отсюда, по словамъ монголовъ, на югъ до горъ Танъ-ла. Мѣстомъ своего жительства описываемый звѣрь выбираетъ горныя долины и волнистыя степи и, по количеству, составляетъ, послѣ яка, преобладающій видъ въ пустыняхъ сѣвернаго Тибета. Вода для оронго также необходима, какъ для яка и хулана,

---

[1]) Между тѣмъ какъ у монгольскаго аргали періодъ течки бываетъ въ августѣ, а молодые родятся въ мартѣ.

[2]) Лѣтомъ, по словамъ монголовъ, оронго имѣетъ красноватую шерсть, какъ дзеренъ.

[3]) Вотъ дополнительная діагноза стараго самца. Ростомъ на 7 дюймовъ длиннѣе и на столько же выше нежели Antilope gutturosa. Тѣло равномѣрно толстое; шея средней длины, прямая и сравнительно толстая. Морда тупая, широкая, въ особенности возлѣ ноздрей, гдѣ съ боковъ находятся утолщенные, внутри пустые бугры, довольно большіе; ноздри большія и поставлены горизонтально. Ноги тонкія, длинныя; хвостъ небольшой (9,5 д. съ волосами). Въ пахахъ заднихъ ногъ у самцовъ и самокъ большія желѣзы; въ пахахъ же переднихъ ногъ желѣзы не велики; пучковъ шерсти на колѣняхъ и зоба нѣтъ. Вѣсъ самца (невыпотрошеннаго) около 3 пудовъ, самки — отъ $1^1/_2$—2 пудовъ.

Digitized by Google

а потому описываемыя антилопы держатся исключительно въ тѣхъ мѣстахъ пустыни, гдѣ есть рѣчки или ключи.

Оронго живетъ небольшими обществами отъ 5—20 или до 40 экземпляровъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ (напр. на особенно хорошихъ пастбищахъ) скопляется въ стада по нѣсколько сотъ головъ. Въ каждомъ стадѣ обыкновенно встрѣчается нѣсколько старыхъ самцовъ, болѣе опытныхъ и осторожныхъ, нежели самки; впрочемъ оронго вообще мало остороженъ. При бѣгствѣ стада самцы всегда слѣдуютъ позади, словно прикрывая отступленіе; тогда какъ у другихъ антилопъ, напр. дзереновъ и хара-сультъ, это бываетъ наоборотъ. Во время спокойнаго хода, или даже на быстромъ бѣгу, самецъ постоянно держитъ рога вертикально, что чрезвычайно краситъ это граціозное животное. При томъ бѣгъ у него всегда рысистый и до того быстрый, что издали невозможно замѣтить, какъ мелькаютъ ноги. Такою рысью самецъ уходитъ даже отъ преслѣдованія собакъ или волковъ, и далеко оставляетъ ихъ позади себя.

Придя въ Тибетъ, мы какъ разъ застали у описываемыхъ антилопъ періодъ течки, которая продолжается, съ половины ноября, до половины декабря. Въ это время каждый взрослый самецъ [1]) находится въ самомъ возбужденномъ состояніи. Онъ мало ѣстъ, такъ что запасенный лѣтомъ жиръ быстро спадаетъ и, собравъ вокругъ себя гаремъ изъ 10 или 20 самокъ, строго блюдетъ, чтобы которая либо изъ нихъ не соблазнилась инымъ кавалеромъ. Ради этого, завидѣвъ другаго самца, законный владѣтель стада бросается къ нему на встрѣчу, наклонивъ впередъ рога и издавая глухой отрывистый ревъ. Дѣло часто доходитъ до серьезной драки, въ которой острые и длинные рога служатъ страшнымъ оружіемъ, такъ что противники сильно, а иногда, вѣроятно, и смертельно, ранятъ другъ друга. Когда одинъ изъ самцовъ чувствуетъ себя слабѣе, то пускается на уходъ; противникъ его преслѣдуетъ и если уходящій видитъ, что его нагоняютъ, то въ одно мгновеніе поворачивается назадъ и наклоненными рогами встрѣчаетъ ударъ соперника. Задоръ разгоряченныхъ звѣрей бываетъ такъ великъ, что однажды самецъ, пробитый мною пулею во время драки, все-таки продолжалъ нѣсколько минутъ драться, пока не издохъ почти на мѣстѣ.

Если во время течки какая нибудь самка отдѣлится отъ стада, то самецъ тотчасъ же бросается за нею, реветъ и старается при-

[1]) Молодые самцы, которые имѣютъ небольшіе рога и совершенно похожи цвѣтомъ шерсти на самокъ, какъ кажется, не участвуютъ въ супружеской жизни; по крайней мѣрѣ, въ періодъ течки, они ходятъ, по нѣсколько, въ одномъ стадѣ съ самками и не дерутся.

Digitized by Google

гнать обратно. Но иногда случается, что въ это время убѣгаютъ другія самки; самецъ пускается то за одной, то за другой изъ нихъ и часто теряетъ весь свой гаремъ. Тогда, оставшись одинъ, онъ начинаетъ сердито бить копытами въ землю, загибаетъ крючкомъ хвостъ, наклоняетъ рога, реветъ и вызываетъ на бой противниковъ. Такія исторіи повторяются безпрестанно съ утра до вечера, и вообще не существуетъ прочной связи между владѣтелемъ стада и его самками; сегодня онѣ у одного самца, завтра у другаго.

По окончаніи течки, самцы оронго, по прежнему, живутъ между собою въ мирѣ и согласіи. Въ это время они иногда составляютъ отдѣльныя общества; самки также часто соединяются тогда въ особыя стада. Такъ напр., въ долинѣ р. Шуга мы видѣли, въ концѣ января, стадо приблизительно до трехъ сотъ экземпляровъ, состоявшее изъ однѣхъ только самокъ; послѣднія, по словамъ монголовъ, родятъ молодыхъ въ іюлѣ.

Какъ упомянуто выше, оронго мало остороженъ; даже на открытой мѣстности, онъ подпускаетъ охотника шаговъ на триста, или на двѣсти, а иногда и того ближе. Трескъ выстрѣла и свистъ пролетѣвшей мимо пули, часто вовсе не пугаютъ этого звѣря; онъ только удивляется такому явленію и тихо отходитъ, безпрестанно останавливаясь и посматривая на охотника. Подобно другимъ антилопамъ, оронго очень выносливъ на рану, и даже пробитый пулею насквозь, часто уходитъ далеко [1]).

Охота за описываемою антилопою очень легка, такъ какъ звѣрь, кромѣ своей смѣлости, держится главнымъ образомъ въ горныхъ долинахъ, обыкновенно изрѣзанныхъ оврагами. Мѣстами, какъ напр. въ долинѣ р. Шуга, оронго такъ много, что въ продолженіи дня по нимъ можно сдѣлать сотни полторы, или даже двѣ, выстрѣловъ изъ скорострѣльнаго штуцера. Много ли будетъ убитыхъ — это вопросъ, такъ какъ, при стрѣльбѣ звѣрей пулями на большія разстоянія, удача выстрѣла зависитъ и отъ счастія.

Монголы и тангуты считаютъ оронго святымъ животнымъ и ламы не ѣдятъ его мяса, которое, кстати сказать, чрезвычайно вкусно, въ особенности осенью, когда звѣрь бываетъ очень жирнымъ. Кровь оронго считается лекарствомъ, а рога употребляются для различныхъ шарлатанствъ. По рубцамъ на нихъ монголы гадаютъ о своей судьбѣ, или объ успѣхѣ какого-либо дѣла. Этими же рогами очерчиваютъ мѣсто могилы при закапываніи въ землю

[1]) Замѣчательно, что у всѣхъ убитыхъ нами оронго, подъ кожею задней части спины, мы находили множество крупныхъ личинокъ оводовъ, чего не встрѣчали болѣе ни у одного звѣря сѣвернаго Тибета.

Digitized by Google

мертвыхъ ламъ; если же такой мертвецъ, подобно тому какъ и большая часть монголовъ, прямо выбрасывается въ поле, то рогами оронго все-таки очерчиваютъ мѣсто вокругъ покойника. Для подобной цѣли, эти рога приносятся въ Халху богомольцами, возвращающимися изъ Тибета и продаются очень дорого. Кромѣ того, монголы увѣряютъ, что если изъ рога оронго сдѣлать ручку на плеть и ею погонять верховую лошадь, то она не скоро устанетъ.

Наконецъ, между всѣми сѣверными монголами распространено мнѣніе, что оронго имѣетъ только одинъ рогъ, поставленный вертикально въ срединѣ лба. Ближе къ Тибету, въ Гань-су и на Кукунорѣ, жители уже говорили намъ, что однорогіе экземпляры попадаются очень рѣдко — одинъ или два на тысячу. Наконецъ въ Цайдамѣ, монголы, близко знакомые съ оронго, единогласно отвергали существованіе однорогой антилопы, но въ тоже время увѣряли, что подобный звѣрь водится въ юго-западномъ Тибетѣ. Тамъ, вѣроятно, сказали бы, что однорогое животное обитаетъ въ Индіи и, такимъ образомъ, можно дойти до дѣйствительно однорогаго носорога.

Другая антилопа, свойственная сѣверному Тибету, отличается своимъ небольшимъ ростомъ и потому называется монголами *ада-дзеренъ*, т. е. «малютка-дзеренъ» (Antilope sp.) Самецъ этого вида имѣетъ лишь 3 ф. 4 д. длины (мѣряя по изгибу шеи), 2 ф. 10 д. вышины и вѣситъ не болѣе пуда; рога у него довольно большіе, слегка изогнутые, немного откинуты назадъ и спереди покрыты мелкими частыми рубцами. Преобладающій цвѣтъ мѣха песчано-сѣрый, на задѣ и животѣ бѣлый; ярко-бѣлый задъ окруженъ сверху и съ боковъ не широкою, свѣтло-ранжевою каймою [1]).

Описываемая антилопа была найдена нами ранѣе Тибета, имен-

---

[1]) Вотъ болѣе подробная діагноза самца: ростъ малый, тѣло тонкое, стройное; голова средней величины, морда тупая, толстая; рога довольно большіе (1 ф. 1 дюймъ по изгибу), слабо изогнутые, немного откинутые назадъ; рубцы на нихъ мелкіе, частые; уши сравнительно большія.

Цвѣтъ мѣха (зимою): Верхъ тѣла, шея и бока песчано-сѣраго цвѣта; горло и грудь бѣловатые, животъ и задъ бѣлые. Въ особенности ярко бѣлы удлиненные волоса зада, образующіе зеркало, въ срединѣ котораго помѣщенъ небольшой черный хвостъ; сверху и съ боковъ бѣлое зеркало окружено не широкою, свѣтло-ранжевою каймою. Ноги немного свѣтлѣе тѣла и спереди (на переднихъ ногахъ) принимаютъ желтоватый оттѣнокъ. Темя и лобъ — бѣлые, сзади роговъ, возлѣ ушей шерсть желтоватая, на переносицѣ и носѣ—темно-бурая, а остальныя части морды бѣловато-сѣрыя. Шерсть очень густая, длинная, въ особенности на бѣломъ заднемъ зеркалѣ и на задней части головы (возлѣ ушей).

Имѣетъ небольшой зобъ, какъ у дзерена, но паховыхъ желѣзъ и пучковъ шерсти на колѣняхъ нѣтъ. Только у самца при оконечности дѣтороднаго члена, находится небольшой мѣшечекъ въ родѣ желѣзы. Самка не имѣетъ роговъ и по величинѣ почти равняется самцу.

Digitized by Google

но на верховьяхъ Тэтунгъ-гола и, какъ кажется, этотъ же видъ мы встрѣтили, поднявшись на нагорье Гань-су, въ холмистой степи, раскинувшейся тотчасъ за окрайнимъ хребтомъ [1]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ а́ды, подобно тому какъ и оронго, служатъ холмистыя высокія степи и еще болѣе горныя долины, изобилующія водою. Однако, хотя оба вида часто держатся вмѣстѣ, но, по своему характеру а́да много отличается отъ оронго, и если эта послѣдняя самая граціозная, то а́да, безспорно, самая быстрая изъ всѣхъ антилопъ, свойственныхъ Монголіи и сѣверному Тибету. Описываемый видъ обыкновенно держится лишь небольшими обществами отъ 5—7 и изрѣдка до 20 экземпляровъ; самцы же часто встрѣчаются и въ одиночку.

Противоположно оронго, а́да очень осторожна, въ особенности тамъ, гдѣ знаетъ человѣка; только на пустынныхъ берегахъ Голубой рѣки этотъ звѣрь нѣсколько смѣлѣе. Бѣгъ описываемой антилопы чрезвычайно быстрый; онъ состоитъ изъ частыхъ и высокихъ скачковъ, такъ что животное напоминаетъ собою въ это время резиновый мячикъ; когда антилопа испугана, то она несется, какъ птица.

Въ періодъ течки, которая начинается въ концѣ декабря и продолжается съ мѣсяцъ, самцы а́да гоняютъ другъ друга отъ своего стада, но такихъ дракъ какъ у оронго мы ни разу не замѣчали; все мщеніе ревнивыхъ кавалеровъ заключается только въ гонкѣ [2]). При этомъ самцы не издаютъ никакого голоса, котораго мы не слыхали у нихъ и въ другое время. Только иногда а́ды (самцы и самки), подобно хара-султамъ, чихаютъ, въ особенности замѣтивъ человѣка; кромѣ того, самки, будучи чѣмъ нибудь испуганы, изрѣдка издаютъ довольно громкій, отрывистый писк, много похожій на голосъ молодой косули.

Описываемыя антилопы часто выкапываютъ въ степи продолговатыя ямы, иногда футъ глубиною, въ которыхъ, вѣроятно, лежатъ ночью (а можетъ быть и днемъ), такъ какъ здѣсь бываетъ много помета. Впрочемъ, быть можетъ, такія ямы выкапываются самцами лишь во время течки, слѣдовательно, въ возбужденномъ состояніи.

Охота за маленькою антилопою гораздо труднѣе, нежели за оронго, тѣмъ болѣе что она и встрѣчается несравненно рѣже; при томъ а́да также очень крѣпка на рану. Пепельно-сѣрый цвѣтъ ея мѣха совершенно походитъ на цвѣтъ почвы, такъ что звѣря трудно

[1]) На Куку-норѣ и въ Цайдамѣ описываемой антилопы нѣтъ вовсе.

[2]) Замѣчательно, что въ періодъ течки самцы а́да очень часто мочатся, присѣдая для этого на заднія ноги, какъ собаки.

Digitized by Google

замѣтить издали; его часто выдаетъ только ярко-бѣлый задъ или чиханье. Въ сумерки ѣда, потому какъ и оронго, плохо видитъ и подпускаетъ тогда охотника очень близко. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что оба вида отлично бѣгаютъ по гладкому льду.

Изъ хищныхъ звѣрей въ сѣверномъ Тибетѣ мы встрѣтили очень много лишь волковъ и отчасти корсаковъ.

Тибетскій волкъ (Canis sp.) по величинѣ не меньше обыкновеннаго и отличается отъ него желтовато-бѣлымъ цвѣтомъ своего мѣха [1]). По всему вѣроятію, къ этому виду принадлежитъ и тотъ волкъ, о которомъ мнѣ разсказывали въ Гань-су и котораго монголы называютъ *цѳбрэ*. Однако тамъ онъ довольно рѣдокъ, но въ сѣверномъ Тибетѣ встрѣчается очень часто. Пустынность страны и обиліе въ ней различныхъ животныхъ, конечно, обусловливаютъ привольную жизнь описываемаго звѣря. Изъ безчисленнаго множества дикихъ яковъ, ежегодно погибаетъ достаточное число естественною смертію, да кромѣ того волки, соединившись въ небольшія партіи, ловятъ другихъ звѣрей, всего чаще оронго.

По своему характеру, тибетскій волкъ много трусливѣе своего сѣраго собрата и обладаетъ гораздо меньшею силою. Двѣ наши монгольскія собаки, по ночамъ, часто вступали въ драку съ описываемыми волками и обыкновенно оставались побѣдительницами.

Рядомъ съ трусостію, тибетскій волкъ обладаетъ величайшею наглостію и назойливостію. Рѣшительно каждую ночь эти звѣри по нѣсколько разъ приходили къ нашей юртѣ, чтобы поживиться здѣсь чѣмъ нибудь въ расплохъ; кромѣ того, невозможно было оставить въ полѣ, хотя бы на самое короткое время, ни одного убитаго звѣря (исключая яка), чтобы волки его не съѣли, или по крайней мѣрѣ не испортили. Однажды мой товарищъ убилъ, не далѣе трехъ верстъ отъ нашей стоянки, четырехъ самцовъ оронго и пока сходилъ въ юрту, чтобы взять вьючнаго верблюда, всѣ антилопы были до чиста съѣдены волками. Въ одномъ мѣстѣ на р. Шуга мы зарыли въ каменной розсыпи нѣсколько фунтовъ масла, намѣреваясь взять его на обратномъ пути, но проклятые звѣри зачуяли это масло, разворотили большіе камни, которыми оно было заложено и съѣли лакомый кусокъ, вмѣстѣ съ холщевою оберткою. Однажды я оставилъ въ горахъ свое гладкоствольное ружье съ нѣсколькими жестяными патронами, въ которыхъ помѣщались заряды и, придя на другой день на это мѣсто, не нашелъ ни ружья, ни патроновъ,— то и другое утащили волки. Однако ружье отыскалось неподалеку,

---

[1]) Сѣрыхъ волковъ вовсе нѣтъ въ Тибетѣ, хотя и много въ Цайдамѣ.

Digitized by Google

но одинъ его стволъ оказался выстрѣлившимъ въ то время, когда звѣрь тащилъ, вѣроятно по землѣ, свою находку и зацѣпилъ куркомъ за камень; патроны же пропали безвозвратно.

Однако при всемъ своемъ нахальствѣ, описываемый волкъ на столько остороженъ, что очень далеко не подпускаетъ къ себѣ человѣка и убить его днемъ, безъ засадки, крайне трудно; тѣмъ болѣе, что звѣрь весьма крѣпокъ на рану. Вообще мы потратили не мало времени, чтобы добыть шкуру тибетскаго волка и я убилъ его лишь изъ засадки, устроенной возлѣ мертваго хулана.

Нѣсколько разъ мы пробовали настораживать ночью заряженное ружье на убитомъ якѣ, и хотя оно выстрѣливало, но ни разу не убивало волковъ. Всего лучше бы было отравливать ихъ стрихниномъ, или ловить въ капканы, но у насъ не было ни того, ни другаго; между тѣмъ, именно этими способами, въ Тибетѣ можно было добыть множество описываемыхъ звѣрей.

Течка тибетскихъ волковъ происходитъ въ январѣ; однако въ это время они все таки не скопляются въ стада больше 10 или 15 головъ. Голосъ описываемаго вида очень много походитъ на частое, отрывистое и тонкое лаяніе собаки, соединенное, обыкновенно, съ воемъ.

Лисица рѣдко встрѣчается въ сѣверномъ Тибетѣ, но несравненно чаще попадается здѣсь ея близкій родственникъ *корсакъ* (Canis Corsac), или правильнѣе *кярса*, какъ называютъ его монголы.

Этотъ хитрый звѣрь водится также во всей Монголіи, Гань-су, Куку-норѣ и въ Цайдамѣ; всего же чаще онъ попадается въ степяхъ оз. Куку-нора, гдѣ множество пищухъ, доставляющихъ кярсѣ главную пищу.

Самъ я мало могъ изучить образъ жизни описываемаго животнаго, которое всегда ведетъ себя очень осторожно относительно человѣка. Завидѣвъ его издали, кярса или пускается на уходъ, или припадаетъ къ землѣ. Послѣдній маневръ звѣри дѣлаютъ и на бѣгу даже тогда, когда находятся въ небольшомъ стадѣ (отъ 8—10 экз.), какъ то бываетъ въ періодъ течки, которая происходитъ съ половины января до половины февраля. Тогда ночью и по утрамъ часто можно слышать отвратительный крикъ самцовъ, много напоминающій голосъ совы. Для жительства, кярса устраиваетъ себѣ норы, возлѣ которыхъ ловятъ его монголы и тангуты. При входѣ въ нору, промышленники складываютъ кучу камней или аргала и ставятъ петли. Кярса, который подобно собакамъ, имѣетъ привычку мочиться на новый предметъ, замѣтивъ сложенную кучу возлѣ своей норы, не преминетъ помочиться на нее и попадаетъ въ ловушку.

Digitized by Google

Если отъ млекопитающихъ обратимся къ птицамъ, то увидимъ, что высокое нагорье Сѣвернаго Тибета вообще бѣдно пернатыми обитателями. Правда, мы здѣсь были глубокою зимою, слѣдовательно, когда лѣтнія птицы находились въ отлетѣ, но все таки, при однообразіи и невыгодности физическихъ условій описываемыхъ мѣстностей, едва-ли можно встрѣтить въ нихъ разнообразную орнитологическую фауну. Въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ Сѣверномъ Тибетѣ, мы нашли лишь 29 видовъ птицъ, и изъ нихъ только одинъ (Cinclus sp.), не былъ замѣченъ до сихъ поръ; остальные же большею частію свойственны Гань-су и отчасти Куку-нору. При томъ даже тѣ виды, которые найдены были на Тибетскомъ нагорьи, чаще, а иногда и исключительно, встрѣчаются въ самой сѣверной его окраинѣ, т. е. до р. Шуга; далѣе, на высокомъ плато, которое идетъ отсюда къ Муръусу, птицъ было чрезвычайно мало.

Изъ пернатыхъ Сѣвернаго Тибета въ бо̀льшемъ числѣ, противъ другихъ, здѣсь обитаютъ: *грифы* (Vultur monachus?, Gyps nivicola), *ягнятники* (Gypaëtos barbatus) и *вороны* (Corvus corax), которые тотчасъ же являются на всякаго убитаго звѣря; *клушицы* (Fregilus graculus) собирающіяся зимою огромными стадами; *пустынники* (Syrrhaptes thibetanus), *жаворонки* (Melanocorypha maxima, Alauda albigula), *чечетки* (Linota brevirostris); послѣднія вѣроятно, здѣсь только зимуютъ; *Podoces humilis* и *Montifringilla? sp.*, встрѣченная во множествѣ на Куку-норѣ.

Разсказъ о животныхъ Сѣв. Тибета заставилъ меня надолго прервать повѣствованіе о самомъ путешествіи. Теперь возвратимся къ нему.

Какъ упомянуто въ концѣ предъидущей главы, мы наняли въ Цайдамѣ проводника и отправились съ нимъ за хребетъ Бурханъ-Будда. Чтобы возможно болѣе облегчить верблюдовъ, которымъ на высокихъ Тибетскихъ плоскогорьяхъ тяжело нести самый малый вьюкъ, мы оставили часть своихъ запасовъ (дзамбы и муки) въ Цайдамѣ, а лишніе патроны и дробь закопали въ розсыпяхъ вблизи перевала черезъ Бурханъ-Будда. При всемъ томъ наши вьюки, пополняемые препарированными шкурами звѣрей, были достаточно тяжелы, такъ что впослѣдствіи мы принуждены были также закопать въ песокъ двѣ шкуры яковъ, пріобрѣтенныя для коллекціи и взяли ихъ уже на обратномъ пути.

Два съ половиною мѣсяца [1]), проведенные нами въ пустыняхъ

---

[1]) Собственно 80 дней—съ 23 ноября 1872 г. по 10 февраля 1873 г.

Digitized by Google

Сѣв. Тибета, были однимъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ во всей экспедиціи. Глубокая зима съ сильными морозами и бурями, полное лишеніе всего, даже самаго необходимаго, наконецъ, различныя другія трудности — все это, день въ день, изнуряло наши силы. Жизнь наша была въ полномъ смыслѣ «борьба за существованіе», и только сознаніе научной важности предпринятаго дѣла давало намъ энергію и силы для успѣшнаго выполненія своей задачи.

Для большей защиты отъ зимнихъ холодовъ высокаго тибетскаго нагорья, мы запаслись юртою, которую намъ подарилъ дядя куку-норскаго вана. Правда, возня съ этою юртою, при ея установкѣ на мѣстѣ или укладкѣ на вьюкъ, прибавляла не мало работы, но за то въ своемъ новомъ жилищѣ, мы несравненно лучше были укрыты отъ бурь и морозовъ, нежели въ лѣтней палаткѣ.

Юрта наша имѣла 11 фут. въ діаметрѣ основанія и 9 фут. до верхняго отверстія, замѣнявшаго окно и трубу для дыма. Трехъфутовая дверь служила лазейкою въ это жилище, остовъ котораго обтягивался тремя войлоками съ боковъ и двумя сверху; кромѣ того, для большаго тепла, мы, впослѣдствіи, обкладывали боковые войлоки шкурами оронго.

Внутреннее убранство нашего обиталища не отличалось комфортомъ. Два походныхъ сундука (съ записными книгами, инструментами и другими необходимыми вещами), войлоки и другія принадлежности для спанья, оружіе и пр. размѣщались по бокамъ юрты, въ срединѣ которой устанавливался желѣзный таганъ и въ немъ зажигался аргалъ. Послѣдній, за исключеніемъ ночи, горѣлъ постоянно, какъ для приготовленія чая или обѣда, такъ равно и для теплоты. Мало-по-малу, за деревянныя клѣтки боковъ и подъ колья крыши подсовывалось то то, то другое, такъ что къ вечеру, въ особенности послѣ раздѣванья на ночь, весь потолокъ юрты увѣшивался сапогами, чулками, подвертками и тому подобными украшеніями.

Въ такомъ жилищѣ мы проводили трудные дни нашего зимняго путешествія въ Тибетѣ.

Утромъ, часа за два до разсвѣта, мы вставали, зажигали аргалъ и варили на немъ кирпичный чай, который вмѣстѣ съ дзамбою служилъ завтракомъ. Для разнообразія, иногда приготовляли затуранъ [1]) или пекли въ горячей аргальной (т. е. навозной) золѣ пшеничныя

[1]) «Затуранъ», одно изъ самыхъ любимыхъ кушаній забайкальскихъ и амурскихъ казаковъ. Онъ варится изъ кирпичнаго чая, въ который кладутъ нѣсколько горстей поджаренной на маслѣ муки съ солью; вкусомъ подобный напитокъ скорѣе всего похожъ на супъ.

Digitized by Google

лепешки. Затѣмъ, на разсвѣтѣ начинались сборы въ дальнѣйшій путь, для чего юрта разбиралась и вьючилась, вмѣстѣ съ другими вещами, на верблюдовъ. Все это занимало часа полтора времени, такъ что въ дорогу мы выходили уже порядочно уставши. А между тѣмъ морозъ стоитъ трескучій, да, въ добавокъ къ нему, прямо встрѣчу дуетъ сильный вѣтеръ. Сидѣть на лошади невозможно отъ холода, идти пѣшкомъ также тяжело, тѣмъ болѣе неся на себѣ ружье, сумку и патронташъ, что все вмѣстѣ составляетъ вьюкъ около двадцати фунтовъ. На высокомъ же нагорьѣ, въ разрѣженномъ воздухѣ, каждый лишній фунтъ тяжести убавляетъ не мало силъ; малѣйшій подъемъ кажется очень труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся; повременамъ начинается головокруженіе и рвота.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что наше теплое одѣяніе, за два года предшествовавшихъ странствованій, такъ износилось, что все было покрыто заплатами и не могло достаточно защищать отъ холода. Но лучшаго взять было негдѣ и мы, волею не волею, должны были довольствоваться дырявыми полушубками или кухлянками и такими же теплыми панталонами; сапоговъ не стало вовсе, такъ что мы подшивали къ старымъ голенищамъ куски шкуры съ убитыхъ яковъ, и щеголяли въ подобныхъ ботинкахъ на самыхъ сильныхъ морозахъ.

Очень часто случалось, что къ полудню поднималась сильная буря, которая наполняла воздухъ тучами пыли и песка; тогда идти уже было невозможно и мы останавливались, сдѣлавъ иногда переходъ верстъ въ десять, или того менѣе. Но даже въ благопріятномъ случаѣ, т. е. когда погода была хороша, и тогда переходъ въ двадцать верстъ утомляетъ на высокомъ нагорьѣ Тибета сильнѣе, нежели вдвое больше разстояніе въ мѣстностяхъ съ меньшимъ абсолютнымъ поднятіемъ.

На мѣстѣ остановки необходмо развьючить верблюдовъ и поставить юрту; эта процедура опять занимаетъ почти часъ времени. Затѣмъ нужно идти собирать аргалъ, рубить ледъ для воды и усталому, голодному, ждать пока, наконецъ, сварится чай. Съ жадностію ѣшь тогда отвратительное мѣсиво изъ дзамбы съ масломъ и радъ радехонекъ, что хотя подобнымъ кушаньемъ можно утолить свой голодъ.

Послѣ такого завтрака мы съ товарищемъ обыкновенно идемъ на охоту, если только позволяетъ состояніе погоды; или я пишу свои замѣтки, а казаки приготовляютъ обѣдъ, для чего снова рубится ледъ и замерзшее камнемъ мясо. То и другое кладется въ чашу,

Digitized by Google

въ которой предварительно залѣпляются дырки кусочками сырой шкуры и смоченною дзамбою. Наша единственная посуда—чаша и чайникъ, отъ времени издырявились въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что ежедневно приходилось заклеивать эти дырки; впослѣдствіи мы починили ихъ болѣе прочнымъ образомъ, употребивъ для такой цѣли нѣсколько мѣдныхъ гильзъ отъ патроновъ Бердана.

Обѣдъ обыкновенно поспѣвалъ къ часамъ шести, или семи вечера и былъ самою роскошною трапезою, такъ какъ теперь мы могли ѣсть вдоволь мяса. Правда, этого послѣдняго мы столько добывали охотою, что имѣли возможность прокормить нѣсколько сотъ людей [1]), но для самихъ себя не всегда могли зажарить или сварить, такъ какъ мясо обыкновенно сильно замерзало и нужно было довольно долго таить его и ледъ для супу. Притомъ же, вслѣдствіе разрѣженія воздуха, аргалъ на тибетскомъ нагорьи горитъ очень плохо и даетъ весьма мало жару; вода же закипаетъ при + 68° R., а потому мясо трудно сварить какъ слѣдуетъ.

Послѣ обѣда, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и ужиномъ, являлась новая работа. Такъ какъ всѣ лужи и ручьи, за весьма рѣдкими исключеніями, были промерзши до дна, а снѣгу также не имѣлось, то приходилось ежедневно таить два ведра воды для двухъ нашихъ верховыхъ лошадей [2]). Затѣмъ наступало самое тяжелое для насъ время — это долгая зимняя ночь. Казалось, что послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, ее можно бы было провести спокойно и хорошенько отдохнуть, но далеко не такъ выходило на дѣлѣ. Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомленіемъ всего организма; при такомъ полу-болѣзненномъ состояніи спокойный отдыхъ невозможенъ. При томъ же, вслѣдствіе сильнаго разрѣженія и сухости воздуха, во время сна всегда являлось удушье [3]), въ родѣ тяжелаго кошмара, а ротъ и губы очень сохли. Прибавьте къ этому, что наша постель состояла изъ одного войлока, на сквозь пропитаннаго пылью и постланнаго прямо на мерзлую землю. На такомъ то логовищѣ, и при сильномъ холодѣ безъ огня въ юртѣ, мы должны были ва-

---

[1]) Всего мы убили въ Тибетѣ 76 крупныхъ звѣрей (не считая по крайней мѣрѣ вдвое большаго числа раненныхъ), изъ которыхъ однихъ яковъ было 32. Полагая послѣднихъ кругомъ по 25 пудовъ, а остальныхъ звѣрей по 2 пуда, выходитъ, что мы въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, добыли около 900 пудовъ мяса.

[2]) Для верблюдовъ же мы изрѣдка мелко рубили ледъ, который они ѣли вмѣсто снѣга.

[3]) На нагорьи сѣв. Тибета спать возможно только съ самымъ высокимъ изголовьемъ, или въ полусидячемъ положеніи.

Digitized by Google

ляться по десяти часовъ сряду, не имѣя возможности спокойно заснуть и, хотя на это время, позабыть всю трудность своего положенія.

Дни, которые посвящались охотѣ, проходили болѣе отраднымъ образомъ, но, къ сожалѣнію, морозы и частыя бури сильно затрудняли эти охоты, а иногда дѣлали ихъ совершенно невозможными. Даже въ томъ случаѣ, когда вѣтеръ не превращался въ бурю, но достигалъ лишь средней силы — а это происходило рѣшительно каждый день — то и тогда онъ служилъ великою помѣхою. Не говоря про холодъ, заставлявшій охотиться въ наушникахъ, рукавицахъ, кухлянкахъ, или полушубкахъ, сильно затруднявшихъ свободное движеніе, отъ дѣйствія встрѣчнаго вѣтра [1]) глаза постоянно были полны слезъ, что, конечно, чрезвычайно портило мѣткость и быстроту выстрѣла. При томъ руки иногда такъ мерзли, что даже въ скорострѣльный штуцеръ трудно было вложить патронъ, не отогрѣвъ предварительно окоченѣвшихъ пальцевъ. Да, наконецъ, на сильномъ морозѣ, каморы штуцеровъ такъ сжимались, что послѣ выстрѣла очень трудно было достать пустую гильзу и приходилось выбивать ее шомполомъ. Подобная исторія часто случалась у штуцеровъ Снейдера, но у ружья Бердана этого не было; за то у послѣдняго, отъ мороза и пыли, набившейся въ механизмъ, очень часто происходили осѣчки и патронъ выстрѣливалъ только послѣ вторичнаго удара боевой пружины.

Другое важное обстоятельство, сильно затруднявшее наши охоты, была чрезвычайная разрѣженность воздуха высокихъ нагорій сѣвернаго Тибета, вслѣдствіе чего усталость являлась здѣсь очень скоро. Впрочемъ, звѣрей было такое множество, что рѣдко приходилось далеко ходить за ними; часто мы охотились не далѣе одной или двухъ верстъ отъ своей юрты. Но иногда, увлекшись преслѣдованіемъ, мы возвращались къ стоянкѣ лишь поздно вечеромъ, и мой товарищъ, во время одной изъ такихъ охотъ, до того простудилъ ноги, что не могъ ходить болѣе недѣли.

Въ климатическомъ отношеніи два зимнихъ мѣсяца (декабрь и январь), проведенные нами на нагорьи сѣвернаго Тибета, характеризовались: сильными морозами, безснѣжіемъ и пыльными бурями.

Не смотря на то, что описываемыя мѣстности лежатъ южнѣе самыхъ теплыхъ странъ Европы, холодъ здѣсь часто напоминалъ далекій сѣверъ. По ночамъ морозы стояли безъ перерыва, достигая

[1]) На охотѣ идти всегда приходилось противъ вѣтра, чтобы не почуяли звѣри.

Digitized by Google

до — 31,0° С. [1]); только изрѣдка, въ облачную погоду, холодъ спадалъ на — 12,0° С. Впрочемъ, послѣ восхода солнца температура повышалась всегда быстро, и четыре раза термометръ въ полдень поднимался даже выше нуля.

Снѣгъ шелъ рѣдко и небольшой [2]); притомъ онъ всегда былъ мелкій и сухой какъ песокъ. Случалось, что этотъ снѣгъ покрывалъ землю на дюймъ, но въ слѣдующую же бурю его сдувало вѣтромъ и смѣшивало съ пылью или пескомъ, гдѣ онъ окончательно уничтожался на солнечномъ пригрѣвѣ. Вообще, въ теченіи всей зимы, пустыни Тибета лишь изрѣдка бѣлѣли снѣгомъ и то ненадолго[*3]); даже на вершинахъ высокихъ горъ снѣгъ лежалъ, въ небольшомъ количествѣ, только на сѣверныхъ склонахъ.

Рядомъ съ морозами и безснѣжіемъ, характерную черту тибетской зимы составляли пыльныя бури, являвшіяся очень часто [4]), и притомъ исключительно съ запада или сѣверо-запада. Такія бури всегда случались днемъ и обыкновенно начинались умѣреннымъ вѣтромъ, который, усиливаясь мало по малу, къ полдню достигалъ страшной напряженности и дулъ такимъ образомъ до заката солнца. Мало по мало небо начинало сѣрѣть отъ поднятой въ воздухъ пыли, которая густѣла все болѣе и болѣе, такъ что солнце, тускло свѣтившее, какъ сквозь дымъ, дѣлалось совсѣмъ не виднымъ. Наступало что то похожее на сумерки, такъ что въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ не было видно даже высокихъ горъ. Пыль, песокъ и мелкіе камешки неслись въ воздухѣ грядами, словно снѣгъ въ сильную мятель. Противъ вѣтра невозможно было открыть глаза, или перевести духъ; тѣмъ болѣе, что воздухъ, вслѣдствіе мелкой пыли, дѣлался чрезвычайно тяжелымъ для дыханія. Вообще состояніе погоды въ это время бывало таково, что даже верблюды, отпущенные на покормку, не смотря на голодъ, тотчасъ же ложились на землю.

Однако термометръ во время бури всего чаще показывалъ лишь немного ниже нуля, а иногда даже поднимался выше точки замерзанія. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что пыль и песокъ, на-

---

[1]) Вѣроятно и того болѣе, такъ какъ у насъ не было термометра minimum (разбился) и наблюденіе ночной температуры производилось только на восходѣ солнца.

[2]) Въ декабрѣ снѣжныхъ дней было—4 а въ январѣ—11.

[3]) Между тѣмъ въ иные годы, по словамъ монголовъ, здѣсь выпадетъ довольно большой снѣгъ. Впрочемъ, едва ли снѣгъ въ Тибетѣ можетъ быть глубокимъ, такъ какъ, въ подобномъ случаѣ, всѣ здѣшнія травоядныя животныя не могли бы доставать корму и неминуемо бы погибли.

[4]) Въ декабрѣ считалось 10 бурь, а въ январѣ—18.

Digitized by Google

грѣтые солнцемъ, въ свою очередь нагрѣвали атмосферу, проносясь по ней съ силою урагана.

Къ закату солнца буря обыкновенно стихала вдругъ, отрывисто, но пыль продолжала стоять въ воздухѣ; даже утромъ слѣдующаго дня, въ особенности, если ночью дулъ хотя слабый вѣтеръ, атмосфера была еще окрашена въ желто-сѣрый цвѣтъ.

Спутникамъ нашего путешествія въ сѣверномъ Тибетѣ былъ монголъ *Чутунъ-дзамба*, котораго мы наняли въ Цайдамѣ въ качествѣ проводника. Онъ былъ зангинъ, слѣдовательно чиновникъ, имѣлъ 58 лѣтъ отъ роду и ходилъ девять разъ въ Лассу проводникомъ каравановъ, такъ что отлично зналъ дорогу.

Дѣйствительно, Чутунъ-дзамба оказался однимъ изъ самыхъ толковыхъ людей всего Цайдама и сообщалъ намъ различныя интересныя свѣдѣнія о мѣстахъ, по которымъ мы проходили. По всему вѣроятію, отъ него можно бы было узнать гораздо болѣе, если бы нашъ казакъ-переводчикъ былъ поспособнѣе къ своему дѣлу.

Подобно всѣмъ другимъ монголамъ, Чутунъ-дзамба былъ страшный ханжа и свинья непомѣрная. Взобравшись на верховаго верблюда, онъ, въ теченіи цѣлаго перехода, неумолкая бормоталъ молитвы и ни за что не слѣзалъ, чтобы пройдти пѣшкомъ, хотя бы въ самый сильный холодъ, или даже на опасныхъ мѣстахъ, напр. при переходѣ по льду черезъ рѣчки, или при спускѣ съ горы. Съ перваго раза, въ это время можно было подумать, что нашъ проводникъ очень смѣлый человѣкъ, но, въ сущности, здѣсь только лѣнь пересиливала трусость.

Какъ вообще всѣ ханжи, Чутунъ-дзамба сильно берегъ свою шкуру и запасся на дорогу цѣлымъ мѣшкомъ различныхъ лекарствъ, которыя принималъ каждый день то отъ одной, то отъ другой воображаемой болѣзни; впрочемъ, онъ дѣйствительно нѣсколько разъ заболѣвалъ отъ излишняго обжорства мясомъ. Во время обѣда, нашъ монголъ ставилъ вокругъ себя, вмѣсто тарелокъ, широкіе круги мерзлаго помета дикихъ яковъ, и на эти круги клалъ горячіе куски вареной говядины, чтобы остудить ее. Отъ мокроты и тепла пометъ растаивалъ и прилипалъ къ мясу, но Чутунъ-дзамба даже не обтиралъ этотъ навозъ, а прямо ѣлъ съ нимъ говядину, словно со свѣжимъ салатомъ.

Послѣ обѣда, наѣвшись до нельзя, нашъ монголъ обыкновенно принимался рыгать во все горло и производить другіе неделикатные звуки, увѣряя, что теперь у него изъ живота выходитъ вѣтеръ, который надуло туда днемъ. Вечеръ, или вообще свободное время, Чутунъ-дзамба посвящалъ истребленію собственныхъ паразитовъ, населяв-

Digitized by Google

шихъ его шубу въ несмѣтномъ количествѣ. Усердіе Чутунъ-дзамбы въ подобной охотѣ было такъ велико, что, по собственному признанію, онъ ежедневно истреблялъ по полу сотни докучливыхъ насѣкомыхъ, но все таки не могъ, замѣтнымъ образомъ, уменьшить число своихъ враговъ.

Еще одною замѣчательною чертою нашего спутника была страсть, собирать и прятать въ свой мѣшокъ рѣшительно все, что мы выбрасывали. Старый кусокъ кожи, обломокъ жести, негодное стальное перо, лоскутокъ бумаги, разбитый пузырекъ, не говоря уже о пустыхъ гильзахъ патроновъ, — все это тотчасъ же попадало въ дорожную сумку Чутунъ-дзамбы, такъ что впослѣдствіи, во избѣжаніе подобныхъ собираній, мы украдкою бросали негодное для насъ.

Перейдя черезъ невысокій хребетъ Баянъ-хара-ула [1]), мы достигли наконецъ, 10-го января 1873 года, береговъ *Янъ-цзы-цяна*, или Голубой рѣки, которая, въ своемъ верхнемъ теченіи, называется монголами *Муръ-усу*, а тангутами *Ды-чу* [2]). Эта рѣка вытекаетъ изъ горъ *Танъ-ла* и, пройдя по высокому нагорью Сѣвернаго Тибета, стремится въ предѣлы Собственнаго Китая, гдѣ вскорѣ принимаетъ исполинскіе размѣры. Теченіе Муръ-усу очень быстрое; ширина этой рѣки, тамъ гдѣ мы ее видѣли, т. е. при впаденіи Напчитай-уланъ-мурени, 107 сажень; но если взять все пространство, покрытое галькою и занятое рукавами, то отъ одного берега до другаго около 800 сажень. По словамъ нашего проводника, лѣтомъ, въ періодъ дождей, все это пространство покрывается водою, которая иногда выходитъ даже изъ береговъ. Осенью вода спадаетъ, но и тогда перейдти Муръ-усу вбродъ возможно лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ [3]).

Долина описываемой рѣки имѣетъ не болѣе двухъ верстъ ширины; боковыя горы иногда съуживаютъ ея еще болѣе. Тибетская дорога направляется по Муръ-усу вверхъ на десять дней пути, т. е.

---

[1]) Перевалъ черезъ Баянъ-хара-ула очень пологъ и не высокъ; его даже можно совершенно избѣжать, направляясь по долинѣ р. Напчитай-уланъ-мурень, какъ мы то и сдѣлали. Между тѣмъ Гюкъ въ своей книгѣ описываетъ Баянъ-хара-ула, какъ громадный хребетъ, представляющій страшныя трудности для перехода черезъ него. Патеръ увѣряетъ, что онъ мѣстами принужденъ былъ уцѣпляться за хвостъ своей лошади и гнать ее впереди себя, чтобы взобраться на крутизну. Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet., T. II, p. 220—223.

[2]) Послѣднее названіе означаетъ «коровья рѣка», вѣроятно по обилію дикихъ яковъ; монгольское же имя въ переводѣ даетъ «рѣка — вода», такъ какъ слово «муръ» есть сокращенное «мурень», т. е. рѣка, а «усу» означаетъ вода.

[3]) Отъ устья р. Напчитай-уланъ-мурени первый бродъ находится въ 30 верстахъ вверхъ по Муръ-усу.

Digitized by Google

почти до самыхъ истоковъ описываемой рѣки изъ горъ Танъ-ла [1]). Населенія здѣсь также нѣтъ нигдѣ, за исключеніемъ одного стойбища тангутовъ, которые, въ числѣ до пяти сотъ человѣкъ, живутъ на берегахъ Муръ-усу, верстахъ въ полутораста выше устья Напчитай-уланъ-мурени. Внизъ отъ впаденія этой рѣки, верстахъ въ четырехъ стахъ, является довольно густое тангутское населеніе, занимающееся даже земледѣліемъ. По словамъ монголовъ, климатъ въ этой мѣстности теплый, такъ что высокое абсолютное поднятіе Сѣвернаго Тибета здѣсь, вѣроятно, спадаетъ на гораздо меньшую цифру.

Берега Голубой рѣки были предѣломъ нашихъ странствованій во Внутренней Азіи. Хотя до Лассы оставалось только 27 дней пути, т. е. около 800 верстъ, но попасть туда намъ было невозможно. Страшныя трудности Тибетской пустыни до того истомили вьючныхъ животныхъ, что изъ одиннадцати нашихъ верблюдовъ трое издохли, а остальные едва волочили ноги. При томъ наши матеріальныя средства такъ истощились, что за промѣномъ (на возвратномъ пути) въ Цайдамѣ нѣсколькихъ верблюдовъ, у насъ осталось всего пять ланъ денегъ, а впереди лежали цѣлыя тысячи верстъ пути. При такихъ условіяхъ, невозможно было рисковать уже добытыми результатами путешествія — и мы рѣшили идти обратно на Кукуноръ и въ Гань-су съ тѣмъ, чтобы провести здѣсь весну, а потомъ двинуться въ Ала-шань по старой, знакомой дорогѣ, гдѣ можно было обойдтись и безъ проводника.

Хотя такой возвратъ былъ рѣшенъ гораздо ранѣе, но все таки мы съ грустію покинули берега Янъ-цзы-цяна, зная, что не природа и не люди, но только одинъ недостатокъ средствъ помѣшалъ намъ пробраться до столицы Тибета.

---

[1]) Этою дорогою ходятъ всѣ караваны верблюдовъ, на якахъ можно пройти другимъ путемъ, не поднимаясь вверхъ по Муръ-усу, но здѣсь много высокихъ и крутыхъ хребтовъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Весна на озерѣ Куку-норѣ и въ горахъ Гань-су.

Раннее наступленіе весны въ Цайдамѣ. — Зимній видъ Куку-нора. — Поразительно бѣдный пролетъ птицъ. — Быстрое вскрытіе озера. — Переходъ отъ Куку-нора до Чейбсена. — Климатъ апрѣля. — Хайлыки и снѣжные грифы. — Роскошная жизнь горъ въ маѣ. — Ушастый фазанъ. — Сурокъ. — Медвѣдь. — Примѣняемость горныхъ растеній къ непостоянству климата.

Въ первой трети февраля мы окончили свои странствованія по пустынямъ Сѣвернаго Тибета и возвратились въ равнины Цайдама. Контрастъ климата между этими равнинами и высокимъ Тибетскимъ нагорьемъ былъ такъ великъ, что, спускаясь съ хребта Бурханъ-Будда, мы чуть не съ каждымъ шагомъ чувствовали, какъ дѣлалось теплѣе и погода становилась весеннею.

Впрочемъ, вліяніе болѣе теплыхъ равнинъ Цайдама на сосѣднія части Тибета обнаруживается даже до горъ Шуга; лишь только, на возвратномъ пути, мы перешли на сѣверную сторону этого хребта, какъ климатъ замѣтно смягчился. Правда, ночные морозы бывали въ —28,5° С., но днемъ солнце грѣло довольно сильно, такъ что 5-го февраля появились первыя насѣкомыя еще на тибетской сторонѣ горъ Бурханъ-Будда. При первоначальномъ слѣдованіи къ Муръ-усу, мы также имѣли до горъ Шуга хорошую и днемъ довольно теплую погоду; сильные холода и бури начались собственно съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли вышеназванный хребетъ и поднялись на высокое плато за рѣчкою Уянъ-харза.

Весна въ Цайдамѣ наступаетъ вообще очень рано и характеризуется въ тоже время своимъ крайне континентальнымъ характеромъ. Такъ, въ половинѣ февраля ночные морозы еще доходили до — 20,0° С., между тѣмъ какъ днемъ термометръ показывалъ иногда + 13,0° С. въ тѣни. На солнечномъ пригрѣвѣ ледъ вездѣ

Digitized by Google

таялъ и 10-го февраля явились первыя прилетныя птицы — *турпаны;* 13 числа прилетѣли *кряковныя утки* [1]), а на другой день показались *крахали* (Mergus Merganser), *краснозобые дрозды* (Turdus ruficollis) и *лебеди кликуны* (Cygnus musicus); по утрамъ слышались голоса мелкихъ пташекъ и токованье фазановъ — словомъ, весна чувствительно уже заявляла свои права.

Но всѣ эти знаменія благодатнаго времени сильно нарушались, періодически возвращавшимися холодами, иногда снѣгомъ [2]) и бурями. Послѣднія обыкновенно являлись съ запада и приносили тучи пыли, поднятой съ соляныхъ равнинъ; пыль эта продолжала стоять въ воздухѣ и послѣ бури, такъ что атмосфера была постоянно наполнена ею, какъ дымомъ.

Непрерывавшіеся ночные морозы и холодные вѣтры до того задерживали дальнѣйшій ходъ весенней жизни, что въ концѣ февраля общая физіономія Цайдама нисколько не измѣнилась противъ того, какою она была въ половинѣ этого мѣсяца. Хотя къ началу марта въ прилетѣ считалось уже 13 видовъ птицъ [3]), но онѣ являлись въ самомъ ограниченномъ количествѣ, часто даже единичными экземплярами. Какъ быстро должны были проноситься эти птицы отъ мѣста своей зимовки черезъ пустыни Сѣвернаго Тибета, гдѣ въ это время, день въ день, стоятъ страшные холода, нѣтъ ни корма, ни воды!

Въ началѣ марта мы пришли на берега Куку-нора и встрѣтили здѣсь еще меньшее пробужденіе природы, нежели въ Цайдамѣ, чуть не цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе. Озеро было сплошь замерзши и даже быстрый Бухайнъ-голъ только мѣстами очистился отъ льда, намерзшаго зимою до трехъ футовъ толщины; пролетныхъ птицъ было менѣе, нежели въ Цайдамѣ.

Причина климатической разницы двухъ описываемыхъ, сосѣднихъ другъ другу мѣстностей, т. е. Куку-нора и Цайдама, заключается: во-первыхъ, въ болѣе высокомъ абсолютномъ поднятіи куку-норскаго бассейна, сравнительно съ Цайдамомъ, а во-вторыхъ, во вліяніи огромной площади самаго озера на его окрестности. То и другое

---

[1]) Этотъ видъ частію зимуетъ въ Цайдамѣ на незамерзающихъ ключевыхъ болотахъ.

[2]) Во второй половинѣ февраля снѣгъ въ Цайдамѣ шелъ (хлопьями, а не сухою пылью, какъ въ Тибетѣ) 4 раза, и хотя покрывалъ землю, на дюймъ или два, но вскорѣ стаивалъ на солнцѣ.

[3]) Въ слѣдующемъ порядкѣ ихъ появленія: *Anas rutila, A. Boschas, Linota brevirostris, Mergus Merganser, Turdus rufficollis, Cygnus musicus, Anas Crecca, Vanellus cristatus, Ardea alba, Anser cinereus, Anas aquta, Anthus pratentis?* (изрѣдка зимуютъ въ Цайдамѣ), *Grus Virgo.*

Digitized by Google

дѣйствуетъ въ неблагопріятную сторону на столько сильно, что даже мѣстные жители замѣчаютъ бо́льшую суровость Куку-нора, сравнительно съ Цайдамомъ.

Рѣшившись пробыть на берегахъ Куку-нора до половины апрѣля, чтобы наблюдать пролетъ птицъ, мы выбрали для этой цѣли устье Бухайнъ-гола. Здѣсь мы поставили свою юрту, возлѣ небольшаго болота, вблизи рѣки и берега самаго озера; окрестности представляли степь, поросшую хорошею травою, доставлявшею кормъ нашимъ лошадямъ и верблюдамъ. Для послѣднихъ въ изобиліи имѣлся гуджиръ, а по Бухайнъ-голу росли кусты тамариска, столь любимаго этими животными.

Иную картину, нежели прошедшею осенью, представляло теперь озеро Куку-норъ. Ослѣпительно-бѣлая ледяная поверхность замѣнила темно-голубой цвѣтъ его соленыхъ водъ и, словно исполинское зеркало, лежало скованное озеро въ темной рамкѣ окрестныхъ горъ и степей. Ни полыней, ни торосовъ, не было видно на громадной ледяной площади, гладкой какъ полъ, и лишь немного засыпанной снѣгомъ. Тамъ же, гдѣ ледъ не былъ накрытъ такою скатертію, онъ блестѣлъ на солнцѣ прихотливыми переливами, и обманчиво представлялъ издали незамерзшую воду.

Береговыя степи отливали желтоватымъ цвѣтомъ изсохшей травы, часто совершенно выбитой хуланами, дзеренами и тангутскимъ скотомъ. Монотонность общей картины здѣсь нарушалась только миражами, которые являлись очень часто и иногда бывали до того сильны, что на большія разстоянія трудно было стрѣлять изъ штуцера дзереновъ или хулановъ: звѣри казались плавающими въ воздухѣ и вдвое бо́льшаго роста.

Устроившись своею стоянкою, вблизи которой, по счастію, не было ни монголовъ, ни тангутовъ, мы начали каждодневныя экскурсіи по берегу Куку-нора и по Бухайнъ-голу. Но, увы! день за днемъ проходилъ въ напрасномъ ожиданіи дружнаго прилета птицъ; онѣ появлялись въ самомъ ограниченномъ числѣ видовъ и въ скудномъ количествѣ экземпляровъ. Бродя день въ день по берегу рѣки и озера, мы иногда не могли настрѣлять даже на собственное продовольствіе, а въ коллекцію попадали очень немногіе экземпляры. При томъ, всю первую половину марта, погода продолжала стоять по прежнему холодная, часто шелъ снѣгъ [1]) и поднимались бури.

---

[1]) Снѣгъ въ первой половинѣ марта шелъ 7 разъ; во второй половинѣ описываемаго мѣсяца снѣга или дождя вовсе не было.

Digitized by Google

Гораздо добычливѣе, нежели охота, была рыбная ловля, которую мы иногда производили въ заливахъ Бухайнъ-гола. Хотя здѣсь вездѣ встрѣчался только одинъ видъ рыбы—*Schizopygopsis nov. sp.*, но за то въ такомъ количествѣ, что однажды своимъ трехсаженнымъ бреднемъ мы вытащили 136 рыбъ, каждая фута въ два длины и вѣсомъ около трехъ фунтовъ. Пойманная рыба, вмѣстѣ съ птицами и дзеренами, служила нашимъ единственнымъ продовольствіемъ. Однако икра этой рыбы оказалась очень вредною; когда мы въ первый разъ поѣли этой икры, то со всѣми нами сдѣлалось ночью рвота, сопровождаемая сильною диссентеріею и болью живота. По счастію, монголъ, находившійся у насъ въ услуженіи, не ѣлъ икры, такъ что онъ могъ развести огонь, на которомъ мы дѣлали себѣ припарки; въ дорожной аптекѣ нашлись хорошія противо-холерныя капли, и съ помощію этихъ средствъ мы оправились на слѣдующій же день.

Со второй половины марта погода сдѣлалась теплѣе. 17 числа этого мѣсяца низовья Бухайнъ-гола совершенно очистились отъ льда, но забереговъ на озерѣ еще не было, за исключеніемъ лишь небольшихъ полыней при устьяхъ рѣчекъ. Ледъ таялъ равномѣрно отъ солнечныхъ лучей и наконецъ до того размягчился, что его сразу взломало бурею 25 марта. На другой день, по озеру вездѣ видны были огромныя полыньи и цѣлыя горы торосовъ, нагроможденныхъ частію на берега, частію на нетронувшійся еще ледъ. Дѣло очищенія озера шло очень быстро, такъ что черезъ недѣлю оно было уже совершенно свободно отъ льда, который согнало вѣтромъ въ заливы западной стороны Куку-нора, частію же разбросало по его берегамъ.

Съ наступленіемъ болѣе теплой погоды днемъ, ночные морозы продолжали стоять по прежнему и доходили до —12,3° С.; послѣ заката солнца температура падала очень быстро и также быстро повышалась утромъ, въ ясную, тихую погоду. Вѣтры, въ теченіи всего мѣсяца, дули почти каждый день и притомъ въ двухъ главныхъ направленіяхъ: восточномъ и западномъ. Первые всегда были слабые и приносили (на западный берегъ) холодъ съ озера; послѣдніе же, т. е. западные вѣтры, хотя являлись теплыми, но за то иногда достигали силы бури [1]), наполнявшей воздухъ тучами пыли; эта пыль, подобно тому какъ и въ Цайдамѣ, постоянно стояла въ воздухѣ.

---

[1]) Всего въ теченіи марта на Куку-норѣ было 6 бурь, но онѣ не достигали такой силы какъ въ Тибетѣ, или даже въ юго-восточной Монголіи.

Digitized by Google

Во второй половинѣ марта пролетъ птицъ былъ также чрезвычайно бѣдный. Хотя къ 1 апрѣля въ прилетѣ состояло 39 видовъ (вмѣстѣ съ цайдамскими) [1]), но всѣ они являлись въ самомъ ограниченномъ количествѣ, такъ что за весь мартъ, слѣдовательно въ пору валоваго пролета, мы не видали ни одного большаго стада гусей, утокъ, или какихъ либо другихъ птицъ. Берега рѣки и озера оживлялись весьма мало и нигдѣ не было видно суматохи весенняго пролета. Утро и вечеръ наступали обыкновенно тихо и мертво, какъ зимою. Лишь изрѣдка слышался голосъ турпана, гоготанье гусей, крикъ чаекъ, или кряканье одинокой утки; только большой жаворонокъ (Melanocorypha maxima) нѣсколько оживлялъ своимъ громкимъ пѣніемъ безмолвные берега Куку-нора....

Вообще весна на этомъ озерѣ не оправдала нашихъ ожиданій и мы далеко не нашли здѣсь того количества птицъ, какое встрѣтили два года тому назадъ на оз. Далай-норѣ. По всему вѣроятію, пролетныя стада облетаютъ высокій Куку-норъ, направляясь къ сѣверу восточнѣе (а частію вѣроятно и западнѣе) этого озера, по долинѣ Хуанъ-хэ и по Собственному Китаю. Такой путь для птицъ несравненно удобнѣе, такъ какъ онѣ избѣгаютъ высокихъ горъ Гань-су и песковъ Ала-шаня. Подтвержденіемъ подобному мнѣнію можетъ служить то явленіе, что нѣкоторые виды, какъ напр.: *Anser cygnoides*, *A. segetum*, *Anas falcata*, *Ardea cinerea*, *Fulica atra* и др., вовсе незамѣченные на Куку-норѣ, тѣмъ не менѣе найдены были нами на сѣверномъ изгибѣ Хуанъ-хэ.

Крайняя бѣдность пролетныхъ птицъ на Куку-норѣ принудила насъ измѣнить прежнее рѣшеніе пробыть на берегахъ этого озера до половины апрѣля. 1 числа названнаго мѣсяца мы покинули свою стоянку на устьѣ Бухайнъ-гола и направились въ кумирню Чейбсенъ тою же самою дорогою, по которой шли осенью. Правда, теперь былъ открытъ другой путь [2]), несравненно болѣе удобный, черезъ г. Донкыръ, но мы прежними опытами знали, на сколько пріятно путешествовать среди китайскаго населенія, а потому рѣши-

---

[1]) Собственно въ мартѣ прилетѣло на Куку-норъ 26 видовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: съ 1—10 числа: *Accentor rubeculoides, Cinclus caschemiriensis, Cygnus Olor, Fuligula Clangula, Larus Ichtyaëtos, L. ridibundus, Anser indicus, Fuligula cristata' Milvus govinda.* Съ 10—20 марта появились: *Phalacrocorax Carbo, Anas tadorna A. clypeata, Numenius sp., Fuligula ferina, Recurvirostra Avocetta, Grus cinerea* Съ 20 марта—1 апрѣля: *Anas Penelope, Limosa melanuroides? Totanus calidris, Eudromias sp., Haliaëtos Macei, Circus rufus, Motacilla sp., Scolopax Gallinago, Coturnix muta, Grus sp.*

[2]) Послѣ взятія отъ дунганъ китайскими войсками городовъ Синина и Сэнъ-гуаня.

Digitized by Google

лись лучше испытать вновь всѣ трудности горной дороги, нежели идти мѣстами густо населенными.

Во время мѣсячной стоянки на устьѣ Бухайнъ-гола, мы окончательно снарядили свой караванъ для дальнѣйшаго пути. Войлочная юрта, которую мы имѣли съ прошлой осени, была промѣняна монголамъ на нѣсколько верблюжьихъ сѣделъ, крайне для насъ необходимыхъ. Затѣмъ, еще по возвращеніи въ Цайдамъ, болѣе половины нашихъ верблюдовъ негодились на дальнѣйшій путь, и хотя мы успѣли промѣнять тангутамъ своихъ усталыхъ животныхъ, но послѣ такого промѣна у насъ осталось всего пять ланъ денегъ. Между тѣмъ, необходимо было пріобрѣсти еще трехъ новыхъ верблюдовъ, въ замѣнъ погибшихъ въ Тибетѣ. Тогда мы рѣшились прибѣгнуть къ самому крайнему средству, именно къ продажѣ нѣсколькихъ револьверовъ тангутскимъ и монгольскимъ чиновникамъ. Изъ двѣнадцати, бывшихъ у насъ въ то время на лицо револьверовъ, мы промѣняли три на трехъ хорошихъ верблюдовъ; сверхъ того, два револьвера были проданы за 65 ланъ, и этими деньгами мы обезпечили себѣ возможность пробыть три весеннихъ мѣсяца на Куку-норѣ и въ Гань-су.

Какъ бы то ни было, но мы вновь удачно сформировали свой караванъ, и 1-го апрѣля двинулись отъ Куку-нора въ Чейбсенъ.

Съ первымъ шагомъ въ горы Гань-су, климатъ и природа измѣнились чрезвычайно рѣзко. Сухость воздуха замѣнилась ежедневнымъ снѣгомъ, а почва, какъ и прошедшею осенью, была пропитана водою, словно губка. Весеннее пробужденіе растительности, показавшееся на берегахъ Куку-нора въ послѣдніе дни марта, въ горахъ вовсе не было замѣтно; ручьи и рѣчки здѣсь все еще были покрыты льдомъ, а по ночамъ стояли порядочные морозы [1]). Прилетныхъ птицъ было немного, даже менѣе чѣмъ на Куку-норѣ, такъ какъ валовой прилетъ пташекъ еще не начался, и только изрѣдка показывались единичные экземпляры. Словомъ, физіономія горъ Гань-су, въ началѣ апрѣля, ничуть не измѣнилась противъ того, какою нашли мы ее прошедшею осенью въ половинѣ октября.

Путь по горнымъ тропинкамъ представлялъ теперь трудности еще бо́льшія, нежели въ прошедшемъ году, такъ какъ почва, замершая во время ночи, днемъ оттаивала и дѣлалась очень скользкою для верблюдовъ; при томъ, выпадавшій почти ежедневно снѣгъ, также таялъ на солнцѣ и еще болѣе размачивалъ грязь. Нерастаявшій зимній снѣгъ виднѣлся только кой-гдѣ на самыхъ высокихъ вершинахъ, и то лишь

[1]) Ночные морозы въ первой половинѣ апрѣля доходили до — 10,0° С.

Digitized by Google

на сѣверныхъ склонахъ горъ [1]). Вслѣдствіе большой сырости, всѣ наши вьюки сдѣлались гораздо тяжелѣе и, такимъ образомъ, непроизводительно обременяли вьючныхъ верблюдовъ. Эти послѣдніе принуждены были по ночамъ лежать на мокрой землѣ, иногда чуть не прямо въ лужахъ воды, а черезъ это вскорѣ начали кашлять и худѣть. Мы сами должны были постоянно идти пѣшкомъ, такъ какъ неподкованныя лошади безпрестанно падали на скользкихъ горныхъ тропинкахъ. Между тѣмъ, наши сапоги-самодѣлки, съ подшитыми къ старымъ голенищамъ кусками яковой шкуры, представляли собою совершенное подобіе верблюжьихъ лапъ и не лучше ихъ были пригодны для ходьбы по грязи и по горамъ. Въ дополніе ко всему этому, пришлось два раза переправляться черезъ Тэтунгъ-голъ: въ первый разъ по осѣвшему на дно зимнему льду, а вторично, прямо въ бродъ глубиною фута четыре. Теченіе рѣки здѣсь было очень быстро и дно усѣяно огромными валунами; поскользнись на такой переправѣ верблюдъ, и онъ навѣрное бы погибъ, вмѣстѣ со вьюкомъ коллекцій. Ко всѣмъ прежнимъ работамъ теперь присоединилась съемка, которую я началъ дѣлать на обратномъ пути отъ береговъ Голубой рѣки. При первоначальномъ слѣдованіи туда, я не дѣлалъ карты, чтобы не возбудить подозрѣнія проводниковъ.

Хотя дунганскихъ шаекъ теперь уже не было въ горахъ, по которымъ лежалъ нашъ путь, но за то мы легко могли имѣть не особенно пріятную встрѣчу съ китайскими солдатами, что и дѣйствительно вскорѣ случилось. Отрядъ хотановъ, шедшій изъ Сэнъ-гуаня въ г. Тэтунгъ, встрѣтился съ нами на томъ мѣстѣ, гдѣ въ прошедшемъ году насъ покушались аттаковать дунганы. Мы показали начальнику отряда свой пекинскій паспортъ и, пока возились съ этимъ дѣломъ, солдаты украли у насъ изъ сѣдельныхъ кобуръ револьверъ. Тогда мы энергически протестовали противъ такого грабежа и хотя объяснялись пантоминами, но китайскій офицеръ понялъ, что мы хотимъ жаловаться на него въ Пекинѣ, и приказалъ возвратить украденную вещь. Затѣмъ онъ самъ попросилъ у насъ пороху и, получивъ нѣсколько десятковъ зарядовъ, остался крайне доволенъ, такъ что мы разстались дружелюбно.

15-го апрѣля мы пришли въ Чейбсенъ и, пробывъ два дня въ этой кумирнѣ, отправились въ тѣ самыя горы возлѣ кумирни Чертынтонъ, въ которыхъ провели прошедшее лѣто.

---

[1]) Причина такого малоснѣжія горъ Гань-су, даже въ раннюю весну, заключается въ томъ, что снѣгъ зимою здѣсь выпадаетъ въ небольшомъ количествѣ, и рано начинаетъ таять на солнцѣ, которое, въ тихіе, ясные дни, не только въ мартѣ, но даже въ февралѣ, грѣетъ здѣсь довольно сильно.

Digitized by Google

Между тѣмъ, съ половины апрѣля дѣло весны повернуло въ лучшую сторону: 9-го числа показались первыя бабочки, а 11-го я нашелъ первый цвѣтокъ—*Ficaria sp.* По выжженнымъ мѣстамъ, въ особенности на южныхъ склонахъ горъ, начала пробиваться зелень, прилетъ мелкихъ пташекъ усилился въ значительной степени, а возлѣ Чейбсена мы нашли уже вспаханныя поля и мѣстами засѣянный хлѣбъ (ячмень, пшеницу), который отчасти взошелъ. Ко всему этому прибавилась даже гроза (14 апрѣля)[1]), правда, съ сильною мятелью, но все же раскаты грома напоминали о томъ, что наконецъ наступаетъ такъ долго ожидаемая весна. Впрочемъ, развитіе растительности шло очень медленно, задерживаясь постоянными ночными морозами, доходившими даже въ послѣдней трети апрѣля до — 9,4° С. Хотя къ 1-му мая имѣлось 12 видовъ цвѣтовъ, но всѣ они являлись обыкновенно въ самомъ незначительномъ количествѣ, часто поодиночкѣ, гдѣ нибудь подъ защитою камня, или куста, отъ морозовъ, снѣга и вѣтровъ. Послѣдніе, т. е. вѣтры и снѣга, господствовали въ теченіи всего апрѣля; дождя не было ни разу, а снѣжныхъ дней считалось семьнадцать[2]). Вѣтры дули почти каждый день и ночь; хотя между ними преобладали два направленія—восточное и западное, но вообще эти вѣтры были очень непостоянны, измѣнялись по нѣсколько разъ въ сутки и изрѣдка достигали, порывами, силы бури. Во время сильнаго вѣтра и послѣ него, воздухъ былъ наполненъ пылью, принесенною, вѣроятно, изъ сосѣднихъ пустынь.

Не смотря на обиліе атмосферныхъ осадковъ и на то, что почва была сильно насыщена влагою, воды въ горныхъ рѣчкахъ теперь было несравненно меньше, нежели лѣтомъ, а многіе ручьи даже совершенно пересохли; въ тоже время и психрометръ показывалъ значительную сухость воздуха въ тѣ дни, когда не шло снѣга или дождя. Причина перваго явленія, вѣроятно, заключалась въ томъ, что, вымороженная зимними холодами, почва много впитывала въ себя выпадающей влаги; сухость же воздуха въ ясные дни зависѣла отъ дѣйствія сосѣднихъ пустынь, гдѣ въ это время сухость атмосферы достигаетъ крайнихъ предѣловъ.

Хорошихъ весеннихъ дней, въ теченіи всего описываемаго мѣсяца, не было почти ни одного. Правда, иногда до полудня стояло ясно и тепло, но затѣмъ къ вечеру опять начинался вѣтеръ, или снѣгъ и температура падала очень быстро. Наибольшее тепло, наблюдав-

[1]) Гроза въ теченіи апрѣля была всего одна.

[2]) Такое число разъ снѣгъ падалъ возлѣ насъ; по сторонамъ же горизонта, онъ шелъ, урывками, почти каждый день.

Digitized by Google

шееся въ апрѣлѣ днемъ, случилось 12 числа этого мѣсяца и равнялось +20,4° С. въ тѣни; тогда какъ въ прошедшемъ году, въ долинѣ Хуанъ-хэ, maximum температуры апрѣля былъ +31,0° С. Даже въ юго-восточной окраинѣ Монголіи, вблизи Калгана, наибольшее тепло въ апрѣлѣ, по наблюденіямъ 1871 года, достигало +26,3° С.

Такимъ образомъ, весна въ Гань-су также холодна и обильна водяными осадками, какъ лѣто и осень. Вообще, въ теченіи цѣлаго года здѣсь не бываетъ (по крайней мѣрѣ въ горной области) ни одного полнаго мѣсяца хорошей погоды, какую мы привыкли встрѣчать въ другихъ странахъ. Весна характеризуется снѣгами, лѣто—проливными дождями, осень – опять снѣгами, а зима—сильными морозами и вѣтрами, хотя небо въ это время года бываетъ обыкновенно яснымъ.

Направившись изъ Чейбсена въ горы по южную сторону Тэтунгъ-гола, мы провели послѣднюю треть апрѣля въ альпійской области, которая въ это время была еще весьма мало оживлена. Правда, стада мелкихъ пташекъ, валовой прилетъ которыхъ происходилъ въ концѣ апрѣля, изрѣдка присѣдали здѣсь на лугахъ, или возлѣ скалъ, но постоянныхъ жильцовъ еще не было видно; они держались пока въ долинахъ болѣе низкихъ и слѣдовательно болѣе теплыхъ. Растительная жизнь только что начинала пробуждаться и изъ цвѣтовъ попадались лишь *Ficaria sp.* и *Primula sp.* Встрѣчая ихъ по горнымъ лугамъ, иногда возлѣ нерастаявшихъ пластовъ зимняго снѣга, мы всегда удивлялись: на сколько можетъ примѣняться организація растенія къ неблагопріятнымъ условіямъ климата. Я видалъ не только въ альпійской области, но даже въ болѣе низкихъ горныхъ долинахъ цвѣты (*Primula*, *Gentiana*, *Iris* и др.), не гибнувшіе ни отъ мороза въ —9,0° С., ни отъ глубокаго снѣга, которымъ они были засыпаны ночью. Днемъ, лишь только проглядывало солнце, эти дѣти весны красовались по прежнему, словно спѣша насладиться жизнію и благотворнымъ тепломъ, которое, спустя немного, опять должно было замѣниться морозомъ или мятелью.

За неимѣніемъ лѣтнихъ обитателей, характерными птицами верхняго пояса альпійской области горъ, кромѣ клушицъ и стѣнолазовъ, являлись теперь скалистыя куропатки или *хайлыки* (Megaloperdix thibetanus) и *снѣжные грифы* (Gyps nivicola).

Первая изъ этихъ птицъ нигдѣ не встрѣчается въ Монголіи, но отъ горъ Гань-су распространяется черезъ Куку-норъ въ Тибетъ. Исключительнымъ мѣстопребываніемъ хайлыка служатъ дикія скалы и розсыпи, выше 10,000 фут. абсолютной высоты; ниже та-

Digitized by Google

кого предѣла эта птица не спускается. Чѣмъ неприступнѣе скалы, чѣмъ обширнѣе каменныя розсыпи, тѣмъ, кажется, привольнѣе онѣ для скалистой куропатки, которая по своей величинѣ равняется самкѣ глухаря.

Весною хайлыки держатся парами, а въ остальное время года выводками, или небольшими обществами отъ 10—15 экземпляровъ; въ большія стада онѣ никогда не соединяются.

По своему нраву хайлыкъ веселая птица; его громкій голосъ слышится почти цѣлый день и сильно оживляетъ безмолвіе угрюмыхъ скалъ альпійскаго пояса. Этотъ голосъ много походитъ на крикъ курицы; кромѣ того, сюда присоединяется иногда протяжный свистъ и еще особые отрывистые звуки, которые птица издаетъ всего чаще на лету. Впрочемъ, описываемая куропатка, подобно всѣмъ куринымъ, не охотница летать, но за то великая мастерица бѣгать; пѣшкомъ хайлыки часто уходятъ отъ охотника, который не имѣетъ возможности быстро слѣдовать за птицами по отвѣснымъ скатамъ и громаднымъ розсыпямъ. При этомъ слѣдуетъ еще упомянуть, что хотя хайлыкъ почти вовсе не преслѣдуется мѣстными охотниками, но онъ вообще остороженъ и убить его довольно трудно, тѣмъ болѣе, что эта птица чрезвычайно выносчива на рану. Трудности охоты увеличиваются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что скалистая куропатка, имѣя на себѣ сѣрое опереніе, вовсе незамѣтна въ розсыпяхъ, если только она приляжетъ между камнями.

Раннимъ утромъ и передъ вечеромъ хайлыки вылетаютъ на луга между скалами, или розсыпями и кормятся здѣсь, исключительно, растительною пищею; насѣкомыхъ я ни разу не находилъ въ зобахъ убиваемыхъ птицъ, которыя лѣтомъ всего болѣе ѣдятъ головки желтаго лука, въ изобиліи растущаго по альпійскимъ лугамъ. Въ выводкахъ хайлыковъ встрѣчается отъ 5—10 экземпляровъ молодыхъ, которыхъ заботливо водитъ и охраняетъ старая пара. Въ случаѣ опасности, въ особенности когда молодые еще малы, самецъ и самка бѣгаютъ въ двадцати шагахъ отъ охотника и притворяются больными, или ранеными, подобно нашимъ куропаткамъ. Кромѣ выводковъ, лѣтомъ часто встрѣчаются и холостыя пары, яйца которыхъ, вѣроятно, погибли отъ мороза. Несомнѣнно, что такое обстоятельство случается довольно часто, чѣмъ и можно объяснить не особенное обиліе хайлыковъ въ горахъ Ганьсу, равно какъ и въ хребтахъ Сѣвернаго Тибета.

Другою характерною птицею альпійскаго пояса горъ Гань-су служитъ *снѣжный грифъ* (Gyps nivicola) [1]), который по образу

[1]) Черный грифъ (Vultur monachus?) въ горахъ Гань-су встрѣчается лишь изрѣдка.

Digitized by Google

жизни и нравамъ походитъ на остальныхъ своихъ собратій: могучій летъ и обжорство составляютъ характеристическіе признаки описываемой птицы.

Позднимъ утромъ, когда уже порядочно обогрѣетъ солнце, снѣжные грифы поднимаются съ своихъ ночлеговъ, выбираемыхъ всегда на недоступныхъ скалахъ[1]), и летятъ сначала низко вдоль гребней горъ, но потомъ поднимаются кругами въ необъятную высь. Случалось, что наша палатка стояла на высотѣ 12 тыс. фут. и я слѣдилъ въ хорошій бинокль за улетавшими вверхъ грифами, которые наконецъ совершенно скрывались даже отъ вооруженнаго глаза. На какую же высоту взлетаетъ тогда эта птица, имѣющая почти десять футовъ въ размахѣ крыльевъ! Тѣмъ не менѣе, для поразительно зоркаго глаза грифа возможно различать до мелочей все, что творится на землѣ. Вотъ видитъ онъ, что стая воронов и коршуновъ копошится въ долинѣ возлѣ падали; тогда грифъ подтягиваетъ крылья, предоставляетъ тѣло собственной тяжести и, словно камень, падаетъ, немного наискось, изъ подъ облаковъ къ землѣ. Быстрота такого паденія страшная, даже слышенъ особый шумъ, но птица очень ловко разсчитываетъ свои движенія; недолетая немного до земли, грифъ распускаетъ могучія крылья и тихо садится къ падали. Другіе грифы, носившіеся также въ облакахъ, замѣтивъ маневръ своего товарища, уже знаютъ въ чемъ дѣло и подобно ему, камнями падаютъ на землю, такъ что вскорѣ возлѣ трупа собираются десятки огромныхъ птицъ, присутствія которыхъ до сихъ поръ и не подозрѣваешь[2]). На падали начинаются ссоры, при чемъ грифы распускаютъ крылья и съ угрожающимъ видомъ подступаютъ другъ къ другу; однако дѣло никогда не доходитъ до серьезной драки. Если издохшее животное еще цѣло, то грифы прежде всего пожираютъ внутренности и кишки, а затѣмъ уже приступаютъ къ мясу. Наѣвшись до невозможности, грифы отходятъ въ сторону и смотрятъ на пиръ вновь прибывающихъ собратій. Меньшіе хищники—коршуны, вороны, сороки не смѣютъ теперь подступиться къ лакомой поживѣ и, сидя по сторонамъ, съ нетерпѣніемъ ждутъ пока наѣдятся и улетятъ великаны. Послѣдніе тяжело поднявшись, отправляются на ближайшія скалы и совершаютъ тамъ пищевареніе.

[1]) Одно и то же мѣсто служитъ описываемому грифу, равно какъ и другой его роднѣ, мѣстомъ ночлега въ теченіи продолжительнаго времени; подобное ночлежное пристанище можно всегда замѣтить издали по обилію бѣлаго помета на скалѣ.

[2]) Подобную же картину описываетъ Брэмъ у африканскихъ грифовъ. Жизнь животныхъ. Т. III, стр. 562—564.

Digitized by Google

Снѣжныхъ грифовъ въ Гань-су очень много, такъ что насъ всегда удивляло, гдѣ эти птицы могутъ найдти для себя столько пищи, тѣмъ болѣе что монголы, тангуты и китайцы часто сами ѣдятъ падаль, такъ что отъ домашняго скота для грифовъ мало бываетъ поживы. Притомъ же лѣтомъ, когда почти постоянно идутъ дожди и горы закутаны облаками, крайне трудно, а часто совсѣмъ невозможно, замѣтить издали желаемую добычу. Вѣроятно, въ это время снѣжные грифы посѣщаютъ весьма отдаленныя мѣстности, гдѣ стоитъ лучшая погода. Пролетѣть нѣсколько сотъ верстъ ничего не значитъ для этой сильной птицы, которая, почти безъ взмаха крыльевъ, цѣлый день плаваетъ подъ облаками.

Обжорство снѣжныхъ грифовъ такъ велико, что не смотря на всю свою осторожность, они возвращаются на падаль даже послѣ сдѣланныхъ по нимъ выстрѣловъ.

Крѣпость птицы на рану невообразимая: мы съ товарищемъ однажды двѣнадцать разъ стрѣляли картечью, не далѣе какъ на пятьдесятъ шаговъ, прилетавшихъ на падаль грифовъ, и не убили ни одного изъ нихъ.

Тѣмъ не менѣе описываемыхъ птицъ не трудно бить пулями изъ засадки, на приманкѣ. Только засадку слѣдуетъ устроить какъ можно скрытнѣе; всего лучше для этой цѣли выбрать небольшую пещеру и задѣлать ея входъ кустами. Приманкою можетъ служить всякое убитое, или издохшее животное, а за неимѣніемъ его можно класть кишки и прочія внутренности на свѣже-ободранную шкуру. Приманку необходимо положить шагахъ въ семидесяти и даже болѣе отъ засадки; на такое разстояніе въ сидячаго грифа очень легко попасть пулею, а между тѣмъ охотнику можно, не боясь шуму, свободно поворачиваться и даже скрытно кашлянуть. Идти въ засадку слѣдуетъ не ранѣе восьми, или девяти часовъ утра, такъ какъ грифы только въ это время слетаютъ съ своихъ ночлеговъ. Притомъ засадку всего лучше устроивать въ альпійской области горъ, гдѣ грифы скорѣе идутъ на приманку; въ низкія долины эти осторожныя птицы спускаются неохотно и иногда, видя близость жилья, вовсе отказываются отъ падали.

Охота за снѣжными грифами на приманку полна интереса. Лишь только бывало заберешься въ засадку, какъ уже прилетаютъ коршуны, долго и низко кружатъ надъ положеннымъ мясомъ, но, подозрѣвая ловушку, улетаютъ прочь. Взамѣнъ ихъ являются сороки и вороны, каркаютъ, ходятъ въ припрыжку кругомъ лакомыхъ кусковъ, но не рѣшаются тронуть. Отлетѣвъ немного въ сторону, они снова возвращаются къ приманкѣ и нѣсколько разъ

Digitized by Google

повторяютъ этотъ маневръ. Наконецъ, какая нибудь смѣлая сорока рѣшится урвать кусокъ мяса, но, сама испугавшись своей храбрости, поспѣшно улетаетъ въ сторону. Однако первый опытъ манитъ другихъ, и вотъ воронъ, сидѣвшій въ нѣсколькихъ шагахъ поодаль, идетъ покачиваясь къ мясу, остановится на минуту возлѣ него, наконецъ клюнетъ и съѣстъ кусокъ. Тотда сороки начинаютъ уже смѣло клевать, ободренные коршуны слетаются со всѣхъ сторонъ и на приманкѣ начинается пиръ горою—шумъ, драка, писк.

Изъ засадки смотришь на все это въ тихомолку и съ нетерпѣніемъ ждешь появленія желанной птицы, т. е. снѣжнаго грифа. Но вотъ раздается дребезжащій шумъ и по немъ догадываешься, что прилетѣлъ ягнятникъ. Дѣйствительно, тотчасъ показывается эта красивая птица, облетитъ нѣсколько разъ, очень низко, кругомъ приманки и сядетъ на ближайшую скалу. Но грифовъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Быть можетъ они уже замѣтили пиръ на выложенномъ мясѣ и высоко кружатся въ облакахъ, но изъ засадки не видно вверхъ. Такъ проходитъ еще добрый часъ времени; наконецъ, вдругъ слышится тяжелое хлопанье крыльевъ и снѣжный грифъ садится неподалеку на скалу. Лихорадочная дрожь овладѣваетъ охотникомъ; боишься пошевелиться, чтобы не спугнуть осторожной птицы, которая вскорѣ слетаетъ къ приманкѣ. Посидѣвъ въ нѣсколькихъ шагахъ поодаль отъ нея, грифъ идетъ къ мясу, переваливаясь съ боку на бокъ, а иногда и въ припрыжку. Мигомъ вся пировавшая сволочь разлетается въ стороны и уступаетъ мѣсто великану; одинъ только воронъ остается на противоположномъ концѣ приманки, но и онъ теперь ведетъ себя крайне почтительно. Съ жадностію начинаетъ голодный грифъ глотать кишки, или куски мяса, но въ это время гремитъ выстрѣлъ и, пробитая пулею, птица падаетъ мертвою на мѣстѣ.

Если же обождать стрѣлять, то за первымъ, осторожно прилетѣвшимъ грифомъ, вскорѣ являются другіе, которые уже прямо садятся къ мясу. Иногда на большой падали собирается нѣсколько десятковъ этихъ птицъ, такъ что, при удачномъ выстрѣлѣ, одною пулею можно убить двухъ грифовъ.

Большіе снѣга, часто выпадавшіе въ альпійской области, принудили насъ перекочевать отсюда, въ концѣ апрѣля, въ средній лѣсной поясъ горъ. Отсюда мой товарищъ съ однимъ изъ казаковъ отправились въ кумирню Чертынтонъ, чтобы привезти оставленныя тамъ прошедшею осенью коллекціи и кой какія вещи. Въ числѣ послѣднихъ у меня была пара сапогъ, которымъ я крайне обрадовался, такъ какъ могъ ходить въ нихъ по горамъ несравненно удоб-

Digitized by Google

нѣе, нежели въ скользкихъ самодѣлкахъ. Кромѣ того, въ прошедшемъ году мы нарочно оставили въ своихъ вещахъ фунтовъ пять или шесть сахару, казавшагося намъ теперь великою роскошью, при полномъ лишеніи всего европейскаго; наконецъ, мы купили у тангутовъ яка и были обезпечены продовольствіемъ на значительное время.

Лучшій изъ всѣхъ мѣсяцевъ въ году — май, даже въ Гань-су начался совершенно по весеннему. Снѣга, падавшіе въ теченіи всего апрѣля, теперь окончились [1]) и замѣнились дождями, которые шли довольно часто, но были вообще непродолжительны. Хотя по ночамъ все еще стояли небольшіе морозы, но днемъ солнце грѣло сильно [2]) и быстро вызывало растительную жизнь. Къ 15-му числу описываемаго мѣсяца деревья въ среднемъ поясѣ горъ распустились уже на половину, а въ нижнемъ — листья на нихъ развернулись совершенно. Ярко блестѣла на солнцѣ молодая зелень; многіе кустарники покрылись цвѣтами, которые также щедро разсыпались и среди травянистыхъ растеній. Въ густыхъ зарослях по берегамъ горныхъ рѣчекъ теперь зацвѣли: шиповникъ, вишня, смородина, кружевникъ, жимолость и барбарисъ съ красивыми желтыми кистями цвѣтовъ; сюда присоединилась великолѣпно пахучая Daphne altaica?, а по открытымъ горнымъ склонамъ—боярка и желтая карагана. Изъ травъ въ лѣсахъ показались цвѣтущіе анемоны, фіалки, піоны и сплошными массами земляника; по горнымъ долинамъ стали красоваться: касатикъ, первоцвѣтъ, одуваньчикъ и лапчатка, а по открытымъ склонамъ горъ—камнеломка, сухоребрица, Polygonatum roseum, Thermopsis sp., Podophyllum sp. и др

Животная жизнь также явилась въ полной энергіи, въ особенности между пернатыми обитателями горныхъ лѣсовъ. Голоса различныхъ пѣвуновъ сливались здѣсь въ одинъ концертъ, непередаваемо дополнявшій общую картину весенней жизни природы. Великолѣпныя пѣсни дроздовъ, громкій свистъ сродныхъ имъ Pterorhinus Davidii и Trochalopteron sp., кукованье кукушекъ, крикъ фазановъ и разнообразное пѣніе мелкихъ пташекъ — все это слышалось почти неумолкаемо цѣлые дни. Даже ночью, въ тихую ясную погоду, часто раздавалось пѣніе то той, то другой пташки, нетерпѣливо дожидавшейся разсвѣта. Словомъ, жизнь вездѣ била ключемъ, послѣ долгаго зимняго застоя.

Охотничьи экскурсіи доставляли намъ ежедневно много самыхъ

[1]) По крайней мѣрѣ въ среднемъ и нижнемъ поясѣ горъ.

[2]) Наибольшее тепло въ маѣ было замѣчено 14 числа въ долинѣ Тэтунъ-гола, и равнялось наибольшему теплу въ іюлѣ прошлаго года, именно +30,4° С.

Digitized by Google

интересныхъ птицъ, такъ что теперь мы могли вознаградить, относительно орнитологической коллекціи, плохую добычу прошедшаго лѣта, когда почти всѣ птицы находились въ сильномъ линяніи.

Въ числѣ другихъ рѣдкихъ видовъ пернатыхъ намъ удалось добыть *ушастаго фазана* (Crossoptilon auritum), встрѣченнаго еще въ первый годъ путешествія въ Ала-шаньскихъ горахъ. Эта замѣчательная птица, называемая тангутами *шярама*, въ значительномъ количествѣ обитаетъ въ лѣсныхъ горахъ Гань-су, но ея вовсе нѣтъ въ безлѣсныхъ хребтахъ сѣвернаго Тибета. Мѣстопребываніемъ шярамы служатъ горные лѣса, изобилующіе скалами и густыми зарослями кустарниковъ; въ такихъ лѣсахъ ушастый фазанъ обитаетъ до 10,000 фут. абс. выс. Кормится описываемая птица, какъ кажется, спеціально растительною пищею; по крайней мѣрѣ весною я находилъ въ зобу исключительно молодую зелень, почки, листья барбариса, но всего болѣе корни различныхъ травъ. На жировкѣ ушастый фазанъ бродитъ мѣрнымъ шагомъ, держа горизонтально свой великолѣпный хвостъ.

Позднею осенью и зимою шярама держатся небольшими обществами и часто садятся на деревья [1]), быть можетъ для того, чтобы поѣсть почекъ. Раннею весною описываемыя птицы разбиваются на пары, занимающія опредѣленную область, въ которой выводятъ молодыхъ [2]). Гнѣздо, по словамъ тангутовъ, дѣлается изъ травы въ густыхъ кустарникахъ, и въ немъ бываетъ отъ 5—7 яицъ.

Зимою тангутскіе охотники бьютъ ушастыхъ фазановъ на деревьяхъ изъ ружей, но еще болѣе ловятъ ихъ въ петли, устраиваемыя на землѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чаще бродятъ описываемыя птицы. Главную добычу промышленниковъ составляетъ хвостъ, въ которомъ четыре среднихъ удлиненныхъ и разсученныхъ пера употребляются для парадныхъ шляпъ китайскихъ офицеровъ; на мѣстѣ за каждое такое перо платится по пяти копѣекъ на наши деньги.

Раннею весною, лишь только стада разобьются на пары, какъ самцы начинаютъ токовать. Голосъ ихъ чрезвычайно непріятный, напоминаетъ крикъ павлина, только нѣсколько тише и отрывистѣе; подобнымъ же образомъ кричитъ, какъ кажется, и самка. Кромѣ того, описываемая птица (не знаю только самецъ или самка) из-

---

[1]) Весною и лѣтомъ ушастые фазаны держатся исключительно на землѣ, хотя, по увѣренію тангутскихъ охотниковъ, для ночевки (по крайней мѣрѣ весною) взлетаютъ на деревья; однако самому мнѣ и моему товарищу, ни разу не удалось подстеречь въ это время шяраму на деревѣ, хотя мы часто бродили вечеромъ и раннимъ утромъ по горнымъ лѣсамъ.

[2]) Съ начала мая, почти всѣ самки шярама уже сидѣли на яйцахъ.

Digitized by Google

рѣдка произноситъ особые глухіе звуки, отчасти напоминающіе голубиное воркованье; наконецъ, будучи внезапно испугана, шярама иногда кричитъ весьма похоже на цесарку.

Однако, даже въ періодъ любви, у описываемой птицы нѣтъ такого правильнаго токованья, какъ у обыкновенныхъ фазановъ или тетеревей. Самецъ ушастаго фазана кричитъ лишь изрѣдка, съ неопредѣленными промежутками, обыкновенно послѣ того, какъ уже взойдетъ солнце, хотя иногда голосъ этой птицы слышится еще до разсвѣта, или даже днемъ, около полудня. Но во всякомъ случаѣ, шярама кричитъ очень рѣдко, такъ что въ теченіи цѣлаго утра, едва ли можно болѣе пяти или шести разъ услыхать голосъ одной и той же птицы [1]).

Неопредѣленность токованья, и большая осторожность описываемаго фазана дѣлаютъ охоту за нимъ, по крайней мѣрѣ весною, чрезвычайно затруднительною. Трудности еще болѣе увеличиваются самымъ характеромъ мѣстности, въ которой обитаетъ шярама. Густѣйшія зарости рододендровъ на сѣверныхъ сторонахъ ущелій, а колючихъ кустарниковъ (барбариса, облепихи и шиповника) на южныхъ ихъ склонахъ; вездѣ крутые, чуть не отвѣсные скаты горъ, дикія скалы, частый лѣсъ, наполненный валежникомъ и сухими прошлогодними листьями — все это вмѣстѣ составляетъ такія неблагопріятныя условія для охоты, что она можетъ быть названа одною изъ труднѣйшихъ. Идти съ лягавою собакою нечего и думать, такъ какъ она совершенно безполезна въ подобной мѣстности, гдѣ при томъ часто ей и не взобраться за охотникомъ, карабкающимся на скалы; слѣдовательно, необходимо положиться только на собственный слухъ и зрѣніе. Но то и другое часто не могутъ пособить охотнику; осторожная птица почти всегда услышитъ, или замѣтитъ его издали и успѣетъ благополучно скрыться. Взлетаетъ ушастый фазанъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, всего чаще, будучи застигнутымъ въ расплохъ; обыкновенно же онъ спасается пѣшкомъ и бѣгаетъ чрезвычайно скоро. Иногда даже слышишь шорохъ его шаговъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сажень, но самой птицы не видно въ гущинѣ, или она мелькаетъ такъ быстро, что охотникъ не успѣетъ ружье бросить къ плечу, не только что выстрѣлить. Преслѣдовать убѣжавшую шяраму по пятамъ нѣтъ никакой возможности; она всегда словно въ воду канетъ. Кромѣ того эта птица очень крѣпка на рану, такъ что на разстояніи пятидесяти шаговъ выноситъ зарядъ

[1]) Встрѣтившись между собою въ періодъ любви, самцы ушастыхъ фазановъ вступаютъ въ драку.

Digitized by Google

крупной дроби и имѣетъ еще силу улетѣть. Если же у шярамы перебито крыло, то она уходитъ пѣшкомъ и скрывается въ кустахъ. Наконецъ, если случится увидать ушастаго фазана очень близко и, волею неволею, нужно стрѣлять, такъ какъ черезъ мгновеніе онъ исчезнетъ — то и тогда, разбитый зарядомъ въ дребезги, онъ не годится на чучелу. Словомъ, передъ охотникомъ столько трудностей и случайностей, что только рѣдкость самой птицы можетъ манить его на столь неблагодарную охоту.

Придя въ средній поясъ горъ, мы съ товарищемъ часто охотились за ушастыми фазанами, отправляясь для этого въ лѣсъ еще задолго до разсвѣта; однако въ теченіи двухъ недѣль мы могли добыть только два экземпляра для коллекціи. Двое охотниковъ тангутовъ, въ это же время, по моему заказу, лазили день въ день по горамъ, но также убили только двѣ шярамы, да и то подкарауливъ обѣихъ на гнѣздахъ.

Всего труднѣе угадать заранѣе мѣсто, гдѣ именно находится описываемый фазанъ, такъ какъ онъ кричитъ лишь съ большими промежутками времени, а иногда и вовсе не издаетъ голоса, не смотря на хорошее, ясное утро. Замѣчательно, что такая большая птица поднимается съ земли очень тихо и иногда совершенно не слышно улетаетъ отъ охотника. Перемѣщается шярама обыкновенно недалеко, летитъ тихо и на лету, издали, много напоминаетъ глухаря.

Изъ млекопитающихъ, наиболѣе обращавшихъ теперь на себя вниманіе, были *сурки* (Arctomys robustus?), которые проснулись отъ своей зимней спячки съ начала апрѣля [1]). Этотъ звѣрекъ, называемый монголами *тарабаганъ*, а тангутами *шво*, нигдѣ не встрѣчался намъ въ Монголіи [2]), но былъ впервые найденъ въ Гань-су и отсюда распространяется, черезъ Куку-норъ, въ Сѣв. Тибетъ. Въ горахъ Гань-су сурокъ восходитъ отъ самыхъ низкихъ долинъ въ альпійскую область; въ Сѣверномъ Тибетѣ, мы видѣли его норы даже на абсолютной высотѣ въ 15 тыс. футовъ.

Для своего жительства тарабаганъ избираетъ луговые горные скаты, а въ альпійской области поселяется и въ долинахъ. Описываемые звѣрьки всегда живутъ обществами, и выкапываютъ для себя глубокія норы, часто въ почвѣ, переполненной камнями; отъ каждой норы дѣлается нѣсколько отнорковъ, служащихъ для выхода.

---

[1]) Первыхъ проснувшихся сурковъ мы видѣли на Куку-норѣ, 25 марта; въ горахъ же Гань-су они показались изъ норъ только 8 апрѣля.

[2]) Забайкальскій сурокъ (Arctomys Bobac) распространяется въ Монголіи только верстъ на сто южнѣе Урги; здѣсь оканчивается полоса плодородныхъ степей, вмѣстѣ съ которыми исчезаетъ и названный звѣрекъ.

Digitized by Google

Утромъ, лишь только взойдетъ и немного обогрѣетъ солнце, тарабаганы вылѣзаютъ изъ своихъ норъ, бѣгаютъ вокругъ нихъ и кормятся травою. Если звѣрьки не были ничѣмъ встревожены, то они пробавляются такимъ образомъ довольно долго и удаляются въ свои логовища часовъ около десяти утра. Отсюда сурки вновь показываются часа въ два или три пополудни, опять рѣзвятся и кормятся почти до заката солнца. Конечно, изъ такого общаго правила бываютъ частыя исключенія; иные тарабаганы выходятъ изъ норъ во всякое время дня, но въ дождливую погоду ни одинъ изъ описываемыхъ звѣрьковъ не показывается на поверхности земли, хотя бы ненастье продолжалось нѣсколько сутокъ сряду.

По своему характеру Гань-суйскій сурокъ очень смышленъ и остороженъ, въ особенности тамъ, гдѣ преслѣдуется человѣкомъ. Передъ выходомъ изъ норы, звѣрекъ сначала высовываетъ изъ отверстія одну лишь голову и въ такомъ положеніи проводитъ цѣлыхъ полчаса, удостовѣряясь въ безопасности. Убѣдившись въ этомъ хорошенько, тарагаганъ вылѣзаетъ до половины, опять слушаетъ и смотритъ во всѣ стороны; наконецъ, выходитъ весь и начинаетъ щипать траву. Замѣтивъ опасность, хотя бы издали, звѣрекъ тотчасъ бросается къ своей норѣ, становится здѣсь на заднія лапы и начинаетъ издавать громкій голосъ, въ родѣ частаго, отрывистаго свиста; затѣмъ, видя приближеніе опасности, тарабаганъ скрывается подъ землею. Впрочемъ, тамъ гдѣ сурки живутъ вблизи тангутскихъ юртъ и не преслѣдуются человѣкомъ, они ведутъ себя гораздо смѣлѣе, хотя все-таки не забываютъ хитрой осторожности.

Охота за тарабаганами производится подкарауливая этихъ звѣрьковъ возлѣ ихъ норъ, при чемъ необходимо устроить засадку, не бросающуюся въ глаза, и засѣсть въ нее ранѣе выхода сурка. Послѣдній чрезвычайно крѣпокъ на рану и, будучи смертельно раненъ, всегда уходитъ въ нору; только ударъ на повалъ доставляетъ животное въ руки охотника. Зимнюю свою спячку тарабаганы начинаютъ въ концѣ сентября и, подобно европейскимъ суркамъ, засыпаютъ цѣлымъ обществомъ въ одной норѣ.

Теперь нѣсколько словъ еще объ одномъ млекопитающимъ Гань-суйскихъ горъ — именно о *медвѣдѣ* (Ursus sp.).

Еще ранѣе прихода нашего въ Гань-су, мы слышали отъ монголовъ о какомъ то необыкновенномъ звѣрѣ, который водится въ названной провинціи и называется *хунз-гурёсу*, т. е. «человѣкъ-звѣрь». Разскащики увѣряли насъ, что это животное имѣетъ плоское, совершенно человѣческое лицо и ходитъ большею частію на двухъ ногахъ; тѣло у него покрыто густою черною шерстью, а лапы

Digitized by Google

вооружены огромными когтями. Сила звѣря страшная; на него не только не рѣшаются нападать охотники, но даже жители укочевываютъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ появляется хунъ-гурёсу.

Подобные разсказы мы услышали и въ самой Гань-су отъ тангутовъ, которые единогласно увѣряли, что вышеописанный звѣрь водится въ ихъ горахъ, хотя и очень рѣдокъ. На нашъ вопросъ: не медвѣдь ли это? разскащики отрицательно трясли головою, говоря что медвѣдя они знаютъ хорошо.

Придя лѣтомъ 1872 года въ горы Гань-су, мы объявили награду въ пять ланъ тому, кто укажетъ намъ мѣстопребываніе баснословнаго хунъ-гурёсу. Однако съ подобнымъ извѣстіемъ никто не являлся; только тангутъ, временно находившійся при насъ, сообщилъ, что хунъ-гурёсу постоянно живутъ въ скалахъ горы Гаджуръ, куда мы отправились въ началѣ августа. Но въ заповѣдныхъ скалахъ мы не нашли удивительнаго звѣря и уже отчаявались когда либо увидѣть его, какъ вдругъ я узналъ, что въ небольшой кумирнѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Чертынтона, находится шкура хунъ-гурёсу. Черезъ нѣсколько дней я отправился въ эту кумирню и, сдѣлавъ ея настоятелю подарокъ, просилъ показать мнѣ рѣдкую шкуру. Просьба моя была исполнена, но, увы! вмѣсто чудовища я увидѣлъ набитую соломою шкуру небольшаго медвѣдя. Всѣ разсказы о хунъ-гурёсу теперь стали баснею, да и сами разскащики, послѣ моего увѣренія, что это медвѣдь, начали говорить, что хунъ-гурёсу не показывается людямъ, но охотники иногда видятъ только его слѣды.

Медвѣдь, котораго шкура была мнѣ показана, имѣлъ въ стоячемъ положеніи около $4^1/_2$ футовъ вышины. Морда была вытянутая; голова и вся передняя часть тѣла грязно-бѣлаго цвѣта, задъ темнѣе, а ноги почти черныя. Подошвы заднихъ лапъ были узкія и длинныя, а когти на переднихъ лапахъ имѣли по дугѣ около дюйма длины; эти когти были очень тупы и чернаго цвѣта. Къ сожалѣнію, я не могъ сдѣлать болѣе подробныхъ измѣреній и описаній, чтобы не возбудить подозрѣнія.

Весною слѣдующаго года намъ привелось увидѣть такого же медвѣдя и на волѣ. Именно, когда мы возвращались съ Куку-нора въ Чейбсенъ, то лишь только вошли въ горы Гань-су, какъ однажды утромъ замѣтили медвѣдя, который ловилъ пищухъ. Мы отправились къ звѣрю, но тотъ пустился на уходъ и хотя его преслѣдовали наши собаки, но не могли остановить. Мы пустили звѣрю въ догонку нѣсколько пуль, изъ которыхъ попала только одна и ранила медвѣдя; но онъ все таки ушелъ къ величайшей нашей досадѣ.

Digitized by Google

Встрѣченный нами на Куку-норѣ медвѣдь, сколько можно было видѣть издали, имѣлъ ту же окраску, какъ и набитый въ кумирнѣ, но казался больше ростомъ. Онъ достигалъ величины нашего стервятника; притомъ былъ какой то длинный и горбатый.

По словамъ монголовъ, эти медвѣди въ значительномъ числѣ обитаютъ въ тибетскихъ хребтахъ Бурханъ-Будда и Шуга; живутъ они здѣсь въ скалахъ, но лѣтомъ выходятъ на равнины и являются даже на берега Муръ-усу.

Проведя первую половину мая въ среднемъ поясѣ горъ, мы спустились въ долину Тэтунга и пробыли здѣсь недѣлю, занимаясь по прежнему каждодневными экскурсіями; но вскорѣ у насъ вышла вся мелкая дробь и мы должны были прекратить стрѣльбу пташекъ на чучела. Добыча яицъ была также не велика, такъ какъ многія птицы еще не начинали нестись, хотя гнѣзда у нихъ были уже готовы. Въ началѣ іюня, въ горахъ, въ особенности по густымъ зарослямъ на берегахъ рѣчекъ, можно бы было собрать множество самыхъ рѣдкихъ яицъ, но мы не могли оставаться долѣе въ окрестностяхъ Чертынтона, опять таки по неимѣнію денегъ. Теперь у насъ вновь остался лишь небольшой кусокъ серебра, вѣсомъ въ нѣсколько ланъ, а между тѣмъ добывать продовольствіе охотою, при густомъ населеніи, было невозможно. При такихъ обстоятельствахъ, мы по неволѣ должны были ускорить свой отходъ въ Ала-шань и направились туда прежнимъ путемъ, по которому шли въ прошедшемъ году съ тангутскимъ караваномъ. Какъ тогда, такъ и теперь, на дорогѣ лежали разоренныя деревни, но въ нихъ уже кой гдѣ начали показываться китайцы. Весьма вѣроятно, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ разоренныя фанзы будутъ возобновлены, заброшенныя поля обработаны и населеніе осядется также густо, какъ было до дунганскаго разоренія.

Вторая половина мая въ горахъ Гань-су, вопреки ожиданія, вновь ознаменовала себя суровостію и непостоянствомъ климата. Послѣ теплой погоды, стоявшей всю первую половину описываемаго мѣсяца, 16 числа ночью выпалъ снѣгъ даже въ долинѣ Тэтунга, а за тѣмъ, четыре дня сряду, здѣсь по ночамъ стояли морозы, доходившіе до —4,0° С. Въ концѣ мая, именно въ послѣдній день нашего пребыванія въ Гань-су, случилась еще худшая исторія. Почти весь день 28 числа шла сильная мятель, которая покрыла землю снѣгомъ на $^1/_2$ фута толщины, а къ утру слѣдующаго дня грянулъ морозъ въ —5,3° С. И это случилось подъ 38° сѣв. шир. въ то время когда уже считалось 76 видовъ цвѣтовъ! Однако послѣдніе не гибли отъ подобнаго холода—до того Гань-суйскія рас-

Digitized by Google

тенія привыкли къ суровому климату своей родины. Несравненно гибельнѣе дѣйствуетъ на тѣхъ самыя растенія даже малѣйшая засуха. Такимъ образомъ, хотя въ теченіи нынѣшняго мая считалось 22 дождливыхъ дня, но такъ какъ дожди шли большею частію непродолжительно, то ихъ было недостаточно для избалованныхъ, относительно влаги, травянистыхъ растеній. Въ особенности это замѣчалось на открытыхъ скатахъ горъ и въ холмистой степи къ сѣверо-востоку отъ р. Чагрынъ-гола. Эта степь, столь роскошно убранная въ половинѣ іюня прошедшаго года, теперь, когда мы здѣсь проходили въ концѣ мая, далеко не имѣла своего прошлогодняго наряда и вообще была очень бѣдна цвѣтами.

Подобный фактъ служитъ доказательствомъ великой гибкости организаціи растеній и способности ихъ примѣняться къ климатическимъ условіямъ своей родины. Мнѣ случалось выкапывать въ горахъ Гань-су желтый альпійскій макъ (Papaver alpinum) изъ столь крѣпко замерзшей почвы, что ее едва можно было раскопать ножемъ—и растеніе все таки цвѣло; между тѣмъ какъ тотъ же самый макъ гибнетъ, если только его не поливаютъ постоянные дожди.

Мы распрощались съ горною областью Гань-су, испытавъ, на самый послѣдокъ, всю суровость и непостоянство ея климата. Но все таки, не смотря на неблагопріятныя климатическія условія, пребываніе въ этой странѣ было лучшимъ временемъ нашей экспедиціи, по тому обилію научной добычи, какое нашли мы здѣсь, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ мірѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Возвращеніе въ Ала-шань. Путь на Ургу срединою Гоби.

Переходъ по южному Ала-шаню. — Встрѣча съ караваномъ богомольцевъ. — Прибытіе въ Дынь-юань-инъ. — Лѣтній характеръ Ала-шаньскихъ горъ. — Неожиданное въ нихъ наводненіе. — Слѣдованіе на Ургу. — Гибель нашего Фауста. — Характеръ пустыни отъ Ала-шаня до хребта Хурху. — Описаніе этихъ горъ. — Гоби къ сѣверу отъ нихъ. — Дороги изъ Куку-хото въ Улясутай. — Пустыня превращается въ степь. — Прибытіе въ Ургу. — Окончаніе экспедиціи.

Въ концѣ мая мы вышли изъ горной области Гань-су и очутились у порога Ала-шаньской пустыни. Безграничнымъ моремъ лежали теперь передъ нами сыпучіе пески, и не безъ робости ступали мы въ ихъ могильное царство. Не имѣя средствъ нанять проводника, мы должны были идти одни и рисковать всѣми случайностями труднаго пути; тѣмъ болѣе, что въ прошедшемъ году, слѣдуя съ тангутскимъ караваномъ, я только украдкою, и часто на угадъ, могъ записывать примѣты и направленіе дороги. Такой маршрутъ, конечно, былъ крайне ненадеженъ, но теперь онъ служилъ нашимъ единственнымъ путеводителемъ въ пустынѣ.

Пятнадцать дней[1]) употребили мы на переходъ отъ Даджина до г. Дынь-юань-инъ и благополучно совершили этотъ трудный путь. Только однажды чуть чуть не заблудились въ пустынѣ. Дѣло это было 9-го іюня, на переходѣ между озеркомъ *Серикъ-долонъ* и колодцемъ *Шангынъ-далай*. Выйдя рано утромъ отъ Серикъ-долона, мы прошли сначала нѣсколько верстъ сыпучими песками, а затѣмъ вышли на глинистую площадь, гдѣ явилась тропинка, вскорѣ раздѣлившаяся на двое. Такого раздвоенія мы не замѣтили въ прошедшемъ году, слѣдуя этимъ мѣстомъ ночью, такъ что теперь намъ пришлось угадывать, по которой дорожкѣ слѣдуетъ идти. Затрудненіе увеличивалось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣ

[1]) Въ томъ числѣ три дневки.

Digitized by Google

вѣтви тропинки расходились подъ очень острымъ угломъ, слѣдовательно и съ помощію бусоли нельзя было опредѣлить, которое направленіе вѣроятнѣе. Правая вѣтвь дорожки была гораздо торнѣе, поэтому я рѣшился выбрать этотъ путь — и не угадалъ.

Нѣсколько верстъ мы прошли ничего не подозрѣвая, но потомъ стали являться новыя поперечныя тропинки, которыя совершенно сбили насъ съ толку; наконецъ, наша дорожка совсѣмъ кончилась, упершись въ какую то довольно торную дорогу [1]). Идти по этой дорогѣ мы не могли, не зная куда она поведетъ; вернуться на прежній перекрестокъ также не рисковали, такъ какъ это мѣсто было уже довольно далеко назади, а во вторыхъ, мы не знали, на сколько обезпечено слѣдованіе по другой вѣтви первоначальной тропинки. Выбирая изъ всѣхъ золъ меньшее, мы рѣшили держаться своего первоначальнаго направленія, разсчитывая, что увидимъ издали ту небольшую группу горокъ, у подошвы которыхъ долженъ былъ находиться колодезь Шангынъ-далай.

Между тѣмъ наступилъ полдень, жара стояла сильная и мы остановились отдохнуть часа два, или три. За тѣмъ пустились вновь все въ прежнемъ направленіи, слѣдуя теперь уже на прямикъ по бусоли и наконецъ увидѣли, немного вправо, небольшую горную группу, которую приняли за Шангынъ-далайскую. Такъ какъ въ воздухѣ цѣлый день стояла пыль отъ сильнаго вѣтра, то мы не могли, даже въ бинокль, хорошенько разглядѣть очертаніе появившихся горокъ, до которыхъ было еще далеко. Наступилъ вечеръ и мы остановились ночевать въ увѣренности, что это именно желаемыя горки и только, прокладывая на карту пройденный путь, я замѣтилъ, что мы сильно уклонились къ востоку и что едва ли идемъ какъ слѣдуетъ. А между тѣмъ, запасной воды къ ночи у насъ оставалось не болѣе двухъ ведеръ [2]), да и то мы не давали ни капли ея лошадямъ, которыя отъ сильной жажды едва передвигали ноги. Вопросъ: найдти или не найдти завтра колодезь, становился вопросомъ жизни, или смерти и, понятно, подъ какимъ впечатлѣніемъ провели мы вечеръ. Къ счастію, ночью вѣтеръ стихъ и пыль осѣла изъ воздуха. Утромъ, лишь только разсвѣло, я началъ осматривать въ бинокль окрестности, взобравшись на нѣсколько постав-

---

[1]) Впослѣдствіи мы узнали, что эта колесная дорога ведетъ изъ Дынь-юаньина въ р. *Дырисунъ-хото* (монгольское названіе), лежащій близь юго-восточной границы Ала-шаня.

[2]) Во время перехода въ жаръ по пустынѣ, вода, налитая въ деревянные боченки, сильно испаряется сквозь дерево, такъ что полный утромъ боченокъ къ вечеру всегда теряетъ нѣсколько бутылокъ воды.

Digitized by Google

ленныхъ другъ на друга ящиковъ съ коллекціями. Вчерашняя группа горъ была видна совершенно ясно, но въ то же время, какъ разъ прямо на сѣверъ отъ нашего ночлега, виднѣлась вершинка другой горки, которая также могла быть Шангынъ-далайскою. Теперь предстояло рѣшить: на какую изъ этихъ горокъ направить путь? Отложивъ на картѣ засѣчку послѣдней горки и сличивъ приблизительное ея положеніе съ тѣмъ, что у меня было записано въ прошлогоднемъ дневникѣ, я рѣшилъ идти на сѣверную горку.

Въ томительномъ сомнѣніи завьючили мы своихъ верблюдовъ и двинулись въ путь Путеводная вершинка то выглядывала изъ за пологихъ возвышеній волнистой равнины, то опять скрывалась за ними. Напрасно мы часто смотрѣли на нее въ бинокль, чтобы увидѣть характерную примѣту, записанную въ моемъ дневникѣ, именно кучу камней (обо), сложенныхъ на вершинѣ,—разстояніе еще было слишкомъ велико, чтобы замѣтить такой, сравнительно маленькій, предметъ. Наконецъ, верстъ черезъ десять отъ мѣста ночлега, мы увидѣли желаемую примѣту; тогда, ободренные надеждою, мы ускорили свой ходъ и черезъ нѣсколько часовъ стояли возлѣ колодца, къ которому съ жадностію бросились наши животныя, совершенно измученныя жаждою.

На одномъ изъ переходовъ по южному Ала-шаню мы встрѣтились съ караваномъ монгольскихъ богомольцевъ, направлявшихся изъ Урги въ Лассу. Съ начала дунганскаго возстанія, въ теченіи одиннадцати лѣтъ, такіе поклонники не осмѣливались ходить въ столицу Далай-ламы, но теперь, послѣ занятія средней части Гань-су китайскими войсками, въ Ургѣ былъ снаряженъ большой караванъ[1]) за кутухтою, умершимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Богдо-курени и возродившемся въ Тибетѣ. Богомольцы были раздѣлены на нѣсколько эшелоновъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ и должны были всѣ собраться на Куку-норѣ. Встрѣтившись съ нами, передовые монголы простодушно воскликнули: «посмотрите, куда забрались *наши* молодцы» и сначала не хотѣли вѣрить тому, что мы, въ четверомъ, пробрались въ Тибетъ.

Но каковы были въ то время, по своему наружному виду, «русскіе-молодцы», встрѣченные богомольцами-монголами! Истомленные трудностями пути, полуголодные отъ недостатка запаснаго продовольствія, грязные, въ изорванномъ платьѣ и дырявыхъ сапогахъ, мы всего болѣе походили на нищихъ. Внѣшность наша въ это время такъ мало напоминала европейцевъ, что когда мы пришли

[1]) До тысячи палатокъ, по словамъ монголовъ.

Digitized by Google

въ г. Дынь-юань-инъ, то жители, смотря на насъ, говорили: «какъ они сдѣлались похожи на нашихъ людей, совсѣмъ какъ монголы».

Въ Дынь-юань-инѣ мы получили тысячу ланъ денегъ, присланныхъ намъ сюда изъ Пекина заботливостію генерала Влангали. Вмѣстѣ съ деньгами намъ были высланы письма, полученныя изъ Россіи[1]) и три послѣднихъ номера газеты «Голосъ» за 1872 годъ. Трудно передать, какимъ праздникомъ былъ для насъ этотъ день. Съ лихорадочною жадностію читали мы письма и газеты, гдѣ все для насъ было новостію, хотя бы событія, со дня которыхъ минуло уже болѣе года. Европа, родина, былая жизнь—все живо воскресло передъ нами. И еще сильнѣе почувствовали мы теперь свое одиночество, среди тамошнихъ людей, чуждыхъ намъ во всемъ—отъ самаго своего облика и до малѣйшаго оттѣнка своего характера....

Ала-шаньскаго князя и его сыновей въ это время не было въ Дынь-юань-инѣ; они всѣ отправились въ Пекинъ и обѣщали возвратиться не ближе осени.

По предположенному заранѣе плану, мы должны были направиться изъ Дынь-юань-ина прямо на Ургу, срединою Гоби. Путь этотъ еще не былъ пройденъ ни однимъ европейцемъ и, конечно, представлялъ большой интересъ въ научномъ отношеніи. Но прежде нежели пуститься вновь въ пустыню, мы рѣшились немного отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать болѣе подробно, нежели въ первый разъ, Ала-шаньскія горы.

Въ послѣднихъ теперь уже не было того безлюдія, какое мы нашли здѣсь въ 1871 году. Съ прекращеніемъ дунганскихъ разбоевъ, въ горы прикочевали многіе монголы; кромѣ того, здѣсь начали возобновлять разоренныя кумирни и, наконецъ, цѣлыя сотни китайцевъ, изъ г. Нинъ-ся, занимались рубкою лѣса. Едва, едва мы могли отыскать небольшое ущелье, въ которомъ не было дровосѣковъ и то лишь по неимѣнію воды; но мы рѣшили лучше ѣздить каждый день за три версты къ колодцу, нежели помѣститься рядомъ съ китайцами или монголами. Верблюдовъ своихъ мы отправили на пастбище верстахъ въ пятидесяти отъ Дынь-юань-ина, а при себѣ оставили только двухъ лошадей, которые, поочередно, должны были таскать воду[2]).

---

[1]) Не могу умолчать о курьёзѣ, случившемся съ письмомъ, присланномъ мнѣ изъ одного губернскаго города нашего отечества. Адресъ этого письма гласилъ: «въ Пекинъ черезъ Кяхту такому-то». Слово Пекинъ было зачеркнуто, вѣроятно рукою почтмейстера, и тутъ-же крупными буквами изображено: «города Пекина нѣтъ, а потому отправить только въ Кяхту».

[2]) Ущелье, въ которомъ мы расположились, находится въ 17 верстахъ къ зап.-юго-западу отъ г. Дынь-юань-инъ.

Digitized by Google

Въ Ала-шаньскихъ горахъ мы провели теперь три недѣли и результатомъ изслѣдованія оказалось, что эти горы вообще небогаты какъ своею растительностію, такъ и фауною. Относительно растительности, въ Ала-шаньскомъ хребтѣ (по крайней мѣрѣ на западномъ, изслѣдованномъ нами, склонѣ) можно различить три полосы: наружную окраину, полосу лѣсовъ и поясъ альпійскихъ луговъ.

Наружная окраина горъ, вмѣстѣ съ прилежащею къ ней узкою волнистою полосою степи [1]), характеризуется глинистою почвою, усыпанною валунами (по степи), или вывѣтрившимися горными породами (въ горахъ). Скалъ здѣсь сравнительно меньше, нежели въ двухъ другихъ поясахъ и онѣ не достигаютъ такихъ какъ тамъ грандіозныхъ размѣровъ. Ширина наружной окраины горъ невелика — всего версты двѣ, а иногда и того менѣе. Изъ деревьевъ здѣсь встрѣчается только рѣдкій корявый *ильмъ* (Ulmus sp.), а изъ кустарниковъ: *желтый шиповникъ* (Rosa pimpinellifolia), *золотарникъ* (Caragana sp.) и изрѣдка *ягодный хвойникъ* (Ephedra sp.), найденный нами также въ Цайдамѣ, у сѣверной подошвы Бурханъ-Будда; по степи прилежащей къ горамъ, всего болѣе растетъ колючій *вьюнокъ* (Convolvulus tragacanthoides), а также колючій *астрагалъ* (Oxytropis aciphylla). Изъ травъ въ описываемой полосѣ преобладаютъ: *чоборъ* (Thymus Serpyllum), *воронецъ* (Polygonatum officinale), *Pegamum Nigellastrum*, послѣдній исключительно въ степи; *лукъ* (Allium sp.), какъ въ степи такъ и въ горахъ, даже въ альпійской области; *Androsace sp.* по скаламъ, *сибирскій истодъ* (Polygala sibirica); *ломонос* (Clematis aethusaefolia) вьется по кустарникамъ въ устьяхъ ущелій, рѣже попадается въ степи; наконецъ, въ наружной горной окраинѣ появляется *ревень* (Rheum sp.) [2]), который черезъ лѣсную полосу восходитъ до альпійскихъ луговъ.

За наружною окраиною горъ слѣдуетъ ихъ лѣсная область, которая поднимается приблизительно до 10,000 фут. абс. высоты. Лѣсами всего обильнѣе западный склонъ горъ и притомъ эти лѣса растутъ здѣсь также, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ склонахъ ущелій. Однако составъ лѣса далеко не разнообразенъ. Изъ деревьевъ здѣсь преобладаютъ, исключительно, три вида: *ель* (Abies obovata?),

---

[1]) Полоса степи, шириною отъ 15—20 верстъ, прилежащая Ала-шаньскимъ горамъ съ запада, несетъ характеръ отличный отъ другихъ частей Ала-шаня. Ея поверхность прорѣзана глубокими оврагами и имѣетъ общую, иногда весьма значительную, покатость отъ горъ къ пустынѣ. Почва описываемой полосы глинистая, съ галькою или крупнымъ пескомъ и усѣяна мелкими валунами съ сосѣднихъ горъ; мѣстами здѣсь попадаются ключи; растительность таже, что и въ пустынѣ, съ примѣсью нѣкоторыхъ горныхъ видовъ.

[2]) Нелекарственный и отличный отъ обоихъ Гань-суйскихъ видовъ.

Digitized by Google

осина (Populus tremula?) и *лоза* (Salix sp.); къ нимъ, въ небольшомъ количествѣ, примѣшивается *древовидный можжевельникъ* (Iuniperus communis?), еще рѣже *бѣлая береза* (Betula alba), а на восточномъ склонѣ горъ *сосна* (Pinus sp.). Всѣ эти деревья малорослы, корявы и далеко не могутъ равняться съ своими собратьями въ горахъ Гань-су.

Изъ кустарниковъ въ лѣсахъ Ала-шаньскаго хребта разсыпаны: *таволга* (Spiraea sp.), *бѣлый и желтый курильскій чай* (Potentilla glabra, P. tenuifolia), *лещина* (Ostryopsis Davidiana) по открытымъ южнымъ склонамъ ущелій и всего болѣе на восточномъ склонѣ горъ; *жимолость* (Lonicera sp.), стелющійся по скаламъ *можжевельникъ* (Iuniperus sp.), который встрѣчается также и въ наружной окраинѣ горъ.

Бо̀льшаго разнообразія кустарники достигаютъ въ лѣсныхъ ущельяхъ, гдѣ растутъ: *сирень* (Syringa vulgaris?), весьма похожая на обыкновенную садовую; *Cotoneaster sp.* часто и по горнымъ склонамъ; *смородина* двухъ видовъ (Ribes pulchellum, Ribes sp.); *малина* (Rubus Idaeus) и вьющееся *Atragene alpina*.

Изъ травъ въ лѣсахъ чаще другихъ встрѣчаются: *красная лилія* (Lilium tenuifolium), *чагеранъ* (Hedysarum sp.), который попадается и въ нижнемъ поясѣ альпійскихъ луговъ; *астрагалы* (Astragalus sp.) нѣсколькихъ видовъ; *фіалка* (Viola sp.); нѣсколько видовъ *мытника* (Pedicularis sp.), и въ томъ числѣ одинъ, красиво пестрѣющій своими розовыми цвѣтами на глинистой почвѣ лѣсовъ; *Rhaponticum uniflorum*, *Polygonatum sibiricum?* Во влажныхъ ущельяхъ опять таки травянистая растительность гораздо разнообразнѣе. Здѣсь растутъ: *валеріана* (Valeriana sp.), *василистникъ* (Thalictrum sp.), *кипрей* (Epilobium augustifolium), *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *водосборъ* (Aquilegia viridiflora), *полынь* (Artemisia sp.), *Silene repens*, *Rubia cordifolia* и *Sanguisorba alpina*, часто сплошь покрывающая небольшія площадки и восходящая на альпійскіе луга. Вообще лѣсной поясъ болѣе разнообразенъ, нежели два другіе, т. е. окрайній и альпійскій, хотя далеко не достигаетъ того богатства, какъ въ горахъ Гань-су.

Альпійская область начинается, приблизительно, отъ 10 т. фут. и занимаетъ сравнительно небольшую площадь, гораздо меньше чѣмъ даже на Муни-ула. Въ нижней ея части, равно какъ и въ верхнемъ поясѣ лѣсовъ, появляется красивая колючая *карагана* (Caragana jubata), залитая въ концѣ іюня бѣлыми и розоватыми цвѣтами; затѣмъ здѣсь растутъ: *таволга* и бѣлый *курильскій чай*, тѣже самыя что въ лѣсахъ и не высокій *тальникъ* (Salix sp.).

Digitized by Google

Въ нижнемъ поясѣ альпійскихъ луговъ пестрый коверъ цвѣтовъ состоитъ большею частію изъ тѣхъ же видовъ, которые встрѣчаются и въ лѣсной области; къ нимъ присоединяются: *лютикъ* (Ranunculus sp.), *живокость* (Delphinium sp.), красивая *гвоздика* (Dianthus superbus), *лукъ* (Allium sp.) и *хохлатка* (Corydalis sp.).

Въ верхнемъ поясѣ альпійскихъ луговъ кустарная растительность вовсе исчезаетъ и только одна колючая карагана восходитъ на самую вершину г. Бугутуй, но дѣлается здѣсь карликомъ, менѣе фута вышиною. Разнообразіе травянистыхъ видовъ, по мѣрѣ восхожденія вверхъ, также быстро уменьшается и глинистая почва прикрыта травою, едва лишь поднимающеюся отъ земли. Здѣсь, т. е. въ самомъ верхнемъ поясѣ альпійскихъ луговъ, чаще другихъ встрѣчаются: *Polygonum sp.*, *Saussurea pygmaea?*, *Hesperis sp.*

Вообще альпійскіе луга Ала-шаньскаго хребта не могутъ похвалиться особеннымъ богатствомъ своего растительнаго покрова. Дыханіе сосѣдней пустыни отражается не только на нихъ, но и на всей растительности горъ, которыя далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи горамъ Гань-су и даже Муни-ула, хотя, сколько кажется, ближе подходятъ къ первымъ, нежели къ послѣднимъ.

Фауна млекопитающихъ Ала-шаньскихъ горъ весьма бѣдна видами, которые уже перечислены въ VI главѣ. Птицъ также очень мало, даже лѣтомъ и, кромѣ видовъ прежде поименованныхъ, здѣсь въ это время чаще другихъ встрѣчаются: *красный снигирь* (Pyrrhula erythirna), два вида *Carpodacus*, *стрижъ* (Cypselus leucopyga), *горныя ласточки* (Hirundo rupestris, Hirundo sp.), *кукушка* (Cuculus canorus?), *стренатка* (Emberiza sp.), *Ruticilla erythronota*, *Ruticilla sp.*, *Phyllopneuste sp.* и *каменный дроздъ* (Petrocincla saxatilis); фазановъ, дятловъ и совъ нѣтъ вовсе.

Бѣдность птицъ въ Ала-шаньскихъ горахъ дѣлаетъ ихъ унылыми даже лѣтомъ, въ періодъ кипучей жизни природы. Не слышно здѣсь веселыхъ пѣвцовъ, которые оживляли бы мрачные лѣса и угрюмо нависшія громадныя скалы. Даже раннимъ утромъ, или позднимъ вечеромъ, лишь кой когда можно услышать здѣсь голосъ пташки; днемъ же, не только что ночью, всегда тихо и мертво какъ въ пустынѣ.

Въ общемъ, относительно млекопитающихъ и птицъ, также какъ и относительно растеній, Ала-шаньскій хребетъ ближе подходитъ къ горамъ Гань-су, нежели къ Инъ-шаню.

Казалось бы, что въ безводныхъ Ала-шаньскихъ горахъ намъ всего менѣе предстояло опасности отъ воды, но видно судьба хотѣла, чтобы мы въ конецъ испытали всѣ невзгоды, которыя могутъ

Digitized by Google

въ здѣшнихъ странахъ грянуть надъ головою путешественника — и, нежданно негаданно, въ нашихъ горахъ явилось такое наводненіе, какого до сихъ поръ мы еще не видали ни разу.

Дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ.

Утромъ 1 іюля, вершины горъ начали кутаться облаками, служившими, какъ обыкновенно, предвѣстіемъ дождя. Однако, къ полудню почти совсѣмъ разъяснило, такъ что мы ожидали хорошей погоды, какъ вдругъ, часа три спустя, облака сразу начали садиться на горы и наконецъ полилъ дождь, словно изъ ведра. Отъ этого ливня палатка наша быстро промокла и мы, сидя въ ней, отводили въ сторону, небольшими канавками, попадавшую къ намъ воду. Такъ прошло около часа; ливень не унимался, хотя туча была не грозовая. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвою, или удержаться на крутыхъ склонахъ горъ, такъ что вскорѣ со всѣхъ ложбинъ, боковыхъ ущелій и даже съ отвѣсныхъ скалъ, потекли ручьи, которые, соединившись на днѣ главнаго ущелья, т. е. того, въ которомъ мы стояли [1]), образовали потокъ, понесшійся внизъ съ ревомъ и страшною быстротою. Глухой шумъ еще издали возвѣстилъ намъ приближеніе этого потока, масса котораго увеличивалась съ каждою минутою. Мигомъ, глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной какъ кофе, и стремившейся по крутому скату съ невообразимою быстротою. Огромные камни и цѣлыя груды меньшихъ обломкомъ неслись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменныя глыбы. Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя тучи мелкихъ камней и громадными массами бросала ихъ, то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ — всѣ деревья были выворочены съ корнемъ, переломаны и перетерты на мелкіе кусочки....

Между тѣмъ, проливной дождь не унимался и сила бушевавшей возлѣ насъ рѣки возрастала болѣе и болѣе. Вскорѣ глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками лѣса, такъ что вода выступила изъ своего русла и понеслась по незатопленнымъ еще мѣстамъ. Не далѣе трехъ сажень отъ нашей палатки бушевалъ потокъ, съ неудержимою силою уничтожавшій все на

[1]) Наше ущелье имѣло версты три длины, но не болѣе пятидесяти сажень ширины; со всѣхъ сторонъ оно было замкнуто крутыми скатами горъ и отвѣсными скалами.

Digitized by Google

своемъ пути. Еще минута, еще лишній футъ прибылой воды — и наши коллекціи, труды всей экспедиціи, погибли бы безвозвратно... Спасти ихъ нечего было и думать при такомъ быстромъ появленіи воды; въ пору было только самимъ убраться на ближайшія скалы Бѣда была такъ неожиданна, такъ близка и такъ велика, что на меня нашелъ какой-то столбнякъ: я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и, будучи лицомъ къ лицу съ страшнымъ несчастіемъ, еще сомнѣвался въ его дѣйствительной возможности...

Но счастіе и теперь выручило насъ. Впереди нашей палатки находился небольшой обрывъ, на который волны начали бросать камни и вскорѣ нанесли ихъ такую груду, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды — и мы были спасены.

Къ вечеру дождь уменьшился, потокъ началъ быстро ослабѣвать и утромъ слѣдующаго дня только маленькій ручеекъ катился тамъ, гдѣ наканунѣ бушевала цѣлая рѣка. Ясное солнце освѣтило картину вчерашняго разрушенія, которое до того сильно измѣнило прежній видъ нашего ущелья, что мы сами не узнавали его. Вынесшіеся же изъ горъ потоки пробѣжали до сыпучихъ песковъ и исчезли въ нихъ....

Вернувшись въ Дынь-юань-инъ, мы занялись снаряженіемъ своего каравана, промѣняли плохихъ верблюдовъ, купили новыхъ и утромъ 14 іюля двинулись въ путь. Благодаря пекинскому паспорту, а еще болѣе подаркамъ, сдѣланнымъ мѣстному *тосалакчи*, который, за отсутствіемъ князя, управлялъ всѣми дѣлами, мы получили двухъ проводниковъ. Они должны были провести насъ до границы Ала-шаня и тамъ похлопотать о наймѣ двухъ новыхъ людей, о чемъ была дана бумага изъ Ала-шаньскаго ямына. Такое распоряженіе передавалось и далѣе, такъ что мы вездѣ получали проводниковъ, которые сопутствовали насъ по своимъ хошунамъ. Подобное обстоятельство было чрезвычайно важно, такъ путь нашъ лежалъ черезъ самую дикую часть Гоби, въ меридіональномъ направленіи изъ Ала-шаня на Ургу, и пройти здѣсь самимъ, безъ проводника, было бы невозможно.

Теперь опять начался для насъ длинный рядъ трудныхъ дней. Всего болѣе приходилось терпѣть отъ іюльскихъ жаровъ, доходившихъ въ полдень до +45,0° С. въ тѣни, да и ночью иногда не падавшихъ ниже +23,5° С. Утромъ, лишь только солнце показывалось изъ за горизонта, какъ уже начинало жечь невыносимо. Днемъ жара обдавала со всѣхъ сторонъ — сверху отъ солнца, снизу отъ раскаленной почвы. Если поднимался вѣтеръ, то онъ не прохлаждалъ атмосферу, но, наоборотъ, взбалтывая нижній раскаленный слой воздуха, еще болѣе усиливалъ жаръ. На небѣ въ такіе дни

Digitized by Google

не было видно ни одного облачка, да и само оно казалось какого-то грязнаго цвѣта. Почва накалялась на +63,0° С., а вѣроятно и болѣе въ голыхъ пескахъ, температура которыхъ на глубинѣ двухъ футовъ еще достигала +26,0° С.

Палатка нисколько не спасала насъ отъ жары, такъ какъ духота внутри ея, не смотря на приподнятые бока, обыкновенно стояла еще бо́льшая чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Напрасно обливали мы иногда водою не только палатку, но даже и землю внутри ея — черезъ полъ часа все было сухо по прежнему, и опять не знали мы куда дѣться отъ невыносимаго зноя.

Сухость воздуха стояла страшная[1]); росы вовсе не падало, а дождевыя тучи разрѣжались въ воздухѣ, посылая на землю лишь нѣсколько капель. Это интересное явленіе намъ случалось наблюдать нѣсколько разъ, въ особенности въ южномъ Ала-шанѣ, вблизи горъ Гань-су: дождь, падавшій изъ облака, выдвинутаго въ пустыню, не долеталъ до земли, но, встрѣчая раскаленный нижній слой воздуха, снова превращался въ паръ[2]). Грозы случались рѣдко[3]), но за то вѣтры дули почти постоянно днемъ и ночью; иногда они достигали силы бури и преобладали въ двухъ направленіяхъ — юго-восточномъ и юго-западномъ. Въ тихіе дни обыкновенно кружились вихри, которые появлялись особенно часто около полудня и послѣ него.

Чтобы избѣгнуть, по возможности, жаровъ, хотя во время пути, мы вставали еще до разсвѣта. Однако, возня съ чаемъ и вьюченьемъ верблюдовъ, отнимала такъ много времени, что мы всегда выходили не ранѣе четырехъ, а иногда даже пяти часовъ утра. Правда, мы могли очень много облегчить свои переходы, дѣлая ихъ ночью, но въ такомъ случаѣ нужно было отказаться отъ съемки, составлявшей одинъ изъ важныхъ отдѣловъ нашихъ изслѣдованій. На прилагаемой при настоящей книгѣ, маршрутно-глазомѣрной картѣ, путь нашъ отъ Дынь-юань-ина до Урги занимаетъ одну линію, немного болѣе двухъ футовъ длиною, но эта линія пріобрѣтена цѣною 44 переходовъ, сдѣланныхъ большею частію по страшной дневной жарѣ пустыни...

Путешествіе наше началось теперь не совсѣмъ благополучно. На шестой день, по выходѣ изъ Дынь-юань-ина, мы лишились сво-

---

[1]) Разность между показаніями сухаго и мокраго термометровъ иногда доходила до +22,2 С., при температурѣ въ +45,0 С°.

[2]) Такое явленіе случалось только съ небольшими тучами, которыя не могли достаточно охладить атмосферы.

[3]) Всего въ іюлѣ замѣчено было 3 грозы.

Digitized by Google

его неизмѣннаго друга Фауста, да и сами едва не погибли въ пескахъ. Вся эта невзгода случилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Утромъ 19 іюля, мы вышли отъ озера Джаратай-дабасу и направились къ хребту Ханъ-ула. По словамъ проводника, переходъ предстоялъ верстъ въ двадцать пять, но по пути должны были встрѣтиться два колодца, верстахъ въ восьми одинъ отъ другаго.

Пройдя такое разстояніе, мы дѣйствительно нашли первый колодезь, въ которомъ напоили своихъ животныхъ и двинулись далѣе, въ полной надеждѣ встрѣтить еще черезъ восемь верстъ другой колодезь и остановиться возлѣ него, такъ какъ жара дѣлалась слишкомъ велика, не смотря на то, что было еще менѣе семи часовъ утра. Увѣренность найти второй колодезь была такъ велика, что наши казаки предлагали вылить изъ боченковъ запасную воду, чтобы не возить ее даромъ, но я, по счастію, не приказалъ этого дѣлать. Пройдя верстъ десять, мы не встрѣтили колодца; тогда проводникъ объявилъ, что мы зашли въ сторону, и поѣхалъ на ближайшіе песчаные холмы, осмотрѣть съ нихъ окрестности. Не много спустя, монголъ подалъ намъ знакъ слѣдовать туда же, и когда мы пришли, онъ началъ увѣрять, что хотя мы пропустили второй колодезь, но до третьяго, гдѣ первоначально предполагалась наша ночевка, не болѣе пяти или шести верстъ.

Мы пошли въ указанномъ направленіи. Между тѣмъ, время подвигалось къ полудню и жара становилась невыносимою. Сильный вѣтеръ взбалтывалъ нижній, раскаленный слой воздуха и обдавалъ насъ имъ вмѣстѣ съ пескомъ и соленою пылью. Страшно трудно было идти нашимъ животнымъ и въ особенности собакамъ, которыя должны были бѣжать по почвѣ, раскаленной на $+63{,}0^{\circ}$ С. Видя муки нашихъ вѣрныхъ псовъ, мы нѣсколько разъ останавливались, поили ихъ и мочили имъ и себѣ головы. Наконецъ, запасъ воды истощился — осталось менѣе полу ведра, и ее нужно было беречь на самый критическій случай. Далеко ли еще до колодца? много разъ спрашивали мы у своего проводника и всегда получали отвѣтъ, что близко, за тѣмъ или другимъ песчанымъ холмикомъ. Такъ прошли мы верстъ десять, а воды нѣтъ какъ нѣтъ. Между тѣмъ, нашъ бѣдный Фаустъ, не получая уже болѣе питья, началъ ложиться и выть, давая тѣмъ знать, что онъ истомляется окончательно. Тогда я рѣшилъ послать впередъ къ колодцу своего товарища и монгола-проводника. Вмѣстѣ съ ними былъ отправленъ Фаустъ, который уже не могъ бѣжать, а потому я велѣлъ монголу взять его къ себѣ на верблюда. Проводникъ не переставалъ увѣрять, что до воды близко, но когда, отъѣхавъ версты двѣ отъ ка-

Digitized by Google

равана, онъ указалъ моему товарищу, съ вершины холма, мѣсто колодца, то оказалось, что до него еще добрыхъ пять верстъ. Судьба нашего Фауста была рѣшена; съ нимъ начали дѣлаться припадки, а между тѣмъ доѣхать скоро до колодца не было возможности и до каравана было также не близко, чтобы взять хотя стаканъ воды. Тогда мой товарищъ остановился подождать насъ, а между тѣмъ Фауста положили подъ кустъ зака, сдѣлавъ покрышку изъ сѣдельнаго войлока. Бѣдная собака теряла чувства съ каждою минутою, наконецъ завыла, зѣвнула раза два, три и издохла.

Положивъ на вьюкъ трупъ несчастнаго Фауста, мы двинулись далѣе, не будучи увѣрены, есть ли колодезь или нѣтъ въ томъ мѣстѣ, на которое указывалъ проводникъ, обманувшій насъ уже нѣсколько разъ сряду. Положеніе наше въ это время, дѣйствительно, было страшное. Воды оставалось не болѣе нѣсколькихъ стакановъ; мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить почти засохшій языкъ; все наше тѣло горѣло, какъ въ огнѣ; голова кружилась чуть не до обморока.

Я ухватился за послѣднее средство. Приказалъ одному казаку взять котелокъ и вмѣстѣ съ проводникомъ скакать къ колодцу; если же монголъ вздумалъ бы дорогою бѣжать, то я велѣлъ казаку стрѣлять по немъ.

Быстро скрылись въ пыли, наполнявшей воздухъ, посланные впередъ за водою, а мы брели по ихъ слѣду, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія своей участи. Наконецъ, черезъ полъ часа показался казакъ, скачущій обратно—но что онъ везъ намъ: вѣсть ли о спасеніи, или о гибели? Пришпоривъ своихъ лошадей, которыя уже едва волокли ноги, мы поѣхали на встрѣчу этому казаку и съ радостію, доступною человѣку, бывшему на волосъ отъ смерти, но теперь спасенному, услышали, что колодезь дѣйствительно есть и получили котелокъ свѣжей воды. Напившись и намочивъ головы, мы пошли въ указанномъ направленіи и вскорѣ достигли колодца *Боро-Сонджи*. Дѣло это было уже въ два часа по полудни, такъ что, по страшной жарѣ, мы шли девять часовъ сряду и сдѣлали 34 версты.

Развьючивъ верблюдовъ, я отправилъ казака съ монголомъ, за брошеннымъ по дорогѣ вьюкомъ, возлѣ котораго осталась другая наша монгольская собака, сопутствовавшая намъ уже почти два года. Улегшись подъ брошеннымъ вьюкомъ, она осталась жива и освѣжившись привезенною водою, возвратилась къ стоянкѣ вмѣстѣ съ посланными людьми.

Не смотря на все истомленіе, физическое и нравственное, мы

Digitized by Google

до того были огорчены смертію Фауста, что ничего не могли ѣсть и почти не спали цѣлую ночь. Утромъ слѣдующаго дня мы выкопали небольшую могилу и похоронили въ ней своего вѣрнаго друга. Отдавая ему послѣдній долгъ, мы съ товарищемъ плакали, какъ дѣти... Фаустъ былъ нашимъ другомъ, въ полномъ смыслѣ слова. Много разъ, въ тяжелыя минуты различныхъ невзгодъ, мы ласкали его, играли съ нимъ и на половину забывали свое горе. Почти три года этотъ вѣрный песъ служилъ намъ и его не сокрушили ни морозы и бури Тибета, ни дожди и снѣга Гань-су, ни трудности дальнихъ хожденій, по цѣлымъ тысячамъ верстъ. Наконецъ его убилъ палящій зной Ала-шаньской пустыни и, какъ на зло, всего за два мѣсяца до окончанія экспедиціи.

Главная дорога, по которой слѣдуютъ изъ Урги въ Ала-шань караваны сѣверныхъ богомольцевъ, отправляющихся въ Тибетъ, сворачиваетъ отъ хребта Ханъ-ула нѣсколько къ западу и затѣмъ уже направляется въ предѣлы Халхи. Однако мы не пошли этимъ путемъ именно потому, что на немъ не было достаточно колодцевъ, заброшенныхъ съ тѣхъ поръ, какъ началось возстаніе дунганъ и прекратились ежегодныя странствованія халхаскихъ пилигримовъ [1]).

Мы избрали прямое направленіе къ сѣверу [2]) и, перейдя черезъ западные отроги Хара-наринъ-ула, вступили въ землю уротовъ, которая небольшимъ клиномъ вдается между Ала-шанемъ и Халхою.

Мѣстность здѣсь сначала поднимается значительно выше нежели въ Ала-шанѣ, но вскорѣ начинаетъ опять понижаться чрезвычайно полого къ равнинѣ *Галбынъ-Гоби*, абсолютная высота которой достигаетъ лишь 3,200 футъ. Отсюда снова идетъ пологое повышеніе къ сѣверу, къ горамъ *Хурху*, которыя составляютъ довольно рѣзкую границу совершенно безплодной пустыни съ юга и болѣе степной ея части съ сѣвера. Наконецъ, отъ окрайнихъ горъ долины Хуанъ-хэ, мѣстность также идетъ покато къ западу, къ Галбынъ-Гоби, такъ что эта безплодная равнина, протянувшаяся, по словамъ монголовъ, съ востока на западъ, на двадцать дней пути, представляетъ собою впадину, столь же низкую, какъ и котловина озера Джаратай-дабасу въ Ала-шанѣ. Почва Галбынъ-Гоби, пройденной нами въ ея восточномъ углу, состоитъ изъ мелкой гальки, или соленой глины и совер-

---

[1]) Ургинскій караванъ, отправившійся лѣтомъ 1873 года за кутухтою въ Лассу, шелъ по Гоби небольшими эшелонами и разными путями. На большую дорогу высланы были впередъ люди, копать и очищать колодцы, но все таки воды здѣсь было мало.

[2]) Собственно пути здѣсь нѣтъ и иногда на сотню верстъ не встрѣчается даже тропинки.

Digitized by Google

шенно почти лишена растительности. Да и все пространство, отъ Ала-шаня до хребта Хурху, представляетъ собою сплошную пустыню, столь же дикую и безплодную, какъ Ала-шаньская, но только нѣсколько съ инымъ характеромъ. Именно, сыпучіе пески, преобладающіе въ Ала-шанѣ, здѣсь встрѣчаются уже сравнительно въ меньшемъ количествѣ, но взамѣнъ ихъ является голая глина, галька и голыя вывѣтрившіяся скалы (преобладаетъ гнейсъ) по не высокимъ холмамъ, разсыпаннымъ островками.

Растительность по прежнему состоитъ изъ уродливыхъ полугнилыхъ кустарниковъ зака, хармыка и бударганы, да изъ нѣсколькихъ травянистыхъ породъ, среди которыхъ на песчаныхъ мѣстахъ преобладаетъ сульхиръ. Но характернымъ явленіемъ описываемой мѣстности служатъ деревья ильма [1]), которыя встрѣчаются особенно часто въ землѣ уротовъ и образуютъ мѣстами небольшія рощи; кромѣ того здѣсь же изрѣдка попадаются кусты дикаго персика, не встрѣчающагося въ Ала-шаньской пустынѣ [2]).

Животная жизнь въ описываемыхъ мѣстахъ чрезвычайно бѣдна; новыхъ видовъ птицъ или млекопитающихъ мы не нашли здѣсь ни одного—все тоже самое, что и въ Ала-шанѣ. Часто идешь нѣсколько часовъ сряду, не встрѣтивъ ни одной птички, хотя бы чеккана или холо-джоро. Тѣмъ не менѣе здѣсь вездѣ живутъ монголы возлѣ колодцевъ, или ключей, изрѣдка попадающихся въ пустынѣ; изъ скота они держатъ верблюдовъ, да въ небольшомъ количествѣ барановъ и козъ.

Во время нашего путешествія по вышеописаннымъ мѣстамъ, въ первой половинѣ августа, жары стояли очень большіе, хотя все таки не достигли такой крайности какъ въ Ала-шанѣ. Вѣтры дули почти безпрерывно днемъ и ночью и часто достигали силы бури, наполнявшей воздухъ тучами соленой пыли и песка. Послѣдній иногда заноситъ колодцы, которые еще чаще уничтожаются во время дождей, выпадающихъ здѣсь, хотя рѣдко, но за то обыкновенно ливнями. Тогда, на часъ или два, вдругъ появляются цѣлыя рѣки, которыя заносятъ грязью или пескомъ колодцы, всегда выкапываемые на болѣе низкихъ мѣстахъ. Пройти здѣсь безъ проводника, отлично знающаго мѣстность, невозможно—гибель грозитъ путнику на каждомъ шагу. Словомъ, описываемая пустыня, равно какъ и Ала-шань-

[1]) Эти деревья имѣютъ обыкновенно отъ 15—20 фут. вышины и отъ 2—4 фут. въ діаметрѣ; растутъ они, главнымъ образомъ, по сухимъ русламъ дождевыхъ потоковъ, вѣроятно потому, что здѣсь находятъ болѣе влаги.

[2]) Дикаго персика нѣтъ ни въ Ала-шаньскихъ горахъ ни въ горахъ Гань-су и сѣвернаго Тибета.

Digitized by Google

ская, до того ужасны, что сравнительно съ ними пустыни сѣвернаго Тибета могутъ быть названы благодатною страною. Тамъ, по крайней мѣрѣ, часто можно встрѣтить воду, а по долинамъ рѣкъ хорошія пастбища. Здѣсь нѣтъ ни того ни другаго, нѣтъ даже ни одного оазиса; всюду безжизненность, молчаніе—долина смерти въ полномъ смыслѣ слова. Столь прославленная Сахара едва ли страшнѣе описываемыхъ пустынь, которыя тянутся на многія сотни верстъ по широты и долготѣ.

Вышеупомянутый хребетъ Хурху, составляющій, въ пройденномъ нами направленіи, сѣверную границу наиболѣе дикой и пустынной части Гоби, тянется рѣзко очерченною грядою по направленію отъ юго-востока къ западо-сѣверо-западу. Какъ далеко онъ простирается въ ту и другую сторону, мы не могли узнать положительно, но мѣстные монголы говорили намъ, что въ юго-восточномъ направленіи Хурху продолжается до окрайнихъ горъ долины Хуанъ-хэ, а къ западу онъ идетъ, съ небольшими перерывами, очень далеко, также до какихъ то высокихъ горъ. Если дать вѣру послѣднему сообщенію, то можно предположить, что описываемый хребетъ простирается къ западу до Тянь-шаня, образуя такимъ образомъ связь между этою системою и Инъ-шанемъ. Фактъ чрезвычайно интересный, но рѣшить его положительно могутъ, конечно, только будущіе изслѣдователи.

Ширина горъ Хурху въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ихъ проходили немного болѣе десяти верстъ, а высота надъ окрестными равнинами едва-ли превосходитъ тысячу футовъ. Преобладающая здѣсь горная порода порфиръ, вывѣтрившіяся скалы котораго образуютъ розсыпи, устилающія собою всѣ горные скаты. Воды, т. е. ключей чрезвычайно мало и вообще описываемыя горы, подобно тому какъ всѣ прочія горныя группы имъ сосѣднія несутъ самый унылый, безжизненный характеръ. Скаты ихъ почти совершенно оголены и только кой гдѣ торчитъ кустикъ дикаго персика, золотарника и Sarcozygium xanthoxilon, а по сухимъ русламъ дождевыхъ потоковъ въ небольшомъ количествѣ встрѣчается хармыкъ, дырисунъ и еще рѣже ильмы. Птицъ чрезвычайно мало и только изрѣдка можно встрѣтить грифа, ягнятника, пустельгу, куропатку (Perdix chukar), или чеккана (Saxicola isabellina).

Однако, не смотря на все безплодіе горъ Хурху, въ нихъ водится большой и рѣдкій звѣрь, именно *горный козелъ* (Capra sp. sibirica?), называемый монголами *уланъ-яманъ* [1]). По словамъ тѣхъ же монго-

[1]) Т. е. красный козелъ.

Digitized by Google

ловъ, уланъ-яманъ обитаетъ также въ сѣверо-западномъ углу Алашаня на горахъ *Ёграй-ула*, лежащихъ недалеко отъ города *Сого* [1]).

Въ районѣ нашего трехлѣтняго путешествія уланъ-яманъ встрѣтился только на горахъ Хурху и, понятно, съ какимъ рвеніемъ старались мы добыть его шкуру въ свою коллекцію. Однако этого сдѣлать не удалось, по той простой причинѣ, что мы не имѣли сапогъ, въ которыхъ можно бы было лазить по скаламъ, или ходить по крутымъ скатамъ, усѣяннымъ розсыпями. На такую службу вовсе негодились тѣ самодѣлки, въ которыхъ мы теперь опять щеголяли [2]); въ нихъ нельзя было ступить шагу чтобы не поскользнуться, рискуя при этомъ сломать ружье или голову. Однако мы съ товарищемъ полъ дня лазили по горамъ, иногда въ буквальномъ смыслѣ на четверенькахъ и, измучившись, убѣдились, что съ подобною обувью невозможно убить осторожнаго звѣря.

По южную сторону горъ Хурху пролегаетъ торговая дорога, которая ведетъ изъ Пекина, черезъ Куку-хото и Бауту, на западъ въ города Хами, Урумцы и далѣе, въ бывшую Илійскую провинцію. Какъ разъ возлѣ ключа *Борцзонъ*, гдѣ мы ночевали, отъ главнаго пути отдѣляется вѣтвь на городъ Су-чжеу. По словамъ монголовъ, до дунганскаго возстанія, торговое движеніе по этимъ дорогамъ было очень велико и вездѣ были выкопаны колодцы, но теперь здѣсь никто не ѣздитъ.

Хребетъ Хурху кладетъ сѣверную границу распространенія зака [3]), вмѣстѣ съ которымъ исчезаютъ: Ала-шаньская песчанка (Meriones sp.) и Ала-шаньскій воробей (Passer sp.); кромѣ того, въ Хурху мы въ послѣдній разъ видѣли Perdix chukar.

Къ сѣверу отъ вышеописанныхъ горъ характеръ пустыни измѣняется довольно значительно. Голые сыпучіе пески, столь обильные еще въ землѣ уротовъ, теперь оканчиваются [4]), и замѣняются глинистою почвою, на которой насыпана то мелкая, то болѣе крупная галька [5]). Однако топографическій рельефъ страны остается тотъ

---

[1]) Этотъ городъ лежитъ въ десяти дняхъ пути (около 250 верстъ) къ сѣверо-западу отъ Дынь-юанъ-ина; дунганами онъ занятъ не былъ.

[2]) Китайскіе сапоги съ войлочными подошвами совершенно негодны для европейца. Мы пробовали ихъ надѣвать, но послѣ часу ходьбы уже сильно натирали себѣ ноги.

[3]) Впрочемъ, монголы говорили намъ, что зак растетъ еще сѣвернѣе горъ Хурху, въ голыхъ пескахъ, вблизи торговой дороги изъ Куку-хото въ Улясутай.

[4]) Слѣдуетъ оговорить, что сыпучіе пески, спорадически, встрѣчаются во всей Гоби, но здѣсь они не имѣютъ такого постояннаго преобладанія, какъ въ Алашанѣ и сопредѣльной ему части земли уротовъ.

[5]) Постоянные вѣтры выдуваютъ верхній слой глины между галькою, такъ что она лежитъ, словно недавно настланное шоссе.

Digitized by Google

же и мѣстность, по прежнему, представляетъ гладкія, или слегка волнистыя равнины, по которымъ разбросаны невысокіе холмы, то вытянувшіеся небольшими хребтами, то стоящіе одинокими группами. Холмы эти состоятъ изъ глинистаго сланца, гнейса, а мѣстами изъ породъ новѣйшаго вулканическаго образованія и почти вовсе лишены растительности; послѣдняя также бѣдна и по равнинамъ. На соленыхъ площадяхъ здѣсь по прежнему встрѣчаются хармыкъ и бударгана, а тамъ, гдѣ почва дѣлается нѣсколько лучше преобладаетъ *нижая полынь* (Artemisia sp.), и *лукъ* (Allium polyrhizum), составляющій самое характерное растеніе описываемой полосы; затѣмъ дырисунъ и нѣсколько другихъ породъ травъ дополняютъ собою флору пустыни. Впрочемъ, здѣсь, какъ и во всей почти Гоби, растительность находится въ прямой зависимости отъ дождя. Лишь только прольетъ этотъ послѣдній, какъ подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, дремавшіе доселѣ ростки травы начинаютъ развиваться необыкновенно быстро и, черезъ короткое время, въ дикой доселѣ пустынѣ являются зеленѣющіе оазисы. Тогда приходятъ сюда антилопы-дзерены, монгольскій жаворонокъ запоетъ свою громкую пѣсню, прикочуютъ монголы съ стадами и счастливый уголокъ закипитъ жизнію, среди всеобщей мертвечины. Но не надолго развернется здѣсь такая жизнь! Жгучее солнце испаритъ, мало по малу, влагу, напитавшую почву, пожелтѣетъ трава, выбитая громадными стадами домашнихъ животныхъ, укочуютъ монголы, уйдутъ дзерены, улетятъ жаворонки и пустыня, по прежнему, останется безмолвна какъ могила.....

Абсолютная высота Гоби по нашему пути, отъ хребта Хурху до самой Урги, нигдѣ не превосходила 5,500 футъ, равно какъ и и не опускалась ниже 4,000 футъ. Углубленій подобныхъ тому, какъ на озерѣ Джаратай-дабасу и въ Галбынъ-гоби, или по кяхтинско-калганской дорогѣ, здѣсь нигдѣ нѣтъ и вся мѣстность представляетъ собою высокое плато, уровень котораго колеблется между двумя вышеупомянутыми предѣлами.

Описываемая средина Гоби, подобно другимъ частямъ этой пустыни, совершенно лишена орошенія; здѣсь нѣтъ, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно мало, даже ключей, которые иногда попадались до горъ Хурху. Колодцы, а послѣ сильнаго дождя временныя озеры, образовавшіяся на глинистыхъ площадяхъ, доставляютъ лѣтомъ воду мѣстнымъ кочевникамъ; зимою же они довольствуются снѣгомъ, а потому, обыкновенно, перекочевываютъ на пастбища, не тронутыя во время лѣта по причинѣ безводія.

Населеніе въ срединѣ Гоби попадается довольно часто и живетъ

Digitized by Google

зажиточно, какъ вообще во всей Халхѣ. Огромныя стада барановъ бродятъ по степи возлѣ стойбищъ; верблюды, лошади и рогатый скотъ также пасутся здѣсь въ изобиліи. Всѣ эти животныя, къ концу лѣта, дѣлаются необыкновенно жирны, чему невольно удивляешься, видя плохія пастбища пустыни. Мнѣ кажется, что приволью домашняго скота, въ описываемыхъ мѣстахъ, много способствуетъ свобода степи, а во вторыхъ, отсутствіе насѣкомыхъ, которыя такъ мучатъ животныхъ въ болѣе плодородныхъ мѣстахъ[1]).

Со вступленіемъ въ предѣлы Халхи, мы вошли во владѣнія Тушету-хана и усиленными переходами слѣдовали къ Ургѣ, которая была теперь нашею обѣтованною землею. Дѣйствительно, почти три года странствованій, среди всевозможныхъ невзгодъ и лишеній, являвшихся непрерывною чредою, такъ истомили насъ физически и нравственно, что мы не могли не желать скораго окончанія своего труднаго путешествія. При томъ же мы шли теперь самою дикою частію Гоби, гдѣ безводіе, жары, бури — все соединилось противъ насъ и методически, день въ день, подрывало послѣднія наши силы. Достаточно описать, какую мы часто пили воду, поднявшись къ сѣверу отъ горъ Хурху. Незадолго до нашего прохода, здѣсь выпалъ ливень, уничтожившій почти всѣ колодцы и образовавшій временныя озера, къ которымъ, какъ обыкновенно, прикочевали монголы. Иногда такое озерко имѣло не болѣе сотни шаговъ въ діаметрѣ и глубину два, три фута, а между тѣмъ возлѣ него стояло съ десятокъ монгольскихъ юртъ. Ежедневно сюда пригонялись на водопой огромныя стада, которыя входили въ воду, мутили ее до невозможности и тутъ же отправляли свои естественныя надобности; подобная вода сверхъ того насыщалась солью изъ почвы, а днемъ нагрѣвалась солнцемъ на двадцать пять градусовъ тепла. Для свѣжаго человѣка одинъ видъ такой жидкости возбудилъ бы отвращеніе, но мы, подобно монголамъ, принуждены были пить ее, предварительно вскипятивъ на огнѣ и заваривъ кирпичнымъ чаемъ.

Миражъ, какъ злой духъ пустыни, почти каждодневно являлся передъ нами и до того обманчиво представлялъ волнующуюся воду, что въ ней, совершенно ясно, отражались даже скалы сосѣднихъ холмовъ. Ко всему этому присоединялись сильные жары и частыя бури, которые не давали возможности спокойно отдохнуть даже ночью, послѣ трудныхъ дневныхъ переходовъ.

---

[1]) Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія, можно указать на то обстоятельство, что въ Цайдамѣ на хорошихъ пастбищахъ, но обильныхъ комарами и оводами, лѣтомъ скотъ сильно худѣетъ и отъѣдается только зимою, когда нѣтъ докучливыхъ насѣкомыхъ.

Digitized by Google

Но не для однихъ насъ являлась такимъ врагомъ Монгольская пустыня! Пролетныя птицы, которыя начали показываться въ первой половинѣ августа, также бѣдствовали отъ безводія и безкормицы. Стада гусей и утокъ присѣдали на самыхъ ничтожныхъ лужахъ, а мелкія пташки иногда залетали въ нашу палатку и, обезсиленныя голодомъ, давали ловить себя руками. Нѣсколько разъ мы находили пернатыхъ странниковъ мертвыми и, по всему вѣроятію, перелетъ черезъ пустыню уноситъ много жертвъ.

Сильный пролетъ происходилъ во второй половинѣ августа [1]) и къ 1 сентября замѣчено было 24 пролетныхъ вида. При этомъ, сколько можно было бы видѣть по стадамъ гусей, они направлялись не прямо къ югу, но летѣли на юго-востокъ, какъ разъ на сѣверный изгибъ Желтой рѣки.

Въ разстояніи 130 верстъ къ сѣверу отъ хребта Хурху мы встрѣтили еще торговую дорогу, которая ведетъ изъ Куку-хото въ Улясутай [2]). По этой дорогѣ, черезъ извѣстное разстояніе, выкопаны колодцы и сообщеніе возможно на колесахъ, хотя караваны обыкновенно ходятъ на верблюдахъ. Со времени усиленія китайскихъ войскъ въ Улясутаѣ, послѣ разоренія этого города дунганами въ 1870 году, движеніе на описываемой дорогѣ сдѣлалось весьма значительно, такъ какъ этимъ путемъ возятъ продовольствіе и все необходимое для китайскихъ солдатъ. Кромѣ того, здѣсь же ѣздятъ китайскіе купцы съ просомъ и различными мелкими товарами, которые они мѣняютъ монголамъ на шерсть, кожи и скотъ [3]).

Другая дорога изъ Куку-хото въ Улясутай проходитъ въ 150 верстахъ сѣвернѣе торговаго пути. На этой дорогѣ содержатся почтовыя станціи и она предназначается для проѣзда чиновниковъ и провоза почты. Улясутайская почтовая дорога выходитъ изъ Куку-хото сначала на калганско-ургинскій почтовый трактъ, идетъ по немъ до станціи Саиръ-усу [4]) и здѣсь уже сворачиваетъ къ Улясутаю.

Отъ почтовой Уля-сутайской дороги [5]) Гоби вновь измѣняетъ свой характеръ и на этотъ разъ къ лучшему, такъ какъ дикая пустыня превращается въ степь, которая, чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ все болѣе и болѣе становится плодородною. Галька,

---

[1]) И въ первой половинѣ сентября, но тогда мы уже были въ Ургѣ, слѣдовательно, за предѣлами пустыни.

[2]) По всему вѣроятію, эта та самая дорога, на которой въ 1871 году у насъ украли верблюдовъ, вблизи кумирни Шыреты-дзу.

[3]) Лѣтомъ по всей почти Монголіи (по крайней мѣрѣ восточной и средней) ѣздятъ китайскіе торгаши съ мелочнымъ товаромъ и ведутъ мѣновую торговлю.

[4]) Саиръ-усу находится въ разстояніи 330 верстъ къ юго-востоку отъ Урги.

[5]) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее перешли.

Digitized by Google

устилавшая до сихъ поръ оголенную почву, уступаетъ мѣсто сначала гравію, а потомъ песку, который въ небольшомъ количествѣ примѣшивается къ глинѣ. Въ тоже время и мѣстность перестаетъ нести равнинный характеръ, но дѣлается крайне волнистою. Невысокіе холмы [1]) съ чрезвычайно пологими скатами, перекрещивающимися во всевозможныхъ направленіяхъ, составляютъ характерную черту страны, которая уже называется монголами «*Хангай*», т. е. гористая. Съ такимъ неопредѣленнымъ характеромъ мѣстность тянется верстъ на 160 къ сѣверу отъ почтовой Улясутайской дороги, а затѣмъ, на границѣ безводной пустыни и бассейна Байкала, являются гряды скалистыхъ, хотя все еще не высокихъ горъ, сгруппировавшихся наконецъ въ хребетъ *Гангынъ-дабанъ*, за которымъ лежатъ богато-орошенныя части сѣверной Монголіи.

Тощія пастбища средней Гоби въ описываемой полосѣ замѣняются прекрасными лугами, которыя, по мѣрѣ приближенія къ Ургѣ, дѣлаются все лучше и лучше. Хармыкъ, бударгана и лукъ, исключительно преобладавшіе въ средней части Гоби, теперь исчезаютъ, а въ замѣнъ ихъ являются различные злаки, виды бобовыхъ, сложноцвѣтныхъ, гвоздичныхъ и др. Сразу показывается въ обиліи и животная жизнь. Дзерены бродятъ по роскошнымъ лугамъ [2]), пищухи (Logomys Ogotono) вездѣ снуютъ по норамъ, тарабаганы (Actomys Bobac) грѣются на солнцѣ, а изъ подъ облаковъ льется знакомая пѣснь полеваго жаворонка, котораго мы не встрѣчали отъ самой Гань-су.

Однако воды здѣсь по прежнему мало; озеръ или рѣчекъ нѣтъ вовсе и только изрѣдка попадаются ключи, или колодцы. Послѣдніе очень не глубоки, какъ и во всей Гоби. На пространствѣ отъ Ала-шаня до Урги мы нигдѣ не встрѣтили колодца глубже восьми футъ; обыкновенно же вода показывается еще на меньшей глубинѣ, если мѣсто для рытья выбрано удачно [3]).

Обращаясь затѣмъ къ климату послѣдняго мѣсяца, проведеннаго нами въ Монголіи, слѣдуетъ сказать, что подобно іюлю, августъ ознаменовался сильными и постоянными жарами, доходившими до + 36,6° С. въ тѣни.

Ночи стояли также постоянно теплыя, иногда даже жаркія [4]); сухость воздуха была чрезвычайно велика и росы вовсе не падало.

[1]) Холмы въ этой части Гоби почти вовсе не имѣютъ скалъ.

[2]) Въ средней части Гоби дзереновъ мы не видали; они являются здѣсь періодически, когда бываютъ хорошія пастбища.

[3]) Въ Ала-шанѣ колодцы также весьма не глубоки.

[4]) Только дважды, именно 9 и 12 августа, температура на восходѣ солнца упала до + 6,0° и + 5,4° С.

Digitized by Google

Порядочнаго дождя не было ни одного; хотя иногда являлись большія тучи, но дождь изъ нихъ только крапалъ. Впрочемъ, незадолго до нашего прихода въ средину Гоби, именно въ іюлѣ, здѣсь пролилъ однажды страшный ливень съ крупнымъ градомъ; погибло много мелкаго скота и даже нѣсколько монголовъ.

Погода въ августѣ большею частію стояла ясная, но вѣтры, иногда достигавшіе силы бури, дули почти постоянно днемъ и ночью, измѣняясь по нѣсколько разъ въ сутки въ своемъ направленіи; однако, въ общемъ, преобладали вѣтры западные, съ отклоненіями къ сѣверу и югу.

Конецъ описываемаго мѣсяца отличился крутымъ переходомъ отъ жаровъ къ холоду. Такъ 27 числа, въ полдень, въ тѣни было еще +26,3° С.; между тѣмъ на другой день, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, шла снѣжная крупа и термометръ, на восходѣ солнца, опустился до точки замерзанія.

Съ приближеніемъ къ Ургѣ, наше нетерпѣливое ожиданіе поскорѣе попасть туда росло все болѣе и болѣе; теперь уже не мѣсяцами, даже не недѣлями, но только днями считали мы близость желанной минуты. Наконецъ, перейдя черезъ невысокій хребетъ Гангынъ-дабанъ, мы достигли береговъ *Толы*, первой рѣки встрѣченной нами въ Монголіи. Отъ самой Гань-су до сихъ мѣстъ, на протяженіи 1,300 верстъ, мы не видали ни одного ручья, ни одного озерка, исключая соленыхъ дождевыхъ лужъ. Съ водою явились и лѣса, которые густо осѣняли собою крутые склоны горы Ханъ-ула. Подъ такимъ радостнымъ впечатлѣніемъ, мы сдѣлали свой послѣдній переходъ и 5 сентября явились въ Ургу, гдѣ встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны нашего консула.

Не берусь описать впечатлѣнія той минуты, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку. Съ жадностію распрашивали мы о томъ, что дѣлается въ образованномъ мірѣ, читали полученныя письма и, какъ дѣти, не знали границъ своей радости. Лишь черезъ нѣсколько дней мы начали приходить въ себя и свыкаться съ цивилизованною жизнію, отъ которой совершенно отвыкли во время долгихъ странствованій. Контрастъ между тѣмъ, что было еще такъ недавно, и тѣмъ, что теперь насъ окружало, являлся на столько рѣзко, что все прошлое казалось какимъ то страшнымъ сномъ.

Отдохнувъ цѣлую недѣлю въ Ургѣ, мы поѣхали отсюда въ Кяхту, куда и прибыли 19-го сентября 1873 г.

Путешествіе наше окончилось! Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ гра-

Digitized by Google

нищу Монголіи. Тогда впереди насъ лежало не предъугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробѣгая все пережитое прошлое, всѣ невзгоды труднаго странствованія, мы невольно удивлялись тому счастію, которое вездѣ сопутствовало намъ. Будучи нищими, относительно матеріальныхъ средствъ, мы только рядомъ постоянныхъ удачъ обезпечивали успѣхъ своего дѣла. Много разъ оно висѣло на волоскѣ, но счастливая судьба выручала насъ и дала возможность совершить *посильное* изслѣдованіе, наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
12	26 сверху	*дырису*	*дырисунъ*
13	10 »	guttorosa	gutturosa
16	22 »	*пупочки*	*пупочки*
31	3 снизу въ примѣч. и въ друг. примѣч.	Іоакинеа	Іакинеа
58	1 снизу	привести	перенести
70	7 »	rutilla	rutila
76	9 въ примѣч.	*aquta*	*acuta*
—	8 въ примѣч.	*rutilla*	*rutila*
115	22 снизу	*supercilhosus*	*superciliosa*
—	17 »	Caprymulgus	Caprimulgus
131	11 сверху	*Wincetoxicum*	*Vincetoxicum*
135	21 »	aquta	acuta
158	15 »	*Inula amophila*	*Inula ammophila*
180	2 сверху въ оглавл.	*дунганей*	*дунганъ*
198	2 снизу въ примѣч.	aquta	acuta
201	6 снизу	*Turnefortia*	*Tournefortia*
239	12 сверху	obvollata	obvallata
241	6 »	Mustula	Mustela
242	14 »	Caprymulgus	Caprimulgus
—	22 »	kaschemiriensis	caschemiriensis
311	1 »	Actomys	Arctomys

Digitized by Google

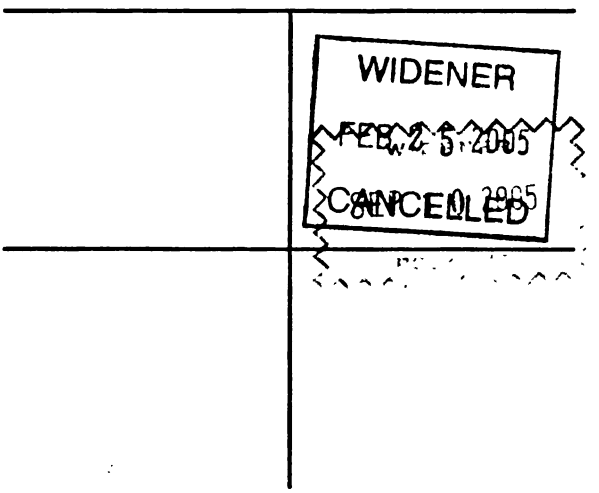
Digitized by Google

Digitized by Google

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413



Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.

Acme Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston 10, Mass.

Digitized by Google

3 2044 023

Digitized by Google

Digitized by Google